

Дин Кунц Сумеречный Взгляд

Аннотация

Рожденное однажды, зло не исчезает само по себе. Веками оно способно терпеливо копить силы, чтобы в удобный момент вырваться на свободу и начать свою кровавую жатву. И кажется, ничто в мире не способно противостоять ему. Но, к счастью, это не так. Ведь не зря семнадцатилетний юноша Слим Маккензи наделен необычным даром — Сумеречным Взглядом — особым зрением, позволяющим ему разглядеть под человеческим обликом воплощение сил зла. Станет ли Слим мессией, который спасет человечество от нависшей угрозы?

Дин Кунц Сумеречный взгляд

Мне пришло в голову, что некоторые из подмастерьев природы сделали человека, и сделали его плохо, потому что они с таким отвержением имитировали человечность.

Шекспир

Надежда — это колонна, на которой держится мир. Надежда — сон человека, который вот-вот проснется.

Плиний Старший

Я — на стороне того нераскаявшегося грешника, который провозглашает ценность жизни самой по себе.

Оливер Венделл Холмс-младший

Эта книга посвящается Тиму и Серине Пауэрсам и Джиму и Вики Блейлокам, потому что мы вместе работаем на виноградниках и потому что будет правильно, что такая странная история будет посвящена странным людям.

Часть первая

Сумеречный взгляд

...тихая скорбная музыка человечности.

Уильям Вордсворт

1

Ярмарка

Это был год, когда они убили в Далласе нашего президента. Это был конец невинности. Исчез определенный жизненный уклад и образ мысли, и многие, впав в уныние, говорили, что умерла и надежда. Но хотя осенью облетающие листья обнажают ветви, как кости скелета, весна вновь наряжает деревья; умирает любимая бабушка, но, возмещая эту утрату, в мир входит ее внук, любознательный и полный сил; когда заканчивается один день, начинается другой, потому что в этой бесконечной вселенной ничто не имеет конца, в том числе и надежда. Из пепла прошедшей эпохи рождается новая эпоха, ее рождение и есть надежда. Следующий после убийства президента год принесет нам «Битлз», новые течения в современном искусстве, что заставит нас по-иному взглянуть на окружающий мир, и освежающее недоверие к правительству. А то, что он принесет также ростки войны, должно стать нам уроком, показав, что страх, боль и безысходность, как и надежда, — наши постоянные спутники в этой жизни, а такой урок всегда на пользу.

Я появился на ярмарке, когда шел шестой месяц моего семнадцатого года, в четверг, в самый темный час августовской ночи, больше чем за три месяца до той смерти в Далласе. То, что случилось в течение следующей недели, изменило мою жизнь так же резко, как убийство президента изменило будущее целой нации, хотя, когда я прибыл, перегороженный темный проезд ярмарки казался не лучшим залом ожидания судьбы.

В четыре утра ярмарочная площадь округа была закрыта уже в течение четырех часов. Балаганщики отключили чертово колесо, «бомбардировщик», карусель «с сюрпризом» и остальные карусели, закрыли все аттракционы и игровые площадки, потушили огни, вырубил музыку — «свернули» волшебство. Убрав все, они отправились в свои трейлеры, припаркованные на лугу, недалеко от дороги. И теперь татуированный человек, лилипуты и карлики, зазывалы, женщины из шоу, торговцы, распорядители аттракционов, мужчина, кормившийся изготовлением сахарной ваты, женщина, что вымачивает яблоки в карамели, бородатая женщина, мужчина с тремя глазами и все прочие спали, боролись с бессонницей, занимались любовью как заурядные обыватели, которыми они и были в этом мире.

Ущербная луна скользила к краю небосвода, но была еще достаточно высоко, чтобы озарять все бледным, по-зимнему холодным светом, казавшимся таким неуместным в теплоте и кладбищенской сырости августовской ночи в Пенсильвании. Бредя через автостоянку и осматриваясь вокруг, я заметил, как странно белеют мои руки в этом морозном свечении — точно руки мертвеца или призрака. В этот момент я в первый раз ощутил скрытое присутствие Смерти среди каруселей и аттракционов и подумал, что на ярмарке будут убийство и кровь.

Над моей головой, в сыром воздухе слабо трепетали ряды пластиковых вымпелов. На солнце или в ослепительном свете десяти тысяч ярмарочных лампочек это были яркие треугольники, но сейчас они казались бесцветными силуэтами спящих летучих мышей, висящих над площадкой, посыпанной опилками. Я прошел мимо неподвижной карусели — кавалькада лошадей застыла в полугалопе. Черные жеребцы, белые кобылы, пегие мустанги устремились вперед, но не двигались с мест, точно река времени обтекала их. Блики лунного света лежали на медных шестах, к которым были прикреплены лошади, и казались брызгами металлической краски, но при этом жутковатом свете сами шесты отливали холодным серебром.

Когда я приехал, ворота были закрыты, и мне пришлось перелезть через высокую

ограду, окружавшую ярмарочную площадь. Теперь мне было как-то неловко, я чувствовал себя вором, забравшимся в поисках поживы. Странно, потому что вором я никогда не был и не затевал ничего плохого против кого бы то ни было на этой ярмарке.

Правда, я был убийцей, которого разыскивала полиция Орегона, но не чувствовал на себе греха за кровь, пролитую на другом конце континента. Я убил моего дядю Дентона — зарубил топором, потому что не смог бы разделаться с ним голыми руками. Ни угрызения совести, ни чувство вины не терзали меня, потому что дядя Дентон был одним из них.

Однако полиция охотилась за мной, и я не был уверен, что бегство за три тысячи километров давало гарантию безопасности. Я больше не называл себя своим настоящим именем — Карл Станфеусс. Сначала я стал Дэном Джонсом, потом Джо Дэнном, потом Гарри Мерфи. Теперь я был Слим Маккензи и рассчитывал пробыть им еще некоторое время — имя мне нравилось: Слим Маккензи. Так мог бы зваться лучший друг Джона Уэйна в каком-нибудь вестерне. Я отпустил волосы, но сохранил их природный цвет — я был шатен. Больше я ничего не мог сделать для изменения внешности; оставалось надеяться, что я пробуду на свободе достаточно долго, чтобы время сделало из меня другого человека.

Чего я ждал от ярмарки? Убежища, анонимности, сытной еды три раза в день, места для сна, карманных денег — все это я был намерен заработать. Хотя я и был убийцей, я был самым безобидным головорезом, когда-либо приезжавшим с Запада.

И все же в ту первую ночь я чувствовал себя вором и все ждал, что кто-то поднимет тревогу и кинется ко мне через путаницу каруселей, лотков для гамбургеров и палаток с сахарной ватой. Охрана, видимо, объезжала ярмарку, но, подойдя к воротам, я никого не увидел. Прислушиваясь к шуму их машины, я продолжал свой путь по центральной аллее ярмарки братьев Сомбра — второй по величине развездной ярмарки в стране.

Наконец я остановился возле гигантского чертова колеса. Темнота жутким образом преобразила его — в этот мертвый час, при свете луны, колесо казалось не увеселительной машиной, а скелетом гигантского доисторического чудовища. Балки, бруссы, перекрытия из дерева и металла были точно кости с наростами кальция и других минералов, жалкие останки разложившегося левиафана, размываемые волнами древнего моря на пустынном пляже.

Стоя в причудливой лунной тени, отбрасываемой этим воображаемым ископаемым, и глядя на неподвижно висящие двухместные кабинки, я вдруг почувствовал, что это колесо сыграет самую важную роль в моей жизни. Я не знал как, когда, но твердо знал, что здесь произойдет что-то важное и ужасное. Я знал.

Верные предчувствия — часть моего дара. Не самая важная часть. Не самая полезная, паразитическая или ужасная. У меня есть и другие таланты, которыми я пользуюсь, но сути которых не понимаю. Эти способности и определили мою жизнь, но я не могу контролировать их или применять, когда захочу. У меня Сумеречный Взгляд.

Глядя на чертовое колесо, я не мог разглядеть всех деталей грядущего страшного события, но меня окатила волна дурных предчувствий — предчувствий страха, боли и смерти. Я пошатнулся, чуть не упав на колени. Дыхание перехватило, сердце отчаянно забилось, мошонка напряглась — на какой-то миг мне показалось, что в меня ударила молния.

Наконец шквал улегся, последние потоки психической энергии прошли через меня, и не осталось ничего, кроме слабых, едва уловимых колебаний, исходящих от колеса. Лишь немногие, вроде меня, смогли бы различить это зловещее излучение гибельной энергии, скрытой внутри него. Так сумрачное небо разливает в воздухе тревожное предчувствие грозы задолго до первого разряда молнии и удара грома.

Вскоре дыхание восстановилось, сердце успокоилось. Из-за жаркой, душной августовской ночи у меня появилась липкая испарина еще до того, как я ступил в аллею, но сейчас я весь обливался потом. Сняв футболку, я вытер ею лицо.

Отчасти в надежде, что удастся как-то прояснить туманные предчувствия опасности и разглядеть грядущее зло, отчасти потому, что твердо решил не дать ауре зла, окружавшей

машину, запугать себя, я сбросил рюкзак, раскатал спальный мешок и собрался провести остаток ночи прямо здесь, под призрачным одеялом из лоскутов пурпурно-черных тканей и пепельно-серого лунного света, возле смутных очертаний чертова колеса. Воздух был таким тяжелым и горячим, что я просто подложил мешок как матрац. Лежа на спине, я всматривался то в высоченную карусель, то в звезды над ней. Как я ни пытался, я не мог увидеть будущего. Небо было настолько усыпано звездами, что это заставило меня задуматься о необъятности космоса, и от этой мысли я ощутил себя еще более одиноким, чем раньше.

Не прошло и четверти часа, как я начал засыпать, и, когда мои глаза уже были готовы сомкнуться, я услышал какие-то звуки на пустынной аллее, невдалеке от меня. Это было четкое потрескивание, точно кто-то наступал на смятые конфетные обертки. Я поднялся и прислушался. Потрескивание прекратилось, но тут же послышались тяжелые шаги по утрамбованной земле.

Через секунду из-за тента, под которым был один из аттракционов, появилась неясная широкоплечая фигура, торопливо пересекла площадь, нырнула в темноту у дальнего края чертова колеса, всего лишь футах в двадцати от меня, вновь появилась в лунном свете возле «гусеницы». Это был мужчина — крупный, если, конечно, развевающийся плащ тени не исказил его формы, обманчиво увеличив их. Он спешил и не заметил меня. Так как я видел его всего несколько секунд, я даже не успел рассмотреть его лица, но и этих мгновений было достаточно, чтобы я оказался стоящим на коленях, трясущимся от холода в августовскую жару, и волна страха прокатилась по моему позвоночнику.

Это был один из них.

Я вытащил из башмака спрятанный там нож и вынул лезвие. Блики лунного света заиграли на стали.

Я заколебался. Я велел себе собираться и сматываться отсюда, поискать убежище в другом месте.

Но я так устал убегать, и мне необходимо было место, которое я мог бы назвать домом. Я устал — слишком много дорог, слишком много городов, слишком много чужаков, слишком большие перемены. За последние несколько месяцев я сменил с полдюжины бродячих труп и шапито — самое дно ярмарочного мира, и я слышал, как здорово, когда тебе удастся устроиться в компанию типа «И. Джеймс Стрейтс», «Братья Вивона», «Ройал Америкэн» или «Шоу братьев Сомбра». И теперь, после того как я прошел по этой темной аллее, подавленный и психически и физически, я уже не хотел никуда убегать. Несмотря на дурную ауру, окружающую чертовое колесо, невзирая на предчувствия, что в последующие дни совершится убийство и прольется кровь, ярмарка Сомбра вызывала во мне и другие, хорошие ощущения. Я чувствовал, что могу найти здесь свое счастье. Острое желание остаться, охватившее меня, преобладало над всем, что я когда-либо испытывал.

Мне нужен был дом и друзья.

Мне было только семнадцать.

Но если я остаюсь, он должен умереть. Вряд ли бы я смог жить на ярмарке, зная, что один из них находится здесь же.

Я прижал нож к себе.

Я последовал за ним — мимо «гусеницы», обходя сзади карусель, переступая через толстые силовые кабели, избегая пятен света, которые могли выдать меня ему, как выдали его мне. Мы двигались в темный, спокойный центр ярмарки.

2

Гоблин

Он пришел не с добром, но таково все их племя. Он торопливо пробирался по архипелагу ночи, не задерживаясь на островках лунного света, предпочитая глубины темноты; останавливаясь, только чтобы осмотреться, но то и дело оглядываясь назад, он ни

разу не заметил и не почувствовал меня.

Я бесшумно следовал за ним — не по одному из параллельных проходов, а через карусели, задами мимо игровых стендов и будок для прохладительных напитков, мимо «кнута» между «тип-топом» и «ураганом», наблюдая за ним из-за укрытий — бензиновых генераторов, бездействующих в этот час, грузовиков и прочего добра, разбросанного тут и там. Его целью оказался открытый павильон электромобилей. Там он в последний раз огляделся вокруг, поднялся по ступенькам, повозился у входа и, шагнув внутрь павильона, стал пробираться между автомобильчиками, в беспорядке покинутыми последними пассажирами, к дальнему концу деревянного помоста.

Я мог бы укрыться в тени и понаблюдать за ним, пока не пойму, что ему надо. Это было бы самое умное, потому что в те дни я знал о противнике куда меньше, чем сейчас, и при моих скудных знаниях даже самый малый пустяк мог быть мне полезен. Но мою ненависть к гоблинам — другого названия для них я не знал — превозмогал только страх, и я боялся, что чем дольше буду оттягивать схватку, тем меньше у меня останется мужества. Совершенно бесшумно — это не был особый дар, просто сказывались мои семнадцать лет, гибкость и превосходная физическая форма — я достиг павильона и последовал внутрь вслед за гоблином.

Двухместные машинки были совсем маленькими, чуть выше моих коленей. От задней части каждой из них поднимался шест, соединявшийся с сетью электрокабелей под потолком, откуда машины получали энергию, достаточную, чтобы водитель мог бешено врезаться в машины таких же бешеных водителей. Когда аллею заполняли простаки¹, этот павильон был одним из самых шумных мест на ярмарке, вопли и боевые кличи сотрясали воздух. Но сейчас здесь царила та же сверхъестественная тишина, что и на карусели с окаменевшими лошадьми. Низенькие машины не могли служить укрытием, а под деревянным помостом была пустота, и каждый шаг гулко раздавался в спокойном ночном воздухе, так что подобраться незамеченным было отнюдь нелегко.

Мой враг невольно помог мне — он был слишком поглощен задачей, которая привела его на ярмарку в эту лунную ночь. Вся его осторожность была истрачена на дорогу. Он стоял на коленях позади одной из машин, склонив голову над лучом света от фонарика.

Когда я подкрался поближе, янтарный отсвет помог разглядеть его: это был действительно крупный экземпляр, широкоплечий и с крепкой шеей. На спине, под туго натянутой желтой в коричневую клетку рубашкой, отчетливо выделялись мышцы.

Кроме фонаря, он принес с собой сверток с инструментами, который развернул и положил на пол рядом с собой. Инструменты, покоящиеся в кармашках, тускло поблескивали, когда случайный лучик отражался от их полированных поверхностей. Он работал быстро и почти без шума, но тихий скрежет металла, трущегося о металл, успешно заглушал мои быстрые шаги.

Я рассчитывал подобраться к нему футов на шесть, наброситься и вонзить нож в шею, чтобы лезвие дошло до яремной вены прежде, чем он сообразит, что он не один. Он был полностью сосредоточен на работе, а я крался, как кошка — но, несмотря на это, когда я был еще футах в двенадцати-пятнадцати от него, он вдруг понял, что за ним наблюдают. Оторвавшись от своего загадочного занятия, он полуобернулся и уставился на меня снизу вверх, по-совиному широко открыв изумленные глаза.

Его фонарик лежал на толстом резиновом бампере, и свет, неравномерно освещавший лицо снизу, искажал его черты. Под высокими скулами пролегли странные тени, светлые глаза казались запавшими. Без гротесковой подсветки его лицо выглядело бы жестоким — костистый лоб, брови, сросшиеся над крупным носом, выдающаяся вперед челюсть и узкая щель рта, казавшаяся еще более узкой на этом лице с крупными чертами.

Я стоял так, что он не видел ножа и не понимал грозящей ему опасности. С наглостью, порожденной самодовольным чувством превосходства, отличавшим всех встреченных мною

---

¹ Автор использует американский сленг. Mark (амер. сленг) — легкая добыча, жертва, доверчивый человек, простак. (Примеч. ред.)

гоблинов, он попытался запугать меня.

— Э, в чем дело? — резко спросил он. — Ты что здесь делаешь? Ты работаешь тут? Что-то я тебя раньше не встречал? Ты зачем пришел?

Мое сердце громко стучало, я ослабел от страха. Глядя на него сверху вниз, я видел то, что было скрыто от прочих. Я видел гоблина — там внутри, подо всей маскировкой.

Вот этого-то и не объяснишь — эту способность разглядеть чудовище. Не то чтобы я мог мысленным взором сорвать человеческую оболочку и открыть спрятанный под ней ужас или развеять иллюзию внешнего человеческого облика и увидеть без помех злобного колдуна, решившего, что обманул меня. Нет, я могу видеть обоих сразу, и человека, и монстра, человека поверх монстра. Я лучше объясню это на примере керамики. Однажды в галерее Кармел, в Калифорнии, мне довелось видеть вазу, покрытую потрясающе прозрачной красной глазурью. Она светилась, точно воздух, вырывающийся из какого-нибудь мощного горнила, и казалось, что под гладкой глиняной поверхностью таятся фантастические глубины, неведомые края, огромные просторы. Это очень похоже на то, что я вижу, когда смотрю на гоблина. Человеческий облик по-своему целен и реален, но через покрытие можно увидеть другую реальность.

В павильоне электромобилей я смотрел на гоблина сквозь маскарадный костюм ночного механика.

— Ну, что молчишь? — нетерпеливо спросил гoblin, даже не позаботившись о том, чтобы подняться. Он не боялся людей — они никогда не причиняли ему вреда. Но он не знал, что я — не обычный человек.

— Ты работаешь в шоу? Работаешь на братьев Сомбра? Или ты просто глупый щенок, сующий свой нос в чужие дела?

В крупном человеческом теле таилось чудовище, соединявшее в себе облик свиньи и собаки. Толстая, темная, в пятнах кожа выглядела, как старая медь, череп, как у немецкой овчарки, пасть полна страшных острых зубов и загнутых клыков, похожих не на свиньи или собачьи, а скорее на зубы ящера. Рыло больше кабанье, чем собачье, с трепещущими мясистыми ноздрями. Пупырчатая желтая кожа вокруг красных, налитых злобой глазбусинок тупого борова темнела к краям, становясь зеленой, как крылья жука. Когда оно говорило, я видел, как в пасти извивается язык. Пятипалые руки как человеческие, но по одному лишнему суставу в пальцах, и костяшки крупнее и костистее. Что еще хуже, у него были когти — черные, изогнутые и очень острые, как заточенные. Все тело было как у собаки, эволюционировавшей до того, чтобы стоять прямо, подражая человеку. Оно было даже не лишено соразмерности, только плечи и узловатые руки казались слишком набитыми бесформенными костями, чтобы они могли двигаться.

Секунду-другую я молчал — от страха и от отвращения перед кровавой задачей, вставшей передо мной. Он, как видно, принял мое колебание за стыд и смущение и собрался поорать еще, но был изумлен, когда, вместо того чтобы убежать или промямлить извинение, я кинулся на него.

— Монстр. Демон. Я знаю, кто ты есть, — произнес я сквозь сжатые зубы, вонзив в него нож.

Я метил в трепещущую артерию на шее, но промахнулся. Нож вошел в плечо, в мышцы и хрящи, между костей.

Он тихо замычал от боли, но сдержал вой или крик. Мои слова ошеломили его. Лишние свидетели были ему нужны не больше, чем мне.

Я вытащил нож, когда он упал на помост, и, воспользовавшись его шоком, ударил снова.

Будь это обычный человек — страх и мое яростное нападение парализовали бы его. Но это был гoblin, и, хотя человеческая плоть сковывала его, человеческие рефлексy ему не мешали. Он среагировал нечеловечески быстро — закрылся своей мясистой рукой, поднял плечи и по-черепашьи втянул голову, чтобы уйти от удара. Лезвие полоснуло его по руке и скользнуло по черепу, содрав кусок скальпа, но не причинив особого вреда.

Когда нож срезал кожу и волосы, он перешел в наступательную позицию, и я понял, что мне придется туго. Прижимая его к корпусу автомобильчика, я попытался двинуть ему коленом в пах, чтобы успеть еще раз ударить ножом. Но он заблокировал удар и ухватил меня за футболку. Поняв, что сейчас он ткнет меня в глаза, я отшатнулся, оттолкнувшись ногой от его груди. Футболка разорвалась, но я был на свободе и кубарем покатился по полу между автомобилями.

Благодаря великой генетической лотереи, которая помогает богу хорошо делать свое дело, я имел не только психические способности, но и природную силу и быстроту. Не будь у меня этих даров, я вряд ли бы выжил в первой моей схватке с гоблином (моим дядей Дентоном), не говоря уже об этой кошмарной битве среди электромобилей.

В пылу схватки мы сбросили фонарик с резинового бампера, он упал на пол и погас. Мы должны были драться в темноте, видя друг друга лишь в неясном бледном свете луны.

Я откатился назад, встал на четвереньки, он кинулся ко мне — на черном пятне лица мерцал лишь бледный диск катаракты на одном глазу.

Когда он набросился на меня, я взмахнул ножом, но он вовремя отпрянул. Лезвие промелькнуло меньше чем в четверти дюйма от его носа, и он поймал мою руку с ножом за запястье. Он был не только крупнее, но и сильнее меня и крепко держал мою правую руку у меня над головой.

Замахнувшись справа, он обрушил кулак на мое горло. Этот страшный удар сломал бы мне гортань, достигни он своей цели. Но я успел нагнуть голову и увернуться, частично приняв удар на шею. Но это все равно не спасло меня. От удара у меня перехватило дыхание. Перед моими слезящимися глазами поднималась пелена более темная, чем ночь вокруг нас.

Отчаяние, паника и адреналин придали мне силы. Когда он вновь приготовился ударить, я не стал отбиваться. Я обхватил его руками и прижался к нему, чтобы он не смог ударить меня со всей своей силой. Сорвав его контратаку, я обрел надежду и восстановил дыхание.

Мы топтались на помосте, извиваясь, тяжело дыша. Он по-прежнему сжимал за запястье мою правую руку, поднятую над головой. Мы, должно быть, выглядели, как пара неуклюжих апашей-танцоров — не хватало музыки.

Возле деревянных перил, окружавших павильон, там, где пепельный свет луны был ярче всего, я с неожиданной пугающей ясностью заглянул под человеческий покров — не из-за луны, а потому что моя психическая сила на миг возросла. Его ложные черты почти исчезли, превратившись в едва заметные линии и поверхности стеклянной маски. Под этим прозрачным одеянием виднелись адские детали, тошнотворные черты помеси пса и свиньи — более живые и настоящие, чем я видел или желал увидеть раньше. Длинный, раздвоенный, как у змеи, язык, весь в пупырышках и наростах, высовывался из-за неровных зубов. Между верхней губой и рылом было что-то, что я принял за засохшую слизь — ряд крупных родинок, наростов и бородавок с пучками волос. Толстые раздваивающиеся ноздри трепетали. Пятнистая кожа на лице выглядела нездоровой — даже гниющей.

И глаза.

Глаза.

Красные, с черной дробящейся радужной оболочкой, похожей на битое стекло, они уставились в мои глаза, и во время борьбы у перил мне на миг показалось, что я проваливаюсь в них, как в бездонные колодцы, наполненные огнем. Они обожгли меня ненавистью, но я увидел в этих глазах не только ярость и отвращение. В них таилось зло более древнее, чем все человечество, зло чистое, как газовое пламя. От него стыла кровь в жилах — так взгляд Медузы обращал в камень самых храбрых воинов. Но еще хуже было осязаемое безумие, сумасшествие, которое человек не сумел бы понять или описать — только ощутить. И глядя в эти глаза, я ощутил: ненависть этого создания к людям — не одна из сторон его безумия, но его сердцевина. Все порывы, все бредовые идеи его воспаленного сознания были направлены лишь на то, чтобы заставить страдать, чтобы уничтожить всех мужчин, женщин, детей, с которыми сталкивалось это чудовище.

Страх и отвращение вызвало во мне то, что я прочел в его глазах, то, что я вступил с тварью в такой тесный психический контакт. Но я не разжал объятий — это означало бы для меня смерть. Я обхватил его еще крепче, мы врезались в перила и отлетели на несколько шагов. Его левая рука тисками сжимала мое запястье, чтобы раздробить кости в крошево и кальциевую пыль или, по крайней мере, заставить меня бросить нож. Боль была мучительной, но я не выпустил оружие из онемевшей руки. Я укусил его в лицо, в щеку, затем ухитрился откусить ему ухо.

Он задохнулся, но не издал ни звука, выказав тем самым еще большее нежелание быть обнаруженным, чем я, и такую стоическую решимость, с которой я никак не ожидал столкнуться. Он подавил крик, когда я выплюнул его ухо, но все же он не был приучен к боли и страху до такой степени, чтобы упорно продолжать схватку. Он зашатался, качнулся назад, врезавшись в столб, подпиравший крышу, схватился рукой за окровавленную щеку, отчаянно ища ухо, которого там больше не было. Он все еще держал мою руку, но хватка ослабла, и я вывернулся.

Это был самый подходящий момент, чтобы всадить нож в его кишки, но моя онемевшая рука еле-еле удерживала нож. Нападать было бы безрассудно — пальцы, утратившие чувствительность, могли выпустить нож в критический момент.

От вкуса крови у меня перехватило дыхание, едва сдерживая рвоту, я отступил. Переложив оружие в левую руку, я лихорадочно начал разрабатывать правую, сжимая и разжимая ее чтобы восстановить кровоток. Руку начало покалывать, скоро она отойдет.

Но он и в мыслях не держал предоставить мне эту отсрочку. Вспышка его ярости могла бы озарить ночь, когда он атаковал меня, вынуждая петлять между автомобильчиками, перепрыгивая через них. С того момента, как я проскользнул в проход, наши роли переменились. Теперь он был кошкой — одноухой, но не уstraшенной, а я мышью с онемевшей лапкой. Мысль об уязвимости придала мне быстроты и ловкости, но игра в кошки-мышки шла к своему обычному концу — несмотря на все мои увертки, он сокращал расстояние между нами.

Это медленное преследование было странно безмолвным — только звук шагов по гулкому помосту, сухой скрип подошв по дереву, грохотанье автомобильчиков, когда мы придерживались за них, скользя и огибая их, да тяжелое дыхание. Ни слова ярости или угрозы, мольбы или обращения к здравому смыслу, ни единого крика о помощи. Ни один из нас не желал доставить другому радость услышать стон боли.

Мало-помалу кровообращение в моей правой руке восстановилось. Кровь стучала в распухшем запястье, но я прикинул, что оправился достаточно, чтобы прибегнуть к тому, чему научился от человека по имени Нервз Макферсон на другой, не такой веселой ярмарке в Мичигане, где провел несколько недель в начале лета, после бегства из Орегона. Нервз Макферсон, мудрец, учитель, по которому я очень скучал, был превосходным метателем ножей.

Нервз много поведал мне из теории и практики метания ножа. И после того, как мы расстались и я покинул шоу, с которым мы странствовали вместе, я продолжал постигать это мастерство, в течение долгих часов оттачивая навыки. И все равно я еще слишком плохо метал нож, чтобы всецело положиться на него, учитывая превосходство гоблина в размерах и силе. Если я смогу лишь слегка ранить его или вовсе промахнуться, то окажусь фактически беззащитен.

Но после рукопашной схватки стаю ясно, что я ему не соперник и единственная моя надежда на спасение — точный бросок ножа. Он, видимо, не заметил, что левой рукой я держал нож не за рукоять, а за лезвие; поэтому, когда я повернулся и побежал в угол павильона, где автомобильчики не путались под ногами, он решил, что страх одолел меня и я убегаю от схватки. Не беспокоясь о своей безопасности, он торжествующе погнался за мной. Услышав топот его ног по доскам за своей спиной, я остановился, развернулся, мгновенно принял нужную позицию и метнул нож.

Сам Робин Гуд точнейшим выстрелом из лука не сделал бы того, что сделал я, метнув

лезвие. Крутанувшись в воздухе ровно столько раз, сколько нужно, оно по всем правилам вонзилось ему по рукоятке в горло. Острые шестидюймового лезвия, должно быть, торчало с другой стороны. Он резко дернулся и остановился, открыв рот. Слабого света вокруг него было достаточно, чтобы разглядеть изумление и в глазах человека, и в глазах демона. Из рта выплеснулась струйка черной маслянистой крови, он издал каркающий звук.

Он тщетно, с шипением и свистом, ловил воздух.

Он выглядел оторопевшим.

Он схватился за нож.

Он рухнул на колени.

Но он не умирал.

С неимоверным, как мне показалось, усилием гоблин начал сбрасывать человеческую оболочку. Если быть более точным, он ничего не сбрасывал, просто очертания человеческого тела стали расплываться. Лицо и тело начали менять форму. Казалось, он агонизирует, расходуя себя в этом перевоплощении. Он упал на четвереньки, и человеческое обличье вновь начало брать верх. Отталкивающее свиное рыло исчезло, возникло и вновь исчезло, и так повторилось несколько раз. Точно так же и череп, сначала приобрета очертания собачьего, начал возвращаться к человеческому, затем вновь возник собачий, еще более отчетливый, со стремительно проявляющимися смертоносными зубами.

Я отступил назад, к перилам, готовый перемахнуть через них и броситься в аллею, если в этой отвратительной метаморфозе гоблин непостижимым образом обретет новую силу и ножевое ранение будет ему не страшно. Может быть, в обличье гоблина ему было легче исцелять себя, чем в человеческом облике. Это казалось невозможным, фантастическим — не более фантастическим, однако, чем сам факт его существования.

В конце концов он почти полностью преобразился — одежда нелепо болталась на искажившихся очертаниях тела, когти прорвали кожу на ботинках. Раскрывая громадные челюсти, скрежеща зубами, он пополз в мою сторону. Бесформенные плечи, руки, бедра, перегруженные бесполезно разросшимися костями, двигались с огромным трудом, но я чувствовал, с какой непостижимой легкостью бросили бы они тело чудовища вперед, не будь оно раненым и ослабевшим. Человеческие черты больше не заслоняли его облик. Красные глаза светились — не отраженным светом, как у кошки, но внутренним, сочившимся наружу кровавым сиянием, мерцавшим в темноте и отбрасывавшим багровые блики на помост.

В какой-то миг я был твердо уверен, что метаморфоза и в самом деле вдохнула во врага новые силы, обновила его — поэтому он так и изменился. В ловушке человеческого тела он стремительно умирал, но в образе гоблина он мог воспользоваться чуждой нам силой, которая помогла бы ему если не спастись, то хотя бы догнать и убить меня в последней яростной попытке. Он рискнул стать самим собой, потому что мы были здесь одни и никто не видел его. Я уже наблюдал подобное однажды, при таких же обстоятельствах, у другого гоблина в небольшом городке к югу от Милуоки. Второй раз это зрелище было не менее ужасающим. Жизненные силы еще бурлили в гоблине. Сжав когтистой рукой нож, он вырвал его из плотки и отшвырнул в сторону. Истекая слюной и кровью, ухмыляясь, как дьявол, поднявшийся из преисподней, он затрусил ко мне на всех четырех лапах.

Перепрыгнув через перила, я приготовился спастись бегством, как вдруг услышал шум мотора на широком проезде сбоку от павильона. Судя по всему, долгожданная служба безопасности совершала обход территории.

Чудовище было уже возле перил, шипящее, бьющее по доскам настила толстым коротким хвостом. Глаза, уставившиеся на меня, горели жадной убийства.

Звук мотора приближающегося автомобиля стал громче, но я не торопился к охране за помощью. Вряд ли гоблин захочет добровольно продемонстрировать им свой истинный облик; нет, он примет прежний вид, а я приведу охранников к мертвому или умирающему телу, к человеку, которого я убил. Поэтому, стоило показаться свету фар, я перелез через перила и, пока автомобиль был еще далеко, вернулся в павильон, перепрыгнул через чудовище — оно попыталось схватить меня, но промахнулось.

Я опустился на четвереньки, откатился в сторону, снова встал на четвереньки, отполз в глубь павильона и лишь тогда обернулся. Взгляд гоблина — два ярких, горящих рубина — был обращен на меня. Из артерий и перерезанной глотки лилась кровь, гортань была перебита. Это ослабило его, он был вынужден передвигаться на брюхе. Кровь остывала, он мучительно полз, точно тропическая ящерица, приближаясь ко мне — явно агонизируя, но с не меньшим упорством. Нас разделяло не больше двадцати футов.

За спиной гоблина, за павильоном, все ярче светили фары приближающейся машины; наконец показался «Форд»-седан. Он двигался медленно, урча мотором; тормоза мягко скрипели по опилкам и сору. Свет фар ложился на дорогу, а не на павильон, но один из охранников медленно вел лучом карманного фонарика вдоль павильона.

Я прижался к полу.

Гоблин был уже в пятнадцати футах от меня, приближаясь медленно, но верно.

Павильон электромобилей окружала высокая, по грудь, балюстрада — такая основательная, что расстояние между столбиками было уже самих столбиков. Это было мне на руку — свет пробивался через ограждение, но охранники не могли видеть, что творится внутри, особенно продолжая движение.

Судорожным толчком могучих ног умирающий гоблин продвинулся еще вперед и попал в пятно лунного света. Я увидел кровь, сочащуюся из свиного рыла и изо рта. Двенадцать футов. Челюсти клацнули, он дернулся вперед, и голова исчезла из полосы света. Десять футов.

Я по-пластунски отполз назад, подальше от этой ожившей химеры, но фута через два замер — автомобиль охраны остановился как раз напротив павильона электромобилей. Я твердил себе, что это обычная остановка при патрулировании, что причиной ее не было что-то замеченное в павильоне, и отчаянно молился, чтобы все так и было. Но ночь была такой жаркой и душной, наверняка они ехали с открытыми окнами и могли услышать меня или гоблина. Подумав об этом, я перестал отступать от врага и распластался на полу, проклиная такое невезение.

Мыча, пошатываясь и тяжело дыша, раненое чудовище ползло в мою сторону, сокращая увеличенное мною расстояние. Оно снова было в десяти футах от меня. Красные глаза уже не светились так ярко, они помутнели, их глубину словно заволокло тучами — они были подобны таинственным огням корабля-призрака, горящим над морем в туманную темную ночь.

Луч фонарика скользнул по закрытым аттракционам на той стороне проезда, описал круг и, наткнувшись на павильон, проник между толстых опорных столбов. Они вряд ли могли бы заметить нас за балюстрадой и кучей автомобильчиков, но они запросто могли услышать, даже за шумом двигателя «Форда», хриплое дыхание чудовища или стук хвоста по деревянному настилу.

У меня чуть не вырвалось:

— Подыхай, черт тебя возьми!

Он рванулся вперед сильнее, чем раньше, одолев за один рывок футов пять, и рухнул на брюхо в каком-нибудь ярде от меня.

Луч фонаря застыл.

Охранники что-то слышали.

Яркий луч света скользнул между столбиками, уткнувшись в пол футов в восьмидесяти слева от меня. Тонкая полоса света легла на доски, и все трещины, волокна, царапины, выбоины казались — по крайней мере мне, лежащему на полу — сверхъестественным образом изменившимися, предстающими в самом неожиданном и замысловатом виде. Тонкая щепка стала огромным деревом, как будто луч фонаря не только освещал предметы, но и увеличивал их в размерах.

Воздух выходил из перерезанной глотки гоблина с мягким свистом, но не втягивался обратно. К моему величайшему облегчению, горящие ненавистью глаза начали гаснуть — яркое пламя превратилось в мерцающие огоньки, огоньки — в горящие угли, горящие угли

— в тусклый пепел янтарного цвета.

Луч дернулся в его сторону, вновь замер не более чем в шести футах от умирающего гоблина.

Теперь с этим созданием происходила еще одна потрясающая метаморфоза. Он реагировал на смерть так же, как в кино, оборотень, которого настигла серебряная пуля: отбросив свой призрачный, нереальный, чудовищный облик, он вновь «надевал» нормальное лицо и тело человека. Его последние силы были направлены на то, чтобы не дать раскрыть секрет их расы, живущей среди нормальных людей. Химера исчезла. В неясном свете передо мной лежал мертвый человек. Человек, которого я убил.

Я больше не мог различить гоблина внутри его тела.

Его прозрачные глаза казались уже искусно выполненным рисунком, под которым ничего не просвечивало.

«Форд» проехал чуть вперед по аллее, остановился. Охранник пошарил лучом по балясинам, словно выискивая, в какую бы щель еще заглянуть. Пошарив по полу павильона, луч фонаря коснулся подошвы одного из ботинок мертвеца.

Я затаил дыхание.

Я мог различить прилипшую к подошве грязь, стершийся край резиновой подметки, клочок бумаги, приставший к ней возле самого настила. Разумеется, я был ближе к нему, чем охранник в автомобиле. Возможно, он не слишком приглядывался к тому, что выхватит из темноты луч, но если я видел так много и так отчетливо, то и он мог разглядеть кое-что — и этого будет достаточно, чтобы погубить меня.

Прошло несколько секунд.

Еще несколько.

Луч скользнул в другую щель. Теперь он был справа от меня, всего в нескольких дюймах от другой ноги трупа.

Дрожь облегчения пробежала по моему телу, я перевел дух, но опять задержал дыхание, когда луч вернулся назад, проскочив через несколько балясин, разыскивая то, что привлекло его внимание вначале.

Я в панике скользнул вперед, стараясь не шуметь, схватил труп за обе руки и подтянул его поближе к себе — чуть-чуть, на пару дюймов, чтобы охранники ничего не услышали.

Луч света снова скользнул за ограждение, зашарил в поисках подошвы ботинка мертвеца. Но я оказался достаточно быстр — один спасительный дюйм все же отделял подошву от назойливого любопытного луча.

Мое сердце стучало быстрее, чем часы, — два удара в секунду. События последних пятнадцати минут дали мне чересчур тугой завод. Восемь ударов сердца — четыре секунды прошло, прежде чем луч убрался. «Форд» медленно тронулся дальше по проезду, к заднему краю стоянки. Я был в безопасности.

Нет, не в безопасности. В чуть меньшей опасности.

Я еще должен был избавиться от трупа, вытереть кровь, и все это до того, как наступит утро и балаганщики придут сюда. Я встал на ноги, и боль волчками завертелась в обоих коленях — перепрыгивая через балюстраду и ползущего гоблина, я оступился и приземлился на руки и колени с куда меньшей ловкостью, чем та, которой похвалялся сначала. Ободранные ладони тоже саднили, но ни это, ни боль в правой кисти, так сильно помятой гоблином, ни в горле и шее, куда пришелся его удар, — ничто не должно было и не могло воспрепятствовать моим действиям.

Я стоял и глядел на останки моего врага, погруженные в ночную тьму. Пытаясь придумать, как лучше убрать его тяжелый труп, я вдруг вспомнил про рюкзак и спальный мешок, брошенные возле чертова колеса. Размера они были небольшого, к тому же лежали наполовину в тени, наполовину в сумрачно-жемчужном свете луны, так что вряд ли патруль обнаружил их. С другой стороны, служба безопасности ярмарки по столько раз за ночь объезжала ее, что охранники точно знали, что они должны были увидеть в том или ином месте по пути их следования. Я живо представил себе, как они скользят взглядом по рюкзаку,

по мешку — и вдруг взгляд возвращается к барахлу, как луч фонаря, неожиданно вернувшийся в поисках ботинка. Если они обнаружат мое снаряжение, если им станет ясно, что какой-то бродяга перелез ночью через ограду и устроился спать у центральной аллеи, тогда они мигом вернутся к павильону электромобилей и обыщут его. И найдут кровь. И тело.

Господи Иисусе.

Надо было успеть к чертову колесу раньше их.

Подбежав к балюстраде, я перемахнул через нее и понесся назад, по темной аллее, тяжело топая, расталкивая обеими руками тяжелый влажный воздух. Мои волосы развевались. Можно было подумать, что за мной гонится демон. Он и вправду был за моей спиной, хотя и мертвый.

3

Блуждающий мертвец

Иногда у меня возникает такое чувство, что буквально все в этой жизни субъективно, что во вселенной ничего нельзя объективно учесть-измерить-взвесить и что как ученые, так и плотники оказались в дураках, самонадеянно полагая, будто все, с чем они работают, можно взвесить и измерить и получить истинные цифры, которые будут что-то значить. Ясное дело, когда подобные философские рассуждения одолевают меня, я обычно прихожу в унылое расположение духа и становлюсь ни на что не годен — разве что напиться или лечь спать. И все же в качестве доказательства, пусть и не очень убедительного, этой философской теории позволю себе привести мои впечатления от ярмарки — какой она виделась мне в ту ночь, пока я бежал от павильона электромобилей, среди нагромождения оборудования и переплетения кабелей, в надежде обогнать службу безопасности ярмарки братьев Сомбра на пути к чертову колесу.

До того как началась эта гонка, ночь казалась лишь слабо озаряемой тусклым лунным светом. Теперь же луна светила не мягко, а резко, сильным белым светом вместо пепельно-жемчужного. Несколько минут назад пустынную аллею укутывали тени, скрывая все ее секреты, — теперь она была похожа на тюремный двор, залитый безжалостным сиянием дюжины гигантских дуговых ламп, смешавших все тени и уничтоживших каждый спасительный закуток темноты. Охваченный паникой, я был уверен, что меня вот-вот засекут, и проклинал луну. Кроме того, когда я преследовал гоблина, широкий проход аллеи был загроможден грузовиками и оборудованием, а сейчас он был так же открыт и негостеприимен, как и уже упоминавшийся тюремный двор. Я чувствовал себя лишенным прикрытия и маски — подозрительным, голым. Пробираясь между грузовиками, генераторами, каруселями и аттракционами, я ловил взглядом патрульную машину, мелькавшую то тут, то там, по пути к дальнему концу стоянки. Я был уверен, что и сам точно так же попадаюсь им на глаза, разве что меня не могли выдать шум двигателя и свет фар.

Удивительно, но я добрался до чертова колеса куда раньше, чем охранники. Доехав до конца первого длинного проезда, они повернули направо, на небольшой извилистый проход, где были сосредоточены все массовые зрелищные аттракционы. Теперь они неторопливо ехали в сторону следующего поворота, откуда должны были свернуть опять направо и попасть на второй проезд. Чертово колесо находилось не дальше чем в десятке ярдов от этого самого следующего поворота. Стоит им завернуть — и они наверняка в тот же миг увидят меня. Изгородь гигантского колеса была сделана из труб. Я с трудом перелез через нее, зацепился ногой за кабель и грохнулся в грязь, да так сильно, что перехватило дух, затем лихорадочно пополз по направлению к рюкзаку и спальному мешку двигаясь со всем изяществом, на какое был бы способен искалеченный краб.

Схватив в охапку свое добро, я в три шага достиг невысокой изгороди, но из раскрытого рюкзака что-то выпало, и пришлось снова вернуться. Я увидел, как «Форд» выезжает на второй проезд — он вырулил из-за угла, и свет фар скользнул в мою сторону. Всякая надежда

убежать по аллее исчезла. Стоит мне выйти из-за изгороди, как они засекут меня, и начнется погоня. Я в растерянности стоял на месте, как последний дурак. Чувство вины сковывало меня точно цепью.

Затем я стремительно рванулся в сторону билетного киоска чертова колеса. Киоск был ближе, чем изгородь, и намного ближе, чем неверное укрытие по ту сторону изгороди, но, боже мой, какой он был крошечный! Каморка на одного, от силы фута четыре в длину и в ширину, с крышей, как у пагоды. Я приник к одной из стенок киоска, прижав к себе рюкзак и скомканный вещмешок. Прожектор луны пригвоздил меня к месту, я был уверен, что нога, колено или бок высывается из-за стены.

Когда «Форд» поравнялся с чертовым колесом и поехал вдоль него, я начал обходить кругом киоск, стараясь, чтобы он находился между мной и охранниками. Луч фар скользнул вокруг меня, за моей спиной... наконец они отъехали, не подняв тревоги. Скорчившись в лунной тени, которую отбрасывал край крыши-пагоды, я наблюдал, как они едут по длинному проезду. Они двигались медленно и спокойно, трижды остановились, чтобы направить луч света на тот или другой объект. Чтобы достичь конца аллеи, им потребовалось пять минут. Я опасался, что в том конце — в начале аллеи — они свернут направо. Это будет значить, что они возвращаются к началу первого проезда, чтобы совершить еще один круг. Но вместо этого они свернули налево, удаляясь в сторону трибун и ипподрома длиной в милю, и дальше — к конюшням и сараям, где проводились состязания и выставки животных. Там их маршрут заканчивался.

Несмотря на августовскую жару, у меня стучали зубы. Сердце бухало так тяжело и громко, что я удивился — как они не услышали его за тихим шумом двигателя седана. Мое шумное дыхание вполне можно было принять за мычание. Я был профессиональным человеком-оркестром, специализировавшимся на ритме, не испорченной мелодией.

Я тяжело сполз по стене киоска на землю и подождал, пока уймется дрожь, пока я не буду настолько уверен в своих силах, что смогу разобраться с трупом, который я оставил в павильоне электромобилей. Чтобы избавиться от тела, мне потребуются железные нервы, полное спокойствие и осторожность мыши на кошачьей выставке.

Когда я окончательно смог держать себя в руках, я скатал спальный мешок, натуго перевязал его и отволлок вместе с рюкзаком в густую тень возле одной из каруселей. Я положил вещи так, чтобы их легко можно было найти, но чтобы они не были видны с проезда.

После чего я вернулся к павильону электромобилей.

Все было тихо.

Ворота тихонько скрипнули, открываясь, когда я толкнул их.

Каждый мой шаг эхом отзывался под дощатым помостом.

Меня это не волновало. На сей раз я ни за кем не крался.

Над открытыми краями павильона мерцал лунный свет.

Глянцевая краска на балюстраде, казалось, светилась.

Здесь, под навесом, теснились густые тени.

Тени и влажная жара.

Миниатюрные автомобили сгрудились в кучу, точно овцы на темном лугу.

Тела не было.

В первый момент я решил, что забыл, где именно оставил труп. Может быть, он лежал вон там, за той парой автомобильчиков, или вон там, в том другом колодце черноты, куда не достигал лунный свет. Потом мне подумалось, что, возможно, гоблин не был мертв, когда я оставил его. Конечно, он умирал, он был смертельно ранен, но, может быть, еще не совсем умер, может быть, у него хватило сил доползти до другого угла павильона, пока он испустил дух. Я обыскал все, от и до, осмотрел все машины, оживленно тыкаясь в каждое озерко, в каждую лужицу черноты, безуспешно и все более тревожась.

Я остановился. Прислушался.

Тишина.

Я настроил себя на то, чтобы уловить психические вибрации.

Ничего.

Мне показалось, что я вспомнил, под какую из машин закатился фонарик, когда мы столкнули его с бампера. Поискав, я обнаружил его — это убедило меня в том, что вся битва с гоблином мне не приснилась. Я нажал на кнопку, фонарик зажегся, оправдывая название — «всегда готов». Прикрыв одной рукой лучик света, я обшарил им пол и обнаружил еще одно доказательство того, что ночная схватка была реальностью, а не кошмаром, запомнившимся слишком ярко. Кровь. Много крови. Она уже загустевала, просачивалась, впитываясь в доски, темнела — от багрового до коричневого оттенка, по краям покрытая ржавой корочкой. Она уже засыхала, но, вне всякого сомнения, это была кровь. Глядя на струйки, мазки и лужицы крови, я смог по памяти восстановить в подробностях всю схватку.

Я отыскал и мой нож — он был весь перепачкан засохшей кровью. Сперва я было убрал его в ножны за голенище, но, осторожно взглядевшись в окружившую меня ночную тьму, решил, что оружие лучше держать наготове.

Кровь, нож... Но тело исчезло.

Вместе с ним исчез и набор инструментов.

Мне страшно захотелось бежать — убраться отсюда ко всем чертям, даже не тратя времени на то, чтобы вернуться к карусели за вещами, пронестись, вздымая тучи опилок, по проезду, к центральным воротам ярмарочной площади, перелезть через них и бежать куда угодно. Господи, бежать и бежать, часами, не останавливаясь — навстречу утру, бежать все дальше, через горы Пенсильвании, куда-нибудь в глушь, добежать до реки, в которой можно смыть с себя кровь и вонь моего врага. А потом лечь на ложе из мха, чтоб папоротники укрыли и скрыли меня, и спокойно заснуть и не бояться, что кто-то — или что-то — обнаружит меня.

Я был тогда всего-навсего семнадцатилетним парнишкой.

Но за последние несколько месяцев я пережил немало фантастических и ужасных событий. Они закалили меня, благодаря им я быстро повзрослел. Чтобы выжить, я, мальчик, был вынужден вести себя как взрослый мужчина, и не просто как взрослый мужчина, но как мужчина со стальными нервами и железной волей.

Вместо того чтобы убежать, я вышел наружу и обошел павильон кругом, вглядываясь в пыльную почву при свете карманного фонарика. Я не обнаружил никаких кровавых следов, а они наверняка были бы, если бы гoblin собрался с силами настолько, что смог бы уползти отсюда. По опыту я знал, что эти создания так же подвластны смерти, как и я сам. Никаким чудом они не могли бы исцелить себя и восстать из мертвых. Дядя Дентон не был непобедимым — умерев, он остался мертвым. Так же и этот: он лежал мертвый на полу павильона, без сомнения, мертвый. Он и сейчас был мертвый; возможно, в другом месте, но он был мертвый. Значит, *его* исчезновение можно было объяснить только одним: кто-то нашел *его* тело и унес *его*.

Но почему? Почему он не позвал полицию? Кто бы ни наткнулся на труп, он не мог знать, что в этом теле обитало демоническое создание, чей портрет украсил бы галерею ада. Мой неведомый сообщник не увидел бы ничего, кроме мертвого тела. Зачем было ему помогать незнакомцу скрыть убийство?

У меня возникло подозрение, что за мной наблюдают.

Дрожь возобновилась. Я с усилием подавил ее.

Мне надо было кое-что сделать.

Я вернулся обратно в павильон и направился к автомобильчику, в котором ковырялся гoblin, когда я спугнул его. Задний колпак машины был поднят, под ним виднелся двигатель и контакты, через которые энергия поступала с решетки на потолке к генератору. Минуту-другую я вглядывался в путаницу механических внутренностей, но не мог понять, что он там делал. Я даже не был уверен, дотронулся ли он до чего-нибудь прежде, чем я прервал его занятия.

Билетный киоск павильона электромобилей был не заперт. В углу этой крохотной

каморки я нашел швабру, совок для мусора и ведро с кучей грязных тряпок. Я вытер с дощатого пола всю кровь, которая еще не успела просохнуть. Натаскав пригоршни рассыпчатой, выбеленной солнцем грязи, я посыпал ею все пятна красноватой влаги, которые попались мне на глаза, утрамбовал башмаками, потом вытер. Пятна крови не исчезли, но выглядели теперь по-другому. Не видно было, что они свежие — они ничем не отличались от бесчисленных пятен жира и смазки, покрывавших всю платформу. Швабру и совок я убрал обратно в билетный киоск, но окровавленные тряпки вышвырнул в мусорный контейнер на обочине, поглубже спрятав их под пустыми пакетиками из-под попкорна, смятыми стаканчиками от мороженого и прочим хламом. Туда же я отправил и фонарик убитого.

Чувство, что за мной следят, не проходило. От этого по телу бегали мурашки.

Выйдя на середину проезда, я медленно повернулся кругом, осматривая окружающую меня ярмарку. Пластиковые вымпелы, как прежде, висели, словно спящие летучие мыши, закрытые аттракционы и балаганы, где было темно как в могиле, хранили ледяное молчание. Я не замечал никаких признаков жизни. Заходящая луна балансировала на гористой линии горизонта, очерчивая силуэты чертова колеса, «бомбардировщика» и карусели «тип-топ», которые воскрешали в памяти колоссальные футуристические боевые корабли марсиан из книги Уэллса «Война миров».

Я был не один. Теперь в этом не было никаких сомнений. Я ощущал чье-то присутствие, но не мог узнать, кто это, понять его намерения или обнаружить его местонахождение.

Неведомые глаза наблюдали.

Неведомые уши слушали.

И внезапно аллея еще раз изменила свой облик. Теперь это был уже не тот зарешеченный тюремный двор, в котором я стоял, беспомощно и безнадежно, под осуждающим светом дуговых ламп. Произошло так, что ночь вдруг стала недостаточно светлой, даже наполовину не такой светлой, как мне было нужно. Все вокруг быстро темнело, и с темнотой возникло впечатление глубины и опасности, невиданной и неведомой ранее. Ощущение разоблаченности не уменьшалось с ослаблением лунного света, теперь оно усиливалось растущей клаустрофобией. Сейчас аллея была полна неосвещенных чуждых форм, вселявших глубокое беспокойство, похожих на причудливые могильные памятники, что вытесала и воздвигла загадочная раса в другом мире. Все перестало быть узнаваемым. Каждое строение, каждый механизм, каждый предмет были чужими. Я ощутил себя загнанным в ловушку, окруженным и запертым. Какой-то миг я боялся сделать шаг, уверенный, что, куда я ни шагну, я отправлюсь в распахнутую пасть, в объятия чего-то враждебного.

Я спросил:

— Кто здесь?

Молчание.

— Куда ты дел труп?

Темная ярмарка была идеальным звукоизолятором. Она впитала в себя мой голос, и ничто не потревожило тишину, как будто я ничего не говорил.

— Что тебе от меня надо? — требовательно спросил я неведомого наблюдателя. — Кто ты — друг или враг?

Он, должно быть, и сам не знал, кто он, так как ответа не последовало. Но я чувствовал, что придет час, когда он откроется и его намерения станут ясны.

В этот самый момент я со всей уверенностью ясновидящего понял, что не смогу убежать с аллеи ярмарки братьев Сом-бра, даже если очень захочу. Меня привела сюда не прихоть и не отчаяние беглеца. На этой ярмарке со мной должно было произойти что-то важное. Меня вела судьба, и только когда я отыграю предназначенную мне роль, тогда и только тогда судьба отпустит меня и даст мне самому выбирать свое будущее.

Сны с гоблинами

На большинстве ярмарок проводятся скачки — в дополнение к шоу со зверями, карнавалам и танцам. Поэтому большинство ярмарочных площадей оборудовано раздевалками и душевыми под трибунами для удобства жокеев и возниц двуколок. Эта ярмарочная площадь не составляла исключения. Дверь в раздевалки была заперта, но замки меня не остановили. Я больше не был просто парнишкой с фермы в Орегоне — не важно, что я искренне стремился вернуть эту утраченную невинность. Напротив, я был уже почти мужчиной, знакомым с подобными трудностями, встречавшимися на пути. Я носил в кошельке тонкую полоску прочной пластмассы — с ее помощью хлипкий замок был отперт меньше чем через минуту. Войдя внутрь, я зажег свет и запер за собой дверь.

Туалетные кабинки из зеленого металла были с левой стороны, щербатые раковины и пожелтевшие от времени зеркала — справа, душевая находилась в дальнем конце. В середине большой комнаты — два ряда примыкающих друг к другу, обшарпанных, со множеством царапин, раздевалок, а перед ними — такие же исцарапанные скамейки. Голый цементный пол. Стены из бетонных блоков. Лампы дневного света без плафонов. Запахи пота, мочи, затхлой мази, плесени — и все заглушающий острый запах дезинфицирующего средства с ароматом сосны. Воздух был насыщен этим зловонием настолько, что я скривился, однако меня не стошнило (хотя до этого было совсем чуть-чуть). Не больно роскошное место. В таком месте вряд ли встретишь кого-нибудь из семейства Кеннеди или, к примеру, Кэри Гранта. Зато здесь не было окон, а значит, я мог спокойно сидеть при свете, к тому же тут было намного прохладнее, хотя и ненамного суше, чем на пыльной ярмарочной площади.

В первую очередь я прополоскал рот, чтобы избавиться от металлического вкуса крови, и почистил зубы. Из мутного зеркала над раковиной на меня глянули мои собственные глаза — такие дикие и запавшие, что я поскорее отвел взгляд.

Футболка была порвана. Рубаха и джинсы были окровавлены. Я принял душ, смыл вонь гоблина с волос, насухо вытерся комом бумажных полотенец и переоделся — достал из рюкзака чистую футболку и вторую пару джинсов и натянул их. Отмыв, как мог, в раковине, порванную футболку от крови, я замочил там же и джинсы. Потом выжал все и засунул поглубже в почти полный мусорный контейнер у входа — мне вовсе не улыбалось, чтобы меня схватили с подозрительной окровавленной одеждой в рюкзаке. Теперь весь мой гардероб составляли те джинсы, что были на мне, футболка, еще одна сменная футболка, три пары трусов, носки и тонкая вельветовая куртка.

Человек путешествует налегке, если его разыскивают за убийство. Единственные тяжести, которые он берет с собой, — это воспоминания, страх и одиночество.

Я решил, что для того, чтобы скоротать последний ночной час, не найти лучшего места, чем эта раздевалка под трибуной. Я раскатал спальный мешок на полу у двери и вытянулся на нем. Тот, кто захочет попасть внутрь, сам подаст мне сигнал тревоги, как только начнет возиться с замком. А мое тело надежно заблокирует дверь, и незваным гостям придется уйти.

Я оставил свет включенным.

Я не боялся темноты. Просто я предпочитал не сталкиваться с нею.

Я закрыл глаза и вернулся мыслью в Орегон...

Я тосковал по ферме, по зеленеющим лугам, где я играл в детстве в тени величественных гор Сискию, рядом с которыми горы на востоке страны казались древними, изношенными, невыразительными. Воспоминания разворачивались передо мной, словно бумажная фигурка, сложенная с большим искусством. Я видел, как вздымаются, подобно крепостным валам, горы Сискию, поросшие густым лесом огромных елей Ситка, россыпью елей Брюэра (самое красивое из хвойных деревьев), кипарисами Лоусона, пихтами Дугласа, белыми пихтами, пахнущими мандарином, с ароматом которых могли состязаться лишь кедры — гигантские курительные палочки, кизилом, чьи бриллиантовые листья возмещали отсутствие аромата, крупнолистными кленами, колышущимися западными кленами, ровными рядами темно-зеленых дубов — и даже в угасающем свете памяти эта картина

захватывала дух.

Мой двоюродный брат Керри Гаркенфилд, приемный сын дяди Дентона, принял посреди всей этой красоты ужасающе жестокую смерть. Он был убит. Из всех двоюродных братьев я любил его больше всех, он был моим лучшим другом. Даже спустя столько месяцев после его смерти, вплоть до того дня, когда я оказался на ярмарке братьев Сомбра, я остро ощущал эту потерю.

Я открыл глаза и уставился на кафельный потолок раздевалки, весь в пятнах сырости и свисающих нитях пыли. Я попытался отогнать прочь вызывающие ужас воспоминания об изуродованном теле Керри. У меня были и более светлые воспоминания об Орегоне...

В саду перед нашим домом всегда росла большая ель Брюэра, или, как мы называли ее, плакучая ель. Ее изогнутые ветви скрывала элегантная бахрома — зеленая с черным. Летом лучи солнца сверкали на сияющей зелени — так бархатная подушка в лавке ювелира подчеркивает блеск драгоценных камней. Казалось, что ветви увешаны ослепительно сверкающими цепочками, нитями бус и сияющими ожерельями, мерцающими арками из драгоценностей, созданных лишь солнечным светом. Зимой ветви плакучей ели укрывал снег, в солнечный денек дерево казалось украшенным, как на Рождество, но если день выпадал хмурый, ель стояла словно плакальщица на кладбище — вся воплощение скорби и страдания.

В тот день, когда я убил дядю Дентона, ель была в траурном одеянии. У меня в руках был топор. У него в руках не было ничего. Несмотря на это, разделаться с ним оказалось совсем не просто.

Еще одно мрачное воспоминание. Я повернулся на бок и снова закрыл глаза. Если я все-таки надеялся уснуть, я должен был вспоминать только хорошее — маму, папу и сестер.

Я родился на ферме, в белом домике возле той самой ели. Я был долгожданным и страстно любимым ребенком, первым и единственным сыном Синтии и Курта Станфеусс. Две моих сестры были в равной мере сорванцами — они стали подходящими товарищами по играм единственному брату и маленькими женщинами, обладавшими изяществом и чувствительностью, что дало им возможность привить мне хорошие манеры, некоторую утонченность и опыт — все, чего без них я был бы лишен в глухом сельском мирке долин Сискию.

Сара-Луиза, на два года старше меня, была белокожая блондинка — в отца. С самого детства она рисовала карандашами и красками с таким мастерством, что можно было подумать, что в прошлой жизни она была известной художницей. Она об этом и мечтала — зарабатывать на жизнь кистью. Она обладала редкостным умением общаться с животными — очень естественно, без усилий, смиряла лошадь, успокаивала шипящего кота, могла навести порядок среди перепуганных наседок на птичьем дворе, просто пройдясь между ними, и даже от самого злющего пса умела добиться ласковой гримасы и радостного виляния хвостом.

Дженнифер-Рут, брюнетка с миндального цвета кожей, пошла в мать. Как и Сара, она взахлеб зачитывалась фантастикой и приключенческой литературой, но художественных талантов у Дженни не было. Зато то, как она обращалась с цифрами, было таким же искусством, как и искусство художника. Ее талант к числам, ко всем разделам математики, был источником вечного изумления всего семейства Станфеуссов — все мы, остальные, если бы нам предложили выбрать — сложить длинную колонку цифр или надеть хомут на дикобраза, не задумываясь, выбрали бы второе. У Дженни была, кроме того, фотографическая память. Она могла слово в слово цитировать книги, которые читала давным-давно, и мы оба, Сара и я, страшно завидовали тому, с какой легкостью Дженни из года в год получала табели с одними отличными оценками.

Биологическое волшебство и редкостные свойства ярко проявились в смеси генов наших отца и матери — никто из их детей не избежал тяжелой ноши выдающихся способностей.

И вовсе не трудно понять, почему мы у них вышли такие — каждый из наших

родителей тоже был по-своему одаренным.

Мой отец был гением в музыке. Я говорю — «гений» в первоначальном смысле слова, а не как термин для обозначения коэффициента интеллекта — у него были исключительные природные данные к музыке. Не было такого инструмента, на котором он не научился бы прилично играть в тот же день, как инструмент попадал ему в руки, а через неделю он уже мог исполнять самые сложные и серьезные упражнения с легкостью, какой иные добивались годами тяжелого труда. Дома в гостиной стояло пианино, и отец нередко наигрывал на нем по памяти мелодии, впервые услышанные им утром по радио в машине по дороге в город.

После того как он был убит, музыка на несколько месяцев покинула наш дом — и в буквальном, и в переносном смысле.

Мне было пятнадцать, когда погиб отец, и в ту пору я, как и все остальные, считал, что это был несчастный случай. Большинство из них до сих пор уверены в этом. Но теперь я знаю, что его убил дядя Дентон.

Но я же убил Дентона — почему же я не мог спать спокойно? Мсть свершилась, жестокое правосудие восторжествовало — почему же я не мог обрести хотя бы на час-другой мир и покой в своей душе? Почему каждая ночь превращалась в пытку? Сон приходил ко мне лишь тогда, когда бессонница изматывала меня до такой степени, что не было другого выбора, как уснуть или свихнуться.

Я заметался и повернулся на бок.

Я вспомнил о матери. Она тоже была особенная, как и отец. Ее дар заключался в тесной связи с миром растений. Они подчинялись ей точно так же, как животные подчинялись ее младшей дочери, а математические задачи сами собой решались у старшей. Быстрый взгляд на растение, легкое прикосновение к листу или стволу — и мама точно знала, чем подкормить ее зеленого друга и как за ним ухаживать. На ее огороде всегда росли самые крупные и вкусные помидоры в мире, самая сочная кукуруза, самый сладкий лук. К тому же мама была целителем. Не подумайте ничего плохого — не из тех шарлатанов, что лечат «верой» или как-нибудь еще; она не заявляла, что владеет психической энергией, и никогда не лечила наложением рук. Она была травником — готовила по собственным рецептам припарки, мази и притирания, смешивала вкуснейшие лечебные чаи. Никто в семье Станфеуссов никогда не страдал от простуды, самое большее — насморк, проходивший за день. У нас никогда не было ни гриппа, ни бронхита, ни каких других болезней из тех, что дети подхватывают в школе и заражают ими родителей. Соседи и родные частенько обращались к матери за ее травяными смесями; и, хотя ей то и дело предлагали деньги, она в жизни не взяла за это ни гроша. Она считала, что будет богохульством получать за свой дар иную плату, чем радость от того, что используешь его на благо семьи и других людей.

Разумеется, я тоже был одаренным. Правда, мои способности были далеки от практических и понятных способностей сестер и родителей. Гены одаренности Синтии и Курта Станфеусс смешались во мне даже не волшебным, а почти колдовским образом.

Моя бабушка Станфеусс — кладезь потаенной народной мудрости, говорила, что у меня — Сумеречный Взгляд. У меня и в самом деле глаза цвета сумерек, синие, но со странным пурпурным оттенком, поразительно ясные. Они обладают способностью преломлять свет таким образом, что кажутся чуть светящимися и (как мне говорят) необычно красивыми. Бабушка утверждала, вряд ли у одного человека из миллиона сыщешь такие глаза, и я должен признать, что ни у кого не видел таких глаз, как у меня. Впервые взглянув на меня, завернутого в одеяло, лежащего на руках у матери, бабушка заявила, что Сумеречный Взгляд у новорожденного — вестник его психической силы, и если в течение первого года цвет глаз не изменится (у меня не изменился), то, как гласит молва, эта сила будет необычайно велика и проявится во множестве направлений.

Бабушка была права.

И вспоминая кроткое лицо бабушки, все в мягких морщинах, ее собственные теплые, любящие глаза цвета морской волны, я обрел пусть не мир, но хотя бы временный покой. Ко мне тихо подкрался сон, точно санитар, разносящий обезболивающее на временно затихшем

поле боя.

Мне снились гоблины. Как всегда.

В последнем из этих снов я раз за разом взмахивал топором, и дядя Дентон вопил: «Нет! Я не гoblin! Я такой же человек, как и ты, Карл. О чем ты говоришь? Ты спятил? Гоблинов нет, их не существует. Ты сошел с ума, Карл. О боже! Боже! Спятил! Ты спятил! Спятил!» В действительности он не вопил, не отрицал моих обвинений. В действительности наша битва была жестокой и ужасной. Но спустя три часа после того, как сон одолел меня, я проснулся, и в ушах у меня все еще стоял голос Дентона из сна — «Спятил! Ты сошел с ума, Карл! О боже, ты просто спятил!». Меня била дрожь, я взмок от пота, не понимая, где я, охваченный сомнениями, как лихорадкой.

Задышавшись, я неловко добрался до ближайшей раковины, пустил холодную воду и плеснул ею в лицо. Образы из сна, не желавшие уходить, наконец потускнели и исчезли.

Я неохотно поднял голову и взглянул на себя в зеркало. Иногда я боюсь смотреть на отражение своих собственных странных глаз — я боюсь, что увижу в них безумие. Так было и на этот раз.

Я не мог сбросить со счетов вероятность — пусть совсем небольшую — того, что гоблины — всего-навсего порождения моего измученного воображения. Бог свидетель, я хотел сбросить ее со счетов, чтобы ничто не могло поколебать мою уверенность. Но мысль о возможном заблуждении и безумии не уходила и время от времени высасывала мою волю и решимость так же, как пиявка высасывает кровь, а с ней и жизнь.

Я вглядывался в свои измученные глаза — они были настолько необычны, что их отражение не было плоским и лишенным глубины, как у обычных людей. Казалось, что в отражении столько же глубины, реальности и силы, сколько в самих глазах. Я честно и безжалостно исследовал собственный взгляд, но не разглядел никаких следов помешательства.

Я твердил себе, что моя способность видеть гоблинов через их человеческое обличье так же неоспорима, как и другие мои способности. Я знал, что мои психические способности — настоящие и надежные: мое ясновидение помогало многим и поражало всех. Бабушка Станфеусс называла меня «маленьким пророком», потому что иногда я мог видеть будущее, а иногда и прошлое некоторых людей. И, черт возьми, я также мог видеть и гоблинов. И тот факт, что я был единственным, кто их видит, еще не давал повода усомниться и не доверять моему видению.

Но сомнения не исчезали.

— Когда-нибудь, — сказал я своему угрюмому отражению в пожелтевшем зеркале, — эти сомнения вылезут наружу в самый неподходящий момент. Они сокрушат тебя, когда ты будешь сражаться за свою жизнь с гоблином. И тогда это будет означать, что ты погиб, это будет твоей смертью.

5

Уроды

Три часа на сон, пара минут, чтобы умыться, еще минут пять, чтобы свернуть спальный мешок и навьючить на себя рюкзак, — в общем, когда я отпер раздевалку и вышел наружу, было полдесятого утра. День был жаркий и безоблачный. Воздух больше не был так влажен, как ночью. Освежающее дуновение ветра принесло мне ощущение чистоты, я почувствовал себя отдохнувшим. Ветер загнал все сомнения в дальние уголки сознания так же, как он гнал сор и опавшие листья и собирал их в кучи между ярмарочными постройками и кустами — он не убирал мусор до конца, но по крайней мере тот не лежал под ногами. Я был рад тому, что живой.

Вернувшись на аллею, я был поражен тем, что увидел там. Когда я ночью сбежал с ярмарки, моим последним впечатлением от нее было ощущение смутной опасности, незащищенности и угрозы. Но при свете дня ярмарка казалась безобидной, даже радостной.

Вымпелы, тысячи вымпелов, бесцветных в ночные часы, выбеленных луной, теперь багровели, как рождественские гирлянды, желтели, как цветки ноготков, зеленели, словно изумруды. Белые, ярко-синие, ярко-оранжевые — все они трепетали, колыхались и развевались на ветру. Карусели блестели и сверкали под ярким августовским солнцем так, что даже вблизи казались не просто новее и красивее, чем были на самом деле, — их будто покрыли серебром и золотом, как машины эльфов из сказки.

В полдесятого ворота ярмарки еще не распахнулись для публики. Только несколько балаганщиков высунули носы на аллею.

На проезде двое мужчин подбирали мусор палками с гвоздем на конце — накалывали и стряхивали его в большие пакеты, висевшие у каждого на плече. Мы невнятно обменялись приветствиями.

На помосте зазывалы перед балаганом стоял дородный темноволосый мужчина с усами размером с велосипедный руль. Уперев руки в бока, он, возвышаясь футов на пять над землей, глядел вверх — на громадное клоунское лицо, изображение которого занимало весь фасад балагана. Должно быть, он заметил меня краем глаза. Повернувшись ко мне и глядя сверху вниз, он поинтересовался, как я считаю — не нужно ли подкрасить нос клоуна.

— Ну, — ответил я, — по мне, так в самый раз. Очень красивый. Как будто только неделю назад нарисован. Хороший ярко-красный нос.

Он ответил:

— Неделю назад и нарисован. Он всю жизнь был желтый, четырнадцать лет он был желтый. А потом, месяц назад, я впервые женился, и моя жена Жизель говорит, что нос у клоуна должен быть красный, а поскольку я до чертиков люблю Жизель, я решился перекрасить его. Вот, перекрасил, и теперь покарай меня бог, если я не считаю, что это была ошибка, потому что, когда он был желтый, это был нос с характером, понимаешь, а сейчас это самый обычный клоунский нос, каких ты за всю свою окаянную жизнь сотни видел, и какая с того польза?

Ему не очень-то был нужен мой ответ — спрыгнув с помоста, он, ворча, побрел вдоль балагана и исчез из виду.

Я легким шагом пошел вдоль проезда, пока не добрел до карусели, где невысокий жилистый мужчина ремонтировал генератор. Цвет его волос был где-то между каштановым и ярко-рыжим — не рыжий, но тот, который обычно называют рыжим. Лицо было усыпано веснушками, такими яркими, что они казались ненастоящими — точно их тщательно нарисовали у него на щеках и носу. Я сказал ему, что я Слим Маккензи, но он не представился в ответ. Почувствовав кастовую скрытность вечного балаганщика, я принялся рассказывать о шапито и бродячих трупях, в которых работал на Среднем Западе, во всем штате Огайо, а он все ковырялся в генераторе и хранил молчание. В конце концов мне, кажется, удалось убедить его в том, что я свой, поскольку он вытер замасленные руки ветошью, сообщил, что его зовут Руди Мортон, но все кличут его Рыжий, и, кивнув головой в мою сторону, спросил:

— Работу ищешь?

Я сказал, что да, ищу, и он продолжал:

— За этим — к Студню Джордану. Он у нас юрист, правая рука Артуро Сомбра. Сейчас, наверное, в правлении сидит.

Он объяснил мне, как туда пройти. Я поблагодарил и пошел. И хотя я ни разу не обернулся, я знал, что он смотрит мне вслед.

Я срезал путь, чтобы не тащиться через весь проезд. Следующий балаганщик, попавшийся мне навстречу, был крупный мужчина. Он шел в мою сторону, ссутулясь, опустив голову, засунув руки в карманы. Его побитый вид совсем не вязался с таким солнечным, золотым днем. Росту в нем должно было быть где-то шесть футов четыре дюйма, массивные плечи, большие руки, двести семьдесят фунтов мышц — даже ссутулившись, он производил впечатление сильного человека. Голова была настолько втянута в геркулесовские плечи, что я не мог рассмотреть лица, но я понял, что он не видит меня. Он шел между

нагромождениями оборудования, наступая на кабели, прокладывая путь через кучи мусора, весь погруженный в себя. Я опасался, что напугаю его, поэтому за несколько шагов обратился к нему:

— Прекрасное утро, не правда ли?

Он прошел еще пару шагов, словно ему нужно было время, чтобы понять, что мои слова адресованы ему. Нас разделяло не более восьми футов, когда он взглянул на меня. При взгляде на его лицо я окоченел.

Мелькнула мысль: «Гоблин!»

Я чуть не потянулся за ножом, спрятанным за голенищем.

Господи Иисусе, что угодно, только бы не еще один гоблин!

— Ты что-то сказал? — спросил он.

Когда первое потрясение прошло, я увидел, что это все-таки не гоблин — по крайней мере, гоблин, непохожий на прочих. Лицо его было кошмарным, но под ним не было черт свиньи или собаки. Никакого мясистого рыла; клыков и извивающегося змеиноязычного языка. Это был человек-урод. Его безобразно бесформенный череп словно подтверждал, что и бог может быть странным и безжалостным. И в самом деле...

Представьте себе, что вы — божественный ваятель, творящий из плоти, крови и кости. У вас тяжелое похмелье и к тому же скверное чувство юмора. Теперь начинайте ваять с тяжелой грубой челюсти, которая не заканчивается, дойдя до ушей вашего творения (как у нормальных людей), а резко обрывается грубыми костяными узлами, по форме смутно напоминающими желваки, как у монстра из фильма про Франкенштейна. Теперь, прямо над этими неприглядными буграми, прикрепите своему незадачливому детищу уши, похожие на смятые увядшие капустные листья. Вид черпака экскаватора подвигнет вас на создание рта. Напихайте туда крупных квадратных зубов, да побольше и почаще, чтобы от тесноты они громоздились один на другой, и пусть эти зубы будут такие желтые, что ваше детище постыдится открывать рот в приличном обществе. Достаточно жестоко? Божественная злость больше не клоочет в вас? Как бы не так. Ваш гнев явно космического масштаба, вы вошли в такой божественный раж, что вся вселенная содрогнется, потому что вы ваяете такой мощный лоб, что он сгодился бы на броню, вы увеличиваете его до такой степени, что он нависает над глазами, из-за чего глазницы выглядят пещерами. Наконец, в злобной творческой горячке вы сверлите в этом лбу отверстие, третий глаз — без зрачка, без радужной оболочки, просто невыразительный овал ярко-оранжевой плоти. Когда все это сделано, вы добавляете пару заключительных штрихов, не оставляющих сомнений относительно вашего злобного гения: в центре этой отвратительной рожи вы укрепляете благородный, вылепленный без изъяна нос, чтобы смущать свое творение мыслями о том, каким оно могло бы быть, а в запавшие глазницы вставляете пару чистых, карих, теплых, умных, красивых, нормальных глаз, исключительно выразительных — таких, чтобы каждый, кто взглянет в них, тут же отвел бы глаза или невольно всплакнул по чувствительной душе, запертой в таком теле. Вы еще здесь, вы меня слышите? Вам, кажется, расхотелось играть в бога? Что на него находит порой? Вы никогда не задумывались над этим? Если подобное создание возникло, когда он был не в духе или расстроен, можно себе представить, что он сотворил, когда был не в духе всерьез, когда он сотворил ад и изгнал туда восставших ангелов.

Эта шутка господня снова заговорила, голос был мягкий и добрый:

— Прошу прощения. Ты что-то сказал? Я задумался и не расслышал.

— Э... гм... я хотел сказать... доброе утро.

— Да, утро доброе. Ты новичок, да?

— Э... меня зовут Карл... Слим.

— Карл Слим?

— Нет... э-э... Слим Маккензи. — Разговаривая с ним, мне приходилось задирать голову.

— Джоэль Так, — представился он.

Я никак не мог привыкнуть к сочному тембру и мягкому тону его голоса. Глядя на него,

я скорее ожидал услышать глухой, скрипучий, как разбитое стекло, голос, полный холодной неприязни.

Он протянул руку, и я пожал ее. Нормальная рука, разве что побольше, чем у прочих.

— Я хозяин «десяти в одном», — сообщил он.

— А-а, — отозвался я, стараясь не смотреть на пустой оранжевый глаз — и все равно смотрел.

«Десять в одном» — так называлось одно из незначительных шоу, чаще всего выставка уродов, где под одним навесом было собрано не меньше десяти аттракционов — или уродов.

— И не только хозяин, — продолжал Джоэль Так. — Я там одна из главных достопримечательностей.

— Да уж, — сорвалось у меня.

Он расхохотался. От смущения я залился краской, но он не дал мне промямлить извинения. Покачивая бесформенной головой, он положил мне на плечо массивную руку и с улыбкой заверил меня, что вовсе не обиделся.

— На самом деле, — его неожиданно прорвало, — как-то даже освежает, когда свой брат-балаганщик увидит тебя впервые и не сможет скрыть шок. Ты знаешь, большинство простаков, которые платят за вход в «десять в одном», тычут пальцами, взалхлеб обсуждают меня прямо у меня перед носом. Только у некоторых хватает ума или воспитанности, чтобы выйти из балагана иными, лучше, чем они были, когда входили, и благодарить судьбу за то, как им повезло. Куча ничтожных, узколобых... ну, сам знаешь, какие бывают простаки. Правда, балаганщики... иногда они по-своему ничуть не лучше.

Я кивнул так, словно понимал, о чем он толкует. Мне удалось отвести взгляд от его третьего глаза, но теперь мое внимание приковал рот-черпак. Он открывался и закрывался с хлопанием, челюсти шевелились и поскрипывали, и мне вдруг вспомнился Диснейленд. За год до гибели отец повез нас в Калифорнию, в Диснейленд. Он тогда только-только появился, но уже тогда там были говорящие гуманоиды-роботы — так их называли. У них были совсем человеческие лица и движения, очень похожие на наши, — вот только рты... То, как у них открывался и закрывался рот, не имело ничего общего с прихотливыми, легкими движениями живых губ. Джоэль Так казался одним из таких чудовищных говорящих роботов, которого парни из Диснейленда соорудили в качестве шутки, чтобы нагнать страху на Дядюшку Уолта.

Да простит меня бог за такую бесчувственность, но я ожидал, что этот гротескный человек будет гротескным и в мыслях, и в речи.

А вместо этого я услышал:

— Все балаганщики так дорожат своими традициями терпимости и братства. Их дипломатичность порой надоедает. Но ты! Вот ты попал в самую точку. Ни омерзительного любопытства, ни тупого самодовольного превосходства, ни излишней лживой жалости, как у простаков. Никакой рефлексивной дипломатичности или отработанного безразличия, как у большинства балаганщиков. Вполне понятный шок, и ты не стесняешься своей инстинктивной реакции. Мальчик с хорошими манерами, но не лишенный здорового любопытства и, что я приветствую, искренний — вот кто ты есть, Слим Маккензи, и я очень рад с тобой познакомиться.

— Взаимно.

То, как подробно он разбирал мои поступки и их мотивы, вогнало меня в краску пуще прежнего, но он словно не замечал этого.

— Ну, — сказал он, — мне пора. В одиннадцать балаган открывается, надо подготовить «десять в одном» к открытию. К тому же, когда тут простаки, я не выхожу из палатки с непокрытым лицом. Было бы несправедливо, если бы кто-то, кто не желает глазеть на эту рожу, вдруг ее увидел. И потом, я не собираюсь давать этим ублюдкам бесплатное представление.

— Ладно, увидимся, — ответил я, и мой взгляд скользнул обратно к третьему глазу, который вдруг моргнул, как бы подмигивая мне.

Он отошел на пару шагов, ботинки пятидесятого размера выбили из сожженной

августовским солнцем земли несколько облачков белой пыли. Затем он обернулся ко мне и после минутного колебания спросил:

— Что тебе нужно от ярмарки, Слим Маккензи?

— То есть... в каком смысле... от этой конкретной ярмарки?

— От жизни вообще.

— Ну... место, где спать.

Вздулись желваки, задвигались челюсти.

— Это у тебя будет.

— Поесть как следует три раза в день.

— И это будет.

— Денег на карманные расходы.

— Этого будет с избытком. Ты молодой, толковый, шустрый. У тебя дела пойдут хорошо. Что еще?

— В смысле... что мне еще нужно?

— Да. Что еще?

Я вздохнул.

— Анонимности.

— А-а. — Он скорчил не то гримасу, не то заговорщицкую улыбку — не так просто было понять, что выражает это искаженное лицо. Рот был чуть приоткрыт, зубы — точно ржавые, потрепанные временем и погодой колья старой изгороди. Он созерцал меня и обдумывал мои слова, собираясь не то расспрашивать дальше, не то дать мне совет. Но он был слишком хорошим балаганщиком, чтобы быть любопытным, поэтому он просто повторил свое «А-а».

— Убежища, — продолжал я, почти надеясь, что он окажется любопытным. Я вдруг задрожал от безумного желания довериться ему, рассказать ему про гоблинов, про дядю Дентона. Вот уже несколько месяцев с того дня, как я убил первого гоблина, чтобы выжить, я требовал от себя неослабевающей устремленности и твердости духа. За все это время я не встретил в своих скитаниях никого, кто, как мне казалось, прошел бы закалку в таком же сильном пламени, как я сам. И сейчас я чувствовал, что Джоэль Так — человек, чье страдание, муки и одиночество были куда острее, чем мои, и длились куда дольше, чем мои. Этот человек мирился с тем, с чем, казалось, невозможно смириться, и делал это с необычайным мужеством и даже изяществом. Наконец я встретил кого-то, кто в состоянии понять, каково это — постоянно жить как в кошмарном сне, не зная ни минуты отдыха. Несмотря на чудовищное лицо, в его облике было что-то отеческое, и мне страстно захотелось прижаться к нему, дать наконец пролиться слезам, после того как я их так долго сдерживал, и рассказать ему о дьявольских созданиях, бродящих по земле, которых никто не видит. Но моим самым ценным даром был самоконтроль, а подозрительность уже не раз оказывалась наиболее полезным для выживания качеством, и я не мог так просто отбросить и то, и другое. Поэтому я повторил:

— Убежища.

— Убежища, — откликнулся он. — Надеюсь, ты найдешь и это. В самом деле надеюсь, что найдешь, потому что... я думаю, оно тебе очень нужно, Слим Маккензи. Страшно нужно.

Эта реплика была настолько не в тон всей нашей короткой беседы, что я вздрогнул.

На миг наши взгляды встретились.

На этот раз я смотрел не на слепое оранжевое око во лбу, а на два других глаза. Мне показалось, что в них я прочел сочувствие.

Психическим восприятием я ощутил в нем отзывчивость, теплоту. Но я ощутил также и скрытность, не проявлявшуюся внешне, в его поведении. Это беспокоило меня — я понимал, что он представляет из себя нечто более сложное, чем кажется, что он каким-то непонятным образом может быть даже опасен.

Волна страха прокатилась по моему телу, но я не знал, чего мне бояться — его или того, что с ним может случиться.

Это мгновенное ощущение разбилось резко, как хрупкая стеклянная нить.

— Увидимся, — сказал он.

— Угу, — поспешно ответил я. Во рту пересохло, и так перехватило горло, что больше я не мог ничего сказать.

Он повернулся и пошел прочь.

Я следил за ним, пока он не скрылся из виду — точно так же, как механик, Рыжий Мортон, следил за мной, пока я шел от карусели.

У меня опять мелькнула мысль о том, чтобы покинуть ярмарку и найти место, где предзнаменования не будут так тревожить меня. Но у меня осталось всего несколько пенсов, я устал от одиноких странствий, мне нужно было осесть где-нибудь. К тому же я был достаточно хорошим пророком, чтобы знать — от Судьбы не уйдешь, как бы отчаянно ты ни старался.

Кроме всего прочего, ярмарка братьев Сомбра, судя по всему, была вполне подходящим и приветливым местом, чтобы здесь мог обосноваться урод. Джоэль Так и я. Уроды.

6

Дочь солнца

Правление ярмарки располагалось в трех ярко раскрашенных трейлерах, каждый из которых переливался всеми цветами радуги. Они стояли как бы квадратом — не хватало четвертой стороны. Вся конструкция была обнесена переносной металлической оградой. Офис мистера Тимоти Джордана Студня находился в длинном трейлере, стоящем слева, там же обитали бухгалтер и женщина, выдававшая по утрам рулоны билетов.

Мне пришлось полчаса подождать в скромной комнатке с полом, покрытым линолеумом, в которой лысый бухгалтер, мистер Дули, сосредоточенно копался в кипах документов. Не прерывая работы, он то и дело брал что-нибудь с тарелки, полной редиски, стручков острого перца и черных оливок, и откусывал кусочек.

Пряный аромат его дыхания наполнял комнату, но никто из входивших, похоже, не обращал на это внимания или вовсе этого не замечал.

Я был почти готов к тому, что кто-нибудь вбежит и скажет, что пропал кто-то из балаганщиков или даже что его нашли мертвым неподалеку от павильона электромобилей. И тогда их взгляды обратятся на меня, потому что я был посторонним, пришлым, самым подходящим подозреваемым, и тогда они прочтут вину на моем лице, и... Но никто не поднимал тревогу.

Наконец мне сказали, что мистер Джордан готов принять меня. Войдя в его офис в задней части трейлера, я с первого взгляда понял, почему он заработал такое прозвище. Он не дотягивал добрых двух-трех дюймов до шести футов роста, дюймов на шесть-семь ниже Джоэля Така, но весил никак не меньше, чем Джоэль, — минимум двести семьдесят фунтов. Лицо его напоминало пудинг, у него был круглый нос, похожий на бледную сливу, и подбородок, бесформенный, как запеченное в тесте яблоко.

Когда я шагнул к нему на порог, на его рабочем столе описывала круги игрушечная машинка — миниатюрная копия автомобиля с откидным верхом. В машине сидели четыре жестяных клоуна, которые во время движения по очереди подсакивали и садились на место.

Заводя еще одну игрушку, он обратился ко мне:

— Взгляни-ка на эту. Только вчера ее получил. Абсолютно замечательная. Абсолютно.

Он поставил игрушку, и я увидел, что это была металлическая собака с лапами на шарнирах, при помощи которых она, медленно кувыркаясь, передвигалась по столу. Когда он смотрел на нее, глаза его горели от восхищения.

Оглядев комнату, я увидел, что игрушки были повсюду. Одна из стен была украшена книжными полками, но книг на них не было. Вместо них — пестрая коллекция миниатюрных заводных машинок, грузовичков, статуэтки и жестяная мельница, основным предметом гордости которой были, очевидно, вертящиеся лопасти. В углу две марионетки свисали с

крючка — чтобы не перекрутились их ниточки, в другом углу — кукла-чрево вещатель, заботливо посаженная на табуретку.

Я снова взглянул на стол, и как раз вовремя — собака медленно переворачивалась последний раз. Ее пружина раскрутилась до конца, позволив собаке сесть на задние лапы и поднять передние, словно прося одобрения за свои трюки.

Студень Джордан поглядывал на меня, широко ухмыляясь:

— Ну, разве это не абсолютный абсолют? Я сразу почувствовал к нему симпатию.

— Обалденно, — ответил я.

— Значит, ты хочешь присоединиться к работе у братьев Сомбра? — спросил он, откинувшись в кресле, как только я сел в другое.

— Да, сэр.

— Я так полагаю, что ты вовсе не концессионер со своей собственной лавочкой, который хочет купить право на место.

— Нет, сэр. Мне только семнадцать.

— Ой, только не надо ссылаться на молодость! Я знал концессионеров не старше тебя. Одна крошка начала в пятнадцать с «веселыми весами». Язык у нее был подвешен отменно, простакки шли как зачарованные, и дела у нее пошли на лад — присоединила к своей маленькой империи еще пару небольших аттракционов, а в твоём примерно возрасте смогла осилить покупку «утиной охоты», а «утиная охота» — штука не из дешевых. Тридцать пять тысяч, так-то.

— Ну, думаю, по сравнению с ней меня можно считать в этой жизни неудачником.

Студень Джордан ухмыльнулся, ухмылка его была добрая.

— Ну тогда ты, должно быть, хочешь стать работником у братьев Сомбра.

— Да, сэр. Или, если кому из концессионеров требуется помощник, не важно для чего...

— Мне кажется, что ты всего лишь бык, ходячий мускул, каких пруд пруди. Вряд ли способен на большее, чем раскрутить «бомбардировщик» или чертово колесо, — разве что на погрузке-разгрузке стоять да таскать оборудование на своем горбу. Я прав? Кроме пота, ты ничего предложить не можешь?

Я подался вперед в кресле.

— Я могу работать с любым фокусом на ловкость, какие только существуют на свете, любой аттракцион на победителя. Я управляю «мышкой в норке» ничуть не хуже других. Я могу быть зазывалой, у меня, черт возьми, это выходит лучше, чем у двух из каждых трех, кого я видел, кто зарабатывал на хлеб глоткой во всех трупках и шапито, где я работал. Я, конечно, не утверждаю, что я прирожденный балаганщик из тех, что работают на лучших карнавалах вроде вашего. Я прекрасно подойду на роль Мужика в «облей одним ударом» — во-первых, потому, что не боюсь промокнуть, а во-вторых, потому, что умею хамить простакам не грубо, а весело, а на веселое они всегда лучше реагируют. Я много чего умею делать.

— Ну-ну, — заметил Студень Джордан, — как видно, боги нынче улыбаются братьям Сомбра. Черт меня возьми, если это не так — послать нам такого замечательного молодого мастера на все руки. Абсолютно замечательно. Абсолют.

— Можете шутить надо мной сколько угодно, мистер Джордан, но, пожалуйста, найдите мне что-нибудь. Я даю слово, что не разочарую вас.

Он встал и потянулся, колыхая пузом.

— Ну что ж, Слим, я, пожалуй, поговорю о тебе с Райей Рэйнз. Она концессионер, и ей нужен человек для работы с силомером. Занимался этим раньше?

— Конечно.

— Прекрасно. Если ты ей понравишься и вы найдете общий язык, то все в порядке, оставайся там. Если не найдете, возвращайся ко мне — я тебя пристрою к кому-нибудь другому или запишу в платежную ведомость братьев Сомбра.

Я тоже поднялся с места.

— А эта миссис Рэйнз...

— Мисс.

— Раз вы подняли эту тему... с ней трудно найти общий язык или как?

— Увидишь. Ладно, теперь что касается того, где спать. Сдается мне, что собственного трейлера у тебя нет, как и концессии, так что тебе надо устроиться в одном из спальных трейлеров шоу. Я посмотрю, кому нужен сосед, и тогда ты заплатишь деньги за первую неделю Монете Дули — бухгалтеру, ты с ним столкнулся в той комнате.

Я суетливо дернулся:

— Э-э... ну, у меня там снаружи рюкзак и спальный мешок, и, по правде сказать, я предпочитаю раскинуться под звездным небом. Для здоровья полезнее.

— Здесь это не позволено, — отрезал он. — Если бы мы такое допустили, тут бы целая куча быков дрыхла на земле, напивались бы в открытую и совокуплялись со всеми — от баб до бродячих кошек, а мы бы выглядели как полнейший бродячий цирк, а мы вовсе не бродячий цирк. Мы держим класс во всем.

— А-а.

Он поднял голову и покосился на меня:

— На мели?

— Ну...

— Не можешь платить за ночлег?

Я пожал плечами.

— Две недели будешь жить за наш счет, — сказал он. — После этого будешь платить наравне со всеми.

— Ну, спасибо, мистер Джордан.

— Зови меня Студнем — ты теперь один из нас.

— Спасибо, Студень, но за ваш счет я буду жить только одну неделю. Потом я уже встану на ноги. Ну что, мне отправляться к силомеру прямо сейчас? Я знаю, где он находится, и я знаю, что у вас сегодня открытие в одиннадцать часов, иными словами, ворота откроются через десять минут.

Он по-прежнему косился на меня. Под глазами образовались жировые складки, нос-слива сморщился, точно вот-вот станет черносливом. Он спросил:

— Ты уже завтракал?

— Нет, сэр. Я не был голоден.

— Скоро обед.

— Я все равно не голодный.

— А я всегда голодный, — сообщил он. — Ты вчера вечером ужинал?

— Я?

— Ты.

— А как же.

Он скептически нахмурился, порылся у себя в кармане, выудил оттуда пару долларовых бумажек и двинулся из-за стола в мою сторону, протягивая руку с деньгами.

— О нет, мистер Джордан.

— Студень.

— Студень. Я это не могу принять.

— Это просто взаймы, — ответил он, взял мою руку и всунул в нее доллары. — Позже отдашь. Это абсолютный факт.

— Но я не до такой уж степени на мели. У меня есть немного денег.

— И сколько?

— Ну... десять баксов.

Он опять ухмыльнулся:

— Покажи...

— Э-э...

— Лгун. Сколько в самом деле?

Я уставился на собственные башмаки.

— Ну, честно? Только правду, — предостерегающе повторил он.

— Ну... э-э... двенадцать центов.

— О да, я понял. Ты абсолютный Рокфеллер. Силы небесные, да я от стыда готов сквозь землю провалиться, как подумаю, что хотел дать тебе взаймы. Богач в семнадцать лет, не иначе наследник Вандербильда! — Он протянул мне еще два доллара. — А теперь послушай меня, мистер Плейбой-денег-как-грязи. Ты сейчас отправишься в пробеголку Сэма Трайзера, что возле карусели. Это одна из лучших, к тому же открывается пораньше, чтобы обслуживать балаганщиков. Как следует перекусишь и только потом пойдешь к Райе Рэйнз и ее силомеру.

Я кивнул, смущенный своей бедностью, потому что Станфеусс никогда не надеялся ни на кого, кроме Станфеуссов. Тем не менее робкий и клянувший себя, я все же был благодарен толстяку за его добродушную, веселую благотворительность.

Я уже дошел до двери и открыл ее, когда он сказал:

— погоди минутку.

Обернувшись, я обратил внимание, что он смотрит на меня не так, как вначале. Сперва он измерял меня взглядом, чтобы определить мой характер, возможности и чувство ответственности. Сейчас это был взгляд, каким участник скачек осматривает лошадь, на которую собирается поставить.

— Ты сильный юноша, — сказал он. — Хорошие бицепсы. Хорошие плечи. И двигаешься хорошо. Судя по твоему виду, ты бы смог за себя постоять в трудной ситуации.

От меня, видимо, ждали какого-нибудь ответа, поэтому я отозвался:

— Ну... в общем, да.

Мне стало любопытно, что он скажет, если я расскажу ему, что уже убил четырех гоблинов — четырех тварей со свиными рылами, собачьими клыками и змеиными языками, с кровожадными красными глазами и когтями, словно рапиры.

С минуту он молча рассматривал меня и наконец заговорил:

— Слушай, если ты найдешь общий язык с Райей, на нее ты и будешь работать. Но я хотел бы, чтобы завтра ты выполнил необычную работенку для меня. Вряд ли там будет серьезная заварушка, хотя опасность есть. Неприятности поодиночке не ходят, и на них желательно иметь хороший кулак. Правда, я думаю, что тебе просто придется стоять поблизости с устрашающим видом.

— Как пожелаешь, — ответил я.

— Даже не спросишь, что за работа?

— Это ты можешь объяснить и завтра.

— Ты не хочешь даже иметь возможность отказаться?

— Нет.

— Это связано с определенным риском.

Я поднял руку, в которой были зажаты четыре доллара:

— Ты купил рискованного парня.

— Дешево же ты продаешься.

— Меня купили не четыре доллара, Студень. Меня купила доброта.

От этого комплимента ему стало не по себе.

— Выметайся отсюда к черту, лопай свой завтрак и ступай зарабатывать на жизнь. Нам тут бездельников не надо.

Чувствуя себя лучше, чем когда-либо за последние месяцы, я вышел в передний офис. Дули Монета сказал, что я могу оставить свое барахло у него, пока они не подыщут мне место трейлере. Затем я отправился в забегаловку Сэма Трайзера, чтобы взять что-нибудь поесть. Такие местечки здесь именовали забегаловками, или пробеголками, потому что там не было мест, чтобы сидеть — приходилось хватать еду и жевать на ходу. Я купил две превосходные сосиски с соусом чили, жареной картошки, ванильный коктейль и направился к аллее.

По сравнению с большинством подобных ярмарок местного значения эта была выше

среднего уровня, почти большая — конечно, далеко не такая большая, как крупные ярмарки, например, в Милуоки, Сент-Поле, Топике, Питсбурге и Литл-Роке, где в удачный день только с платы за вход набиралось до четверти миллиона долларов. И все же четверг — уже почти уик-энд. К тому же было лето, дети были на каникулах, многие взрослые — в отпуске. Кроме того, в сельской Пенсильвании ярмарка была самым большим развлечением — люди приходили сюда за пятьдесят-шестьдесят миль. Так что, хотя ворота только-только открылись, в аллее было уже около тысячи посетителей. Все игры и аттракционы были готовы к работе, и их операторы устанавливали турникеты для прохода. Уже заработали некоторые из каруселей. В воздухе витали ароматы попкорна, дизельного топлива, жира — от походной кухни. Двигатель пестрой машины фантазии еще только набирал обороты, но пройдет несколько часов — и он заработает на полную мощность: сотни экзотических звуков, все охватывающее великолепие цвета и движения, разрастающиеся до тех пор, пока в конце концов не будет казаться, что они стали самой вселенной, и невозможно представить, что что-то существует за пределами ярмарочной площади.

Проходя мимо павильона электромобилей, я почти ожидал увидеть там полицию и толпу зевак. Но билетный киоск был открыт, машины разъезжали по помосту, а простачки вопили друг на друга, сталкиваясь с автомобиличками. Если даже кто-то и заметил свежие пятна на помосте, он не заподозрил в них кровь.

Я раздумывал о том, куда мой неведомый помощник спрятал труп и, когда он в конце концов объявится, что он потребует от меня за свое молчание?

Я прошел почти две трети проезда, пока добрался до силомера. Он располагался на внешней стороне аллеи, втиснутый между аттракционом с шариками и маленькой полосатой палаткой гадалки. Силомер представлял из себя простейшее сооружение, состоявшее из деревянной наковаленки размером в восемнадцать квадратных дюймов, подвешенной на веревках и служившей для измерения силы удара, деревянного задника в виде термометра высотой в двадцать футов и колокольчика на верхушке термометра. Парни, желающие произвести впечатление на своих подружек, платили полдоллара, брали у оператора деревянную кувалду и, как следует размахнувшись, били по наковальне. От удара маленький деревянный брусок подскакивал вверх по термометру, на котором были нанесены пять делений: «Бабуля», «Дедуля», «Хороший мальчик», «Крепкий парень» и «Мужчина!». Если ты был «Мужчина» до такой степени, что тебе удавалось поднять брусок до самого верха, чтобы зазвенел колокольчик, то, помимо восхищения девчонки и возможности залезть к ней под юбку до конца вечера, ты получал приз — недорогое чучело животного.

Возле силомера стоял стенд с игрушечными медведжатами — они были почти наполовину дешевле обычных призов в такой игре, а на табуретке рядом с медведжатами сидела самая красивая девушка, какую я когда-либо видел. На ней были коричневые вельветовые джинсы и блузка в красно-коричневую клетку. Ее тоненькая фигурка была восхитительно пропорционально сложена, хотя, по правде сказать, поначалу я не особенно обратил внимание на ее формы — в первый момент все мое внимание было приковано к ее волосам и лицу. Густые, мягкие, шелковистые волосы, слишком светлые, чтобы быть каштановыми, и слишком каштановые, чтобы считать ее блондинкой, были зачесаны на одну сторону, почти скрывая глаз, как у Вероники Лэйк, кинозвезды прежних лет. Если в ее совершенном лице и был какой-то изъян, так это именно совершенство черт, придававшее лицу мягкий оттенок холодности, отчужденности и неприступности. Глаза были большие, синие и ясные. Свет жаркого августовского солнца струился на нее так, словно она стояла на сцене, а не восседала на обшарпанной деревянной табуретке, и освещал ее по-особенному — не так, как всех остальных на аллее. Солнце, казалось, ласкает ее, светясь радостью, как отец, глядящий на любимую дочь. Оно подчеркивало естественный блеск ее волос, горделиво выставляло напоказ гладкое, точно фарфоровое лицо, с любовью очерчивая скулы и нос, словно созданные ваятелем, не раскрывая полностью, лишь намекало на глубину и множество тайн, скрывавшихся в ее завораживающем взгляде.

В полном ошеломлении я стоял и смотрел на нее минуту-другую, слушая, как она

зазывает простаков.

Поддразнив одного из зевак, она посочувствовала ему, когда он за свои пятьдесят центов не сумел подняться выше «Хорошего мальчика», и с легкостью заставила его выложить еще доллар за три дополнительные попытки. Она нарушала все правила аттракционной болтовни: не насмехалась над простаками даже чуть-чуть, не повышала голос до крика — и тем не менее ее слова странным образом были слышны, несмотря на музыку из палатки цыганки-гадалки, на выкрики зазывалы из соседнего аттракциона с шарами и на растущий несмолкающий гул пробуждающейся аллеи. Что самое необычное — она ни разу не встала со своего места, не прибегала к обычной энергичности балаганщиков — никаких драматических жестов, комических пританцовываний, громких шуток, сексуальных намеков, двусмысленностей — словом, ничего из стандартных приемов. Помимо восхитительно лукавого говорка, она сама была восхитительна. Этого было достаточно, и она была достаточно сообразительна, чтобы знать, что этого достаточно.

При взгляде на нее у меня перехватило дух.

Шаркающей самоуверенной походкой, какой я нередко пользовался при виде хорошеньких девушек, я наконец подвалил к ней. Она решила, что я — простак, желающий помахать кувалдой, но я ответил:

— Нет, мне нужна мисс Рэйнз.

— Зачем?

— Меня послал Студень Джордан.

— Тебя зовут Слим? Райа Рэйнз — это я.

— А-а. — В моем голосе сквозило изумление — она казалась совсем девчонкой, едва ли старше меня, и вовсе не производила впечатления хитрого и агрессивного концессионера, каким я воображал своего будущего работодателя.

По ее лицу скользнула легкая гримаса, которая, впрочем, не убавила ее красоты:

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать.

— А выглядишь моложе.

— Скоро будет восемнадцать, — сказал я оправдывающимся тоном.

— Так всегда бывает.

— То есть?

— Потом тебе будет девятнадцать, потом двадцать, а потом тебя уже никто не остановит. — В ее голосе отчетливо слышался сарказм.

Я почувствовал, что она из тех людей, которые предпочитают резкость подхалимажу, поэтому заметил с улыбкой:

— Похоже, с тобой было совсем по-другому. Мне так кажется, что ты с двадцати скакнула сразу на девяносто.

Ответной улыбки я не увидел. Она осталась такой же равнодушной, но гримаса исчезла.

— Говорить можешь?

— А я что, не говорю?

— Ты знаешь, о чем я.

Вместо ответа я взял молоток и ударил по наковальне достаточно сильно, чтобы колокольчик зазвенел, привлекая внимание ближайших простаков. Затем, повернувшись лицом к проезду, разразился зазывной речью. Через несколько минут я заработал три доллара.

— У тебя получится, — сказала Райа Рэйнз. Разговаривая со мной, она смотрела мне прямо в глаза, и от ее взгляда я вспотел сильнее, чем от солнечных лучей. — Только запомни вот что: во-первых, этот аттракцион — не жульничество, и ты это уже доказал, а во-вторых — никаких отговорок. Жульничество и отговорки не допускаются на ярмарке братьев Сомбра, и даже если бы допускались, то не у меня. Не так-то просто зазвонить в этот колокольчик, чертовски трудно, правду сказать. Но если простаку это удалось, если он выиграл, то он должен получить приз, а не отговорки.

— Понял.

Сняв передник для монет и коробочку с мелочью, она передала их мне. Речь ее была решительна и отрывиста, как у деловитого молодого начальника где-нибудь на «Дженерал моторс»:

— Я пришлю кого-нибудь к пяти часам, и ты будешь свободен до восьми вечера — поужинаешь, вздремнешь, если надо. Потом вернешься и будешь здесь, пока ярмарка не закроется. Выручку вместе с квитанциями принесешь вечером ко мне в трейлер, там, на лугу. Мой трейлер — «Эйстрим», самый большой. Ты его узнаешь — он единственный, который прицеплен к новому красному «Шевроле»-пикапу. Если ты будешь играть честно и не вздумаешь сделать глупость — залезть, к примеру, в кошелек и прикарманить часть выручки — у тебя не будет проблем с работой на меня. Я владею еще кое-чем, и я постоянно подыскиваю честного человека, которому можно довериться. Плату будешь получать в конце дня. Если проявишь себя умелым балаганщиком и сможешь поднять дневные сборы, соответственно и заработаешь больше. Если будешь со мной честным, дела у тебя пойдут лучше, чем с кем бы то ни было. Но — слушай внимательно и намотай себе на ус, — если попытаешься надуть меня, малыш, я возьму тебя за яйца и вышвырну вон. Мы поняли друг друга?

— Да.

— Отлично.

Я вспомнил, что говорил Студень Джордан — о девушке, которая начала с «веселых весов» и к семнадцати годам стала владелицей большой концессии, и поинтересовался:

— А в кое-что, чем ты еще владеешь, не входит «утиная охота»?

— "Утиная охота", один стенд с «веселыми весами», «городки», забегаловка, где торгуют пиццей, детская карусель под названием «Тунервильский трамвайчик» и семьдесят процентов в небольшом шоу, которое называется «Странные животные», — отчеканила она. — Кроме того, мне не двадцать и не девяносто — мне двадцать один, я прошла чертовски долгий путь из ничего за чертовски короткое время. Я далеко не простака, и если ты не будешь это забывать, Слим, то мы с тобой поладим.

Не поинтересовавшись, есть ли у меня еще вопросы, она пошла по проезду. При каждом широком решительном шаге ее маленькая, крепкая, аккуратная попка колыхалась под туго облегающей джинсовой тканью.

Я глядел ей вслед, пока она не затерялась в прибывающей толпе. Затем, внезапно осознав, в каком я состоянии, я нацепил на себя передник с деньгами, повернулся к силомеру, схватил молоток и семь раз подряд ударил по наковальне так, что колокольчик прозвенел шесть раз. Я не прервался до тех пор, пока не смог глядеть на простаков, не стесняясь явно заметной эрекции.

Где-то после полудня я всерьез вошел во вкус, зазывая посетителей показать свою силу. Простаки сначала струились ручейком, этот ручеек вскоре стал ручьем, а ручей — целой рекой, которая текла без конца по проезду в теплом сиянии летнего дня, и я загребал их сверкающие полудолларовые монетки так успешно, как будто обчищал их карманы.

Хорошее настроение и энтузиазм не оставили меня даже тогда, когда в два с чем-то часа я увидел первого гоблина за этот день. Я уже привык встречать по семь-восемь гоблинов за неделю, а в тех местах, где работал при большом скоплении народа или когда проезжал большие города, где жителей было много, — даже больше. Я уже давно прикинул, что один из каждых четырех-пяти сотен людей — замаскированный гоблин, то есть только в США их почти полмиллиона. Так что, не приучи я себя к мысли, что встречу их повсюду, я бы свихнулся задолго до того, как попал на ярмарку братьев Сомбра. Теперь я уже знал, что они не ведают, какую угрозу я для них представляю. Им было невдомек, что я могу видеть сквозь их маскировку, поэтому они не проявляли ко мне особого интереса. Я страстно желал убить каждого гоблина, которого видел, — я по опыту знал, что они враждебно настроены ко всему человечеству и у них нет иной цели, кроме того, чтобы приносить боль и несчастья. Однако я редко сталкивался с ними в укромном месте, а поскольку я вовсе не горел желанием узнать,

как выглядят тюремные стены изнутри, я не осмеливался убивать ненавистных чудовищ на глазах у свидетелей, неспособных разглядеть демона в человеческом облике.

Тот гoblin, что прошел мимо силомера около двух часов, уютно устроился в теле обычного простака: светловолосого, крупного, с открытым лицом славного парня с фермы, лет восемнадцати-девятнадцати, одетого в куртку танкиста, укороченные джинсы и сандалии. Он был в компании двух парней того же возраста, ни один из которых не был гоблином, а он сам казался самым невинным и честным гражданином на свете — острил и веселился в свое удовольствие. Но под человеческим взглядом горели огнем глаза гоблина.

Парень с фермы не остановился возле силомера, и я, не прерывая болтовни, наблюдал за ним. Минут через десять я увидел второе чудовище. Это надело маску коренастого седого мужчины лет пятидесяти пяти, но мне была отчетливо видна его сущность.

Я знаю — то, что я вижу, — это не настоящий гoblin, упакованный в своего рода пластиковую плоть. Человеческое тело вполне реально. То, что я различаю, — думаю, это либо дух гоблина, либо биологический потенциал его плоти, способной менять свои очертания.

В четверть третьего я увидел еще двоих из них. Снаружи это была пара привлекательных девочек-подростков — провинциальные простушки, ослепленные блеском карнавала. А внутри скрывались чудовищные создания с трепещущими розовыми рылами.

К четырем часам мимо силомера прошло уже сорок гоблинов, и двое из них даже задержались, чтобы испытать свою силу. К этому моменту мое хорошее настроение улетучилось. В толпе на аллее было не больше шести-восьми тысяч человек, так что количество чудовищ среди них значительно превысило средний уровень.

Это было не просто так — что-то должно было случиться в аллее братьев Сомбра во второй половине дня. У этого необычного сбора гоблинов была одна цель — поприсутствовать при людском несчастье и страдании. Этот род, казалось, не просто радуется нашей боли — он расцветает на ней, питается ею, как будто наши муки — их единственная или основная пища. Только на местах трагедий мне доводилось видеть крупные сборища гоблинов: на похоронах четырех игроков футбольной команды, погибших при аварии автобуса в моем родном городе несколько лет назад; на месте страшной автокатастрофы в Колорадо и на пожаре в Чикаго. И сейчас чем больше гоблинов я видел среди нормальных людей, тем сильнее была меня холодная дрожь в жару.

К тому моменту, когда до меня дошло, в чем дело, я уже был настолько взвинчен, что серьезно подумывал вынуть из башмака нож, прирезать хотя бы одного-двоих из них и спастись бегством. Наконец я понял, что должно было случиться. Они пришли поглазеть на аварию в павильоне электромобилей, ожидая, что кого-нибудь из водителей покалечит или убьет. Ну да. Конечно. Так вот зачем этот ублюдок появился здесь прошлой ночью, когда я встал на его пути и убил его. Он готовил «несчастный случай». При мысли об этом я решил, что разгадал его затею — не зря же он возился в энергетическом узле двигателя одной из машинок. Убив его, я, сам того не ведая, спас какого-то бедного простака от удара электрическим током.

По линиям связи гоблинов прокатилось сообщение: «Смерть, боль, ужасные ранения и массовая паника — завтра на ярмарке! Не пропустите это восхитительное зрелище! Возьмите с собой жену и детей! Кровь и горящая плоть! Шоу для всей семьи!» Сообщение дошло до них, и они пришли, но обещанного пиршества из людского несчастья не состоялось, и теперь они бродили по ярмарке, гадая, что произошло, возможно, пытаясь разыскать убитого мною гоблина.

Начиная с четырех часов и до пяти, когда пришел сменщик, хорошее настроение уверенно возвращалось ко мне — я не видел больше врагов. Освободившись, я еще с полчаса рыскал в толпе, но гоблины, как видно, разочаровавшись, ушли все до одного.

Я пошел в забегаловку Сэма Трайзера поужинать. Поев, я почувствовал себя значительно лучше и даже начал что-то насвистывать, направляясь в контору, чтобы узнать, где меня разместили, и по пути столкнулся со Студнем Джорданом.

— Ну, как оно? — поинтересовался он, пытаясь перекричать музыку.

— Потрясающе.

Мы прошли мимо билетной будки, выбираясь из толпы простаков.

Он жевал шоколадно-ореховый крем. Облизав губы, он заметил:

— Похоже, Райа не отгрызла тебе ухо или палец.

— Она очень милая.

Он вскинул брови.

— Правда, она милая, — продолжал я оправдывающимся тоном. — Может, малость и резковата, слишком прямолинейна. Но это снаружи, а внутри — порядочная женщина, чуткая и достойная.

— Да, ты прав. Абсолютно. То, что ты говоришь, меня не удивляет — вот как ты так быстро понял ее, несмотря на ее жесткое поведение? Многим не хватает времени, чтобы разглядеть ее лучшую сторону, а кое-кто и вообще не видит.

Я еще больше приободрился, услышав от него подтверждение моему смутному психическому восприятию. Я хотел, чтобы она оказалась доброй. Я хотел, чтобы за поступками Снежной королевы скрывался хороший человек. Я хотел, чтобы она оказалась достойной. Черт возьми, к чему это все — я просто хотел ее, и я не хотел, чтобы объектом моего желания была обыкновенная стерва.

— Дули Монета нашел тебе место в одном из трейлеров, — сообщил Студень. — Займись-ка поселением, пока у тебя перерыв.

— Так и сделаю, — пообещал я.

В совершенно радостном настроении я уже было разошелся с ним и вдруг краем глаза заметил нечто, от чего совсем упал духом. Я дернулся в сторону, молясь, чтобы то, что я видел, мне просто показалось. Но это не было плодом воображения — оно не исчезало. Кровь. Все лицо Студня Джордана было в крови. Ясное дело, не в настоящей крови. Он расправлялся со своим шоколадным кремом, живой и здоровый, и не чувствовал никакой боли. Я увидел кровь зрением ясновидца — знамение грядущего насилия. На лицо живого Студня словно наложили изображение его мертвого лица — открытые невидящие глаза, полные щеки вымазаны кровью. Он плыл по реке времени навстречу не просто ранению, а... приближающейся гибели.

Он подмигнул мне:

— Что такое?

Предупредительный огонь погас.

— Что-то не так, Слим?

Как я мог сказать ему и заставить поверить мне? И даже если я смог бы убедить его, я не могу изменить будущее.

— Слим?

— Нет, — отозвался я. — Все в порядке. Я просто...

— Ну?

— Хотел тебя еще раз поблагодарить.

— Ты до омерзения вежлив, малыш. Я просто не могу удержаться и распускаю нюни при виде щенков. — Он нахмурился. — А теперь пошел вон с глаз моих.

Я поколебался. Затем, чтобы скрыть смущение и страх, поинтересовался:

— Это ты так подражаешь Райе Рэйнз?

Он снова подмигнул мне и ухмыльнулся:

— Ага. Ну и как оно?

— Еще недостаточно грубо.

Оставив его хохотать, я пошел прочь, пытаясь убедить себя, что мои предчувствия никогда не сбываются...

(хотя они сбывались)

...и что, даже если ему и суждено умереть, это случится еще не скоро...

(хотя я ощущал, что это случится совсем скоро)

...и, даже если это должно случиться скоро, наверняка есть что-то, что я могу сделать, чтобы предотвратить это.

Что-то.

Наверняка есть что-то.

7

Ночной гость

Ближе к полуночи толпа начала редеть, и аттракционы стали по одному закрываться, но я не закрывал силомер до половины первого, чтобы получить еще несколько полудолларовых монет — мне хотелось поднять первую дневную выручку до отметки «Мужчина!», а не просто «Хороший мальчик». Когда я закрыл аттракцион и направился в сторону луга, где балаганщики разбили свой лагерь на колесах, было уже несколько минут второго.

За моей спиной последние фонари на аллее мигнули и погасли, как будто вся ярмарка сегодня ориентировалась только на меня.

Впереди и ниже по ходу, на просторном поле, окруженном лесом, ровными рядами стояло сотни три трейлеров. Большинство из них принадлежали концессионерам и их семьям, но три-четыре десятка были собственностью братьев Сомбра. Эти трейлеры сдавали в аренду тем балаганщикам, кто, подобно мне, не мог позволить себе собственное жилье. Кое-кто называл этот караван Джибтауном-на-колесах. На зимние месяцы, когда ярмарочный сезон заканчивался, большинство этих людей отправлялись на юг, в Джибсонтон, штат Флорида, который местные жители, его основатели, называли Джибтауном. Население этого города составляли исключительно балаганщики. Джибтаун был для них гаванью, надежным тылом, единственным местом на целом свете, где был их настоящий дом. С середины октября до конца ноября они двигались в сторону Джибтауна, вливаясь в этот поток из всех шоу страны — из крупных компаний вроде И. Джеймс Стрэйтс и из крохотных шапито и бродячих трупп. Там, в солнечной Флориде, их ждали либо окруженные дивной природой стоянки для трейлеров, либо трейлеры побольше, укрепленные на основательном бетонном фундаменте. В этом убежище они оставались до весны, когда начинался новый сезон странствий. Даже в межсезонье они предпочитали быть все вместе, отдельно от остального мира. Этот мир казался им слишком скучным, неприветливым, полным ненужных правил. И в дороге, независимо от того, куда забрасывала их судьба во время сезона скитаний, они держались своего идеала — Джибсонтона и каждый вечер возвращались в знакомые места, в Джибтаун на колесах.

Остальная Америка в последнее время тяготеет скорее к фрагментарности. С каждым годом слабеют связи в этнических группах; церкви и все прочее, что когда-то склеивало общество, теперь повсюду называют бесполезными и даже тягостными. Наши соотечественники словно бы усмотрели в механизме вселенной упорный зов хаоса и, подражая, пытаются тягаться с ним, даже если это ведет к самоуничтожению. Среди балаганщиков, напротив, сохраняется чувство общности, которое берегут, как сокровище, и которое не уменьшается с течением времени.

Я спускался по тропинке вниз по холму на луг, теплый, как само лето. Все звуки на аллее смолкли, в темноте раздавалось пение сверчков, и янтарный свет в окошках всех этих трейлеров казался каким-то призрачным. Он словно мерцал во влажном воздухе — это было похоже не столько на электрическое освещение, сколько на огни костров и масляных площаек в примитивных поселениях прежних эпох. И на самом деле, когда темнота окутала все приметы современности, а странная игра света, пробивающегося сквозь абажуры и занавески, размыла их черты, Джибсонтон на колесах стал похож на цыганский табор, защищающийся стеной кибиток от неприязни местных жителей в каком-нибудь сельском уголке Европы в XIX веке. К тому моменту, как я шагнул в проход между ближайшими трейлерами, огни начали гаснуть один за другим — усталые балаганщики ложились спать.

На лугу царил покой — характерная черта, порожденная обязательным для

балаганщиков уважением к соседям. Не раздавались громкие голоса по радио или телевизору, не было слышно ни одного плачущего ребенка, оставленного без присмотра, ни единой лающей собаки — ничего из того, что всегда услышишь в так называемом уважаемом районе в «правильном» мире. А когда наступит день, то будет видно, что на дорожках между трейлерами нет никакого мусора.

Еще днем, во время перерыва, я отнес свои вещи в трейлер, который снимали, кроме меня, еще трое парней. Потом я бродил по лугу, отыскивая трейлер «Эйрстрим», принадлежащий Райе Рэйнз. С тяжелым грузом монет и толстой пачкой долларовых купюр в переднике-кошельке я направился прямо туда.

Дверь была открыта, и я увидел Райю. Она сидела в кресле, в масляно-желтом свете настольной лампы, и разговаривала с карлицей.

Я постучал в открытую дверь, и Райа отозвалась:

— Входи, Слим.

Я поднялся по трем металлическим ступенькам лестницы. Карлица обернулась и посмотрела на меня. Она была неопределенного возраста — то ли двадцать лет, то ли пятьдесят, наверняка не скажешь. Ростом дюймов сорок, нормальное тело, укороченные руки и ноги и большая голова. Мы представились. Карлицу звали Ирма Лорас, она заведовала принадлежащим Райе аттракционом «городки». На ней были детские теннисные туфли, черные брючки и свободная блузка персикового цвета с короткими рукавами. Густые глянцевые черные волосы отливали синевой, как вороново крыло. Волосы были красивые, и она явно ими гордилась, судя по тому, сколько сил было потрачено на то, чтобы с таким мастерством подстричь и уложить их вокруг чересчур крупного лица.

— Ах да, — сказала Ирма, протягивая маленькую ручку и чуть подергиваясь. — Я слышала о тебе, Слим Маккензи. Миссис Фрадзелли, которая вместе со своим мужем Тони является хозяйкой «дворца Бинго», говорит, что ты слишком молод, чтобы быть самостоятельным, и что ты безумно жаждешь домашней пищи и материнского внимания. Харв Сивен, хозяин одного из аттракционов-массовок, считает, что ты либо убегаешь от армии, либо драпаешь от копов, поймавших тебя на какой-нибудь ерунде... катался, к примеру, в чужой машине; и в том, и в другом случае он считает тебя стоящим парнем. Балаганщики говорят, что ты знаешь, как надо управлять простаками, и что через несколько лет ты, может статься, будешь лучшим зазывалой на ярмарке. А Боб Уэйланд, владелец карусели, малость обеспокоен, потому что его дочь считает тебя просто принцем из сказки и заявляет, что умрет, если ты не обратишь на нее внимание. Ей шестнадцать лет, зовут ее Тина, и на нее стоит обратить внимание. А мадам Дзена, известная также как миссис Перл Ярнелл из Бронкса, наша цыганка-гадалка, говорит, что ты Телец, что ты на пять лет старше чем выглядишь, и что ты бежишь от несчастной любви.

Меня не удивило то, что многие балаганщики прогулялись к силомеру, чтобы взглянуть на меня. Это была тесная община, а я был новичком, так что их любопытство было вполне объяснимым. Тем не менее сообщение о влюбленной Тине Уэйланд смутило меня, а «психическое» видение мадам Дзены рассмешило.

— Ну, Ирма, — ответил я, — я и в самом деле Телец, семнадцати лет от роду, ни у одной девушки до сих пор не было даже шанса разбить мне сердце — а если миссис Фрадзелли хорошо готовит, можешь передать ей, что я каждый вечер рыдаю до беспамятства, стоит мне подумать о домашней пище.

— И ко мне милости прошу, — с улыбкой ответила Ирма. — Заходи, познакомишься с Поли, моим мужем. В самом деле, почему бы тебе не заглянуть к нам в следующее воскресенье вечером, когда мы обустроимся на следующей остановке нашего маршрута. Я угощу тебя цыпленком с соусом чили, а на десерт — мой знаменитый пирог под названием «Черный лес».

— Обязательно загляну, — пообещал я.

Насколько мой опыт позволял мне судить, карлики быстрее всех прочих балаганщиков принимали чужака, открывались ему навстречу, были первыми, кто выказывал доверие,

улыбался и смеялся. Первое время я склонен был думать, что их, казалось, безграничное дружелюбие вызвано уязвляющим их недостатком — малым ростом. Я рассуждал так: если ты настолько мал ростом, ты просто обязан быть дружелюбным, чтобы не стать легкой мишенью для хулиганов, пьяных и грабителей. Но после того, как я поближе узнал некоторых из этих малышей, я постепенно понял, что мой анализ их открытых натур был не только упрощенным, но и неблагородным. В целом — то же можно сказать и о любом из них — карлики были людьми с сильной волей, уверенные в себе и полагающиеся только на себя. В них было не больше страха перед жизнью, чем в людях нормального роста. У их открытости иные корни, в немалой степени она проистекает из сочувствия, порожденного страданием. Но в ту ночь, в «Эйрстриме» Райи Рэйнз, я был еще молод и всему учился и еще не обладал знанием их психологии.

В ту ночь я не понимал также и Райю, но меня потрясло, насколько резко различались темпераменты этих двух женщин. Ирма была сама теплота и открытость, в то время как Райа оставалась холодной и замкнутой. У Ирмы была прекрасная улыбка, и она всю пользовалась ею — Райа изучала меня чистыми голубыми глазами, которые впитывали все, но ничего не выпускали наружу. На ее лице ничего нельзя было прочесть.

Райа сидела в кресле босиком — одна нога вытянута вперед, другая подогнута. Вся она была воплощением мечты молодого парня. На ней были белые шорты и бледно-желтая футболка. Босые ноги покрыты хорошим загаром. Стройные лодыжки, красивые икры, гладкие коричневые колени и крепкие бедра. Мне захотелось провести ладонями по этим ногам, ощутить крепкие мышцы ее бедер. Но вместо этого я засунул руки в передник с деньгами, чтобы она не увидела, как они трясутся. Футболка, слегка влажная из-за жары, соблазнительно прилипла к ее полным грудям, и сквозь тонкий хлопок можно было разглядеть соски.

Райа и Ирма резко контрастировали друг с другом, слава генетики и ее хаос, верхняя и нижняя ступеньки лестницы биологической фантазии. Райа Рэйнз была концентрацией телесной женственности, совершенством линий и форм, прекрасно воплощенным замыслом природы. А Ирма была напоминанием о том, что, несмотря на сложный механизм и тысячелетия практики, природа редко преуспевала в выполнении задачи, поставленной перед нею богом, — «Доведи это подобие до образа моего». Если природа — божественное изобретение, механизм, вдохновленный богом, а моя бабушка говорила, что так оно и есть, тогда почему бы ему не спуститься и не починить этот чертов механизм? Механизм обладает немалыми возможностями, и доказательством тому была Райа Рэйнз.

— Выглядишь ты на семнадцать, — сказала карлица, — но черт меня возьми, если ты действуешь или чувствуешь себя как семнадцатилетний.

Не зная, что на это ответить, я лишь пробормотал:

— Ну...

— Может, тебе и семнадцать, но ты мужчина, яснее ясного. Я, наверное, так и скажу Бобу Уэйланду, что для Тины ты чересчур мужчина. В тебе есть сила.

— Что-то... темное, — добавила Райа.

— Да, — согласилась Ирма. — Что-то темное. И это тоже.

Они были любопытные, но они были также балаганщиками. Они не стеснялись сказать мне, кто я есть, но они в жизни бы не спросили меня обо мне самом без моего согласия.

Ирма ушла, и я разложил перед Райей на кухонном столе деньги и квитанции. Она сказала, что выручка была на двадцать процентов выше, чем обычно. Выдав мне дневную плату наличными, она добавила еще тридцать процентов от тех двадцати. Это показалось мне неслыханной щедростью — я прикидывал, что процент от выручки мне будут платить не раньше чем через пару недель.

Когда мы закончили расчеты, я снял передник уже безо всякого смущения — эрекция, которую он прикрывал, спала. Она стояла у стола рядом со мной, я по-прежнему видел недостаточно прикрытые контуры ее грудей, и при взгляде на ее лицо у меня по-прежнему перехватывало дух. Но теперь гоночный двигатель моего желания сбавил обороты и лениво

вертелся вхолостую — из-за ее деловитости и непримиримой холодности.

Я сказал ей, что Студень Джордан попросил сделать для него завтра одно дело, так что я не знаю, когда смогу завтра приступить к работе на силомере, но она была уже в курсе.

Она сказала:

— Когда закончишь, что там поручит тебе Студень, возвращайся на силомер и подмени Марко, того парня, что работал во время твоего, перерыва. Он поработает, пока ты будешь в отлучке.

Затем:

— Слим?

Я остановился и повернулся к ней:

— Что?

Она стояла, уперев руки в бока, сердито нахмурившись, сузив глаза, с вызывающим видом. Я решил, что сейчас мне за что-то крепко влетит, но она сказала:

— Добро пожаловать на борт.

Не уверен, знала ли она, как вызывающе выглядит, и знала ли она, как выглядеть по-другому.

— Спасибо, — ответил я. — Приятно почувствовать палубу под ногами.

Своим ясновидением я разглядел манящую нежность, особую уязвимость под броней, которую она сотворила, чтобы защититься от мира. Я сказал Студню правду: я в самом деле чувствовал, что за маской крутой амазонки прячется чувствительная женщина. Но сейчас, стоя в дверном проеме и глядя на нее, стоящую в вызывающей позе возле стола, заваленного деньгами, я почувствовал еще кое-что — горечь, которой не замечал раньше. Это была глубокая, хорошо скрываемая и непроходящая меланхолия. И хотя эти психические излучения были смутны и неопределенны, они глубоко взволновали меня. Захотелось вернуться и обнять ее — без каких-либо сексуальных намерений, просто приласкать ее и, может быть, хоть отчасти развеять ее загадочную тоску.

Но я не шагнул к ней, не заключил ее в объятия, потому что знал, что мой порыв будет неверно понят. Черт, я живо представил, как она врежет мне коленом в пах, с грохотом вышвырнет из дверей, спихнет по металлическим ступенькам, пока я не поползу по земле, и уволит меня.

— Если и дальше будешь хорошо работать на силомере, — сказала она, — надолго там не застрянешь. Я найду для тебя что-нибудь получше.

— Буду стараться.

Уже направляясь к креслу, в котором сидела, когда я вошел, она добавила:

— Я собираюсь покупать еще концессию или две в том году. Большие аттракционы. Мне нужны будут надежные люди, чтобы управлять ими.

Я понял — она не хотела, чтобы я уходил. Не то чтобы она заинтересовалась мной, не то чтобы я был неотразим или что-то еще в этом же духе. Райа Рэйнз просто не хотела оставаться одна в этот час. Вообще — да, но только не теперь. Она попыталась бы удержать любого гостя, кто бы он ни был. Но я не стал поступать так, как мог бы, ощутив шестым чувством ее одиночество, — я понял к тому же, что она сама не знает, насколько явно видно это одиночество. Если она поймет, что маска крутой самоуверенности, которую она так тщательно создавала, на время стала прозрачной, она смутится. И разозлится. И, конечно же, даст своему гневу излиться на меня.

Поэтому я просто сказал:

— Ну, надеюсь, что я тебя не разочарую. — Я улыбнулся, кивнул ей и добавил: — Увидимся завтра. — И вышел наружу.

Она не окликнула меня. В глубине моего полуношеского незрелого, непоколебимо романтического сердца я надеялся, что она позовет меня, и когда я обернусь, то увижу ее в дверном проеме трейлера, и свет будет падать на нее сзади так, что дух захватит, и что она произнесет — мягко и нежно — что-то невообразимо соблазнительное, и мы пойдем в постель навстречу целой ночи безудержной страсти. В реальной жизни ничего подобного

никогда не бывает.

Дойдя до конца лестницы, я действительно обернулся и посмотрел назад, и я действительно увидел ее, и она действительно смотрела мне вслед, но она по-прежнему была внутри, снова устроившись в кресле. Она представляла собой настолько умопомрачительно сексуальное зрелище, что на какой-то миг я бы не двинулся с места, даже если бы на меня навалился гоблин с глазами, горящими огнем убийства. Ее голые босые ноги были вытянуты и чуть раздвинуты. Свет лампы придавал ее нежной коже маслянистый блеск. Свет ложился так, что между ее грудей пролегли тени, подчеркивающие их соблазнительные очертания. Тонкие руки, нежная шея, светло-каштановые волосы — все светилось величественным золотым светом. Свет не просто показывал и с любовью ласкал ее — более того, она сама казалась источником света, как будто светила не лампа, а она сама. Ночь пришла, но солнце не покинуло свою дочь.

Отвернувшись от открытой двери, я с тяжело бьющимся сердцем сделал шага три в ночь, по тропинке между трейлерами — и потрясенно замер, увидев Райю Рэйнз, возникшую передо мной в темноте. Эта Райа была в джинсах и грязной блузке. Сперва ее образ был колеблющимся, размытым, бесцветным — словно фильм на колышущемся черном экране. Но через секунду-другую она стала четкой и ясной, неотличимой от настоящей, хотя совершенно очевидно не была настоящей. Эта Райа не была, кроме того, эротичной. Ее лицо было мертвенно-бледным, и из одного уголка чувственного рта текла струйка крови. Я разглядел, что блузка ее испачкана не грязью, а кровью. Ее шея, плечи, грудь, живот были темными от крови. Она шептала голосом тихим, как взмах крыла бабочки, слова с трепетом слетали одно за другим с ее губ, мокрых от крови: «Умираю, умираю... не дай мне умереть...»

— Нет, — отозвался я еще тише, чем призрак. И, как дурак, шагнул вперед, чтобы обнять и приласкать видение Райи со всей нежностью и мгновенной отзывчивостью, которые покинули меня, когда настоящая женщина нуждалась в ласке и утешении. — Нет, я не дам тебе умереть.

С непостоянством, характерным для грез, она пропала. Ночь была пуста.

Споткнувшись, я прошел через то место, где в спертom воздухе только что была она.

Я упал на колени и склонил голову.

В такой позе я оставался некоторое время.

Я не желал принимать послание от этого видения. Но я не мог этого избежать.

Неужели я преодолел три тысячи миль, неужели я подчинился Жребию, позволив ему выбрать для меня новый дом, неужели я начал обзаводиться новыми друзьями только для того, чтобы увидеть, как все они гибнут в каком-то невозможном катаклизме?

Если бы только я мог предвидеть опасность, тогда бы я предупредил Райю, Студня и любого другого, кто мог стать возможной жертвой, и если бы я смог убедить их в моих способностях, они могли бы предпринять что-нибудь, чтобы избежать смерти. Но хотя я усилил восприимчивость насколько это было возможно, я не мог уловить ни малейшего намека на характер надвигающейся катастрофы.

Я просто знал, что здесь замешаны гоблины.

Мне стало дурно, когда я подумал о грядущих потерях.

Не помню, сколько времени я простоял на коленях среди пыли и сухой травы. Наконец я с трудом поднялся на ноги. Никто не видел и не слышал меня. Райа не подошла к двери трейлера и не выглянула наружу. Я был один среди лунного света и пения сверчков. Я с трудом удерживался на ногах. Желудок мутило и сводило спазмами. Пока я был у Райи, большинство окон погасло и, когда я огляделся, еще несколько мигнуло и погасло. Кто-то готовил на ночь глядя яичницу с луком. В воздухе витал божественный аромат — обычно я становился голоден от одного такого запаха, но в моем нынешнем состоянии он только увеличил тошноту. Дрожа, я направился к трейлеру, в котором мне выделили койку.

Сегодня утром рассвет принес надежду, и когда я выходил на ярмарку из душевой под трибуной, окрестность казалась мне светлой и полной обещаний. Но точно так же, как некоторое время назад темнота пришла в аллею, так же пришла она и ко мне, просочилась в

меня, вокруг меня, наполнила меня всего.

Уже почти дойдя до своего трейлера, я осознал, что за мной следят чьи-то глаза, хотя никого не было видно. Прячась за одним из трейлеров, под ним или внутри его, кто-то следил за мной, и я был почти уверен — это тот, кто уволок труп гоблина из павильона электромобилей, а после шпионил за мной из одного из закоулков аллеи, закутанной в ночь.

Но я был слишком ошеломлен и чувствовал себя слишком потерянным, чтобы беспокоиться об этом. Я направился к себе в трейлер спать.

В трейлере была маленькая кухонька, гостиная, одна душевая и две спальни. В каждой спальне стояло по две кровати. Моим соседом по комнате был парень по имени Барни Куадлоу, грузчик, очень крупный и тугодум. Он был совершенно удовлетворен тем, что просто плывет по течению жизни, не утруждая себя мыслью о том, что с ним будет, когда он станет слишком стар, чтобы поднимать и таскать оборудование. Он был уверен, что ярмарка позаботится о нем, — и это было правдой. Мы уже встречались и перекинулись парой слов, не больше. Я не узнал его как следует, но он казался вполне добродушным, а когда я копнул его своим шестым чувством, то обнаружил самый спокойный характер, с каким мне доводилось сталкиваться.

Я подозревал, что гoblin, которого я убил в павильоне электромобилей, был грузчиком, как и Барни. Это объясняло отчасти, почему его исчезновение не вызвало особого шума. Грузчики были не самыми важными из работников. Многими из них двигала страсть к перемене мест, и иногда даже ярмарка передвигалась недостаточно быстро для них, так что они просто исчезали.

Барни спал, глубоко дыша, и я старался не разбудить его. Раздевшись до белья, я сложил одежду, повесил ее на стул и растянулся на своей кровати, улегшись поверх покрывала. Окно было открыто, легкий ветерок дул в комнату, но ночь была очень теплой.

Я не надеялся заснуть. Но иногда отчаяние бывает похоже на усталость, грузом лежащую на мозг, так что неожиданно быстро, не больше чем за минуту, этот груз столкнул меня в объятия забвения.

Я проснулся посреди ночи, тихой, как кладбище, и темной, как могила. Мне показалось со сна, что я заметил в коридоре, ведущем в спальню, чью-то тяжелую фигуру. Все лампы были погашены. Трейлер был полон многими слоями теней разной степени темноты, поэтому мне было не видно, кто там стоит. Просыпаться не хотелось, и я сказал себе, что это Барни Куадлоу направляется из ванной или в ванную. Но смутная фигура не удалялась и не вошла внутрь, она просто стояла и наблюдала. К тому же я слышал глубокое размеренное дыхание Барни с соседней кровати. Тогда я сказал себе, что это еще один из соседей по трейлеру... но я виделся и с ними, и ни один из них не был таким крупным. Тогда, одурманенный сном, совсем одурев, я решил, что это, должно быть, Смерть — Старуха с косой собственной персоной, пришедшая, чтобы забрать мою жизнь. Вместо того чтобы заметаться в панике, я закрыл глаза и опять задремал. Смерть сама по себе не могла напугать меня — в том мрачном состоянии духа, которое сопровождало мой сон и наполняло смутные сновидения, я не имел ничего против визита Смерти, если, конечно, это была она.

Я вернулся в Орегон. Только таким способом я мог снова вернуться домой. Во сне.

Проспав четыре с половиной часа — для меня это был долгий отдых, — я проснулся в четверть седьмого утра. Была пятница. Барни еще спал, как и парни в соседней комнате. Серый свет, похожий на пыль, просачивался в окно. Фигура в коридоре исчезла, если она там вообще была.

Так как сна не было ни в одном глазу, я встал и тихонько достал чистую футболку, трусы и носки из рюкзака, который накануне спрятал в шкаф. Потный и грязный, с наслаждением предвкушая душ, я засунул это белье в один из ботинок, взял ботинки, повернулся к стулу, чтобы взять джинсы, и увидел, что на их грубой ткани лежат два кусочка белой бумаги. Я не мог припомнить, чтобы я клал их туда, и в этом тусклом свете я не мог разглядеть, что там написано. Поэтому я захватил их, взял джинсы и тихонько прошел по коридору в ванную. Там я закрыл дверь, включил свет и положил на пол ботинки и джинсы.

Я посмотрел на один листок бумаги. Потом на второй.

Зловещая фигура в коридоре все-таки не была иллюзией или плодом моего воображения. Она оставила две вещи, которые, как ей казалось, будут мне интересны.

Это были контрамарки, из тех, что братья Сомбра пачками выпускали, чтобы подмазать чиновников и очень важных персон в тех местах, где выступала ярмарка.

Первая была в павильон электромобилей.

Вторая — на чертово колесо.

8

Мрак в полдень

Основанный на угольных холмах, ныне истощенных, поддерживаемый единственным сталелитейным заводом и железной дорогой местного значения, неуклонно угасающий, но еще не до конца осознавший неизбежность упадка, маленький городишко Йонтсдаун (население 22 450 человек, если верить плакату на въезде в город), расположенный в гористом графстве Йонтсдаун, штат Пенсильвания, был следующей остановкой на пути ярмарки братьев Сомбра. Когда в субботу вечером закроется нынешнее представление, все постройки на аллее разберут, упакут и отправят за сотню миль отсюда через весь штат, на Йонтсдаунскую ярмарочную площадь. Шахтеры, сталевары и железнодорожники привыкли проводить вечера либо у телевизора или в местных барах, либо в одной из трех католических церквей, в которых регулярно устраивались вечеринки, танцы с буфетом. Они примут ярмарку с такой же радостью, с какой приняли ее фермеры на предыдущей остановке.

В пятницу утром я отправился в Йонтсдаун вместе со Студнем Джорданом и еще одним парнем по имени Люк Бендинго, водителем. Я сел на переднее сиденье рядом с Люком, а наш породный босс устроился в одиночестве сзади. Он был аккуратно одет — черные слаксы, легкая летняя рубашка и куртка в «елочку» и выглядел скорее не балаганщиком, а раскормленным деревенским сквайром. Сидя в роскошном, с кондиционером, желтом «Кадиллаке» Студня, мы любовались зеленой красотой по-августовски влажных окрестностей, проезжая сначала через ровную сельскую местность, а затем среди холмов.

Мы направлялись в Йонтсдаун, чтобы смазать рельсы перед ярмарочным поездом, который тронется в путь на рассвете в воскресенье. Рельсы, которые мы мазали, были на самом деле не из тех, по каким идут поезда. Эти рельсы вели прямехонько в карманы выборных чиновников и гражданских служащих Йонтсдауна.

Студень был генеральным менеджером ярмарки братьев Сомбра — работа ответственная и очень важная. Но он был к тому же и «толкачом», и то, что он делал в этой области, было подчас важнее, чем все, что он делал, закутавшись в мантию генерального менеджера. На каждой ярмарке обязательно работал человек, чья деятельность заключалась в том, чтобы давать взятки государственным служащим. Его называли «толкачом» или «утрысалою», потому что он отправлялся вперед всей ярмарки и утрясал все с полицией, с городскими и окружными чиновниками, а также кое с кем из госслужащих, раздавая «презенты» — конверты с деньгами и пачки контрамарок для семьи и друзей. Если бы ярмарка попробовала обойтись без «толкача» и не тратиться на взятки, полицейские мстительно налетели бы на нее. Они бы позакрывали игры — будь это наичестнейший аттракцион, где не вытряхивают деньги из простаков. Они бы злорадно применяли всю полноту власти, благополучно наплевав на понятие справедливости и право собственности, копы набросились бы на самые что ни на есть пристойные шоу с девицами, не по делу применяли бы постановления Департамента здоровья, чтобы закрыть все забегаловки, именем закона объявили бы опасными для жизни карусели, хотя те и безопасны по своей конструкции — и быстро и эффективно заставили бы ярмарку захлебнуться и смириться. Студень намеревался предотвратить именно такую катастрофу в Йонтсдауне.

Он вполне подходил для этой работы. «Толкач» должен был быть обаятельным, смешным и привлекательным, а Студень обладал всеми этими качествами. «Толкач» должен

был уметь льстиво говорить, без мыла втереться в доверие и суметь дать взятку так, чтобы она не казалась взяткой. Чтобы поддерживать иллюзию, будто эта плата — не что иное, как дружеский подарок, — и тем самым позволять продажным чиновникам сохранять самоуважение и достоинство, — «толкач» должен был помнить все в подробностях о начальниках полиции, шерифах, мэрах и прочих официальных лицах, с которыми он имел дело год за годом. Это давало ему возможность задавать им вопросы личного характера — о жене, о детях, называя всех по именам. Он должен был интересоваться их жизнью, показывать, что рад снова видеть их. Но он не должен был быть чересчур приятельски настроен — в конце концов он был всего-навсего балаганщик, почти что низшее существо в глазах многих из обычного мира, и чрезмерное дружелюбие наверняка встретило бы холодный отпор. Иногда, конечно, ему приходилось проявлять и твердость, и дипломатично отказываться удовлетворять требования некоторых чиновников, желающих получить большую сумму, чем ярмарка собиралась заплатить. Работа «толкача» была сродни выступлению канатоходца без страховочной сетки между ним и ямой, полной голодных львов и медведей.

Пока мы катили по сельским районам Пенсильвании, Студень развлекал Люка Бендинго и меня бесконечным потоком шуток, эпиграмм, каламбуров и веселых анекдотов, собранных им за годы странствий по дорогам. Он рассказывал каждую шутку с видимым удовольствием, декламировал каждую эпиграмму с озорным вкусом и мастерством. Я понял, что для него игра слов, хорошая рифма и неожиданная хлесткая строчка были просто игрушками, годящимися, чтобы скоротать время, когда под рукой не оказывалось других — с полок в его офисе. И хотя он был превосходным генеральным менеджером, в чьем ведении находились операции со многими миллионами долларов, и крутым «толкачом», способным найти достойный выход из сложной ситуации, он тем не менее сознательно всю потакал той части своей натуры, которая так и не выросла, — счастливому ребенку, до сих пор с изумлением смотревшему на мир сквозь сорокапятилетний суровый жизненный опыт и немереное количество фунтов жира.

Я расслабился и попытался получить удовольствие, и мне это отчасти удалось. Но я никак не мог забыть вчерашнее видение лица Студня, залитого кровью, невидящего взгляда открытых глаз. Однажды я спас свою мать от серьезного увечья, возможно, и от смерти, убедив ее, что моим психическим предчувствиям можно доверять, и уговорив ее лететь на другом самолете. И сейчас, если бы я мог предвидеть, какая именно опасность угрожает Студню, я, возможно, сумел бы убедить и спасти его. Я твердил себе, что в свое время мне явятся более четкие видения и я сумею защитить своих ново-обретенных друзей. И хотя я сам не очень-то верил в это, я все-таки ухватился за эту надежду, удержавшись от стремительного падения в бездну полного отчаяния. Я даже поддался веселью Студня и рассказал несколько известных мне ярмарочных баек, на которые он отреагировал с куда большим весельем, чем они того заслуживали.

С самого начала поездки Люк, мускулистый мужчина лет сорока с ястребиными чертами лица, изъяснялся исключительно односложными фразами — «угу», «не-а» и «господи!» — вот, казалось, и весь его словарный запас. Сперва мне показалось, что он либо не в духе, либо откровенно недружелюбен. Но он смеялся не меньше, чем я, да и поведение его нельзя было назвать холодным или отстраненным. Когда же он попытался вступить в беседу фразой, длиннее, чем односложные реплики, я выяснил, что он заика и его молчаливость — именно от этой беды.

Как бы между прочим, в промежутках между байками и стишками, Студень сообщил нам кое-что о Лайсле Келско, шефе полиции Йонтсдауна, с которым главным образом ему предстояло иметь дело. Он выдавал информацию небрежно, мелкими частями, словно она не представляла особой важности или интереса, но мало-помалу нарисовал перед нами довольно мерзкую картину. По словам Студня, Келско был неграмотным ублюдком. Но он не был дураком. Келско был редкой гадиной. Но он был гордым. Келско был патологическим лжецом, но, в отличие от большинства лжецов, он не покупался на чужую ложь, поскольку не

утратил способности улавливать разницу между правдой и ложью. Ему просто было наплевать на эту разницу. Келско был с садистскими наклонностями, злобный, высокомерный, упрямый тип — самый тяжелый из всех, с кем Студню приходилось иметь дело в этом и в десятке других штатов, где выступала ярмарка братьев Сом-бра.

— Ждешь беды? — спросил я.

— Келско берет подношения и никогда не требует дать больше, — ответил Студень, — но время от времени он позволяет себе сделать нам предупреждение.

— Что это еще за предупреждение? — поинтересовался я.

— Дает команду некоторым из своих парней «настучать» нам.

— Ты... имеешь в виду поколотить: — неловко уточнил я.

— Ты абсолютно угадал, малыш.

— И как часто это происходит?

— Мы приезжали сюда девять раз с тех пор, как Келско ехал шефом полиции, и это происходило шесть раз из девяти.

Люк Бендинго снял руку с крупными костяшками с рулевого колеса и коснулся светлой извилистой полоски длиной в дюйм — шрама, тянущегося от угла правого глаза.

Я спросил его:

— Это у тебя после драки с людьми Келско?

— Угу, — ответил Люк. — Ч-ч-чертовы уб-блюдки.

— Ты сказал, что они нас предупреждают, — продолжал я. — О чем предупреждают? Что это еще за чушь?

Студень объяснил:

— Келско дает нам понять, что хоть он и берет от нас взятки, но не позволит вертеть собой.

— А что ж он просто нам этого не скажет?

Студень нахмурился и покачал головой.

— Малыш, эти места — страна шахтеров, пусть даже тут уже почти ничего не таскают из земли. Она так и останется страной шахтеров, потому что люди, которые работали в шахтах, никуда отсюда не делись, и эти люди никогда не изменятся. Никогда. Разрази меня гром, если такое случится. У шахтеров тяжелая и опасная жизнь, она растит тяжелых и опасных людей, мрачных и упрямых. Для того чтобы спуститься в шахты, ты должен быть либо отчаявшимся, либо глупцом, либо до такой степени крутым, что во что бы то ни стало решил доказать, что ты круче, чем сами шахты. Даже те, кто в жизни ногой не ступал в ствол шахты, все равно они переняли манеры крутых парней у своих стариков. Здесь, среди холмов, люди просто обожают драку как абсолютное развлечение. Если бы Келско просто «наехал» на нас, ограничившись словесным предупреждением, он бы лишился значительной части своего развлечения.

Возможно, это было плодом моего воображения, которое подстегнул страх перед полицейскими дубинками — тяжелыми палками и обрезками резинового шланга, — но когда мы поехали по более гористому району, день как будто стал не таким ярким, не таким теплым, не таким многообещающим, каким он был в начале поездки. Деревья показались далеко не такими красивыми, как сосны и ели, которые я помнил еще с Орегона, а крепостные валы восточных гор, геологически более старых, чем Сискию, наводили на мысли о темной и безжалостной эпохе, об упадке, о злобе, рожденной усталостью. Я понимал, что мои чувства окрашивают то, что я вижу, в свои цвета. Конечно, и в этой части мира тоже была своя неповторимая красота, как и в Орегоне. Я понимал, что неразумно приписывать ландшафту человеческие ощущения и намерения, но не мог избавиться от чувства, что нависшие горы следят за нами и намереваются навеки поглотить нас.

— Но если люди Келско налетят на нас, — сказал я, — мы не сможем сопротивляться. Ради бога, что ж нам, драться с копами прямо в полицейском участке? Да мы же загремим за решетку по обвинению в нападении и оскорблении действием.

Студень отозвался с заднего сиденья:

— Ну, разумеется, это произойдет не в полицейском участке. И уж, конечно, не возле здания суда, где мы должны будем наполнить карманы чиновников округа. Даже не в самом городе. Это абсолютно точно. Я это абсолютно гарантирую. Более того, хотя это и будут люди Келско — так называемые служители закона, — на них не будет формы. Он посылает тех, кто не на дежурстве и в гражданской одежде. Они поджидают нас на выезде из города и перегораживают нам дорогу где-нибудь в спокойном месте на шоссе. Три раза они даже сталкивали наш автомобиль с дороги, чтобы мы остановились.

— И начинают драку? — спросил я.

— Ага.

— А вы даете сдачи.

— Верно, черт возьми, — подтвердил Студень.

Люк подал голос:

— К-к-как-то раз С-с-студень с-с-слома-од-дному парню руку.

— Вообще-то не стоило мне этого делать, — заметил Студень. — Это уж слишком далеко зашло. Можно было нарваться на неприятности.

Развернувшись на сиденье, я взглянул на толстяка по-новому, с большим уважением, и заметил:

— Но раз вам разрешено давать сдачи, раз это не просто полицейские колотушки, почему бы не взять пару действительно здоровых парней с ярмарки и не стереть этих ублюдков порошок? Почему ты взял нас с Люком?

— А-а, — ответил Студень, — им это будет не по душе. Они хотят и нам малость врезать, и сами пару раз получить, чтобы было видно, что это взаправдашняя драка, ясно? Они хотят доказать сами себе, что они — ребята с крепкими лбами и железными задницами, прямо как их папочки, но они совсем не хотят, чтобы из них выбили все дерьмо. Если я возьму с собой кого-нибудь вроде Барни Куадлоу или Дика Финн, силача из аттракциона Тома Кэтшэнка, тогда мальчишки Келско мигом смоются и не полезут в драку.

— Ну и что в том плохого? Вам же не нравятся эти драки?

— Вот еще! — отозвался Студень, и Люк откликнулся утвердительным эхом. — Но, видишь ли, — добавил Студень, — если они не получают своей драки, если они будут лишены возможности доставить нам предупреждение Келско, они принесут нам большие неприятности, лишь только мы распакуемся.

— А если вы смиритесь с дракой, — продолжил я, — то они не помешают нам заниматься своим делом.

— Теперь ты все понял.

— Это как бы... драка — дань, которую вы платите за въезд.

— Да, что-то вроде.

— Это же глупость, — сказал я.

— Абсолютная.

— По-ребячески.

— Как я уже сказал тебе, это шахтерский край.

Минуту-другую мы ехали молча.

Я гадал, не было ли это той опасностью, что угрожала Студню. Может статься, драка в этом году выйдет из-под контроля. Может статься, кто-то из людей Келско окажется скрытым психопатом и не сможет контролировать себя, обрушившись с кулаками на Студня. Может статься, он будет таким сильным, что никто из нас не сумеет оттащить его до того, как будет слишком поздно.

Мне стало страшно.

Я глубоко вдохнул и попытался нырнуть в поток психической энергии, постоянно текущий вокруг меня и сквозь меня. Я хотел найти в нем подтверждение моим худшим опасениям, найти указание, пусть самое незначительное, на то, что randevu Студня Джордана со Смертью произойдет в Йонтсдауне.

Но я не ощущал ничего подобного; может, это было и к лучшему. Если беда со Студнем

должна была случиться именно там, наверняка я бы уловил какой-нибудь намек. Наверняка.

Я вздохнул и сказал:

— Полагаю, что я именно тот телохранитель, какой тебе нужен. Достаточно сильный, чтобы не получить серьезных увечий... но недостаточно сильный, чтобы мне не сумели пустить кровь.

— Им надо увидеть немного крови, — согласился Студень. — Их это удовлетворит.

— Господи.

— Я тебя вчера предупреждал, — напомнил Студень.

— Я знаю.

— Я говорил, что ты должен знать, что за работа тебе предстоит.

— Я знаю.

— Но ты был до такой степени благодарен за работу, что ухватился за нее, ничего не желая знать. Ты, черт возьми, ухватился, даже не узнав, за что хватаешься, а теперь, уже прыгнув, на полпути смотришь вниз и видишь тигра, который хочет настичь тебя и откусить тебе яйца.

Люк Бендинго расхохотался.

— Я думаю, что получил ценный урок, — заметил я.

— Абсолютно, — согласился Студень. — По правде говоря, это настолько важный урок, что я подумываю, что поступил недопустимо щедро, заплатив тебе деньгами за эту работу.

Небо начало затягиваться тучами.

Поросшие соснами склоны по обеим сторонам шоссе подступили к обочине. Среди сосен попадались искривленные дубы с черными узловатыми стволами, многие из которых были еще изуродованы крупными, вздутыми, похожими на раковую опухоль, одревеневшими наростами грибка.

Мы проехали мимо длинной заброшенной шахты в сотне ярдов от дороги, миновали полуразрушенный шахтный приемник рядом с заросшими сорняками рельсами — все покрытое слоем грязи, затем несколько домишек — серых, облупившихся и требующих покраски. Ржавые остовы автомобилей, установленные на бетонных блоках, попадались на глаза настолько часто, что можно было подумать, что здесь это самое популярное украшение газонов — наподобие ванночек для птиц и гипсовых фламинго в иных местах.

— На следующий год, — сказал я, — ты сделай только одну вещь — возьми с собой Джоэля Така, и пускай он пройдет с тобой прямо в кабинет Келско.

— Эт-то б-б-будет чт-то-то! — воскликнул Люк и хлопнул ладонью по приборной доске.

Я продолжал:

— Пусть Джоэль просто стоит рядом с тобой и не говорит ни слова, учти, никаких угроз или недружелюбных жестов. Пускай он даже улыбается, очень дружелюбно улыбается и просто глядит на Келско своим третьим глазом, пустым оранжевым буркалом — и я готов поспорить, что никто не будет ждать вас на выезде из города.

— Да уж, конечно, не будут! — согласился Студень. — Они все будут сидеть в полицейском участке и стирать обгаженные трусы.

Мы засмеялись, и напряжение немного отпустило нас. Но нашему настроению не суждено было вернуться на прежнюю высоту, потому что через несколько минут мы въехали в Йонтсдаун.

Невзирая на свою современную промышленность — сталелитейный завод, чьи серые дымы и белый пар клубились вдалеке, и оживленную железную дорогу, — Йонтсдаун выглядел и жил как средневековый город. Летнее небо быстро заволакивало свинцовыми тучами, и под этим небом мы катили по узким улочкам, пара из которых была вымощена натуральным булыжником. Хотя окрестные холмы были выработаны и продавалось большое число земельных участков, дома стояли очень кучно, каждый пытался потеснить другой, навалиться на него. Некоторые из домов словно мумифицировались, покрывшись траурной коркой серо-желтой грязи, добрая треть нуждалась в покраске, в ремонте крыши или в новом

настиле для просевшего крыльца. На магазинах, на бакалейных лавках, на офисах — на всем лежала печать мрачного увядания. Если и были где признаки процветания, то их не было заметно. Черный железный мост времен Великой депрессии соединял берега мутной реки, делившей город на две части. Шины «Кадиллака» затащили унылую, скорбную песню на одной ноте, когда мы проезжали по металлическому покрытию пролета. Высотных зданий было немного, и все — от силы в шесть-восемь этажей. Эти строения из кирпича и бетона усиливали средневековую атмосферу — мне, по крайней мере, они напомнили замки в миниатюре: слепые окна, будто в целях обороны, были не шире щелей для лучников; подъезды были утоплены внутрь, а массивные дверные крепления из гранита были несоразмерно крупными по сравнению с небольшой нагрузкой, которую несли. Сами подъезды казались такими охраняемыми и неприветливыми, что я бы не удивился, увидев над каким-нибудь из них острые колья опускной решетки. То там, то здесь на плоских крышах виднелись зубчатые выступы, как на стенах замка.

Мне не понравилось это место.

Мы миновали беспорядочно построенное двухэтажное кирпичное здание, одно крыло которого было выжжено пожаром. Черепичная крыша в нескольких местах провалилась, большинство стекол полопалось от жара. Над каждым из пустых окон кирпичная стена, выцветшая за многие годы, из-за накапливавшейся грязи с завода, шахт и железной дороги была отмечена угольно-черными мазками сажи. Восстановительные работы уже начались — проезжая мимо, мы заметили строителей.

— Это единственная на весь город начальная школа, — сообщил Студень с заднего сиденья. — Был страшный взрыв в апреле прошлого года — в котельной взорвался бак с нефтью, хотя день был теплый и топка была отключена. Даже не знаю, докопались ли они, в чем было дело. Жуткая вещь. Я об этом в газетах читал. На всю страну стало известно. Семеро малышей сгорели, просто кошмар. Правда, могло быть много хуже, если бы среди учителей не оказалось нескольких героев. Просто чудо, что они не потеряли сорок-пятьдесят детей, если не сотню.

— Г-г-господи, к-к-какой ужас, — вымолвил Люк Бендинго. — Маленькие д-д-дети. — Он покачал головой. — Иног-гда этот мир б-бывает тяжким.

— Воистину так, — откликнулся Студень.

Я обернулся, чтобы еще раз взглянуть на школу, которую мы уже проехали. Я уловил очень плохие колебания, шедшие от выгоревшего здания, наполнившие меня непоколебимой уверенностью, что в будущем его ждет еще большая трагедия.

Мы притормозили на красный свет возле кафе. Перед входом стоял газетный автомат. Из окна машины я сумел прочесть заголовок в «Йонтсдаун реджистер»:

«ЧЕТВЕРО УМЕРЛИ ОТ БОТУЛИЗМА НА ЦЕРКОВНОМ ПИКНИКЕ».

Студень, видимо, тоже разглядел заголовок, потому что заметил:

— Этому бедному, проклятому городу ярмарка нужна, как никогда.

Проехав еще два квартала, мы свернули на стоянку перед муниципальным зданием, бок о бок с несколькими черно-белыми патрульными машинами, и вылезли из «Кадиллака». Это громадное четырехэтажное строение из песчаника и гранита было самым средневековым из всех.

В нем располагались и городской совет, и полицейское управление. Узкие, глубоко посаженные окна были забраны железными решетками. Плоскую крышу окружала ограда в виде невысокой стены, смахивающая на крепостную стену еще сильнее, чем все, что я видел до того, с аккуратным рядом бойниц и зубцов. Сами зубцы — высокие каменные выступы, чередовавшиеся с амбразурами, — были украшены не только щелями для стрел и гнездами, но над каждым красовалось острое подобие конька.

Муниципалитет Йонтсдауна отталкивал не только своей архитектурой — в самом здании ощущалась некая злобная жизнь. Меня не оставляло чувство беспокойства — казалось, что это нагромождение камня, бетона и стекла каким-то образом обрело способность мыслить, что оно наблюдает, как мы вылезаем из машины и радостно

направляемся сквозь частокол зубов в распахнутую пасть дракона.

Я не знал, было ли это неприятное ощущение психическим по своей природе или мое воображение уже всюду завладело мною. Иногда бывает нелегко определить точно, что это. Очень может быть, что со мной приключился приступ паранойи. Может быть, я видел опасность, боль и смерть там, где их и в помине не было. Я подвержен приступам паранойи. Вполне это допускаю. Любой стал бы параноиком, если бы мог видеть то, что вижу я, — нелюдей, которые замаскировались и ходят среди нас.

— Слим? — окликнул меня Студень. — Что стряслось?

— Э-э... ничего.

— Какой-то ты бледный.

— Я в порядке.

— Здесь они на нас не наскочат.

— Я за это не беспокоюсь.

— Я же тебе сказал... в городе ничего не произойдет.

— Я знаю. Я драки не боюсь. Не волнуйся за меня. Я никогда в жизни не убегал от драки и уж, конечно, не убегу от этой.

Студень нахмурился и ответил:

— Я и не думал, что убежишь.

— Пошли поглядим на Келско, — сказал я.

Мы вошли в здание со служебного входа — никто, собираясь давать взятку, не заходит через главный вход, не называет секретарю свое имя и то, зачем явился. Студень вошел первым, сразу после него Люк и последним я. Придержав дверь, я кинул взгляд на желтый «Кадиллак» — самое яркое пятно в унылом городском ландшафте. По мне, так он был даже чересчур ярким. Мне пришли на ум яркие пестрые бабочки, чей блистательный наряд привлекает хищных птиц; последний взмах пестрых крыльев — и нет ее. «Кадиллак» вдруг показался мне символом нашей наивности, незадачливости и уязвимости.

Задняя дверь вела в служебный коридор. С правой стороны наверх уходила лестница. Студень полез по ней, мы — за ним.

Было две минуты первого, а наша встреча с шефом Лайслом Келско была назначена на обеденное время — но не на время обеда. Мы же были балаганщики, а большинство людей из мира «правильных» предпочитали не портить аппетит встречей с нам подобными. Особенно те из «правильных», чьи карманы мы украдкой наполняли взятками.

Каталажка и полицейский участок размещались на первом этаже в этом крыле, но кабинет самого Келско располагался отдельно. Мы миновали шесть пролетов бетонной лестницы, прошли через пожарный выход в коридор третьего этажа, и никто не попался нам навстречу. Пол в коридоре был устлан темно-зеленым линолеумом, вытертым до яркого блеска. В воздухе витал неприятный запах какого-то дезинфицирующего средства. Пройдя по коридору три двери от заднего входа, мы вошли в личный кабинет начальника полиции. В верхней части двери было вставлено матовое стекло, на котором черными буквами по трафарету были написаны его имя и должность. Дверь была не заперта. Мы вошли внутрь.

У меня вспотели ладони.

Сердце бухало, как барабан.

Но почему, я не знал.

Независимо от того, что бы ни говорил Студень, я опасался засады. Но в этот момент меня страшило не это.

Что-то другое. Что-то... неуловимое...

В приемной не горела лампа, а единственное окошко возле бака с питьевой водой было зарешечено. Небо, еще утром по-летнему голубое, сейчас почти полностью уступило натиску армады темных туч, а пластины жалюзи застыли на полпути между горизонтальным и вертикальным положением, так что тусклый свет, попадавший внутрь, едва выхватывал из темноты металлические шкафчики картотеки, рабочий стол со стоящими на нем тарелкой и кофейником, пустую вешалку, огромную карту страны на стене и три деревянных стула возле

одной из стен. Смутно виднелась громада стола секретарши — полный порядок на столе и никого за столом.

Лайсл Келско, очевидно, отослал секретаршу на обед пораньше, чтобы исключить возможность того, что она услышит что-либо.

Дверь во внутренний кабинет была приоткрыта. За ней горел свет, и, надо думать, там было что-то живое. Студень без колебаний двинулся через неосвещенную комнату по направлению к этой двери. Мы последовали за ним.

Мне все сильнее сжимало грудь.

Во рту было так сухо, словно я перед этим ел пыль.

Студень легонько постучал во внутреннюю дверь. Через узкую щель донесся голос:

— Входите, входите.

Это было сказано баритоном, и даже в этих двух коротких словах слышалась спокойная властность и самодовольное превосходство.

Студень вошел внутрь, Люк — сразу за ним. Я услышал голос Студня:

— Мое почтение, шеф Келско, рад снова видеть вас. — И, когда я вошел последним, моему взору предстала на удивление простая комнатка — серые стены, белые жалюзи на окнах, простая мебель, на стенах ни одной картины или фотографии — безликая, почти как тюремная камера, а затем я увидел Келско, сидящего за большим металлическим столом и глядящего на нас с неприкрытым презрением, и у меня перехватило в горле, потому что внешность Келско была фальшивкой. Под человеческой оболочкой я увидел самого злобного гоблина, какой когда-либо попадался мне на глаза.

Мне, наверное, следовало бы догадаться, что в таком месте, как Йонтсдаун, гоблины вполне могут прийти к власти. Но мысль о людях, живущих под злобной властью этих созданий, была настолько невыносима, что я отогнал ее.

Я так никогда и не пойму, как мне удалось скрыть свое потрясение, отвращение и проникновение в злобную тайну Келско. Я стоял как пень возле Люка, сжав кулаки, застывший, но заведенный от страха как пружина. Я ощущал себя котом с глазами, полными ужаса, выгнувшим спину дугой. Я был уверен, что Келско заметит мое отвращение и немедленно раскусит, в чем дело. Но он не заметил и не раскусил. Едва взглянув в нашу с Люком сторону, он обратил все внимание на Студня. Келско было пятьдесят с небольшим, росту примерно пять футов девять дюймов. Это был коренастый мужчина с примерно сорока фунтами лишнего веса. Одет он был в униформу цвета хаки, но револьвера не носил. Под ежиком волос стального цвета — грубое, тяжелое, квадратное лицо. Над глазами, в крепких костяных скобках глазниц, срослись кустистые брови, рот — злобная прорезь.

Гоблин внутри Келско тоже не был отрадой для взора. Все чудовища, которых я когда-либо встречал, были по меньшей мере кошмарны, но по-разному. У кого-то из них глаза были не такие свирепые, у кого-то — зубы не такие острые, как у других. У кого-то морды не такие хищные, как у их злобных собратьев. (Для меня эти незначительные различия в гоблинских обликах служили доказательством того, что они существуют на самом деле и не являются плодом больного воображения; ведь если бы я воображал их себе, если бы они были просто воплощением первобытных страхов безумца, они бы все были на одно лицо. Разве не так?) Дьявольское создание внутри Келско тоже было красноглазым, но эти глаза не просто горели ненавистью, в них жидким огнем горела сама суть ненависти. Его глаза были более пронзительны, чем у любого из гоблинов, с которыми мне приходилось сталкиваться до этого. Зеленая, как надкрылья у жука, кожа вокруг глаз была покрыта сетью трещинок, утолщение вокруг них смахивало на повязку на шраме. Омерзительно мясистое раздвоенное свиное рыло казалось еще более отвратительным из-за наростов кожи вокруг ноздрей — бледных, морщинистых, трепетавших и влажно блестящих, когда оно втягивало или выдыхало воздух. Возможно, эти наросты были следствием огромного возраста. И в самом деле, психические излучения, струившиеся от него, производили впечатление невероятно древнего зла — настолько древнего, что по сравнению с ним пирамиды казались искусством модерна. Это было ядовитое жаркое из злобных эмоций и нечистых помыслов, веками

кипевшее на сильном огне, даже после того, как последние намеки на милосердие или добрые помыслы окончательно выкипели.

Студень играл роль «толкача-льстеца» с энтузиазмом и потрясающим мастерством, а Лайсл Келско изображал самого заурядного безнадежно тупорылого, с чугунной задницей, узколобого, аморального, властного копа из шахтерского края. Студень играл убедительно, но тварь, игравшая роль Келско, заслуживала «Оскара». В некоторые моменты его игра была настолько безупречной, что даже перед моим взором человеческая глазурь оказывалась непрозрачной, гоблин начинал таять, пока не становился лишь аморфной тенью внутри человеческой плоти, так что мне приходилось напрягаться, чтобы его изображение вновь стало четким.

Для меня наше положение стало еще невыносимее, когда через минуту после нас в кабинет Келско вошел другой офицер и закрыл дверь. Он тоже был гоблином. Этот был в оболочке мужчины лет около тридцати, высокого худого шатена с густыми волосами, аккуратно зачесанными назад, над красивым итальянским лицом. Гоблин в его сердцевине был страшным на вид, но далеко не таким отталкивающим, как чудовище внутри Келско.

Я аж подскочил, когда дверь за нами затворилась с глухим стуком. Со своего кресла, с которого он не соизволил подняться, когда мы вошли, и из которого он бросал только стальные взгляды и краткие недружелюбные реплики в ответ на любезную болтовню Студня, шеф Лайсл Келско бросил на меня короткий взгляд. Я, должно быть, выглядел странно — Люк поглядел на меня с таким же странным видом и подмигнул, давая понять, что все путем. Когда молодой полицейский прошел в угол и встал там, скрестив руки на груди, оставаясь в моем поле зрения, я немного расслабился, но только чуть-чуть. Мне никогда раньше не доводилось оказываться в одной комнате с двумя гоблинами сразу, не говоря уже о гоблинах в обличье копов, один из которых был вооружен. Мне хотелось наброситься на них, хотелось бить по их ненавистным злобным лицам, хотелось бежать, хотелось выхватить из-за голенища нож и всадить его Келско в плотку, хотелось кричать, хотелось плевать, хотелось вырвать у молодого копа его револьвер и отстрелить ему башку, всадив заодно несколько пуль в грудь Келско. Но я мог лишь стоять на месте подле Люка, прогнать страх из глаз и с лица и пытаться выглядеть устрашающе.

Наша встреча длилась от силы минут десять и ни на йоту не была такой тяжелой, как я ожидал, наслушавшись Студня. Келско не насмехался над нами, не унижал и не задира нас до такой степени, до какой мог, по словам Студня. Он был далеко не таким требовательным, саркастичным, грубым, сквернословящим, вздорным и угрожающим, как Келско из ярких описаний Студня. Он был холоден, это верно, надменен, тоже верно, и полон неприкрытого отвращения к нам. В этом не было сомнений. Он был сверх предела заряжен яростью, точно провод высокого напряжения. И если бы мы разрезали изоляцию — оскорбив его, ответив на его выпад или дав малейший намек на то, что считаем себя выше его, он бы ударил нас зарядом в тысячи вольт, которого мы бы не позабыли вовек. Но мы оставались послушными, раболепными, старались услужить ему, и он сдерживал себя. Студень положил на стол конверт с деньгами, присовокупил к нему несколько пачек контрамарок, — все это с шутками и расспросами о здоровье семьи. Мы быстро управились с тем, за чем явились, и получили разрешение удалиться.

Мы вышли в коридор, прошли по третьему этажу назад к служебному входу, поднялись на четвертый этаж — он был совсем пуст, обеденный перерыв был в самом разгаре — и пошли мимо вереницы унылых залов, пока не достигли крыла, в котором размещался кабинет мэра. При ходьбе наши шаги отдавались от темного линолеума. С каждым шагом Студень становился все более беспокоен.

Улучив минуту, когда пришло облегчение от того, что я покинул компанию гоблинов, и припомнив все, что говорил по дороге Студень, я заметил:

— Ну что ж, не так и плохо.

— Во-во. Это-то меня и беспокоит, — откликнулся Студень.

— И м-м-меня, — подтвердил Люк.

— Вы это о чем? — поинтересовался я.
— Чересчур просто, будь оно неладно, — пояснил Студень. — Сколько я его помню, в жизни Келско таким сговорчивым не был. Что-то тут не то.
— А что? — спросил я.
— Хотел бы я знать, — отозвался Студень.
— Чт-то-то будет.
— Что-то, — согласился Студень.

* * *

Офис мэра был далеко не такой скромный, как у начальника полиции. Элегантный стол красного дерева, прочая мебель — дорогая и со вкусом подобранная, в стиле английских мужских клубов высшего разряда, обтянутая зеленой с желтизной кожей, пол покрыт роскошным ковром золотого оттенка. Стены украшали почетные грамоты и фотографии, на которых Его Честь был увековечен принимающим участие в различных благотворительных мероприятиях.

Альберт Спекторски, избранный народом занимать этот кабинет, был высоким цветущим мужчиной, одетым в консервативный синий костюм, белую рубашку и синий галстук. Черты его отражали его слабости. Склонность сытно покушать была видна на круглом луновидном лице и множестве подбородков под сочным ртом. Любовь к хорошему виски отразилась на лопнувших кровеносных сосудах на щеках и на носу-луковице, благодаря чему он, казалось, пышет румянцем. И еще во всем его облике присутствовал неуловимый, но совершенно отчетливый аромат неразборчивости, сексуального извращения и похоти бабника. Тем, что его избрали, он, без сомнения, был обязан удивительно теплой улыбке и смеху, притягательным манерам и способности вникать в твои слова с такой готовностью и симпатией, что начинало казаться, что ты — самая важная персона на свете, по крайней мере для него. Это был балагур, рубаха-парень, этакий «здорово-брат-сто-лет-не-виделись». И все это была фальшивка. Потому что на самом деле, подо всем этим, он был гоблином.

Мэр Спекторски не проигнорировал нас с Люком, в отличие от Келско. Он даже подал нам руку.

И я пожал ее.

Я дотронулся до него и умудрился сохранить контроль над собой, а это было не просто — дотронуться до него было еще хуже, чем до любого из тех четырех гоблинов, что я убил за последние четыре месяца. Дотронуться до него — это все равно что столкнуться нос к носу с сатаной и быть вынужденным пожать руку ему. Как будто поток желчи, зло хлынуло из него, вливаясь в меня в том месте, где соприкасались наши руки, загрязнив меня и лишив сил. Молния безжалостной ненависти, злобы и ярости вырвалась из него, ударила меня и заставила пульс подскочить не меньше чем до ста пятидесяти ударов в минуту.

— Рад вас видеть, — сказал он, широко улыбаясь. — Рад вас видеть. Мы здесь всегда с нетерпением ожидаем ярмарки.

Этот гoblin изображал человека совершенно так же удачно, как и шеф Лайсл Келско. И так же, как и Келско, этот был на редкость отвратительным представителем своей породы. Зубы его сточились, он высох, покрылся наростами и оспинами, только что не опрыщавел с течением бесчисленного количества лет. Его сверкающие алые глаза, казалось, впитали свой цвет из океанов человеческой крови, пролившейся только по его вине, и из немереных глубин человеческой агонии, которую наша истерзанная раса испытывала только по его вине.

Студень и Люк вышли от мэра Спекторски чуть успокоенные, потому что, как они сказали, он был такой же, как и всегда.

Но мне стало еще тревожнее.

Студень был прав, говоря, что они собираются что-то предпринять.

Сильнейший, необоримый холод проник в каждый уголок моего тела. В костях застыл

лед.

Что-то было не так.

И это было очень скверно.

Помоги нам, господи.

* * *

Судебная палата графства Йонтсдаун располагалась через дорогу напротив муниципалитета города. В офисах, прилегающих к залу суда, занимались своими делами множество служащих. В одной из этих анфилад комнат нас ожидала Мэри Ваналетто, президент совета графства.

Она тоже была гоблином.

Студень отнесся к ней совсем иначе, нежели к Келско и Спекторски. Но не потому, что он ощущал, что она гоблин, либо что-то большее — или меньшее, — чем человеческое существо, а потому, что она была женщина, к тому же привлекательная. Она выглядела лет на сорок, худенькая брюнетка с большими глазами и чувственным ртом, и когда Студень начал расточать обаяние, она отреагировала таким же образом — зарделась, начала кокетничать, хихикать, попавшись на удочку его комплиментов, так что он и сам принял это все за чистую монету. Было ясно, что он думает, будто производит на нее бог знает какое впечатление, но я видел, что его актерству далеко до ее игры. Умело прячась за человеческой маскировкой, гоблин — далеко не столь древний и состарившийся, как Келско и Спекторски, — сильнее всего жаждал одного — убить Студня, убить нас всех. Насколько мне было известно, таково желание любого гоблина — получить удовольствие от пролития крови людей, одного за другим. Но не в утомительно однообразной резне, не в одном долгом кровопролитии — они хотели проливать нашу кровь порциями, убивая по одному, чтобы посмаковать кровь и страдания. У Мэри Ваналетто было то же самое садистское стремление, и, глядя, как Студень держит ее за руку, похлопывает по плечу и рассыпается в любезностях, я изо всех сил удерживался от того, чтобы оторвать его от нее и завопить: «Бежим!»

Что-то еще было в Мэри Ваналетто, нечто помимо ее истинной гоблинской сущности, от чего у меня мурашки пошли по коже. Это было нечто, с чем я еще ни разу не сталкивался и чего не мог вообразить даже в самых страшных кошмарах. Через прозрачную человеческую глазурь я рассмотрел не одного гоблина, а четырех: одну тварь большого размера, как те, к которым я уже привык, и три маленьких бестии с закрытыми глазами и не до конца сформировавшимися чертами. Эти три, казалось, существуют внутри большого гоблина, изображавшего Мэри Ваналетто, точнее, в чреве твари, и неподвижно скорчились в легко распознаваемых зародышевых позах. Это ужасное, отвратительное, противное чудовище было беременно.

Мне никогда не приходило в голову, что гоблины способны размножаться. Мне хватало того, что они вообще существуют. Предположение о целых поколениях еще не рожденных гоблинов, предназначенных пасти человеческое стадо, было немыслимым. Напротив, я считал, что они взошли на землю из ада или спустились из другого мира и их количество на планете было таким же, что и вначале. Я представлял их себе самыми загадочными и безупречно (хотя и злобно) стерильными творениями.

И не больше.

Пока Студень шутил и развлекал Мэри Ваналетто, а Люк ухмылялся, слушая их остроты и рассевшись на стуле сбоку от меня, я пытался прогнать от себя тошнотворную мысленную картину: гоблин с собачьей мордой вонзает отвратительно деформированный член в холодную, мутировавшую вагину красноглазой суки со свиным рылом, оба они задыхаются, хрюкают, из пасти течет слюна, покрытые наростами языки высунулись, гротесковые тела дергаются в экстазе. Но стоило мне прогнать от себя это невыносимое зрелище, как ему на смену пришло другое, еще хуже: новорожденные гоблины, маленькие, по цвету как личинки, гладкие, влажно блестящие, с тусклым безумным мерцанием в

красных глазах, с крохотными острыми коготками и заостренными зубами, еще не превратившимися в зловещие клыки, все трое, скользя, толкаясь и извиваясь, лезут наружу из зловонного лона матери.

Нет.

Господи Иисусе, пожалуйста, не надо, если я сейчас же, сию минуту не отгоню от себя это зрелище, я вытащу из-за голенища нож и уничтожу эту женщину из йонтсдаунского совета графства прямо на глазах у Студня и Люка, и тогда никто из нас не выберется живым из этого города.

* * *

Каким-то образом я стерпел.

Каким-то образом я выбрался из этого офиса, не повредившись умом и не вытащив нож из ботинка.

Направляясь к выходу из здания окружного суда, мы миновали гулкое фойе с мраморным полом и громадными окнами, со сводчатым потолком, из которого вел путь в главный зал суда. Повинуясь порыву, я шагнул к тяжелым дубовым дверям с латунными ручками, с треском открыл одну створку и заглянул внутрь. Слушание дела подходило к концу, поэтому решено было не прерываться на обед. Судья был гоблином. Прокурор был гоблином. Двое охранников в форме и судебная стенографистка были натуральными людьми, но трое из членов коллегии присяжных были гоблинами.

Я услышал голос Студня.

— Что ты там делаешь, Слим?

Еще более потрясенный тем, что увидел в зале суда, я вернулся к Студню и Люку, неслышно притворив дверь.

— Ничего. Просто любопытствовал.

Выйдя наружу, мы направились к перекрестку — перейти улицу. Я всмотрелся в остальных пешеходов и в водителей за рулем, остановившихся на сигнал светофора. Из сорока людей на этой грязной центральной улице я увидел двух гоблинов, что было в двадцать раз выше среднего соотношения.

Мы уже дали все взятки и теперь направлялись во двор здания муниципалитета, на автостоянку, расположенную позади него. Не доходя футов двадцати до желтого «Кадиллака», я сказал:

— Секунду. Мне надо глянуть кое на что, — развернулся и быстро зашагал в обратном направлении.

Студень крикнул мне в спину:

— Ты куда?

— Одну минуту, — откликнулся я, переходя на бег.

Сердце у меня стучало как молот, легкие расширялись и сжимались с гибкостью, достойной чугуна. Я обошел муниципальное здание сзади по кругу, прошел к фасаду, затем вверх по нескольким гранитным ступеням, через стеклянную дверь, в вестибюль, не такой роскошный, как в здании суда. На первом этаже располагались офисы различных городских правительственных служб, а налево — полицейский участок. Я толкнулся в двери, отделанные орехом и застекленные «морозным» стеклом, и оказался в прихожей, огороженной деревянными перилами.

Дежурный сержант сидел за рабочим столом на платформе, возвышавшейся над полом на пару футов. Он был гоблином.

Держа в руках шариковую ручку, он поднял глаза от карточки, с которой работал, глянул на меня сверху вниз и спросил:

— Что вам угодно?

За его спиной было обширное открытое пространство, на котором находилась дюжина столов, множество высоких шкафов картотеки, фотокопировальный аппарат и прочая

конторская техника. В одном углу тараторил телетайп. Трое из восьми клерков были гоблины. Отдельно от них работали четверо — судя по всему, детективы в штатском, и двое из них были гоблины. Из офицеров в форме в данный момент присутствовали трое, и все трое были гоблины.

В Йонтсдауне гоблины не просто бродили среди обычных граждан, время от времени набрасываясь на кого-либо из них. Здесь война между нами и ними была хорошо организована — по крайней мере, со стороны гоблинов. Здесь убийцы в маскарадных костюмах творили законы и претворяли их в жизнь, и горе тому бедному ублюдку, который окажется в чем-то виновен — даже в малейшем нарушении.

— Тебе чего надо? — переспросил сержант за стойкой.

— Э-э... Я ищу городской Департамент здоровья.

— Через вестибюль, — нетерпеливо ответил он.

— А-а, — сказал я, прикидываясь, что мне плохо. — А это, должно быть, полицейский участок.

— Да уж, конечно, не школа бальных танцев, — съязвил он.

Я вышел, ощущая спиной горящий взгляд его багровых глаз, и поспешил к желтому «Кадиллаку», где дожидались Студень Джордан и Люк Бендинго, томясь неизвестностью и любопытством.

— Ты чего это? — поинтересовался Студень.

— Захотелось поближе взглянуть на главный вход вот в это здание.

— Зачем?

— Я помешан на архитектуре.

— Что, правда?

— Ну.

— И с каких пор?

— С детства.

— Да ты из него еще и не вышел.

— Зато ты вышел, а помешан на игрушках, а это куда более странно, чем быть помешанным на архитектуре.

Он уставился на меня, затем улыбнулся и пожал плечами:

— Ну, положим, ты прав. Но игрушки куда занятнее.

Садясь в машину, я ответил:

— Ну, не знаю. Архитектура может быть очаровательной. А в этом городе полно потрясающих образцов архитектуры готического и средневекового стиля.

— Средневекового? — переспросил Студень, когда Люк уже заводил двигатель. — В смысле, как в Темные Века?

— Во-во.

— Ну, тут ты в точку попал. Этот город угодил сюда прямиком из Темных Веков, уж будьте уверены.

По дороге из города мы снова миновали выгоревшее здание начальной школы, где в апреле погибло семеро детей. Когда мы проезжали его в первый раз, я своим экстрасенсорным чутьем уловил колебания, свидетельствующие о грядущей большей беде. Теперь же, по мере неуклонного сближения со школой — пустые стекла и стены, все в саже, — волна ясновидческих образов хлынула от этих обожженных пламенем кирпичей и прокатилась через меня. Для моего шестого чувства эта волна была такой же реальной, как накатывающая стена воды, ничуть не меньшая по массе и силе. С этим строением было связано такое количество человеческого страдания и муки, что оно не просто было окутано зловещей аурой, оно плыло в море смертоносной энергии. Волна накатывалась со скоростью и мощностью товарного поезда, подобная валам, что стремятся к берегу в любом фильме о Гавайях, только темная и зловещая, не похожая ни на что, с чем я когда-либо сталкивался, и она неожиданно вызвала во мне ужас. Самой волне предшествовала тонкая струйка психической энергии. И когда эти невидимые капли брызнули на мое сознание,

воспринявшее их, я «услышал», как кричат от боли и страха дети... как гудит и свистит пламя, издавая треск и скрежет, словно заливаясь садистским смехом... как дребезжат звонки тревоги... как с грохотом обрушивается стена... крики... отдаленный вой сирен... Я «видел» невыразимо ужасные картины: апокалиптический пожар... учительницу с волосами, объатыми пламенем... детей, слепо спотыкающихся в густом дыму... других детей, отчаянно и тщетно ищущих укрытия под партами в то время, как тлеющие куски потолка обрушиваются на них... Кое-что из того, что я видел и слышал, относилось к тому пожару, что уже был, к апрельской огненной тризне, но некоторые образы были из еще не зажженного пламени, видения и звуки из будущего кошмара. Но я ощущал, что и в том, и в другом случае пожар в школе не был несчастным случаем, не был вызван людской оплошностью или сбоем в машине — это была работа гоблинов. Я начал чувствовать боль этих детей, обжигающий жар, начат испытывать их страх. Психическая волна наваливалась на меня, громоздясь все выше... выше, все темнее, черное цунами, такое мощное, что вполне могло раздавить меня, и такое холодное, что могло вытянуть все тепло жизни из моей плоти. Я закрыл глаза, чтобы не глядеть на полуразрушенное школьное здание, к которому мы почти подъехали, и отчаянно попытался возвести вокруг своего шестого чувства мысленный волнорез, щит, чтобы отгородиться от нежелательных ясновидческих излучений, вызвавших эту накатившую разрушительную волну. Чтобы отвлечь внимание от школы, я начал думать о матери и сестрах, об Орегоне, о Сискию... вспомнил скульптурное совершенство лица Райи Рэйнз и ее сияющие от солнца волосы. Воспоминания и фантазии о Райе — вот что надежно укрыло меня от атаки психических цунами; они ударили меня, но прошли сквозь, не разбив на части и не утащив с собой.

Я подождал еще с полминуты, пока не перестал ощущать ничего необычного, и лишь тогда открыл глаза. Здание школы осталось у нас за спиной. Мы подъезжали к старому железному мосту, возведенному, казалось, из окаменевших черных костей.

Студень опять сидел на заднем сиденье, а все внимание Люка было приковано исключительно к машине (возможно, он опасался, что малейшее нарушение правил дорожного движения Йонтсдауна — и один из людей Келско налетит на нас с особенной яростью), так что никто из них не заметил моего необычного приступа, из-за которого я на минуту стал беспомощно-неподвижным и утратил дар речи, словно какой-нибудь несчастный, неизлечимый эпилептик. Я был рад, что не надо сочинять объяснения — не был уверен, что моя речь не выдаст внутреннего смятения.

Меня переполняло сострадание к людям — обитателям этого богом забытого места. История города уже знала один пожар, а на подходе было еще более страшное пламя, и я был совершенно уверен, что я обнаружу в ближайшей пожарной части гоблинов. Я вспомнил заголовок, который мы видели в местной газете — «ЧЕТВЕРО УМЕРЛИ ОТ БОТУЛИЗМА НА ЦЕРКОВНОМ ПИКНИКЕ», — и понял, кого увижу, если нанесу визит приходскому священнику: демона, бестию в вышедшем из моды воротничке, раздающую благословения и симпатию точно так же, как, должно быть, он распространял смертоносные бактерии — в салат из помидоров и в кастрюли с бобами. Сколько же гоблинов, наверное, столпилось перед зданием начальной школы в тот день, когда опасность миновала, — с показной скорбью, исподтишка насыщаясь человеческой агонией, прямо как мы в «Макдональдсе» за обедом: каждый детский крик — как кусок сочного биг-мака, каждая яркая вспышка боли — словно хрустящая палочка жареного картофеля. Одетые городскими должностными лицами, они изображали шок и чувство глубокой утраты, они затаились в городском морге, следя голодными глазами за родителями, заставившими себя прийти на опознание ужасных, обгоревших останков их возлюбленных чад. Под масками убитых горем друзей и соседей они входили в дома осиротевших родителей, предлагая утешение и моральную поддержку, а сами украдкой облизывались на сладкий пудинг из людского горя — точно так же, как и сейчас, несколько месяцев спустя, они кружили над семьями тех, кто был отравлен во время церковного пикника. Ни одни похороны в Йонтсдауне — независимо от уважения и любви, которыми пользовался или нет покойный, — не проходили при малом скоплении народа. Это

был какой-то змеиный ров, где вместо змей — гоблины, стремящиеся за пищей туда, где был накрыт банкет из страданий. А если сама судьба не поставляла достаточного количества жертв, чтобы насытить их аппетиты, они были не прочь сами подзаныться готовкой — подпалить школу, организовать автокатастрофу, тщательно спланировать несчастный случай с трагическим исходом на сталелитейном заводе или в депо...

Самым ужасным из того, что я открыл в Йонтсдауне, была даже не пугающая концентрация гоблинов, но их доселе невиданное желание и способность организоваться и захватить контроль над людскими учреждениями. До этого момента я смотрел на гоблинов как на блуждающих хищников, проникших во все поры общества и выбирающих жертв более или менее случайно, как позволит момент. Но в Йонтсдауне они взяли бразды правления, натянули вожжи и с устрашающей целеустремленностью превратили целый город и округ в свой личный заповедник.

И они размножались здесь, в горах Пенсильвании, в этом шахтерском медвежьем углу, куда редко бросал взгляд кто-либо из остального мира.

Размножались.

Господи Иисусе.

Я задал себе вопрос, сколько еще гнезд имеется у этих вампиров в других темных уголках мира. Они в самом деле были вампирами, хоть и по-своему. Я ощущал, что источник их основной пищи — не сама кровь, но лучащаяся аура боли муки и страха, которая окружает человеческие существа в беде и безнадежности. Бессмысленное различие. Не все ли равно скоту, чей удел — плаха мясника, какая именно их часть особенно ценится на обеденном столе?

Выезжая из города, мы разговаривали гораздо меньше, чем на пути туда. Студень и Люк с опаской ждали засады из людей Келско, а ко мне все не возвращался дар речи после того, что я увидел и узнал о мрачном будущем детей из начальной школы Йонтсдауна.

Мы выехали за черту города.

Мы миновали стену черных искривленных дубов, отягощенных странной плесенью.

Никто не остановил нас.

Никто не попытался спихнуть наш автомобиль с дороги.

— Скоро, — сказал Студень.

Одна миля от города.

Мы миновали стоящие на отшибе домики, нуждавшиеся в покраске и в новых крышах, где во дворах стояли ржавеющие остовы автомобилей на бетонных блоках.

Ничего.

Напряжение Студня и Люка еще более возросло.

— Слишком легко он нас отпустил, — сказал Студень, имея в виду Келско. — Где-нибудь через полмили...

Полторы мили от города.

— Он хотел, чтобы у нас возникло ложное чувство безопасности, — сказал Студень, — чтобы потом обрушиться на нас словно тонна кирпичей. Вот что он затеял. Теперь они нас сокрушат. Эти ребята из шахтерского края повеселятся вдоволь.

Две мили.

— Было бы странно и не в их духе, если бы они упустили возможность развлечься. В любую секунду они свалятся на нашу голову...

Две с половиной мили.

Теперь Студень заявил, что беды надо ждать возле заброшенной шахты, среди развалин приемника для вагонеток и прочих строений, натканных в беспорядке, где крепежные леса и металлические обломки, словно зубы, торчали под низко нависающим серым небом.

Но вот возникли эти памятники исчезнувшей промышленности, и мы проехали мимо них, и столкновения не произошло.

Три мили.

Четыре.

Когда мы отъехали на десять миль от городской черты, Студень наконец вздохнул и расслабился.

— На сей раз они решили нас отпустить.

— Почему? — с подозрением спросил Люк.

— Не такое уж это и необычное дело. Пару раз бывало, что они не затевали драку, — заметил Студень. — Но никогда не объясняли нам почему. В этом году... ну... может, из-за пожара в школе и из-за трагедии на вчерашнем церковном пикнике. Может, даже Лайсл Келско насмотрелся в этом году всяких мерзостей и не рискнул покалечить нас. Я уже говорил, сдается мне, что этим бедным сволочам ярмарка в этом году нужна, как никогда.

Мы направлялись обратно через всю Пенсильванию, решив остановиться по пути перекусить и планируя прибыть на ярмарку братьев Сомбра ранним вечером. У Студня и Люка настроение стало улучшаться, а у меня — нет. Я знал, почему Келско не стал в этот раз тратить силы на стычку с нами. Потому что он затевал нечто худшее на той неделе, когда мы обоснуемся на ярмарочной площади графства Йонтсдаун. Чертово колесо. Я не знал точно, когда это произойдет, не знал, что именно было у них на уме, но я не сомневался, что гоблины устроят аварию на чертовом колесе и что видения, лишившие меня покоя — кровь на аллее, — точно почки, набухшие злом, скоро расцветут страшной реальностью.

9

Контрасты

Даже после позднего обеда, когда мы выбрались обратно на шоссе, готовясь к полутора часам езды до дома, воспоминания о Йонтсдауне еще давили на меня тяжким грузом, и я не мог выносить напряжения, которого требовало участие в беседе, не мог смеяться над шутками Студня, хотя некоторые из них и в самом деле были смешными. Чтобы уйти от этого, я прикинулся, будто задремал, и свернулся калачиком на сиденье, склонив голову набок.

Мысли лихорадочно бились в моем мозгу...

Что такое гоблины? Откуда они взялись?

Кто такой гоблин — кукольник, паразит, семенем проникающий в глубь человеческой плоти и затем захватывающий контроль над сознанием своего врага, манипулирующий украденным телом, как будто оно его собственное? Или же их тела — просто имитация человеческих, плотно набитые костюмы, в которые они влезают с такой же легкостью, с какой мы надеваем новый костюм?

Бесконечное число раз за многие годы я задавал себе эти вопросы и тысячу других. Проблема состояла в том, что было чертовски много ответов, каждый из которых мог быть верным, но ни один из них я не мог научно обосновать — или как минимум быть в нем уверен.

Я насмотрелся достаточно фильмов про «летающие тарелки», так что фантастических идей у меня было — хоть ведром черпай. А после того, как я увидел своего первого гоблина, я стал страстным читателем научной фантастики, в надежде, что какой-нибудь писатель уже сочинил такую ситуацию и выдал некое объяснение, которое подошло бы мне, как подошло оно придуманным им героям. Из этого множества цветистых историй я извлек множество версий, над которыми размышлял: гоблины могли быть пришельцами из далекого чужого мира, чей корабль потерпел здесь крушение, либо они приземлились специально, чтобы поработить нас, или чтобы проверить, подходим ли мы для равноправного участия в правительстве галактики, или просто чтобы украсть весь наш уран, необходимый для сверхмощных двигателей их космических кораблей, или они всего лишь хотели запаковать нас в пластиковые тюбики, чтобы побаловать себя вкусными закусками во время длительных и скучных путешествий по спиральным рукавам галактики. Я обдумывал и эти возможности, и множество других, не отбрасывая ничего — не важно, насколько безумно или глупо они звучали, но у меня оставались сомнения по поводу любого из объяснений, которые давали

мне научно-фантастические книги. Для начала, я сильно сомневался, чтобы раса, способная летать в космосе по многу световых лет, пролетела такое гигантское расстояние только для того, чтобы угробить свой корабль при приземлении.

У них должны были быть безупречные машины, их компьютеры не могли дать сбой. К тому же, если бы такая развитая цивилизация хотела поработить нас, война закончилась бы за день. Так что, хоть я и провел над этими книгами уйму увлекательных часов, они не бросили мне ни соломинки, за которую я мог бы уцепиться в трудную минуту, не дали никакого понятия о гоблинах и, уж конечно, ни единого намека на то, как с ними поступать и как их победить.

Сама собой напрашивалась еще одна версия — что это демоны, поднявшиеся прямоком из ада и получившие от сатаны умение затуманивать людям разум так, что, глядя на них, мы видели таких же людей, как мы сами. Я верил в бога (или говорил себе, что верю), и наши с ним взаимоотношения иногда принимали характер такого противоборства (по крайней мере, с моей стороны), что мне не составляло труда поверить, что он способен допустить существование такого мерзкого места, как ад. Мои старики были лютеране. Почти каждое воскресенье они брали меня, Сару и Дженни в церковь, и временами мне хотелось вскочить на церковную скамью и закричать на священника: «Если бог благ, почему же он допускает, чтобы люди умирали? Почему он наслал рак на такую славную женщину, как миссис Харли, что жила неподалеку от нас? Если он такой хороший, что ж он допустил, чтобы сын Томпсонов погиб в Корее?» Моя потрепанная вера не мешала мне рассуждать здраво, и я дошел до решения, что истина о бесконечной божьей милости противоречит жестокости мироздания, созданного им для нас. Таким образом, ад, вечное проклятие и демоны были не просто объяснимы, но казались почти что существенной частью вселенной, созданной божественным архитектором, таким же на первый взгляд упрямым и нелогичным, как тот, кто начертал планы для нас.

И все же, веря и в ад, и в демонов, я не мог согласиться, что существование гоблинов можно объяснить с помощью этой мифологии. Если они поднялись из ада, тогда в них должно быть что-то... ну, что-то космического масштаба, в их действиях должны чувствоваться высшее знание и замысел, а я не ощущал ничего похожего в слабом психическом поле, которое они излучали. Более того, посланцы Люцифера наверняка обладали бы бесконечной мощностью, а эти гоблины были во многом гораздо слабее меня и не обладали никакими из сверхъестественных способностей, присущих мне. И они были слишком уязвимы, чтобы быть демонами. Никаким топором, ножом или ружьем нельзя одолеть приспешников сатаны.

Если бы в их облике было больше от собаки и меньше от свиньи, я бы почти поверил, что это вервольфы, оборотни, хотя они рыскали среди нас все время, а не только в полнолуние. Как и легендарные вервольфы, они, видимо, обладали способностью менять облик, со сверхъестественным мастерством имитируя человека, но если было нужно, они принимали свое истинное ужасающее обличье, как тогда в павильоне электромобилей. Если бы они питались кровью в буквальном смысле, я бы остановился на версии о вампирах, сменил бы имя на «доктор ван Хельсинг» и принялся бы (издавна и успешно) заострять целый лес осиновых кольев. Но ни одно из этих объяснений не казалось мне подходящим. И все же я был уверен, что другие экстрасенсы тоже видели гоблинов еще сотни лет назад, и из этих-то видений и возникли первые легенды о людях, способных превращаться в летучих мышей и ужасных волков. В самом деле, Влад, Сажающий на Кол, реально существовавший трансильванский правитель, чей кровожадный интерес к потрясающим воображение массовым казням вдохновил писателей на создание образа Дракулы, вполне возможно, был гоблином — ведь Влад был человеком, которому нравилось упиваться человеческим страданием, а это главная черта всех гоблинов, которых я имел несчастье наблюдать.

В общем, тем вечером, сидя в желтом «Кадиллаке» по пути из Йонтсдауна, я задавал себе привычные вопросы и напрягал мозг, чтобы найти и не упустить хоть какое-то объяснение, но оставался полностью во мраке неведения. Я мог бы избавить себя от этих

усилий, загляни я в будущее — всего на несколько дней вперед, — настолько близок я был к тому, чтобы узнать правду о гоблинах. Я не знал, что меня ждет разгадка. Мне было суждено узнать правду сразу по завершении ярмарочного представления в Йонтсдауне. И когда я в конце концов узнаю о происхождении и побуждениях ненавистных гоблинов, все мигом встанет на свои места и приобретет ясный и ужасный смысл, и я возжелаю — так же страстно, как Адам, когда за ним захлопнулись врата рая, — никогда не иметь этого знания. Но пока что я притворялся спящим, приоткрыв рот и болтаясь всем телом вслед за вихляниями и толчками «Кадиллака», а сам рвался к пониманию, жаждал объяснения.

Когда мы вернулись на ярмарку братьев Сомбра, было полшестого вечера пятницы. Солнце еще заливало аллею светом, но фонари уже зажглись. Повсюду толпились простаки.

Я направился напрямик к силомеру, отпустил Марко, подменявшего меня, и приступил к делу — освобождать проходивших мимо от груза монет и купюр, отягощавших их карманы.

За весь долгий вечер ни один гoblin не появился на проезде, но это меня не утешало. В Йонтсдауне аллея будет кишеть гоблинами, на той неделе они заполнят площадь, и больше всего их будет возле чертова колеса, их лица будут лосниться от садистского предвкушения несчастья.

Марко вернулся в восемь, сменив меня на час, чтобы я успел поесть. Я не был особенно голоден и отправился пройтись по ярмарке просто так, а не в сторону забега ловки, и через несколько минут очутился перед входом в Шоквилль, шоу «десять в одном», хозяином которого был Джоэль Так.

Через весь фасад аттракциона тянулась афиша, возвещавшая сенсацию:

«ЛЮДИ-УРОДЦЫ ИЗ ВСЕХ УГОЛКОВ ЗЕМЛИ».

В смелых пестрых изображениях Четырехрукого Джека (индейца с двумя парами рук), Лилы — Татуированной Леди, Глории Нимз, весящей 750 фунтов («самой толстой женщины на свете»), и других уродов — и от рождения, и тех, кто сами себя изуродовали, — безошибочно угадывалась работа Халаящика — Дэвида С. Уатта, последнего великого художника, работавшего для цирков и ярмарок, чьи афиши украшали палатки владельцев мелких шоу, которые могли позволить себе приобрести его работы. Судя по тому, какие зрелища были обещаны в здешнем «десять в одном», Джоэль Так мог позволить себе не только афишу Уатта — внутреннее убранство палатки также было оформлено с мастерством, присущим лишь эксцентричному дарованию Уатта.

Ближе к сумеркам перед Шоквиллем собралась уйма народу, глазевшего на причудливые изображения, созданные мастерством Уатта, и слушавшего болтовню зазывалы. Несмотря на показное нежелание смотреть на уродство и то и дело звучащие реплики, что недостойно выставлять несчастных калек на всеобщее обозрение, большинство, несомненно, стремилось зайти внутрь. Многие чувствительные дамы явно хотели, чтобы их как бы насильно заставили решиться на столь рискованное путешествие, и основная масса — и мужчины, и женщины — шаг за шагом двигалась к билетной кассе.

Меня тоже что-то подтолкнуло туда.

Не то нездоровое любопытство, что владело простаками.

Что-то... более темное. Что-то внутри палатки хотело, чтобы я вошел и посмотрел на него... что-то, о чем, как я ощущал, мне надо узнать, если я собираюсь выжить на той неделе и сделать так, чтобы ярмарка братьев Сомбра стала моим домом.

Холодное предчувствие вонзилось мне сзади в шею, словно летучая мышь-вампир, сосущая кровь, и вытянуло все тепло из моего тела.

Меня наверняка пустили бы бесплатно, но я все же купил входной билет за два доллара (цена по тем временам высокая) и вошел внутрь.

Палатка была разгорожена на четыре большие комнаты, между которыми вился проход, ограниченный веревками. В каждой комнате было по три загончика, в каждом загончике платформа, на каждой платформе кресло, в каждом кресле по уроду, всего их было двенадцать. «Десять в одном» Джоэля Така были своего рода крайне удачной сделкой для посетителей — два лишних уроды, на которых можно поглазеть, два лишних повода

усомниться в благих намерениях бога. За спиной каждого уродца висел, зрительно увеличивая загончик, плакат, излагавший историю и медицинскую причину его уродства, позволявшего каждому из живых экспонатов стать гвоздем программы в Шоквилле.

Ошеломляла разница в поведении людей снаружи и внутри палатки. На улице все их существо, казалось, восставало против самой идеи шоу уродов, и уж, по крайней мере, даже влекомые неудержимым любопытством, они были настроены все-таки отрицательно. Но внутри палатки этих благородных мыслей не было и в помине. Вероятно, это были не истинные убеждения, а всего лишь пустой звук банальности, покровы, под которыми скрывалась дикая человеческая природа. Теперь они задыхались от возбуждения, хихикали и тыкали пальцем в искалеченных людей, за право поглядеть на которых заплатили деньги — как будто те, кто сидел на платформах, были не только уродливы, но и глухи или просто слишком глупы, чтобы понимать оскорбления, которым подвергались. Иные простаки отпускали непристойные шутки. Даже самых приличных из них хватало лишь на то, чтобы не раскрывать рта, но никто и не подумал одернуть своих безмозглых приятелей и велеть им заткнуться. По мне, так «экспонаты» «десяти в одном» требовали к себе такого же уважения, как полотна старых мастеров в музее, — они также проливали свет на смысл жизни, как и картины Рембрандта, Матисса или Ван Гога. Как и шедевры искусства, эти уроды были способны пронять нас до глубины души, напомнить о наших первобытных страхах, вселить в нас смиренную радость, что нас обошла их участь, и дать возможность вылиться ярости, которую нам приходится испытывать при мысли о холодном безразличии этой несовершенной вселенной. Ни одной из этих мыслей я не улавливал в посетителях, хотя, возможно, я был слишком строг к ним. Не пробыв в палатке и пары минут, я понял, что истинными уродами были те, кто заплатил деньги за эту дьявольскую экскурсию.

Так или иначе, они получили сполна то, за что платили. В первом загончике сидел без рубашки Четырехрукий Джек, являя взглядам лишнюю пару рук — вялых и скукоженных, но действующих, которые росли по бокам туловища, лишь на пару дюймов пониже и чуть позади нормальных здоровых рук. Две лишние конечности были слегка деформированы, и их неспособность была очевидна, и все же он держал в них газету, одной из нормальных рук он в это же время держал стакан с прохладительным напитком, а другой отправлял в рот арахисовые орешки. В следующем загончике обитала Лиля — Татуированная Леди, чье уродство было делом ее собственных рук. За ней следовали Филиппо, Ластоногий Мальчик, Мистер Шесть (у него было по шесть пальцев на каждой руке и ноге), Человек-Аллигатор, Роберта, Резиновая Женщина, альбинос, прозывавшийся незатейливо — Призрак, и прочие, выставленные для «наставления и развлечения тех, кто наделен пытливым умом и здоровым интересом к загадкам природы», как говорил зазывала перед входом.

Я медленно шел от загончика к загончику, храня, в числе немногих, молчание. Перед каждым экспонатом я задерживался ровно настолько, чтобы определить, этот или нет был источником психологического магнетизма, чью тягу я почувствовал еще снаружи и которой подчинился.

Я до сих пор ощущал эту тягу...

Я направился в глубь Шоквилля.

Следующий «уродец» пользовался у простаков куда большим вниманием, чем все прочие: мисс Глория Нимз, чей вес составлял 750 фунтов, наверное, самая толстая из всех толстых дам на свете. С последним утверждением я не рискнул бы спорить — и с тем, что касается ее габаритов, и с тем, что она была дамой, — ибо при ее размерах, достойных Гаргантюа, я тем не менее ощущал в ней притягательную утонченность и сдержанный нрав. Она восседала в специально сделанном, очень прочном кресле. Ей, должно быть, было очень трудно вставать, а ходить без посторонней помощи, казалось, она вообще не могла. Даже дышать было для нее непосильным трудом, судя по звуку дыхания. Это была гороподобная женщина в широком гавайском платье. Необъятный живот вздымался сразу под нависающим выступом — грудями, такими огромными, что они, казалось, утратили всякое мыслимое с анатомической точки зрения назначение. Ее руки казались ненастоящими, похожими на

комические изваяния рук древней героини, вылепленные из груды веснушчатого сала, а ее многочисленные подбородки свешивались с шеи настолько, что почти касались грудной клетки. Ошеломляло ее круглое луновидное лицо, безмятежное, как лицо Будды, и неожиданно красивое. Под этой расплывшейся маской — словно один фотоснимок наложили на другой — скрывался очаровательный, трогательный облик прекрасной и стройной Глории Нимз.

Некоторых из простаков Глория Нимз привлекала, поскольку они могли дразнить ею своих подружек и жен — «Если будешь такой же толстой, детка, подыскивай и себе работу в шоу уродов, поскольку со мной тебе тогда остаться не судьба!» — говорили они, делая вид, что шутят, но на самом деле относясь к этому вполне серьезно. А жены и подружки, особенно те, кому адресовалось это заявление и у кого у самих было малость лишнего веса, с удовольствием глядели на Глорию, потому что рядом с ней они могли чувствовать себя шикарными стройными дамами. Черт возьми, да рядом с ней Студень выглядел бы отощавшим заморышем из Азии с картинки из благотворительного журнала. И практически всем нравилось то, что Глория разговаривала с ними, в отличие от большинства уродов. Она отвечала на вопросы, тактично уклоняясь от нахальных и слишком личных вопросов, не вгоняя при этом в краску ни себя, ни тех кретинов, что расспрашивали ее.

Стоя возле загончика толстой дамы, я психически ощущал, что она сыграет важную роль в моей жизни, но я чувствовал, что не Глория привела меня в Шоквилль. Зловещие магнетические волны, против которых было не устоять, продолжали тянуть меня дальше, в глубь палатки.

Последний, двенадцатый загончик был занят Джоэлем Таким — человеком с ухом, как цветная капуста, ртом, похожим на ковш экскаватора, и желтыми, как желчь, зубами, со лбом Франкенштейна, человеком с третьим глазом, гигантом, уродом, бизнесменом и философом. Он читал книгу, не обращая внимания ни на то, что творилось вокруг, ни на меня, — однако сидел так, чтобы простаки могли заглянуть ему в лицо и рассмотреть его во всех отталкивающих подробностях.

Вот кто привел меня сюда. В первый момент мне показалось, что влекущая меня сила исходит непосредственно от Джоэля Така. Часть ее, возможно, и шла от него, но не вся — источником другой части магнетизма было само место, земляной пол загончика. Проход для посетителей был огорожен канатом и стойками, и между этой демаркационной линией и краем деревянной платформы, на которой восседал Джоэль Так, было пустое пространство футов шести в ширину. Мои глаза были прикованы к этому пыльному, посыпанному опилками клочку земли, и пока я смотрел туда, темная жара исходила из грунта, раздражающая теплота, совершенно непохожая на утомительную августовскую жару, проникающую в каждый уголок на ярмарке. Только я ощущал эту теплоту. Она была без запаха и в то же время напоминала вонючий пар, исходящий от навозной кучи на ферме. Она навеяла на меня мысли о смерти, о теплоте, вызванной разложением, исходящей от гниющего тела. Я не мог сообразить, что она означает, и гадал, не суждено ли этому месту стать потайной могилой, может быть, даже моей собственной. И в самом деле, стоило мне остановиться на этой дикой версии, как у меня появилась уверенность, что я стою у края могилы, которую вскоре откроют и в самый глухой час ночи спрячут в нее чей-то окровавленный труп, и что...

— Ба, да никак это сам Карл Слим, — воскликнул Джоэль, наконец обратив на меня внимание. — Ой, нет, постой-ка, прости, просто Слим, правильно? Слим Маккензи.

Он подшучивал надо мной, я улыбнулся, и темные излучения, поднимавшиеся из-под земли, стали слабее, еще слабее и совсем исчезли.

Поток простаков на минуту схлынул, и я ненадолго остался наедине с Джоэлем. Я спросил его:

— Ну, как идут дела?

— Хорошо. У нас дела почти всегда хороши, — ответил он тем мягким, звучным голосом, каким говорят дикторы на радиостанциях, передающих только классическую

музыку. — А у тебя как? Дает тебе ярмарка то, чего ты хотел?

— Место для сна, сытная еда три раза в день, карманных денег больше чем достаточно — в общем, у меня все отлично.

— Как насчет анонимности? — поинтересовался он.

— Ну, думаю, это тоже.

— Убежище?

— Пока — да.

Как и раньше, я ощущал что-то отцовское в этом странном человеке, способность и готовность оказать поддержку, дать дружеский совет. Но, как и прежде, я чувствовал также и скрытую в нем опасность, угрозу, не поддающуюся определению. Я не мог понять, каким образом в нем сочетается двойственное и столь разное отношение ко мне. Он мог быть либо наставником, либо врагом, тем или другим, но никак не обоими одновременно. И все же я чувствовал в нем эту противоречивость, поэтому я не открылся ему, хотя, не ощущай я этого, я наверняка доверился бы ему.

— Что ты думаешь о девушке? — спросил он, возвышаясь в своем кресле над платформой.

— О какой девушке?

— А разве есть и другая?

— В смысле... ты про Райю Рэйнз?

— Она тебе нравится?

— Конечно. Она то, что надо.

— И все?

— А что еще?

— Спроси любого мужчину с этой ярмарки, что он думает про мисс Райю Рэйнз, и он полчаса будет воспевать ее лицо и тело, потом еще полчаса будет прохаживаться по поводу ее характера, а потом еще немного повоспевает ее, но ни за что не ограничится фразой, что «она то, что надо», и закроет тему.

— Она привлекательная.

— Ты влюбился, — сказал он, с трудом двигая костистыми челюстями. Желтые зубы стучали, когда он выговаривал твердые согласные.

— О... нет. Нет. Только не я, — ответил я.

— Чушь собачья.

Я пожал плечами.

Его оранжевый глаз смотрел на меня слепым, но пронзительным взглядом. Закатив два остальных глаза в притворном нетерпении, он продолжал:

— Давай-давай, болтай, конечно, ты влюбился. По уши. Если не хуже. Может быть, ты вообще полюбил ее.

— Ну, вообще-то она меня старше, — неловко возразил я.

— Всего на несколько лет.

— Все равно старше.

— А если судить по жизненному опыту, по уму и разуму, ты старше своих лет и по крайней мере одного с ней возраста. Со мной твои отговорки не пройдут, Слим Маккензи. Ты влюбился. Соглашайся.

— Ну, она очень красивая.

— А под?

— Что?

— Под? — повторил он.

— Ты имеешь в виду, что ее красота — не только то, что снаружи?

— Это так? — не унимался он.

Я был поражен, насколько успешно он выпытывал у меня все, и ответил:

— Ну, ей нравится, чтобы о ней думали, что она крутая, но внутри... ну, я вижу в ее душе некоторые качества, не уступающие по красоте ее лицу.

Он кивнул.

— Согласен.

С другой стороны палатки к нам приближалась группа смеющихся простаков.

Он заговорил быстрее, подавшись ко мне в своем кресле, ловя последние минуты нашего уединения:

— Но знаешь... в ней есть и печаль.

Я вспомнил, в каком унылом настроении она была, когда я ушел накануне вечером, подумал о тисках одиночества и отчаяния, тянувших ее в неведомую темную яму.

— Да, я это знаю. Понятия не имею, откуда она идет, эта печаль, и что она означает. Но знаю, что она есть.

— Здесь есть о чем подумать, — заметил он и замолчал в нерешительности.

— О чем?

Он уставился на меня настолько пронзительным взглядом, что я был готов поверить, что его собственные психические возможности позволяют ему читать в моей душе. Потом он вздохнул и сказал:

— Такая сногшибательная красота снаружи, и красота внутри тоже, тут мы с тобой единомышленники... а не может ли быть так, что есть еще одно «внутри», под тем «внутри», которое ты видишь?

Я покачал головой.

— Не думаю, чтобы она стремилась кого-то обмануть.

— Э-э, мы все только этим и занимаемся, мой юный друг! Мы все обманываем. Кто-то обманывает весь мир, любого встречного. Кто-то обманывает лишь избранных — жен, любовниц, матерей, отцов. А кто-то обманывает исключительно самих себя. Но никто из нас не бывает постоянно честен со всеми, ни при каких обстоятельствах. Черт возьми, нужда обманывать — это лишь одно из многих проклятий нашего несчастного рода.

— Что ты пытаешься сказать мне о ней? — спросил я.

— Ничего, — ответил он, и его напряжение неожиданно улетучилось. Он откинулся в кресле. — Ничего.

— Ты что такой скрытный?

— Я?

— Скрытный.

— Почему я знаю, — отрезал он. На его невероятном лице лежало самое загадочное выражение, какое я видел в жизни.

Простаки подошли к двенадцатому загончику. Это были две парочки, всем по двадцать с небольшим, у девиц — прически а-ля паж, затвердевшие от лака, и чересчур много косметики на лице, на парнях — брюки в «шашечку» и расстегнутые рубашки — четверка деревенских грамотеев. Одна из девиц, толстуха, взвизгнула от страха, увидев Джоэля Така.

Другая взвизгнула потому, что взвизгнула ее подружка, и парни обняли их, защищая бог весть от какой беды — точно Джо-эль Так вот-вот выскочит из своего загончика, намереваясь не то сожрать, не то изнасиловать их.

Пока простаки обменивались впечатлениями, Джоэль поднял книгу и углубился в чтение, не обращая внимания на их вопросы. Он укрылся за броней собственного достоинства — такой прочной, что она казалась осязаемой. Его чувство собственного достоинства было таким, что проняло даже простаков, заставив их в конце концов устыдиться и уважительно умолкнуть.

За ними подошли еще простаки. Я задержался там на минуту, наблюдая за Джоэлем и вдыхая аромат нагретого солнцем холста, опилок и пыли. Затем я опустил взгляд на тот клочок земли, усыпанной опилками, между канатом и платформой. И снова мне явились образы разложения и смерти, но, как я ни старался, я никак не мог точно решить, что означают эти темные ощущения. Только у меня опять возникло тревожное чувство, что скоро эту грязь разворошат лопатой, чтобы вырыть могилу для меня.

Я знал, что еще вернусь сюда. Когда ярмарку закроют на ночь. Когда уроды разойдутся.

Когда палатка опустеет. Я тайком проберусь, чтобы снова поглядеть на это зловещее место, чтобы коснуться земли ладонями, чтобы попытаться вырвать у сконцентрированной здесь психической энергии более четкое предупреждение. Я должен был вооружиться против надвигающейся опасности, а сделать это я смогу, только когда буду точно знать, в чем заключается эта опасность.

Когда я покинул «десять в одном» и вернулся на проезд, небо было уже такого же сумеречного цвета, как и мои глаза.

Это был предпоследний вечер работы ярмарки, к тому же вечер пятницы, поэтому простакі задержались дольше, чем обычно, и ярмарку закрыли позже, чем накануне вечером. Было почти полпервого ночи, когда я убрал с силомера плюшевых медвежат и, сгибаясь под грузом монет, звеневших при каждом моем шаге, направился на луг, к трейлеру Райи.

Луна освещала облака, окрашивая их резные края чистейшим серебром. От этого ночное небо казалось украшенным кружевами.

Райя уже отпустила всех остальных своих подчиненных-кассиров и теперь дожидалась меня. Одета она была почти так же, как и накануне, — бледно-зеленые шорты, белая футболка, никаких украшений. Украшения были не нужны ей — ее красота и без всяких драгоценностей сияла ярче, чем бог весть сколько алмазных ожерелий.

Она была не в настроении беседовать — лишь отвечала на мои слова, да и то односложными фразами. Она приняла деньги, убрала их в шкаф и вручила мне половину дневной выручки. Я сунул деньги в карман джинсов.

Пока она производила эти механические действия, я пристально глядел на нее — и не потому, что она была красива, но потому, что не позабыл вчерашнего ночного видения возле самого трейлера, когда призрачная Райа, вся в крови, с текущей изо рта струйкой крови, вдруг воплотилась в зыбкую действительность и тихо умоляла меня не дать ей умереть. Я надеялся, что присутствие настоящей Райи подстегнет мое ясновидение и я получу новые, более ясные предупреждения, благодаря которым смогу предостеречь ее от конкретной опасности. Но все, что я почувствовал, вновь оказавшись рядом с ней, — возобновленное ощущение ее скрытой глубокой печали и половое возбуждение.

После того как мне заплатили, у меня больше не было повода ошиваться тут. Я пожелал ей доброй ночи и направился к выходу.

— Завтра будет тяжелый день, — сказала она, не успев я сделать и двух шагов.

Обернувшись, я посмотрел на нее:

— Как обычно в субботу.

— А вечер будет грустный — мы сворачиваемся.

И в воскресенье начнем обустраиваться в Йонтсдауне — но об этом мне не хотелось думать.

Она продолжала:

— В субботу всегда нужно переделать столько дел, что по пятницам я почти не могу заснуть.

Я заподозрил, что она, как и я, не может заснуть почти каждую ночь и что, когда ей это удастся, она то и дело беспокойно просыпается.

Я неловко ответил:

— Я знаю, что ты имеешь в виду.

— Прогулки мне помогают, — сказала она. — Иногда в пятницу ночью я выхожу на аллею и гуляю в темноте по всем дорожкам — избавляюсь от излишней энергии и получаю... такой, знаешь, прилив спокойствия. Ярмарка такая мирная, когда она закрыта, когда нет посетителей и огни погашены. А еще лучше... когда мы выступаем в таких местах, как здесь, где ярмарочная площадь прямо в полях, тогда я отправляюсь гулять в луга или даже в ближайший лес, если там есть дорога или тропа и если луна светит.

Если не считать ее суровой лекции о том, как работать на силомере, это была самая длинная речь, которую мне довелось услышать от нее. Впервые она так близко подошла к попытке завязать со мной контакт, но ее голос был таким же безликим и деловым, как и в

часы работы. На самом деле он был даже холоднее, чем прежде, — в нем сейчас не звучало бурлящее волнение предпринимателя, озабоченного тем, как бы сколотить капитал. Сейчас ее голос звучит ровно, безразлично, как будто всякая цель, смысл и интерес покинули ее после закрытия ярмарки и вернутся обратно не раньше чем завтра утром, когда ярмарка откроется. Действительно, голос был такой ровный, такой бесцветный и усталый, что, не прибегни я к своему шестому чувству, я навряд ли догадался бы, что в этот момент она тянется ко мне в жажде человеческого общения. Я понимал, что она старается держаться непринужденно, даже по-дружески, но это ей так просто не дается.

— Сегодня ночью как раз луна, — заметил я.

— Да.

— И поля поблизости.

— Да.

— И лес.

Она глядела на свои босые ноги.

— Я и сам собирался пойти прогуляться, — сказал я.

Избегая глядеть мне в глаза, она прошла к креслу, перед которым лежала пара теннисных туфель. Скользнув в них ногами, она подошла ко мне.

Мы отправились на прогулку. Попетляв по временным улочкам трейлерного городка, мы вышли в чистое поле, где ночные тени и пятна лунного света окрашивали траву в черный и серебряный цвета. Трава была по колено высотой и, должно быть, колола ее голые ноги, но она не жаловалась. Некоторое время мы брели в молчании — сначала потому, что слишком неловко чувствовали себя друг с другом, чтобы завязать приятный разговор, а потом беседа стала казаться неважной и ненужной.

Дойдя до края луга, мы повернули и пошли вдоль леса, и ветер приветливо дул нам в спину. Крепостные валы ночного леса вздымались, точно стены величественного замка. Казалось, это не сомкнутые ряды сосен, кленов и берез, а прочные черные барьеры, в которых невозможно проделать брешь — можно только взять их приступом. Наконец, отойдя от ярмарки на полмили, мы добрались до места, где грязная колея расколола лес надвое и тянулась дальше, в глубь ночи и неизвестности.

Не говоря друг другу ни слова, мы свернули на эту дорогу и пошли по ней. Пройдя не меньше двухсот ярдов, она наконец заговорила:

— Тебе снятся сны?

— Бывает, — ответил я.

— О чем?

— О гоблинах. — Я сказал ей правду, но если бы она потребовала объяснений, я начал бы лгать ей.

— Кошмары, — сказала она.

— Да.

— И тебе всегда снятся кошмары?

— Да.

Конечно, здесь, в горах Пенсильвании, не хватало простора и ощущения первобытной эпохи, благодаря которым Сискию были так выразительны. Но все же здесь присутствовала вселяющая почтение тишина, какую можно найти только в глуши, молчание, более благоговейное, нежели в соборе. Из-за этого мы разговаривали тихо, почти шепотом, хотя нас некому было услышать.

— Мне тоже, — продолжала она. — Кошмары. Не просто часто. Всегда.

— Гоблины? — спросил я.

— Нет.

Она ничего не добавила, и я понял, что она добавит к этому что-нибудь, только когда сама сочтет нужным.

Мы продолжали гулять. Лес теснее обступил нас с обеих сторон. Грязная дорога мерцала серым светом в сиянии луны и казалась ложем из пепла — словно колесница

господня прошлась через лес и ее колеса, пылающие божественным огнем, выжгли за собой колею.

Помедлив, она сказала:

— Кладбище.

— В твоих снах?

Ее голос был легким, как дуновение ветерка.

— Да. Не всегда одно и то же кладбище. Иногда оно на равнине и тянется во все стороны до самого горизонта. Могильные камни жмутся один к другому, и все совершенно одинаковые. — Ее голос стал еще тише. — А бывает, что кладбище на холме, все занесенное снегом, деревья голые, ветви у них черные и острые. И камни спускаются вниз террасами, и все разные — мраморные обелиски и плоские гранитные плиты, и статуи, разрушенные уже сколько лет, лежат на земле... и я бреду вниз, к концу кладбища, к подножию холма... туда, где дорога наружу... я точно знаю, что там где-то есть дорога... и никак не могу ее отыскать. — Ее голос стал таким тоненьким и ледяным, что у меня по позвоночнику пробежал тонкой полоской холодок — как будто ее голос был ледяным лезвием, что прижалось к моей коже.

— Сначала я медленно бреду между надгробий, боюсь поскользнуться и упасть в снег, но когда спускаюсь на несколько террас, а дороги внизу все не видно... я начинаю идти быстрее... еще быстрее... и скоро я уже бегу, спотыкаясь, падаю, встаю, бегу дальше, петляю среди камней, падаю по склону вниз...

Пауза. Вздох. Неглубокий. На выдохе, в котором слегка ощущается страх, еще несколько слов:

— И знаешь, что я там вижу?

Кажется, я знал. Мы поднялись на вершину небольшого холма, и, продолжая путь, я сказал:

— На одном из камней ты видишь имя, и это твое имя.

Она вздрогнула.

— Одна из этих могил — моя. Я это чувствую в каждом сне. Но я никак не отыщу ее. Мне почти хочется ее отыскать. Мне кажется... если я ее отыщу... если я отыщу свою собственную могилу... мне больше не будут сниться такие сны...

«Потому что тебе не суждено будет проснуться, — подумал я. — Ты умрешь. Говорят, это случается, что не можешь проснуться, пока не умрешь во сне. Умрешь во сне — и больше никогда не проснешься».

Она продолжала:

— А когда я все-таки спускаюсь с холма, то я обнаруживаю... дорогу, которую искала... только это больше уже не дорога. На ней похоронили людей и поставили камни прямо на асфальте, словно не хватило кладбища и пришлось зарывать везде, где только можно. Сотни могильных камней, по четыре в ряд, ряд за рядом, по всей дороге. Так что... понимаешь... дорога больше никуда не ведет. Это не выход, а просто продолжение кладбища. А ниже мертвые деревья, и кладбищенские плиты все громоздятся и громоздятся, пока хватает глаз. А самое ужасное то, что... каким-то образом я понимаю, что все эти люди мертвы... из-за...

— Из-за чего?

— Из-за меня, — сказала она несчастным голосом. — Потому что я убила их.

— Ты так говоришь, словно действительно чувствуешь себя виноватой.

— Так и есть.

— Но это же только сон.

— Когда я просыпаюсь... он не сразу исчезает... слишком реальный для сна. Это что-то большее, чем сон. Это... может быть, предзнаменование.

— Но ты же не убийца.

— Нет.

— Тогда что бы это значило?

— Я не знаю, — сказала она.

— Просто сны, бессмыслица, — настаивал я.

— Нет.

— Ну так скажи мне, что это означает. Скажи мне, в чем суть.

— Я не могу, — ответила она.

Но, слушая ее, я с беспокойством чувствовал, что она точно знает, что значит этот сон, и что она начала лгать мне, как солгал бы я, начини она выпытывать у меня слишком многие подробности о гоблинах из моих собственных кошмаров.

Мы поднялись по грязной тропинке на верхушку пологого холма, спустились вниз, следуя за тропинкой, сделали крюк в четверть мили, прошли через дубовую рощу, куда лунный свет проникал меньше, — в общем, прошли где-то около мили. Наконец мы вышли к берегу небольшого озера, расположенного посреди леса. Дорога здесь кончалась.

Берег, отлого спускавшийся к воде, порос сочной, мягкой травой. Само озеро казалось огромной лужей нефти. Оно бы не казалось вообще ничем, если бы луна и россыпь морозно-белых звезд не отражались на его поверхности, освещая тем самым крохотные водовороты и легкую рябь. Трава, взъерошенная ветром, была черной, совсем как на лугу за городком трейлеров, и край каждого тонкого лезвия травинки блестел мягким серебром.

Она села на траву, я рядом с ней.

Судя по всему, ей опять захотелось тишины.

Я подчинился.

Мы сидели под пологом ночи, слушая отдаленное пение сверчков и тихие всплески воды, когда рыбы выпрыгивали на поверхность, чтобы схватить мошку. Беседа снова была совершенно ни к чему. Мне было достаточно того, что я просто сижу возле нее — так близко, что можно протянуть руку и коснуться ее.

Я был поражен контрастом между этим местом и теми, в которых я провел весь день. Сперва Йонтедаун с его дымовыми трубами, средневековыми строениями и вездесущим ощущением надвигающейся беды, потом ярмарка с ее шумными забавами и толпами простаков. Каким облегчением сейчас было ненадолго оказаться в таком месте, где единственным признаком существования людей была грязная тропинка, что привела нас сюда. Мы оставили ее за спиной, и я постарался выкинуть ее из головы. По натуре я человек общительный, но тем не менее бывали случаи, когда людское общество утомляло меня так же, как гоблины вызывали у меня отвращение. А иногда, когда я видел, до какой степени люди могут быть жестоки по отношению к своим собратьям — вот как сегодня в палатке Джоэля Така, мне казалось, что мы заслужили гоблинов, что мы — непоправимо порочная раса, неспособная с должным благоговением относиться к такому чуду, как наше существование, и что мы сами напросились на злобное внимание гоблинов, относясь друг к другу с таким презрением. В конце концов, многие из тех богов, которым мы поклонялись, были, кто больше, кто меньше, требовательны, щедры на расправу и способны на такую жестокость, что сердце замирает. Как знать, может, это они наслали на нас гоблинов, как чуму, и назвали это всего-навсего наказанием за совершенные нами грехи? Но здесь, посреди спокойствия леса, сквозь меня струилась очистительная энергия, и мало-помалу я воспрянул духом, невзирая на все разговоры о кладбищах и кошмарах, которыми мы занимали друг друга.

Спустя какое-то время до меня дошло, что Райа плачет. Не было слышно ни звука, тело ее не сотрясали безмолвные всхлипывания, Я с беспокойством обратил внимание на ее состояние, только когда ощутил, как ее неизмеримая печаль охватила ее с новой силой. Поглядев на нее сбоку, я увидел, как по гладкой щеке скатилась сверкающая слеза — еще одна капля серебра в лунном свете.

— Что с тобой? — спросил я.

Она помотала головой.

— Не хочешь говорить?

Она опять помотала головой.

Я остро ощущал, что она нуждается в утешении, что она потянулась ко мне специально за утешением. Но не зная, как утешить ее, я отвел глаза и уставился на маслянистую черноту

озера. Из-за нее в моей логической цепи произошло короткое замыкание, черт бы его подрал. Она была не похожа ни на кого из тех, кого я знал, — с непостижимо загадочными глубинами души и темными тайнами. Я боялся, что не сумею ответить ей той же открытостью и непринужденностью, какими всегда отвечал людям. Я ощущал себя почти что астронавтом, впервые вступающим в контакт с представителем другого мира: мысль о разделяющей нас пропасти давила тяжелым грузом, было страшно что-либо предпринять — как бы первая же попытка общения не оказалась неверно понята. В общем, я осознал, что не в состоянии утешить ее, не в состоянии вообще ничего сделать. Каким же я был дураком, твердил я себе, когда думал растопить лед между нами, каким я был идиотом, воображая близкие взаимоотношения с ней. Я твердил себе, что попытаюсь прыгнуть выше головы, что эти воды слишком темные и чуждые, и я никогда не пойму ее, и...

...и тут она поцеловала меня.

Ее мягкие, уступчивые губы прижались к моим, раскрылись навстречу моим губам, и я ответил на ее поцелуй со страстью, какой никогда доселе не испытывал, наши языки стремились друг к другу, сплетались, пока не слились в нечто единое. Я запустил обе руки в ее роскошные волосы — сочетание светлых и каштановых при дневном свете и серебристые сейчас, они струились между моими пальцами. Словно из лунного света насучили прохладные шелковистые нити. Мои руки скользнули ниже — вдоль шеи, задержались на ее плечах, когда наш поцелуй стал глубже, и наконец я охватил ладонями ее полные груди.

Стой самой секунды, как она наклонилась ко мне и в первый раз поцеловала меня, она не переставая дрожала всем телом. Я чувствовал, что эта дрожь не имеет ничего общего с эротическим ожиданием, но свидетельствует о неуверенности, стеснении, робости и боязни быть отвергнутой — состояние, близкое к моему собственному. Внезапно сильная лихорадочная дрожь прокатилась по ее телу. Отстранившись от меня, она произнесла:

— О черт.

— Что? — только и смог выдохнуть я.

— Почему не могут...

— Что?

— ...два человека...

— Что?

Слезы теперь ручьем лились у нее из глаз. Голос ее дрожал:

— Просто дотянуться друг до друга...

— Мы же с тобой дотянулись.

— И отодвинуть в сторону этот барьер...

— Нет никакого барьера. Сейчас нет.

В ней по-прежнему чувствовалась печаль, колодец одиночества, глубина которого не поддавалась измерению, мрачность, отстраненность. Я опасался, что все это переполнит ее в самый неподходящий момент и разовьет то самое отчуждение, которого она, по ее же словам, боялась.

Она продолжала:

— Он есть... он всегда есть... всегда так тяжело завязать настоящий контакт... настоящий...

— Это просто, — возразил я.

— Нет.

— Мы уже прошли большую часть пути.

— ...яма, пропасть...

— Заткнись, — сказал я со всей нежностью и любовью, какую можно вложить в одно слово, обнял ее и еще раз поцеловал.

Мы целовались и ласкали друг друга со стремительно возрастающей страстью и в то же время с твердой решимостью растянуть наслаждение от первых ласк, от изучения друг друга. Так мы сидели на траве от силы пять-десять минут, но казалось, что незаметно пролетело несколько дней. Когда она опять отстранилась от меня, я было запротестовал. Но она

произнесла: «Тихо!» — таким тоном, что я понял, что надо подчиниться. Она поднялась на ноги. Не было никакой возни со всеми этими пуговками-пряжками-"молниями", способной порой охладить любую страсть — одежда соскользнула с нее, и она встала передо мной, обнаженная и восхитительная.

Даже ночью, среди лесной темноты, она казалась дочерью солнца — ведь лунный свет не что иное, как отражение солнечного, и сейчас, хотя и отраженный, ни один луч солнца, казалось, не падал мимо нее. Свет луны придал ее коже полупрозрачный оттенок, подчеркивая потрясающе чувственные изгибы, ровные поверхности, выпуклости и впадины ее безупречного тела. Воплощение Эроса в текучем смешении черного и серебряного: мерцающие морозным серебром полушария крепких ягодич, между которыми пролегла четкая темная полоска, мускулистое бедро, соблазнительно отлитое из холодного крепкого сплава, завитки волос внизу живота, тронутые серебряным мерцанием, впадина живота, плотно изгибающаяся от жемчужного пятна лунного света до аккуратной укромной тени, затем опять жемчужная белизна, доходящая до границы тени, лежащей под налитыми грудями, и — о да — ее груди, подтянутые вверх, очерченные так, что дух захватывало, полные соски, наполовину окрашенные в серебро, наполовину — в черный цвет. Молочно-белый, снежно-белый, платиновый свет озарял — и, казалось, шел изнутри — ее элегантные, изящные плечи, следовал вдоль изысканной линии шеи, слегка касался нежных округлостей и ямочек на ее маленьком ушке.

Как некое высшее существо, сошедшее с небес, она с медленной грацией опустилась и легла на густую, мягкую траву.

Я разделся.

Я начал ласкать ее руками, губами, языком, и еще задолго до того, как я вошел в нее, она два раза испытала оргазм. Я не был опытным любовником — куда там, мой сексуальный опыт сводился к двум женщинам из предыдущих трупп. Но мое шестое чувство, должно быть, подсказывало мне, чего хочет женщина, что ей будет приятно.

Она лежала, раскинувшись на ложе из черной травы. Я раздвинул ее гладкие бедра и скользнул между них. Миг проникновения был обычным, ничем не примечательным механическим действием, но как только мы соединились, ощущения утратили свою непримечательность, поднялись с механического уровня на мистический. Мы стали не просто любовниками — мы стали единым организмом, инстинктивно и бессознательно стремящимся к мимолетному, загадочному, но безумно желанному апофеозу духа и тела. Она, казалось, ощущает мои чувства душой так же, как и я ее. С первого мгновения ни одно ее движение не препятствовало моим, ни одно слово, способное все разрушить, не слетело с ее губ, она ничем не потревожила сложнейший, полный глубокого наслаждения ритм нашей страсти — каждое наше движение, каждое напряжение и расслабление, каждое замирание, каждый трепет, каждый вдох и выдох полностью совпадали, пока не достигли совершенной гармонии, даже больше того. Весь мир отступил назад. Мы были едины, мы были всем, мы были единственным.

В этом возвышенном, почти священном состоянии семяизвержение казалось величайшим оскорблением — не естественным завершением совокупления, но грубым вторжением элементарной биологии. Но оно было неизбежно. Более того, его не только было невозможно избежать — его было совсем недолго ждать. Не больше чем через четыре-пять минут после того, как я проник в нее, я почувствовал, как возрастает напряжение, и с некоторым смущением понял, что удержаться невозможно. Я начал было выходить из нее, но она еще теснее прижалась ко мне, обвив меня руками и ногами, ее горячее лицо напряглось, я с трудом выдохнул что-то про опасность забеременеть, но она прошептала: «Все в порядке, Слим, все в порядке, я не могу иметь детей, все равно, все в порядке, кончи в меня, милый, прошу тебя, кончи в меня, наполни меня», и при последних словах ее сотряс очередной оргазм, ее тело выгнулось дугой, груди прижались к моей груди, судороги словно раздирали ее тело, и неожиданно узы, сдерживавшие меня, исчезли, и длинные, жидкие нити спермы выстрелили из меня, разматываясь внутри нее.

Нам понадобилось много времени, чтобы к нам вернулось ощущение реальности, и еще больше времени, чтобы разъединиться. Но наконец мы легли рядышком на спину, лежали на траве, глядя в звездное небо и держась за руки. Мы молчали — все, что нужно было сказать, было уже сказано без слов.

Прошло не меньше пяти долгих, теплых минут, прежде чем она заговорила:

— Кто ты, Слим Маккензи?

— Просто я.

— Ты просто фантастика.

— Ты что, смеешься? Нашла фантастику. Я не сумел удержаться. Хлынуло, как из пожарного шланга. Черт. Обещаю, в следующий раз смогу держать себя в руках. Я, конечно, не гигант, не Казанова, это ясно, но я обычно сдерживаюсь лучше, чем...

— Не надо, — мягко сказала она. — Не надо все так принижать. Не притворяйся, будто это не было самым естественным, самым восхитительным, самым-самым, что у тебя когда-либо было. Потому что так оно и было. Было.

— Но я...

— Это было достаточно долго. Вполне достаточно. А теперь — ша.

Я сделал «ша».

Облачные кружева унесло ветром. Небо было кристально чистым. Шар луны сиял в небесах.

Этот необычайный день контрастов вместил в себя самые устрашающие мерзости и ужасы, но он был также наполнен и красотой необычной, почти мучительной силы. Коварные гоблины в Йонтсдауне. И, словно компенсируя их, — Райа Рэйнз. Зловещие серые тона этого несчастного города. В противовес им: сияющий холст, расшитый луной и звездами, под которым я лежал, удовлетворенный. Видения огня и смерти в начальной школе. С другой стороны — воспоминание о том, как лунный свет ласкал ее тело, когда она опустилась на траву, предвещая наслаждение. Не будь Райи, этот день был бы отмечен невыразимым, непоправимым отчаянием. Здесь, на берегу темного озера, она казалась, по крайней мере в тот момент, воплощением всего того, что было правильным в созданном божественным архитектором проекте вселенной. Так что, предстань передо мной в ту минуту бог, я бы вцепился в край его одеяния, принялся бы бить его в голень и надоедал бы ему до тех пор, пока он не согласится переделать всю ту массу мест в своем мироздании, над которыми он так поиздевался, взяв Райю Рэйнз как высший пример того, что могло бы выйти, употреби он весь свой талант и ум на свой замысел.

Джозль Так ошибался. Я не влюбился в нее.

Я любил ее.

Помоги мне, господи, я любил ее. И приближалось время, когда именно из-за любви к ней я буду, как никогда, нуждаться в божьей помощи, чтобы выжить, — но я еще не знал об этом.

Некоторое время спустя она отпустила мою руку и села на траве, сдвинув колени, обняв руками согнутые ноги, глядя на темное озеро, где на мгновение плеснула рыба — и вновь все стало тихо. Я сел рядом с ней. Мы по-прежнему чувствовали не большую потребность в разговоре, чем рыбы в озере.

Еще один отдаленный всплеск.

Шуршание прибрежных тростников под дуновением ветра.

Пение сверчка.

Скорбное призывное кваканье одиноких лягушек.

В какой-то момент я понял, что она снова плачет.

Я коснулся ее лица, намочив ее слезами кончик пальца.

— Что? — спросил я.

Она ничего не сказала.

— Скажи мне, — попросил я.

— Не надо, — отозвалась она.

— Что не надо?

— Разговаривать.

Я замолчал.

Она замолчала.

Даже лягушки вдруг замолчали.

Когда она наконец заговорила, я услышал:

— Вода выглядит такой зовущей.

— Мокрой выглядит, вот и все.

— Привлекательной.

— Должно быть, все заросло водорослями, а на дне тина.

— Иногда, — сказала она, — в Джибтауне, во Флориде, в межсезонье, я хожу на пляж и подолгу гуляю, и временами я думаю, как было бы славно уплыть в открытое море, плыть и плыть все дальше и никогда не возвращаться назад.

На нее вдруг нахлынула ошеломляющая душевная и эмоциональная усталость, разрушительная меланхолия. Я подумал, не связано ли это с ее неспособностью иметь детей. Но одно только бесплодие казалось недостаточной причиной для такого черного отчаяния. Сейчас ее голос был голосом женщины, чье сердце разъела горькая печаль — такая сильная и неприкрашенная, что ее причину просто невозможно было представить.

Я не мог понять, каким образом она так быстро канула с высот экстаза в глубины отчаяния. Всего несколько минут назад она заявила мне, что то, что мы делали, было самым-самым. И вот теперь она почти с удовольствием погружалась обратно в отчаяние, в совершенно безнадежное, иссушающее, лишенное солнца уединение и одиночество, которое пугало меня и пробиравало до печенок.

Она произнесла:

— Разве это было бы не замечательно — плыть, пока хватит сил, а когда силы кончатся, плыть еще, пока руки не станут как свинцовые, а ноги отяжелеют, словно на них грузики, как у ныряльщиков, и...

— Нет! — резко ответил я. Сжав ее лицо обеими руками, я повернул ее голову, заставляя посмотреть на меня. — Нет, это было бы вовсе не замечательно. Совсем не замечательно. Что ты несешь? Что с тобой стряслось? Почему ты так себя ведешь?

Ответа не было ни на ее губах, ни в ее глазах — в глазах я видел лишь пустоту, через которую не мог пробиться даже при помощи шестого чувства. Ее одиночество, казалось, совершенно глухо к любым моим попыткам справиться с ним. Глядя на это, я почувствовал, как внутри у меня все сжалось от страха, сердце упало мертвым грузом, и у меня у самого глаза наполнились слезами.

В отчаянии я потянул ее обратно на траву, начал целовать и ласкать и опять занялся с ней любовью. Сперва она сопротивлялась, но затем уступила, и вскоре мы слились в едином порыве, и, несмотря на все разговоры о самоубийстве, несмотря на то, что она не позволяла мне понять причину ее отчаяния, нам сейчас было даже лучше, чем прежде. Если страсть была единственным спасательным тросом, который я мог бросить ей, если это было единственным средством, способным вытащить ее из зыбучих песков больного духа, стремительно затягивающих ее, то утешала по крайней мере мысль, что моя страсть к ней — спасательный трос бесконечной длины.

Потом мы некоторое время лежали в объятиях друг друга, и наше молчание на этот раз не скатилось до кладбищенского уныния. Наконец мы оделись и направились по лесной дороге назад, в сторону ярмарочной площади.

Мысль о том, что этой ночью было положено начало, притом такое начало, подбадривала меня и наполняла надеждой на будущее, чего я не испытывал с того дня, когда впервые увидел гоблина. Мне хотелось кричать во все горло, запрокинув голову, смеяться, глядя на луну, но я не сделал ничего подобного, потому что с каждым шагом, увидившим нас из глуши я все больше опасался, что Райа словно маятник снова качнется от счастья к отчаянию и на этот раз уже не вернется обратно к свету. А еще я боялся видения, которого не

мог забыть, — ее окровавленного лица, и того, что это видение может значить. Это безумное варево из противоречащих друг другу эмоций было нелегко удержать от закипания — тем более семнадцатилетнему парнишке, расставшемуся с домом, оторванному от семьи и страшно нуждающемуся в любви, какой-то цели и стабильности. К счастью, хорошее настроение не покидало Райю всю дорогу до дверей ее трейлера. Это избавило меня от удручающего зрелища очередного погружения в царство меланхолии и дало некоторую надежду, что мне удалось навсегда отвратить ее от мыслей о самоубийственном заплыве в неласковые объятия бурных волн Флориды.

Что же касается видения... ну, мне надо найти способ помочь ей избежать грядущей опасности. Будущее — не прошлое, его можно изменить.

Возле ее порога мы поцеловались.

Она сказала:

— Я до сих пор чувствую тебя внутри себя, твоё семя, всё ещё такое горячее там, внутри, просто обжигающее. Я возьму его с собой в постель, свернусь калачиком вокруг этого тепла, и это будет словно сторожевой костёр, который отгонит прочь дурные сны. Никаких кладбищ сегодня, Слим. Нет, только не сегодня.

Затем она вошла в трейлер и закрыла за собой дверь.

* * *

Благодаря гоблинам, которые днем держат меня в параноидальном напряжении, а ночью тревожат в кошмарах, я привык к бессоннице. Уже не первый год я спал совсем понемногу — по несколько часов большинство ночей, а в иные ночи и вовсе не смыкал глаз, и постепенно мой организм приспособился к тому, что меня, как дырявый мешок, до конца зашить не удастся. Этой ночью у меня опять сна не было ни в одном глазу, хотя было уже четыре часа утра, правда, причиной бессонницы на сей раз был не холодный страх, а неудержимая радость.

Я прошёлся по аллее.

Идя по дорожке, я был погружен в мысли о Райе. Меня заполонил такой поток её ярких образов, что, казалось, ни о чём другом я думать не смогу. Но вскоре я осознал, что стою на месте, что мои кулаки сжаты, что я весь трясусь в ознобе, что я нахожусь перед Шоквиллем Джоэля Така и что я пришёл сюда не случайно. Я глядел на афиши Халёвщика Уатта, натянутые на весь фасад палатки. Сейчас, едва освещённые лучами лунного света, они казались куда страшнее, чем в устойчивом свете дня — ибо человеческое воображение бывает способно вызвать к жизни такие жестокости, до которых даже богу далеко. Пока мое сознание было обращено на Райю, подсознание притащило меня сюда, чтобы разобраться с тем клочком земли в двенадцатом загончике, от которого я получил сильнейшие психические образы смерти.

Возможно, моей собственной смерти.

Мне не хотелось заходить внутрь.

Мне хотелось уйти отсюда.

Глядя на аккуратно задернутый полог входа, я почувствовал, как желание уйти отсюда перерастает в стремление убежать.

Но ключ к моему будущему лежал там, внутри.

Мне надо было точно выяснить, что за психический магнит притянул меня сюда вчера вечером. Чтобы мои шансы на выживание стали как можно выше, мне было необходимо узнать, почему грязный пол перед платформой Джоэля Така излучал смертельную энергию и почему у меня возникло ощущение, что этот кусок земли может стать моей могилой.

Я твердил себе, что внутри палатки нечего опасаться. Уроды были не здесь, а у себя в трейлерах, и спали как убитые. Даже если они и в палатке, никто из них не причинит мне вреда. А палатка сама по себе не несла никакой опасности или зла — просто большое сооружение из холстины, самыми страшными гостями которого были (если вообще были)

глупость и бездумность десятка тысяч простаков.

И все же мне было страшно.

Я со страхом подошел к надежно завязанному холстяному пологу, закрывавшему вход.

Весь дрожа, я развязал одну из завязок полога.

Весь дрожа, я вошел внутрь.

10

Могила

Влажная темнота.

Запах потрепанного непогодами холста.

Опилки.

Я стоял внутри Шоквилля, не двигаясь, настороженно вслушиваясь. Огромная разгороженная палатка была погружена в полнейшую тишину, но сама она обладала особым резонансом, точно гигантское ухо. Я слышал будто отдаленный шум океана, как в раковине, — это в ушах у меня стучала кровь.

Несмотря на тишину, несмотря на поздний час, у меня волосы на голове вставали дыбом от ощущения, что я здесь не один.

Искоса глядя в непроницаемую тьму, я остановился и вытащил нож.

Лезвие в руке не прибавило мне чувства безопасности. Что проку было от ножа, если я не знаю, откуда ждать нападения.

Аттракцион находился на краю аллеи, поблизости от силовых линий ярмарочной площадки, таким образом, он был не связан с генераторами ярмарки, и не нужно было заводить дизельный двигатель, чтобы зажечь свет в палатке. Я пошарил слева, затем справа от входа, чтобы отыскать в темноте либо выключатель, укрепленный на подпорке, либо тросик выключателя, свешивающийся с потолка.

Психическое ощущение опасности усилилось.

Нападение, казалось, приближалось с каждой секундой.

Где, черт побери, этот выключатель?

Пошарив, я наткнулся рукой на толстый деревянный столб, вокруг которого змеился гибкий многожильный силовой кабель.

Я услышал шумное, нервное дыхание.

Я застыл.

Прислушался.

Ничего.

Тут до меня дошло, что это было мое собственное дыхание. Неловкое ощущение собственной глупости внезапно лишило меня сил. Я тупо стоял на месте, и меня переполняла досада, знакомая всякому, кто в детстве часами не мог заснуть от страха перед спрятавшимся под кроватью чудовищем, а набравшись смелости и поглядев, выяснил, что никакого чудовища нет и в помине или самое страшное, что там было, — пара старых, поношенных теннисных туфель.

Тем не менее ясновидческий образ грозящей опасности не ослабел. Напротив. Она словно концентрировалась в сыром затхлом воздухе.

Я вслепую пошарил пальцами вдоль кабеля, нашарил распределительную коробку, выключатель. Я легонько щелкнул им. Над моей головой, вдоль огороженного канатами прохода и в загончиках, зажглись лампы, висящие без плафонов.

Держа в руке нож, я медленно направился мимо загончика, где накануне демонстрировал себя Четырехрукий Джек, чье патетическое жизнеописание было увековечено на заднике из холстины. От первой комнаты я пошел ко второй, от второй к третьей и, наконец, к четвертой комнате, к последнему загончику, где обычно сидел Джоэль. Так и откуда теперь исходила давящая угроза смерти, опасное напряжение в воздухе, наэлектризовавшее меня.

Я шагнул к канату возле загончика Джоэля Така.

Клочок земли, посыпанной опилками, казался мне таким же радиоактивным, как куча плутония, только излучал он не смертоносные гамма-частицы. Нет, я стоял без защиты под бессчетным количеством рентгеновских лучей, несущих образы Смерти — запахов, звуков, ощущений прикосновения, — которые не поддавались восприятию пяти чувств, которыми я обладаю наравне с остальными людьми, — их регистрировал и расшифровывал гейгеровский счетчик моего шестого чувства, мое ясновидение. Я ощущал открытые могилы, наполненные темнотой, словно застоявшейся кровью; побелевшие от времени груды костей и затянутые паутиной монокли глазниц в черепах; запах сырой, только что разрытой земли; тяжелый скрежет каменной крышки, которую с трудом сдвигают с саркофага; тела, лежащие на плитках в комнатах, пропахших формальдегидом; сладкое зловоние свежесрезанных роз и гвоздик, уже начавших разлагаться; сырость вскрытой могилы, грохот захлопывающейся деревянной крышки гроба, холодную руку, прижимающую мертвые пальцы к моему лицу.

— Господи Иисусе, — пробормотал я дрожащим голосом.

Провидческие видения — которые по большей части были символическими образами Смерти, а не кадрами реальных сцен из моего будущего — были куда сильнее и куда страшнее, чем накануне вечером.

Я вытер лицо одной рукой.

Я весь был в холодном поту.

Пытаясь привести путаницу психических образов в доступную пониманию логическую последовательность и одновременно не дать им овладеть мною, я перекинул через ограждающий шнур одну ногу, затем другую и вошел в загончик. Я боялся, что ясновидческая буря лишит меня чувств. Вряд ли бы это случилось, но пару раз со мной бывали подобные случаи, когда, столкнувшись с особенно мощными зарядами оккультной энергии, я терял сознание и просыпался несколько часов спустя со страшной головной болью. Мне нельзя было отключаться в этом месте, до такой степени наполненном злобным предвкушением. Если я потеряю сознание в Шоквилле, я буду убит на том же месте и в ту же секунду, как упаду. Это я знал наверняка.

Я опустился на колени на земляной пол перед платформой.

«Уходи, сматывайся, прочь!» — взывал внутренний голос.

Я сжал нож так, что заныла рука, а костяшки превратились в бескровные, белые пятна. Левой рукой я сгреб в сторону опилки, очистив примерно квадратный ярд земли. Грязь под опилками была утоптана, но не утрамбована. Я сумел раскопать ее голыми руками. Первый дюйм грунта отслаивался кусками, но чем глубже, тем более рыхлой становилась земля, хотя по идее должно быть как раз наоборот. Кто-то рыл здесь яму не больше чем пару дней назад.

Нет. Не яму. Никакую не яму. Могилу.

Но чью? Что за тело лежит под моими ногами?

Я вовсе не хотел это узнать.

Я должен был это узнать.

Я продолжал разгребать землю.

Образы смерти усилились.

И точно так же, чем глубже я рыл, тем сильнее становилось ощущение, что эта яма вполне может стать и моей могилой. Хотя вряд ли это могло быть — ведь совершенно очевидно, что она уже занята чьим-то трупом. Возможно, я просто неверно истолковывал психические излучения. Такое вполне вероятно — я не всегда умел найти смысл в колебаниях, на которые было настроено мое шестое чувство.

Я отложил нож в сторону, чтобы копать землю обеими руками, и через пару минут вырыл яму длиной около ярда, шириной два фута и глубиной в шесть-восемь дюймов. Я понимал, что надо сходить поискать заступ, но земля была достаточно рыхлая, к тому же я не знал, где искать заступ, и главное — уже не мог остановиться. Я был вынужден копать, ни на секунду не прерываясь, подстегиваемый болезненной, безумной, но непреходящей уверенностью, что обитатель этой могилы окажется мной, что я сгребу землю со своего

собственного лица и увижу себя самого, глядящего на меня. В возбуждении от ужаса, вызванного непрестанно сочащимися снизу пугающими образами, я как сумасшедший раскапывал землю. Соленый пот лил со лба, носа и подбородка, я хрипел, словно дикий зверь, задыхался, внутри все горело. Я рыл все глубже, испытывая отвращение от стойкого психического запаха Смерти, словно это было реальное зловоние — глубже, — но на самом деле никаким гниением не пахло в палатке, а только у меня в сознании — глубже, — потому что труп был еще свежий и еще не прошел даже начальной, самой легкой степени разложения. Глубже. Мои руки были все в грязи, под ногтями запеклась корка грязи, комочки земли застряли в моих волосах и прилипли к лицу — я стал копать еще неистовее. Какая-то часть меня отделилась, встала за спиной и смотрела на бешеного зверя, в которого я превратился. Эта отделившаяся часть задавалась вопросом, не сошел ли я с ума, как и две ночи назад, глядя на застывшее измученное лицо в зеркале душевой.

Рука.

Бледная.

Чуть отливающая голубизной.

Она появилась из земли перед моими глазами, замерзшая, расслабленная в последнем успокоении, словно земля вокруг нее была одеялом на смертном одре, куда ее положили с нежной заботой. Высохшая кровь запеклась под ногтями и на костяшках пальцев.

Психические образы Смерти начали ослабевать, как только я вступил в контакт с настоящим мертвым телом, посылавшим эти образы.

Глубина вырытой мною ямы была около полутора футов, и я начал тщательно разгребать землю, пока не добрался до второй руки, лежащей немного сверху первой... запястья... часть предплечья... наконец стало ясно, что покойника уложили в традиционной позе, сложив руки на груди. Спазмы страха сотрясали меня так, что стучали зубы. Я не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Я начал копать от рук к голове.

Нос.

Широкий лоб.

Словно кто-то дернул струну — только не звук, а холодная дрожь прошла у меня по телу.

Я решил, что нет нужды разгребать всю землю с лица — еще открыв его наполовину, я понял, что передо мной тот самый тип — тот самый гoblin, — которого я убил в павильоне электромобилей две ночи назад. Его закрытые веки были подернуты тусклым налетом, как будто кто-то, обладающий извращенным чувством юмора, нанес ему на веки тени, прежде чем предать его земле. В одном уголке рта, схваченного трупным окоченением, застыла кривая усмешка, между зубами набила земля.

Уголком глаза я заметил движение в другом углу палатки.

У меня перехватило дух. Я резко повернул голову по направлению к проходу между канатами, но никого не увидел. Я был твердо убежден, что заметил какое-то движение. И затем, не успев я даже встать на ноги и отойти от могилы, чтобы обследовать все, я снова заметил его — блуждающие тени метнулись с пола, покрытого ковром из опилок, на дальнюю стену палатки, затем обратно на пол. Скольжение теней сопровождалось низким стоном — словно некое порождение кошмаров проникло в четвертую комнату палатки и вихляющей походкой приближалось ко мне. Его не было видно из этого загончика, но отделяли его лишь несколько тяжелых шагов.

Джозль Так?

Ясно, что именно он тайно похитил мертвого гоблина из павильона электромобилей и закопал его здесь. Я понятия не имел, зачем он это сделал — то ли чтобы помочь мне, то ли чтобы смутить меня, напугать меня, — и потому не мог составить окончательное мнение. Он мог быть и другом, и врагом.

Не отрывая глаз от открытой стороны загончика, ожидая, что в любой момент оттуда появится беда неизвестно в каком облике, я вслепую пошарил сбоку от себя в поисках ножа, который перед тем отложил в сторону.

Опять промелькнули тени, и опять их сопровождал тихий стон, но внезапно до меня дошло, что этот стон — всего-навсего похоронное завывание ветра, поднявшегося снаружи. Мечущиеся тени тоже были порождены ветром и не представляли опасности. Каждый сильный порыв ветра врывался внутрь палатки, и, проносясь по холстинному коридору, ветер колыхал голые лампочки, подвешенные к потолку. Раскачиваясь, лампочки на время давали жизнь ленивым теням.

Успокоенный этим, я перестал шарить, разыскивая нож, и снова обернулся к труп.

Его глаза были открыты.

От ужаса я отскочил назад, но, приглядевшись, увидел, что эти глаза по-прежнему мертвые и невидящие, покрытые прозрачной молочно-белой пленкой, отражающей идущий сверху свет. Пленка была похожа на изморозь. Плоть мертвеца была такой же вялой, рот, как и прежде, застыл в смертельной ухмылке, грязь все так же лежала между раздвинутых губ и запеклась корочкой под ногтями. На горле была смертельная ножевая рана — хотя и не такая большая, как мне запомнилось, и дыхание не вздымало и не опускало его грудь. Совершенно очевидно, он был мертв. Очевидно, так напугавшее меня сокращение лицевых мышц было не чем иным, как одним из обычных посмертных мышечных спазмов, которые обычно до печенок пугают молодых студентов-медиков и новичков, пришедших работать в морг. Да. Разумеется. Но... с другой стороны... возможно ли, чтобы такие нервные реакции и мышечные спазмы происходили спустя почти два дня после смерти? Ведь срок для этих странных реакций ограничивался несколькими часами сразу после смерти? Ну, ладно, положим, веки были закрыты из-за тяжести земли, наваленной на труп. А когда землю убрали, веки распахнулись.

Мертвец не возвращался к жизни.

Только безумцы искренне уверяют, что видели ходячие трупы.

Я не был безумцем.

Не был.

Я усталился на лежащего подо мной мертвеца, и мало-помалу бешеное дыхание успокоилось. Частое, как у зайца, сердцебиение тоже улеглось.

Ну вот. Так-то лучше.

Я снова задался вопросом, почему Джозель Так похоронил труп вместо меня и почему, оказав такую услугу, он не явился за вознаграждением? И потом, для чего ему было делать это, по сути, на своей территории? Зачем делать себя соучастником убийства? Ну, разумеется, если он не знал, что я убил не человека. Возможно ли такое, чтобы он, при помощи третьего глаза, тоже видел гоблинов и мое стремление убивать нашло отклик в его душе?

Как бы ни обстояло дело, сейчас было не время раздумывать о таких вещах. В любой момент патрульная служба безопасности может проехать мимо Шоквилля и увидеть, что здесь горит свет. И хотя теперь я был балаганщиком, а не нарушителем границы, как две ночи назад, они все равно наверняка захотят узнать, что я делаю в аттракционе, которым не владею и в котором не работаю. Если же они обнаружат могилу или, еще того хуже, труп, мой статус балаганщика не спасет меня от ареста, следствия и пожизненного заключения.

Обеими руками я стал сбрасывать кучки земли обратно в полуоткрытую могилу. Влажная земля посыпалась на руки мертвеца, и тут же одна его рука дернулась, выбросив комья грязи наружу, попав ими мне в лицо. Другая рука тоже судорожно дернулась, похожая на раненого краба. Глаза, затянутые катарактой, моргнули. Я свалился с ног, и пока я полз прочь, труп поднял голову и начал выкарабкиваться из места — не совсем — последнего — упокоения.

Это было не видение.

Это происходило на самом деле.

Я закричат. Но ни звука не вырвалось у меня из груди.

Я бешено потряс головой из стороны в сторону, непоколебимый в своем отрицании этого невероятного зрелища. Мне казалось, что труп поднялся только потому, что несколько секунд назад я представил себе, что события будут развиваться именно таким дьявольским

образом, и эта безумная мысль вдруг материализовалась, воплотив кошмар в реальность — как будто мое воображение было джинном, принявшим мои худшие опасения за желания и поспешившим исполнить их. А если это так, значит, я сумею загнать джинна обратно в бутылку своим нежеланием этого кошмара и буду спасен.

Но как бы отчаянно я ни мотал головой, как бы безнадежно ни отказывался верить своим глазам, труп не улегся на свое место и не прикинулся трупом. Пальцы, белые, как личинки жука, нащупали края могилы, и он принял сидячее положение, глядя прямо на меня. Рыхлая земля высыпалась из складок рубашки, грязные волосы были спутаны и всклокочены.

Я полз по полу до тех пор, пока мой зад не уперся в холстяную перегородку, разделявшую этот стенд с соседним. Мне хотелось вскочить на ноги, перемахнув через канат, перегораживающий вход в загончик, и бежать отсюда куда глаза глядят, но это желание имело не больший успех, чем попытка закричать.

Труп ухмыльнулся, и комья влажной земли высыпались из открывшегося рта, хотя между зубов по-прежнему оставалась земля. Известково-белый оскал черепов, лишенных плоти, сочащаяся ядом усмешка змеи, плотоядный взгляд Лугоши из-под плаща Дракулы — все бледнело перед этими гротесково сложенными бескровными губами и забитыми грязью зубами.

Мне удалось подняться на колени.

Труп непристойно ворочал языком, выталкивая сырую землю изо рта. Слабый стон — скорее усталый, чем угрожающий, вырвался у него, едва уловимый звук, нечто среднее между кваканьем и лопаньем пузырька.

Я судорожно вздохнул и обратил внимание, что поднимаюсь на ноги точно во сне, будто накачанный мерзким газом, который гоблин выпустил в меня.

Вытерев с уголка одного глаза обжигающе соленый холодный пот, я вдруг обнаружил, что припал к земле, выгнув спину, сгорбив плечи, низко опустив голову, точно человекоподобная обезьяна.

Но что делать дальше, я не знал, только понимал, что убежать отсюда я не могу. Надо как-то расправиться с этим ненавистным созданием, убить его снова и сделать на этот раз все как надо, господи Иисусе, потому что если я не разделаюсь с ним, тогда он выберется отсюда, доберется до гоблинов, которые окажутся поблизости, и расскажет им, что я сделал с ним, и тогда они узнают, что я могу видеть сквозь их обличья, и вскоре весь их род узнает обо мне, и они организуются и начнут охотиться за мной, потому что я представляю для них угрозу, какой не представляет для них больше никто из людей.

Теперь я видел под катарактами, закрывавшими глаза, под самими глазами слабое красное свечение, кровавый свет других глаз, глаз гоблина. Тусклый отсвет. Слабый язычок адского пламени. Не прежнее яркое пламя. Просто неяркие вспышки золы в каждом затуманенном зрачке. Я не мог различить других гоблинских черт — ни рыла, ни зубастой морды, только эти ненавистные глаза — возможно потому, что чудовище ушло слишком далеко по дороге смерти и не могло вернуть свой истинный облик обратно в человеческую оболочку. Совершенно очевидно, что такое было невозможно. Его глотка была сплошной зияющей раной, черт возьми, и его сердце перестало биться две ночи назад в павильоне электромобилей, и он перестал дышать, во имя всего святого, он же не дышал двое суток, пока лежал в могиле под полом аттракциона — он до сих пор не дышал, насколько я мог заметить, — и он потерял слишком много крови, чтобы у него наладилось кровообращение.

Его ухмылка стала еще шире, пока он с усилием пытался выбраться из полуразрытой могилы. Но его тело по-прежнему находилось под тяжестью полуторафутового слоя земли, и ему было нелегко освободиться. Однако он все же продолжал раскапывать себя и с трудом ползти вверх, с огромными усилиями и дьявольской целеустремленностью, конвульсивно дергаясь при этом, точно сломанный механизм.

Когда я оставил его среди электромобилей, он был мертв, это точно, но, как видно, искра жизни сохранилась в его теле. Очевидно, их род каким-то образом мог побороть

смерть, отступить от нее, когда нормальному человеку не оставалось иного выбора, кроме как сдаться. Они отступали — куда? — может быть, в состояние «подвешенной жизни», или чего-нибудь в этом роде, сворачивались в клубок, ревниво оберегая чуть теплую зону жизненных сил, поддерживая слабое горение. А дальше что? Могли почти мертвый гоблин мало-помалу раздуть эти угли в легкий огонек, затем разжечь из этого огонька снова мощное пламя, восстановить свое разрушенное тело, оживить сам себя и вернуться на свет из могилы? Если бы я не раскопал этого гоблина, могло бы случиться так, что его изувеченная глотка исцелилась, мог бы он каким-то чудом восстановить кровообращение? А через пару недель, когда ярмарка будет далеко отсюда и ярмарочная площадь опустеет, не повторил бы он — в омерзительнейшем варианте — историю Лазаря, открыв свою могилу изнутри?

Я почувствовал, как качаюсь на краю психической пропасти. Если я до сих пор сохранил рассудок, то сейчас я, как никогда, был близок к сумасшествию.

Мыча от бессилия, не в состоянии управлять своими явно небольшими силами, бездыханный, но дьявольски оживший труп начал пальцами рыть землю, давившую на нижнюю часть его тела, сгребая грунт в сторону с медленным, тупым усердием. Его опалово-молочного цвета глаза ни на секунду не отрывались от меня, пристально уставившись из-под низкого, вымазанного грязью лба. Он был слаб, да, но с каждой секундой, пока я корчился у стены, парализованный ужасом, он становился сильнее. Со всевозрастающей яростью он набрасывался на окружающую его почву, и неясное пламя его красных глаз разгоралось все ярче.

Нож.

Мое оружие лежало возле могилы. Лампочка, висевшая на проводе у меня над головой, качалась под порывами ветра, и яркий отсвет струился туда и обратно вдоль стального лезвия, создавая впечатление скрытой в нем магической силы, как будто это был не обычный нож, а настоящий Экскалибур, легендарный меч Роланда. И в самом деле, для меня в тот момент этот нож был такой же ценностью, как волшебный меч, извлеченный из скалы, заменявшей ему ножны. Но чтобы взять этот нож, мне придется подобраться к полуожившей твари на расстояние, с которого она сможет меня достать.

В глубине разорванной глотки трупа родился резкий, сырой, кудахтающий звук — возможно, смех. Так могли бы смеяться обитатели сумасшедшего дома или проклятые души.

Он почти высвободил одну ногу.

С внезапной решимостью я резко рванулся вперед, к ножу.

Тварь опередила меня — протянув неуклюжую руку, она отбросила оружие дальше от меня. Легкое бряцанье и лязганье, последний отблеск — нож штопором прошел сквозь опилки и исчез в темноте под платформой, на которой стояло пустое кресло Джоэля Така.

Мне и в голову не приходило схватиться с чудовищем врукопашную. Я понимал, что у меня нет ни единого шанса задушить или вышибить дух из зомби. Это было все равно что бороться с зыбучими песками. Медленная и слабая, как казалось, тварь все же выстоит, изматает меня, будет продолжать сопротивляться, пока я не выдохнусь окончательно, а затем прикончит меня медленными тяжелыми ударами.

Нож был моим единственным шансом.

Поэтому я рванулся мимо неглубокой могилы, и мертвец ухватил меня за ногу холодной рукой. Его холод немедленно проник сквозь ткань джинсов в мою собственную плоть, но я ударил его, пнул ботинком по голове и рывком освободился. То и дело спотыкаясь, я добрался до дальнего угла загончика, длина которого была футов двенадцать, и, рухнув на колени, лег на живот в том месте, где в щель под платформой завалился нож. Щель была шириной около пяти дюймов, достаточно, чтобы просунуть руку. Я запустил руку в щель, пошарил вокруг, нащупал грязь, опилки, гравий, старый изогнутый гвоздь, но только не нож. Я слышал, как позади меня бессловесно бормочет мертвец, слышал, как летит в сторону грунт, слышал стенания, хлюпанье и царапанье конечностей, освобождающихся из погребения. Не отрываясь на то, чтобы поглядеть назад, я прижался к платформе так, что край доски больно врезался мне в плечо, и попытался просунуть руку глубже еще дюймов на

шесть, рыл землю, пытаюсь увидеть, а не только почувствовать что-либо кончиками пальцев, но не нашел ничего, кроме обломка дерева и шуршащей целлофановой обертки от сигарет или леденцов. Мне не удавалось протянуть руку достаточно далеко, и мысль о том, что, возможно, моя рука находится на волосок от желанного предмета, приводила меня в неистовство, надо просунуть руку еще глубже, всего на пару дюймов, упрасивал я себя — есть! — глубже, но недостаточно, никакого ножа, и я сдвинул руку чуть влево, затем чуть вправо, бешено хватая воздух и пучки влажной травы, а за моей спиной раздалось невнятно-радостное кудахтанье, шарканье тяжелых подошв, и я услышал собственное нытье, ныл без остановки — еще дюйм! — и вдруг что-то под платформой укололо мой большой палец, наконец-то, — острое лезвие ножа, и, ухватив его за кончик большим и указательным пальцами, я вытащил его наружу, но не успел я встать на ноги или хотя бы перекатиться на спину, как труп нагнулся надо мной, схватил меня за шиворот и за пояс, поднял с куда большей силой, чем я от него ожидал, тряхнул и швырнул вниз, так что я жестко приземлился, уткнувшись лицом в могилу. Перед носом у меня копошился червяк, рот забило землей.

Я задыхался, часть земли удалось выплюнуть, но часть я проглотил. Я перевернулся на спину в тот самый момент, когда безмозглый гоблин тяжело подошел к краю могилы. Он глядел вниз. Лед и пламя в глазах. Его невероятная тень раскачивалась взад и вперед передо мной, повинуюсь колеблющемуся свету.

Расстояние между нами было недостаточным, чтобы успешно метнуть нож. Но внезапно я разгадал намерение твари. Сжав рукоятку обеими руками, я выставил нож перед собой, напряг плечи, локти и запястья и направил лезвие прямо на тварь в тот самый миг, когда она расставила руки и, безумно ухмыляясь, упала на меня. Она сама нанизала себя на нож, и мои руки согнулись под ее весом. Чудовище упало на меня так, что мне показалось, что из меня вышибли дух.

Несмотря на то что нож по самую рукоять вошел в его небьющееся сердце, бывший мертвый не думал утихомириваться. Его подбородок лежал у меня на плече, холодная жирная щека прижалась к моей щеке. Он что-то бессмысленно бормотал мне на ухо тоном, вдруг сделавшимся похожим на муки страсти. Его руки и ноги судорожно дергались, совершенно по-паучьи, а пальцы рук бесцельно сжимались и разжимались.

Переполнившее меня отвращение и неудержимый ужас придали мне силы. Толкаясь, извиваясь, царапаясь, брыкаясь, я руками и ногами отталкивал его и наконец выбрался из-под этой твари. Теперь мы поменялись местами — я был сверху, упираясь одним коленом ему в пах, другим в грязную землю сбоку от него. Я плевался бранью и проклятьями — обрывками слов и такими же бессмысленными звуками, как те, что до сих пор слетали со все еще шевелящихся губ моего противника. Вытащив нож из его сердца, я пырнул его снова, снова, еще, в горло, в грудь, в живот, еще и еще. Бесцельно и вяло оно обрушивало на меня пудовые кулаки, но даже в охватившей меня безумной горячке я без особого труда уклонялся от большинства из них, хотя несколько раз моим плечам и рукам крепко досталось. Наконец мой нож добился нужного результата, вырезав пульсирующую раковую опухоль потусторонней жизни, теплившейся в холодной плоти. Он вырезал ее по кусочкам, пока руки чудовища не стали двигаться еще медленнее, еще более неверными движениями, пока он не начал кусать свой собственный язык. Наконец его руки вяло упали вдоль тела, рот обмяк, и слабый красный огонек гоблинского разума исчез из его глаз.

Я убил его.

Снова.

Но убить его — этого было недостаточно. Я должен был быть уверен, что тварь останется мертва. Теперь я разглядел, что смертельная рана на горле и в самом деле чуть затянулась с той ночи в павильоне электромобилей. До этой ночи мне и в голову не приходило, что гоблины, подобно вампирам из европейского фольклора, способны иногда возвращаться к жизни, если с ними недостаточно тщательно разделались. Теперь, зная ужасную правду, я не оставляю им ни единого шанса. Адреналин все еще бушевал во мне, и

пока отвращение и тошнота не лишили меня мужества, я отрубил твари голову. Работа была не из легких, но нож был острый, лезвие из закаленной стали, а страх и ярость по-прежнему придавали мне силы. По крайней мере, резня была бескровной — я выпустил всю кровь из этого тела две ночи назад.

Снаружи жаркий летний ветер обрушился на палатку, еще сильнее завывая и свистя. Холст волнами натягивался на удерживающих его канатах и кольях. Он рвался, бился и трепетал, словно крылья огромной темной птицы, рвущейся в небо, но прикованной к насесту.

Крупные черные ночные бабочки метались вокруг раскачивающихся лампочек. Их стремительные тени соединялись с кружением света и странными затемненными очертаниями. Это безостановочное движение призраков, если глядеть на него через линзы страха и паники, глазами, затуманенными жгучим потом, сводило с ума и усиливало головокружение, от которого и так качалось его тело.

Наконец я обезглавил его. Сначала я решил положить голову твари между ее ног, а затем зарыть могилу. Но потом я подумал, что это опасно. Я с легкостью представил себе, как труп, вторично зарытый в землю, мало-помалу двигает под землей руками, добирается до отрезанной головы и восстанавливает сам себя — разрезанная шея срастается, обрывки спинного мозга сливаются воедино, алое пламя оживает в его страшных глазах... Так что я отложил голову в сторону и закопал только тело. Потоптавшись на этом месте, я утрамбовал почву так хорошо, как только смог, затем снова присыпал все опилками.

Держа голову за волосы, я почувствовал, как во мне поднимается бешенство и ярость. Желая избежать этого, я поспешил к выходу из Шоквилля, погасив свет.

Полог, развязанный мной, хлопал в бурной ночи. Я осторожно выглянул наружу. В ущербном свете заходящей луны на аллее не было заметно никакого движения — только очертания скользящих призраков, сотканных из пыли заклинаниями заезжего ветра-чародея.

Я выскользнул наружу, положил голову на землю и завязал тесемки на входе. Подобрал голову, я украдкой поспешил вдоль проезда к дальнему концу ярмарки — между двумя целомудренно затемненными палатками шоу с девицами, через сбившиеся в кучу грузовики, похожие на дремлющих слонов, мимо генераторов и высоких пустых деревянных клеток, через пустынное поле, в ближайший лесок, окружавший ярмарочную площадь с трех сторон. С каждым шагом я все больше боялся, что висящая на своих волосах голова снова оживет — свет снова забрезжит в глазах, губы дрогнут, зубы заскрежещут. Поэтому я держал голову сбоку на расстоянии вытянутой руки от себя, чтобы ненароком она не задела мою ногу и не впилась зубами мне в бедро.

Разумеется, он был мертв. Скрежет и клцанье зубов, тяжелое бормотанье, выражающее ненависть и злобу, были лишь порождениями всего лихорадочного горящего воображения, которое не просто бежало вместе со мной — оно несло галопом в бешеной скачке, кружилось каруселью посреди кошмарного ландшафта ужасающих предположений. Продравшись, наконец, сквозь заросли кустарника между деревьями, я отыскал крошечную лужайку возле ручья и поставил голову на удобный плоский камень. Даже в слабом жутковатом лунном свете было видно, что мои страхи были беспочвенны, и объект моих страхов был лишен всяких признаков жизни — обычной или какой-нибудь иной.

Землю возле ручья — мягкий, влажный суглинок — было легко копать голыми руками. Деревья, чьи по-ночному темные сучья делали их похожими на ведьм в широких юбках и чародеев в плащах, стояли на страже по краям лужайки, пока я рыл яму, затем зарывал голову. Утрамбовав грунт, я скрыл дело рук своих под грудой опавших листьев и сосновых иголок.

Теперь, для того чтобы повторить чудо Лазаря, восставшего из мертвых, обезглавленный труп должен был сначала выбраться из могилы на ярмарочной площади, слепо шатаясь, добрести до леса, отыскать эту полянку и выкопать свою голову из второй могилы. Хотя события последних часов и преисполнили меня верой в куда большие возможности злой силы гоблинской расы, я все-таки был совершенно уверен, что даже эта

сила не в состоянии преодолеть на пути к воскрешению подобные препятствия. Тварь была мертва, и она останется мертва.

Все, что я делал — путь от шоу до леса, рытье ямы, погребение головы, — я делал в состоянии, близком к панике. С минуту я неподвижно стоял на полянке, бессильно свесив руки вдоль туловища и пытаюсь успокоиться. Это было непросто.

Я все думал о дяде Дентоне, оставшемся в Орегоне. Могло ли случиться так, что его изрубленный труп излечился в тишине и покое гроба и пробил себе путь наружу из могилы через несколько недель после того, как я подался в бега? Посетил ли он ферму, где до сих пор жили моя мать и сестра, чтобы отомстить семейству Станфеуссов? Не стали ли они жертвами гоблина по моей вине? Нет. Это было невозможно. Я не смог бы жить под гнетом такой тяжелой вины. Дентон не возвращался. Во-первых, в тот кровавый день, когда я напал на него, он бился с такой яростью, что мой гнев перерос в нечто сродни помешательству маньяка. Поэтому я нанес топором множество ужасных ран. Я рубил его с безумной отрешенностью даже после того, как понял, что он мертв. Я слишком сильно изрубил его, буквально разнес на кусочки, слишком тщательно, чтобы он сумел вновь сшить свое тело воедино. Кроме того, даже если он и сумел воскреснуть, он наверняка не вернулся бы ни в дом Станфеуссов, ни в какое другое место в долинах Сискию — его чудесное возвращение потрясло бы всю округу и приковало бы к нему неослабевающее внимание. Я был уверен, что он по-прежнему лежит и разлагается в своем гробу, — но если он и не в могиле, то он далеко от Орегона, живет под другим именем и терзает других невинных, но не моих родных.

Я повернулся спиной к полянке, продрался сквозь заросли кустарника и побрел назад по чистому полю. Ночь благоухала ароматами трав. Пройдя полпути до ярмарки, я почувствовал, что во рту по-прежнему стоит привкус грязи — от того комка земли, который я невольно съел, упав в могилу гоблина. Этот отвратительный привкус воскресил во всех подробностях ужас последнего часа. Он как-то пробился через защитную стену нечувствительности, которая удерживала меня от потери сил, когда я делал то, что должно было быть сделано. Тошнота подступила к горлу. Я рухнул на четвереньки, опустил голову, и меня вырвало на траву.

Когда тошнота прошла, я отполз на несколько футов в сторону и плюхнулся на спину, глядя на звезды. Я пытался перевести дух и найти в себе силы дойти обратно.

Было без десяти пять утра. Не позднее чем через час взойдет оранжевое рассветное солнце.

При этой мысли мне вспомнился невидящий оранжевый глаз во лбу Джоэля Така. Джоэль Так... он тайком унес тело из павильона электромобилей и похоронил его. Так мог поступить тот, кто знал сущность гоблинов и хотел помочь мне. Почти наверняка не кто иной, как Джоэль, приходил прошлой ночью в трейлер, где я спал, и оставил две контрамарки — в павильон электромобилей и на чертовое колесо — на моих сложенных джинсах. Он пытался дать мне понять, что знает, что произошло в павильоне электромобилей, и что он так же знает, как знаю и я, что что-то должно случиться на чертовом колесе. Он мог видеть гоблинов и в какой-то степени ощущал недобрую энергию вокруг чертова колеса, но его дар был, возможно, не так силен, как мой.

Это был первый случай, когда я столкнулся с кем-то, обладающим настоящими психическими способностями, и, уж конечно, впервые я пересекался с кем-то, кто видел гоблинов. На какой-то миг меня переполнило ощущение братства, сильнейшее чувство так страстно желанного родства. У меня даже слезы навернулись на глаза. Я был не одинок.

Но почему Джоэль избрал окольный путь? Почему он отказывался дать мне знать о нашем братстве? Очевидно, потому, что он не хотел, чтобы я знал о том, кто он есть. Но почему не хотел? Потому что... он не был другом. Мне вдруг пришло в голову, что Джоэль Так может сохранять нейтралитет в битве между человечеством и расой гоблинов. В конце концов, обычные люди относились к нему хуже, чем гоблины, хотя бы уже потому, что с людьми он сталкивался каждый день, а с гоблинами от случая к случаю. Изгой, которого общество по большей части отталкивало, поливая бранью, человек, который мог чувствовать

свое достоинство лишь в убежище ярмарки, он вполне мог решить, что у него нет особых причин вставать против гоблинов в их войне с простаками. Если это именно так, значит, он помог мне с трупом и указал на грядущее несчастье с чертовым колесом исключительно потому, что эти гоблинские замыслы были направлены непосредственно против балаганщиков, единственных людей, которым он хранил верность в этой секретной войне. Он не хотел вступать со мной в прямой контакт, потому что чувствовал — моя кровная месть демонам не ограничивалась рамками ярмарки, и он не желал быть вовлеченным в более серьезную схватку. Он был готов вести войну, лишь когда она подступала к нему.

Он помог мне однажды, но он не собирался помогать мне постоянно.

Коли дело оборачивалось таким образом, стало быть, я по-прежнему был совершенно один.

Луна закатилась. Ночь была очень темна.

Вконец вымотанный, я поднялся с травы и направился в раздевалку под трибуной. Там я отскреб от грязи руки, потратив минут пятнадцать, чтобы вычистить всю грязь из-под ногтей, и принял душ. После этого я направился в трейлер на лугу, где у меня было свое место.

Мой сосед по комнате, Барни Куадлоу, громко храпел.

Я разделся и лег в кровать. Я чувствовал физическое и умственное онемение.

Наслаждение, которое мне дала Райа Рэйнз — и которое я дал ей, — было сейчас лишь смутным воспоминанием, хотя с того времени, что мы были вместе, не прошло и пары часов. Кошмар, пережитый после этого, воспринимался ярче, и, как новый слой краски, он заслонил прежнюю радость. Сейчас из свидания с Райей я отчетливее всего помнил ее уныние, ее глубокую и необъяснимую печаль, потому что я знал, что Райа рано или поздно станет причиной очередного кризиса, с которым мне придется столкнуться.

Такой груз лег на мои плечи.

Слишком тяжелый груз.

Мне было только семнадцать.

Я тихонько плакал об Орегоне, об утраченных сестрах и матери, чья любовь была так далеко от меня.

Мне страстно хотелось уснуть.

Я отчаянно нуждался хотя бы в кратковременном отдыхе.

До Йонтсдауна оставалось меньше двух дней.

11

Ночь линьки

В полдевятого утра в субботу, проспав чуть больше двух часов, я проснулся — мне снился кошмар, какого я раньше никогда не видел.

В этом сне я находился на обширном кладбище, раскинувшемся на склонах бесконечной вереницы холмов, среди бесчисленного множества гранитных и мраморных надгробий всех размеров и форм, многие из которых расколоты, большинство покосилось. Бесконечное количество рядов, бессчетное число надгробий — то самое кладбище, что видела во снах Райа. Райа тоже была там — она убегала от меня по снегу, под черными ветвями бесплодных деревьев. Я гнался за ней, и самое странное было то, что я испытывал к ней и любовь, и ненависть и не был уверен, что я буду делать, когда настигну ее. Одна часть меня жаждала покрыть ее лицо поцелуями, заниматься с ней любовью, но другая хотела душить ее до тех пор, пока глаза ее не вылезут из орбит, лицо не почернеет, пока ее прекрасные голубые глаза не замутиятся пеленой смерти. Такая неистовая злоба, направленная против той, кого я любил, до ужаса пугала меня, и много раз я останавливался. И всегда, когда останавливался я, останавливалась и она, стояла и ждала меня чуть ниже по склону, среди надгробий, как будто она хотела, чтобы я поймал ее. Я пытался предупредить ее, что это не любовная игра, что со мною что-то не так, что я могу утратить контроль над собой,

когда поймаю ее, но губы и язык не повиновались мне, я не мог выдавить из себя ни одного слова. Всякий раз, когда я останавливался, она махала мне рукой, побуждая бежать дальше, и я сам не замечал, как опять пускался в погоню. И наконец я понял, что со мною. Наверное, во мне находится гоблин! Один из демонов проник внутрь меня, захватил контроль надо мной, разрушив разум и душу, оставив одно лишь тело — теперь это было его тело. Но Райа об этом не знала, она по-прежнему видела просто Слима, Слима Маккензи, который любит ее; она не понимала, в какую беду попала, не осознавала, что Слим мертв, исчез, что его тело, хоть и живое, принадлежит теперь нечеловеческому созданию, и если это создание поймает ее, то задушит, лишит жизни. Оно уже настигало ее, и она со смехом оглядывалась через плечо на его-меня — она выглядела такой красивой, красивой и обреченной, — оно-я уже в десяти футах от нее, восемь, шесть, четыре фута, и затем я схватил ее, резко развернул...

...и когда я проснулся, я все еще чувствовал, как ее шею стискивают мои железные руки.

Я сел в кровати, прислушиваясь к бешеному биению сердца и прерывистому дыханию, пытаюсь очистить сознание от этого кошмара. Моргая, глядя на утренний свет, я отчаянно старался уверить себя, что, какой бы яркой и впечатляющей ни была эта сцена, она была всего лишь сном, а никак не предупреждением о том, что произойдет в будущем.

Не предупреждением.

Пожалуйста.

* * *

Ярмарка открывалась в одиннадцать утра, таким образом, в моем распоряжении было два часа. За эти два часа я могу крепко взвинтить себя мыслями о крови, которой уже обгарены мои руки, если не найду себе какое-нибудь занятие. Ярмарочная площадь находилась на окраине центра графства — городишка с населением в семь-восемь тысяч человек. Я отправился в город, позавтракал там в кафе, завернул по соседству в магазин мужской одежды и купил две пары джинсов и пару рубашек. За все время визита в город я не увидел ни одного гоблина. День был такой по-августовски великолепный, что мало-помалу я начал склоняться к мысли, что все будет хорошо — и у нас с Райей, и во время недельного выступления в Йонтсдауне, если я буду действовать обдуманно и не потеряю надежду.

На ярмарку я вернулся в пол-одиннадцатого, забросил джинсы и рубашки в трейлер и без четверти одиннадцать был уже на аллее. Ярмарка еще не открылась, а я уже подготовил силомер к работе и сидел рядом с ним на табуретке; я ожидал появления первых посетителей, когда пришла Райа.

Золотая девушка. Загорелые голые ноги. Желтые шорты. Четыре различных оттенка желтого цвета на горизонтальных полосах футболки. На аллее она носила бюстгальтер — это был 1963 год, и появление в толпе девушки без лифчика шокировало бы простаков, независимо от того, насколько допускалось такое в трейлерном городе, среди балаганщиков. Завязанная узлом желтая повязка не давала волосам упасть ей на лицо. Она вся светилась.

Я встал, попытался обнять ее за плечи, хотел поцеловать в щеку, но она уперлась рукой мне в грудь, отстраняя меня, и сказала:

— Я не хочу никакого недоразумения.

— Ты о чем?

— Относительно этой ночи.

— А что я мог бы неверно понять?

— Что это значит.

— И что же это значит?

Она нахмурилась:

— Это значит, что ты мне нравишься...

— Прекрасно!

— ...и это значит, что мы можем доставлять друг другу удовольствие...

— Ты и это заметила!
— Но это не значит, что я твоя девушка или что-нибудь в этом роде.
— Ну, по-моему, ты и в самом деле моя девушка, — заметил я.
— На аллее я по-прежнему твой босс.
— А-а.
— А ты мой работник.
— А-а, — повторил я.

Господи, подумал я.

Она продолжала:

— И я не желаю никакой необычной... фамиллярности на аллее.
— Упаси боже. Но мы собираемся быть по-прежнему необычно фамиллярны за пределами аллеи?

Она совершенно не отдавала себе отчет, насколько оскорбительны ее слова и тон. Поэтому она толком не поняла моей реакции, но рискнула улыбнуться.

— Верно, — сказала она. — За пределами аллеи ты, надеюсь, будешь настолько фамиллярен, насколько пожелаешь.

— Тебя послушать, так у меня аж две должности. Ты меня наняла за мое мастерство балаганщика или за мое тело тоже?

Ее улыбка нерешительно дрогнула.

— Как балаганщика, разумеется.

— Потому что, видите ли, босс, мне бы не хотелось думать, что вы злоупотребляете положением этого бедного, низкооплачиваемого труженика.

— Я серьезно, Слим.

— Я это заметил.

— К чему тогда все эти шутки?

— Это будет самая приемлемая в обществе альтернатива.

— То есть? Чему?

— Тому, чтобы орать и осыпать собеседника бранью и оскорблениями.

— Ты на меня обозлился.

— Ах, босс, вы столь же наблюдательны, сколь прекрасны.

— Тебе не из-за чего было так злиться.

— Конечно. Должно быть, я просто очень вспыльчивый.

— Я всего-навсего пытаюсь прояснить наши отношения.

— Очень по-деловому. Я в восхищении.

— Послушай, Слим, я только хотела сказать — то, что происходит между нами наедине, это одно, а то, что здесь на аллее, — это совсем другое.

— Господи помилуй, мне бы в жизни в голову не пришло заниматься этим прямо тут, на ярмарке, — ответил я.

— С тобой невозможно говорить.

— Зато ты — образец дипломатии.

— Слушай, некоторые парни, если залезут боссу под юбку, тут же воображают, что им уже можно не вкалывать наравне с остальными.

— Я похож на такого парня? — поинтересовался я.

— Надеюсь, что нет.

— Эти слова не больно-то смахивают на вотум доверия.

— Я не хочу, чтобы ты на меня сердился, — попросила она.

— Я не сержусь, — ответил я, хотя и был сердит.

Я знал, что ей совсем нелегко общаться с людьми на равных. Из-за своего психического восприятия я особенно близко к сердцу принимал печаль, одиночество и неуверенность — и, как результат всего этого, вызывающую браваду, — сформировавшие ее характер, и я жалел ее так же сильно, как злился на нее.

— Ты злишься, — сказала она. — Злишься.

— Все в порядке, — ответил я. — А сейчас мне пора работать. — Я ткнул пальцем в дальний конец прохода. — Вон идут простаки.

— Мы выяснили отношения? — спросила она.

— Угу.

— Точно?

— Угу.

— Увидимся позже, — закончила она.

Я провожал ее взглядом. Я любил и ненавидел ее, но главным образом я любил ее, эту трогательно хрупкую амазонку. Не было смысла злиться на нее. Она была как простейшее природное явление. Злиться на нее было все равно что злиться на ветер, на зимнюю стужу или на летний зной — ни их, ни ее нельзя было изменить злостью.

* * *

В час дня Марко подменил меня на полчаса, затем пришел в пять, и у меня наступил трехчасовой перерыв. Оба раза у меня мелькала мысль заглянуть в Шоквилль и перекинуться словечком с загадочным Джоэлем Таким, и оба раза я не решался торопить события. Сегодня был самый насыщенный день представления, и толпа была раза в три, в четыре больше, чем в остальные дни недели. А то, что я собирался сказать Джоэлю, не относилось к тому, о чем говорят в чьем-то присутствии. Кроме того, я опасался — на самом деле был уверен, — что он замкнется в себе, если я надавлю на него слишком быстро или слишком сильно. Он будет отрицать, что ему что-то известно о гоблинах и о тайных захоронениях во мраке ночи, и тогда я не буду знать, как действовать дальше. Я считал, что урод может в принципе стать моим ценным союзником, и меня беспокоило, что преждевременный контакт отпугнет его от меня. Я чувствовал в нем не только союзника, но и друга и, странным образом, отца и понимал, что умнее будет дать ему время присмотреться ко мне и определиться в своем ко мне отношении. Я был, наверное, первым человеком, встретившимся ему, который был способен видеть гоблинов, точно так же, как и он был первым, обладающим этой безрадостной способностью, кого встретил я, так что рано или поздно его любопытство пересилит скрытность. А до этого мне нужно быть терпеливым.

В общем, слегка поужинав, я направился на луг, в трейлер, где у меня была своя комната, и вырубился на пару часов. В этот раз мне не снились кошмары. Я слишком устал, чтобы видеть сны.

К восьми я вернулся на силомер. Последние пять часов представления пролетели легко и с выгодой, в дожде разноцветных огней, брызгавших светом на все вокруг, даже на громыхающие карусели. То и дело слышались взрывы беспечного смеха. Болтающие, тычущие пальцами, пялящие глаза простаки текли мимо силомера, точно поток, выхлестнувшийся за края сточной канавы. В волнах этого потока плыл мусор — купюры и монеты, и до части этого мусора мне удавалось дотянуться и припрятать его для Райи Рэйнз. Наконец, в час ночи, ярмарка начала потихоньку сворачиваться.

Балаганщики называют последнюю ночь представления «ночью линьки» и с нетерпением ожидают ее, потому что в них живет неистребимый цыганский дух. Ярмарка сбрасывает с себя город так же, как змея сбрасывает старую кожу. И точно так же, как змея обновляется в ходе линьки, так и балаганщик и вся ярмарка возрождаются в ожидании новых мест и новых карманов, которые можно освободить от денег.

Марко зашел, чтобы забрать дневную выручку, так что я мог не откладывая приступить к разборке силомера. И в то время, как я возился с ним, несколько сот остальных балаганщиков — владельцы, кассиры, зазывалы, укротители, эквилибристы, велосипедисты, карлики и лилипуты, девицы, повара из забегаловок, грузчики, короче, все, кроме детей (которые уже были в кровати) и тех, кто присматривал за детьми, занимались тем же самым — разбирали и паковали карусели, аттракционы, палатки, забегаловки и все, что можно, освещенные огнями от здорового ярмарочного генератора. Разборка небольших

«американских горок», редкости на бродячих ярмарках, сопровождалась непрерывным лязгом, звоном и дребезжаньем. Сначала этот звук раздражал, но вскоре уже казался странной немелодичной музыкой, не такой уж и неприятной, а еще через некоторое время стал такой неотъемлемой частью общего шума, что я и вовсе перестал его замечать. Клоунское лицо на павильоне смеха распалось на четыре части, которые одну за другой спустили вниз. Последним спустили громадный красный нос. Некоторое время он висел в одиночестве, точно исполинская нюхалка огромного насмешливого Чеширского кота — тот исчезал так же странно, по частям, как и его родич, поддразнивавший Алису. Нечто размером с динозавра и с таким же аппетитом откусило кусочек от чертова колеса. В Шоквилле спускали вниз портреты пятнадцати футов высотой, изображавшие искаженные черты и лица уродцев. Опускаясь с поддерживающих столбов, холсты закручивались, шли волнами, и от этого плоскостные портреты приобретали видимость объемных, подмигивали, ухмылялись, скалились, со смехом косились на балаганщиков, вкалывающих внизу. Затем они складывались, матерчатые губы целовали нарисованные лбы, лишенные глубины глаза могли теперь созерцать лишь свои же носы, плоскостная реальность быстро подменяла кратковременную иллюзию жизни. От чертова колеса откусили уже два куска. Закончив с силомером, я направился помогать паковать остальные концессии Райи Рэйнз, а потом прошел по всей аллее, помогая повсюду, где было нужно. Мы выкручивали болты из деревянных стенных панелей, укладывали палатки в парашютные мешки, готовясь к десанту на Йонтсдаун, разъединяли брусы и подпорки, непрерывно шутили за работой, обдирали костяшки, напрягали мускулы, до крови резали пальцы, наглухо заколачивали крышки ящиков, заталкивали эти ящики в грузовики, отрывали доски от настила павильона электромобилей, пыхтели, потели, бранились, смеялись, жадно глотали содовую воду, опрокидывали в себя холодное пиво, подманивали к грузовикам двух слонов, тащивших самые тяжелые брусья, спели несколько песен (некоторые из них написал Бадди Холли, который к тому времени уже четыре с половиной года как умер и покоем вместе с «Бичкрафт Бонанца» на одиноком замерзшем поле между Клир-Лейк, штат Айова, и Фаро, штат Северная Дакота). Мы вывинчивали шурупы, выдергивали гвозди, сматывали несколько миль электрических кабелей, и когда я в очередной раз взглянул в сторону чертова колеса, я обнаружил, что оно съедено целиком, не осталось ни единой, даже самой маленькой косточки.

Руди-Рыжий Мортон, главный механик братьев Сомбра, которого я повстречал в то первое утро на ярмарке, командовал нашим взводом, а им, в свою очередь, командовал Гордон Элвейн, лысый и бородатый человек, ответственный за перевозки. Горди нес ответственность за окончательную погрузку гигантской ярмарки. Учитывая, что ярмарка братьев Сомбра путешествовала в сорока шести железнодорожных вагонах и девяти тяжелых грузовиках, работа у него была очень ответственная.

Мало-помалу аллея, точно люстра со множеством ламп, погасла и исчезла.

Усталый, но с невероятно приятным чувством коллективизма, я вернулся в трейлерный город на лугу. Многие уже выехали в Йонтсдаун, остальные уедут только завтра.

Я не пошел в свой трейлер.

Вместо этого я направился к «Эйрстриму» Райи Рэйнз.

Она ждала меня.

— Я надеялась, что ты придешь, — сказала она.

— Ты же знала, что приду.

— Я хотела сказать...

— Неважно.

— Извини.

— Я весь грязный.

— Хочешь принять душ?

Я хотел. Так я и сделал.

Когда я вытерся, меня уже ожидало пиво.

У нее в постели, где, как я думал, меня хватит только на то, чтобы заснуть, мы занялись любовью — восхитительно медленно и просто — сплошные вздохи и бормотания в темноте, нежные ласки, медленные, точно во сне, движения, шуршание кожи, соприкасающейся с кожей. Ее дыхание было сладким, как летний клевер. Через некоторое время мы уже как будто скользили куда-то в затененное, но совсем не страшное место, сливались в этом скольжении, с каждой секундой падения все больше соединяясь, и я почувствовал, что мы движемся к полному и вечному единению, что мы близки к тому, чтобы стать одним существом, не похожим ни на кого из нас. Этого состояния я желал сильнее всего, это была возможность отбросить прочь гнетущие воспоминания, заботы и острую боль потерь в Орегоне. Достичь этого сладостного самоотречения казалось возможно, лишь если мне удастся сделать так, чтобы ритм совокупления совпал с ритмом биения ее сердца, и мгновение спустя мы добились этого совпадения, и вместе со спермой мое сердцебиение вошло в нее, и два сердца теперь стучали как одно, и с легкой дрожью и затихающим вздохом я перестал существовать.

Мне снилось кладбище. Плиты изъеденного временем песчаника. Мраморные надгробия в выбоинах. Потрепанные непогодой гранитные обелиски, прямоугольные и шарообразные, на которых сидели черные дрозды с отвратительно изогнутыми клювами. Райа убегала. Я преследовал ее. Я собирался убить ее. Я не хотел убивать ее, но по какой-то непонятной мне причине у меня не было иного выбора, кроме как повалить ее на землю и вырвать из нее жизнь. Ее ноги оставляли в снегу не простые следы — эти следы были наполнены кровью. Она не была ранена, у нее не текла кровь, поэтому я решил, что кровь — просто знак, предвестник грядущего кровопролития, доказывающий, что нам не уклониться от своих ролей — жертвы и убийцы, добычи и охотника. Я настигал ее, ее волосы развевались на ветру за ее спиной, я схватил ее за волосы, она не удержалась на ногах, и мы оба упали среди надгробий, и затем я взгромоздился на нее, рыча, потянулся к ее горлу, как будто я был не человек, а зверь, лязгающий зубами, подобрался к яремной вене, и кровь брызнула струей — стремительные теплые струи густой алой жидкости...

Я проснулся.

Сел.

Вкус крови.

Потряс головой, заморгал глазами и окончательно проснулся.

Вкус крови не исчез.

О господи.

Это должно быть воображением. Не ушедший обрывок сна.

Но он не исчезал.

Нашарив лампу возле кровати, я включил ее. Свет показался мне резким и обвиняющим.

Тени метнулись по углам комнатки.

Я поднес руку ко рту. Прижал трясущиеся пальцы к губам. Взглянул на пальцы. Увидел кровь.

Рядом со мной лежала Райа — комочек, укрытый простыней, точно тело, осторожно прикрытое заботливым полицейским на месте убийства. Она наполовину отвернулась от меня.

Все что я мог видеть, — ее светлые волосы на подушке. Она не шевелилась. Если она и дышала, то ее вдохи и выдохи были такими неглубокими, что их невозможно было уловить.

Я сильно сглотнул.

Этот вкус крови. Медный привкус. Точно лизнул старую медную монетку.

Нет. Я не мог в самом деле задушить ее, пока спал. О боже. Невозможно. Я не был безумцем. Я не был маньяком-убийцей. Я не смог бы убить того, кого я любил.

Я отчаянно уговаривал себя, но, невзирая на это, дикий стремительный ужас обрушился на меня и забился внутри яростной птицей. Я не мог собраться с духом, чтобы откинуть простыню и взглянуть на Райю. Прислонившись к изголовью кровати, я спрятал лицо в

ладонях.

За последние часы я получил первое страшное доказательство того, что гоблины — нечто большее, чем химеры, порожденные моим безумным воображением. В глубине души я всегда знал, что они существуют на самом деле и что я не убивал невинных людей, в безумии своем возомнив, будто в них прячутся гоблины. Теперь я знал, что Джоэль Так тоже видит этих демонов. К тому же я сражался с трупом, ожившим благодаря слабому огоньку гоблинской жизненной силы. Будь это труп нормального человека, невинной жертвы моей мании, он бы не поднялся из могилы так, как он поднялся. Все эти факты служили достаточно убедительной защитой против обвинения в безумии, которое я нередко выдвигал против самого себя.

И все же я продолжал сидеть, закрыв лицо руками, скрывая его пальцами и ладонями, не желая протянуть руку и коснуться ее, боясь того, что я, возможно, сотворил.

От вкуса крови у меня сжималось горло. Я содрогнулся и глубоко вдохнул. Вместе с воздухом прихлынул аромат крови.

За последние два года мне не раз пришлось пережить страшные, мрачные моменты, когда мной овладевало чувство, что весь мир — просто склеп, который был сотворен и запущен вертеться волчком в пустоте с одной-единственной целью — обеспечить сцену для представления Космического Театра Ужасов. Сейчас был один из таких моментов. Когда тиски такой депрессии сжимали меня, мне казалось, что единственный удел человечества — это бойня, что мы либо убиваем друг друга, либо становимся добычей гоблинов, либо падаем под ударами судьбы — от рака, при землетрясениях и приливах, от мозговых опухолей, от ударов молнии — от всего того, чем бог задумал расцветить и обогатить сюжет пьесы. Временами мне казалось, что граница и предел нашей жизни — кровь. Но мне всегда удавалось выбраться наружу из этих ям — я хватался за свою веру в то, что мой крестовый поход против гоблинов в конечном счете спасает чьи-то жизни и что в один прекрасный день я смогу заставить остальных людей поверить в существование разгуливающих среди нас монстров, замаскировавшихся под людей. И тогда, надеялся я, люди перестанут сражаться и увечить друг друга и обратят все свое внимание на настоящую войну. Но если я в бреду напал на Райю, если я убил ее, если я смог убить того, кого любил, значит, я безумец и все мои надежды относительно себя самого и будущего моей расы были возвышенными...

...и тут Райа всхлипнула во сне.

У меня перехватило дух.

Она металась во сне, реагируя на что-то из своего кошмара, мотала головой, несколько мгновений боролась с простыней, и наконец ее лицо и шея стали доступны моему взгляду, после чего погрузилась в менее тревожный, но все так же беспокойный сон. Ее лицо было таким же прекрасным, каким оно было в моей памяти — без порезов, без рубцов, без кровоподтеков. Но лоб был наморщен, и тревога, часть ее дурного сна, свела рот в гримасу, похожую на оскал. На шее не было никаких отметин. Крови было не видно.

От облегчения на меня напала слабость, и я рассыпался в благодарностях богу. Моя обычная язвительность по адресу его деяний была временно забыта.

Обнаженный, смущенный и испуганный, я тихонько вылез из кровати, зашел в ванную, закрыл дверь и зажег свет. Сначала я поглядел на свою руку, которой трогал губы. Кровь на пальцах не пропала. Подняв глаза к зеркалу, я увидел кровь и на подбородке. Кровь блестела на губах, зубы были в крови.

Я вымыл руки, оттер лицо, прополоскал рот. В аптечке нашлось несколько освежающих таблеток, которые помогли избавиться от медного привкуса во рту. Я решил, что, должно быть, прикусил во сне язык, но, прополоскав рот, не почувствовал жжения. Внимательно осмотрев полость рта, я не сумел отыскать ранки, на которую можно было бы списать полный рот крови.

Каким-то образом кровь из сновидения материализовалась и, когда я проснулся, перешла вместе со мной из мира кошмаров в реальный мир, в мир живых. Что само по себе было невозможно.

Я поглядел в это отражение своего Сумеречного Взгляда.

— Что это значит? — спросил я сам себя.

Изображение в зеркале не отвечало.

— Что, черт побери, происходит? — требовательно спросил я.

Мой товарищ в зеркале либо ничего не знал, либо держал свои секреты при себе, за плотно сжатыми губами.

Я вернулся в спальню.

Райа по-прежнему находилась во власти кошмара. Она лежала, наполовину раскрывшись, на куче смятой ткани. Ее ноги двигались, словно она бежала. Она произнесла: «Пожалуйста, ну пожалуйста» и затем «Ох!», сгребла простыню в кулачки, мгновение мотала головой. Потом наступила более спокойная стадия сна, во время которой она сопротивлялась сновидению лишь приглушенным бормотаньем, время от времени слабо вскрикивая.

Я лег в постель.

Врачи, специализирующиеся на проблемах нарушения сна, считают, что наши сновидения длятся неожиданно короткое время. Независимо от того, каким долгим может казаться кошмарный сон, как утверждают исследователи, от его начала до конца проходит самое большее несколько минут, а как правило, от двадцати секунд до одной минуты. Райа Рэйнз, как видно, не читала, что писали по этому поводу специалисты, потому что всю вторую половину ночи она опровергала их выводы. Ее сон то и дело терзали призрачные враги, воображаемые битвы и погони.

Около получаса я наблюдал за ней в янтарном свете прикроватной лампы. Затем я погасил свет и еще полчаса сидел в темноте, прислушиваясь к ней. Я понял, что для нее сон был таким же плохим отдыхом, как и для меня. Наконец я растянулся на спине. Через матрас ко мне передавалась каждая су-дорога, каждый спазм страха, которые она ощущала в царстве сновидений.

Я думал, не была ли она на одном из своих кладбищ.

Я думал, не было ли это кладбище на холме.

Я думал, что могло преследовать ее среди надгробий.

Я думал, не был ли это я сам.

12

Октябрьские воспоминания

Распахивались двери трейлеров, открывались ящики, и оттуда, словно великолепный заводной механизм, созданный швейцарскими умельцами, которым принесли мировую славу их невероятно сложные башенные часы с двигающимися человеческими фигурами в полный рост, вынималась и заново строилась на ярмарочной площади графства Йонтсдаун наша ярмарка. В семь вечера в воскресенье казалось, будто никогда и не бывало ночи линьки, как будто мы весь сезон стояли на одном месте, а города один за другим приезжали к нам. Балаганщики говорят, что они любят путешествовать, что не проживут на свете, если хотя бы раз в неделю не переедут с места на место, балаганщики разделяют — даже, черт возьми, защищают — философию бродяг, цыган и изгнанников, балаганщики обожают слушать сказки и легенды о тех, кто жил на далеко не всегда спокойных границах государств — но, куда бы балаганщики ни отправлялись, они берут с собой в дорогу свою деревню. Их грузовики, трейлеры, машины, чемоданы и карманы битком набиты милыми, привычными сердцу вещами. Они отдают куда большую дань традициям, чем даже в маленьких городках Канзаса, где люди из поколения в поколение живут, не ведая изменений, тесно сбившись в кучки на приводящих в трепет громадных пустынных равнинах. Балаганщики с нетерпением ожидают ночи линьки, потому что для них это — показатель их свободы, по контрасту с унылым заточением простаков, чей удел — вечно оставаться позади. Но, проведя день в пути, балаганщики становятся раздражительными и неуверенными в себе — ведь, хотя очарование дороги проникнуто цыганским духом, сама дорога создана обществом

нормальных людей и ему принадлежит, так что бродяги могут ходить и ездить только там, где общество проложило путь. Балаганщики бессознательно понимают, что способность передвигаться с места на место связана с незащищенностью, поэтому прибытия ярмарки на новое место они ждут с еще большим нетерпением и радостью, чем ночи линьки. Строят ярмарку обычно куда быстрее, чем разбирают ее, и ни одна ночь за всю неделю не сравнится с первой ночью на новом месте, когда сразу на целых шесть дней успокаивается тяга к перемене мест и снова возникает чувство дома. Стоит им установить палатки и прибить гвоздями одну к другой крашенные деревянные перегородки всевозможных аттракционов, воздвигнуть латунные, хромированные, пластиковые, плохо натянутые крепости, чтобы оградиться от любой атаки реальной жизни, — и в их душах наступает мир, более прочный, чем в любое другое время.

В воскресенье вечером мы с Райей сидели в трейлере, принадлежавшем Ирме и Поли Лорас, куда нас пригласили отведать домашней стряпни. Все присутствующие были в таком прекрасном настроении, что я почти сумел забыть, что наша дорога привела нас не в обычный город, но в город, которым правят гоблины, в гнездо, где плодятся демоны. Поли — низкорослый, но не карлик — был прирожденным мимом. Он потчевал нас чертовски потешными перевоплощениями в кинозвезд и политиков — даже изобразил потрясающе забавный диалог между Джоном Кеннеди и Никитой Хрущевым. Поли был неф, и я диву давался, как меняются черты его словно резинового лица, вызывая в памяти образы почти всех знаменитостей, каких он изображал, независимо от их расы.

Кроме этого, Поли был маг и волшебник в искусстве жонглирования и работал в аттракционе Тома Кэтшэнка. Для человека его роста — от силы пять футов два дюйма — руки у него были довольно большие, с длинными тонкими пальцами. Его речь перемежалась, точно знаками препинания, потрясающе выразительными жестами, почти такими же выразительными, как слова. Он понравился мне с первого взгляда.

Райа немного оттаяла, даже добавила в беседу пару шуток. Хотя она и не отбросила до конца свою холодную и отстраненную позу (как-никак это был дом работника), но, совершенно очевидно, вечеринку она никак не портила.

Позднее, сидя в закутке-столовой за пирогом «Черный лес» и кофе, Ирма сказала:

— Бедная Глория Нимз.

— А что? — спросила Райа. — Что случилось?

Ирма поглядела на меня:

— Ты ее знаешь, Слим?

— Э-э... полная дама, — ответил я.

— Толстая, — поправил Поли, и его руки очертили в воздухе сферу. — Глорию не оскорбляет, когда ее называют толстой. Бедная девочка, ей не нравится быть толстой, но у нее нет ни малейших иллюзий относительно того, какая она. Она не считает, что она Монро, или Хепберн, или что-нибудь в том же роде.

— Ну а сделать с этим она ничего не в состоянии, так что нет смысла оправдываться, — продолжила Ирма, взглянув на меня. — Больные гланды.

— На самом деле? — поинтересовался я.

— Я понимаю, — ответила Ирма, — ты, наверное, решил, что она ест как свинья, а сваливает все на больные гланды, но у Глории это действительно так. Пэг Ситон живет с ней, ну, знаешь, вроде как присматривает за ней, готовит ей еду, бегаёт за парой грузчиков, если Глории надо подняться, так вот, Пэг утверждает, что бедняжка Глория ест едва ли больше, чем я или ты, и, уж конечно, не так много, чтобы поддерживать семьсот пятьдесят фунтов веса. А уж Пэг знала бы, если бы Глория украдкой перекусывала, потому что Пэг ходит по лавкам, а без Пэг Глория и шага не ступит.

— А она что, сама не может ходить? — спросил я.

— Может, конечно, — ответил Поли, — но ей это нелегко, и, кроме того, она до смерти боится упасть. Любой бы боялся, если бы его вес перевалил за пять-шесть сотен фунтов. Если Глория упадет, самой ей уже не подняться.

— На самом деле, — заметила Ирма, — она почти совсем не способна подниматься. Ну, там с кресла она, конечно, себя и подымет, но другое дело, если она упадет на пол или плюхнется на землю. Когда она упала в последний раз, грузчикам даже всем вместе не удалось ее поднять.

— Семьсот пятьдесят фунтов — груз не из легких, — сказал Поли, и его руки резко упали вдоль тела, словно под тяжестью внезапно навалившегося груза. — Она слишком основательно набита, чтобы сломать себе что-нибудь, но унижение страшное, даже если она среди нас, своего племени.

— Ужасно, — подтвердила Ирма, печально качая головой.

Райа вступила в разговор:

— В тот раз в конце концов пришлось подогнать грузовик туда, где она упала, и прицепить лебедку. И даже тогда было непросто поднять ее на ноги и удержать.

— Это может звучать забавно, но ничего забавного в этом не было, — заверила меня Ирма.

— Я и не думал улыбаться, — ответил я, потрясенный тем, что пришлось пережить бедной толстухе.

В мысленный список шуток, которые бог откалывает за наш счет, я вписал еще одну строку: рак, землетрясения, наводнения, опухоли мозга, удары молнии... больные железы.

— Но все это ни для кого не новость, — заметила Райа, — разве что для Слима, так что почему это ты сказала: «Бедная Глория» и перевела на нее разговор?

— Она сегодня страшно расстроена, — сказала Ирма.

— Ее оштрафовали за нарушение — превысила скорость, — сказал Поли.

— Ну, вряд ли это можно считать трагедией, — заметила Райа.

— Ее не штраф расстроил, — пояснил Поли.

— Ее расстроило то, как коп с ней обращался, — сказала Ирма. Обернувшись ко мне, она пояснила: — У Глории «Кадиллак», изготовленный по заказу, специально для нее. Корпус повышенной прочности. Задние сиденья сняли, а переднее отодвинули назад. Ручные тормоза, ручной акселератор. Двери сделали шире, чтобы она могла свободно влезать и вылезать из машины. У нее самый лучший автомобильный радиоприемник, какой есть на свете, даже маленький холодильник под щитком, чтобы возить с собой прохладительные напитки, газовая плитка, туалетные принадлежности и все удобства — все прямо в машине. Она свою тачку просто любит.

— Судя по твоему рассказу, дорогая штука, — заметил я.

— Ясное дело, — согласился Поли, — но у Глории дела идут что надо. Прикинь-ка, если хорошая неделя, большое представление, например, на ярмарке в штате Нью-Йорк в конце этого месяца — всего за шесть дней будет куплено семьсот-восемьсот тысяч входных билетов на ярмарку, и из них... скажем, сто пятьдесят тысяч простаков заглянут в Шоквилль. Я ошеломленно подсчитал:

— По два бакса с носа...

— Триста тысяч за неделю, — продолжила Райа, беря кофейник и наливая себе еще кофе. — Джоэль Так делит выручку — половину себе, и из этих денег он платит изрядную сумму братьям Сомбра за свою концессию и все накладные расходы, а вторую половину делит поровну между остальными одиннадцатью «экспонатами» своего аттракциона.

— Иными словами, недельная доля Глории составляет более тринадцати тысяч, — закончил Поли. Его выразительные руки пересчитывали невидимые пачки долларовых купюр. — А этого хватит на два «Кадиллака» на заказ. Конечно, не всякая неделя такая денежная. Бывает, она зарабатывает только пару тысяч в неделю, но в среднем примерно у нее выходит по пять тысяч в неделю с середины апреля до середины октября.

Ирма продолжала:

— Важно не то, сколько стоит ей этот «Кадиллак». Важно то, какую свободу он ей дает. Ты понимаешь, она способна передвигаться, только когда сидит в своей машине. Она же, в конце концов, балаганщик, а для балаганщика чертовски важно быть свободным,

подвижным.

— Нет, — поправила ее Райа, — важно не то, какую свободу дает ей машина. Важно, что это за история со штрафом за превышение скорости, если ты вообще собираешься добраться до ее сути.

— Ну, — начала Ирма, — ты понимаешь, Глория сегодня ехала на машине, потому что Пэг с утра взяла их пикап и трейлер. И мили через полторы после границы графства ее остановил полисмен за превышение скорости. Глория двадцать два года за рулем и ни разу не попала в аварию или нарушила правила.

Поли сделал выразительный жест рукой и продолжил:

— Она хороший водитель, осторожный водитель, потому что она понимает, какой кошмар будет, если она попадет в аварию на своей машине. Санитары из «Скорой» ее в жизни не смогут вытащить оттуда. Поэтому она водит очень внимательно и скорость не превышает.

— Так что, когда ее тормознул этот йонтсдаунский коп, — продолжала Ирма, — она решила, что это или ошибка, или какая-нибудь ловушка, чтобы попотрошить приезжих. И когда она видит, что это, судя по всему, ловушка, она говорит копу, что готова уплатить штраф. Но ему этого мало. Он начинает ей хамить, оскорблять ее, требует, чтобы она вылезла из машины. А она боится, что упадет, если вылезет, поэтому он велит ей отправляться в офис шерифа в Йонтсдауне, конвоирует ее, а когда она приезжает, он заставляет ее выйти из машины, ведет ее внутрь, и там они ей устраивают сущий ад — угрожают завести на нее дело за неподчинение офицеру полиции при исполнении и прочую гадость в том же духе.

Доедая пирог и жестикулируя поэтому вилкой, рассказ продолжил Поли:

— Они заставляют бедную Глорию мотаться туда-сюда из одного конца здания в другой и не дают ей даже присесть, так что она идет и хватается то за стену, то за кассы, поручни, столы — за что только можно ухватиться, пока идешь, а она утверждает, что было совершенно ясно — они хотели, чтобы она упала, потому что они знали, чего ей будет стоить подняться на ноги. Они там все оборжались над ней. Даже в уборную ей не дали сходить — сказали, что она унитаз раздавит. Сам понимаешь, сердце у нее тоже не больно крепкое, она говорит, сердце так сильно билось, что она аж тряслась. Они довели бедную Глорию до слез, пока позволили ей позвонить по телефону, а ты мне поверь, что она не из тех, кто жалеет себя или чуть что — сразу в слезы.

— Потом, — продолжала Ирма, — она позвонила в контору ярмарки, позвали Студня к телефону, он сорвался в город и освободил ее — после того, как она три часа провела в здании муниципалитета.

Райа заметила:

— Я всегда считала Студня хорошим толкачом. Как он мог допустить, чтобы такое случилось?

Я поведал им кое-что о нашем визите в Йонтсдаун в пятницу.

— Студень сделал свое дело как надо. Все из кормушки поели. Та женщина из совета графства — Мэри Ваналетто, она у них вроде казначея — собирает все взятки. Студень передал ей бабки и контрамарки для всех членов совета, для шерифа и его людей.

— Так, может, она прикарманила все, а остальным сказала, что мы не собираемся платить в этом году, — предположила Райа, — и теперь у нас неприятности с управлением шерифа.

— Не думаю, — ответил я. — Мне кажется... они по какой-то причине лезут в драку...

— Почему? — спросила Райа.

— Ну, не знаю... просто у меня возникло такое ощущение в пятницу, — уклончиво ответил я.

Ирма кивнула.

Поли сказал:

— Студень уже предупреждает всех. Мы должны очень хорошо, просто образцово вести себя на этой неделе, потому что ему кажется, что они будут искать малейшего

предлога, чтобы причинить нам неприятности, прикрыть ярмарку и принудить нас к дополнительным подношениям.

Я знал, что наши деньги их не интересовали: они охотились за нашей кровью и болью. Но я не мог рассказать Ирме, Поли и Райе о гоблинах. Даже балаганщики, самые терпимые люди на свете, сочтут мои рассказы не просто эксцентричными, но безумными. И хотя балаганщики почитают эксцентричность, к психопатам, склонным к убийству, они питают не больше любви, чем правильные. Я позволил себе лишь невинные предположения о возможных замыслах официальных лиц Йонтсдауна, оставив мрачную правду при себе.

И все же я знал, что издевательство над Глорией Нимз было лишь первым выстрелом в этой войне. Впереди нас ждало еще худшее. Хуже, чем полицейские, закрывающие ярмарку. Хуже, чем что-либо, что могли вообразить себе мои новые друзья. С этого момента я уже не мог выбросить гоблинов из головы, и остаток вечера был далеко не таким веселым, как его начало. Я улыбался, смеялся, по-прежнему принимал участие в разговорах, но человеку, стоящему посреди змеиного рва, не слишком легко сохранять присутствие духа.

* * *

Мы ушли от Лорасов в одиннадцать с чем-то вечера. Райа спросила:

— Спать хочешь?

— Нет.

— Я тоже.

— Хочешь прогуляться? — спросил я.

— Нет. Хочу заняться кое-чем другим.

— А-а, — подхватил я. — Я тоже не прочь этим заняться.

— Не этим, — возразила она, мягко засмеявшись.

— Э-э...

— Не сейчас.

— Это звучит заманчивее.

Она повела меня в аллею.

Еще днем серо-стальные облака начали заволакивать небо. К ночи они не рассеялись. Луна и звезды остались по ту сторону этой завесы. Ярмарка была замком из теней: колонны и плиты из тьмы, покатые крыши черноты, занавеси из полумрака, подвешенные на кронштейнах из тени, над дверными проходами цвета чернил. Тончайшие оттенки ночи ложились один на другой — слоновой кости, угольно-черного, терновой ягоды, сажи, серо-черного, анилиново-черного, японского шелка, чистого угля, воронова крыла, траурного цвета. Темные двери на еще более темном фоне стен.

Мы шли по проезду, пока Райа не остановилась возле чертова колеса. На фоне чуть более светлого безлунного неба оно выглядело набором соединенных вместе черных форм правильных очертаний.

Я ощущал недобрые вибрации, исходящие от огромного колеса. Так же, как и ночью в среду на предыдущей ярмарке, я не получил никаких отчетливых образов, никакого представления о той необычайной трагедии, которая произойдет здесь. Тем не менее, как и в предыдущий раз, я остро ощутил, что в этой машине таится гибель — так же, как в электрической батарее — электричество.

К моему удивлению, Райа открыла калитку в металлической изгороди и прошла к чертову колесу. Обернувшись ко мне, она бросила:

— Пошли.

— Куда?

— Наверх.

— Туда?

— Да.

— Каким образом?

— Говорят, мы произошли от обезьян.

— Я — нет.

— Мы все от них произошли.

— А я произошел от... сурков.

— Тебе понравится.

— Слишком опасно.

— Проще некуда, — заявила она, вцепившись в колесо и собираясь лезть наверх.

Я глядел на нее — на большого ребенка во взрослом спортзале вместо джунглей, — и на сердце у меня было невесело.

Я вспомнил образ Райи, залитой кровью. Я был уверен, что смерть не угрожает ей здесь и сейчас. Ночь была спокойной — однако же недостаточно спокойной, чтобы мое бешеное сердцебиение улеглось.

— Вернись, — сказал я ей. — Не надо.

Она остановилась на высоте пятнадцати футов от земли и поглядела вниз на меня. Ее лицо было темным пятном.

— Давай лезь.

— С ума сошла.

— Тебе понравится.

— Но...

— Слим, пожалуйста.

— О господи.

— Не разочаровывай меня, — сказала она, отвернувшись и продолжила карабкаться наверх.

Чутье ясновидца не давало мне предупреждений о том, что в эту ночь чертово колесо представляет для нас опасность. Угроза, которую нес этот громадный механизм, по-прежнему лежала в одном из ближайших дней, а пока что это была всего лишь груда дерева, стали и сотен потушенных лампочек.

Я неохотно полез наверх, обнаруживая, что в этом переплетении множества стоек и балок находится гораздо больше, чем я ожидал, мест, куда можно поставить ногу или за что ухватиться рукой. Колесо стояло на стопоре и было неподвижно — разве что двухместные кабинки иной раз слабо покачивались под порывом ветра или когда наше движение передавалось по каркасу на гнезда толстых стальных сетей, на которых были подвешены кабинки. Хоть я и заявил, что происхожу от сурков, тем не менее я быстро доказал, что предками моими были все же обезьяны.

К моему облегчению, Райа не стала лезть до кабинки, висевшей на самом верху, а остановилась, повернув к третьей от нее. Она уже сидела там, открыв дверцу, чтобы я мог залезть, и улыбалась, глядя на меня, трясущегося и всего в поту. Я отцепился от каркаса и плюхнулся на металлическое сиденье рядом с ней. Пожалуй, подъем стоил того, чтобы на ее губах появилась столь редкая для нее улыбка.

Когда я перевалился в кабинку, она начала раскачиваться на оси, и в какой-то миг я с замиранием сердца подумал, что сейчас выпаду наружу, полечу вниз, ударяясь о застывший водопад из стали и дерева, задевая за каждую кабинку на пути, пока не ударюсь о землю так, что переломаю все кости. Но, уцепившись одной рукой за разукрашенный борт кабинки, а другой за фигурную спинку сиденья, я сумел остановить болтанку. Райа, держась только одной рукой, с уверенностью, которую я счел бездумностью, высунулась из кабинки в тот момент, когда ее качало сильнее всего, дотянувшись до распахнутой дверцы, схватила ее, подтащила к себе и с лязгом и грохотом закрыла на задвижку.

— Ну вот, — сказала она. — Уютно и хорошо. — Она прижалась ко мне. — Я тебе говорила, что тут будет здорово. Ничего нет лучше, чем покататься на чертовом колесе, когда огни погашены, мотор не работает и все вокруг тихо и темно.

— Ты часто сюда залезаешь?

— Да.

— Одна?

— Да.

В течение нескольких долгих минут мы не промолвили больше ни слова, просто сидели, прижавшись друг к другу, мягко покачиваясь в кабинке под скрип шарниров и озирая темный, бессолнечный мир со своего трона. Когда же мы заговорили, речь у нас пошла о вещах, которых мы прежде ни разу не касались в наших беседах, — о книгах, о поэзии, о фильмах, о любимых цветах, о музыке, — и я понял, до чего мрачными были наши прежние беседы. Словно Райа оставила внизу какое-то неизвестное бремя, чтобы оно не мешало ей лезть наверх, и теперь рядом со мной была Райа, свободная от оков, Райа, обладавшая неожиданно легким и светлым чувством юмора и прежде не слыханным мной девичьим смехом. Это был один из тех немногих случаев с тех пор, как я познакомился с Райей Рэйнз, когда я не ощущал ее таинственной печали.

Но вскоре я ее все же ощутил, хотя и не мог точно определить момент, когда мертвенно-бледный поток меланхолии снова потек через нее. Среди прочего мы говорили о Бадди Холли, чьи песни пели, пока разбирали ярмарку, и уморительным дуэтом пели вразнобой несколько отрывков из своих любимых песен этого певца. Мысль о безвременной смерти Холли, несомненно, пришла в голову нам обоим и, должно быть, стала первой ступенькой лестницы, ведущей в подвал уныния, где Райа обычно обитала, потому что через некоторое время мы уже говорили о Джеймсе Дине, умершем более семи лет назад. Его жизнь пошла в придачу к потерпевшей аварию машине, где-то на пустынном шоссе в Калифорнии. Потом Райа стала возмущаться, как несправедливо умирать молодым. Она долго и бурно негодовала и грустила по этому поводу, и тогда я в первый раз почувствовал, как печаль возвращается к ней. Я попытался сменить тему разговора, но безуспешно — Райю, казалось, не просто увлекли разговоры о мрачном, она находила в них и непонятное удовольствие.

Наконец из ее голоса исчезла вся веселость, она отодвинулась от меня и спросила:

— Как тебе было в прошлом году, в октябре? Что ты тогда чувствовал?

Сначала я не понял, о чем это она.

Она пояснила:

— Куба. Октябрь. Блокада, ракеты, все эти решения. Говорят, мы были на краю пропасти. Атомная война. Армагеддон. Что ты тогда чувствовал?

Тот октябрь стал поворотной точкой в моей судьбе и, думаю, в судьбе всякого, кто был достаточно взрослым, чтобы понять, что означал этот кризис. Что касается меня, то я осознал — человечество отныне способно стереть самое себя с лица земли. Я также начал понимать, что гоблины — к тому времени я видел их уже несколько лет — должны быть в восторге от нашей всевозрастающей технологической оснащенности и изощренности, потому что это открывало им все более захватывающие возможности мучить человечество. Что случилось бы, окажись какой-нибудь гoblin наделен политической властью, достаточной для того, чтобы получить контроль над кнопкой, неважно, в Штатах или в Советском Союзе? Конечно, они поймут, что их род будет уничтожен вместе с нашим; апокалипсис лишит их удовольствия медленной пытки, которую им, судя по всему, так нравилось применять к нам. Это могло бы удержать их от стремления выпустить ракеты из шахт. Но зато какой пир страдания состоялся бы в эти последние дни и часы! Взрывы, равнявшие города с землей, огненные бури, дожди радиоактивных осадков. Если ненависть гоблинов к человечеству была в самом деле такой сильной, как я чувствовал, тогда именно такой сценарий будет для них самым приятным, независимо от того, какое место в нем отводится их собственному выживанию. Именно кубинский кризис подтолкнул меня к мысли, что рано или поздно мне придется начать битву с гоблинами, независимо от того, насколько эта война одиночки будет трагичной и неравной.

Кризис. Поворотный момент. В августе 1962 года Советский Союз начал тайно размещать на Кубе крупную батарею ядерных ракет, чтобы добиться возможности нанести первыми неожиданный удар по Соединенным Штатам. 22 октября, после того, как от русских потребовали убрать эти провокационные пусковые установки, после того, как требование

было отвергнуто и получены дополнительные доказательства, свидетельствующие, что работа по установке ракет лишь ускорилась, президент Кеннеди объявил о блокаде Кубы, что влекло за собой угрозу потопления любого корабля, который попытается проникнуть за карантинную линию. После этого, 27 октября, в субботу, наш самолет «У-2» был сбит советской ракетой «земля — воздух», и вторжение американских войск на Кубу было намечено (как мы узнали позже) на понедельник, 29 октября. Казалось, что от Третьей мировой войны нас отделяют всего несколько часов. Но русские сделали шаг назад. За время недельной блокады каждый американский подросток несколько раз прошел тренировку на случай воздушной тревоги. В большинстве крупных городов проводились тренировки по воздушной тревоге, в которых принимало участие все население. Спрос на бомбоубежища взлетел к небу. Уже существующие убежища расширялись. Все воинские части были приведены в состояние боевой готовности, части национальной гвардии, находившиеся в запасе, были переданы в распоряжение президента. В церквях прошли специальные службы, подстегнувшие общую напряженность. И если к тому времени гоблины еще не задумывались о возможности полного уничтожения цивилизации, эта мысль наверняка пришла им в голову во время кубинского кризиса, потому что в те дни они питались сытным варевом нашей тревоги, вызванной одним лишь ожиданием такой катастрофы.

— Что ты чувствовал? — снова спросила Райа, сидя рядом со мной на неподвижном чертовом колесе над затемненным ярмарочным полем, во все еще не разрушенном мире.

Лишь несколько дней спустя я пойму все значение нашего разговора. В ту ночь мне казалось, что мы коснулись этой мрачной темы совершенно случайно. Даже мои психические способности не открыли мне, как глубоко задевал ее этот вопрос и почему.

— Что ты чувствовал?

— Боялся, — ответил я.

— А где ты был тогда?

— В Орегоне, В школе.

— Ты думал, что это произойдет?

— Не знаю.

— Ты думал, что ты умрешь?

— Мы находились вне зоны поражения.

— Но ведь ядерные осадки были бы повсюду, разве нет?

— Наверное.

— Так ты думал, что можешь умереть?

— Может быть. Я думал об этом.

— И как ты себя при этом чувствовал?

— Не лучшим образом.

— И все?

— Я беспокоился за мать и сестер, думал о том, что может случиться с ними. Мой отец умер незадолго до этого, и я был главой семьи, так что я бы должен был что-то делать, чтобы защитить их. Но я не мог придумать, как сделать так, чтобы они уцелели, понимаешь, и от этого я себя чувствовал таким беспомощным... почти ослабел от беспомощности.

Мне показалось, что она разочарована, словно она ожидала услышать от меня другой ответ, что-нибудь более драматичное... или более мрачное.

— А ты где была в те дни? — поинтересовался я.

— В Джибтауне. Там поблизости от нас какие-то военные сооружения, одна из главных целей.

— Так что ты ожидала, что умрешь? — спросил я.

— Да.

— И что ты чувствовала?

Она молчала.

— Ну? — настаивал я. — Что ты чувствовала в связи с грядущим концом света?

— Любопытство, — ответила она.

Этот ответ был неожиданным и беспокоил меня, но прежде чем я успел попросить ее растолковать, мое внимание отвлек далекий блеск молнии на западе. Я сказал:

— Пойдем-ка вниз.

— Не сейчас.

— Гроза приближается.

— У нас уйма времени. — Она качнула двухместную кабинку, как кресло-качалку на балконе. Шарниры заскрипели. От звука ее голоса я похолодел:

— Когда стало ясно, что войны не будет, я пошла в библиотеку и взяла все книги о ядерных вооружениях. Мне хотелось знать, как бы это все было, если бы это случилось, и всю прошлую зиму, там, в Джибтауне, я об этом читала. Это потрясающе, Слим.

Где-то далеко снова вспыхнули молнии.

Лицо Райи озарилось. Казалось, неверный пульсирующий свет исходит от нее, как от горящей лампы.

От горных вершин на горизонте донесся удар грома, словно низкие тучи столкнулись с горами. Эхо столкновения звучно отдалось в облаках над ярмаркой.

— Пойдем лучше вниз, — снова сказал я.

Она не обращала на меня внимания, голос был низкий, но отчетливый, в нем слышался благоговейный трепет. Каждое слово было тихим, как звук шагов по плюшевому ковру в доме, где траур. Она сказала:

— Ядерная катастрофа была бы странно красивой, понимаешь, страшной красотой. Вся грязь и мерзость городов обратилась бы в пыль, в пар, в ровное место, и там бы выросли поглотившие все это ядерные грибы, точно так же, как обычные грибы вырастают из перегноя и удобрений и берут от них силу. А небо! Ты только представь! Алый, оранжевый цвета, едко-зеленый, серо-желтый, мешанина, бурление, пестрота цветов, каких мы никогда не видели в небе, сияние странного света...

Точно восставший ангел, вышвырнутый из рая, над нами бриллиантовым светом сверкнула молния. Неловко падая по небесной лестнице, она уменьшалась в размерах, нисходя по небу, пока не исчезла внизу в темноте. Эта молния была куда ближе, чем предыдущая. Гром прогремел громче, чем раньше. В воздухе запахло озоном.

— Здесь наверху опасно, — сказал я, потянувшись к задвижке, запиравшей дверцу кабинки.

Она задержала мою руку и продолжала:

— И многие месяцы после войны были бы невероятнейшие закаты из-за всей этой пыли и пепла, витающих в воздухе. А когда пепел начал бы оседать — в этом тоже была бы своя красота, что-то наподобие сильного снегопада, только это была бы самая долгая метель из всех когда-либо случавшихся. Она бы длилась многие месяцы. И даже джунгли, где никогда не бывает снега, — даже их занес бы, завалил снегом этот снегопад...

Воздух стал серым и тяжелым.

Мощная броневая техника грозы грохотала на поле боя у нас над головой.

Я накрыл ее руки своей, но она ухватила за задвижку и продолжала:

— И наконец, через пару лет, радиация бы ослабла до такой степени, что не представляла бы больше угрозы для жизни. Небо опять стало бы чистым и голубым, а толстый слой пепла взрастил бы и выкормил травы сочнее и зеленее прежних, и воздух стал бы чище после такой промывки. И миром стали бы править насекомые, и в этом тоже была бы своя особая красота.

Меньше чем в миле отсюда с треском ударил кнут молнии, полоснув по коже неба.

— Что с тобой стряслось? — спросил я, и сердце у меня неожиданно застучало быстрее, как будто этот электрический кнут кончиком зацепил и меня, заведя моторчик страха.

Она ответила:

— Ты не считаешь, что царство насекомых — это красиво?

— Райа, ради бога, сиденье же металлическое. Почти все колеса металлические.

— Яркие краски бабочек, переливчатая зелень крыльев жуков...

— Черт возьми, мы на самом высоком месте в округе. А молния ударяет в самую верхнюю точку...

— Оранжевые в черную крапинку надкрылья божьей коровки...

— Райа, если ударит молния, мы изжаримся живьем.

— Ничего с нами не случится.

— Давай спускаться.

— Не сейчас, не сейчас, — прошептала она. Она не собиралась выпускать задвижку из рук. Она продолжала: — Когда на земле остались бы одни насекомые и, может быть, какие-нибудь мелкие зверьки, какой бы она снова стала чистой, свежей и новой! И никаких людей, чтобы запакостить ее, чтобы...

Ее речь была прервана свирепой, злой вспышкой. Прямо у нас над головой по черной глазури небесного свода прошла длинная белая трещина, точно зигзагообразный надлом на керамике. Это сопровождалось таким мощным ударом грома, что даже чертово колесо завибрировало. Тут же последовал второй раскат, такой, что мне показалось — мои кости врезались друг в друга, точно на них не было плоти. Словно шулер встряхнул свои любимые игральные кубики в мягкой темнице теплой войлочной сумки.

— Райа, черт возьми, пошли! — потребовал я.

— Пошли, — согласилась она, когда упали первые тяжелые теплые капли дождя. В свете молний ее усмешка была чем-то средним между детским восторгом и сатанинским оскалом. Отодвинув засов, который держала до последнего момента, она распахнула дверцу.

— Пошли! Давай! Посмотрим, кто кого — гроза нас или мы грозу!

Я залез в кабинку вторым, значит, вылезать... должен был первым, первым включиться в эту рискованную игру. Я перегнулся с сиденья, ухватился за один из брусьев, из которых был составлен обод гигантского колеса, зацепил ногами ближайшую балку — такой же толстый брус и скользнул вниз фута на четыре, под углом к земле, но дальнейший мой спуск был прегражден пересекающимися крест-накрест балками — распорками между громадными балками. Охваченный внезапным головокружением на такой смертельной высоте, я на миг схватился за эти распорки. Несколько здоровенных капель дождя упало передо мной, несколько попало на меня — словно кто-то несильно бросил камешки, несколько простучало по колесу. Головокружение никак не унималось, но Райа уже вылезла на каркас над моей головой и ждала, пока я продолжу спуск и освобожу ей дорогу. Вновь сверкнула молния, напомнив мне об опасности, и я отцепился от балки и полез к следующим распоркам. Задыхаясь, я скользил вдоль брусьев, и вскоре стало ясно, что спуск был куда тяжелее, чем подъем, потому что на этот раз мы ползли спиной. Дождь пошел вовсю, ветер усилился, и найти надежную опору на мокром колесе становилось все труднее. Несколько раз я скользил, отчаянно цепляясь за туго натянутые кабели, балки или тонкие скобы, не заботясь, выдержат они меня или нет — главное, чтобы были под рукой. Я сорвал себе ноготь и ободрал ладонь. Несколько раз мне казалось, что колесо — это гигантская паутина, ударит молния — паук-многоножка, собирающийся проглотить меня. А затем колесо показалось громадной рулеткой. Струи дождя, порывы ветра и хаотичный грозовой свет — в сочетании с моим непроходящим головокружением — создавали иллюзию движения, призрачного вращения. Когда же я поднимал голову вверх, на сумятицу отблесков и теней на огромной плоскости колеса, мне казалось, что Райа и я — невезучие шарики из слоновой кости, которые бросили навстречу их судьбам. Мокрые волосы лезли в глаза. Промокшие джинсы вскоре отяжелели, словно броня, и тянули меня вниз. Футах в десяти от земли я опять соскользнул, но на этот раз не нашел ничего, за что мог бы ухватиться. Растопырив руки и тщетно пытаюсь заменить ими крылья, я пронзительно, по-птичьи, закричал от страха. Я был уверен, что при падении наткнусь на что-нибудь острое и меня нанижет на него. Но упал я прямо в грязь, грохнувшись так, что перехватило дух, но ничего не сломав.

Перекатившись на спину, я посмотрел вверх и увидел, что Райа все еще на колесе. Ее волосы были мокрые и спутанные, но все же вились на ветру, словно перехваченное

резинкой знамя. На высоте трех этажей ее нога соскользнула с бруса, и она повисла только на руках... Весь вес ее тела приходился на ее тонкие руки. Она болтала ногами в воздухе, пытаясь нащупать невидимую балку.

Ноги скользили по грязи, разъезжались, но я все-таки поднялся и встал, запрокинув голову и подставив лицо ливню. Я глядел, затаив дыхание.

Я был идиотом, когда позволил ей лезть туда.

Наверное, именно здесь она и умрет.

Вот о чем предупреждало меня видение. Я должен был сказать ей. Я должен был остановить ее.

Несмотря на ненадежность ее положения, несмотря на то, что руки ее, должно быть, горели от боли и вот-вот могли разжаться, мне показалось, что я слышал доносящийся сверху смех. Затем я понял, что это скорее всего ветер дует среди брусков, скоб и кабелей. Ну конечно же, это ветер.

Еще одна молния с силой ударила в землю. Ярмарка вокруг меня озарилась белым светом, и чертово колесо на миг стало видно мне до мельчайших деталей. В первое мгновение мне показалось, что молния ударила прямо в колесо и миллиарды вольт сожгли плоть Райи. Но за этой ужасающей вспышкой последовала другая, послабее, и в ее свете я увидел, что Райа не только не убита ударом молнии, но и нашла опору для ног. Дюйм за дюймом она спускалась вниз.

Как ни глупо это было, я сложил ладони рупором и прокричал ей:

— Быстрее!

Балка — распорка, распорка — балка, опять распорка. Она спускалась все ниже, но я не смог унять бешеный стук сердца, даже когда она, упав, уже не могла убиться. Каждую секунду, что она цеплялась за колесо, она рисковала получить добела раскаленный поцелуй грозы.

Наконец всего восемь футов отделяли ее от земли. Она поглядела вниз, держась за колесо одной рукой и приготовившись прыгать. Но тут в ночи блеснула молния, вонзившаяся в землю совсем рядом с ярмаркой, не больше чем в полусотне ярдов отсюда. Удар как будто скинул ее с колеса. Она приземлилась на ноги, но не устояла на них, однако я вовремя подхватил ее и не дал упасть в грязь. Она обхватила меня руками, я обнял ее. Мы крепко прижались друг к другу. Оба тряслись, не в силах пошевелиться, не в силах вымолвить ни слова, едва в состоянии дышать.

Еще одна зарница расколола ночь. Язык огня скользнул с неба на землю, и этому наконец удалось лизнуть чертово колесо. Оно озарилось целиком — каждая балка, кабели точно светящиеся нити. Какое-то мгновение казалось, что громадная машина сплошь усыпана бриллиантами, а между них сверкают отблески огней. Затем смертоносный заряд ушел в землю, пройдя по каркасу, проводам к крепежным цепям, сработавшим как громоотводы.

Дождь резко усилился, превратился в ливень, в потоп. Он барабанил по фунту, резко и глухо стучал по стенам палаток. На металлических поверхностях появлялись замысловатые надписи, оставленные струями дождя. Ветер пронзительно завывал.

Мы пустились бежать через всю ярмарку, шлепая по грязи, вдыхая воздух с ароматами озона, мокрых опилок и запахом слонов — прочь отсюда, к лугу, в лагерь трейлеров. Чудовище со множеством паучьих лап и крабьих клешней из электрических нитей гналось за нами по пятам. Мы почувствовали себя в безопасности, только когда забежали в «Эйрстрим» Райи и захлопнули за собой дверь.

— Сумасшедшая! — произнес я.

— Ша.

— Зачем тебе понадобилось оставаться там? Видела же, что гроза идет.

— Ша, — повторила она.

— Это тебе что, шутки шутить?

Она достала из кухонного шкафчика пару стаканов и бутылку бренди. Насквозь

промокшая и улыбающаяся, она направилась в спальню.

Я пошел следом за ней:

— Шутки, черт тебя возьми?

Зайдя в спальню, она плеснула бренди в стаканы и протянула один мне.

Мои зубы стучали по стеклу. Бренди было теплым во рту, горячим в горле и обжигающим в желудке.

Райа стащила носки и теннисные брюки — вода капала с них на пол. Потом она сбросила мокрую футболку. Бисеринки воды блестели и трепетали на ее голых руках, плечах, груди.

— Тебя могло убить, — сказал я.

Она скинула трусы, еще раз глотнула бренди и подошла ко мне.

— Ты что, хотела, чтобы тебя убило? Ответь ради всего святого.

— Ша, — снова сказала она.

Меня била неудержимая дрожь.

Она казалась совершенно спокойной. Если она и чувствовала страх, пока лезла, он прошел в тот самый миг, как она снова коснулась земли.

— Что с тобой? — спросил я.

Вместо ответа она начала раздевать меня.

— Не сейчас, — уперся я. — Не время...

— Самое время, — настойчиво сказала она.

— Я не в состоянии...

— Самое то состояние.

— Я не могу...

— Можешь.

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Проверим?

* * *

Потом мы некоторое время лежали молча, удовлетворенные, поверх влажных простыней. Лампа возле кровати окрашивала своим янтарным светом наши тела в золото. Дождь стучал по покатой крыше, стекал по нашему металлическому кокону. Этот звук был восхитительно успокаивающим.

Но я не забыл ни колесо, ни ужасный спуск по перекладинам под хлещущим дождем. Немного погодя я спросил:

— Ты как будто хотела, чтобы молния ударила в колесо, когда ты висела на нем.

Она ничего не сказала.

Я, легонько касаясь, провел костяшками сжатой ладони вдоль ее челюсти, затем, раскрыв пальцы, погладил ее мягкую, нежную шею и груди.

— Ты красивая, толковая, удачливая. Зачем так рисковать?

Она все так же молчала.

Кодекс балаганщика, не позволяющий вторгаться в личную жизнь, удерживал меня от прямого вопроса — почему она хочет умереть. Но кодекс не запрещал мне высказывать свое мнение об очевидных событиях и фактах, к тому же мне казалось, что она и не скрывала этого особенно. Поэтому я еще раз спросил:

— Почему?

И продолжал:

— Ты что, в самом деле считаешь, что есть что-то привлекательное... в смерти? — Ее продолжающееся молчание не обескуражило меня, и я добавил: — Кажется, я тебя люблю.

Когда и на это не последовало ответа, я добавил еще:

— Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось. Я не позволю, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Она повернулась на бок, прижалась ко мне, спрятала лицо у меня на груди и произнесла:

— Обними меня.

В данном случае это был, пожалуй, лучший ответ, какого я мог ожидать.

* * *

Сильный дождь не перестал и к утру понедельника. Небо было темное, бурное, в тучах. Мне казалось, что я могу дотянуться до него рукой, просто встав на небольшую стремянку. Согласно прогнозу погоды, небо должно было проясниться не раньше чем во вторник. В девять утра отменили открытие, и начало ярмарки в графстве Йонтсдаун было перенесено на двадцать четыре часа. К половине десятого по всему Джибтауну-на-колесах резались в карты, собирались в кружки, вязали и жаловались друг другу на жизнь. Без четверти десять сумма убытка, вызванного дождем, была преувеличена до такой степени, что (судя по стенаниям) каждый владелец аттракциона и каждый зазывала стал бы нынче миллионером, если бы только погода-предательница не принесла вместо этого полное разорение. А без чего-то десять на карусели нашли мертвым Студня Джордана.

13

Ящерица на оконном стекле

Когда я вышел на аллею, сотня балаганщиков толпилась вокруг карусели. Со многими из них я уже встречался. Одни были в желтых дождевиках и бесформенных шляпах того же цвета, другие — в черных синтетических плащах и пластиковых косынках, в ботинках, сандалиях, галошах или в туфлях, а иные и вовсе босиком. Кое-кто накинул плащ прямо на пижаму. У доброй половины были зонты, но даже их разноцветье было бессильно придать собравшимся веселый вид. Кто-то был одет вообще не по погоде — выскочил в спешке на улицу, не веря кошмарному известию, не обращая внимания на грозу. Эти, сбившиеся в кучу, страдали от двух невзгод сразу — от сырости и от горя, — промокшие до костей, заляпанные грязью, они казались беженцами, сгрудившимися, чтобы перейти некую границу, нарушенную войной.

Сам я был в футболке, джинсах и ботинках, не успевших высохнуть с ночи. Когда я подошел к карусели, сильнее всего меня поразило и потрясло общее молчание. Никто не произносил ни слова. Никто. Ни единого слова. Их лица были залиты дождем и слезами. Боль была видна в мертвенно-бледных лицах и в запавших глазах. Все плакали, но беззвучно. Эта тишина яснее всего показывала, как сильно они любили Студня Джордана и какой невозможной казалась им сама мысль о его смерти. Они были так потрясены, что могли только молча стоять и размышлять, каким будет мир без него. Позже, когда шок пройдет, будут и рыдания в голос, и безудержные всхлипы, и истерика, и скорбные речи, и молитвы, и, быть может, даже гневные вопросы, обращенные к богу, но в этот момент их глубокое горе было словно вакуум, через который не могли пройти звуковые волны.

Они знали Студня лучше, чем я, но я не мог безучастно стоять на краю толпы. Я начал протискиваться сквозь стену скорбящих, бормоча: «Позвольте», «Простите», пока не добрался до приподнятой платформы карусели. Дождь затекал под красно-белую полосатую крышу, собирался в ручейки и стекал по медным шестам, забирая тепло у деревянных лошадок. Я пробирался мимо поднятых копыт и морд с нарисованными зубами, оскаленными в лошадиной улыбке, мимо раскрашенных эмалью крупов, навеки соединенных с седлами и стремянами, я целеустремленно двигался мимо стада, застывшего в своем бесконечном галопе, пока не добрался до того места, где скачка Студня Джордана пришла к ужасному концу среди этой вечно гарцующей круговерти.

Студень лежал на спине, на помосте карусели, между черным жеребцом и белой кобылой. Глаза его были удивленно открыты, словно он не ожидал оказаться лежащим посреди этого табуна, вставшего над ним на дыбы — словно эти лошади и затоптали его до смерти копытами. Его рот был открыт, как и у них, губы раздвинуты, один зуб — если не больше — сломан. Было такое впечатление, что всю нижнюю часть его лица закрывала красная ковбойская повязка, только повязка эта была из крови.

На нем был расстегнутый дождевик, белая рубашка и темно-серые слаксы. Правая штанина задралась почти до колена, открывая взгляду часть толстой белой икры. Правая нога была разута — недостающий мокасин намертво застрял в стремени, прочно соединенном с деревянным седлом на спине черного жеребца.

Возле трупа было три человека. Люк Бендинго, отвозивший нас в Йонтсдаун и обратно в прошлую пятницу, стоял у крупы белой кобылы, лицо его по цвету было точь-в-точь как ее морда. В его взгляде, брошенном на меня — глаза моргают, рот перекошен, — читались заикающееся горе и ярость, через секунду подавленные шоком. Рядом на коленях стоял мужчина, которого я раньше никогда не видел. Ему было лет шестьдесят, очень прилично одет, седой, седые усы аккуратно подстрижены. Он стоял возле тела Студня, держа в руках голову мертвеца, как знахарь, стремящийся вернуть здоровье больному. Он сотрясался от безмолвных рыданий, каждый горестный спазм выдавливал из него слезы. Третий был Джоэль Так. Он стоял на одну лошадь дальше от тех, прислонившись спиной к пегому коню и держась одной рукой за медный шест. На его бесформенном лице, казавшемся чем-то средним между кубистским портретом кисти Пикассо и воплощением одного из кошмаров Мэри Шелли, совершенно ясно читалось его состояние — потеря Студня Джордана опустошила его.

В отдалении завывали сирены. Вой становился все громче, громче и наконец со стоном смолк. Секунду спустя по проезду подружили два полицейских седана. Их мигалки вспыхивали и гасли в свинцово-сером свете. Когда они затормозили у карусели, когда я услышал звук открывающейся двери, я потянулся взглянуть на них и обнаружил, что трое из четырех прибывших к нам йонтсдаунских полицейских были гоблинами.

Я чувствовал на себе взгляд Джоэля, и когда я, в свою очередь, поглядел на него, меня выбила из колеи подозрительность, которую я прочел и на его искаженном лице, и в психической ауре, окружавшей его. Я думал, что гоблины-полицейские заинтересуют его так же, как и меня, и он действительно осторожно глядел на них, но в центре его внимания и подозрений по-прежнему находился я. Этот взгляд, к тому же прибытие гоблинов, да еще бешеный циклон страшных психических излучений, вихрями вздымавшихся от трупа, — со всем этим мне было не совладать, и я отошел.

Я прошел немного задами аллеи, стараясь уйти от карусели как можно дальше. Я шел под дождем, который то падал тяжелыми каплями, то превращался в сильнейший ливень. Я тонул — но не в воде, а в чувстве вины. Джоэль видел, как я убил человека в павильоне электромобилей, и решил, что я совершил это убийство потому, что, как и он, видел гоблина под человеческой глазурью. Но вот убит Студень, а в бедняге Тимоти Джордане не было никакого гоблина, и теперь Джоэль сомневался, не ошибся ли он во мне. Может быть, он начал склоняться к мысли, что, возможно, я и понятия не имел о гоблине, обитавшем в теле моей первой жертвы, и что я, наверное, просто убийца, законченный и незатейливый убийца, и теперь на мне лежит ответственность за еще одну жертву, на этот раз ни в чем не повинную. Но я не причинил вреда Студню, и не подозрения Джоэля Така отягощали мою душу чувством вины. Я считал себя виновным в том, что, зная о грозившей Студню беде — видение его залитого кровью лица, — я не предупредил его.

Я должен был суметь предвидеть, когда именно с ним случится беда, должен был предсказать точно, где, когда и как он встретит свою смерть, я должен был оказаться там, чтобы предотвратить это. Не важно, что мои психические способности ограничены, что ясновидческие образы и впечатления, которые приходят ко мне, обычно неясны и лишь приводят меня в смятение и что я почти — а чаще всего совсем — не могу контролировать

их. Не важно, что я не могу быть — и стать — спасителем всего этого проклятого мира и каждой проклятой бедной души. Не имеет значения. Все равно я должен был суметь предотвратить это. Я должен был спасти его.

Я должен был.

Я должен был.

* * *

Сборища картежников, кружки по вязанию — все в Джибтауне-на-колесах превратилось в поминальные собрания. Балаганщики старались помочь друг другу смириться со смертью Студня. Кое-кто до сих пор плакал. Некоторые молились. Но большинство рассказывали друг другу истории про Студня, потому что воспоминания были для них способом сохранить его живым. Они рассаживались кружком в гостинных трейлеров, и стоило одному закончить байку о щекастом «толкаче» — любителе игрушек, как его сосед добавлял что-то от себя, затем следующий, и так по несколько раз по кругу. Они даже смеялись, потому что Студень Джордан был занятым человеком и выдающейся личностью, и мало-помалу страшное уныние уступило место сладостной горечи и печали, а эта ноша все же легче. Во всех этих действиях чувствовался неуловимый формализм, почти бессознательный ритуал, согласно которому проходили их собрания, наводившие на мысль об их поразительном сходстве с еврейским обрядом «шивах» — сидячем поминовением. Если бы мне велели протянуть руки над чашей и полили бы на них воды, прежде чем допустить меня к входу, если бы мне протянули черную ермолку, чтобы покрыть голову, если бы все сидели на поминальных скамеечках, а не на диванах и креслах, я бы ничуть не удивился.

Несколько часов я бродил под дождем, время от времени заглядывал в тот или иной трейлер, принимая участие в «шивах», и повсюду узнавал кое-что новое. Сначала я выяснил, что седой щеголь, рыдавший утром над телом Студня, — Артуро Сомбра, единственный оставшийся в живых из братьев Сомбра, владелец ярмарки. Студень Джордан был его приемным сыном и после смерти старика должен был унаследовать ярмарку. Копы добавили страданий мистеру Сомбра — их действия были основаны на версии о нечистой игре и на том, что убийца — один из балаганщиков. К общему полнейшему изумлению, копы даже не заявляли, что Студня могли уничтожить потому, что его положение в фирме давало ему широкие возможности запустить руки в кассу и что он этой возможности не упускал. Они даже высказывали предположение, что убийца — сам мистер Сомбра, хотя для подобных подозрений не было мало-мальски обоснованного довода и ни одного довода, чтобы не задумываясь отвергнуть их. Они с пристрастием допрашивали старика, Дули Монету и всех, кто мог знать, грел ли Студень руки на деньгах. В своих расспросах они были так грубы и злобны, как только они умеют. Весь трейлерный городок кипел от возмущения.

Меня это не удивляло. Я был уверен, что копам и в голову бы не пришло всерьез выдвигать обвинение в убийстве против кого бы то ни было. Но трое из них были гоблинами. Они видели, как огромная толпа скорбно застыла возле карусели. Но они не просто насладились этим горем — оно разожгло их аппетит, им захотелось еще большего людского несчастья. Они не могли удержаться от того, чтобы добавить нам боли, подоить нас, выжимая последние капли отчаяния из Артуро Сомбра и всех остальных.

* * *

Позже пошел слух, что приезжал коронер из графства, осмотрел тело на месте преступления, задал несколько вопросов Артуро Сомбра и отверг возможность нечистой игры. Ко всеобщему облегчению, официальное заключение звучало как «гибель в результате несчастного случая». На ярмарке ни для кого не было тайной, что, когда Студень не мог заснуть, он иногда отправлялся на аллею, включал карусель (без музыки) и подолгу катался

на ней в полном одиночестве. Он обожал карусель. Это была самая большая из его заводных игрушек, слишком большая, однако, чтобы держать ее на полке в офисе. Обычно из-за своего размера Студень садился на какую-нибудь из искусно вырезанных и покрытых сложным узором скамей с подлокотниками, выточенными в форме русалок или морских коньков. Но бывало, что он взгромозждался на спину одной из лошадей, что, по-видимому, и произошло прошлой ночью. Может, его беспокоили убытки, которые могло принести ненастье, или он раздумывал о бедах, которые мог причинить шеф Лайсл Келско, — и, не в состоянии заснуть, пытаясь найти способ успокоить нервы, Студень вскарабкался на черного жеребца, уже заведя карусель, устроился в деревянном седле, ухватившись одной рукой за медный шест. Летний ветер трепал его волосы, когда он скользил по кругу в темноте, и единственными звуками вокруг были гром и стук дождя. Он, должно быть, улыбался, не отдавая себе отчета в этой детской радости, может быть, даже насвистывая от счастья, уютно устроившись в этой волшебной центрифуге. Она кружилась и отбрасывала прочь годы и заботы, и вскоре он начал чувствовать себя лучше и решил вернуться в постель. Но когда он стал слезать, правый ботинок застрял в стремях, и хотя ему удалось вытащить ногу из обуви, он упал. При падении, даже с такой небольшой высоты, он страшно разбил губы, выбил два зуба и сломал шею.

Так выглядело официальное заключение.

Смерть в результате несчастного случая.

Несчастный случай.

Дурацкая, смехотворная, нелепая смерть — но всего лишь несчастный случай.

Чушь собачья.

Я не знал, что именно произошло со Студнем Джорданом, но я точно знал, что его хладнокровно прикончил гоблин. Еще раньше, стоя над его телом, я сумел выделить из калейдоскопа образов и ощущений, нахлынувших на меня, три факта: первое, что он умер не на карусели, а в тени чертова колеса; второе, что гоблин нанес ему по меньшей мере три удара, сломал ему шею и отволлок к карусели с помощью других гоблинов. Несчастный случай был инсценирован.

Можно было сделать некоторые заключения, не боясь особенно ошибиться. Студень, будучи не в состоянии заснуть, очевидно, вышел прогуляться по ярмарке, в темноте, в грозу, и увидел что-то, чего не должен был видеть. Но что? Должно быть, он заметил чужаков, не из числа балаганщиков, и их подозрительную возню у чертова колеса и закричал на них, не зная, что это не обычные люди. Вместо того чтобы убежать, они напали на него.

Я сказал, что я ясно ощутил три вещи, пока стоял на карусели, глядя на бренную оболочку толстяка, покинутую обитателем. Третье оказалось для меня самым тяжелым. Это был очень сильный момент личного контакта со Студнем, проблеск в его сознание, из-за которого потеря чувствовалась еще острее. Ясновидческим чутьем я уловил его предсмертные мысли. Они удерживались возле трупа, ожидая, пока их прочтет кто-то вроде меня — обрывок психической энергии, точно лоскут, зацепившийся за изгородь колючей проволоки — границы между этим миром и вечностью. Когда угасала его жизнь, последняя его мысль была о наборе маленьких заводных медведей в меховых шубах — Папе, Маме и Маленьком Медвежонке, — которых ему подарила мама на день рождения в семь лет. Он так любил эти игрушки. Это были особенные игрушки, лучший подарок в то время, потому что всего за два месяца до этого дня рождения его отец был убит у него на глазах — сбит потерявшим управление автобусом в Балтиморе. И вот заводные медведи в конце концов создали почву для фантазии, в которой он так нуждался, и дали временное укрытие от мира, оказавшегося вдруг слишком холодным, слишком жестоким, слишком деспотичным, чтобы примириться с ним. И вот теперь, умирая, Студень думал — может быть, он и есть тот Маленький Медвежонок, он думал, соединится ли он там, куда направляется, с Мамой и Папой. И еще он боялся оказаться где-нибудь в темном и пустом месте совсем один.

Я не могу контролировать свои психические способности. Я не могу зажмурить свои Сумеречные Глаза и не глядеть на эти образы. Если бы я мог, о господи, я бы ни за что не

настроил себя на ощущение душераздирающего ужаса одиночества, переполнявшего Студня Джордана, когда тот упал в бездну. Этот ужас преследовал меня весь день — пока я бродил под дождем, заходил в трейлеры, где разговаривали о нашем «толкаче» и оплакивали его, стоял возле чертова колеса и проклинал демонов. Он преследовал меня еще долгие годы. И на самом деле, вплоть до сегодняшнего дня, когда сон не приходит ко мне или когда я бываю в особенно мрачном настроении, я порой, сам того не желая, вспоминаю, что чувствовал перед смертью Студень, и переживаю его ощущения так же живо, как если бы они были мои собственные. Но теперь я могу совладать с этим. После того, через что я прошел и что мне довелось увидеть, я могу совладать почти со всем. Но в тот день на ярмарочной площади графства Йонтсдаун... мне было только семнадцать.

* * *

В три часа дня в понедельник по трейлерному городу прокатилась весть, что тело Студня забрали в морг Йонтсдауна, где его кремируют. Урну с прахом вернут Артуро Сомбра либо завтра, либо в среду, и в среду вечером, после закрытия ярмарки, состоится погребение. Церемония будет проходить на карусели, потому что Студень ее очень любил, и, думаю, потому, что именно там он покинул этот мир.

* * *

В тот вечер мы с Райей Рэйнз ужинали вдвоем у нее в трейлере. Я приготовил салат из свежей зелени, а она — превосходный омлет с сыром. Но мы не слишком налегали на еду. Мы не были голодны.

Мы провели вечер в постели, но не занимались любовью. Мы сидели, обложившись подушками, и держались за руки — немного выпили, немного поцеловались, немного поболтали.

Райа не один раз всплакнула по Студню Джордану, и ее слезы удивили меня. Хотя у меня не было сомнений, что она способна чувствовать горе, я до сих пор видел ее плачущей, только когда она раздумывала о собственной загадочной боли. И даже тогда она плакала словно нехотя, как будто громадное внутреннее давление выжимало из нее слезы против ее воли. Все остальное время — за исключением, разумеется, обнаженного поединка страсти — она скрывалась под маской холодной, со сжатыми губами крутой девицы, делая вид, что ей наплевать на весь мир. Я чувствовал, что ее привязанность к остальным балаганщикам была куда сильнее и глубже, чем она позволяла себе думать. И ее теперешняя скорбь казалась подтверждением моих ощущений.

Я тоже проливал слезы днем, но сейчас глаза у меня были сухими. Я преодолел горе, и теперь меня переполняла холодная ярость. Я все еще оплакивал Студня, но сильнее скорби было желание отомстить за него. И я намеревался отомстить. Рано или поздно я убью несколько гоблинов с единственной целью — сравнять счет. Если мне повезет, мне в руки могут попасться те самые твари, что сломали шею Студню.

Кроме того, мои заботы переместились с мертвого на живую. Я остро ощущал, что мое видение смерти Райи может воплотиться так же неожиданно, как это произошло с пророчеством о кончине Студня. И эта вероятность была невыносимой. Я не мог — не должен, не посмею — позволить, чтобы ей был причинен какой бы то ни было вред, мы создавали связь, непохожую ни на одну, что я знал до того, и ни на одну, на какую мог бы рассчитывать в будущем. Если умрет Райа Рэйнз, умрет часть меня самого, и внутри меня возникнут выжженные пустоты — комнаты, в которые никогда больше нельзя будет войти.

Нужно было принять меры предосторожности. В те ночи, когда меня не будет у нее в трейлере, я буду без ее ведома вставать на пост прямо у ее дверей. Не все ли мне равно, где страдать от бессонницы — тут или где-нибудь еще? Кроме того, я буду еще настойчивее копать своим шестым чувством в поисках новых подробностей той пока что неясной угрозы,

которую припасло для нее грядущее. Если я смогу предсказать точный момент кризиса и сумею распознать источник опасности, я смогу защитить ее. Я не провороню ее, как проворонил Студня Джордана.

Может быть, Райа инстинктивно чувствовала, что нуждается в защите. Может, она к тому же чувствовала, что я намереваюсь быть там, где ей потребуется помощь, потому что ближе к ночи она начала делиться некоторыми секретами о своей жизни, и я почувствовал, что она рассказывает мне вещи, которых не рассказывала больше никому на ярмарке братьев Сомбра. Она пила больше, чем обычно. Хотя назвать ее пьяной было никак нельзя, я решил, что она пытается создать себе «пьяное» алиби — на утро, когда начнет всюю упрекать себя и сожалеть, что поведала мне о своем прошлом чересчур много.

— Мои родители были не балаганщиками, — сказала она таким тоном, что стало ясно: она хочет, чтобы я подбодрил и поддержал ее откровенность.

— А ты откуда? — поинтересовался я.

— Из Западной Виргинии. Мои родители жили в холмах Западной Виргинии. Мы жили в ветхой куче мусора среди холмов, где до ближайшей такой же ветхой кучи мусора было не меньше полумили. Ты представляешь себе, что такое жители холмов?

— Не вполне.

— Бедняки, — зло сказала она.

— Ну, в этом ничего постыдного нет.

— Бедняки, необразованные, не стремящиеся к образованию, невежественные. Скрытные, замкнутые, подозрительные, всегда настаивающие на своем, упрямые, узколобые. Некоторые из них — может, даже большинство — уже вырождаются. Двоюродные братья и сестры там очень часто женятся. И даже хуже того. Хуже того.

Чем дальше, тем меньше она нуждалась в уговорах и расспросах. Вскоре она поведала мне о своей матери, Мэрэли Суин. Мэрэли была четвертым из семи детей, родившихся у двоюродных брата и сестры, чей брак не был благословлен и узаконен ни священником, ни государством и существовал лишь в силу местной традиции. Все дети Суинов были миловидными, но один ребенок был умственно отсталым, а пятеро из остальных шести были туповаты. Мэрэли не посчастливилось стать той седьмой, но она была самой красивой из детей — блондинка, чьи волосы излучали сияние, с ясными зелеными глазами и пышными формами. Из-за этого все парни с холмов кругами ходили вокруг нее с тех пор, как ей стукнуло тринадцать. Еще задолго до того, как ее пышные прелести созрели, Мэрэли уже приобрела значительный сексуальный — вряд ли кто осмелился назвать его романтическим — опыт. В возрасте, когда большинство ее сверстниц только-только назначают первое в жизни свидание и не имеют четкого представления, что значит «пойти на все», Мэрэли уже потеряла счет парням с холмов, которые раздвигали ей ноги на различных постелях из травы, в ущельях, выстланных листьями, на ветхих матрасах на краю импровизированной помойки и на вонючих задних сиденьях автомобилей в какой-нибудь из коллекций разбитых тачек, которыми, видимо, страстно увлекаются жители холмов. Иногда она охотно принимала участие в сексе, иногда нет, но по большей части эта сторона дела совсем не занимала ее. Там, среди холмов, утрата невинности в столь нежном возрасте не была редкостью. Удивительно было только то, что она ухитрилась не забеременеть аж до четырнадцати лет.

В том районе Аппалачских гор вся эта деревенщина с холмов на власть закона и на мораль приличного общества смотрела свысока, а то и вовсе их не замечала. Однако, в отличие от балаганщиков, обитатели этих отдаленных ущелий не сотворили своих собственных правил и устоев вместо тех, которые они отвергали. В американской литературе существует традиция повествования о «благородном дикаре», и культура наша притворяется, будто верит, что жизнь, протекающая на лоне природы, вдали от пороков цивилизации, — более здоровая и мудрая, чем та, которую влачит большинство из нас. На самом деле чаще происходит обратное. Когда человек удаляется от цивилизации, он быстро освобождается от не важных для него ловушек современного общества — роскошных машин, изысканных жилищ, одежд, от того-то и того-то, от вечеров, проводимых в театре, от концертов — и,

может быть, не так уж безосновательны слова о преимуществах простой жизни. Но если человек уж слишком удаляется от цивилизации и слишком долго остается вдали от нее, он освобождается и от многих запретов, налагаемых церковью и обществом, которые далеко не всегда так глупы, бессмысленны или недальновидны, как с недавних пор стало модно заявлять. Напротив, многие из этих запретов крайне необходимы, так как содержат то, без чего невозможно выжить и что с течением времени приводит к появлению более образованного и сытого, более благополучного общества. Дикая глушь — дика и пробуждает дикость. Это плодородная почва для жестокости.

В четырнадцать лет Мэрэли забеременела. Она была неграмотна, необразованна, и получить образование ей не светило. У нее не было ни выбора, ни достаточного воображения, чтобы опасаться за свое будущее, и она слишком туго соображала, чтобы полностью осознать тот факт, что отныне вся ее жизнь будет долгим, тяжким падением в ужасную бездну. С тупым коровьим спокойствием и уверенностью она ждала, что возникнет кто-то, кто позаботится о ней и о ребенке. Ребенком этим была Райа, и еще до ее рождения некто и в самом деле предложил взять на себя заботу о честном имени Мэрэли Суин, тем самым, должно быть, подтвердив, что у беременных деревенских дур, как и у пьяниц, свой бог. Сего благородного господина, жаждущего получить руку Мэрэли Суин, звали Эбнером Кэди. Было ему тридцать восемь лет — на двадцать четыре года больше, чем ей. Росту он был шести футов и пяти дюймов, весил двести сорок фунтов, шею имел такую же толстую, как и голову, и был самым страшным человеком в округе где наводящих страх мужланов водилось в изобилии.

Эбнер Кэди зарабатывал на жизнь тем, что гнал самогон, выращивал псов для охоты на енотов да время от времени промышлял то мелким воровством, то крупным, как придется. Пару раз в год он с компанией дружков угонял с государственного шоссе грузовик, отдавая предпочтение тем, в которых перевозили сигареты, виски либо другой груз, на котором можно было славно заработать. Они сбывали краденое одному барыге в Кларусбурге. Занимаясь они этим активнее, они либо разбогатели бы, либо загремели бы в тюрьму, но амбиций у них было не больше чем совести. Кэди был не только самогонщиком, горлопаном, задирой и вором, иногда он баловался и насилием — брат женщину силой, когда хотел добавить сексу вкуса, подвергая себя опасности. Но путешествие в казенный дом ему по-настоящему не грозило — ни у кого не доставало духу давать показания против него.

Для Мэрэли Суин Эбнер Кэди был просто находкой. У него был дом из четырех комнат — не намного крупнее остальных лачуг, зато с водопроводом, и никто из его семьи никогда не испытывал нужды в виски, еде или одежде. Если Эбнер не мог украсть то, что ему надо, он ухитрялся украсть это как-нибудь по-другому, а среди холмов это было признаком добытчика.

Он хорошо относился и к Мэрэли — по крайней мере, настолько хорошо, насколько вообще был способен. Он не любил ее. Он не мог любить. Хотя он порой и страдал ее, но рук не распускал, главным образом потому, что гордился ее красотой и бесконечно восхищался ее телом. А его гордость — или возбуждение — не могла быть направлена на подпорченный товар.

— Кроме того, — пояснила Райа, чей голос превратился в загнанный шепот, — он не желал испортить свою маленькую машину развлечений. Он ее так называл — «моя маленькая машина развлечений».

Я почувствовал, что слова «машина развлечений» в устах Эбнера Кэди вовсе не означали, что ему было хорошо заниматься сексом с Мэрэли. Они означали нечто иное, нечто темное. Что бы это ни было, Райа не могла рассказывать об этом, пока я не подбодрю ее — хотя, как я ощущал, ей страстно хотелось скинуть с себя это бремя. Поэтому я плеснул ей еще выпить, взял ее за руку и с ласковыми словами провел через это минное поле ее памяти.

На ее глазах опять заблестели слезы, и на сей раз она оплакивала не Студня, а себя. К себе она была строже, чем к кому бы то ни было, и не позволяла себе обычных человеческих слабостей вроде жалости к себе. Поэтому она сморгнула эти слезы, не задумываясь о том,

какой эмоциональный стресс, какое смятение вымыли бы они из нее, дай она только им пролиться. Когда она заговорила, в голосе звучала ненависть, слова отрывисто вылетали из уст:

— Он имел в виду... что она... машина... по производству... детей... и что дети... это развлечение. Особенно... особенно... девочки.

Я знал, что она берет меня с собой не просто пройти вслед за Гензелем и Гретель по лесу, где живут ведьмы и привидения. Он вела меня в куда более страшное место, в кошмарные воспоминания ужасных лет детства, и я не был уверен, что хочу идти туда с ней. Я любил ее. Я знал, что смерть Студня не только опечалила, но и напугала ее, напомнила о том, что и она смертна. И ей захотелось сокровенного душевного контакта, контакта, которого она не достигнет до конца, пока не сломает барьер, воздвигнутый ею между собой и остальным миром. Она хотела, чтобы я выслушал ее, заставил ее рассказать, понял ее. Я хотел пойти туда ради нее. Но я боялся, что ее тайны... ну, что они живые и голодные и что они раскроются только в обмен на кусок моей собственной души. Я выдавил:

— О господи... нет.

— Маленькие девочки, — повторила она, не глядя ни на меня, ни на что другое в комнате, устремив взор назад по спирали времени с явным страхом и отвращением. — Не то чтобы он не обращал внимания на моих сводных братьев. Он им тоже находил применение. Но он предпочитал девочек. Моя мать родила ему четырех детей к тому времени, когда мне исполнилось одиннадцать, двух девочек и двух мальчиков. Сколько я себя помню... думаю, с тех пор, как мне исполнилось три года... он...

— Прикасался к тебе, — невнятно пробормотал я.

— Имел меня, — закончила она.

Мертвым, отрешенным голосом она рассказывала о тех годах, полных страха, жестокости и гнуснейшего растления. От этого рассказа у меня все внутри заледенело и почернело.

— Это все, что я помню, что я знала с тех пор, как была ребенком... быть с ним... делать, что он хочет... прикасаться к нему... быть в постели вместе с ними обоими... с матерью и с ним... когда они этим занимались. Я должна была думать, что это нормально, понимаешь? Я не должна была узнать ничего лучше, чем это. Я должна была думать, что так делается в каждой семье... но я так не думала. Я знала, что это неправильно... мерзко... и я это ненавидела. Я это ненавидела!

Я обнял ее.

Стал баюкать на руках.

Она по-прежнему не позволяла себе плакать.

— Я ненавидела Эбнера. О боже мой... ты представить себе не можешь, как я его ненавидела, каждым вздохом, каждую секунду, без передышки. Ты не знаешь, каково это — ненавидеть так сильно.

Я подумал о чувствах, которые испытывал по отношению к гоблинам, и спросил себя, может ли это сравниться с ненавистью, рожденной и взращенной в этой адской яме, в этой четырехкомнатной лачуге в Аппалачах. Пожалуй, она была права — мне не довелось познать такой чистой ненависти, о которой говорила она. Ведь она была слабым ребенком, неспособным к сопротивлению, и у ее ненависти было куда больше времени, чем у моей, чтобы вырасти и усилиться.

— Но потом... когда я выбралась оттуда... когда уже прошло время... я начала ненавидеть мать еще сильнее, чем его. Она же была мне матерью. Почему я не была для нее н-н-не-прикосновенная? Как она могла... допустить... чтобы меня... так использовали?

Я не нашел ответа.

Бога тут обвинять было невозможно. Большую часть времени нам не нужен был ни он, ни гоблины. Что вы, право, не стоит беспокоиться, мы и сами, без божественной или демонической помощи сумеем уничтожить друг друга.

— Она была такая красивая, знаешь, вовсе не развратная с виду, очень нежная, и я

думала, что она, наверное, ангел, потому что так, должно быть, выглядят ангелы, и она... светилась. Но мало-помалу я начала понимать, что она за зло. Отчасти потому, что она была невежественна и неумна. Она была тупая, Слим. Тупая деревенщина, плод брака между двоюродными братом и сестрой, которые тоже, наверное, родились от двоюродных брата и сестры, так что это чудо, что я не родилась на свет дегенераткой или трехруким уродом, которому дорога только в балаган Джоэля Така. Но не родилась. И не пошла по этой дороге — плодить детей для Эбнера, чтобы он приставал к ним. Во-первых, из-за... из-за того, что он со мной делал... я не могу иметь детей. А во-вторых, когда мне было одиннадцать лет, я наконец-то выбралась оттуда.

— В одиннадцать лет? Каким образом?

— Я убила его.

— Славно, — мягко сказал я.

— Когда он спал.

— Славно.

— Я всадила ему в глотку нож мясника.

Я держал ее в объятиях почти десять минут, и все это время никто из нас не произнес ни слова, не потянулся за выпивкой. Мы не делали ничего, мы просто были там.

Наконец я сказал:

— Мне так жалко.

— Не надо.

— Таким беспомощным себя чувствую.

— Прошлого ты не изменишь, — сказала она.

«Нет, — подумал я, — но иногда я в состоянии изменить будущее, предвидеть опасности и избегать их и молю бога, чтобы оказаться рядом, когда буду нужен тебе, нужен, как никто еще не был тебе нужен».

Она произнесла:

— Я прежде никогда...

— Никому другому не говорила?

— Никогда.

— Умрет со мной.

— Я знаю. Но почему... я рассказала именно тебе?

— Просто я оказался в нужную минуту под рукой, — пояснил я.

— Нет. Не в этом дело.

— А в чем же?

— Я не знаю, — ответила Райа. Отклонившись от меня, она подняла глаза и заглянула в мои. — В тебе есть что-то необычное, что-то особенное.

— Да ну, брось ты, — неловко пробормотал я.

— У тебя такие красивые и необычные глаза. Из-за них я себя чувствую... в безопасности. В тебе есть такое... спокойствие. Нет, не то чтобы спокойствие... у тебя тоже не все ладно. Сила. В тебе чувствуется большая сила. И ты такой понятливый. Но это даже не сила, не понятливость, не сочувствие. Это... что-то особенное... что я не могу определить.

— Ты меня смущаешь, — сказал я.

— Сколько тебе лет, Слим Маккензи?

— Я же тебе говорил... семнадцать.

— Нет.

— Как нет?

— Старше.

— Семнадцать.

— Скажи мне правду.

— Ну так и быть. Семнадцать лет и шесть месяцев.

— Если будем прибавлять каждый раз по полгода, всю ночь потратим, пока докопаемся до истины. Лучше я тебе сама скажу, сколько тебе лет. Судя по твоей силе, спокойствию, по

твоим глазам... я бы сказала, что тебе сто лет... сто лет опыта.

— В сентябре сто один стукнет, — с улыбкой сказал я.

— Расскажи мне свой секрет, — попросила она.

— У меня нет секретов.

— Ну, валяй. Расскажи.

— Я просто бродяга, перекаати-поле, — сказал я. — Тебе хочется, чтобы я был чем-то большим, чем на самом деле, потому что нам всем всегда хочется, чтобы все было лучше, благороднее и интереснее, чем оно есть. Но я — это просто я.

— Слим Маккензи.

— Вот именно, — солгал я. Я не знаю, почему не хотел открыться ей, как она открылась мне. Я действительно, как и сказал ей, был смущен, но вовсе не ее словами. Мой стыд был вызван тем, что я так скоро обманул ее. — Слим Маккензи. И никаких скрытых омутов тайны. Даже на самом деле скучный. Но ты не закончила. Что произошло после того, как ты его убила?

Тишина. Она не хотела возвращаться к воспоминаниям тех лет. Но вот:

— Мне было всего одиннадцать, поэтому я не попала за решетку. На самом деле, когда власти узнали, что происходило в той конуре, они сказали, что жертвой была я.

— Ты и вправду была жертвой.

— Они забрали у матери всех детей. Нас всех разделили. Я больше никого из них не видела. А меня поместили в государственный детдом.

Внезапно я ощутил, что она скрывает еще одну ужасную тайну. С уверенностью ясновидящего я понял, что в детдоме с ней произошло нечто по меньшей мере такое же страшное, как и Эбнер Кэди.

— И?.. — спросил я.

Она отвела взгляд, потянувшись к ночному столику за спиртным и продолжала:

— И оттуда я сбежала, когда мне было четырнадцать. Но я выглядела старше. Я рано созрела, как моя мать. Так что у меня не возникло проблем, когда я прибилась к ярмарке. Сменила фамилию на Рэйнз¹, потому что... ну, я всегда любила дождь, любила смотреть на него, слушать его... В общем, я тут уже давно.

— Строишь империю.

— Ага. Чтобы чувствовать, что я чего-то стою.

— Ты многого стоишь, — заверил я ее.

— Я не имею в виду только деньги.

— Я тоже.

— Хотя деньги тоже. Потому что с тех пор, как я стала самостоятельной, я поставила себе цель никогда не быть... мусором, никогда не опуститься снова... Я собираюсь построить маленькую империю, ты верно сказал... и я намерена всегда быть кем-то.

Легко было представить себе, как маленькая девочка, на долю которой выпало пережить такое надругательство, могла вырасти с мыслью, что ничего не стоит, и как успешно эта мысль переросла в навязчивую идею. Я вполне понимал это, и я не мог винить ее за то, что она стала такой целеустремленной и бесцеремонной деловой дамой. Не направляй она свою ярость на эти усилия, уменьшая тем самым давление, ее бы рано или поздно разнесло на куски.

Я преклонялся и трепетал перед ее силой.

Но она по-прежнему не позволяла себе пожалеть себя, поплакать о себе.

И еще она скрывала правду о детдоме, делая вид, что эти несколько лет были совершенным пустяком.

Но я не стал настаивать, чтобы она рассказала всю правду. Во-первых, я знал, что рано или поздно она и так мне все расскажет. Дверь открылась, и уже ничто не сможет закрыть ее обратно. Кроме того, я уже услышал достаточно, даже чересчур много для одного дня. От тяжести этого нового знания я ослабел и почувствовал себя дурно.

---

¹ Рэйнз — дождь (англ.). (Примеч. пер.)

Мы выпили.
Поговорили о другом.
Еще выпили.
Потушили свет и легли, не в силах заснуть.
Через некоторое время мы все же заснули.
И нам снился сон.
Кладбище...

Посреди ночи она разбудила меня, чтобы заняться со мной любовью. Это было так же здорово, как и прежде, и когда мы насытились, я не удержался и спросил, как это после перенесенного надругательства она может находить в этом такое удовольствие.

Она ответила:

— Другая, может, на моем месте стала бы фригидной... или пустилась бы во все тяжкие. Я не знаю, почему это не произошло со мной. Разве что... ну... если бы я пошла по любому из этих путей, это означало бы, что Эбнер Кэди победил, что он сломал меня. Понимаешь? Но меня никогда не сломать. Никогда. Согнусь, но не сломаюсь. Выживу. И не сдамся. Я стану самым преуспевающим концессионером на этой ярмарке, и придет день, когда вся она будет моей. Будет, черт возьми! Вот увидишь, будет. Это моя цель, но не вздумай кому проговориться. Я на все, что потребуется, пойду, буду работать так, как понадобится, на любой риск пойду, если надо, но я завладею всем этим, и вот тогда я буду кем-то, и не важно будет, откуда я и что со мной произошло в детстве. Не важно будет, что я не знала отца и что мать меня не любила, потому что к тому времени это уйдет от меня, уйдет и я забуду, как забыла свой деревенский акцент. Вот увидишь. Увидишь. Просто жди, и увидишь.

Как я уже сказал в начале моего повествования, надежда — вечный спутник в этой жизни. Это единственная вещь, отобрать которую у нас не в силах ни жестокая природа, ни бог, ни другие люди. Здоровье, богатство, родители, любимые братья и сестры, дети, друзья, прошлое, будущее — все это можно украсть у нас с такой же легкостью, как кошелек из заднего кармана. Но наше главное сокровище, надежда, остается с нами. Этот отважный маленький моторчик тарыхтит и стучит в нас и ведет нас вперед, когда разум советует отступать. Это самое возвышенное и самое благородное из того, чем мы обладаем, самое абсурдное и самое восхитительное из наших качеств. Потому что, пока у нас есть надежда, у нас есть способность любить, заботиться и быть порядочными людьми.

Тем временем Райа снова заснула.

Я же не мог заснуть.

Студень был мертв. Мой отец был мертв. Вскоре и Райа может оказаться мертва, если я не сумею предвидеть, в чем именно заключается надвигающаяся опасность, и не смогу отвести ее от Райи.

Я встал в темноте, подошел к окну и отодвинул занавеску как раз в тот момент, когда одна за другой несколько молний — не такие яростные, как те, что раскалывали небо прошлой ночью, но все же очень яркие — выбелили все за окном, отчего стекло превратилось в трепещущее зеркало. Мое бледное отражение задрожало, точно пламя. Это напоминало киношную технику прежних лет, когда режиссер хотел показать течение времени. Изображение то затемнялось, то прояснялось, и каждый раз у меня возникало ощущение, что я сбрасываю годы, как будто у меня забирали не то прошлое, не то будущее, но что именно, я не мог сказать.

Глядя, как молнии разрывают небо, глядя на свое отражение-призрак, я вдруг почувствовал вспышку непонятного страха, вероятно, из-за усталости и печати у меня появилось странное ощущение, что только я существую на самом деле, что я заключаю в себе все мироздание и что все и вся прочее — лишь плод моего воображения. Но затем, когда погасла последняя вспышка молнии и стекло снова стало прозрачным, мое внимание привлекло что-то, прицепившееся с той стороны к промытому дождем окну, и это отвлекло меня от философствования. Это была маленькая ящерица, хамелеон. Благодаря присоскам на пальцах она уверенно держалась за оконное стекло. Ее пузико было открыто моему взгляду,

длинный тонкий хвост изгибался книзу в форме вопросительного знака. Она была там все время, что я видел только собственное отражение. Эта мысль неожиданно пришла мне в голову, напомнив о том, как мало мы видим из того, на что смотрим, довольствуясь лишь поверхностью, — может, потому, что пугаемся заглянуть в куда более сложные глубины. Сейчас, за хамелеоном, я видел струи дождя, вспыхивающие серебром всякий раз, когда далекая молния отражалась блеском в мириадах тяжелых капель, а за дождем был соседний трейлер, а за ним — еще трейлеры, а за ними невидимая ярмарка, а за ярмаркой — город Йонтсдаун, а за Йонтсдауном... вечность.

Райа что-то пробормотала во сне.

В темноте, с тоской в душе я вернулся к постели.

Ее силуэт смутно угадывался под покрывалом.

Я постоял рядом, глядя на нее.

Я вспомнил вопрос, который задал мне Джоэль Так в Шоквилле, в ту пятницу, когда мы разговаривали о Райе: «Такая сногшибательная красота снаружи, и красота внутри тоже, тут мы с тобой единомышленники... а не может ли быть так, что есть еще одно „внутри“, под тем „внутри“, которое ты видишь?»

До сегодняшней ночи, когда Райа открылась мне и посвятила меня в кошмар своего детства, я видел ее так же, как сейчас себя на оконном стекле — портрет, начертанный молниями. Теперь я заглянул глубже, и силен был соблазн решить, что я наконец-то увидел эту женщину целиком и полностью, как она есть, во всех ипостасях, но на самом деле та Райа, которую я знал теперь, была лишь чуть более подробной тенью истинной Райи. Я наконец-то проник взглядом под ее поверхность, поглядел на следующий слой, на ящерицу на оконном стекле, но дальше шли еще и еще слои — без счета, и я ощущал, что не смогу спасти Райю Рэйнз, пока не проникну достаточно глубоко в ее тайну, извивающуюся внутри нее, как раковина наутилуса, виток за витком, почти до бесконечности. Она снова забормотала.

— Могилы, — сказала она. — Да, множество... могил...

Она захныкала.

— Слим... о... Слим, нет... — бормотала она. Ее ноги задвигались под покрывалом, словно она бежала.

— ...нет... нет...

Ее сон, мой сон.

Каким образом нам мог сниться один и тот же сон?

И почему? Что он означает?

Я стоял над нею. Стоило мне закрыть глаза, как я видел кладбище. Но я мог пережить этот кошмар спокойно, в то время как она мучительно пробиравась сквозь него. Я напряженно ожидал, не проснется ли она с задущенным криком. Мне хотелось знать, поймал ли я ее э ее сне и разорвал ли ее горло так же, как сделал это в своем сне.

Если эта деталь совпадает, значит, это больше чем случайное совпадение. Это должно иметь какой-то смысл. Если и ее сон, и мой заканчивались на том, что мои зубы впиваются в ее плоть и брызжет кровь, тогда самое лучшее, что я могу для нее сделать, — это оставить ее, прямо сейчас, уйти как можно дальше и никогда не видеть ее.

Но она не закричала. Сон-паника прошел. Она перестала дергать ногами, дыхание стало ритмичным и спокойным.

Снаружи дождь и ветер пели погребальную песнь по мертвым и по живым, что цепляются за надежду в кладбищенском мире.

Во вторник утром небо было без солнца, далекая гроза без молний, дождь без ветра. Он лил отвесно и сильно, словно истощая небо. Фунты, центнеры и тонны воды падали вниз,

ломаю траву, устало вздыхая над крышами трейлеров, обрушиваясь на скаты крыш палаток и лениво стекая на землю, где засыпали в лужах. Текло с чертова колеса, капало с «бомбардировщика».

И снова открытие ярмарки графства Йонтсдаун отменили. Его перенесли еще на двадцать четыре часа.

Райа не так сильно раскаивалась в признаниях, сделанных той ночью, как я ожидал от нее. За завтраком улыбка появлялась у нее чаще, чем у той Райи, которую мне довелось узнать на предыдущей неделе. Она настолько увлеклась нежностями и маленькими знаками внимания, что, оказавшись поблизости кто посторонний, чтобы поглядеть на это, ее репутация твердокаменной стервы была бы навеки уничтожена.

Позднее, когда мы отправились к кое-кому из балаганщиков поглядеть, как они проводят время, она была больше похожа на Райю, которую знали они: отстраненно-холодную. Впрочем, если бы даже она вела себя с ними так же, как со мной, когда мы были наедине, не думаю, что они бы заметили эту перемену. Над Джибтауном-на-колесах лежала пелена, тусклое удушающее одеяние уныния, сотканное из монотонного стука дождя, из убытков, которые принесла непогода, но главным образом из сознания того, что всего день прошел со смерти Студня Джордана. Они до сих пор сильно переживали эту трагическую потерю.

Навестив трейлеры Лорасов, Фрадзелли и Кэтшэнков, мы в конце концов решили провести этот день вместе, просто побыть вдвоем, а затем, на пути обратно к «Эйрстриму» Райи, мы приняли еще более важное решение. Она вдруг встала как вкопанная и схватила меня за руку, в которой я держал зонт, обеими руками, холодными, как ледышки, из-за дождя.

— Слим! — сказала она, и глаза ее сияли ярче, чем у кого бы то ни было.

— Что? — отозвался я.

Она сказала:

— Пошли в трейлер, где тебе выделили койку, соберем твои вещи и перетащим их ко мне.

— Ты шутишь, — ответил я, моля бога, чтобы это не было шуткой.

— Только не говори мне, — сказала она, — что ты этого не хочешь.

— Ладно, не скажу, — ответил я.

— Эй, это, знаешь ли, не босс твой с тобой говорит, — нахмурившись, заявила она.

— У меня и в мыслях такого не было, — ответил я на это.

— Это твоя девушка говорит, — сказала она.

— Я просто хочу быть уверенным, что ты над этим подумала, — ответил я.

— Подумала.

— А мне показалось, что тебе только-только эта мысль в голову стукнула.

— Это я старалась, чтобы так все выглядело, глупый. Не хочу, чтобы ты обо мне думал как о расчетливой женщине, — сказала она.

— Хотел удостовериться, что ты не делаешь необдуманный шаг, — заявил я. На что она ответила:

— Райа, Райа Рэйнз, никогда не совершит ничего необдуманного.

— Похоже на правду, а? — сказал я.

Так вот просто, через пятнадцать минут мы уже жили вместе.

Всю вторую половину дня мы провели в узенькой кухоньке «Эйрстрима» за приготовлением булочек — четыре дюжины с арахисовым маслом и шесть дюжин с шоколадным, и это был один из лучших дней в моей жизни. Ароматы, от которых слюнки текли, церемониальное облизывание ложки после того, как намазана очередная партия, шутки, поддразнивания, совместная работа — все это воскрешало в памяти такие же дни на кухне в доме Станфеуссов в Орегоне, с матерью и сестрами. Но тут было даже лучше. В Орегоне такие дни радовали меня, но я никогда не осознавал до конца их значимость, поскольку был слишком молод, чтобы понять, что это — золотой период моей жизни, слишком молод, чтобы знать, что всему приходит конец. Надо мной больше не довели

детские иллюзии неизменности и бессмертия, я уже начал думать, что никогда больше мне не придется испытывать простые радости нормальной семейной жизни. Вот поэтому эти часы на кухне вместе с Райей воспринимались мною с такой остротой, со сладостной болью в груди.

Обедали мы тоже вместе, а после обеда слушали радио: «ВБЗ» из Бостона, «КДКА» из Питсбурга, Дика Бьонди, корчившего из себя дурака в Чикаго. Передавали основные песни тех лет: «Он так красив» в исполнении «Чиффонз», «Ритм дождя» — «Каскейдз», «Дрифтерз» — «На крышу», «Дует ветер» Питера, Пола и Мэри и их же «Пуфф» («Волшебный дракон»), «Сахарную лачугу», «Лимбо Рок», «Рок вокруг часов» и «Мой дружок вернулся», мелодии Лесли Гора, «Фор сизонз», Бобби Дэрина, «Чентэйз», Рэя Чарлза, Литтл Ив, Дайона, Чабби Чекера, «Шайреллз», Роя Орбисона, Сэма Куки, Бобби Льюиса, Элвиса и еще Элвиса — и если вы думаете, что тот год был неподходящим для музыки, значит, черт возьми, вас там и близко не было.

Мы не занимались любовью в ту ночь, первую ночь нашей совместной жизни, но и без этого нам было очень хорошо. Ничто не могло бы улучшить этот вечер. Мы никогда не были так близки, даже когда — плоть к плоти — отдавали себя друг другу целиком. Хотя она больше не открывала своих секретов, а я продолжал делать вид, будто я просто бродяга, восхищенный и обрадованный тем, что нашел дом и любовь, нам все равно было хорошо — возможно, потому, что мы хранили секреты в уме, а не в сердце.

В одиннадцать дождь перестал. Он вдруг ослабел — шум превратился в барабанную дробь, барабанная дробь в нестройное кап-кап, точно так же, как все началось два дня назад, и наконец совсем прекратился, и в ночной тишине с земли поднимался пар. Я стоял у окна спальни, глядя в темную мглу, и мне казалось, что гроза не только промыла мир, но вымыла что-то и из меня. Но на самом деле на мою душу пролилась дождем Райа Рэйнз, и этот дождь смыл мое одиночество.

* * *

Среди алебастровых плит на холме в городе мертвецов я схватил ее, развернул лицом к себе. В ее глазах стоял дикий страх, меня переполняли боль и жалость, но ее горло было открыто, и я потянулся к нему, невзирая на сожаление, почувствовал, как мои зубы касаются нежной кожи...

Я рванулся головой вперед прочь из сна, прежде чем почувствую во рту вкус ее крови. Я обнаружил, что сижу в кровати, закрыв лицо ладонями, словно она может проснуться и каким-то образом, даже в темноте, прочесть все на моем лице, узнав, какую жестокость я чуть было не сотворил с нею во сне.

И тут, к моему огромному изумлению, я ощутил, что возле кровати во мраке кто-то стоит. У меня перехватило дух, все еще находясь под впечатлением ужасов из кошмарного сна, я отнял руки от лица, выставил их перед собой, как бы защищаясь, и откинулся к спинке кровати.

— Слим?

Это была Райа. Она стояла возле кровати, глядя на меня, хотя под покровом черноты я был виден ей не больше чем она мне. Она наблюдала, как я преследую ее двойника во сне — среди кладбищенского ландшафта — точно так же, как я наблюдал за ней накануне ночью.

— А, это ты, Райа, — с трудом пробормотал я, переводя дыхание, сжимавшее грудь. Сердце у меня колотилось.

— Что стряслось? — спросила она.

— Сон.

— Что за сон?

— Дурной.

— Эти твои гоблины?

— Нет.

— Мое... кладбище?

Я ничего не ответил.

Она присела на край кровати.

— Это было оно? — спросила она.

— Да. Как ты узнала?

— Ты разговаривал во сне.

Я посмотрел на светящийся циферблат часов. Полчетвертого.

— А я была в этом сне? — спросила она.

— Да.

Она издала звук, который я никак не смог истолковать.

Я сказал:

— Я гнался за...

— Нет! — быстро оборвала она. — Не говори мне. Это не важно. Не хочу больше ничего слушать. Это все не важно. Совершенно не важно.

Но было очевидно, что она не сомневается — это важно, что она лучше понимает наш общий кошмарный сон, чем я, и что она точно знает, в чем смысл такого странного совпадения кошмаров.

А может, поскольку покровы сна еще не спали с меня и обрывки сновидений до сих пор не отпускали меня, я неверно понял ход ее мыслей и увидел тайну там, где ее и не было вовсе. Может быть, она не желала обсуждать это именно потому, что боялась, а не потому, что уловила пугающий смысл такого совпадения.

Когда я вновь попытался заговорить, она шикнула на меня и скользнула в мои объятия. Никогда раньше она не была такой страстной, такой нежной, такой податливой, с таким сладостным искусством пробуждая во мне ответное чувство, но мне показалось, что в ее любовном порыве я разгадал нечто новое, тревожное — тихое отчаяние, как будто в любовном акте она искала не только наслаждения и близости, но и стремилась обрести забвение, убежище от какого-то темного знания, которое было ей не по силам.

* * *

В среду утром ветер прогнал тучи, и на смену им принес голубое небо, ворон, малиновок, воронов и мелких птах. Из земли до сих пор шел пар, как будто прямо под тонкой земной корой всю работу выполнял, двигая поршнями и нагреваясь от трения, некий могучий механизм. На аллее под сияющим августовским солнцем просыхали опилки и стружки. Балаганщики всей бригадой вывалили наружу — высматривали, что повредила гроза, наводили блеск на хром и латунь, приводили в порядок провисшие палатки, рассуждали о «денежной погодке», а погодка и в самом деле была «денежной».

За час до открытия ярмарки я нашел Джозеля Така позади палатки, где размещался Шоквилль. На нем были ботинки лесоруба и заправленные в голенища рабочие брюки, толстая красная рубашка, рукава которой были засучены на массивных руках. Он вбивал поглубже во влажную землю колья палатки. Хотя он размахивал молотком, а не топором, все равно он производил впечатление мутанта Пола Баниона.

— Мне надо с тобой поговорить, — сказал я.

— Я слышал, ты поменял адрес, — заметил он, опуская кувалду на длинной ручке.

Я моргнул:

— Что, так быстро все узнали?

— О чем тебе надо со мной поговорить? — спросил он без явной враждебности, но холодно, чего раньше я за ним не замечал.

— Во-первых, о павильоне электромобилей.

— А что там случилось?

— Я знаю, что ты видел, что там было.

— Что-то я не догоняю.

— В ту ночь ты меня достаточно догнал.

Его искаженные черты и непроницаемое выражение делали его лицо похожим на керамическую маску, разбитую и склеенную пьяницей во время попойки.

Когда он ничего не сказал, я продолжил:

— Ты зарыл его под полом своей палатки.

— Кого?

— Гоблина.

— Гоблина?

— Так их называю я — гоблинами. Возможно, у тебя для них есть другое имя. В словаре написано, что гоблин — это «вымышленное создание, в некоторых мифологиях — демон, с гротескными чертами, творящий людям зло». Для меня этого достаточно. Ты, черт возьми, зови их как тебе угодно. Я знаю — ты их видишь.

— В самом деле вижу? Гоблинов?

— Я хочу, чтобы ты понял три вещи. Первое, я их ненавижу и намерен убивать их всегда, когда позволит случай и когда буду уверен, что не вызову подозрений. Второе, они убили Студня Джордана, потому что он наткнулся на них, когда они пытались подстроить аварию на чертовом колесе. Третье, они не отступят; они вернуться, чтобы доделать работу на колесе, и если мы их не остановим, на этой неделе там может произойти что-то ужасное.

— Это правда?

— Ты знаешь, что правда. Ты сам оставил билет на чертовое колесо у меня в спальне.

— Я оставил?

— Ради бога, нет смысла так осторожничать со мной, — нетерпеливо сказал я. — Мы оба обладаем силой. Мы должны быть союзниками!

Он приподнял бровь, и оранжевому глазу пришлось прищуриться, чтобы уступить место для изумленного взгляда в нижних глазах.

Я продолжал:

— Из всех прорицателей, гадалок по руке, из всех экстрасенсов, кого я знал на других ярмарках, ты первый человек, вправду обладающий чем-то особенным.

— Что, правда?

— И ты единственный, кого я когда-либо знал, кто видит гоблинов так же, как и я.

— Что, правда?

— Ты должен.

— Я должен?

— О господи, ты способен разозлить.

— Я способен?

— Я уже думал об этом. Я знаю — ты видел, что произошло в павильоне электромобилей, и позаботился о теле...

— О теле?

— А затем попытался предупредить меня о чертовом колесе, на случай если я не ощутил грозящей опасности. У тебя возникли некоторые сомнения, когда Студня нашли мертвым. Ты, должно быть, задумался, может, я просто психопат, потому что ты знал, что Студень не был гоблином. Но ты не стал обвинять меня, ты решил подождать и поглядеть. Вот поэтому я и пришел к тебе. Чтобы прояснить наши дела. Чтобы не таиться больше. Чтобы ты точно знал, что я вижу их и я их враг и что мы можем действовать вместе, чтобы остановить их. Нам нужно не допустить, чтобы они сделали то, что замыслили, на чертовом колесе. Я был там сегодня утром, пытался уловить излучения, которые от него идут, и я уверен, что сегодня ничего не должно произойти. Но завтра или в пятницу... Он просто смотрел на меня.

— Черт подери, — не выдержал я, — что ты так упорно держишься за этот загадочный вид?

— Вовсе не загадочный, — возразил он.

— Нет, загадочный.

— Нет же, просто обалделый.

— Какой?

— Обалделый. Потому что, Карл Слим, это самая удивительная беседа, какую мне доводилось вести за свою жизнь, и я ни слова не понял из того, что ты сказал.

Я ощущал, что его переполняют эмоции, и, возможно, в значительной степени это было и вправду смущение, но я просто не мог поверить, что сказанное мною поставило его в тупик.

Я уставился на него.

Он уставился на меня.

Я сказал:

— Зла не хватает.

Он отозвался:

— А-а, я понял.

— Что?

— Это такая шутка.

— О господи.

— Такая закрученная шутка.

— Если ты не хотел выдавать мне свое присутствие, если ты не хотел дать мне понять, что я был там не один, тогда почему ты помог мне избавиться от тела?

— Ну, думаю, отчасти потому, что у меня такое хобби.

— Ты о чем толкуешь?

— Избавляться от тел, — пояснил он. — Хобби такое. Кто-то собирает почтовые марки, кто-то делает модели самолетов, а я вот избавляюсь от тел, когда они мне попадают.

Я уныло покачал головой.

— А отчасти, — продолжал он, — оттого, что я страшный чистюля. Совершенно не выношу мусора, а разве бывает мусор худший, чем разлагающееся тело? Особенно тело гоблина. Так что, когда оно попадает мне на глаза, я все прибираю и...

— Это не шутка! — Мое терпение лопнуло. Он моргнул всеми тремя глазами.

— Ну, либо это шутка, либо ты изрядно не в себе, Карл Слим. До сих пор ты мне ужасно нравился, и ты слишком нравишься, чтобы решить, будто ты сумасшедший, так что, если с тобой все в порядке, я делаю вывод, что это шутка.

Я отвернулся от него и побрел прочь, за угол палатки, обогнул ее и вышел на проезд. Что за игру, черт возьми, он ведет?

* * *

Гроза освежила воздух, и удушливая августовская жара не вернулась вместе с голубым небом. День был сухой и теплый, нежная, чистая линия гор окружала ярмарочную площадь. Когда в полдень ворота открылись, простаки хлынули в таких количествах, каких мы не ожидали до уик-энда.

На ярмарке, на этом фантастическом ткацком станке, в ход шли и экзотические зрелища, и запахи и звуки, из которых ткали ослепительную ткань, приводящую в восторг простаков, привычную и исключительно удобную ткань, которую мы, балаганщики, накидывали на себя весело, с облегчением после двух дней дождя, после смерти нашего «толкача». Среди звуковых нитей были: музыка с карусели, «Стриппер» Дэвида Роуза, вырывавшийся из динамиков в одном из балаганов, рев мотоцикла, на котором какой-то сорвиголова носился по «деревянной стене смерти», скрип и скрежет каруселей, свист сжатого воздуха, вертевшего металлические кабинки «тип-топа», рокот работающих на полную мощность дизелей, разливающийся соловьем зазывала с «десяти в одном», мужской и женский смех, крики и хохот детей, несущиеся отовсюду голоса зазывал: «Сейчас я тут такое устрою!» Становясь тканью на стенке, протягивались через челнок волокна запахов, нити ароматов: запах жира с кухонь, горячего попкорна, горячих очищенных земляных

орехов, дизельного топлива, опилок, сладостей, расплавленной карамели в благоухающем паре, поднимающемся из чанов за стойками. Звуки и запахи были тканью ярмарочного наряда, но зрелища были красками, благодаря которым она вся сверкала: некрашенная полированная сталь яйцевидных капсул «бомбардировщика», падая на которые солнечный свет будто плавился и растекался мерцающими серебристыми струйками ртути; вертящиеся красные кабинки «тип-топа»; блеск золотых цехинов, сверкающие брызги и сияющие полосы на костюмах девиц из игривых шоу, дефилирующих по круглым платформам, дразня и намекая на прелести, которые предстанут взорам посетителей внутри палаток; красные, синие, оранжевые, желтые, белые, зеленые выпеллы, трепещущие на ветру, точно крылья тысячи привязанных за лапку попугаев; гигантское смеющееся лицо клоуна на фасаде балагана, с тем же красным носом; круговорот медных шестов карусели. Это волшебное одеяние ярмарки было раскрашено во все цвета радуги, со множеством потайных карманов, вычурно скроенное и сшитое. Стоило надеть его, и все заботы реального мира исчезали.

В отличие от простаков и большинства балаганщиков, я не мог убежать от всех своих бед в свистопляску ярмарки, потому что я ждал, когда в аллею войдут первые гоблины. Но день перешел в сумерки, сумерки уступили место вечеру, а ни один из демонов не появился. Их отсутствие не успокоило и не обрадовало меня. Йонтсдаун был их гнездом, рассадником, и на ярмарке гоблинов должно было быть больше, чем обычно. Я знал, почему они держатся в стороне. Они ждали настоящего развлечения в конце недели. На сегодняшний вечер в расписании не стояло ни одной трагедии, ни одного парада крови и смерти, поэтому они ждали до завтра или до послезавтра. Тогда они явятся скопом, не меньше сотни, и все будут стремиться попасть на чертово колесо. И если все пойдет по их плану, на колесе скорее всего произойдет «механическая неполадка», из-за которой оно либо рухнет, либо развалится. В день, на который будет намечено это событие, они и явятся на ярмарку.

* * *

В тот вечер, когда простаки ушли, на ярмарке погасли все огни, кроме ламп карусели — балаганщики собрались там, чтобы отдать последний долг Студню Джордану. Несколько сот человек окружили карусель. На стоящих в первых рядах падал янтарный и красный свет, который при данных обстоятельствах, казалось, исходил от свечей в храме, а те, кто находился в отдалении в этом своеобразном нефе на открытом воздухе, стояли либо в почтительной тени, либо в скорбном мраке. Некоторые забирались на ближайшие карусели, иные залезали на грузовики, стоящие вдоль центра ярмарки. Все молчали, как молчали они в понедельник утром, когда обнаружили тело.

Урну с прахом Студня водрузили на одно из сидений. По обеим сторонам стояли в почетном карауле русалки, горделивый кортеж лошадей сопровождал катафалк спереди и сзади. Артуро Сомбра включил двигатель, приводящий в движение карусель, но не включил музыкальное сопровождение карусели.

Карусель закружилась в тишине, и Дули Монета прочитал избранные отрывки из «Волынщика у ворот рассвета» — главы из книги Кеннета Грэма «Ветер в ивах», ибо такое желание Студень высказал в своем завещании.

Наконец мотор карусели заглох.

Лошади плавно скользнули и замерли.

Огни погасли.

Мы отправились домой, и Студень Джордан тоже.

* * *

Райа мгновенно заснула, но я никак не засыпал. Я лежал и размышлял о Джоэле Таке, беспокоился о чертовом колесе и о видении залитого кровью лица Райи, думал о планах, которыми, возможно, уже сейчас заняты гоблины.

Ночь еле тянулась. Я проклинал свой Сумеречный Взгляд. Бывают такие минуты, когда я жалею, что не родился на свет без всяких психических способностей, особенно без способности видеть гоблинов. Ничто порой не кажется желаннее полного неведения, с которым остальные люди болтаются среди гоблинов. Может, оно и лучше — не знать, что эти твари находятся среди нас. Лучше, чем видеть... а потом чувствовать себя беспомощным, загнанным, подавленным численным превосходством противника. Незнание по крайней мере могло бы вылечить от бессонницы.

Правда, если бы я не видел гоблинов, я бы уже скорее всего был мертв, пав жертвой садистских игр моего дядюшки Дентона.

Дядя Дентон.

Пришло время поговорить об изменено гоблине, скрывавшемся в обличье человека в моей собственной семье. Его обличье было настолько безукоризненным, что даже отточенное лезвие топора оказалось неспособно стесать фальшивую личину и открыть скрывшегося внутри монстра.

Сестра моего отца, тетя Пола, была замужем первым браком за Чарли Форстером, и от этого союза на свет появился сын Керри, в тот самый год и месяц, когда у моих стариков родился я. Но Чарли умер от рака — тоже своего рода гоблина, сожравшего его изнутри, и упокоился в земле, когда и Керри, и мне было по три года. Тетя Пола жила одна десять лет и в одиночку растила Керри. Но затем в ее жизни возник Дентон Гаркенфилд, и она раздумала коротать дни во вдовстве.

Дентон был пришельцем в наших краях, даже не из Орегоны — он был родом из Оклахомы (по крайней мере, так он утверждал), но все приняли его с удивительной готовностью, особенно если учесть, что третье поколение жителей долины обычно называли «пришлыми» большинство тех, кто вел свой род от поселенцев Северо-Запада. Дентон был красив, с мягкой речью, вежливый, скромный, всегда готовый рассмеяться, прирожденный рассказчик с практически неистощимым запасом забавных анекдотов и интересных баек. Это был человек с простыми вкусами, без претензий. Хотя, судя по всему, деньги у него водились, он не тряс ими на каждом углу и не делал вид, будто деньги ставят его выше, чем любого из соседей. Он понравился всем.

Всем, кроме меня.

В детстве я не был способен ясно видеть гоблинов, хотя и знал, что они отличаются от прочих людей. Порой — хотя и не слишком часто в сельской глуши Орегона — я сталкивался с людьми, в которых было что-то смутное и странное — темный, дымный, клубящийся контур внутри, — и ощущал, что с этим человеком нужно быть осторожным, хотя и не понимал почему. Зато потом, когда взросление начало изменять мой гормональный баланс и обмен веществ, я начал различать гоблинов яснее — сначала смутные очертания, а позже — во всех подробностях.

К тому времени, когда Дентон Гаркенфилд приехал к нам из Оклахомы — или из ада, — я только-только начал понимать, что дымный дух внутри этих людей — не просто загадочная новая форма психической энергии, но реальное существо, демон, или чужак-кукольник, или неведомое создание. За те месяцы, что Дентон ухаживал за тетей Полой, моя способность различать спрятавшегося внутри гоблина возросла до такой степени, что ко дню их свадьбы я был в панике при мысли, что она выходит замуж за такое чудовище. Однако, судя по всему, я ничего не мог сделать, чтобы расстроить этот брак.

Все остальные считали, что тете Поле просто невероятно повезло найти такого мужчину — всеми любимого и вызывающего всеобщее восхищение, — как Дентон Гаркенфилд. Даже Керри, мой любимый двоюродный брат и лучший друг, ничего не стал слушать против своего нового отца, который покорила его сердце еще раньше, чем сердце тети Полы, и который обещал усыновить его.

Моя семья знала, что я ясновидящий, и мои предупреждения и психическая интуиция принимались всерьез. Однажды, когда маме нужно было лететь в Индиану на похороны своей сестры, я уловил тревожные излучения, шедшие от ее авиабилета, и был убежден, что

ее самолет потерпит аварию. Я поднял такой шум, что она в последнюю минуту отложила поездку и взяла билет на другой рейс. В действительности крушения первого самолета не случилось, но в воздухе на борту произошел небольшой пожар. Многие пассажиры потеряли сознание от дыма, а трое задохнулись, прежде чем пилоту удалось посадить самолет. Не берусь утверждать наверняка, что моя мать могла стать четвертой жертвой, окажись она на борту, но когда я дотронулся до ее билета, то ощутил не бумагу, но холодную твердую медь ручки гроба.

Тем не менее я никогда никому не рассказывал о том, что вижу дымные, клубящиеся очертания чего-то внутри некоторых людей. Во-первых, я не знал, ни что я вижу, ни что это означает. К тому же с самого начала я чувствовал, что окажусь в страшной опасности, если кто-то из этих созданий поймет, что мне известно о его несхожести с другими людьми. Это была моя тайна.

И накануне свадьбы тети Полы, когда я наконец уже мог ясно видеть каждую тошнотворную деталь свинорылого и песьеголового гоблина внутри мистера Дентона Гаркенфилда, не мог же я так просто взять и начать бормотать что-то про монстров, маскирующихся под людей, — этому бы просто не поверили. К тому же, хотя точность и значимость находивших на меня время от времени ясновидческих озарений уже не подлежали сомнению, многие не считали мой необычный талант благим даром. Мои способности, как ни редко они использовались, делали меня в глазах многих людей из нашей долины «странным» и, как и все ведуны, непременно психически неустойчивым. Не раз и не два моим родителям заявляли, что за мной нужно внимательно наблюдать — не проявляю ли я признаков мании или зарождающегося аутизма. И хотя мои старики не могли слушать это спокойно, я был уверен, что порой их волновало — не обернется ли мой дар проклятием. Грань между психическими способностями и психической неустойчивостью настолько тонка, что даже моя бабушка, считавшая мой Сумеречный Взгляд прекрасным, чистой воды благословением божьим, и та беспокоилась, как бы я случайно не утратил контроль над своими способностями, которые тогда обернутся против меня и приведут к гибели. Поэтому я и боялся, что, начни я вещать о гоблинах, прячущихся под человеческим обликом, это лишь усилит опасения тех, кто и так был уверен, что я закончу свои дни в комнате с обитыми мягкой тканью стенами.

На самом деле и у меня были сомнения относительно своего психического состояния. Я знал бытующие мнения, к тому же несколько раз я слышал опасения знакомых, высказывающихся моим родителям по поводу моей психики, так что, когда я начал видеть гоблинов, я задумался — не подводит ли меня сознание.

И, наконец, я опасался поднимать тревогу. Хотя я боялся гоблина в оболочке Дентона Гаркенфилда и ощущал сильнейшую ненависть, двигавшую им, у меня не было конкретных доказательств того, что он намеревался причинить вред тете Поле, Керри или кому-либо еще. Поведение Дентона Гаркенфилда было образцовым.

Кроме того, не стоило поднимать тревогу и потому, что, если бы мне не поверили — а так бы обязательно и было, — я добился бы только одного — предупредил бы дядюшку Дентона об опасности, которую я представляю для всего его племени. Если я не галлюцинировал, если он и в самом деле был смертоносным чудищем, тогда единственное, что я мог сделать, — это привлекать к себе его внимание, создавать такие ситуации, когда я буду один и беззащитен, чтобы на меня легко было напасть.

Свадьба состоялась, Дентон усыновил Керри, и несколько месяцев Пола и Керри были так счастливы, как никогда прежде. Гоблин по-прежнему находился внутри Дентона, и я уже засомневался, было ли на самом деле это существо порождением зла или просто... непохожим на нас.

В то время как семейство Гаркенфилдов процветало, необычайное количество трагедий и несчастий обрушилось на многие семьи, живущие в долине Сискию, — соседей Гаркенфилдов, и лишь некоторое время спустя я понял, что виновником этой небывалой полосы был дядюшка Дентон. Семья Уитборнов — они жили в полумиле от нас и в миле от

дома Гаркенфилда — сгорела в собственном доме, когда в нем взорвалась топка. В пламени погибли трое из шестерых детей Уитборнов. Несколько месяцев спустя, в ущелье Гошаукан, четверо из пяти членов семьи Дженеретов умерли, отравились монооксидом угля, когда клапан их топки по неведомой причине засорился и смертоносные испарения наполнили ночью дом. Ребекка Норфрон, тринадцатилетняя дочь Майлса и Нанны Норфрон, пропала, отправившись на прогулку со своим песиком Хоппи. Ее нашли неделю спустя у границы графства, в двадцати милях от дома, в заброшенном домике. Она не просто была убита — все тело носило следы пыток. Хоппи так и не нашли.

Несчастья приблизились и к нашей семье. Моя бабушка упала с лестницы в подвале у себя дома, сломала шею и была обнаружена лишь через день. Я не ходил к ней в дом после ее смерти, и это, возможно, отложило осознание того, что Дентон Гаркенфилд был источником многих несчастий в долине. Если бы я постоял на верхней ступеньке лестницы в погреб, если бы спустился вниз и склонился над местом, где нашли бабушкино тело, я ощутил бы, что дядюшка Дентон приложил руку к ее кончине, и, возможно, сумел бы остановить его прежде, чем он вызовет еще большие страдания. Во время похорон бабушки, притом что она была мертва уже три дня и потому невидимые волны психической энергии должны были ослабнуть, я был настолько потрясен ясновидческими ощущениями жестокости, что свалился с ног и меня отнесли домой. Все решили, что меня лишило сил горе, но дело было в другом — в ясном и ужасном понимании того, что бабушка была убита и умерла страшной смертью. Но я не знал, кто убил ее, и у меня не было ни малейшего доказательства, свидетельствующего, что убийство и в самом деле имело место. К тому же мне было всего четырнадцать — возраст, когда никто не станет слушать тебя, а меня уже считали странным, так что я запер рот на замок.

Я знал, что дядюшка Дентон — нечто большее или меньшее, чем просто человек, но я не сразу заподозрил в убийстве его. У меня все еще были сомнения на его счет, потому что тетя Пола и Керри очень любили его, и он был так добр ко мне — всегда шутил со мной, проявлял, казалось, неподдельный интерес к моим успехам в школе и в юношеской сборной по борьбе. Они с тетей Полой дарили мне замечательные подарки на Рождество, а на день рождения он подарил мне несколько книг Роберта Хайнлайна и Э. И. ван Фогта, а к ним — новенькую, хрустящую пятидолларовую купюру. Я не видел, чтобы он творил что-то, кроме добрых дел, и хотя я чувствовал, что он прямо-таки исходит ненавистью, я все же сомневался, не придумал ли я ярость и отвращение, которые ощущал в нем. Если бы обычный человек учинил бойню с таким размахом, психический осадок от этого злодеяния остался бы в нем, и рано или поздно я бы его обнаружил. Но гоблины не излучают ничего, кроме ненависти, и поскольку я не чувствовал никакой особенной вины в ауре дядюшки Дентона, я не заподозрил в нем убийцу моей бабушки.

Но я заметил, что, когда кто-нибудь умирал, Дентон проводил с семьей покойного больше времени, чем любой из друзей или родных. Он всегда был тут как тут с советом и сочувствием, вовремя подставлял свое надежное плечо, чтобы на него опереться, и жилетку, чтобы в нее поплакаться, выполнял разные поручения для семьи усопшего, помогал как только мог и постоянно заходил с визитом в осиротевшую семью даже после похорон любимого человека — просто поведать их, узнать, как у них дела и не может ли он чем-нибудь им помочь. Повсюду его превозносили за сочувствие, человечность и щедрость, но он скромно отказывался от похвал. Это смущало меня еще сильнее. Особенно это смущало меня, когда я видел внутри него гоблина, который при людском горе непременно скалился пуще прежнего и даже, казалось, питался несчастьями скорбящих. Кто был настоящий дядя Дентон: злорадное чудовище или добрый сосед и верный друг?

Я все еще не дал себе какого-нибудь ответа на этот вопрос, когда восемь месяцев спустя моего отца раздавило насмерть его собственным трактором «Джон Дир». Он работал на этом тракторе, выкорчевывая большие камни на новом поле, которое собирался обрабатывать, — участке в двадцать акров, не видимом из нашего дома и окруженном лесом, протянувшимся к Сискию свою жадную руку. Его обнаружили сестры, когда пошли поглядеть, почему он не

пришел домой на обед, а я узнал о случившемся, только вернувшись со школьных соревнований по борьбе часа два спустя. («О, Карл, — сказала тогда Дженни, прижавшись ко мне, — бедное его лицо, бедное его лицо, все черное и мертвое, бедное его лицо!») К этому времени тетя Пола и дядя Дентон уже сидели у нас. Он стал той скалой, на которую могли опереться мать и сестры. Он попытался утешить и меня, и его горе и сострадание казались искренними, но я видел, как внутри плотоядно ухмылялся гоблин, буравя меня жгучим красным глазом. Хотя я почти готов был поверить, что скрытый внутри его демон — плод моего воображения или даже доказательство моего прогрессирующего безумия, я все же убежал от него и старался по возможности избегать его.

Сначала у шерифа графства были подозрения по поводу смерти отца, потому что некоторые ранения на его теле вряд ли можно было объяснить опрокинувшимся трактором. Но поскольку ни у кого не было повода убивать отца и поскольку не было никаких других улик, способных указать на насильственную смерть, шериф в конце концов пришел к заключению, что папу убило не сразу в тот момент, когда трактор упал, придавив его, что он некоторое время агонизировал и этим были вызваны непонятные увечья. Во время похорон я упал в обморок, как это случилось год назад на похоронах бабушки, и по той же причине: разрушительная волна психической энергии, бесформенный нарастающий поток жестокости обрушился на меня, и я понял, что моего отца тоже убили. Но я не знал, кто и как.

Два месяца спустя я наконец собрался с духом и сходил на поле, где произошел несчастный случай с отцом. Ни секунды не колеблясь, я направился к тому самому месту, где он погиб, и когда я опустился на колени на землю, принявшую его кровь, меня посетило видение: дядя Дентон бьет отца в висок обрезком трубы, избивает до потери сознания и опрокидывает на него трактор. Отец пришел в себя и прожил еще пять минут, а дядюшка Дентон стоял над ним, глядел и наслаждался. Я не вынес ужасов этой сцены и лишился чувств, придя в себя через несколько минут. Голова страшно болела, руки судорожно вцепились в комья влажной земли.

Два последующих месяца я тайно вел расследование. Дом бабушки был продан вскоре после ее смерти, но я отправился туда, когда новых владельцев не было дома. Я пролез через окошко в фундаменте, которое, как я знал, было без засова. Постояв внизу, а затем наверху лестницы в погреб, я уловил смутные, но безошибочные психические образы, которые убедили меня в том, что Дентон толкнул ее вниз, спустился по ступеням и сломал ей шею, когда падение не завершило дела, как он планировал. Я начал размышлять о необычно долгой череде злосчастий, которую жители нашей долины переживали на протяжении последних двух лет. Я сходил на засыпанное булыжником пепелище дома Уитборнов, где в пламени погибли трое детей. Пока людей, купивших дом, принадлежавший ранее Джерреттам, не было дома, я проник внутрь и возложил руки на топку, откуда вытекли смертоносные испарения. И в том, и в другом случае я почувствовал сильное психическое ощущение, указывавшее на то, что здесь замешан Дентон Гаркенфилд. Когда мама однажды в субботу отправилась в столицу графства за покупками, я поехал с ней. Пока она ходила по магазинам, я пробрался к заброшенному дому, в котором был обнаружен истерзанный, израненный труп Ребекки Норфрон. И там тоже психическому взгляду был доступен кровавый след Дентона Гаркенфилда.

При всем при этом у меня не было никаких улик. Моя история о гоблинах и о том, что я только сейчас раскусил истинную сущность Дентона Гаркенфилда, удостоилась бы не большего доверия, чем два года назад. Если я прилюдно обвиню его, не имея возможности отправить его за решетку, я, несомненно, стану очередной жертвой «несчастливого случая» в долине. Мне нужно было добыть доказательства, и я надеялся раздобыть их, подкараулив момент и уловив предупредительное излучение его следующего преступления. Если я буду знать, где он собирается нанести удар, я смогу подоспеть туда и таким драматическим манером вмешаться, после чего очередная жертва — спасенная лишь благодаря моему вмешательству — даст против него показания, и его посадят в тюрьму. Я страшился такого столкновения, боялся, что все испорчу и дело кончится тем, что мой труп ляжет рядом с

трупом жертвы, которую я хотел спасти, но я не видел толку в любых иных действиях.

Я начал проводить больше времени с дядюшкой Дентоном, хотя его отталкивающая двойственная сущность приводила меня в ужас, надеясь, что, находясь рядом с ним, мне легче будет уловить предчувствие, чем вдали от него. Но, к моему удивлению, прошел год, а никаких событий, которых я ожидал, не произошло. Я и в самом деле ощущал несколько раз, как вздымается внутри него жестокость, но я не ощущал никаких образов надвигающейся бойни. И каждый раз, как его злоба и ярость достигали невиданной, казалось, силы, каждый раз, как я думал, что теперь-то он должен нанести удар, чтобы ослабить внутреннее давление, он ненадолго уезжал — то по делам, то в небольшой отпуск вместе с тетей Полой. И каждый раз он возвращался в более уравновешенном состоянии — ненависть и ярость не исчезали, но ослабевали в нем. Я подозревал, что он причиняет людям страдания там, куда уезжает, опасаясь приносить слишком много несчастий близко от собственного дома. Когда мы были рядом, мое ясновидение не могло мне открыть замыслов этих преступлений, потому что, пока он не отправлялся — куда бы он ни ездил — и не находил возможности творить зло, он и сам не знал, где и как нанесет следующий удар.

Затем, после того как долина целый год жила в мире, я начал ощущать, что он намеревается вновь развернуть войну на прежнем поле боя. Хуже того, я чувствовал, что он собирается убить Керри, моего двоюродного брата, своего приемного сына, которому он дал свою фамилию. Если живущий внутри него гоблин питается человеческой мукой, как я уже начал подозревать, тогда после смерти Керри его ждет неслыханное пиршество. После смерти мужа, много лет назад, тетя Пола была глубоко привязана к сыну, и потеря Керри добьет ее — а гоблин будет рядом с ней не только на похоронах, но двадцать четыре часа в сутки, по семь дней в неделю, упиваясь ее агонией и отчаянием. Когда ненависть гоблина начала день ото дня становится все сильнее, когда предзнаменования надвигающейся жестокости стали все более ощутимы для моего шестого чувства, я просто обезумел — я не мог уловить ни места, ни времени, ни способа, которым будет совершено грядущее убийство.

Ночью, накануне того, как это произошло, меня мучили кошмары — Керри умирал в лесах Сискию под величественными елями и соснами. В этом сне он ходил по лесу кругами, заблудившись, умирая от того, что его бросили на произвол судьбы, а я все бежал за ним с одеялом и с термосом, полным горячего шоколада, но он почему-то не слышал и не видел меня, умудряясь каким-то образом все время держаться впереди — пока я не проснулся не только от страха, но и от ощущения катастрофы.

Даже шестым чувством я не мог извлечь из эфира никаких других подробностей, но утром отправился к Гаркенфилдам, чтобы предупредить Керри об опасности. Я не знал, как лучше завести речь об этом и как рассказать ему все, чтобы убедить, но я знал, что должен немедленно предупредить его. Пока я шел туда, я перебрал в уме добрую сотню подходов и от всех отказался. Однако когда я пришел, никого не оказалось дома. Я слонялся вокруг часа два и наконец отправился домой, решив вернуться попозже, где-нибудь к обеду. Больше я никогда не видел Керри — живым.

Ближе к вечеру мы узнали, что дядя Дентон и тетя Пола беспокоятся, куда мог деться Керри. Утром, когда тетя Пола уехала в округ по своим делам, Керри сказал Дентону, что идет в горы, в леса за домом — немного побраконьерствовать, и добавил, что вернется самое позднее часам к двум. По крайней мере, так утверждал Дентон. В пять часов о Керри все еще не было ни слуху ни духу. Я ожидал самого худшего, потому что браконьерство — это было совершенно непохоже на брата. Я не мог поверить, чтобы он сказал Дентону подобную вещь или что он отправился в горы в одиночку. Дентон заманил его в Сискию под тем или иным предлогом, а затем... избавился от него.

Поисковые отряды почти всю ночь прочесывали подножия гор, но безуспешно. На заре они вышли на поиск в большем составе, со сворой блаухаундов. Я был с ними. Я никогда раньше не пользовался ясновидением для розысков такого рода. Поскольку я не умел контролировать свои способности, я не надеялся, что почувствую что-нибудь важное, и даже не сказал никому, что надеюсь на свой дар. К моему удивлению, через пару часов, идя

впереди собак, я почувствовал серию всплесков психической энергии и обнаружил труп в глубокой узкой лощине, у подножия каменистого склона.

Керри был так страшно избит, что было трудно поверить, что все эти увечья он получил при падении по откосу оврага. При иных обстоятельствах окружной коронер нашел бы более чем достаточные доказательства для вынесения заключения о насильственной смерти, но тело было не в том состоянии, которое позволяло бы сделать тщательный анализ судмедэксперта, тем паче проведенный простым окружным терапевтом. За ночь животные — может, еноты, может, лисы, лесные крысы или ласки — объели тело. Они выели ему глаза, вгрызлись во внутренности. Все лицо было в укусах, кончики пальцев были отъедены.

Несколько дней спустя я напал на дядюшку Дентона с топором. Я помню, как яростно он сражался, и помню собственные мучительные сомнения. Но я размахивал топором, не поддаваясь своим опасениям. Мной руководило инстинктивное понимание того, как быстро, играючи он уничтожит меня, стоит мне выказать хоть малейшие признаки усталости или сомнения. Что я запомнил яснее всего, так это то, как опускался топор в моих руках, обрушиваясь на него: это было как само правосудие.

Зато я совершенно не помню, как возвращался домой от Гаркенфилдов. Какое-то мгновение я стоял над трупом Дентона, а затем сразу оказался под сенью ели Брюэра на ферме Станфеуссов, вытирая окровавленное лезвие топора ветошью. Выйдя из транса, я уронил топор и тряпку. Мало-помалу до меня стало доходить, что полям скоро потребуются плуг, что подножия холмов скоро зазеленеют и оденутся в прекрасные весенние наряды, что Сискию выглядят величественнее, чем всегда, и что небо — пронзительное, до боли голубое, и только на востоке собираются и подтягиваются в нашу сторону темные шапки зловещих грозовых туч. Я стоял так, залитый солнечным светом, а странные сумрачные тени надвигались на меня, и даже без ясновидческих способностей я понял, что скорее всего в последний раз гляжу на этот дорогой мне край. Накатывающиеся тучи были предзнаменованием грозного, лишенного солнца будущего, которое я сам себе уготовил, напав на Дентона Гаркенфилда с остро отточенным топором.

И сейчас, когда от тех событий меня отделяли четыре месяца и тысячи миль, лежа в темноте спальни рядом с Райей Рэйнз и прислушиваясь к ее ровному сонному дыханию, я должен был проехать на поезде памяти до конца маршрута, прежде чем сойти с него. Непроизвольно дрожа, покрывшись легким холодным потом, я вспомнил последний час, прожитый дома, в Орегоне: как я поспешно паковал рюкзак, испуганные расспросы матери, мой отказ рассказать ей, в какие неприятности я втравил себя, смесь любви и страха в глазах сестер, то, как они стремились обнять и утешить меня, но отшатывались, заведя кровь у меня на руках и на одежде. Я знал, что бессмысленно рассказывать им про гоблинов — даже если они и поверили бы мне, они все равно ничего не смогли бы сделать. А я не хотел взваливать на них такую ношу, как мой крестовый поход против демонов, потому что уже тогда я начал подозревать, что этим все дело и обернется — крестовым походом. Поэтому я просто ушел, задолго до того, как обнаружили тело Дентона Гаркенфилда. Позже я послал матери и сестрам письмо, в котором намеками давал им понять, что Дентон был причастен к гибели отца и Керри. Последняя остановка поезда памяти на чем-то самом тяжелом: мама, Дженни и Сара стоят на переднем крыльце. Все трое всхлипывают, смущенные, напуганные, в страхе за меня и в страхе из-за меня, брошенные на произвол судьбы в мире, становящемся холодным и мрачным. Конец маршрута. Благодарение господу. Измотанный, но странным образом очищенный этой поездкой, я повернулся на бок, лицом к Райе, и погрузился в глубокий сон, оказавшийся, впервые за много дней, полностью лишенным сновидений.

* * *

Утром, во время завтрака, чувствуя себя виноватым за все мои тайны, которые так долго от нее скрывал, и стараясь подвести ее к тому, чтобы сказать о неведомой угрозе, подстерегающей ее, я рассказал ей о своем Сумеречном Взгляде. Я не обмолвился о

способности видеть гоблинов — поведал лишь обо всех остальных психических талантах, особенно о ясновидческой способности ощущать надвигающуюся опасность. Я рассказал ей про авиабилет матери, который произвел впечатление не бумаги, но медной ручки гроба, и припомнил другие, не столь драматические случаи верного предчувствия. Для начала этого было достаточно. Если бы я принялся распространяться про гоблинов, скрывающихся под человеческой личиной, набор оказался бы чересчур велик, чтобы вызвать доверие.

К моему удивлению и удовольствию, она приняла то, что я сказал, с куда большей легкостью, чем я ожидал. Сперва ее рука то и дело тянулась к кружке с кофе, и она нервно прихлебывала это варево, как будто этот обжигающий, слегка горьковатый напиток был пробным камнем, на котором она могла время от времени проверять себя, чтобы выяснить, снится ей это или происходит на самом деле. Но вскоре она была уже захвачена моими словами, и стало совершенно ясно, что она поверила.

— Я же знала, что в тебе есть что-то особенное, — сказала она. — Не говорила ли я этого не далее как прошлой ночью? Это, знаешь ли, было не просто любовное сюсюканье. Я хотела сказать, что на самом деле ощущала что-то особенное... Что-то уникальное и необычное в тебе. И я была права!

У нее возникла масса вопросов, и я отвечал на них так хорошо, как мог, избегая, однако, всякого упоминания о гоблинах или о смертоносных шалостях Дентона Гаркенфилда в Орегоне, чтобы не подорвать ее доверие. В ее реакции на мои откровения я ощущал и изумление, и — как мне показалось — страх, хотя второе чувство было не таким ясным, как первое. Открыто она выражала лишь изумление, стараясь спрятать от меня испуг, и ей удавалось это настолько успешно, что, несмотря на свои психические ощущения, я все равно сомневался, не придумываю ли я все это.

Наконец я потянулся через весь стол, взял ее руки в свои и сказал:

— У меня есть некая причина, чтобы рассказывать тебе это.

— Какая?

— Прежде мне надо знать, собираешься ли ты серьезно...

— Собираюсь ли я серьезно что?

— Жить, — спокойно сказал я. — На той неделе... ты говорила про океан во Флориде, о том, чтобы плыть все дальше и дальше, пока руки не нальются свинцом...

Она неубедительно произнесла:

— Это была просто болтовня.

— А четыре ночи назад, когда мы залезли на чертово колесо, тебе, кажется, почти хотелось, чтобы молния ударила в тебя там, среди балок.

Она отвела взгляд, поглядела на пятна яичного желтка и крошки от тостов на своей тарелке и ничего не ответила.

С любовью, которая слышалась в моем голосе так же, как в речи Люка Бендинго нельзя было не слышать заикания, я сказал:

— Райа, в тебе есть... какая-то странность.

— Ну, — отозвалась она, не поднимая глаз.

— С того момента, когда ты рассказала мне про Эбнера Кэди и про свою мать, я начал понимать, почему на тебя время от времени опускается темнота. Но из-за того, что я это понимаю, спокойнее за тебя мне не становится.

— Тебе незачем беспокоиться, — тихо сказала она.

— Посмотри мне в глаза и скажи.

Ей потребовалось много времени, чтобы оторвать взгляд от остатков завтрака, но ее глаза честно смотрели в мои, когда она сказала:

— У меня бывают такие... приступы... депрессии... иногда кажется, что дальше жить невыносимо. Но я никогда полностью не подчиняюсь этим мыслям. О, я никогда не... покончу с собой. Об этом ты не волнуйся. Я всегда смогу выкарабкаться из этих страхов и продолжать жить, потому что у меня есть две чертовски важные причины не сдаваться. Если я сдамся, Эбнер Кэди победит, разве не так? А я не должна этого допустить. Я должна

продолжать жить, создавать свою маленькую империю и творить из себя кого-то, потому что каждый день, который я проживу, каждый мой успех — это победа над ним, так ведь?

— Да. А вторая причина?

— Ты, — ответила она.

Я надеялся, что ее ответ будет именно таким.

Она продолжала:

— С тех пор, как ты вошел в мою жизнь, у меня появилась вторая причина, чтобы жить.

Я притянул ее руки к себе и поцеловал их.

Внешне она казалась сравнительно спокойной — хоть и на грани слез, но внутри ее бушевала буря смятенных чувств, смысла которой я не понимал.

Я сказал:

— Ну ладно: Вместе мы нашли что-то, ради чего стоит жить, и самое страшное, что может теперь случиться, — это если мы каким-то образом потеряем друг друга. Так что... я не хочу тебя пугать... но я ощутил... своего рода предупреждение... и оно меня беспокоит.

— Оно касается меня? — спросила она.

— Да.

Ее прекрасное лицо омрачилось.

— Оно... действительно дурное?

— Нет-нет, — солгал я. — Это просто... я смутно чувствую, что какая-то беда движется в твою сторону, поэтому я бы хотел, чтобы ты была осторожной, когда меня рядом нет. Не испытывай судьбу, никакого риска...

— Какого рода? Что за риск?

— Ну, я не знаю, — ответил я. — Не залезай никуда высоко, особенно на чертово колесо, пока я не почувствую, что опасность миновала. Не води слишком быстро машину. Будь внимательна. Будь настороже. Возможно, это все ерунда. Возможно, я раскис и разнервничался, потому что ты мне так дорога. Но тебе не повредит, если будешь слегка настороже, пока я не получу более ясного предупреждения или пока не почувствую, что беда прошла. Договорились?

— Договорились.

Я не стал говорить ей об ужасном видении, в котором она была вся в крови, потому что не хотел пугать ее. Это ничего не прибавит и даже усилит опасность, встававшую перед ней, потому что, измотанная растянутым и непрекращающимся страхом, она может не прислушаться ни к инстинкту самосохранения, ни к голосу рассудка, когда опасность в самом деле придет. Я хотел, чтобы она была осторожна, а не жила в постоянном страхе. И когда некоторое время спустя мы вышли на ярмарку и, поцеловавшись, разошлись, я почувствовал, что она почти дошла до этого, желанного для меня, состояния.

Августовское солнце струило золотой свет на ярмарку, в ясном голубом небе парили птицы. Пока я готовил к работе силомер, мое настроение неуклонно повышалось, и я начал чувствовать, что стоит мне захотеть — и я взлечу и окажусь среди птиц.

Райа открыла свой тайный стыд и ужас детства в Аппалачах, а я рассказал ей тайну моего Сумеречного Взгляда, и, поделившись друг с другом этими долго скрываемыми секретами, мы установили очень важный контакт. Ни один из нас больше не был одинок. Я не сомневался, что скоро она откроет мне и другой секрет, историю своей жизни в детдоме, и когда она сделает это, я смогу узнать, насколько она мне верит, намекнув ей про гоблинов. Я очень надеялся, что, прожив со мной больше, она в один прекрасный день сможет принять мой рассказ о гоблинах за правду, пусть даже она сама не обладает способностью видеть эти создания и не может проверить мои ощущения. Конечно, впереди еще оставались проблемы: загадочный Джозель Так, планы гоблинов, касающиеся чертова колеса, — возможно, именно они, а может, и нет, будут той опасностью, что нависла над Райей; проблемой было само наше присутствие в Йонтсдауне, где демоны в изобилии занимали руководящие кресла, с которых могли обрушиться на нас немыслимые несчастья.

И тем не менее я впервые был уверен, что одержу победу, что смогу отвести катастрофу

от чертова колеса, что сумею спасти Райю и что моя жизнь наконец-то попала в колею, ведущую вверх.

Светлей всего бывает как раз перед темнотой.

15 Смерть

Вся вторая половина дня и ранний вечер четверга были клубком светлых нитей, разматывавшимся без единого узелка: приятно теплый день без иссушающей жары, легкая влажность, слабый ветерок, навевающий прохладу, но ни разу не усилившийся до такой степени, чтобы возникли проблемы с палатками, тысячи простаков, готовых расстаться со своими денежками, и никаких гоблинов.

Но наступила темнота.

Сперва гоблины начали попадаться мне на глаза на аллее. Их было немного, всего полдюжины, но их вид под личинами был ужаснее, чем обычно. Их рыла, казалось, трепетали отвратительней, горячие угли глаз светились ярче, чем всегда, а лихорадочная ненависть была куда сильнее обычной злобы, с которой они всегда относились к нам. Я чувствовал, что они уже миновали точку кипения и собираются на дело — на разрушение, которое отчасти ослабит давление, нарастающее внутри них.

Затем мое внимание переместилось на чертовое колесо, которое стало претерпевать изменения, недоступные ничьим глазам, кроме моих. Вначале громадный механизм показался мне еще больше, чем он был на самом деле, потом он стал медленно подниматься, словно был живым существом, которое до сих пор горбилось, чтобы скрыть свои истинные размеры. На моих глазах оно росло и разбухало, пока не стало не просто главным сооружением ярмарки (каковым оно и было), но подлинно огромным механизмом, громоздящимся, подобно башне, и способным при падении сокрушить все на ярмарке. К десяти вечера сотни огней по контуру колеса как бы утратили свою силу — тускнели с каждой минутой, пока к одиннадцати часам гигантское колесо не стало совершенно темным. С одной стороны, я видел, что лампочки горят, как прежде, и стоило мне уголком глаза покоситься на колесо, я удостоверился, что его сияющие украшения на месте, но когда я смотрел на него более пристально, я видел зловещее, угрожающе темное и громадное чертовое колесо. Оно тяжело поворачивалось на фоне черного неба, словно одна из ветряных мельниц господ бога — та, что без устали размалывает муку страдания и несчастья.

Я знал, что означает это видение. Катастрофа на чертовом колесе произойдет не сегодня, однако фундамент трагедии будет заложен вскоре, ночью, когда ярмарка закроется. Те полдюжины гоблинов, что я видел, были отрядом коммандос. Они останутся на ярмарке после закрытия. Когда все балаганщики отправятся спать, демоны выберутся из своих потаенных укрытий, объединятся и испортят чертовое колесо, как они собирались сделать в воскресенье, когда им помешал Студень Джордан. А потом, завтра, смерть придет к невинным посетителям ярмарки, вознамерившимся сделать круг на большом колесе.

К полуночи допотопная махина чертова колеса, какой ее видели мои Сумеречные Глаза, была не только лишена света — колесо было словно огромный безмолвный двигатель, который вырабатывал и разбрасывал вокруг себя темноту — все более мрачную. Оно было сейчас очень похоже на тот холодный и вселяющий тревогу образ, который я видел в первую ночь на ярмарке братьев Сомбра — на прошлой неделе, в другом городе. Но теперь это впечатление было куда сильнее и тревожнее.

Ярмарка начала сворачиваться около часу ночи, и, несмотря на мое обычное усердие и трудолюбие, я был одним из первых, кто закрывал аттракционы. Я уже закрыл силовую и складывал дневную выручку, когда заметил на дорожке Марко. Я подозревал его и уговорил отнести деньги к Райе в трейлер, а заодно передать ей, что у меня есть одно важное дело и что я приду поздно.

Гирлянды и панели ламп гасли от одного конца аллеи до другого, над входами в палатки

опускались и завязывались тенты, балаганщики поодиночке и небольшими группками тянулись с ярмарки, я же тем временем легким шагом и с как можно более беззаботным видом направился к центру ярмарочной площади и, убедившись, что никому не попался на глаза, плюхнулся на землю и заполз в тень под грузовиком. Я лежал там около десяти минут. Солнце не касалось этого места своими горячими пальцами два последних дня, и накопившаяся сырость стала пробираться мне под одежду; усилил озноб, начавшийся у меня еще раньше, когда я заметил первые изменения, происходящие с чертовым колесом.

Последние огни погасли.

Последние генераторы были отключены и замерли с пыхтением и грохотом.

Последние голоса удалились, смолкли.

Я подождал еще пару минут и вылез из-под грузовика. Встал, прислушался, перевел дух, снова прислушался.

После какофонии работающей ярмарки молчание ярмарки отдыхающей было сверхъестественным. Ничего. Ни звука. Ни скрежета. Ни шороха.

Осторожно двигаясь по незаметной тропке среди мест, где ночь была темнее из-за нагромождения теней, я подкрался к «сюрпризу», остановился у трапа, ведущего на карусель, и снова внимательно прислушался. И снова ничего не услышат.

Я осторожно переступил через цепь перед трапом и на четвереньках вскарабкался наверх, чтобы не выдать себя отчетливо заметным силуэтом. Трап был сделан из небольших дощечек, подогнанных на совесть, а на мне были теннисные туфли, так что, поднимаясь, я практически не произвел ни звука. Но на самой платформе нелегко было скрыться — час за часом, день за днем вибрация от стальных колес карусели проходила через ограждение на дощатый пол платформы, в результате скрип и треск, словно термиты, поселились в каждой стыке. Платформа «сюрприза» была с наклоном назад, и на пути к ее верхней части я все время держался внешнего ограждения, где дощатое покрытие было прочнее и меньше протестовало против каждого шага. И все же мое продвижение сопровождалось несколькими короткими резкими звуками, прозвучавшими пугающе громко в невероятной тишине пустынной ярмарки. Я пытался убедить себя, что гоблины, если они вообще что-то слышали, решат, что эти вырвавшиеся звуки — результат усадки строений, но все равно всякий раз я вздрагивал, когда под ногами скрипело дерево, — у меня по коже шли мурашки.

Через несколько минут я прошел все кабинки «сюрприза», похожие на гигантских улиток, спящих в темноте, и дошел до верхней части платформы, примерно футах в десяти над землей. Там я сжался у ограждения и оглядел закутавшуюся в ночь ярмарку. Я выбрал этот наблюдательный пункт потому, что с него мог видеть фундамент чертова колеса, а кроме того — большую территорию ярмарки, чем с любого другого места (если, конечно, не залезать наверх), и еще потому, что там я был практически невидим.

С предыдущей недели ночь отвоевала некоторое пространство у луны. Теперь помощи от нее было меньше, чем тогда, когда я преследовал гоблина до павильона электромобилей. С другой стороны, лунные тени обеспечивали мне то же самое надежное убежище, что давало гоблинам чувство безопасности. Выигрыш был равен проигрышу.

Но у меня было одно бесценное преимущество. Я знал, что они здесь, а они почти наверняка не подозревали о моем присутствии и не могли знать, что я подбираюсь к ним.

Прошло сорок утомительных минут, пока я услышал, что один из чужаков покидает свое укрытие. Удача была на моей стороне, потому что звук — царапанье металла по металлу и тихий скрежет несмазанных петель — шел из места, расположенного прямо передо мной, из-под «сюрприза», оттуда, где по центру аллеи вытянулись грузовики, дуговые лампы, генераторы и прочее оборудование, по обеим сторонам которых тянулись карусели. Возмущенный скрип петель тут же сменился движением, которое я немедленно засек. Темная плита, одна из двойных дверей грузовика, распахнулась в еще большую темноту вокруг, и в двадцати шагах от меня на землю с необычайной осторожностью соскочил человек. Для всех прочих это был человек, для меня же гoblin, и у меня закололо в затылке. В таком слабом свете я плохо видел демона внутри человеческого тела, но не составляло труда разглядеть его

блестящие алые глаза.

Тварь оглядела ночь и успокоила себя тем, что она в безопасности и никто не наблюдает за ней. После этого гоблин повернулся к открытой двери кузова.

Мгновение я колебался, не зная, собирается ли он позвать своих сородичей наружу, но гоблин начал запирать дверь.

Я встал, переброшил через ограждение одну ногу, затем другую и на мгновение оказался на виду на балюстраде карусели. Если бы гоблин внезапно обернулся, он бы наверняка увидел меня. Но он не повернулся, и хотя он закрыл дверь и засунул задвижку на место так тихо, как только мог, его действия произвели достаточно шума, чтобы скрыть мое мягкое кошачье приземление.

Не обернувшись в сторону густой тени, где скорчился я, гоблин двинулся в сторону чертова колеса, находящегося в паре сотен ярдов дальше по аллее.

Я вытащил нож из башмака и двинулся за демоном.

Он двигался с величайшей осторожностью.

Я тоже.

Он почти не шумел.

Я не шумел вовсе.

Я настиг его возле следующего грузовика. О моем присутствии ему стало известно, лишь когда я набросился на него, обвинил ему шею рукой, с силой дернул его голову назад и полоснул по горлу ножом. Когда я почувствовал, что хлынула кровь, я отпустил его, и он рухнул — неожиданно и безвольно, точно марионетка, у которой оборвались веревочки. На земле он дернулся несколько раз, поднимая руки к распоротой глотке, откуда толчками лилась кровь — черная, как нефть в ночной темноте. Он не мог издать ни звука, потому что не мог ни дышать распоротым дыхательным горлом, ни произвести ни одного колебания разрезанной гортанью. Так или иначе, прожил он не больше полминуты, его тело, которое покидала жизнь, слегка содрогнулось, светящиеся красные глаза усталились на меня, и я глядел, как угасает в них огонь.

Теперь он казался просто мужчиной средних лет с кустистыми бачками и животиком.

Я затолкал труп под грузовики, чтобы какая-нибудь из этих тварей не наткнулась на него и не получила бы тем самым сигнал тревоги. Мне надо будет вернуться за ним позже, чтобы обезглавить и вырыть две могилы подальше друг от друга для его останков. Но сейчас у меня были другие заботы.

Счет немного улучшился. Пятеро на одного вместо шестерых на одного. Но ситуация не располагала к веселью.

Я попытался обмануть себя, будто не все шестеро из тех, кого я видел на ярмарке, остались после закрытия. Но мне это не удалось. Я знал, что все они здесь, поблизости, так хорошо, как только я могу знать такие вещи.

Сердце отчаянно билось, переполняя вены и артерии притоком крови, благодаря чему у меня в голове необычайно прояснилось — ни суматохи, ни головокружений. Напротив, я сделался чувствителен к каждому тончайшему оттенку ночи. Так же, должно быть, чувствует себя лиса на охоте — выслеживает добычу в глуши и в то же время не забывает и о тех, для кого она сама является добычей.

Я крался под уменьшившейся луной, держа в руке нож, с которого капала кровь. Лезвие блестело, словно было магическим способом сотворено из маслянистой жидкости.

Мотыльки, как снежинки, кружились в воздухе вокруг хромированных столбов, порхали взад и вперед возле всех полированных металлических поверхностей, хоть как-то отражавших слабый свет луны.

Я крался от одного укрытия к другому, слушал, смотрел.

Беззвучно двигался на четвереньках.

Осторожно выглядывал из-за углов.

Полз.

Карабкался.

Скользил.

Расслаблялся.

Шею мне щекотал комар, его тонкие крылья стремительно двигались. Я чуть было не прихлопнул его, но вовремя сообразил, что этот звук может выдать меня. Тогда я тихонько подвел руку и, когда он начал сосать мою кровь, раздавил его ладонью.

Мне казалось, что я услышал что-то возле балагана, хотя, скорее всего, меня направило туда шестое чувство. Громадное клоунское лицо, казалось, подмигнуло мне во мраке, но безо всякого веселья. Напротив, так могла бы подмигнуть Смерть, почтившая тебя своим визитом, чтобы получить с тебя должок, мрачно подмигнуть всеми застенчивыми червями, копошащимися в пустой глазнице.

Гоблин — тот, что сел в гондолу балагана перед закрытием и благоразумно вылез из нее, оказавшись внутри аттракциона, — теперь выбирался наружу через огромное отверстие рта клоуна, чтобы попасть на встречу с остальными пятью чужаками возле чертова колеса. Этот был замаскирован под ну-вылитого-Элвиса, с чубчиком, развязного, лет этак двадцати пяти. Я наблюдал за ним, укрывшись в тени билетного киоска, и, когда он поравнялся со мной, нанес удар.

На этот раз я не был так быстр и полон сил, как в первый, и чудовищу удалось поднять руку и отразить лезвие, направленное ему в горло. Сталь, заточенная до остроты бритвы, рассекла плоть на предплечье и полоснула по тыльной стороне кисти, а острие вонзилось между костяшками пальцев. Демон издал тонкий, слабый крик, едва различимый, но подавил и его, когда понял, что крик может привлечь не только гоблинов, но и балаганщиков.

Кровь лилась из его руки, но демону все равно удалось вырваться. Он неуклюже качнулся в мою сторону, зашатался, в глазах горело стремление к убийству.

Прежде чем он восстановил равновесие, я врезал ему между ног. Запертый в ловушке человеческого тела, он был заложником слабостей человеческой физиологии и согнулся пополам, когда из изувеченной мошонки в тело хлынула боль. Я пнул его снова, на этот раз повыше. В тот же миг тварь склонила голову, словно подчиняясь мне, и удар пришелся в подбородок. Он упал навзничь на посыпанную опилками дорожку, и я рухнул на него, глубоко вонзив в горло нож и повернув лезвие. Три-четыре удара обрушились мне на голову и плечи, когда он тщетно пытался сбросить меня, но мне удалось выпустить дух из твари, как воздух из проткнутого воздушного шарика.

Задыхаясь, но не забывая о том, что надо хранить молчание, я оттолкнулся от мертвого гоблина — и получил удар сзади, между основанием черепа и шеей. Боль рассыпалась сотней искр, но сознания я все же не потерял. Я упал, откатился в сторону и увидел другого гоблина, набрасывающегося на меня с длинным куском дерева в руках.

Я обнаружил, что был настолько оглушен первым ударом, что выронил нож. Я видел, как он глупо блестит в десяти футах от меня, но добраться до него я бы не успел.

Под человеческим обликом черные губы оттянулись назад в злобном рычании, и мой третий противник навис надо мной, взмахнув деревяшкой, как будто это был топор, и метя мне в лицо, как я метил в Дентона Гаркенфилда. Я скрестил руки над головой, чтобы спастись от удара, способного проломить череп, и чудовище трижды опустило тяжелую дубинку мне на руки, высекая горячие искры боли из костей, — так кувалда кузнеца высекает искры из наковальни. Затем он сменил тактику и ударил меня по незащищенным ребрам. Я подтянул колени к подбородку, свернулся в клубок и попытался откатиться в сторону, к какому-нибудь предмету, за которым мог бы укрыться от него. Но гоблин преследовал меня со злобным весельем, обрушивая град ударов на мои ноги, ягодицы, спину, бока и руки. Ни один из них не был такой силы, чтобы сломать кости, потому что я все время уклонялся от опускающейся на меня деревяшки, но я не мог долго принимать это наказание и при этом сохранять желание и силы двигаться. Я начал было думать, что я — труп. В отчаянии я прекратил защищать голову и ухватился за дубинку, но демон, возвышаясь надо мной, вперившись в меня, с легкостью вырвал ее, и все, что я получил, — несколько заноз в ладонях и пальцах. Чудовище взмахнуло дубинкой высоко над головой, чтобы обрушить ее

вниз с яростью берсеркера или самурая, пришедшего в неистовство. Деревяшка была направлена прямо на меня, она выглядела огромной, как падающее дерево, и я понял, что на сей раз она вышибет из меня либо сознание, либо жизнь.

Но вместо этого оружие неожиданно выскользнуло из рук гоблина, отлетело вправо от меня и покатилося по опилкам. И с низким, тяжелым стоном боли, в шоке мой противник рухнул в мою сторону, чем-то сраженный, что казалось чистой воды колдовством. Я вынужден был отползти в сторону, чтобы он не придавил меня, и когда я в недоумении уставился на него, я понял, что спасло меня. Над гоблином стоял Джоэль Так, и в руках у него была та же кувалда, что и в среду, когда я застал его вбивающим колья палатки позади Шоквилля. Джоэль обрушил кувалду еще раз, и череп гоблина раскололся с глухим звуком, сырым и тошнотворным.

Вся битва протекала в полной тишине. Самым громким звуком были удары деревянной дубинки, обрушивающейся то на одну, то на другую часть моего тела, а их было слышно самое большее в сотне футов отсюда.

До сих пор раздираемый на части болью и медленно обдумывая случившееся, я оцепенело глядел, как Джоэль выпустил кувалду из рук, ухватил мертвого гоблина за ногу и отволлок с дороги, спрятав его в нише, образованной платформой зазывалы балагана и билетным киоском. К тому времени, когда он взялся за второй труп, за ну-вылитого-Элвиса, я уже смог подняться на колени и начал растирать руки, потихоньку изгоняя боль из рук и тела.

Я глядел на то, как Так медленно тянет второе тело за будку, чтобы взгромоздить его на первое. Приступ головокружения настроил меня на черный юмор, и я представил себе Джоэля Така возле огромного камина, возвышающимся в удобном кресле, читающим хорошую книгу и прихлебывающим бренди. Время от времени он встает, чтобы вытащить труп из высокого штабеля трупов и засунуть его в камин, где пламя уже наполовину пожрало другие мужские и женские трупы. Если закрыть глаза на то, что тела заменяли обычные поленья, вся сцена носила теплый, домашний характер, и Джоэль даже счастливо насвистывал, шевеля железной кочергой в ворохе горячей плоти. Я почувствовал, как во мне нарастает дикий смех, и понял, что не должен дать ему вырваться, потому что тогда я уже навряд ли смогу остановиться. Мысль о том, что я нахожусь на грани истерики, напугала и потрясла меня. Я помотал головой, прогоняя эту странную сценку у камина из сознания.

К тому моменту, как я оклемался достаточно, чтобы попытаться встать, Джоэль был уже рядом и помог мне. В жутком свете ущербной луны его обезображенное лицо казалось не более чудовищным, чем обычно, как можно было бы ожидать, но мягче, не таким угрожающим, словно неумелый рисунок ребенка, скорее изумляющим, чем пугающим. Я прислонился к нему на минуту, вновь ощутив, как он чертовски велик.

Когда я наконец попытался заговорить, у меня достало ума просто прошептать:

— Я в норме.

Ни один из нас ни словом не обмолвился о его случайном появлении, равно как не обсуждалась и готовность, с которой он совершил убийство, хотя сам же заявлял, что в жизни не видел никаких гоблинов. Об этом позже. Если выживем.

Я проковылял по тропинке за своим ножом. Остановившись, я на секунду почувствовал головокружение, но пересилил его, вытащил нож из опилок, поднялся на ноги и направился обратно к Джоэлю — язык-за-зубами, бычья-шея, косая-сажень-в-плечах, весь-такой-крутой, по стати и походке — вылитый пьяница, уверенный, что лихо надувает всех, проходя тест на алкоголь.

Джоэля мой выпендрег не обманул. Он взял меня за руку, поддержал и помог уйти с дорожки, где мы были на виду, а затем мы бросились к центру ярмарки. Убежище мы нашли в тени возле «гусеницы».

— Кости сломаны? — прошептал он.

— Вроде нет.

— Сильно ранен?

— Нет, — ответил я, вытаскивая парочку самых здоровых заноз из ладоней. Серьезных

повреждений я избежал, но к утру боль будет невыносимой. Если для меня наступит утро.

— Там еще есть гоблины.

Минуту он молчал.

Мы прислушивались.

Вдали слышался печальный гудок поезда.

Вблизи — быстрый тихий трепет тонких крыльев мотылька.

Дыхание. Наше.

Наконец он прошептал:

— Сколько их, как думаешь?

— Шестеро, должно быть.

— Двух убил, — сказал он.

— Включая того, что ты у меня на глазах расплющил?

— Нет. Тогда трех.

Как и я, он знал, что они собираются испортить чертово колесо в эту ночь. Как и я, он решил остановить их. Мне хотелось обнять его.

— Двух убил, — прошептал я.

— Ты?

— Я.

— Значит... один остался?

— Видимо, так.

— Хочешь найти его?

— Нет.

— Э-э?

— Должен найти его.

— Верно.

— Колесо, — прошептал я.

Мы крались по неразберихе, царящей на ярмарке, пока не добрались до колеса. Несмотря на свои размеры, Джоэль Так двигался с грацией легкоатлета и абсолютно тихо. Мы остановились в громоздящихся тенях возле небольшого трейлера, в котором находился генератор. Осмотревшись повнимательней среди оборудования, я увидел шестого гоблина, стоящего у подножия чертова колеса.

Этот был замаскирован под высокого, мускулистого мужчину лет тридцати пяти, с вьющимися светлыми волосами. Но он стоял на открытом месте, и вяло падающий на него анемичный лунный свет покрывал его, как тальк покрывает и делает видимым невидимку, поэтому я мог различить внутри также и гоблина, даже с расстояния в тридцать футов.

Джоэль прошептал:

— Он встревожен. Гадает, где остальные. Надо с ним быстро разделаться... пока не успел испугаться и смыться.

Мы подкрались по краю футов на пять ближе к демону и теперь сжались под последним прикрытием. Чтобы добраться до гоблина, нам придется вскочить, обнаружив себя, пробежать двенадцать футов, перепрыгнуть через низкую изгородь и преодолеть еще двенадцать-пятнадцать футов по земле, где повсюду тянулись провода.

Разумеется, к тому времени, как мы преодолеем изгородь, наш враг уже бросится спасать свою жизнь, и если мы его не догоним, эта тварь кинется обратно в Йонтсдаун, чтобы предупредить остальных: «На ярмарке есть люди, способные видеть сквозь наши личины!» И тогда шеф Лайсл Келско изыщет причину прочесать ярмарку. Он (оно) заявится во всеоружии с охапкой ордеров на обыск и винтовок и станет совать нос не только в аттракционы и палатки, но и к нам в трейлеры. Он не успокоится до тех пор, пока убийцы гоблинов не будут опознаны среди обычных балаганщиков и тем или иным способом уничтожены.

Если же, напротив, шестой гоблин будет убит и тайно похоронен вместе со своими собратьями, Келско будет сильно подозревать, что кто-то на ярмарке несет ответственность за

их исчезновение, но у него не будет доказательств. Он может даже и не понять, что «подрывники» были уничтожены потому, что их человеческая маскировка провалилась. Если этот шестой гоблин не вернется в Йонтсдаун с недвусмысленным предупреждением и подробным описанием Джоэля и меня, какая-то надежда есть.

Моя правая рука была мокрой от пота. Я яростно вытер ее о джинсы и взялся за острие метательного ножа. Руки болели от полученных побоев, но я был совершенно уверен, что все же сумею кинуть нож как надо. Быстрым шепотом я объяснил Джоэлю свои намерения, и когда гоблин отвернулся от нас, взглядываясь в тени на другой стороне в ожидании своих демонических соратников, я встал, сделал несколько быстрых шагов, застыл и, когда он снова начал разворачиваться в мою сторону, метнул нож со всей силой, быстротой и точностью, на какую был способен.

Но я метнул нож на секунду раньше и чуть ниже, чем надо. Чудовище не успело полностью развернуться в мою сторону, и нож глубоко вошел ему в плечо, вместо того чтобы пронзить шею в уязвимой середине. Демон отшатнулся назад и наткнулся на билетный киоск. Я бросился к нему, споткнулся и упал среди кабелей, больно ударившись о землю.

К тому времени как Джоэль добежал до чудовища, оно вынуло нож из плеча и шаталось, хотя по-прежнему держалось на ногах. С рычанием и змеиным шипением, явно не имеющим ничего общего с человеческими звуками, гоблин напал на Джоэля, но тот был чрезвычайно ловок для своих габаритов. Выбив нож из руки гоблина, Джоэль сильно толкнул его и, когда тот грохнулся наземь, обрушился на него сверху и задушил его.

Я подобрал нож, вытер лезвие о штанину и засунул его обратно в ножны в ботинке.

Даже если бы я и смог разделаться со всеми шестью гоблинами без помощи Джоэля, у меня бы просто не хватило сил зарыть всех шестерых. Высокий и мускулистый, он мог тащить два тела сразу, тогда как у меня хватало сил только на одно. Будь я один, мне бы пришлось шесть раз ходить в лес за ярмарочной площадью, вдвоем же нам пришлось проделать этот маршрут только дважды.

Кроме того, благодаря Джоэлю рыть могилы вовсе не потребовалось. Мы оттащили тела всего футов на двадцать в глубь леса. Там, на небольшой полянке, окруженной деревьями, словно языческими жрецами в черных рясах, была известняковая шахта, готовая принять трупы.

Опустившись на колени возле шахты и направляя луч фонарика Джоэля в нее, казалось, бесконечные глубины, я спросил:

— Откуда ты узнал про нее?

— Я всегда осматриваю окрестности, когда мы устраиваемся на новой стоянке. Когда находишь такое место, на душе становится легче при мысли, что, если понадобится, можно им воспользоваться.

— Так ты тоже на войне, — заметил я.

— Нет. Не так, как ты, судя по всему. Я убиваю их, только когда у меня не остается иного выбора, когда они собираются убить балаганщиков или намереваются навредить посетителям ярмарки и свалить всю вину на нас. Я ничего не могу поделать с теми несчастными, которые они причиняют людям там, в правильном мире. Не то чтобы мне было наплевать на них, понимаешь? Но я один, и я не могу сделать много, самое большее, на что я могу надеяться, — защитить самого себя.

Деревья вокруг нас зашелестели своими рясами из листьев.

Из шахты донесся запах склепа.

— Ты и других гоблинов бросал сюда? — спросил я.

— Только двух. В Йонтсдауне они обычно оставляют нас в покое — они и без того страшно заняты: устраивают пожары в школах, травят людей на церковных пикниках и все такое прочее.

— Так ты знаешь, что тут рассадник!

— Да.

— А когда ты схоронил здесь тех двух? — поинтересовался я, снова заглядывая в

бездонную известняковую шахту.

— Два года назад. Эта парочка пришла на ярмарку в ночь накануне закрытия. Собирались устроить пожар, который бы охватил всю ярмарку и стер бы нас с лица земли. Я расстроил их планы.

Ссутулившийся, волосы всклокочены, бесформенное лицо в отраженном свете фонарика еще более странное, чем обычно, он подтолкнул первый труп к жерлу шахты, словно мифическое чудище Грендель, заготавливающее впрок мясо на случай зимнего голода.

Я вмешался:

— Нет. Сначала... нам надо отрубить им головы. Тела спихнем в шахту, но головы надо закопать отдельно... просто для гарантии.

— Э-э? Для гарантии чего?

Я рассказал ему про случай с гоблином, которого он зарыл под полом Шоквилля на прошлой неделе.

— Я никогда раньше не отрубал им головы, — признался он.

— Тогда существует вероятность, что хотя бы пара из них вернулась.

Он бросил тело и минуту стоял в молчании, размышляя над этой тревожной информацией. Глядя на его размеры и на вызывающие ужас угловатые черты, можно было подумать, что он с легкостью нагоняет страх на других, но сам в жизни не ведал испуга. Однако даже в этом неверном свете я мог разглядеть смятение на его лице и в двух нормальных глазах, а когда он заговорил, тревога чувствовалась и в его голосе:

— Ты хочешь сказать, что, может быть, где-то есть один-два гоблина, которые знают, что мне известно про них... и, может быть, они разыскивают меня... уже давно меня ищут и могут быть все ближе и ближе?

— Вполне, — ответил я. — Я так думаю, что большинство из них остаются мертвыми, когда их убьешь. Может быть, лишь у немногих сохраняется достаточно сильная искра жизни, чтобы исцелить тела и мало-помалу ожить.

— Даже несколько — все равно слишком много, — неловко ответил он.

Сейчас я держал фонарик так, что луч света падал через устье шахты, параллельно земле, высвечивая стволы пары деревьев на дальнем конце прогалины. Джозель поглядел сквозь расширяющийся луч на зияющую пасть шахты, словно ожидая увидеть, как из темноты к нему потянутся руки гоблинов. Он как будто решил, что его жертвы уже давно вернулись к жизни, но оставались все время там, внизу, ожидая, когда он снова вернется.

Он сказал:

— Не думаю, чтобы те двое, которых я сбросил сюда, могли ожить. Я их не обезглавил, но я чертовски хорошо их обработал, так что даже если в них и оставалась искра жизни, когда я их сюда приволок, то падение в эту дыру уж наверняка прикончило их. К тому же если бы они вернулись, то предупредили бы остальных в Йонтсдауне и группа, что явилась испортить чертово колесо, была бы куда осторожней.

Хотя шахта казалась очень глубокой, хотя он был почти наверняка прав, говоря, что ни один гoblin не способен выбраться обратно из этой холодной, бездонной могилы, мы тем не менее обезглавили всех шестерых демонов, которых убили этой ночью. Тела мы отправили в шахту, а головы схоронили в братской могиле, которую вырыли далеко от этого места, в глубине леса.

* * *

Возвращаясь на ярмарку, шагая по лесной тропинке, пробираясь среди ежевики и сорняков, я чувствовал себя таким измотанным, что мои кости, казалось, сейчас выскочат из суставов. Джозель Так тоже выглядел усталым, и у нас не было ни сил, ни ясности мысли, чтобы задать друг другу все вопросы, ответы на которые нам были так нужны. И все же я хотел знать, почему он прикидывался дурачком в среду утром, когда я оторвал его от

вбивания кольев палатки, сказав, что знаю, кто похоронил за меня гоблина на месте нашего предыдущего выступления.

Перефразируя вопрос, который он задал мне про Райю Рэйнз на прошлой неделе, он ответил:

— Видишь ли, Карл Слим, в тот момент я не был уверен, что вижу то «внутри», что под твоим «внутри». Я знал, что внутри тебя — убийца гоблинов, но я не знал, это ли твой самый важный секрет. Ты производил впечатление друга. Любой убийца гоблинов произведет впечатление хорошего парня. Черт возьми, это так! Но я осторожен. В детстве я не осторожничал с людьми, но потом, знаешь ли, научился. О, я научился! Ребенком я безумно хотел, чтобы меня любили, сходил с ума от своей кошмарной внешности. Мне так были нужны привязанность и любовь, что я сам привязывался ко всякому, у кого находилось для меня доброе слово. Но один за другим они предавали меня. Я слышал, как некоторые из них смеются надо мной за моей спиной, а в других я мало-помалу разгадал тошнотворную жалость. Некоторые верные друзья и опекуны завоевали мое доверие только для того, чтобы показать, что не заслуживают его, стремясь взять меня под пожизненную опеку для моего же блага! К тому моменту мне исполнилось одиннадцать лет, и я понял, что в любом человеке множество слоев, как в луковице, и прежде чем подружиться с человеком, надо убедиться, что каждый его слой так же чист, как и шелуха. Понятно?

— Понятно. А как ты думал, какой секрет я мог бы скрывать под секретом, что я убийца гоблинов?

— Я ничего не знал. Могло быть все, что угодно. Поэтому я следил за тобой. Даже сегодня ночью, когда этот ублюдок совсем было собрался вышибить из тебя дух своей дубинкой, я и то не до конца решил, кто ты есть.

— О господи!

— Но я понял, что если буду бездействовать, то могу потерять друга и союзника. А в этом мире друзья и союзники вроде тебя встречаются не так часто.

Мы устало брели, как два товарища, по лугу между лесом и ярмаркой. Луна зашла, черные руки ночи заговорщицки обнимали нас за плечи. Высокая трава шелестела у ног. Вокруг нас порхали мотыльки, летая по заданиям, полученным от света фонарика и недоступным пониманию человека. Наши шаги заставляли смолкнуть на время пение сверчков и кваканье полевых жаб, но когда мы проходили, хор звучал с новой силой.

Мы подошли к задней части большой палатки, где показывалось шоу с девицами «Сабрина — тайны Нила», с египетскими трюками. Джоэль остановился и положил свою крупную руку мне на плечо, побуждая остановиться и меня.

— Сегодня ночью могут быть неприятности, когда эти шестеро не вернутся, вопреки ожиданиям, в Йонтсдаун. Может, тебе лучше провести эту ночь у меня в трейлере. Жена возражать не будет. Там есть еще одна спальня.

Я впервые услышал о том, что он женат. Хотя я и превозносил себя за присущее балаганщикам спокойное отношение к уродству, меня неприятно поразило, что я был ошеломлен, представив жену Джоэля Така.

— Что ты сказал? — спросил он.

— Сомневаюсь, что сегодня ночью случится какая-нибудь беда. Кроме того, если она случится, мое место с Райей.

С минуту он молчал. Потом сказал:

— Я был прав, не так ли?

— Ты о чем?

— О твоей влюбленности.

— Это больше чем влюбленность.

— Ты... любишь ее?

— Да.

— Ты уверен?

— Да.

— А ты уверен, что знаешь разницу между любовью и влюбленностью?

— Что это, черт побери, за вопрос? — Я не был всерьез зол на него, просто разочарован, ощутив, что какая-то загадочность вновь появляется в нем.

— Извини, — ответил он. — Ты не обычный семнадцатилетний мальчик. Ты не мальчик. Ни один мальчик не узнал, не увидел и не сделал столько, сколько ты, и мне не следовало забывать об этом. Думаю, ты знаешь, что такое любовь. Ты мужчина.

— Я старик, — устало ответил я.

— А она любит тебя?

— Да.

Он надолго замолчал, но не убрал руку с моего плеча и держал меня на месте, словно тщательно подыскивая слова, чтобы выразить какую-то важную мысль, что было нелегко даже для него с его потрясающим словарным запасом.

— Что с тобой? — спросил я. — Что тебя тревожит?

— Мне кажется, когда ты говоришь, что она любит тебя... это нечто, что тебе известно даже не из ее слов... а благодаря каким бы там ни было твоим талантам и ощущениям.

— Верно, — ответил я, удивляясь, почему наша с Райей связь так сильно занимает его. Своими вопросами на столь деликатную тему он на первый взгляд просто совал нос в чужие дела, но я смутно чувствовал, что дело тут серьезней, и, кроме того, он спас мне жизнь. Поэтому я погасил первую искру раздражения и продолжал:

— Ясновидчески, психически, я чувствую, что она любит меня. Это тебя удовлетворяет? Но даже если бы у меня не было такого преимущества, как шестое чувство, я бы все равно знал, что она чувствует.

— Если ты уверен...

— Я уже сказал, что уверен.

Он вздохнул.

— Извини меня еще раз. Просто... я всегда чувствовал... отличие Райи Рэйнз. У меня было ощущение, что «внутри» под ее «внутри»... недоброе.

— У нее есть одна кошмарная тайна, — сказал я. — Но это не имеет отношения к тому, что она сделала. Это то, что сделали с ней.

— Она тебе все рассказала?

— Да.

Он покачал косматой головой и задвигал челюстью-ковшом:

— Славно. Я рад слышать это. Я всегда ощущал хорошую, достойную часть существа Райи, но было и это другое, неизвестное, что вызывало подозрения...

— Я уже сказал, ее тайна состоит в том, что она была жертвой, а не преступником.

Он потрепал меня по плечу, и мы снова тронулись в путь, обошли сзади одно из шоу, пошли вдоль «животных-чудес», между палатками, на проезд, а оттуда к Джибтауну-на-колесах. Я зашагал быстрее, когда мы приблизились к трейлерам. Разговоры про Райю напомнили мне, что она в беде. Хотя я и предупреждал ее об осторожности, хоть и знал, что она будет осторожна, узнав, что ей грозит опасность, и не даст этой опасности подкрасться к ней незаметно, хоть я и не чувствовал, чтобы ей грозила беда в этот самый час, страх змеей свернулся у меня в животе, как в яме, и мне хотелось скорее увидеть ее.

Мы с Джоэлем расстались, договорившись встретиться завтра, чтобы удовлетворить взаимное любопытство о психических способностях друг друга и поделиться своими знаниями о расе гоблинов.

Затем я направился к «Эйрстриму» Райи, вспоминая ночную резню и надеясь, что от меня не слишком несет кровью. На ходу я сочинял историю, чтобы объяснить про пятна на джинсах и футболке, если Райа еще не спит и ей доведется их увидеть. Если же мне повезет, она будет уже спать, и, пока она видит сны, я смогу принять душ и избавиться от одежды.

Я чувствовал себя почти что самой Смертью, возвращающейся домой с работы.

Я не знал, что до рассвета этой Старухе еще придется поработать своей косой.

Полное затмение сердца

Райа сидела в кресле в гостиной «Эйрстрима», все в тех же коричневых слаксах и изумрудно-зеленой блузке, которые были на ней, когда я в последний раз видел ее на ярмарке. В руке у нее был стакан скотча. Стоило мне взглянуть на ее лицо, как я тут же проглотил три-четыре лживые фразы, что заготовил по дороге домой. Что-то было совсем не так, как надо, — это было заметно и по ее глазам, и по дрожи, лишившей ее рот жесткости, и по темным кругам, появившимся под глазами, и по бледности, сразу состарившей ее.

— Что случилось? — спросил я.

Она указала мне на кресло напротив себя, а когда я ткнул пальцем в пятна на джинсах — не такие уж и страшные, когда я разглядел их на свету, — она сказала, что это ерунда, и снова показала мне на кресло, на этот раз с оттенком нетерпения. Я сел, неожиданно заметив землю и кровь на руках, осознав, что на лице тоже наверняка есть пятна крови. Но мой внешний вид, казалось, не потряс ее, не разжег любопытства. Она не проявляла интереса к тому, где я шлялся последние три часа, что, должно быть, свидетельствовало о степени серьезности новостей, которые она собиралась мне поведать.

Когда я пристроился на краешке кресла, она сделала долгий плоток скотча. Стекло стучало о ее зубы. Вздвогнув, она сказала:

— Когда мне было одиннадцать, я убила Эбнера Кэди, и меня забрали от матери. Это я тебе уже рассказывала. Меня поместили в государственный детский дом. Это я тоже тебе рассказывала. Но я не рассказывала тебе, что... когда я попала в детдом... там я впервые увидела их.

Я непонимающе уставился на нее.

— Их, — сказала она. — Они руководили заведением. Они были во главе. Директор, заместитель директора, главная няня, доктор, который жил отдельно, но появлялся в любое время, адвокат, большинство учителей, почти весь штат был из их племени, и я была единственным ребенком, способным видеть их.

Ошеломленный, я попытался встать.

Она жестом дала понять, чтобы я оставался там, где нахожусь, и сказала:

— Еще не все.

— Ты тоже видишь их! Невероятно!

— Не так уж невероятно, — возразила она. — Ярмарка — лучшее в мире убежище для изгоев общества, а есть ли большие изгои, чем те из нас, кто видит... других?

— Гоблинов, — сказал я. — Я называю их гоблинами.

— Я знаю. Но разве это не логично, что наше племя забредет на ярмарку... или в сумасшедший дом... вернее, чем куда бы то ни было?

— Джоэль Так, — сказал я.

Она удивленно моргнула:

— Он тоже их видит?

— Да. И мне кажется, он знает, что ты видишь гоблинов.

— Но он мне никогда этого не говорил.

— Потому что, как он сказал, он различает темноту в тебе, а он очень осторожный человек.

Она допила скоч и долгим взглядом уставилась на кубики льда в стакане. Она была мрачнее, чем всегда. Когда я снова попытался встать, она сказала:

— Нет. Оставайся там. Не приближайся ко мне, Слим. Я не хочу, чтобы ты пытался меня утешить. Я не хочу, чтобы меня поддерживали. Не сейчас. Мне надо закончить с этим.

— Ладно. Продолжай.

Она продолжала:

— Я никогда не видела... гоблинов в холмах, в Виргинии. Народу там было немного, а от дома мы никогда далеко не уходили, никогда не видели никаких пришлых, так что я

практически не могла с ними столкнуться. Когда я в первый раз увидела их в детдоме, я была страшно напугана, но я чувствовала, что меня... уничтожат... если я дам им понять, что могу видеть сквозь их маски. Я осторожно, намеками, порасспрашивала, и вскоре мне стало ясно, что никто из детей, кроме меня, не знает о чудовищах внутри наших попечителей.

Она поднесла к губам стакан, вспомнила, что выпила все виски, и, поставив стакан на колени, сжала его обеими руками, чтобы они не тряслись.

— Можешь себе представить, каково это — беспомощный ребенок, отданный на милость этим тварям? О, они не причиняли нам слишком много физических страданий, потому что большое число умерших или тяжело изувеченных детей привело бы к расследованию. Но дисциплинарный устав предоставлял широкие возможности для хорошей трепки и самых разнообразных наказаний. Они были мастерами психологической пытки и постоянно держали нас в страхе и отчаянии. Они словно питались нашим горем, психической энергией, порождаемой нашим страданием.

Я чувствовал, что в крови у меня словно намерзают сосульки.

Я было потянулся, чтобы обнять ее, потрепать по волосам и сказать, что они никогда больше не дотронутся до нее своими грязными лапами, но почувствовал, что она еще не закончила и ей не понравится, если я прерву ее.

Теперь она почти шептала:

— Но была участь еще хуже, чем остаться в детдоме. Усыновление. Понимаешь, я скоро поняла, что семейные пары, которые время от времени появлялись там, чтобы побеседовать с детьми и усыновить их, нередко были оба гоблины, и ни разу ни одного ребенка не отдали в семью, где не было бы... где по крайней мере один из родителей не был бы... гоблином. Понял, к чему я? Понял? Знаешь, что случалось с детьми, которых усыновляли? В уединении новой семьи, вне государственного надзора, казавшегося вопиющей несправедливостью в детдоме, в «убежище» семьи, где страшные тайны куда легче хранить в секрете, гоблины, взявшие детей под свое крыло, пытали их, использовали как игрушки для своих развлечений. Так что, хоть в детдоме был ад, было куда страшнее, если тебя отправляли в дом к парочке этих.

Холод из моей крови проник в кости, и костный мозг словно замерз навеки.

— Я избежала удочерения, притворяясь тупой, делая вид, будто у меня настолько низкий уровень интеллекта, что пытать меня — не большее удовольствие, чем мучить безмозглое животное. Понимаешь, им нужна реакция. Это их возбуждает. Я не имею в виду только физическую реакцию на боль, которую они причиняют. Это ерунда, вторично. Они хотят твоей муки, твоего страха, а в тупом животном нелегко вызвать достаточно изысканный для них страх. Так что я избежала удочерения, а когда я стала достаточно взрослой и достаточно крутой, чтобы быть полностью уверенной, что удержусь на ногах сама, я сбежала на ярмарку.

— В четырнадцать лет.

— Да.

— Достаточно взрослая и достаточно крутая, — повторил я с мрачной иронией.

— Прожив одиннадцать лет с Эбнером Кэди и три года под пятой гоблинов, — заметила она, — я стала такой крутой, что тебе и не снилось.

Если раньше ее выдержка, стойкость и сила казались странными, то сейчас то, что я услышал, выявило ее мужество — такое, которое почти невозможно объять разумом. Я нашел себе особенную женщину, это точно, женщину, чье упорное намерение выжить вызывало почтительное изумление.

Я откинулся в кресле, внезапно обессилев от того ужаса, который только что услышал, как от тяжелого удара. Во рту у меня было сухо и горчило, желудок ныл, во всем теле была страшная опустошенность.

Я выдавил:

— Черт возьми, кто они? Откуда они явились? Почему они преследуют человечество?

— Я знаю, — сказала она.

В первый момент я не до конца осознал значение этих двух слов. Наконец до меня дошло — она имела в виду, что в буквальном смысле знает ответы на три этих вопроса. Я подался вперед в кресле, не в силах дышать, как наэлектризованный:

— Откуда ты знаешь? Как ты это выяснила?

Она смотрела на свои руки и молчала.

— Райа?

— Они — наше творение, — сказала она.

— Как такое может быть? — ошеломленно спросил я.

— Ну, понимаешь... человечество существует в этом мире дольше, чем известно нашим мудрецам. Существовала цивилизация, за много тысяч лет до нашей... до того, как возникла письменная история, и эта цивилизация была намного сильнее развита, чем наша.

— Что ты имеешь в виду? Исчезнувшая цивилизация?

Она кивнула.

— Исчезнувшая... разрушенная. Война и угроза войны были такой же проблемой для той ранней цивилизации, как сегодня для нашей. Те нации создали ядерное оружие и зашли в тупик, похожий на тот, к которому мы приближаемся сейчас. Но этот тупик не привел ни к шаткому перемирию, ни к миру по необходимости. Нет, черт возьми. Нет. Напротив, зайдя в тупик, они начали изыскивать иные средства для ведения войны.

Какая-то часть меня недоумевала, как она могла узнать такие вещи, но я ни на секунду не усомнился в правдивости всего, что она рассказала, поскольку шестым чувством — а может, обрывками расовой памяти, глубоко сокрытой в подсознании, — я чувствовал зловещую правдивость того, что иным слушателям показалось бы всего лишь безумной фантазией или сказкой. Я был не в состоянии опять перебить ее, чтобы спросить об источнике ее информации. Во-первых, она, казалось, не готова открыть мне это. А во-вторых, я был зачарован, заморожен и не мог не слушать, а ее, судя по всему, терзала такая же необходимость объяснить мне все. Ни один ребенок не бывал так захвачен волшебной сказкой, рассказываемой на ночь, ни один приговоренный не выслушивал с более мрачным видом судью, оглашающего приговор, как я, когда сидел и слушал в ту ночь Райю Рэйнз.

— Пришло время, — продолжала она, — когда они научились... вмешиваться в генетическую структуру, животных и растений. Не просто вмешиваться, но исправлять, скрещивать гены друг с другом, по желанию устранять или добавлять их характеристики.

— Это же научная фантастика какая-то.

— Для нас — да. А для них это было реальностью. Этот прорыв значительно улучшил жизнь людей, обеспечив более высокое качество продуктов... сделав стабильными пищевые ресурсы... создав кучу новых лекарств. Но в нем был и большой потенциал для зла.

— И этот потенциал недолго оставался нераскрытым, — добавил я, не с проницательностью ясновидца, а с циничной уверенностью в том, что человеческая природа ничуть не изменилась — и не была лучше — за десятки тысяч лет до нашего времени.

Райа сказала:

— Первый гоблин был выведен исключительно для военных целей, превосходный воин армии рабов.

Вообразив себе гротесковый облик демона, я спросил:

— А какое конкретно животное они изменили, чтобы создать эту... эту штуку?

— Точно не знаю, но думаю, что это скорее не измененный вариант или что-то в этом роде, а... совершенно новый вид на Земле, созданная человечеством раса, чей разум не уступает нашему. Насколько я это понимаю, гоблин — это существо с двумя генетическими структурами на каждый вид внешнего облика: один человеческий, другой нет, плюс жизненно важный связующий ген, в котором заложен талант к метаморфозам, так что у существа есть возможность выбирать между двумя обликами: быть — по крайней мере, внешне — человеком или гоблином, что в данный момент ему больше подходит.

— Но это же не настоящий человек, даже когда он выглядит как один из нас, — возразил я.

Затем мне на память пришел Эбнер Кэди, и я решил, что даже некоторые люди — не настоящие люди.

Райа ответила:

— Нет. Даже если он окажется способен пройти самые тщательные медицинские проверки, он все равно остается гоблином. Это его основная сущность, независимо от физического облика, который он принимает в тот или иной момент. В конце концов, его нечеловеческий взгляд на вещи, его мышление, его способы рассуждать — все это настолько нам чуждо, что людям этого не постичь. Он был задуман как существо, способное проникнуть в чужую страну, смешаться с людьми, выдавая себя за человека... а потом, в подходящий момент, обернуться своей ужасной личиной. Например, скажем, пять тысяч гоблинов просочились на вражескую территорию. Они бы выполняли террористические акции, там, где попало, подорвали бы экономику и общество, создали бы атмосферу паранойи...

Я легко представил себе этот хаос. Сосед подозревал бы соседа. Никто бы не доверял никому, кроме членов своей семьи. Общество, каким его знаем мы, не смогло бы существовать в такой атмосфере параноидального подозрения. В скором времени нация, подвергшаяся такой осаде, была бы порабощена.

— Или эти пять тысяч были бы запрограммированы на то, чтобы нанести одновременный удар, — продолжала Райа, — всем сразу обрушиться на людей с такой жадной жаждой убийства, что для ее утоления потребовалось бы двести тысяч жизней за одну ночь.

Цель твари — вся она когти и клыки, тщательно спроектированная машина убийства с внешностью, от которой леденеет кровь, — не просто убийство, но и деморализация.

Прикинув эффективность армии гоблинов-террористов, я на некоторое время лишился дара речи.

Мои мускулы были напряжены и набухли, я никак не мог их расслабить. Глотка пересохла. Болело в груди.

Я слушал, и страх проникал в мои внутренности, сжимая их.

Но не история рода гоблинов так взбудоражила меня.

Что-то другое.

Неясное предвидение.

Что-то надвигающееся.

Что-то плохое.

У меня было такое чувство, что когда я дослушаю до конца о происхождении гоблинов, то окажусь посреди такого кошмара, какой сейчас не мог себе и представить.

Райа все так же сидела в кресле, плечи опущены, голова поникла, глаза глядели вниз. Она сказала:

— Этот воин... гоблин был специально спроектирован так, чтобы он не ведал жалости, чувства вины, стыда, любви, милосердия и большинства других человеческих чувств, хотя и мог имитировать их достаточно искусно, когда хотел сойти за мужчину или женщину. Ему не были знакомы угрызения совести при совершении актов крайней жестокости. Строго говоря... если я правильно поняла ту информацию, что накапливала годами... если я верно истолковала то, что видела... гоблин был даже запрограммирован на то, чтобы получать удовольствие, убивая. Черт возьми, у него было всего три эмоции — ограниченное чувство страха (его генетики и психогенетики включили в качестве механизма выживания), ненависть и жажда крови. Так что... осужденная на столь узкий набор ощущений, тварь, естественно, постаралась выжать все, что возможно, из каждой отпущенной ей эмоции.

Ни один человек-убийца ни в их цивилизации, ни в нашей, за все тысячи лет забытой или записанной истории, вряд ли мог являть пример одержимого, необузданного, психопатического, убийственного поведения, равного по своей силе с той частью того, что испытывали эти солдаты из пробирки. Ни один религиозный фанатик, которому было гарантировано место на небесах, если он возьмет в руки ружье во имя господ, никогда не устраивал бойню с таким пылом.

Мои грязные, окровавленные руки так сильно сжались в кулаки, что ногти больно вонзились в ладони, но я был не в силах их разжать. Я был вроде кающегося грешника, намеренно терзающего себя, чтобы через физическую боль обрести прощение. Но для кого прощение? Чьи грехи мне необходимо было искупить?

Я произнес:

— Но, господа, создать такого воина... это было... это было безумие! Тварь наподобие этой невозможно контролировать!

— Как видно, они считали, что возможно, — ответила она. — Насколько я понимаю, у каждого гоблина, вышедшего из их лабораторий, в мозг был встроен контрольный механизм, назначением которого было посылать сигналы боли, временно выводящие гоблина из строя, и страха. Благодаря этому устройству неподчинившийся воин мог бы быть наказан в любой точке земли, где бы он ни находился.

— Но что-то пошло не так, — заметил я.

— Что-то всегда начинает идти не так, — отозвалась она.

Я снова спросил:

— Откуда ты все это знаешь?

— Не торопись. В свое время я тебе все объясню.

— А я от тебя этого потребую.

Ее голос был мрачным и тусклым, и он стал еще более тусклым, когда она начала рассказывать об остальных предохранителях, встроенных в гоблинов, чтобы предотвратить их восстание и избежать ненужного кровопролития. Разумеется, они были созданы бесплодными. Они не могли размножаться, новые особи могли появляться лишь в лабораториях. Кроме того, каждый гоблин подвергался усиленной умственной обработке, направлявшей его ненависть и стремление к убийствам на какую-нибудь четко определенную этническую или расовую группу, на конкретного противника, без опасения, что он ничтоже сумняшеся нападет на союзников своих хозяев.

— И что же пошло не так? — спросил я.

— Я хочу еще скотча, — сказала она.

Поднявшись с кресла, она направилась на кухню.

— Плесни и мне, — попросил я.

Все мое тело болело, руки саднили и зудели, потому что я еще не вынул из ладоней все занозы. Скотч должен был оказать обезболивающее действие.

Но он не мог повлиять на ощущение нависшей опасности. Предчувствие все усиливалось, и я знал, что оно не исчезнет, сколько бы спиртного я ни влил в себя.

Я поглядел на дверь.

Я не запер ее, когда входил. Никто не запирает двери ни в Джибтауне во Флориде, ни в Джибтауне-на-колесах, потому что балаганщики никогда — или практически никогда — не воруют друг у друга.

Я встал, подошел к двери, нажал кнопку фиксатора замка и задвинул засов.

Это должно было успокоить меня. Не успокоило.

Райа вернулась из кухни и протянула мне стакан скотча со льдом.

Я удержался от стремления дотронуться до нее, потому что чувствовал, что она все еще не хочет нашей близости. Пока все не расскажет.

Я вернулся в кресло, сел и одним глотком опрокинул полстакана скотча.

Она продолжала, хотя новая порция виски не изменила ее мрачного тона. Я чувствовал, что ее состояние вызвано не только страшной «сказкой», которую она была вынуждена рассказывать, но и внутренним смятением. Что бы там ни терзало ее, я не мог ясно определить, что это.

Продолжая рассказ, она поведала мне, что секретная информация о гоблинах вскоре перестала быть тайной, как обычно и случается с любым знанием, и с полдюжины других стран тут же создали своих лабораторных солдат, таких же, как и первые гоблины, но с модификациями, улучшенных и более качественных. Они выращивали этих тварей, как в

бочке, тысячами, и сила удара этого нового оружия была бы почти такой же страшной, как полновесный обмен ядерными ударами.

— Не забывай, — добавила Райа, — гоблины замышлялись как альтернатива ядерной войне, как значительно менее разрушительное средство для достижения мирового господства.

— Хороша альтернатива!

— Ну, если бы страна, впервые создавшая их, сумела сохранить в тайне технологию, она бы в самом деле завоевала мир в течение нескольких лет, не прибегая к ядерному оружию. Как бы там ни было, когда у всех были солдаты-гоблины, когда на страх отвечали страхом, все стороны быстро сообразили, что взаимное разрушение будет столь же гарантированным с помощью искусственных солдат, сколь и с помощью ядерного орудия. Поэтому они пришли к соглашению, решив отозвать и уничтожить свои армии гоблинов.

— Но кто-то нарушил договор, — сказал я.

— Не думаю, — возразила она. — Я могу и ошибаться, могла все неправильно понять... но мне кажется, что некоторые из солдат оказались способны отказаться от возвращения.

— Господи.

— По причинам, которые так и не были установлены, по крайней мере, мне они непонятны, некоторые из гоблинов коренным образом изменились, выйдя из лаборатории.

Поскольку большую часть детства и юности я увлекался наукой, у меня возникла пара соображений по этому поводу. Я предположил:

— Возможно, они изменились потому, что цепочки их искусственных хромосом и подправленных генов были созданы слишком хрупкими.

Она пожала плечами.

— В любом случае очевидно, что одним из результатов этой мутации стало появление «эго», чувства независимости.

— А это — чертовски опасная штука в биологически сконструированном убийце-психопате, — заметил я.

— Была сделана попытка прибрать их к рукам, запустив имплантированные им в мозг приборы, вызывающие боль. Некоторые сдались. Некоторых нашли корчащимися и визжащими в необъяснимой агонии, которая успешно выдавала их. Но некоторые, как видно, «мутировали» в другом направлении — либо развили невероятную устойчивость к боли, либо научились любить ее, даже направлять боль себе на пользу.

Я легко представил, как развивались события с этого момента. Я продолжил:

— В превосходных человеческих обликах и с интеллектом, равным нашему, ведомых лишь ненавистью, страхом и жадой крови, их было невозможно найти... разве что подвергая каждого мужчину и женщину на земле мозговому сканированию с целью обнаружить отказавшие контрольные механизмы гоблинов. Но существовала тысяча уловок, с помощью которых твари могли уклониться от этого исследования. Некоторые могли изготовить фальшивые карточки, свидетельствующие об успешном прохождении мозгового сканирования, которого они никогда не проходили. Другие могли просто сбежать в дикие места и спрятаться там, совершая набеги на города и деревни, когда им надо было запастись едой... или когда жажда убийства невыносимо распирала их. В результате многие избежали бы опознания. Верно? Так оно все и было?

— Не знаю. Думаю, что так. Что-то в этом роде. А в какой-то момент после... после того, как всемирная программа сканирования мозга была запущена... власти обнаружили, что некоторые из восставших гоблинов претерпели еще одну фундаментальную мутацию...

— Они больше не были бесплодны.

Райа моргнула.

— Как ты узнал?

Я рассказал ей о беременной самке гоблина в Йонтсдауне.

Она продолжала:

— Если я ничего не перепутала, большинство из них остались бесплодными, но

некоторые стали способны размножаться. Легенда гласит...

— Что за легенда? — Мне все труднее было обузывать свое любопытство. — Где ты услышала все эти вещи? О какой легенде ты говоришь?

Она проигнорировала вопрос, как видно, все еще не готовая раскрыть свои источники информации, и продолжала:

— Согласно легендам, некая женщина попала на мозговом сканировании. Когда ее разоблачили как гоблина, она была вынуждена принять свой истинный облик. Ее застрелили, и, умирая, она произвела на свет помет — извивающихся детенышей гоблинов. В момент смерти она снова обернулась человеком, как и была генетически запрограммирована (чтобы сбить со следа патологоанатомов при вскрытии). А когда расправились с ее отпрысками, они в предсмертных конвульсиях тоже превратились в человеческих младенцев.

— И тогда человечество поняло, что оно проиграло войну с гоблинами.

Райа кивнула.

Они проиграли войну потому, что у детей гоблинов, рожденных в лоне самок врага, а не в лабораториях, не было контрольных механизмов, которые можно было обнаружить сканированием мозга. Больше не было никакого способа разоблачать их человеческую маскировку. С этого мгновения человек делил этот мир с родом, который был равен ему по интеллекту и не имел иной цели, кроме как уничтожение его и дела рук его.

Райа допила скотч.

Мне страшно хотелось выпить еще, но я боялся налить вторую порцию, потому что в моем состоянии она непременно повлекла бы за собой третью, третья — четвертую, и я бы не мог остановиться до тех пор, пока не свалился бы, пьяный до потери сознания. А я не мог позволить себе расслабиться и напиться, потому что мрачное предчувствие нависшей опасности давило на меня тяжелее обычного, — психический эквивалент массивной темной кучи клубящихся грозových облаков, опускающейся на летний день.

Я поглядел на дверь.

Закрота.

Взглянул на окна.

Открыты.

Но на окнах были жалюзи, и никакой гоблин не смог бы пробраться сквозь них, не приложив значительных усилий.

— В общем, — тихо сказала Райа, — мы не были счастливы на земле, которую дал нам господь. Очевидно, в ту ушедшую эпоху мы слышали про ад, и мы нашли эту идею весьма интересной. Мы нашли ее такой интересной, такой привлекательной, что сотворили демонов на собственный лад и воссоздали ад на земле.

Если бог есть на самом деле, сейчас я почти понял (как никогда прежде), почему он насыпает на нас боль и страдания. С отвращением глядя на то, как мы пользуемся миром и жизнью, которые он даровал нам, он запросто мог бы заявить: «Ну ладно, неблагодарные мерзавцы, ладно! Нравится вам надо всем измываться? Нравится вам причинять боль друг другу? Вам это так нравится, что вы создаете своих собственных дьяволов и спускаете их сами на себя? Ладно! Да будет так! Встать — и дайте творцу потешить вас! Глядите на мой дым, крошки! Примите эти дары. Да будет рак мозга, и полиомиелит, и склероз! Да будут землетрясения и приливы с наводнениями! Да будут больные железы! Нравится вам? Не слышу!»

Я сказал:

— Каким-то образом гоблины уничтожили ту раннюю цивилизацию, стерли ее с лица земли.

Она кивнула.

— Для этого потребовалось время. Несколько десятилетий. Но, согласно легенде, мало-помалу некоторые из их рода, выдав себя за людей, достигли высокого общественного положения и наконец проникли в такие политические круги, что в их власти оказалось начать атомную войну.

Что, согласно загадочным и скрываемым легендам, на которые она ссылалась, они сделали. Они не заботились о том, что большая их часть будет уничтожена вместе с нашим родом; самая цель их существования была разорять и уничтожать нас, и если полное выполнение их цели вело к их собственной немедленной смерти, они все равно были бессильны изменить свой жребий. Ракеты были запущены. Города были обращены в прах. От запуска не удержали ни одну ракету, ни одну бомбу. Взорвалось так много тысяч безмерно мощных ядерных средств, что их детонация как-то повлияла на земную кору. Или, может быть, появилось изменение в магнитном поле Земли, повлекшее смещение полюсов, но по какой-то причине по всей земле на это отреагировали линии разлома, они сместились и вызвали землетрясения невообразимой мощи. Тысячи миль полос низинной земли погрузились в море, и волны прилива обрушились на половину каждого континента, и взорвались все вулканы. Этот огненный ад, последовавший за ним ледниковый период и тысячи прошедших лет стерли с лица земли всякий след цивилизации, которая однажды «зажгла» несколько континентов так же ярко, как наша ярмарка зажигает свет на аллее каждый вечер. Гоблинов выжило больше, чем людей, потому что они были крепче, прирожденные бойцы. Те немногие из людей, кто выжил, вернулись в пещеры, вновь скатились в дикость, и по прошествии множества жестоких лет они забыли прежнюю цивилизацию. Хотя гоблины ее не забыли и никогда не забудут. Мы забыли гоблинов, вместе со всем остальным. И в последующие века наши редкие стычки с ними в их демоническом облике послужили источником множества суеверий и бесчисленного числа дешевых фильмов ужасов, где действовали способные преображаться сверхчеловеческие существа.

— И вот мы снова вылезли из дерьма, — уныло сказала Райа, — возродили цивилизацию и стали снова обзаводиться средствами для уничтожения мира.

— И в один прекрасный день гоблины нажмут кнопку, если у них будет такая возможность, — закончил я вместо нее.

— Думаю, нажмут, — согласилась она. — На самом деле они уже не такие умелые бойцы, как при прежней цивилизации... их легче одолеть в рукопашной схватке... легче обмануть. Они изменились, как-то эволюционировали из-за того, что прошло так много времени, и из-за всех этих радиоактивных осадков. Радиация сделала многих бесплодными, забрала у них то, что дали первые мутации, вот поэтому они и не одолели мир полностью и не задавили нас численностью. И еще произошло... некоторое смягчение их страсти к разрушению. Насколько я понимаю, многим из них ненавистна мысль об еще одной ядерной войне... по крайней мере, во всемирном масштабе. Видишь ли, они живут подолгу: некоторым из них не меньше полутора тысяч лет, так что от предыдущей катастрофы их отделяет не так много поколений, как нас. Их рассказы о конце света, донесенные предками, для них все еще свежи и реальны. Но хотя большинство из них вполне удовлетворилось бы нынешним раскладом, когда они охотятся и убивают нас, будто мы не что иное, как животные в их личном заповеднике, есть некоторые... некоторые, которые жаждут снова вызвать агонию человечества на ядерном уровне... те, кто считает, что их жребий — стереть нас с лица земли навеки. В ближайшие десять, двадцать или сорок лет одному из этих непременно представится такая возможность, как ты думаешь?

Неотвратимая близость Армагеддона, о котором она рассказала, была такой страшной и подавляющей, что не поддавалась описанию, но в настоящий момент я боялся более близкой смерти. Мое предчувствие и уверенность в неотвратимой опасности превратились в постоянное неприятное давление под черепом, хотя я не мог сказать, откуда придет беда и в какой форме она придет.

Меня слегка тошнило от предчувствия.

Меня бил озноб. Я весь промок от пота и дрожал.

Она отправилась на кухню добавить скотча.

Я встал. Подошел к окну. Выглянул наружу. Ничего не увидел. Вернулся в кресло. Присел на краешек. Мне захотелось закричать. Что-то приближалось...

Она вернулась из кухни с выпивкой и плюхнулась обратно в кресло, по-прежнему

отдаляясь от меня, и тогда я спросил ее, все такую же мрачную:

— Как ты узнала про них? Ты должна мне это сказать. Ты что, можешь читать их мысли или что?

— Да.

— Правда?

— Немного.

— Я не могу увидеть в них ничего, кроме... ярости, ненависти.

— Я вижу в них... немного, — сказала Райа. — Не сами их мысли. Но когда копну поглубже, то появляются образы... видения. Думаю, многое из того, что я вижу, — это больше генетическая память... то, о чем многие из них на уровне сознания почти не подозревают. Но если быть честной, больше, чем только это.

— Что? Каким образом — больше? И что там с этими легендами, о которых ты говорила?

Вместо ответа она сказала:

— Я знаю, что ты делал сегодня ночью.

— Хм. Ты о чем? Как ты можешь знать?

— Знаю.

— Но...

— Все это напрасно, Слим.

— В самом деле?

— Их не одолеть.

— Я одолел своего дядю Дентона. Я убил его, пока он не принес еще больше несчастья в мою семью. Мы с Джоэлем остановили шестерых из них этой ночью, а если бы мы этого не сделали, они бы устроили падение чертова колеса. Мы спасли жизнь бог знает скольким простакам.

— И что толку? — спросила она. В ее голосе появилась новая нотка — серьезности, мрачного энтузиазма. — Другие гоблины убьют других простаков. Ты не сможешь спасти мир. Ты рискуешь своей жизнью, счастьем, рассудком — и по большей части твои действия просто оттягивают развязку. Тебе не суждено выиграть войну. В этой долгой схватке наши демоны одолеют нас. Это неизбежно. Это — наш жребий, который мы выбрали для себя очень-очень давно.

Я не понимал, к чему она клонит.

— А какой у нас выбор? Если мы не будем сражаться, не будем защищать себя, наша жизнь не будет иметь смысла. Мы с тобой можем быть раздавлены в любой момент по их прихоти.

Она отставила в сторону свой стакан и скользнула на краешек кресла.

— Есть и другой путь.

— О чем ты?

Ее прекрасные глаза смотрели в мои, ее взгляд обжигал.

— Слим, большинство людей не стоят и плевка.

Я моргнул.

Она продолжала:

— Большинство людей — лжецы, плуты, изменщики, воры, ханжи, как хочешь называй. Они используют и бесчестят друг друга с такой же готовностью, что и гоблины бесчестят нас. Они недостойны того, чтобы их спасать.

— Нет, нет, нет, — возразил я. — Не большинство. Многие из людей не стоят и плевка, согласен, но не большинство, Райа.

— Насколько я знаю, — возразила она, — едва ли хоть один из них лучше гоблина.

— Господи, у тебя же было не как у всех. Эбнеры Кэди и Мэрэли Суины в этом мире определенно составляют меньшинство. Я понимаю, почему ты думаешь не так, как я, но ты же никогда не встречалась с моим папой или мамой, с моими сестрами, с бабушкой. Достоинства в мире больше, чем жестокости. Может, я бы не сказал так неделю назад или

даже вчера, но сейчас, когда я слышу такие речи от тебя, у меня уже нет сомнений, что в людях больше добра, чем зла. Потому что... потому что... ну, должно быть больше.

— Послушай, — сказала она. Ее глаза по-прежнему глядели прямо в мои, умоляющая голубизна, просящая голубизна, яростная, почти болезненная голубизна. — Все, на что мы можем надеяться, это немного счастья в узком кругу друзей, с парой человек, которых мы любим, — и к чертям весь остальной мир! Пожалуйста, Слим, пожалуйста, подумай об этом! Это же просто чудо, что мы нашли друг друга. Это удивительно. Я никогда не думала, что обрету что-то подобное тому, что мы обрели вместе. Мы так подходим друг другу... так похожи... что какие-то мозговые волны у нас даже накладываются друг на друга, когда мы спим... у нас психическое единство и когда мы занимаемся любовью, и когда спим, вот поэтому нам так чертовски хорошо в постели и поэтому мы даже видим одни и те же сны! Мы были предназначены друг для друга, и самое важное, самое важное на свете — это чтобы мы были вместе всю жизнь.

— Да, — ответил я. — Я знаю. Я тоже так думаю.

— Поэтому оставь свой крестовый поход. Перестань пытаться спасти мир. Перестань так безумно рисковать. Пусть гоблины делают то, что должны делать, а мы просто проживем свою жизнь в мире.

— Так в этом-то все и дело! Мы не можем жить в мире. Если мы не будем обращать на них внимания, нас это не спасет. Рано или поздно они придут и будут вынюхивать вокруг, будут стремиться почувствовать нашу боль, пить нашу муку.

— Слим, постой, погоди, выслушай. — Она была возбуждена, рассержена, нервно-энергична. Вскочив с кресла, она подошла к окну, полной грудью вдохнула воздух, снова повернулась ко мне и сказала:

— Ты согласен, что то, что у нас есть общего, должно быть первым, превыше всего, любой ценой. Так что, как насчет... если я укажу тебе путь, как можно существовать с гоблинами, прекратить войну против них и не волноваться, что они когда-нибудь набросятся на тебя или меня?

— Как же?

Она заколебалась.

— Райа?

— Есть только один путь, Слим.

— Какой?

— Это единственный разумный способ иметь с ними дело.

— Скажешь ты мне или нет, ради всего святого?

Она нахмурилась, глянула в сторону, начала говорить, снова засомневалась, произнесла «Черт!» и внезапно швырнула стакан со скочем в стену через всю комнату. Из него вылетели кубики льда и раскололись, попав в мебель и упав на коврик. Стакан вдребезги разбился о стену.

Я пораженно подскочил и тупо уставился на нее и остался стоять, когда она махнула мне рукой и вернулась в свое кресло.

Села.

Глубоко вздохнула.

И сказала:

— Я хочу, чтобы ты выслушал меня, просто выслушал и не перебивал, не останавливал, пока я не закончу, и... попытался понять. Я нашла способ сосуществовать с ними, сделать так, чтобы они оставили меня в покое. Понимаешь, и в детдоме, и после я поняла, что их не победить, у них все преимущества. Я сбежала оттуда, но гоблины повсюду, не только в детдоме, и ты не можешь совсем избавиться от них, куда бы ты ни убежал. Это бесполезно. Поэтому я пошла на риск, на рассчитанный риск, и вступила с ними в контакт, сказала, что могу видеть...

— Ты что?

— Не перебивай! — резко сказала она. — Это... это тяжело... будет чертовски тяжело...

и я просто хочу закончить, так что заткнись и дай мне сказать. Я рассказала одному из гоблинов о своих психических возможностях. А это, знаешь, тоже своего рода мутация, последствия той ядерной войны, потому что, если верить гоблинам, в предыдущей цивилизации не было людей ни с какими психическими способностями — ни ясновидения, ни телекинеза, ничего подобного. Их и сейчас немного, но тогда их вообще не было. Я думаю, каким-то странным образом... поскольку гоблины развязали ту войну, обрушили на нас бомбы и всю эту радиацию... ну, можно сказать, что они как бы создали одаренных людей вроде нас с тобой. Определенным образом мы как-то обязаны своими способностями им. Ну, в общем, я сказала, что могу видеть сквозь человеческую форму их... не знаю... потенциал гоблинов внутри их...

— Ты говорила с ними, и они поведали тебе свои... легенды! Вот откуда ты узнала о них.

— Не все. Они не много рассказали мне. Но мне только надо, чтобы они сказали самую малость, и у меня тут же возникает видение всего остального. Это как... если бы они открывали дверь чуть-чуть, а я бы толкнула ее нараспашку и увидела все, даже то, что они хотели скрыть от меня. Но сейчас это не важно, и я молю бога, чтобы ты меня не перебивал. Важно то, что я ясно дала им понять, что мне наплевать на них, наплевать на то, что они делают, кого терзают, пока они не трогают меня. И мы заключили... соглашение.

Я ошарашенно откинулся в кресле и, невзирая на предостережение не перебивать ее, спросил:

— Соглашение? Так просто? Но с чего бы им потребовалось заключать с тобой соглашение? Почему бы просто не убить тебя? Не важно, что ты им наговорила, даже если бы они и поверили, что ты будешь хранить их секрет, ты все равно представляла угрозу для них. Не понимаю. Они ничего не выгадывают, придя к такому... такому соглашению.

Маятник ее настроения снова качнулся обратно в темноту и спокойное отчаяние. Она словно согнулась в своем кресле. Ее голос был едва слышен:

— Им было что выгадывать. Было кое-что, что я могла им предложить. Видишь ли, у меня есть еще одна способность, которой у тебя либо нет, либо... не так сильно развита, как у меня. У меня есть... способность разгадывать экстрасенсорные дарования в других людях, особенно если они могут видеть гоблинов. Я различаю их способности независимо от того, как бы они ни старались скрыть их. Я не узнаю это сразу, как только взгляну на человека. Иногда на это требуется время. Появляется уверенность, которая медленно усиливается. Но я могу ощущать скрытые психические способности в других людях почти так же, как вижу гоблинов под их маскировкой. До сегодняшней ночи я думала, что эта способность... ну, безотказна... но вот ты мне сказал, что Джоэль Так видит гоблинов, а я его никогда в этом не подозревала. Но я все равно считаю, что почти всегда быстро распознаю подобные вещи. Я знала, что в тебе есть что-то особенное, с самого начала знала, хотя ты оказался... более особенным, куда более особенным, чем я поняла вначале. — Сейчас она перешла уже на шепот. — Я хочу удержать тебя. Я никогда не думала, что найду кого-то... кого-то, в ком нуждалась бы... любила бы. Но пришел ты, и я хочу удержать тебя, а единственный способ сделать это — если ты согласишься с ними такое же соглашение, какое заключила я.

Я окаменел. Недвижимый, как скала, я сидел в кресле и слушал гранитное буханье своего сердца, каждый удар — точно киянкой по глыбе мрамора. Моя любовь, стремление к ней, нужда в ней — они по-прежнему были там, в моем окаменелом сердце, но были недостижимы, как прекрасные статуи скрываются в грубом куске камня, но недоступны и не будут доступны для того, у кого не хватает художественного таланта и навыков работы с резцом. Я не желал поверить тому, что она сказала, и я был не в силах подумать о том, что последует за этим, но был вынужден выслушать и узнать самое худшее. Слезы показались у нее на глазах, и она сказала: — Когда я сталкиваюсь с кем-то, кто способен видеть гоблинов, я... я докладываю об этом. Я предупреждаю одного из их рода о ясновидящем. Понимаешь, им не нужна война в открытую, как это было в прошлый раз. Они предпочитают сохранять инкогнито. Они не хотят, чтобы мы организовались против них, хотя это все равно было бы

безнадежно. Поэтому я указываю на тех людей, которые знают про них, которые могут убить их или рассказать про них. А гоблины... они просто... устраняют угрозу. А взамен они гарантируют мне безопасность со стороны их рода. Неприкосновенность. Они оставляют меня в покое. Это все, чего я когда-либо желала, Слим. Чтобы меня оставили в покое. И если ты заключишь с ними такое же соглашение, они оставят в покое нас обоих... и мы сможем... сможем быть... вместе... и счастливы...

— Счастливы? — Я не произнес, а вытолкнул это слово из себя. — Счастливы? Ты думаешь, мы можем быть счастливы, зная, что выживаем... предавая других?

— Гоблины все равно доберутся до кого-нибудь из них.

С огромным усилием я поднес холодные каменные ладони к лицу и, как в пещеру, спрятавшись в них, словно в моих силах было сбежать от этих страшных откровений. Но это было детской уловкой. Кошмарная правда оставалась со мной.

— Господи.

— У нас была бы жизнь, — сказала она. Теперь она всхлипывала открыто, поняв, что я никогда не пойду на эту кошмарную сделку, которую заключила она сама. — Вместе... жизнь... как это было всю эту неделю... даже лучше... куда лучше... мы против всего мира, в безопасности, в полной безопасности. А гоблины не только гарантируют мою безопасность в обмен на информацию, которой я их снабжаю. Они гарантируют мне и успех. Я для них очень ценна. Потому что, как я говорила, многие из тех, кто видит гоблинов, в конце концов оказываются либо в психушке, либо на ярмарке. Так что... так что у меня превосходная позиция, чтобы... ну, чтобы выявлять как можно больше ведунов вроде нас с тобой. Поэтому гоблины помогают мне также и продвинуться. Как... они планировали несчастный случай в павильоне электромобилей...

— А я предотвратил его, — холодно сказал я.

Она была удивлена.

— О! Да. Я должна была догадаться, что это сделал ты. Но, понимаешь... идея была такая, что, когда произойдет несчастный случай, покалеченный простак подаст в суд на Хэла Дорси, того типа, который владеет павильоном, и у того будут финансовые трудности, штрафы и все остальное, и я смогу выкупить у него павильон за хорошую цену и приобрету по сходной цене новую концессию. О черт. Пожалуйста. Пожалуйста, выслушай меня. Я знаю, что ты сейчас думаешь. Это все звучит так... так холодно.

На самом деле, хотя слезы ручьями текли у нее по лицу, хотя я в жизни не видел никого несчастнее ее в этот момент, она и в самом деле казалась холодной, до горечи холодной.

— Но, Слим, ты пойми, что с этим Хэлом Дорси. Это же ублюдок, правда, злобный сукин сын, и никто не любит его, потому что он сволочь и наживается на других, и черт меня подери, если мне будет жаль разорить его.

Хоть я и не хотел смотреть на нее, я взглянул. Хоть я и не хотел говорить с ней, я заговорил:

— Есть ли разница между пыткой, которую затевают гоблины, и пыткой, которую им преподносишь ты?

— Я же тебе сказала, Хэл Дорси...

Я возвысил голос:

— Есть ли разница между поведением такого типа, как Эбнер Кэди, и тем, как ты предаешь свой же род?

Она всхлипывала.

— Я только хотела быть... в безопасности. Впервые за всю свою жизнь — один раз — я хотела быть в безопасности.

Я и любил и ненавидел ее, жалел и презирал. Я хотел разделить с ней свою жизнь, хотел сильнее, чем когда-либо, но знал, что не продам ни совесть, ни первородство из-за нее. Думая о том, что она поведала мне про Эбнера Кэди, про свою тупоумную мать, представляя себе кошмар ее детства, осознавая, сколь велики ее обоснованные жалобы на род человеческий и сколь мало должна она обществу, я мог понять, как она могла решиться

сотрудничать с гоблинами. Я мог понять и почти мог простить, но не мог согласиться с тем, что это было правильно. В тот странный момент мои чувства по отношению к ней были так сложны, представляли собой такой тугой клубок спутанных эмоций, что у меня возникло неведомое мне прежде желание покончить жизнь самоубийством, столь живое и острое, что я заплакал и понял, что это, должно быть, сродни тому желанию смерти, что преследовало ее каждый день в ее жизни. Я понимал, почему она рассуждала о ядерной войне с таким вдохновением и поэтичностью, когда мы были вместе на чертовом колесе в воскресенье. При такой ноше страшного знания, которую несла она, полное уничтожение Эбнеров Кэди, гоблинов и всей этой грязной цивилизации должно было порой казаться ей поразительно, восхитительно освобождающей и освежающей возможностью.

Я сказал:

— Ты заключила сделку с дьяволом.

— Если они дьяволы, значит, мы боги, потому что мы создали их, — ответила она.

— Это софистика, — возразил я. — А у нас тут, черт возьми, не диспут.

Она ничего не сказала. Она лишь свернулась клубочком и безудержно всхлипывала.

Мне хотелось встать, отпереть дверь, вылететь на свежий, чистый ночной воздух и убежать, просто бежать и убежать навсегда. Однако моя душа словно тоже обратилась в камень, солидарная с плотью, и этот дополнительный груз лишил меня сил подняться с кресла.

Прошла, наверное, минута, в течение которой никто из нас не мог придумать, что сказать. Наконец я нарушил тишину:

— Ну и что, черт возьми, мы будем делать дальше?

— Ты не заключишь... соглашения? — спросила она.

Я даже не потрудился ответить на этот вопрос.

— Значит... я тебя потеряла, — сказала она.

Я тоже плакал. Она потеряла меня, но и я потерял ее.

Наконец я сказал:

— Ради таких, как я... тех, кто придет сюда... мне бы надо сломать тебе шею прямо сейчас. Но... Господи, помоги мне... я не могу. Не могу. Не могу этого сделать. Так что... я собираю свои вещи и ухожу. На другую ярмарку. Начну все сначала. Мы... забудем...

— Нет, — сказала она. — Слишком поздно.

Я вытер слезы с глаз тыльной стороной ладони.

— Слишком поздно?

— Ты совершил здесь слишком много убийств. Убийства и твоя связь со мной — все это привлекло внимание.

Я не просто чувствовал, что кто-то ходит по моей могиле, — этот кто-то танцевал на ней, притопывал на ней. Хотя мне было очень жарко, казалось, что на дворе февральская, а не августовская ночь.

Она сказала:

— Единственной надеждой для тебя было взглянуть на вещи по-моему и прийти с ними к такому же соглашению, к какому пришла я.

— Ты что, в самом деле... собираешься заложить меня?

— Я не хотела говорить им о тебе... после того, как узнала тебя.

— Так не говори.

— Ты еще ничего не понял. — Она вздрогнула. — В тот день, когда я тебя повстречала, до того, как поняла, что ты будешь значить для меня, я... намекнула одному из них... сказала, что, возможно, я выслежу еще одного ведуна. Поэтому он ждет доклада.

— Кто? Который из них?

— Тот, что ответствен за это здесь... в Йонтсдауне.

— Ответственный из гоблинов, ты это хочешь сказать?

— Он чрезвычайно бдительный, даже для их рода. Он заметил, что между тобой и мной происходит что-то необычное, и он почувствовал, что ты — неординарный человек, что ты

— тот, на кого я намекала. И он потребовал, чтобы я подтвердила это. Я не хотела. Я пыталась солгать. Но он не дурак. Его так просто не проведешь. Он продолжал давить на меня.

«Скажи мне о нем, — потребовал он. — Скажи мне о нем, или между нами все будет не как прежде. У тебя больше не будет неприкосновенности с нашей стороны». Слим, неужели ты не понимаешь? У меня... не было... выбора.

Я услышал движение у себя за спиной.

Я повернул голову.

Из узкого коридора, ведущего в заднюю часть трейлера, в гостиную вошел шеф Лайсл Келско.

17

Воплотившийся кошмар

В руке Келско был револьвер, «смит-вессон» 45-го калибра, но он не направлял его на меня, поскольку, учитывая преимущество внезапности и полицейскую власть, он не думал, что нужно будет стрелять. Он держал его у бока, дулом к полу, но при малейшем признаке опасности мог вскинуть его и выстрелить.

Из-под квадратного, неотесанного, грубого лица на меня злобно косился гoblin. Под кустистыми бровями человеческой внешности я видел жидкий огонь глаз демона, окруженных утолщениями покрытой трещинами кожи. Под злобной щелью человеческого рта была пасть гоблина с отвратительно заостренными зубами и изогнутыми клыками. Впервые увидев Келско в его офисе в Йонтсдауне, я был поражен, насколько он выглядит более яростным и злобным, чем большинство из его сородичей, и настолько более отвратительным. Потрескавшаяся, крапчатая плоть, бородавчатая кожа, губы в мозолях, волдыри, наросты и множество шрамов должны были свидетельствовать об его огромном возрасте. Райа говорила, что многие из них живут до полутора тысяч лет, даже больше, и нетрудно было представить себе, что тварь, именующая себя Лайслом Келско, была старой. Он прожил, наверное, тридцать или сорок человеческих жизней, переходя от одной личности к другой, убивая нас тысячами в течение столетий, терзая — открыто или тайно — десятки тысяч, и вся череда этих лет и этих убийств привела его в эту ночь сюда, чтобы прикончить меня.

— Слим Маккензи, — проговорил он, сохраняя свой человеческий облик единственно из сарказма, — я арестую тебя в связи с расследованием ряда недавно происшедших убийств...

Я не собирался давать им возможность запихнуть меня в патрульную машину и отвезти в какую-нибудь уединенную камеру пыток. Немедленная смерть, прямо здесь и прямо сейчас, была куда привлекательней, чем подчинение, поэтому, не успев тварь закончить свою короткую речь, как я сунул руку в ботинок и ухватился за нож. Я сидел спиной к гоблину и глядел на него, обернувшись так, что он не мог видеть ни руки, ни ботинка. По какой-то причине — думаю, что теперь я понял причину, — я никогда не рассказывал Райе о ноже, так что она не понимала, что я собираюсь сделать, до тех пор, пока я не вытащил оружие из ножен и, встав, одним плавным движением не метнул его.

Я был так стремителен, что Келско не успел поднять пистолет и выстрелить в меня. Однако тварь все же выпустила одну пулю в пол, падая с ножом, торчащим из плоти. В этой маленькой комнатке выстрел прозвучал, точно вопль бога.

Райа вскрикнула, не столько предупреждая, сколько в шоке, но демон Келско был мертв, когда крик только слетел с ее губ.

Когда Келско грохнулся об пол, эхо грохота выстрела все еще звучало в трейлере. Я подскочил к чудовищу, повернул в нем нож, чтобы довести дело до конца, вытащил из тела, откуда забила кровь, встал и повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, что Райа открыла дверь и в комнату входит полицейский из Йонтсдауна. Это был тот же самый офицер, что

стоял в углу кабинета Келско, когда Студень, Люк и я пришли туда давать взятку. Как и его шеф, этот коп тоже был гоблином. Он шагнул с верхней ступеньки лестницы, только-только войдя в комнату, и я увидел, как его глаза метнулись к телу Келско, как он дернулся, пронзенный, точно током, внезапным сознанием смертельной опасности, но к этому моменту я уже перехватил нож в правую руку и изготовил его для броска.

Метнув лезвие, я рассек кадык демона, и в тот же миг он нажал на спусковой крючок своего «смит-вессона». Но целился он в небо, и пуля разбила лампу слева от меня. Гоблин упал на спину, вывалился через открытую дверь, по ступенькам, в ночь.

Лицо Райи было портретом ужаса. Она решила, что теперь я собираюсь убить ее.

Она бросилась вон из трейлера и пустилась бежать, спасая свою жизнь.

Секунду я стоял там, задыхаясь, не в силах двигаться, переполненный всем происшедшим. Не убийство ошарашило меня; я убивал и прежде — и часто. Не раздавшийся вблизи оклик сделал мои ноги слабыми и ватными — я выходил из тысячи переделок. Пригвоздил меня к месту, обездвижил меня шок от того, как резко изменилось все между мной и Райей, от того, что я потерял, и, возможно, никогда больше не обрету. Любовь казалась мне просто крестом, на котором она распяла меня.

Затем мой паралич прошел.

Спотыкаясь, я подошел к двери.

Вниз по ступенькам.

Обогнул мертвого полицейского.

Я заметил нескольких балаганщиков, выскочивших на звуки выстрелов. Среди них был Джоэль Так.

Райа была примерно в сотне футов отсюда. Она бежала по «улице» между рядами трейлеров, направляясь к дальнему краю луга. Когда она пробегала по озерам темноты, чередовавшимся с потоками света из окон и дверей трейлеров, она из-за стробоскопического эффекта стала казаться нереальной. Как будто призрачная фигура, летящая по фантастическому ландшафту.

Я не хотел бежать за ней.

Если я настигну ее, мне, наверное, придется ее убить.

Я не хотел убивать ее.

Мне надо просто уйти. Прочь. Не оборачиваясь. Забыть.

Я побежал за ней.

Как будто в кошмарном сне, мы бежали, казалось, без цели, среди обступивших нас бесконечных рядов трейлеров. Мы бежали, наверное, минут десять, двадцать, все дальше и дальше, но я знал, что Джибтаун-на-колесах не настолько велик, понимал, что истерика размыла мое чувство времени, и на самом деле не прошло, пожалуй, и минуты, как мы вырвались из окружения трейлеров на открытое поле. Высокая трава стегала меня по ногам, лягушки прыгали прочь с моей дороги, несколько мотыльков разбились о мое лицо. Я бежал так быстро, как только мог, еще быстрее, передвигая ногами вовсю, увеличивая шаги насколько возможно, невзирая на боль от полученных побоев. Ее подстегивал страх, но я неуклонно сокращал расстояние между нами, и к тому времени, как она достигла края леса, я был всего лишь в сорока футах от нее.

Она ни разу не обернулась.

Она знала, что я там.

Хотя до рассвета было уже недолго, ночь была очень темной, а в лесу было еще темнее. Но несмотря на то, что нас слепил этот полог из сосновых игл и ветвей, покрытых листвой, ни один из нас не сбавлял темп. Мы были настолько переполнены адреналином, что казалось, требуем и получаем от своих физических способностей больше, чем когда-либо, потому что интуитивно угадывали самый легкий путь через лес, пробегая то одной, то другой оленьей тропой, проламывались через заграждения подлеска в их самых слабых местах, перепрыгивали с плиты известняка на поваленное бревно, через маленький ручей, вдоль следующей оленьей тропы, словно создания ночи, рожденные для ночной погони, и хотя я

по-прежнему был быстрее ее, я все же находился более чем в двадцати футах за ее спиной, когда она выбежала из леса на вершину длинного холма и кинулась вниз...

...на кладбище.

Меня занесло, я ухватился за высокий надгробный обелиск и с ужасом уставился на простершееся у меня под ногами кладбище. Оно было большим, хотя и не тянулось до бесконечности, как в том кошмаре, что передала мне Райа. Сотни и сотни прямоугольников, квадратов и шпилей из гранита и мрамора теснились на отлогом склоне холма. Большинство их было в той или иной степени различимо, поскольку у подножья тянулась дорожка, ограниченная двумя рядами газовых ламп, которые бросали мощный свет на нижнюю часть кладбища и создавали светлый фон, на котором виднелись силуэты надгробий на верхней части холма. Снега там, в отличие от сновидения, не было, но дуговые лампы струили беловатый свет, слегка отливавший голубизной, и в этом свете кладбище выглядело замерзшим. На надгробиях были как будто надеты шубы из льда. Ветер качал деревья с достаточной силой, чтобы стряхнуть с ветвей множество семян с пушистыми белыми перепонками, благодаря которым семена легко разлетались. Они кружились в воздухе и опускались на землю, точно снежинки, так что все вокруг было пугающе схоже с зимним пейзажем в наших кошмарах.

Райа не останавливалась. Она опять увеличила расстояние между нами и бежала по извилистой тропинке, ведущей вниз и петляющей среди надгробий.

Я задумался, знала ли она, что здесь находится кладбище, или же это было для нее таким же шоком, как и для меня. Она бывала на ярмарке в графстве Йонтсдаун в предыдущие годы, так что вполне могла отправиться на прогулку до края луга, могла пройти через лес и выйти на вершину холма. Но если она знала, что здесь находится кладбище, почему же тогда она побежала этой дорогой? Почему она не выбрала другое направление и не сделала по крайней мере крошечной попытки пойти наперекор жребии, который нам обоим был уготовлен в снах?

Я знал ответ на этот вопрос: она не хотела умирать... и все же хотела этого.

Она боялась, что я настигну ее.

И все же хотела, чтобы я настиг ее.

Я не знал, что случится, когда я схвачу ее. Но знал, что не смогу просто так развернуться и уйти и не смогу стоять на этом погосте, пока не окостенею и не превращусь в еще одно надгробие. Я побежал за ней.

Она не оборачивалась ко мне ни на лугу, ни в лесу, но сейчас повернулась поглядеть, бегу ли я еще, опять побежала, еще раз обернулась и вновь пустилась бежать, правда, не так быстро. На последнем склоне я понял, что она плачет на бегу — ужасный плач, в котором смешались горе и тревога, и тут я окончательно догнал ее, остановил и повернул лицом к себе.

Она всхлипывала, и когда наши глаза встретились, я увидел взгляд загнанного кролика. Секунду-другую она вглядывалась в мои глаза, затем тяжело привалилась ко мне, и мне на миг подумалось, что в моих глазах она увидела что-то, что хотела увидеть. Но увидела она в них нечто прямо противоположное, что-то, что ужаснуло ее сильнее прежнего. Она наклонилась ко мне не как возлюбленная, которая нуждается в сочувствии, но как отчаявшийся враг, обнявший меня для того, чтобы быть уверенным, что смертельный удар будет нанесен как можно более точно. Сначала я даже не почувствовал боли, только разливающуюся теплоту, а когда взглянул вниз и увидел нож, что она вонзила в меня, тут же понял, что это происходит не на самом деле, что это просто очередной кошмарный сон.

Мой собственный нож. Она вытащила его из глотки убитого полицейского. Я вцепился в руку, держащую нож, и не дал ей повернуть лезвие в ране, равно как не могла она вынуть его и пырнуть снова. Оно вошло мне в тело дюйма на три слева от пупка, и это было лучше, чем если бы она вонзила его по центру, потому что тогда нож проткнул бы мне желудок и кишки, что вызвало бы неотвратимую смерть. Это, конечно, было больно, о господи, еще не очень больно, всего лишь разлившееся по телу тепло превратилось в жгучую жару. Она

отчаянно боролась, пытаясь вырвать нож из тела, а я также отчаянно боролся, чтобы наши крепкие объятия не разомкнулись. Мой мечущийся мозг подсказывал только одно решение. Как в том сне, я нагнул голову, поднес губы к ее горлу...

...и не смог сделать этого.

Я не мог яростно вонзить в нее зубы, как будто был диким зверем, не мог разорвать ее яремную вену, не мог вынести даже мысли о том, как ее кровь хлынет мне в рот. Она не была гоблином. Она была человеком. Одной из моего рода. Одной из нашего бедного, слабого, несчастного и угнетенного рода. Она познала страдание и одолела его, и если она и делала ошибки, даже страшные ошибки, у нее были на то свои причины. Если я не мог примириться с этим, я мог по крайней мере понять, а в понимании — прощение, а в прощении — надежда.

Доказательство подлинной человечности — неспособность хладнокровно убивать своих единоплеменников. Это точно. Потому что если и это не доказательство, тогда на свете нет такой вещи, как подлинная человечность, и мы все — гоблины по сути своей.

Я поднял голову.

Отпустил ее руку, ту, что держала нож.

Она вытащила лезвие из моего тела.

Я стоял, опустив руки вдоль тела, беззащитный.

Она отвела руку назад.

Я закрыл глаза.

Прошла секунда, другая, третья.

Я открыл глаза.

Она выронила нож.

Доказательство.

18

Первый эпилог

Мы покинули Йонтсдаун, но только потому, что все балаганщики шли на огромный риск, защищая меня и Райю. Многие из них не знали, почему в ее трейлере было убито два полицейских, но им не нужно было знать это либо они и не хотели знать. Джоэль Так сочинил какую-то историю, которой хоть никто и не поверил, но все остались довольны. Они сомкнули вокруг нас ряды с замечательным чувством товарищества, в блаженном неведении того, что встали против более страшного и могущественного врага, чем просто мир «правильных» и Департамент полиции Йонтсдауна.

Джоэль запихнул тела тварей — Келско и его подручного — в патрульную машину, отвез ее в укромное место, обезглавил оба трупа и закопал головы. Затем отогнал машину (вместе с безголовыми телами) обратно в Йонтсдаун и сразу же после рассвета припарковал ее на стоянке возле склада. Люк Бендинго подобрал ее и отвез обратно на ярмарку, не ведая, как были изувечены мертвые копы.

Прочие гоблины в Йонтсдауне вполне могли поверить, что Келско пал жертвой какого-то маньяка, даже не успев доехать до ярмарки. Но даже если бы они и заподозрили нас, доказать они ничего бы не смогли.

Я скрылся в трейлере, принадлежащем Глории Нимз, толстой даме, по доброте с ней не мог сравниться никто, кого я когда-либо знал. Она тоже обладала некоторыми психическими способностями. Она могла передвигать взглядом небольшие предметы, если сосредоточивала на них внимание, и могла находить потерянные вещи при помощи лозы. Она не видела гоблинов, но знала, что Джоэль Так, Райа и я видим их, и благодаря своим способностям, о которых Джоэлю было известно, она поверила нашим рассказам про демонов с большей готовностью, чем другие.

Сама Глория сказала: «Господь иногда кидает кость некоторым из тех, кого он увечит. Я думаю, что среди нас, уродов, больше экстрасенсов, чем в целом среди людей, и я думаю, нам было предначертано собраться всем вместе. Но, между нами говоря, милый, я бы с

радостью перестала быть одаренной, если бы могла обменять свой дар на то, чтобы стать стройной и красивой!»

Ярмарочный врач, излечившийся алкоголик по имени Уинстон Пеннингтон, заходил в трейлер Глории по два-три раза в день, чтобы подлечить мою рану. Никакие из жизненно важных органов и артерий не были задеты. Но у меня развилась лихорадка, тошнота, сильное обезвоживание организма и горячка, и в памяти у меня не много осталось от шести дней, последовавших за схваткой с Райей на кладбище.

Райа.

Она должна была исчезнуть. В конце концов, многие из демонов знали ее как сотрудничающую с ними и могли начать снова разыскивать ее, чтобы она указывала им тех, кто способен видеть сквозь их маскарадные костюмы. А она больше не желала этим заниматься. Она была совершенно уверена, что только Келско с подручным знали про меня, и теперь, когда они были мертвы, я был в безопасности. Но ей нужно было навсегда исчезнуть. Артуро Сомбра заполнил заявление о ней как о пропавшей без вести в полицию Йонтс-дауна, которая, естественно, не нашла концов. Следующую пару месяцев братья Сомбра распоряжались ее концессиями от ее имени, но под конец компания воспользовалась пунктом контракта об отчуждении собственности, и аттракционы Райи перешли во владение фирмы. А фирма продала их мне. Сделку финансировал Джоэль Так. По окончании сезона я пригнал «Эйрстрим» Райи в Джибсонтон, штат Флорида, и припарковал его возле поставленного на фундамент более крупного трейлера, также принадлежавшего ей. После хитроумной возни с бумагами я стал также владельцем собственности в Джибсонтоне и жил там один с середины октября до того момента, когда за неделю до Рождества ко мне приехала умопомрачительно красивая женщина, чьи глаза были такими же голубыми, как у Райи Рэйнз, чье тело было столь же совершенно вылеплено, но черты лица немного отличались от лица Райи, а волосы были цвета воронова крыла. Она сказала, что ее зовут Кара Маккензи, что она — моя двоюродная сестра из Детройта, которая не виделась со мной сто лет, и что нам надо о многом потолковать.

Несмотря на мою твердую решимость понять и простить любимого человека, мне все же надо было избавиться от некоторой нетерпимости и возмущения тем, что она сделала, и мы слишком неловко чувствовали себя в обществе друг друга, чтобы вообще о чем-либо разговаривать. Так было вплоть до Рождества. С этого момента мы не могли закрыть рта. Долгое время мы чувствовали друг друга чужими, мы восстанавливали связи и не ложились в одну постель вплоть до пятнадцатого января. А когда легли, в первый раз это было далеко не так хорошо, как прежде. Но как бы там ни было, к началу февраля мы уже решили, что после всего происшедшего Кара Маккензи больше не моя кузина из Детройта, а моя жена. И в эту зиму Джибсонтон стал свидетелем одной из самых пышных свадеб, какие он когда-либо видел.

Возможно, Райа не была так же великолепна, став брюнеткой, может быть, пластическая операция отняла немного красоты у ее лица, но она по-прежнему была прекраснейшей женщиной на свете. И что более важно, она начала избавляться от эмоционально искаленной Райи — тоже гоблина, но иного рода, жившего внутри ее.

Мир продолжал жить как всегда.

Это был год, когда они убили в Далласе нашего президента. Это был конец невинности. Исчез определенный жизненный уклад и образ мыслей, и многие, впад в уныние, говорили, что умерла и надежда. Но хотя осенью облетающие листья обнажают ветви, как кости скелета, весна вновь наряжает деревья.

Это также был год, когда «Битлз» выпустили свою первую пластинку в Штатах, год, когда «Конец света» Скитера Дэвиса был песней номер один, год, когда «Ронеттс» записали «Будь моей, крошка». А эта зима была зимой, когда мы с Райей вернулись в Йонтсдаун, штат Пенсильвания, на несколько дней в марте, чтобы принести войну на территорию врага.

Но это уже другая история.

Которая следует ниже.

Часть вторая Черная молния

*Тропки ночи там и тут
Прочь от сумерек бегут.*
Книга Исчисленных скорбей

*Что-то движется в ночи,
Недобром дыша.
Молчи!*
Книга Исчисленных скорбей

*Шепчет сумрак наверху —
Ночь роняет шелуху.*
Книга Исчисленных скорбей

19

Первый год новой войны

Джон Кеннеди был мертв и похоронен, но эхо его похоронного марша затихало еще очень долго. В течение большей части той серой зимы казалось, что мир предпочел панихиду музыке. Небо нависало ниже, чем когда-либо прежде. Даже во Флориде, с ее безоблачными днями, мы ощущали пасмурность, не видимую глазом. Так что даже в счастье нашей семейной жизни мы с Райей не могли полностью найти убежища ни от мрачного настроения остального мира, ни от памяти о наших собственных недавних ужасах.

Двадцать девятого декабря 1963 года одна из американских радиостанций впервые прокрутила запись «Битлз» «Я хочу взять тебя за руку», и к первому февраля 1964 года это была песня номер один в стране. Мы нуждались в этой музыке. Эта мелодия и прочие, в изобилии следовавшие за ней, научили нас вновь понимать значение радости. «Легендарная четверка» из Британии стала не просто музыкантами — она стала символом жизни, надежды, перемен и выживания. В тот год за «Я хочу взять тебя за руку» последовали «Она любит тебя», «Мою любовь не купишь», «Я видел, как она стояла там», «Мне хорошо» и еще более двух десятков других песен — половодье доброй музыки, с которым до сих пор ничто не может сравниться по силе.

А нам так было нужно добро — не для того, чтобы позабыть ту смерть в Далласе в ноябре прошлого года, но чтобы отвлечь себя от признаков и предзнаменований смерти и разрушения, множившихся день ото дня. Это был год Резолюции Тонкинского залива, когда конфликт во Вьетнаме перерос в полноценную войну, хотя никто еще и представить себе не мог, насколько полноценной она станет. Не исключено, что это был также год, когда реальная близость ядерного уничтожения наконец-то была похоронена в глубинах национального сознания — потому что эта реальность была выражена во всех областях искусства так, как никогда прежде, особенно в фильмах типа «Доктор Стрэнджлав» и «Семь дней в мае». Мы ощущали, что движемся по самому краю страшной бездны, и музыка «Битлз» давала нам поддержку — так, насвистывая на кладбище, можно отогнать прочь мрачные мысли о разлагающихся трупах.

После обеда, в понедельник, шестнадцатого марта, две недели спустя после нашей свадьбы, мы с Райей лежали на бело-зеленых полотенцах на пляже и негромко беседовали, слушая транзисторный приемник. Примерно треть программы составляла музыка «Битлз» либо их подражателей. Накануне, в воскресенье, пляж был переполнен, но сейчас он находился целиком в нашем распоряжении. Море лениво катило волны, и лучи флоридского солнца, жарящие воду, создавали иллюзию тысяч золотых монет на воде, как будто прибой

неожиданно вынес на поверхность воды затонувший испанский галеон. Безжалостные лучи субтропического солнца выбеливали и без того белый песок, а наш загар становился все сильнее с каждым часом. Висящее в вышине солнце превратило мою кожу в шоколадную. У Райи тон загара был богаче, с оттенком золотого. Горячий медовый блеск ее кожи нес в себе такой мощный эротический заряд, что я не мог удержаться от того, чтобы время от времени не протягивать руку и не прикасаться к ней. Хотя волосы ее были теперь черными как вороново крыло, а не светлыми, она все равно осталась золотой девушкой, дочерью солнца, какой показалась мне в тот день, когда я впервые увидел ее на аллее ярмарки братьев Сомбра.

Слабый меланхолический настрой, подобный отдаленным звукам едва слышной скорбной песни, окрашивал все наши дни, хотя это вовсе не значит, что мы были печальны (мы вовсе не были печальны) или что мы видели и познали слишком много темного, чтобы быть счастливыми. Мы часто — даже постоянно были счастливы. Меланхолия в умеренных дозах странным образом может действовать успокаивающе, есть в ней некая таинственная сладость. Она создает контраст и тем самым способна придать утонченную остроту счастью, особенно радостям плоти. В эти благоуханные послеобеденные часы понедельника мы наслаждались солнечным теплом и собственным слегка меланхолическим настроением, зная, что, вернувшись в свой трейлер, займемся любовью, и слияние наше будет почти невыносимой полноты.

Каждый час по радио в новостях нам рассказывали про Китти Дженовезе, убитую в Нью-Йорке два дня назад. Тридцать восемь ее соседей из Кью-Гарденс слышали ее панические крики о помощи, видели из окон, как нападавший несколько раз пырнул ее, начал красться прочь, затем вернулся и снова пырнул, в конце концов прикончив ее на пороге ее собственного дома. Никто из этих тридцати восьми не пришел ей на помощь. Два дня спустя эта история по-прежнему была на первых страницах новостей, и вся страна пыталась понять причину того, что высветили кошмарные события в Кью-Гарденс, — бесчеловечность, бессердечность и изолированность современных жителей и жительниц городов. «Мы просто не хотели впутываться», — говорили тридцать восемь зрителей, как будто то, что Китти Дженовезе была того же племени, того же возраста и из того же круга, что и они, — как будто все это не было достаточным основанием, чтобы вызвать милосердие и сострадание. Конечно, мы с Райей знали, что кое-кто из тех тридцати восьми почти наверняка был не человеком, а гоблином, расцветающим при виде боли умирающей женщины и эмоционального смятения и вины бесхребетных наблюдателей.

Когда закончились новости, Райа выключила радио и сказала:

— Не все зло на свете идет от гоблинов.

— Да.

— Мы и сами способны на жестокость.

— Куда как способны, — согласился я.

Она помолчала, прислушиваясь к раздающимся вдали крикам чаек и к волнам, мягко разбивающимся о берег.

Наконец она заговорила:

— Год за годом гоблины плодят смерть, страдание и жестокость и тем самым загоняют доброту, честность и правду все дальше и дальше в угол. Мир, в котором мы живем, становится все более холодным и злобным, главным образом — хотя и не целиком — из-за них, мир, в котором у молодежи все больше дурных примеров для подражания. А это гарантия того, что в каждом следующем поколении сострадания будет меньше, чем в том, что было до него. Каждое следующее поколение будет все более терпимым ко лжи, убийствам и жестокости. Не прошло и двадцати лет после массовых убийств Гитлера, но большинству людей, кажется, безразлично — если они вообще помнят — что тогда происходило. Сталин убил по меньшей мере втрое больше, чем Гитлер, а об этом все молчат. Сейчас в Китае Мао Цзэдун убивает миллионы людей и еще больше их стирает в порошок в рабских трудовых лагерях, а много ли ты слышал возмущенных голосов? И такое положение дел не изменится до тех пор, пока...

— Пока что?
— Пока мы не сделаем что-нибудь с гоблинами.
— Мы?
— Да.
— Мы с тобой?
— Для начала да, мы с тобой.

Я остался лежать на спине, закрыв глаза.

Пока Райа не заговорила, я чувствовал себя так, словно солнечные лучи струились прямо сквозь меня в землю, как будто я был прозрачным. В этой воображаемой прозрачности я обретал некоторое успокоение и облегчение, свободу от ответственности и мрачных новостей по радио.

И вдруг, начав осознавать, что сказала Райа, я почувствовал себя пришпиленным солнечными лучами, неспособным двигаться, пойманным в ловушку.

— Мы ничего не можем сделать, — неловко сказал я. — По крайней мере, ничего, что дало бы нам существенный перевес. Мы можем попытаться загонять и убивать поодиночке тех гоблинов, с которыми сталкиваемся, но их же многие миллионы. Убийство нескольких десятков или нескольких сотен не даст подлинного эффекта.

— Мы можем сделать больше, чем убивать тех, что приходят к нам, — возразила она. — Мы можем еще кое-что.

Я не отреагировал.

В двухстах ярдах к северу от нас на пляже возились чайки в поисках еды — мертвых рыбешек, объедков хот-догов, оставшихся от вчерашней толпы. Их отдельные крики, пронзительные и жадные, неожиданно резанули меня холодным, скорбным и одиноким звучанием.

Райа сказала:

— Мы можем отправиться к ним.

Я направил всю свою волю на то, чтобы заставить ее остановиться, беззвучно моля ее замолчать, но ее воля оказалась сильнее моей, а безгласные мольбы не возымели действия.

— Они сконцентрированы в Йонтсдауне, — продолжала она. — У них там своего рода гнездо, этакое отвратительное, зловонное гнездо. А должны быть и еще места, подобные Йонтсдауну. Они ведут войну против нас, но все сражения начинают только они сами. Мы могли бы изменить этот порядок, Слим. Мы могли бы дать им бой.

Я открыл глаза.

Она сидела, нагнувшись надо мной и глядя на меня. Она была невероятно красива и чувственна, но лучащаяся женственность скрывала яростную решимость и стальную волю, как будто в Райе воплотилась некая древняя богиня войны.

Мягко разбивающийся о берег прибой звучал как далекая канонада, как эхо далекого сражения. Теплый ветерок скорбно шелестел в пушистых пальмовых листьях.

— Мы могли бы дать им бой, — повторила она.

Я подумал о матери и сестрах, которые теперь были для меня потеряны из-за моей неспособности втянуть голову и не быть вовлеченным в войну, потеряны из-за того, что я дал бой дядюшке Дентону вместо того, чтобы позволить ему диктовать ход войны.

Я протянул руку и коснулся гладкого лба Райи, дотронулся до ее изящно вылепленной макушки, щек, носа, губ.

Она поцеловала мою руку.

Ее взгляд был прикован ко мне.

Она сказала:

— Мы нашли друг в друге радость и смысл жизни, нашли больше, чем мы могли ждать для себя. И теперь возникает соблазн сыграть в черепашек, втянуть головы в панцири и наплевать на весь остальной мир. Возникает соблазн — радоваться тому, что у нас есть, и послать к чертям всех прочих. И какое-то время... может, мы и будем счастливы, живя так. Но только какое-то время. Рано или поздно мы не выстоим под тяжестью вины и стыда за свою

трусость и эгоизм. Я знаю, о чем говорю, Слим. Вспомни, до недавних пор я так и жила: заботилась только о себе, о собственном выживании. Один кошмарный день за другим, и меня заживо съедало чувство вины. Ты никогда таким не был; у тебя всегда было чувство ответственности, и ты бы не смог избавиться от него, какие бы мысли у тебя ни возникали. И сейчас, когда и я обрела чувство ответственности, я не намерена доходить до того, чтобы отбросить его. Мы не такие, как те люди из Нью-Йорка, которые глядели, как Китти Дженовезе убивают, и ничего не предприняли. Мы просто не такие, Слим. Если мы попытаемся стать такими же, мы мало-помалу возненавидим себя. Мы начнем обвинять друг друга в трусости, ожесточимся и вскоре уже не будем любить друг друга, по крайней мере, так, как любим друг друга сейчас. Все, что у нас есть общего, — и все, что мы надеемся приобрести, — зависит от того, будем ли мы по-прежнему втянуты в эту войну, будем ли извлекать пользу из своей способности видеть гоблинов и будем ли делать то, что должны делать.

Я опустил руку на ее колено. Таким теплым было оно... таким теплым.

Наконец я сказал:

— А если мы погибнем?

— По крайней мере это будет не бесполезная смерть.

— А если погибнет только один из нас?

— Останется второй, чтобы отомстить.

— Слабое утешение, — заметил я.

— Но мы не погибнем, — сказала она.

— Так уверенно это говоришь.

— Я уверена. Совершенно.

— Хотел бы я быть таким же уверенным.

— Можешь.

— Как? — поинтересовался я.

— Верь.

— И все?

— Да. Просто верь в победу добра над злом.

— Как в Тинкербелле, — сказал я.

— Нет, — возразила Райа. — Тинкербелл был порождением фантазии, и его поддерживала одна лишь вера. А мы с тобой говорим о таких вещах, как добро, милосердие и справедливость — а это все не выдумки. Они существуют независимо от того, веришь ты в них или нет. Но если ты в них веришь, тогда они заставят твою веру действовать. А если ты станешь действовать, ты поможешь тому, чтобы зло не одержало верх. Но только если ты станешь действовать.

— Именно это с тобой и произошло, — заметил я.

Она не сказала больше ни слова.

— Ты могла бы продать холодильники эскимосам.

Она молча глядела на меня.

— меховые шубы гавайцам.

Она ждала.

— Лампы для чтения слепым.

Она не улыбнулась мне.

— Даже подержанные автомобили, — закончил я.

С глубиной ее глаз не могло бы соперничать даже море.

Позже, уже в трейлере, мы занялись любовью. В янтарном свете прикроватной лампы ее загорелая кожа казалась созданной из бархата цвета меда и корицы, кроме тех мест, где крошечные лоскутки открытого купальника защищали ее от солнца, — там эта безупречная ткань была бледнее и еще нежнее. Когда глубоко внутри ее мое мягкое семя внезапно начало разматываться стремительно-жидкими нитями, казалось, эти нити сшивают нас воедино, соединяют тело с телом и душу с душой.

Когда "я" наконец стал мягким, уменьшился в размерах и выскользнул из нее, я спросил:

— Когда мы отправляемся в Йонтсдаун?

— Завтра? — прошептала она.

— Добро, — ответил я.

Снаружи опускающиеся сумерки принесли с собой горячий ветер с запада. Он пересек залив, хлестнул по пальмам, зашумел в зарослях бамбука и вздохнул среди австралийских сосен. Металлические стены и крыша трейлера заскрежетали. Она выключила свет, и мы легли рядом во мгле. Ее спина принималась к моему животу. Мы прислушивались к ветру. Может быть, мы были довольны своим решением и выказанной нами отвагой, может быть, мы гордились собой, но мы еще были и напуганы, определенно напуганы.

20

На север

Джоэль Так был против. Против наших благородных намерений. «Безмозглый идеализм» — так он назвал их. Против поездки в Йонтсдаун. «Больше безрассудства, чем смелости». Против задуманного нами развязывания войны. «Обречено на провал», — сказал он.

Тем вечером мы ужинали с Джоэлем и его женой Лорой у них дома — в стоящем на фундаменте трейлере в два раза шире обычных на одной из самых больших стоянок в Джибтауне. Принадлежащий им участок был весь в пышной зелени — банановые пальмы, с полдюжины пестрых разновидностей ползучих растений, папоротники, бугенвиллея, даже несколько кустов жасмина. Глядя на изысканные ряды кустарников и цветов, кто-то мог решить, что внутри жилище Така будет переполнено мебелью и чрезмерно украшено, может, даже в каком-нибудь из тяжелых европейских стилей. Но это ожидание не оправдалось. Их дом нес на себе отчетливый отпечаток модерна: простая, с четкими линиями, почти без украшений современная мебель, две абстрактные картины, выполненные в смелой манере, несколько стеклянных статуэток — но никаких безделушек, никакого беспорядка. Среди цветов доминировали цвета земли — бежевый, песочно-белый и коричневый, единственным цветом, придающим некий акцент этой гамме, был бирюзовый.

Я подозревал, что такое строгое убранство, по мнению хозяев, не должно было подчеркивать деформированные черты лица Джоэля. В конце концов дом, полный отполированной и украшенной красивой резьбой европейской мебели — французской, итальянской или английской, — независимо от стиля, непременно трансформировался бы в присутствии хозяина с его крупными размерами и кошмарным обликом и показался бы куда менее элегантным, чем готический дом, воскрешающий в памяти старые темные дома и населенные призраками замки из бесчисленного множества фильмов. Но, по контрасту, среди этой современной обстановки впечатление от необычного лица хозяина странным образом смягчалось. Он как будто был ультрамодерновой, сюрреалистической скульптурой, неотъемлемой частью таких вот чистых, свободных гостиных, как эта.

Дом Така не был ни холодным, ни отталкивающим. Длинная стена большой жилой комнаты была сплошь заставлена книжными полками, до отказа набитыми томами в твердых переплетах. Это придавало комнате определенную теплоту, хотя прежде всего сами Джоэль и Лора были источниками дружелюбной, уютной атмосферы, в которую мгновенно попадали гости. Почти все балаганщики, с которыми я когда-либо встречался, приветствовали меня без всякой скрытности, как своего; но даже среди балаганщиков Джоэль и Лора отличались даром особого дружелюбия.

В августе прошлого года, в ту кровавую ночь, когда мы с Джоэлем убили и обезглавили шестерых гоблинов на темной аллее ярмарочной площади графства Йонтсдаун, я был удивлен, услышав, что он говорит про свою жену, — я и не знал, что он женат. После этого, до тех пор, пока я не встретил ее, мне было страшно любопытно, что это за женщина, которая

вышла замуж за такого мужчину, как Джоэль. Я воображал себе каких угодно спутниц для Джоэля, но ни одна из них не имела ничего общего с Лорой.

Во-первых, она была очень красивая, изящная и грациозная. Не такая, что дух захватывает (как Райа), не из тех женщин, при одном взгляде на которых мужчины содрогаются, но, несомненно, красивая и желанная: каштановые волосы, ясные серые глаза, открытое лицо с гармоничными чертами, приятная улыбка. Она обладала уверенностью в себе, присущей сорокалетней женщине, но выглядела не больше чем на тридцать, так что я решил, что ей где-то между тридцатью и сорока. Во-вторых, в ней не было ничего от подстреленной птицы — никакой застенчивости, никакой робости, которые могли бы помешать ей повстречать и очаровать человека, принятого в обществе и куда более физически привлекательного, чем Джоэль. В ней также не было и намека на фригидность, ничего, что позволило бы предположить, будто она вышла замуж за Джоэля именно потому, что из благодарности он будет предъявлять меньше требований физической близости, чем другие мужчины. На самом деле она была очень нежной по своей природе — то и дело прикасалась к собеседнику, обнималась, целовала в щеку, — и были все основания предполагать, что столь раскованная манера в отношениях с друзьями была лишь бледной тенью страсти, которую она испытывала на супружеском ложе.

Как-то вечером, в пред рождественскую неделю, когда Райа и Лора ходили по магазинам, мы с Джоэлем пили пиво, ели попкорн с сыром и играли в карты. Джоэль употребил достаточно «Пабста», чтобы содержимое этих бутылок пробудило в нем сентиментальность, такую густую и сладкую, что, будь он диабетиком, запросто мог бы свалиться в кому. В этом состоянии он был неспособен говорить ни о чем, кроме своей обожаемой жены. Лора такая добрая (так он сказал), такая славная, любящая, благородная, а еще и умная, мудрая, даже холодную свечку может зажечь без спички. Может, она и не святая (так он сказал), но если в наши дни по земле ходит кто-то ближе к святости, чем она, то ему, Джоэлю, черт возьми, дико хочется узнать, кто ж это такой. Он заверил меня, что ключ к пониманию Лоры — и к пониманию того, почему она выбрала его, — в том, чтобы осознать, что она из тех немногих, кто никогда не обманывается внешним видом — лицом, репутацией — или первым впечатлением. У нее был талант заглядывать в глубь людей — ничего психического наподобие нашего с Джоэлем умения видеть гоблинов под маскировкой, а просто старая добрая проницательность. В Джоэле она разглядела человека, чья любовь и уважение к ней были почти безграничны и который, несмотря на его чудовищное лицо, был добрее и серьезнее большинства мужчин.

Как бы там ни было, тем вечером, в понедельник шестнадцатого марта, когда мы с Райей открыли свои намерения объявить войну гоблинам, Джоэль и Лора отреагировали так, как мы и ожидали. Она нахмурилась, серые глаза потемнели от беспокойства. Она дотрагивалась и обнимала нас чаще, чем обычно, как будто каждое физическое соприкосновение было еще одной нитью в паутине, что могла бы привязать нас к Джибтауну и уберечь от нашей опасной миссии. Джоэль нервно расхаживал по комнате, опустив деформированную голову, ссутулив тяжелые плечи. Наконец он сел на скамью, нервно заерзал, снова вскочил и принялся расхаживать — не переставая при этом спорить с нашим планом и пытаясь урезонить нас. Но нас не могла поколебать ни нежность Лоры, ни логика Джоэля, потому что мы были молоды, решительны и в нас горел огонь справедливости.

Посреди ужина, когда разговор наконец перешел на другие темы, когда Таки, казалось, неохотно смирились с неизбежностью нашего крестового похода, Джоэль вдруг отложил в сторону нож и вилку, звякнув ими по тарелке, помотал седеющей головой и снова начал дискуссию:

— Это, черт возьми, акт самоубийства и ничто иное! Если вы отправитесь в Йонтсдаун, чтобы стереть с лица земли гнездо гоблинов, вы просто совершите двойное самоубийство. — Он задвигал мощной челюстью, похожей на черпак экскаватора, так, словно несколько сот очень важных слов застряли в этом несовершенном костяном механизме, но когда он заговорил опять, то всего лишь повторил: — Самоубийство.

— А сейчас, когда вы обрели друг друга, — добавила Лора, протянув руку и ласково коснувшись руки Райи, сидящей напротив нее, — у вас есть причины жить.

— Мы вовсе не собираемся войти в город и возвестить о себе, — заверила Райа. — Это же не охота в коррале. Мы собираемся действовать осторожно. Сперва надо будет узнать о них как можно больше, узнать, почему их так много в одном месте.

— Мы собираемся весьма хорошо вооружиться, — сказал я.

— Не забывайте, у нас есть одно огромное преимущество, — напомнила Райа. — Мы можем видеть их, но они не знают, что мы их видим. Мы будем призраками-головорезами.

— Но они знают тебя, — напомнил ей Джоэль.

— Нет, — ответила она, помотав головой. Ее волнистые черные волосы переливались под голубым полуночным светом. — Они знают прежнюю меня, блондинку с несколько иными чертами лица. Они считают, что та женщина мертва. В каком-то смысле... так оно и есть.

Джоэль расстроено уставился на нас. Третий глаз в его гранитном лбу был загадочно мутно-оранжевым пятном. Казалось, он полон тайных видений апокалиптического характера. Он прикрыл два остальных глаза и глубоко вздохнул, выражая этим вздохом смирение и печаль.

— Почему? Почему, черт возьми? Почему вам так необходимо это безумие?

— Мои годы в детдоме, когда я жила у них под пятой, — ответила Райа. — Я хочу отомстить за них.

— И за моего брата Керри, — сказал я.

— За Студня Джордана, — добавила Райа.

Джоэль не открыл глаза. Он сложил руки на столе, словно для молитвы.

— И за моего отца, — сказал я. — Один из них убил моего отца. И бабушку. И тетю Полу.

— За тех детей, что погибли при пожаре в йонтсдаунской школе, — тихо добавила Райа.

— И за тех, кто погибнет, если мы не будем действовать, — сказал я.

— Чтобы искупить мои грехи, — сказала Райа. — За все годы, что я была на их стороне.

— Потому что, если мы не сделаем этого, — добавил я, — мы будем не лучше, чем те люди, что стояли у окон и глядели, как Китти Дженевезе режут на куски.

Мы все сидели и с минуту думали над этим.

Ночной воздух струился в окна, прикрытые ширмами, с легким шипением, словно кто-то выдыхал его сквозь сжатые зубы.

Снаружи в ночи пронесся сильный порыв ветра, как будто некое создание огромного размера прошло в темноте.

Наконец Джоэль сказал:

— Но, господа, вас только двое против такого множества...

— Это лучше, что нас только двое, — сказал я. — Двоих осторожных чужаков не заметят. Мы сможем соваться повсюду, не привлекая к себе внимания, и тем самым скорее сумеем выяснить, почему так много их собралось в одном месте. А потом... если мы решим, что необходимо уничтожить несколько гоблинов, мы сможем сделать это втихую.

В глубоко запавших глазницах под массивным неровным лбом открылись карие глаза Джоэля. Они были бесконечно выразительными, полными понимания, беспокойства, сожаления и, возможно, жалости.

Лора Так потянулась через стол, взяла руку Райи в свою, другой рукой дотронулась до моей и сказала:

— Если вы отправитесь туда и обнаружите, что попали в беду, из которой не сумеете выбраться в одиночку, мы придем.

— Да, — сказал Джоэль с ноткой отвращения к себе самому (я ощутил, что тут он был не вполне искренен), — боюсь, что мы достаточно тупы и достаточно сентиментальны, чтобы прийти.

— И приведем других балаганщиков, — добавила Лора.

Джоэль покачал головой.

— Ну, тут я не уверен. Балаганщики такие люди, которые не слишком хорошо функционируют во внешнем мире, но это, разумеется, не значит, что у них бетон между ушей. Им не понравится соотношение.

— Это все не важно, — заверила их Райа. — Мы не собираемся прыгать выше головы.

Я добавил:

— Мы намерены быть осторожными, как пара мышей в доме, где сотня котов.

— С нами все будет в порядке, — сказала Райа.

— Не беспокойтесь за нас, — сказал я им.

Думаю, я искренне имел в виду именно то, что сказал. Полагаю, я и в самом деле был настолько уверен в себе. Мою необоснованную уверенность нельзя было списать за счет опьянения, потому что я был совершенно трезв.

* * *

В ранний утренний час во вторник меня разбудила буря, грохочущая далеко в заливе. Некоторое время я лежал, еще полусонный, прислушиваясь к ритмичному дыханию Райи и к ворчанию небес.

Постепенно туманные потоки сна рассеялись, сознание прояснилось, и я вспомнил, что буквально перед пробуждением мне приснился скверный сон и что буря играла в этом сне главную роль. Поскольку прежние сны оказались пророческими, я попытался вспомнить сегодняшний сон, но он ускользал от меня. Смутные образы сна легкими струйками дыма возникали в памяти, петляя и ускользая от меня, точно настоящий дым — извивались и тянулись вверх тем быстрее, чем сильнее я стремился оформить их в четкие, что-то значащие картинки. Хотя я довольно долго напрягал свою память, я смог припомнить лишь странное тесное пространство, длинный, узкий, таинственный коридор, а может, туннель, в котором чернильная темнота словно сочилась из стен, и единственные пятна света — неверного, горчично-желтого — были далеко друг от друга, разделенные угрожающими тенями. Я не смог вспомнить, где находилось то место, что за кошмарные события там происходили. Но даже эти неясные, обрывочные воспоминания вызвали у меня озноб и заставили сердце громко стучать от страха.

Буря над заливом приближалась.

Вскоре упали первые тяжелые капли дождя.

Ночной кошмар отступил еще дальше, где мне было не поймать его, и мало-помалу вместе с ним улегся и страх.

Ритмичное постукивание дождя по крыше трейлера вскоре убаюкало меня.

Рядом со мной что-то сонно пробормотала Райа.

Флоридской ночью, всего за два с половиной дня до поездки в Йонтсдаун, лежа в летнем тепле, но предчувствуя северную стужу, которой не мог избежать, я снова искал сна и нашел его, как грудной младенец находит материнскую грудь, только вместо молока я вновь испил черный эликсир сна. А утром, проснувшись, дрожа и задыхаясь, я, как и прежде, не смог припомнить, что же было в том странном кошмаре, расстроившем, но пока не встревожившем меня.

* * *

Джибтаун — это зимняя квартира для балаганщиков из почти всех странствующих шоу в восточной части страны, не только с ярмарки братьев Сомбра. Поскольку балаганщики — начнем с этого — изгои либо неудачники, которые не могут найти своего места в обществе «правильных», в большинстве шоу (не у братьев Сомбра) при найме новых работников и заключении контракта с новыми концессионерами вопросов обычно не задают, так что среди

честных неудачников есть несколько — совсем немного — «тяжелых случаев», криминальных личностей. Поэтому в Джибтауне, если знаешь, где искать, и если тебя считают надежным членом общества, можно найти практически все, что пожелаешь.

Я желал парочку хороших многозарядных револьверов, два пистолета с запрещенными законом глушителями, дробовик-обрез, автоматическую винтовку, не меньше сотни фунтов пластиковой взрывчатки любого типа, детонаторы со встроенными часовыми механизмами, дюжину пузырьков пентотала соды, упаковку шприцев для подкожного впрыскивания и еще кое-какие товары, которые нелегко приобрести в ближайшем супермаркете. В то мартовское утро во вторник, позадавав с полчаса ненавязчивые вопросы, я вышел на Норланда Бэкверта — Скользкого Эдди, мелкого концессионера, путешествующего с крупной конторой практически весь сезон на Среднем Западе.

Скользкий Эдди ничуть не выглядел скользким. Строго говоря, он выглядел высушенным. У него были ломкие волосы песочного цвета. Несмотря на флоридское солнце, он был бледный, как пыль в древней могиле. Кожа была иссушена солнцем, покрыта паутиной тонких морщин, а губы такие сухие, что казалось — они покрыты чешуей. Глаза его были странного цвета бледного янтаря, точно выгоревшая на солнце бумага. Одет он был в хрустящие брюки защитного цвета и в такую же рубашку, поскрипывающую и шелестящую при каждом его движении. Низкий и скрежещущий голос напомнил мне горячий ветер пустыни, шелестящий в мертвых кустарниках. Заядлый курильщик, у которого возле каждого стула, попавшегося мне на глаза, лежала пачка «Кэмела», он казался почти прокопченным, как кусок свинины.

Жилая комната в трейлере Скользкого Эдди была тускло освещена и насквозь провоняла затхлым сигаретным дымом. Мебель была обтянута темно-коричневым винилом с имитацией под кожу. Несколько столов из стали и стекла, подходящий к ним кофейный столик, на котором лежали номера «Нэшнл инкуайрер» и несколько журналов по оружию. Лишь одна из трех ламп была зажжена. Воздух был прохладный и сухой. Все окна задернуты плотными, не оставляющими щелей шторами. Если бы не сигаретная вонь, я поверил бы, что это место — подвальный склад, в котором температура, освещенность и влажность тщательно контролировались, чтобы сохранить очень нежные произведения искусства или хрупкие документы.

Дождь прекратился к рассвету, но, когда я добрался до жилища Скользкого Эдди, зарядил снова. Стук дождевых капель был здесь странно приглушенным, словно весь трейлер был завернут в тяжелые шторы вроде тех, что висели на окнах.

Сгорбившись в коричневом кресле, Скользкий Эдди бесстрастно, не перебивая, слушал, пока я зачитывал ему весь свой длинный и противозаконный список покупок. То и дело он глубоко затягивался, держа сигарету рукой с тонкими пальцами, навек обесцвеченными от пятен никотина. Когда я выложил ему все, что мне надо, он не задал ни единого вопроса, даже во взгляде его выгоревших желтых глаз не появилось ни малейшего интереса. Он просто назвал цену и, когда я вручил половину этой суммы в залог, добавил:

— Зайди в три.

— Сегодня?

— Да.

— Ты можешь достать все это дело за несколько часов?

— Да.

— Мне нужно качество.

— Разумеется.

— Пластиковая взрывчатка должна быть очень устойчивой, ничего, что было бы опасно брать в руки.

— Я с бараклом не работаю.

— А пентотал...

Он выпустил струю едкого дыма и сказал:

— Чем дольше мы будем об этом трепаться, тем труднее мне будет доставить все это

барахло сюда к трем часам.

Я кивнул, встал и направился к двери. Еще раз обернувшись в его сторону, я спросил:

— Тебе не любопытно?

— Что?

— Для чего мне все это, — пояснил я.

— Нет.

— Ну должен же ты поллюбопытствовать...

— Нет.

— Будь я на твоём месте, я бы поллюбопытствовал, почему люди приходят ко мне с подобными просьбами. Будь я на твоём месте, я бы захотел узнать, во что впутываюсь.

— Вот поэтому ты не на моём месте, — ответил он.

* * *

Дождь перестал, и вода вскоре впиталась в землю, листья высохли, лезвия травинки, прибитые струями дождя, медленно поднялись из своих смиренных поз. Но небо не прояснилось — оно низко нависало над ровным побережьем Флориды. Сочающаяся влагой масса темных туч, тянувшаяся на восток, казалась гниющей, покрытой прыщами. В тяжелом воздухе не пахло чистотой, как должно было быть после сильного дождя. Странный запах плесени примешивался к запаху сырости, как будто буря принесла с залива какую-то заразу.

Мы с Райей собрали три чемодана и погрузили их в наш бежевый автомобиль, на бортах которого красовались металлические панели, выкрашенные под дерево. Уже в те дни Детройт больше не выпускал автомобили с настоящим «деревом».

Возможно, это было первым признаком того, что эпоха качества, мастерства и истинности обречена уступить дорогу эпохе подделок, спешки и умелой имитации.

Торжественно — а с кем-то и печально — попрощались мы с Джоэлем и Лорой Так, с Глорией Нимз, с Рыжим Мортонем, с Бобом Уэйландом, с мадам Дзеной, с Ирмой и Поли Лорас и с остальными балаганщиками — одним сказали, что отправляемся в небольшую увеселительную поездку, другим — правду. Они пожелали нам удачи и постарались как могли приободрить нас, но в глазах тех, кому была известна истинная цель нашей поездки, мы читали сомнения, страх, жалость и даже ужас. Они не думали, что мы вернемся — или что мы проживем в Йонтсдауне достаточно долго, чтобы выяснить что-нибудь важное о гоблинах или нанести врагу какой-то ощутимый урон.

Всех их одолевала одна и та же мысль, хотя они и не дали ей выйти наружу: «Мы больше никогда не увидим вас».

В три часа мы завернули к трейлеру Скользящего Эдди, расположенному в дальнем углу Джибтауна. Тот уже ждал нас со всем вооружением, взрывчаткой, пентоталом и прочими товарами, которые я ему заказал. Снаряжение было уложено в несколько потрепанных холстяных мешков с завязывающейся горловиной. Мы сунули их в машину с таким видом, словно таскали грязное белье, которое собирались отвезти в автоматическую прачечную.

Райа согласилась сидеть за рулем в течение первого перегона на север. Моей обязанностью было ловить хорошую рок-н-рольную радиостанцию в приемнике, пока накручиваются мили.

Но не успели мы даже съехать с дорожки перед трейлером Скользящего Эдди, как он наклонился и сунул свою пергаментно-жесткую физиономию в открытое окошко с моей стороны. Дыхание, настоящее на сигаретном дыму, вырвалось из него вместе с сухим хрипением:

— Если вы там поссоритесь с законом и если они захотят узнать, где вы приобрели то, чего бы вам не следовало иметь, — я надеюсь, вы поступите как достойные балаганщики и не приплетете к этому делу меня.

— Разумеется, — резко ответила Райа. Ей открыто не понравился Скользящий Эдди. — Зачем оскорблять нас, вообще поднимая эту тему? Мы что, похожи на парочку

профессиональных предателей, которые готовы бросить своих собратьев в костер, лишь бы самим согреться? Мы люди стойкие.

Эдди по-прежнему искоса глядел на нас через окно, не вполне удовлетворенный ответом. Он будто чуял, что Райа и в самом деле была раньше предателем своего племени. А ее реакция на его подозрение была вызвана, возможно, не столько неприязнью к нему, сколько чувством вины, от которой она еще не очистилась до конца.

Эдди продолжал:

— Если у вас все сложится нормально — куда бы вы ни направлялись и что бы ни затевали — и если вам однажды снова понадобится я для закупок, — можете обращаться без колебаний. Но если дела пойдут плохо, я вас больше не желаю видеть.

— Если дела пойдут плохо, — так же резко ответила Райа, — ты нас и не увидишь никогда.

Его выгоревшие янтарные глаза моргнули — сперва в ее сторону, затем в мою. Я готов был поклясться, что услышал, как его веки двигаются вверх и вниз с тихим, металлическим, скрежещущим звуком — точно заржавленные детали какого-то механизма, трущиеся одна о другую. Он хрипло вздохнул — я почти ожидал, что с чешуйчатых губ слетит облачко пыли, однако мне в лицо ударила всего лишь еще одна прогорклая волна табачного запаха. Наконец он сказал:

— Мда. М-да... сдается мне, что я и вправду вас никогда больше не увижу.

Райа вырулила с дорожки. Все это время Скользящий Эдди смотрел нам вслед.

— Как он тебе показался? — спросила она меня.

— Крыса пустыни, — ответил я.

— Нет.

— Нет?

Она ответила:

— Смерть.

Я поглядел на удаляющуюся фигуру Скользящего Эдди.

Неожиданно — возможно, он пожалел о стычке с Райей и предпочитал расстаться на более светлой ноте — он расплылся в улыбке и помахал нам рукой. Это было самое худшее, что он мог придумать, — его худое аскетичное лицо, высохшее, как кости, и бледное, как могильные черви, было не создано для улыбок. В этом оскале, похожем на улыбку скелета, я не увидел ни дружелюбия, ни тепла, ни какой бы то ни было радости — только нечестивый голод Старухи с косой.

С этим дьявольским образом, ставшим нашим последним впечатлением от расставания с Джибтауном, путь на северо-восток через Флориду был мрачным, почти унылым. Даже музыка «Бич Бойз», «Битлз», «Дикси Капе» и «Фор сизонз» не могла улучшить нам настроение. Крапчатое небо казалось покрывающей нас шиферной крышей, как будто давящей на мир и грозящей обрушиться прямо на голову. Мы то выезжали из непогоды, то опять въезжали в нее. Временами сверкающий серебром дождь рассекал серый воздух, но светлее не становилось. Дождь делал дорогу словно зеркальной, но из-за него ее покрытие каким-то образом становилось еще чернее. Ручьи расплавленного серебра текли по щебенке придорожных канав, бурлили и пенились над водосточными желобами и дренажными канавками. Когда не было дождя, с ветвей кипарисов и сосен свешивалась тонкая пепельная мгла, придававшая кустарниковому ландшафту Флориды вид торфяников Англии. После наступления темноты мы въехали в туман, местами очень плотный. На том первом отрезке пути мы разговаривали мало, как будто боясь, что все сказанное нами лишь еще больше расстроит нас. Наше настроение было настолько мрачным, что даже прокручиваемый по радио первый хит «Сьюпримз» «Когда свет любви вспыхивает в его глазах» — песня эта вошла в хит-парады полтора месяца назад и была воплощением «развлекухи» — звучал не гимном радости, а поминальной песней. Все остальные мелодии производили на нас то же мрачное впечатление.

Мы поели в унылом придорожном кафе, усевшись в закутке у засиженного насекомыми

и побитого дождем окна. Все в меню было либо жареное, либо сильно зажаренное, либо зажаренное в сухарях.

Один из водителей грузовиков, сидящих на табуретках возле стойки, был гоблином. От него исходили психические образы, и Сумеречным Взглядом я разглядел, что он частенько использовал свой танкоподобный грузовик, чтобы гнаться за неосторожными водителями, сталкивая их с пустынных отрезков флоридских дорог — тараня или спихивая в канавы, где они, запертые в машине, как в ловушке, тонули, либо в болота, где липкая зловонная жижа затягивала их. Я ощутил также, что он может стать причиной гибели многих невинных в ближайшие ночи, может, даже этой ночью, но не почувствовал, что он представляет опасность для нас с Райей. Мне захотелось вытащить нож из ботинка, проскользнуть у него за спиной и перерезать ему глотку. Но, помня о предстоящей нам миссии, я сдержал себя.

Где-то в Джорджии мы провели ночь в отделанном вагонкой мотеле возле шоссе, соединяющего штаты, — не потому, что эта гостиница была так уж привлекательна, а потому что усталость внезапно завладела нами в безжизненном пустынном месте, где никаких других удобств найти было нельзя. Матрас был весь в комках, изношенные пружины кровати не давали никакой опоры. Через несколько секунд после того, как погас свет, мы слышали, как по растрескавшемуся линолеуму пола топчут невообразимо крупные водяные клопы. Но мы были слишком измотаны — и слишком напуганы будущим, — чтобы обращать на это внимание. Через пару минут, поцеловавшись, мы уже спали.

И снова мне снился длинный туннель теней, еле-еле освещаемый тусклыми, стоящими далеко друг от друга янтарными лампами. Потолок был низкий. Стены были странным образом груботесаными, хотя я не мог распознать материал, из которого они сделаны. И снова я проснулся, трясаясь от ужаса и сдерживая бьющийся в горле крик. И опять, как бы я ни старался, не мог припомнить ничего, что происходило в том кошмаре, ничего, что объяснило бы, почему так бешено и тяжело стучит сердце.

Светящийся циферблат наручных часов показывал десять минут четвертого. Я проспал всего два с половиной часа, но знал, что больше мне в эту ночь не заснуть.

Подле меня, в темноте комнаты, крепко спящая Райа стонала, задыхалась и вздрагивала во сне.

Я задумался — не бежит ли она в эту минуту по туннелю теней, что был и в моем кошмаре.

Я припомнил другой зловещий сон, который мы оба видели прошлым летом: кладбище на холме, лес надгробий. Тот сон оказался вещим. Если нам снова снился один и тот же кошмар, мы можем быть уверены, что и это окажется предупреждением об опасности.

Утром я спрошу у нее, из-за чего она стонала и дрожала ночью. Дай-то бог, чтобы причиной ее дурного сна было что-нибудь более прозаическое, чем у меня: например, жирная еда в придорожной закусочной.

А тем временем я лежал на спине в темноте, прислушиваясь к собственному тихому дыханию, к сонному бормотанию и метаниям Райи и к непрерывной деловой возне многоногих насекомых.

* * *

Утром в среду, восемнадцатого марта, мы ехали до тех пор, пока не добрались до приличного ресторанчика на развилке дорог. За вполне съедобным завтраком, состоящим из бекона, яиц, овсянки, вафель и кофе, я спросил Райю о ее сне.

— Прошлой ночью? — спросила она и нахмурилась, собирая яичный желток куском тоста. — Я спала как бревно и никаких снов не видела.

— Видела, — заверил я ее.

— Правда?

— И довольно долго.

— Не помню.

— Ты много стонала. Ерзала, простыни пинала. И не только в эту ночь, а в предыдущую тоже.

Она моргнула и замерла, не донеся кусочек тоста до рта.

— О, ясно. Ты хочешь сказать... ты сам проснулся от кошмара и увидел, что и мне снится страшный сон?

— Верно.

— И ты хочешь знать...

— Не видели ли мы снова один и тот же сон. — Я поведал ей о странном туннеле, о слабых, тускло мерцающих лампах. — Я проснулся с таким чувством, будто меня что-то преследовало.

— Что?

— Что-то... что-то... не знаю.

— Ну, — сказала она, — если мне и снилось что-нибудь в этом роде, то я не помню. — Она сунула кусок хлеба, пропитанного яйцом, в рот, пожевала, проглотила. — Итак, нам обоим снятся дурные сны. Это вовсе не обязательно должно быть... пророчество. Видит бог, у нас были все причины для плохого сна. Напряжение. Тревога. Учítывая, куда мы направляемся, мы просто обязаны видеть дурные сны. Это ничего не значит.

Позавтракав, мы тронулись в долгий путь длиной в день. Мы даже не остановились перекусить — купили крекеров и конфет на заправочной станции, пока наполняли бак бензином.

Постепенно субтропическая жара осталась позади, однако погода улучшилась. К тому времени, как мы доехали до середины пути через Южную Каролину, небо очистилось от туч.

Станным образом — а может, и не странным, — но этот день с высоким голубым небом казался мне, по крайней мере, не более светлым, чем грязный от дождя день, когда мы покинули залив. Темнота ждала нас в сосновых лесах, которые тянулись по обе стороны шоссе. Этот мрак казался живым, наблюдающим, как будто терпеливо ждущим, пока появится возможность броситься, окутать нас и поглотить. Даже там, где сияющий медью солнечный свет падал в полную силу, я видел надвигающиеся тени, видел неизбежность ночной темноты. Настроение у меня было неважное.

Поздно вечером в среду мы остановились в Мэриленде, в более приличном мотеле, чем в Джорджии, — хорошая кровать, ковер на полу и никакой беготни клопов.

Мы были еще более усталые, чем накануне, но не заснули сразу. Вместо этого, неожиданно для самих себя, мы занялись любовью. Что еще более удивительно — мы были ненасытны. Все началось с нежных, томных потягиваний, с долгих легких толчков, с легкого напряжения и ленивого расслабления мускулов. Мы лениво поднимались и опускались вверх-вниз, как любовники в старых фильмах — нежно и странно-застенчиво, словно соединялись в первый раз. Но через некоторое время появилась страсть и энергия — неожиданные и на первый взгляд необъяснимые, если вспомнить о долгих часах, проведенных нами за рулем. Изысканное тело Райи никогда не было таким элегантным и чувственно вылепленным, полным и зрелым, таким теплым и гибким, таким шелковистым — таким драгоценным. Убыстряющийся ритм ее дыхания, короткие восклицания удовольствия, резко прерывающееся дыхание и слабые стоны, поспешность, с которой ее руки скользили по моему телу и прижимали меня — все эти выражения ее растущего наслаждения распаляли мое возбуждение. Я буквально начал дрожать от удовольствия, и каждый раз эта приятная дрожь, как электрический разряд, передавалась от меня к ней. Она восходила по лестнице наслаждения до высот, на которых захватывает дух, и, несмотря на мощное извержение, которое, казалось, исторгло из меня кровь и костный мозг вместе с семенем, я ни на гран не утратил возбуждения и твердости и вознесся вместе с нею на вершину эротического и эмоционального наслаждения как никогда прежде.

Так же, как бывало с нами и раньше — хотя никогда с такой интенсивностью и силой, — мы страстно занимались любовью, чтобы забыть, перечеркнуть, не поддаться самому факту существования Старухи с косо́й в черном капюшоне. Мы старались отвергнуть

с презрительным смехом реальные опасности, ждущие впереди, и реальные страхи, что были уже с нами. В радостях плоти мы искали утешения, временного мира и силы, которую обретали, соединяясь. А может, мы надеялись к тому же измотать себя настолько, чтобы заснуть без сновидений.

Но сны нам приснились.

Я обнаружил, что снова нахожусь внутри слабо освещенного туннеля, в ужасе убегая от чего-то, что не мог разглядеть. Паника обретала звук в тяжелом, невыразительном эхе моих шагов по каменному полу.

Райа тоже видела сон и с криком проснулась незадолго до рассвета — я к тому времени уже несколько часов не спал. Я обнял ее. Она опять дрожала, но на этот раз не от наслаждения. Она припомнила обрывки кошмара: тусклые, мерцающие янтарным светом лампы, пространства черной как сажа темноты, туннель...

Что-то очень плохое должно было произойти с нами в каком-то туннеле. Когда, где, что и почему — этих вещей мы пока не могли предвидеть.

В четверг я сел за руль, и мы поехали на север, в Пенсильванию. Райа отвечала за радио. Небо опять скрылось за серо-стальными тучами, дочерна обугленными по краям, точно побитые войной врата небесного царства.

Мы свернули с шоссе, соединяющего два штата, на более узкую трассу.

Официально весна должна была наступить всего через несколько дней, но здесь, в северо-восточных горах, природа плевать хотела на календарь. Зима до сих пор безраздельно правила в этих местах и собиралась оставаться на троне до конца месяца, если не дольше.

Земля, покрытая снегом, начала подниматься, сначала плавно, затем все более резко. Снежные берега вдоль дороги штата становились все выше. С каждой милей дорога делалась все более извилистой. Следуя по ее серпантинному пути, я и сам змеей скользил назад по своей памяти к тому дню, когда Студень Джордан, Люк Бендинго и я ехали в Йонтсдаун, чтобы вручить билеты и деньги городским властям, надеясь смазать рельсы перед ярмаркой братьев Сомбра.

Земля таила в себе не меньше дурных предзнаменований, чем прошлым летом. Непостижимо, но несомненно — сами горы казались злом, как будто земля, камень и дерево могли каким-то образом выделять, вынашивать и хранить злобные помыслы и чувства. Потрепанные временем скальные образования, торчащие тут и там из-под одеял снега и почвы, напоминали полустершиеся зубы некоего поднимающегося левиафана, плавающего в глубинах суши, а не моря. В других местах образования вызвали в памяти гребнистые хребты гигантских рептилий. Пасмурный серый свет дня не порождал отчетливых теней, но придавал пепельный оттенок каждому предмету, пока нам не стало казаться, что мы попали в иной мир, в котором не существовало никаких цветов, кроме серого, черного и белого. Высокие вечнозеленые растения торчали, подобно шипам на бронированной рукавице жестокого рыцаря. Голые клены и березы были не очень-то похожи на деревья — скорее на окаменевшие скелеты древней дочеловеческой расы. Бесчисленные дубы, с которых зима сорвала покровы, были искорежены и обросли грибом.

— Мы еще можем повернуть обратно, — ровно сказала Райа.

— Ты хочешь?

Она вздохнула:

— Нет.

— А на самом деле... разве можем?

— Нет.

Даже снег не придавал ни капли блеска этим злобным горам. Он не был похож на снег в других, более плодородных и добрых краях. Это не был снег Рождества — снег лыж, санок, снеговиков и снежков. Он покрывал коркой стволы и ветви бесплодных деревьев, но это лишь усиливало их черный, скелетоподобный облик. Этот снег натолкнул меня на мысли о белых кафельных комнатах в морге, где холодные мертвые тела рассекают на части, чтобы установить причину смерти.

Мы миновали приметы, памятные мне с прошлого года: заброшенную шахту, полуразрушенный приемник, ржавеющие остовы автомобилей, громоздящиеся на бетонных плитах. Снег закрывал какую-то часть этих предметов, но ни в коей мере не уменьшал их роли в создании проникающей всюду атмосферы отчаяния, уныния и ветшания.

Грунтовая — в три полосы — дорога штата была усыпана шлаком и песком, кое-где виднелись белые заплатки соли, которую насыпали рабочие, следящие за дорогами, после последней сильной бури. Покрытие было полностью свободно от снега и льда, ехать было легко.

Когда мы миновали дорожный указатель, гласящий, что начинается черта города Йонтсдауна, Райа сказала:

— Слим, сбрось-ка лучше скорость.

Я глянул на спидометр и обнаружил, что мы несемся со скоростью, миль на пятьдесят в час превышающей допустимую. Я словно бессознательно намеревался пулей пронестись через весь город и вылететь с другой стороны.

Я убрал ногу с акселератора, свернул за поворот и обнаружил, что у обочины припаркована полицейская машина — как раз в том углу поворота, где ее нельзя было заметить. Окошко водителя было чуть приоткрыто — ровно настолько, чтобы высунуть наружу радар.

Когда мы проехали мимо нее, все еще двигаясь на несколько миль в час быстрее допустимого, я увидел, что коп за рулем был гоблином.

21

Зима в аду

Я выругался вслух — хотя мы превышали лимит скорости всего на две-три мили в час, я был уверен, что даже малейшего нарушения будет достаточно, чтобы навлечь на нас гнев власти в этом городе, где правят гоблины. Я беспокойно взглянул в зеркало заднего вида. На крыше черно-белой машины заработала красная мигалка — пульсирующий кровавый свет полосами пересекал заснеженный, белый, как в морге, ландшафт. Он намеревался задержать нас — не слишком многообещающее начало нашей тайной миссии.

— Черт, — пробормотала Райа, развернувшись на сиденье, чтобы поглядеть в заднее стекло.

Но прежде чем патрульный автомобиль успел выползти на шоссе, другой автомобиль — заляпанный грязью желтый «Бьюик» — вывернул из-за поворота. Его скорость была выше, чем наша, и внимание гоблина-полицейского переключилось на этого — более серьезного нарушителя.

Мы, ускользнув от задержания, отъехали прочь, а коп остановил «Бьюик» позади нас.

Внезапный порыв ветра поднял миллиард снежных нитей с земли, в мгновение ока соткал из них серебристо-серый занавес и задернул этот занавес на дороге за нашей спиной, скрыв «Бьюик», незадачливого водителя и гоблина-полицейского от моих глаз.

— Недолет, — заметил я.

Райа не отозвалась. Впереди и чуть ниже перед нами лежал Йонтсдаун. Она опять повернулась лицом вперед, кусая нижнюю губу и глядя на город, в который мы спускались.

Прошлым летом Йонтсдаун произвел впечатление мрачного средневекового городишки. Сейчас, в холодных объятиях зимы, он был еще менее привлекателен, чем в тот августовский день, когда я впервые увидел его. В пасмурной дали клубящиеся из труб грязного сталелитейного завода дым и пар были темнее и тяжелее от загрязняющих веществ, чем прежде; они напоминали столбы выбросов из дымящегося вулкана. Несколькими сотнями футов выше серый пар утончался, и его разрывал в клочья зимний ветер, но серный дым тянулся от одной горной вершины к другой. Сочетание темных туч и желтых кислотных дымов придавало небу такой вид, будто ему наставили синяков. И если небо было в синяках, то город под ним был избит, разнесен в клочки, смертельно ранен — создавалось

впечатление не просто умирающего в нем общества, но общества умирающих, кладбища размером с город. Ряды домов — многие из них обветшали, все были покрыты пленкой серой грязи, и более крупные строения из кирпича и гранита, в прошлый раз напоминавшие мне средневековые строения. Они не утратили своей анахроничности, но на сей раз — с закопченным снегом на крышах, с грязными сосульками, свешивающимися с карнизов, с желтушной изморозью, испятнавшей стекла под мрамор, — они к тому же казались ряд за рядом стоящими надгробиями на кладбище великанов. А с большого расстояния вагоны в депо вполне могли сойти за огромные гробы.

Я чувствовал, что буквально плыву среди психических излучений, и каждый поток в этом Стигийском море был темным, холодным и пугающим.

Мы пересекли мост через замерзшую реку. Острые глыбы льда в беспорядке громоздились внизу — под решетчатым металлическим настилом, с той стороны тяжелого железного ограждения. Тормоза в этот раз не запели — они испустили пронзительный, на одной ноте, вопль.

На другой стороне моста я резко свернул, нажав на тормоз, и остановил машину.

— Что ты делаешь? — спросила Райа, глядя на неряшливый бар и кафе, возле которых я остановился.

Это было здание из цементных блоков желчно-зеленого цвета. Тусклая облупившаяся вывеска красного цвета болталась над входом. На окнах не было изморози, но виднелось множество потеков жира и копоти.

Она спросила:

— Что тебе там потребовалось?

— Ничего, — ответил я. — Я... я просто хочу поменяться с тобой местами. Излучения... вокруг меня... отовсюду... Куда ни посмотрю, я везде вижу... странные, страшные тени, не настоящие, тени смерти и грядущего разрушения... боюсь, я не смогу сейчас вести машину.

— В тот раз город на тебя так не действовал.

— Действовал. Когда я сюда приехал с Люком и Студнем. Но не так тяжело. И я очень быстро взял себя в руки. Я к этому снова привыкну, очень быстро. Но сейчас... я себя чувствую... избитым.

Пока Райа перебиралась на соседнее сиденье к баранке руля, я вылез из машины и, неуверенно обойдя вокруг, подошел к другой двери. Воздух был резкий и холодный. В нем пахло нефтью, угольной пылью, парами бензина, жарящимся мясом с решетки в ближайшей закусочной и (я готов был в этом поклясться) серой. Я сел на место пассажира, захлопнул дверцу, и Райа отъехала от тротуара, аккуратно вырулив на полосу движения.

— Куда? — спросила она.

— Поехали через весь город к предместьям.

— И что?

— Поищем спокойный мотель.

Я не мог объяснить, почему так драматически ухудшилось мое впечатление от города, хотя несколько соображений у меня было. Возможно, по неведомым причинам мои психические способности усилились, паранормальное восприятие стало более чутким. Может быть, груз горя и ужаса города стал неимоверно тяжелее со времени моего предыдущего приезда. А может, я боялся возвращения в это жилище демонов сильнее, чем мне казалось, — тогда мои нервы, должно быть, стали необычайно восприимчивы к темной энергии и бесформенным, но ужасающим образам, исходящим от зданий, машин, людей и всего в беспорядке стоящего по обе стороны улицы. Либо особым зрением, которым позволял видеть мой Сумеречный Взгляд, я мог ощутить, что я сам и Райа — а может, мы оба — погибнем здесь в лапах гоблинов. Как бы там ни было, если это ясновидческое послание и пыталось пробиться ко мне, я, совершенно очевидно, был эмоционально не в состоянии прочесть и понять его. Я мог представить его, но в данный момент не мог подвести себя к тому, чтобы «увидеть» детали столь бессмысленного и пугающего жребия.

Когда мы подъезжали к двухэтажному кирпичному зданию школы, где при взрыве

нефтяной топки и пожаре погибло семеро детей, я заметил, что обгоревшее крыльцо здания отремонтировано с лета, шиферная крыша приведена в порядок. В это время в школе еще шли занятия — в нескольких окнах я заметил детей.

Как и в прошлый раз, мощная волна ясновидческих образов хлынула со стен здания и понеслась в мою сторону с ужасающей силой и реальностью — оккультной реальностью, но оттого не менее смертоносной, столь же реальной для меня, сколь и убийственная волна прилива. Здесь, как ни в каком другом из виденных мною мест, человеческое страдание, мука и ужас могли быть измерены теми же мерками, что и океанские глубины — в десятках, сотнях, даже тысячах морских саженей. Тонкая, холодная струя предшествовала смертоносной волне: раздробленные образы — предвестники плеснули по поверхности моего сознания.

Я увидел, как стены и потолки вспыхивают огнем... стекла разлетаются на десятки тысяч смертоносных осколков... плети огня хлещут по классным комнатам, врываясь вместе с воздухом... охваченные ужасом дети в горящей одежде... вопящая учительница, чьи волосы объаты пламенем... почерневший, шелушащийся труп другого учителя мешком валяется в углу, жир под его кожей шипит и пузырится, точно свиное сало на жаровне...

В прошлый раз, когда я видел школу, я получил видения и уже происшедшего пожара, и другого, еще ужаснее первого, который только должен был произойти. Но в этот раз я видел только грядущий пожар, тот, что пока не был разожжен, — возможно, потому, что надвигающаяся катастрофа была теперь ближе по времени, чем то пламя, что уже сделало свое дело. Экстрасенсорные картинки, плеснувшие мне в лицо, были более яркими, более страшными, чем все, что я видел прежде, — каждая, словно капля серной кислоты, а не воды, причиняла мне боль, прожигая себе путь в моей памяти и душе: дети в предсмертной агонии, плоть, вздувающаяся, лопающаяся и горящая, как жир свечи; черепа, высывающие свой оскал из-под дымящихся, плавящихся покровов, некогда таивших их; глазницы, почерневшие и опустошенные голодным огнем...

— Что-то стряслось? — озабоченно спросила Райа.

До меня дошло, что я дрожу и задыхаюсь.

— Слим?

Она отпустила акселератор, автомобиль замедлял ход.

— Продолжай ехать, — сказал я и вскрикнул, как будто боль умирающих детей стала, пусть в малой степени, моей болью.

— Тебе плохо, — сказала она.

— Видения.

— Чего?

— Ради бога... продолжай... ехать.

— Но...

— Проезжай... школу!

Чтобы выдавить из себя эти два слова, мне пришлось пробиваться на поверхность сквозь адскую пелену психических излучений, и это оказалось почти так же тяжело, как пройти через реальное облако густых, удушающих испарений. Затем я рухнул обратно — внутрь, в полное теней царство нежеланных некромантических образов, где невыразимо ужасное и трагическое будущее йонтсдаунской начальной школы настойчиво раскрывалось передо мной во всех кошмарных, кровавых подробностях.

Я закрыл глаза, потому что, глядя на школу, я каким-то образом выпускал на свободу картины надвигающейся катастрофы, заключенные в ее стенах, безграничный запас оккультных образов, подобный заряду потенциальной энергии, находящейся в критической точке и грозящей вот-вот перейти в кинетическую энергию. Однако, закрыв глаза, я лишь незначительно уменьшил число видений и не до конца лишил их силы. Главная волна психической радиации уже нависла надо мной и начала падать вниз. Я был тем берегом, о который разобьется это цунами, и когда оно разобьется и отхлынет, береговая линия может оказаться изменившейся до неузнаваемости. Я панически боялся, что, погрузившись в эти

кошмарные видения, окажусь сломлен эмоционально и умственно, может, даже сойду с ума — поэтому я решил обороняться тем же способом, что и прошлым летом. Я сжал кулаки, стиснул зубы, опустил голову и огромным усилием воли «освободил» сознание от этих сцен страшной смерти, сосредоточившись на приятных воспоминаниях о Райе: любовь, которую я читал в обращенных на меня чистых, открытых глазах; прекрасные черты ее лица; совершенство тела; наши занятия любовью; сладостное удовольствие от того, что просто держу ее за руку; то, как мы сидим рядом и смотрим телевизор долгим вечером вдвоем...

Волна падала на меня, ниже, ниже...

Я прижался к мыслям о Райе.

Волна обрушилась...

Господи!

...с разрушительной силой.

Я вскрикнул.

— Слим! — немедленно отозвался издалека чей-то голос.

Я был пришпилен к сиденью. Меня било, мутузило, колотило, плющило.

— Слим!

Райа... Райа... мое единственное спасение.

Я был в пламени, там, вместе с умирающими детьми, меня переполняли видения обгоревших, пожранных пламенем лиц, высохших почерневших рук, тысяч перепуганных глаз, в которых отражалась пляска трепещущих огней... дым, ослепляющий дым, просачивающийся сквозь горячий, трескающийся пол... я чувствовал запах их горящих волос и поджаривающейся плоти, уворачивался от падающих перекрытий и обломков... слышал жалобные стоны и вопли — их было так много, они звучали так громко, что сливались воедино в жуткую музыку, от которой у меня все заledenело, хотя меня и окружал огонь... Эти бедные обреченные души спотыкались о меня — учителя и дети, охваченные безумством, — они искали выход, но двери, на которые они натыкались, необъяснимым образом оказывались заперты, и тут, боже милостивый, каждый ребенок — множество детей — все разом вспыхнули, я бросился к ближайшему из них, стараясь потушить огонь, подмяв ребенка под себя, и вывести его, но я здесь был подобен призраку — неуязвимый для пламени и неспособный изменить происходящее, и поэтому мои бестелесные руки прошли прямо сквозь горящего мальчика, сквозь горящую девочку, к которой я повернулся за ним, крики боли и страха становились все громче, и тогда я тоже закричал, заревел, завизжал от ярости и безнадежности, я рыдал и бранился и наконец выпал оттуда — прочь от этого адского пекла, вниз, в темноту, в тишину, в глубину, в недвижимость, подобную мраморному савану.

* * *

Наверх.

Понемногу наверх.

В свет.

Серый, размытый.

Таинственные очертания.

Затем все прояснилось.

Я сидел, скорчившись в кресле машины, взмокший от ледяного пота. Автомобиль находился на стоянке.

Райа наклонилась надо мной, ее прохладная рука лежала у меня на лбу. Из глубины ее сияющих глаз, точно косяки рыб, рвались эмоции: страх, интерес, сочувствие, сострадание, любовь.

Я чуть выпрямился, а она расслабилась, откинувшись назад. Я по-прежнему чувствовал себя слабым и несколько сбитым с толку.

Мы находились на автостоянке возле супермаркета «Акме». Ряды машин, покрытых

неряшливой зимней грязью, разделяли невысокие стенки черного от копоти снега, который во время последней бури посбрасывали сюда снегоуборочные машины. Немногочисленные покупатели — кто бегом, кто еле передвигая ноги — брели по стоянке. Их волосы, шарфы и полы пальто трепетали на ветру, посвежевшем с того момента, как я потерял сознание. Некоторые из них толкали расхлябанные тележки на колесиках, используя их не только для перевозки продуктов, но и в качестве опоры, когда поскальзывались на предательски обледеневшем тротуаре.

— Расскажи мне, — попросила Райа.

Во рту у меня было сухо. Я ощущал на вкус горечь углей обещанной — но еще не свершившейся — катастрофы. Язык присох к небу и сделался страшно неповоротливым. И все же, мало-помалу неразборчиво выдавливая слова, голосом, ставшим как бы раздавленным под огромной тяжестью усталости, я рассказал ей об огненной катастрофе, которая однажды уничтожит несметное количество детей в начальной школе Йонтсдауна.

Райа и без того была бледна, беспокоясь за меня, но, пока я говорил, она бледнела все сильнее. Когда я закончил, она была белей грязного йонтсдаунского снега, вокруг глаз пролегли темные тени. Страшная сила ее ужаса напомнила мне, что ей самой довелось узнать, как гоблины мучают детей, в то время, когда она влачила жалкое существование в детдоме, где заправляли они.

Она спросила:

— Что мы можем сделать?

— Не знаю.

— Мы можем предотвратить это?

— Не думаю. Энергия смерти, которую испускает это здание, настолько сильная... всесокрушающая. Боюсь, пожар неизбежен. Мне кажется, мы не в состоянии ничего сделать, чтобы предотвратить его.

— Но мы можем попытаться, — яростно возразила она.

Я вяло кивнул.

— Мы должны постараться, — настаивала она.

— Да, верно. Но сначала... в мотель, куда-нибудь, куда мы можем заползти, закрыть дверь и отгородиться от зрелища этого ненавистного города, хотя бы ненадолго.

Она отыскала подходящее место всего в паре миль от супермаркета, на углу не особенно оживленного перекрестка. Мотель «Отдых путника». Она припарковала машину перед офисом. Одноэтажный, около двух десятков номеров. Построен буквой П, в середине — автостоянка. Предвечерний сумрак был настолько густым, что большая оранжево-зеленая неоновая вывеска уже зажглась. Лампы последних трех букв в слове «МОТЕЛЬ» перегорели, а на неоновом изображении мультяшного зевающего лица не было носа. «Отдых путника» был потрепан несколько больше, чем Йонтсдаун в целом, но мы не искали удобств и роскоши. Главное, в чем мы нуждались, была анонимность — она была даже важнее, чем надежное тепло и чистота, а «Отдых путника», судя по его виду, мог предоставить нам именно то, чего мы жаждали.

Все еще без сил после сурового испытания, обрушившегося на меня, когда мы просто проезжали мимо начальной школы, чувствуя себя обгоревшим и слабым — невероятно слабым — из-за высасывающей силы жары предвиденного мной пожара, я с трудом выбирался из машины. Арктический ветер казался еще холоднее, чем был на самом деле, потому что он резко контрастировал с воспоминаниями о пламени, все еще шипящем и трепещущем внутри меня, словно нарыв в сердце. Я прислонился к открытой дверце машины, жадными глотками хватая сырой мартовский воздух — он должен был помочь мне, но не помог. Захлопнув дверцу, я чуть не упал. Дыхание перехватило, я зашатался, но устоял и прислонился к автомобилю. Голова кружилась, странная серость расплывалась по краям моего поля зрения.

Райа, обойдя кругом машину, пришла мне на помощь.

— Снова психические образы?

— Нет. Это просто... последствия того, о чем я тебе только что говорил.

— Последствия? Я тебя никогда в таком состоянии не видела.

— Я себя никогда так не чувствовал, — ответил я.

— Они были настолько плохими?

— Насколько плохими. Я себя чувствую... взорванным, разбитым... как будто часть меня осталась там, в той горящей школе.

Она обхватила меня одной рукой, поддерживая, другой рукой взяла меня под руку. В ней ощущалась ее обычная сила.

Я чувствовал себя мелодраматическим дураком, но изнеможение, охватившее всего меня, и будто ватные ноги были вполне реальными.

Чтобы не быть разрушенным эмоционально и психически — кусок за куском, — мне нужно будет держаться подальше от школы, выбирать такие маршруты по городу, чтобы эти кирпичные стены не попадались мне на глаза. Тут, как ни в каком другом случае, мое ясновидческое зрение оказывалось сильнее способности переносить чужую боль, которую я ощущал. Если все же понадобится войти в это здание, чтобы предотвратить трагедию, которую я увидел, Райе, возможно, придется заходить внутрь одной.

О таком повороте событий я просто не мог думать.

Шаг за шагом — пока она помогла мне обогнуть машину и пересечь улицу, чтобы дойти до конторы мотеля, — мои ноги окрепли. Сила понемногу возвращалась ко мне.

Неоновая вывеска, подвешенная на осях между двух медных столбов, поскрипывала на полярном ветру. В краткий миг, когда на улице стало относительно тихо, я расслышал стук сталкивающихся друг с другом ветвей кустарников, лишенных листьев и укутанных льдом, скребущих по стенам здания.

Когда от двери офиса нас отделяло всего несколько футов и я почти был уже в состоянии передвигаться самостоятельно, мы услышали за спиной на улице могучий рев дракона. Огромный мощный грузовик — грязно-коричневый «Петербилт» с прицепленным к нему трейлером без верха, до краев груженным углем, — выезжал из-за ближайшего угла. Мы оба посмотрели на него, и хотя Райа, как видно, не заметила ничего странного в этом грузовике, мое внимание моментально приковали к себе название и эмблема компании, нарисованные на двери: черная молния в белом круге на черном фоне и слова: "Угольная компания «Молния».

Сумеречным Взглядом я различил излучения необычного, тревожного характера. Они не были настолько отчетливыми и настолько разрушительными, как мрачные ясновидческие образы смерти, исходящие от здания начальной школы. Однако, несмотря на отсутствие отчетливости и разрушительной силы, в них была свойственная только им тревожная мощь. Они обдали меня таким холодом, что мне показалось, будто тонкие иглы льда смерзаются у меня в крови и примерзают к стенкам артерий и вен. Психический, пророческий холод, бесконечно более сильный, чем мерзлый зимний воздух марта, исходил от эмблемы и названия этой угольной компании.

Я почувствовал, что здесь лежит ключ к разгадке тайны гоблиńskiego гнезда, свитого в Йонтсдауне.

— Слим? — окликнула Райа.

— Подожди...

— Что-то не так?

— Не знаю.

— Ты весь трясешься.

— Что-то... что-то...

Я глядел на грузовик, и он начал мерцать, показался прозрачным, затем и вовсе почти бесплотным. И сквозь него, в глубине, я увидел странную, бескрайнюю пустоту, лишенный света, пугающий вакуум. Я по-прежнему отчетливо видел грузовик, но в то же время мне казалось, что я гляжу сквозь него в безграничную темноту — чернее ночи, глубже, чем безвоздушное пространство между далекими звездами.

Мне стало еще холоднее.

Из огня в школе — во внезапный обжигающий арктический холод, исходящий от грузовика. Йонтсдаун встречал меня психическим эквивалентом хорошего духового оркестра, только оркестр этот играл лишь мрачную, упадочную, нагоняющую уныние музыку.

Хотя я и не мог понять, почему угольная компания «Молния» настолько привлекла мое внимание, меня переполнял страх — такой сильный и неприкрытый, что он лишил меня способности двигаться и почти лишил сил дышать — так мог бы чувствовать себя человек, парализованный, но не убитый небольшой дозой яда кураре.

В кабине «дальнобоя» сидели два гоблина, замаскированные людьми. Один из них заметил меня и тоже уставился в мою сторону, как будто уловив нечто особенное в том, как пристально я разглядываю его грузовик. Они проехали мимо нас, а он все не спускал с меня взгляд ненавидящих багровых глаз. В конце квартала громадный углевоз проехал на светофор. Однако затем он замедлил скорость и начал отъезжать к обочине.

Трясаясь всем телом, чтобы стряхнуть с себя обессиливающий страх, сжимавший меня, я сказал:

— Быстро. Убираемся отсюда.

Райа спросила:

— Почему?

— Они, — пояснил я, указывая на грузовик — он остановился у тротуара в полутора кварталах от нас. — Только не бегом... нельзя дать им понять, что мы их испугались... но быстро!

Не задавая больше вопросов, она помогла мне добраться до машины и скользнула за баранку, пока я устраивался на сиденье.

Там, в отдалении, грузовик с углем неуклюже разворачивался по дуге, хотя и нарушал этим правила. Он перегородил движение в обоих направлениях.

— Черт, они и впрямь разворачиваются, чтобы поближе взглянуть на нас, — сказал я.

Райа завела двигатель, нажала на стартер и мигом выехала со стоянки.

Стараясь, чтобы в голосе звучало меньше страха, чем я испытывал на самом деле, я сказал:

— Пока они могут видеть нас, двигайся не спеша. Если это возможно, нам бы лучше не выглядеть так, будто мы сматываемся.

Она обогнула мотель «Отдых путника», направляясь к выезду с автостоянки, ведущему на боковую улицу.

Когда мы сворачивали за угол, я заметил, что грузовик закончил свой маневр на главной магистрали — и затем он исчез из нашего поля зрения.

В тот самый миг, когда грузовика не стало видно, необычный пугающий холод пропал, жуткое впечатление от бесконечной пустоты больше не тревожило меня.

Но что оно означало? Что это была за бесформенная, абсолютная темнота, которую я видел и перед которой в страхе отступил, когда глядел на грузовик?

Во имя всего святого, что затевают гоблины в угольной компании «Молния»?

— Прекрасно, — нетвердо произнес я. — Теперь сделай как можно больше поворотов, улица за улицей, чтобы нам снова не попасться им на глаза. Вряд ли они как следует разглядели машину, и я уверен, что они не записали наш номер.

Она поступила так, как я предложил, направляясь по бессистемному, петляющему маршруту к северо-восточным предместьям. Ее взгляд то и дело падал на зеркало заднего вида.

— Слим, ты ведь не думаешь... что они могли понять, что ты способен видеть сквозь их человеческую маскировку?

— Нет. Они просто... ну, не знаю... я думаю, они просто засекли, как пристально я на них смотрю... какой у меня потрясенный вид. Поэтому они что-то заподозрили и захотели повнимательней взглянуть на меня. Их род по натуре подозрителен. Подозрителен и

параноидален.

Я надеялся, что это так. Я никогда не сталкивался с гоблином, способным распознать мои психические способности. Если некоторые из них обладают способностью вычислять тех из нас, кто видит их, тогда мы — в еще большей беде, чем я полагал, так как теряем наше единственное, тайное преимущество.

— Что ты увидел на этот раз? — спросила она.

Я рассказан ей о пустоте, об образе бескрайней, лишенной света пустоты, всплывшем в моем сознании, когда я посмотрел на грузовик.

— Что это значит, Слим?

Встревоженный и усталый, я с минуту не реагировал. Я дал себе время подумать, но и это время не помогло. Наконец я вздохнул и сказал:

— Не знаю. Излучения, которые шли от грузовика... они не вышибли из меня дух, но они по-своему были даже более ужасны, чем надвигающийся школьный пожар, который я увидел. Но я не знаю точно, что это означает, что это было точно — то, что я увидел. Разве что каким-то образом... через угольную компанию «Молния», думаю, мы сможем узнать, почему такое множество гоблинов собралось в этом проклятом городе.

— Это главное, что ты узнал?

Я кивнул.

— Да.

Разумеется, я был не в том состоянии, чтобы начинать расследование по делу об угольной компании «Молния» до завтрашнего утра. Я чувствовал себя почти таким же тусклым, как это зимнее небо, таким же непрочным, как клочковатые бороды мглы, висящие на зловещих лицах воинов и чудовищ, которых человек с развитым воображением мог углядеть в грозовых тучах. Мне нужно было время, чтобы отдохнуть, восстановить силы, научиться переключать сознание хотя бы с части постоянных фоновых помех, с треском и свечением, исходящих от зданий, улиц и обитателей Йонтсдауна.

Через двадцать минут дневной свет уступил место темноте. Можно было предположить, что вечер принесет мантию, которой накроет злобность этого жалкого зловонного городка, придаст ему хотя бы малую толику респектабельности, но это был не тот случай. В Йонтсдауне ночная тьма не была гримом, как была бы в любом другом месте. Она каким-то образом подчеркивала неопрятность, грязь, копоть, мерзость и вонь улиц, приковывала внимание к мрачному, средневековому облику большинства строений.

Мы были уверены, что оторвались от гоблинов в «Петербилте», и решили ткнуться в другой мотель — автомобильную гостиницу «Ван Винкл», и вполовину не такую изящную, как ее название. Этот мотель был раза в четыре больше «Отдыха путника», двухэтажный. Окна некоторых комнат выходили во внутренний двор, других — в сад для прогулок — железные столбы, выкрашенные черным, но покрытые пятнами ржавчины и с отстающей краской, алюминиевый навес — окружавший сзади все четыре крыла здания. Изображая усталость после долгой дороги, мы попросили спокойный тихий номер в задней части гостиницы, как можно дальше от транспортного шума, и гостиничный клерк выполнил наши пожелания. Таким образом, мы не только могли наслаждаться тишиной, но и получали возможность припарковать автомобиль так, что его не будет видно с улицы — гарантия того, что нас случайно не засечет один из работников угольной компании «Молния», от которого мы ускользнули. Опасность эта была маловероятна, но со счетов ее никак нельзя было сбрасывать.

Комната наша представляла собой коробку с бежевыми стенами, дешевой прочной мебелью и двумя дешевыми гравюрами, изображающими клипера, несущиеся на всех парусах, надуваемых свежим ветром, по волнам бурного моря. Туалетный столик и прикроватные тумбочки были сплошь в ожогах от затушенных о них сигарет, зеркало в ванной помутнело от времени, а вода в душе была далеко не такой горячей, как нам бы хотелось, но мы собирались провести здесь всего одну ночь. Утром мы отправимся на поиски небольшого домика, который могли бы снять, — там у нас будет более надежное и тайное

убежище, где мы организуем заговор против гоблинов.

После душа я почувствовал себя отдохнувшим достаточно, чтобы рискнуть снова выбраться в город, конечно, с Райей и не дальше, чем до ближайшего кафе, где мы сытно, хотя и просто, поели. Мы увидели девять гоблинов среди посетителей за то время, что мы там находились. Мне приходилось сосредоточивать все внимание на Райе, поскольку один вид их свиных рыл, налитых кровью глаз и извивающихся, как у ящериц, языков мог начисто отбить аппетит.

Но даже не глядя на них, я чувствовал их злобу — такую же явную для меня, как холодный пар, поднимающийся от льда. Терпеливо снося эти холодные излучения нечеловеческой ненависти и ярости, я мало-помалу начал учиться отфильтровывать фоновый шум и свист, составляющие теперь неотъемлемую часть Йонтсдауна, и к тому моменту, когда мы вышли из кафе, я чувствовал себя лучше, чем когда мы въехали в этот град обреченных.

В гостинице «Ван Винкл» мы перенесли холщовые мешки с оружием, взрывчаткой и прочим незаконным барахлом в свой номер, опасаясь, что за ночь снаряжение могут похитить из машины.

И долгое время, в постели, в темноте, мы лежали обнявшись, не говоря ни слова, не занимаясь любовью, просто тесно прижавшись друг к другу. Близость была противоядием против страха, лекарством против отчаяния.

Райа наконец уснула.

Я слушал ночь.

В этом городе ветер звучал не так, как в других местах: хищно. До моего слуха то и дело доносилась отдаленная возня грузовиков, и я задумался, не отгружает ли угольная компания «Молния» свою продукцию из близлежащих шахт круглые сутки. А если да — то почему? Мне показалось также, что в Йонтсдауне чаще, чем в любом другом городе, который я знал, ночную тишину разрывало завывание сирен полиции и «Скорой помощи».

Наконец я заснул, и мне приснился сон. Снова наводящий страх туннель. Неверный янтарный свет. Нефтяные пятна густых теней. Низкий, кое-где неровный потолок. Станные запахи. Топот бегущих. Крики, визг. Загадочные причитания. Внезапное, разрывающее слух завывание сирены. Уверенность, от которой перехватывало дух и тяжело стучало сердце, — уверенность, что за мной погоня.

Когда я проснулся, не давая вырваться из горла сырому, слизистому крику, Райа немедленно пробудилась тоже. Она хватала ртом воздух и отшвыривала в сторону одеяло, словно освобождаясь от ловящих ее рук врагов.

— Слим!

— Здесь.

— О господи.

— Это просто сон.

Мы снова обнялись.

— Туннель, — сказала она.

— Мне тоже.

— Я теперь знаю, что это было.

— И я.

— Шахта.

— Да.

— Угольная шахта.

— Да.

— Угольная компания «Молния».

— Мы там были.

— Глубоко под землей, — добавил я.

— И они знали, что мы там.

— Они охотились за нами.

— И у нас не было выхода наружу, — сказала она и вздрогнула.

Мы оба замолчали.

Вдали: собачий вой. Случайно ветер донес до нас обрывки другого звука, показавшиеся агонизирующим всхлипыванием женщины.

Спустя некоторое время Райа сказала:

— Мне страшно.

— Я знаю, — ответил я, прижимая ее еще ближе и крепче. — Я знаю. Знаю.

22

Студенты за работой дьявола

На следующее утро, в пятницу, мы сняли домик на Яблоневой тропе, деревенском районе на самой окраине города, у подножия древних восточных гор, недалеко от главных шахт графства. Дом отстоял от дороги более чем на двести футов. Он находился в конце проезда, покрытого коркой льда и заваленного снегом. Агент по торговле недвижимостью посоветовал нам намотать цепи на колеса, как у него. Деревья — в основном сосны и ели, но немало также кленов, берез и лавров, с которых зима сорвала одежды, — спускались с высящихся над нами крутых склонов, окружавших с трех сторон сад, укрытый белой мантией. День был мрачный, солнечный свет не проникал за край леса. Поэтому тревожная глубокая темнота начиналась сразу за первым рядом деревьев и простиралась в глубь леса, на сколько хватал взгляд, как будто сама ночь, сгустившись, искала там убежище с наступлением рассвета. В доме, уже обставленном мебелью, было три небольших спальни, ванная, гостиная, столовая и кухня — все это в двухэтажной, обшитой досками скорлупе, кровля которой была покрыта асфальтом. Под полом находился темный, сырой, с низким потолком подвал, в котором стояла топка, работающая на нефти.

Невыразимо страшные вещи происходили в этой подземной камере. Шестым чувством я улавливал психический осадок от пытки, боли, убийства, безумия, жестокости. Я ощутил это в тот самый миг, когда агент по недвижимости Джим Гарвуд открыл дверь на лестницу, ведущую в подвал. Зло било оттуда ключом — черное, пульсирующее, как кровь из раны. Нечего мне было и спускаться в это проклятое место.

Но Джим Гарвуд, серьезный мужчина средних лет с мягким голосом и нездоровым цветом лица, хотел показать нам поближе топку и дать инструкции по пользованию ею. Я не мог придумать никакого предлога, под которым мог бы отказаться, не вызывая его подозрений. Я с неохотой последовал за ним и Райей вниз, в эту яму человеческого страдания, крепко держась за разошедшиеся перила лестницы и стараясь не задохнуться от зловония крови, желчи, горячей плоти, запахов иного времени, которые ощущал только я. Спустившись с лестницы, я намеренно перешел на цепкую походку морского волка, чтобы не упасть в ужасе перед давно прошедшими событиями, которые — по крайней мере, для меня — казались происходящими прямо сейчас.

Указывая на шкафы и полки, вытянувшиеся вдоль одной из стен подвала, не ощущая зловония смерти, которое чувствовал я, и не обращая внимания даже на реальные неприятные запахи — черной плесени, грибка, Гарвуд сказал:

— Тут масса места для кладовой.

— Я вижу, — кивнула Райа.

А я видел окровавленную, объятую ужасом женщину — обнаженную, привязанную к угольной топке, стоящей на той же самой бетонной плите, на которой сейчас стояла более современная — нефтяная. Все тело ее было покрыто рваными ранами и синяками. Один глаз почернел и до того распух, что не открывался. Я узнал, что ее зовут Дора Пенфилд. Она боялась, что муж ее золовки Клаус Оркенвольд разрежет ее на куски и вскормит ее плотью пламя топки прямо на глазах у ее перепуганных детей. И в самом деле, именно это с ней и произошло, хотя я отчаянно и успешно прогонял и прогнал от себя ясновидческие образы ее гибели.

— Нефтяная компания Томпсона осуществляет поставки топлива раз в каждые три

недели зимой, — пояснил Гарвуд, — и несколько реже — осенью.

— А сколько стоит заправить полный бак? — интересовалась Райа, мастерски играя роль аккуратной и расчетливой молодой жены.

Я же видел шестилетнего мальчика и семилетнюю девочку, подвергавшихся самому разнообразному жестокому насилию — избитых, сломленных. Хотя эти беззащитные жертвы, от вида которых щемило в груди, были давно мертвы, их всхлипы, крики боли и жалобные мольбы о пощаде эхом звучали в коридорах времени, вонзаясь в меня осколками жалобных стонов. Мне пришлось подавить в себе страстное желание заплакать по ним.

Я видел также на редкость злобного вида гоблина — самого Клауса Оркенвольда. В его руках появлялись кожаный кнут, стрекало для скота, затем другие кошмарные пыточные инструменты. Он казался наполовину демоном, наполовину мясником из гестапо — носился туда-сюда по своей импровизированной крепостной башне то в облике человека, то полностью трансформировавшись, чтобы еще больше утратить свои жертвы. Его черты были как будто сотворены из трепещущего оранжевого пламени, свет которого струился из открытой дверцы топки.

Каким-то образом я продолжал улыбаться и кивать словам Джима Гарвуда. Каким-то образом я даже умудрился задать пару вопросов. Каким-то образом я выбрался из подвала, не показав своего невероятно подавленного состояния, хотя мне никогда не будет дано узнать, как я сумел убедительно изображать полнейшую невозмутимость, когда на меня обрушивались эти темные излучения.

Поднявшись наверх и плотно закрыв дверь подвала, я перестал наконец быть свидетелем страшных дел, которые творились там. С каждым долгим выдохом я очищал легкие от воздуха, пропитанного запахами того давнего жестокого времени. Поскольку местоположение дома идеально подходило для наших целей, обеспечивая нам как удобства, так и уединенность, я решил, что, во-первых, мы его снимем, во-вторых, ноги моей больше не будет в этом подвале.

Мы назвались Гарвуду под вымышленными именами — Боб и Хелен Барнуэлл из Филадельфии. Чтобы объяснить наше пребывание в этих местах, мы тщательно разработали легенду, согласно которой мы были парой студентов-геологов. Получив степени — один бакалавра, другой магистра, — мы отправились на шесть месяцев на полевые исследования — собирать для докторских диссертаций материал об особенностях скальных пород в Аппалачах. Это прикрытие должно было объяснить любые маршруты, по которым нам, возможно, придется бродить в горах, чтобы разведать тайну угольной компании «Молния».

Мне было почти восемнадцать, а опыта — больше, чем у иного мужчины вдвое старше меня, но, разумеется, я не производил впечатления человека, уже получившего ученую степень и работающего над докторской диссертацией. И все же выглядел я куда старше, чем был на самом деле: не вам мне объяснять — почему.

Райа же, которая была старше меня, выглядела вполне зрелой, чтобы быть той, за кого себя выдавала. Ее необычайная, строгая красота и мощная сексуальность — даже после того, как скальпель хирурга изменил черты ее лица, а цвет волос из светлого превратился в иссиня-черный — придавали ей еще более искушенный вид и делали старше, чем она была. Кроме того, нелегкая жизнь, полная трагедий, оставила на ней печать усталости и житейской мудрости, чем трудно было похвастаться в ее годы.

Джим Гарвуд не выказал никакой подозрительности на наш счет.

В прошлый вторник, в Джибтауне, Скользкий Эдди раздобыл фальшивые водительские права и другие поддельные документы, которые удостоверяли, что мы — Барнуэллы, но не подтверждали нашей связи с университетом Темпл в Филадельфии. Мы рассчитывали, что Гарвуд не будет особо тщательно — если вообще будет — собирать справки о нас, потому что мы снимали дом на Яблонево́й тропе сроком всего на полгода. Кроме того, мы платили всю сумму аренды вперед, включая залог на страховку имущества — и все наличными, что делало нас удобными и надежными клиентами.

В нынешнее время, когда в каждом офисе стоят компьютеры, когда всего за несколько

часов можно получить о человеке всю информацию — от места работы до самых интимных привычек, — проверка нашей легенды была бы чисто автоматическим процессом. Но тогда, в 1964 году, микропроцессорная революция была еще в будущем, информационная индустрия еще трепыхалась в пленках, и людей чаще всего оценивали по внешним данным.

Благодарение богу, Гарвуд не разбирался в геологии и был не в состоянии задать нам профессиональные вопросы, способные выдать нас.

У него в офисе мы подписали договор, заплатили деньги и получили ключи.

Теперь у нас была база для операций.

Мы перевезли свой скарб в дом на Яблоневой тропе. Хотя всего несколько часов назад дом казался вполне пригодным для жилья, сейчас, вернувшись в него полноправным домовладельцем, я ощущал себя неуютно. У меня было чувство, что дом каким-то образом знает, кто мы, что в его стенах шевелится глубоко враждебный ум, что лампы в нем — вездесущие глаза, что дом приветствует нас и что в этом приветствии нет ни капли доброй воли — один лишь страшный голод.

Затем мы поехали в город провести кое-какую исследовательскую работу.

* * *

Окружная библиотека располагалась во внушительном готическом здании, примыкавшем к зданию суда. Гранитные стены потемнели, покрылись пятнами и мелкими выщербинами из-за многолетних испарений сталелитейного завода, грязи из депо и нечистого дыхания угольных шахт. Зубчатая кромка крыши, узкие зарешеченные окна, углубленный вход и тяжелая деревянная дверь создавали впечатление, что это здание служит надежным складом для чего-то куда более ценного в финансовом отношении, чем книги.

Внутри находились широкие, основательные дубовые столы и стулья, где посетители могли читать — хотя и без удобств. Позади столов располагались стеллажи — дубовые полки высотой в восемь футов. Проходы между ними были освещены янтарным светом ламп, подвешенных под эмалированными голубыми плафонами конической формы. Проходы были узкими и довольно длинными. Они сворачивали, образуя лабиринт. Не знаю, почему я подумал о древних египетских гробницах, глубоко скрытых под толщей каменных пирамид, оскверненных человеком двадцатого века, который принес электрический свет туда, где до него горели только масляные лампы да свечи из жира.

Мы с Райей бродили среди этих коридоров со стенами из книг, погружившись в запахи старящейся бумаги и заплесневевших матерчатых переплетов. Мне казалось, будто Лондон Диккенса, арабский мир Бартон и тысячи других миров многих и многих писателей были собраны здесь только для того, чтобы дышать ими, не утруждая себя чтением, точно это были грибы, выбрасывающие едкие облачка спор, которые, если их вдыхать, приносят воображаемые плоды. Мне хотелось взять какую-нибудь книгу с одной из полок и спастись на ее страницах, потому что даже кошмарные мифы Лавкрафта, По или Брэма Стокера казались более привлекательными, чем реальный мир, в котором нам приходилось жить.

Но пришли мы сюда главным образом для того, чтобы внимательно проглядеть «Йонтсдаун реджистер», экземпляры которого находились в задней части огромной главной залы, позади полок. Недавние номера газеты хранились в здоровенных папках-скоросшивателях и шли по порядку выпуска, а более старые — на катушках микрофильмов. Мы провели пару часов за изучением событий последних семи месяцев и узнали много интересного.

Обезглавленные тела Лайсла Келско и его помощника были обнаружены в патрульной машине на том месте, где Джоэль Так и Люк Бендинго оставили их в ту страшную ночь прошлым летом. Я ожидал, что полиция припишет убийства какому-нибудь проезжему, — так она и поступила. Но, к моему изумлению и ужасу, я узнал, что они произвели арест молодого бродяги по имени Уолтер Демброу. Предположительно, он покончил жизнь самоубийством в тюремной камере через два дня после того, как во всем сознался и пошел

под суд по обвинению в двух убийствах. Повесился. На веревке, которую соорудил из собственной разорванной рубашки.

Я почувствовал, как пауки вины пробежали вверх по моему хребту и угнездились в сердце, пожирая меня.

Мы с Райей одновременно подняли головы от экрана аппарата для чтения микропленок. Наши глаза встретились.

Какое-то мгновение ни один из нас не мог говорить, не считал нужным, не осмеливался говорить. Затем она прошептала: «О боже», хотя поблизости не было никого, кто мог бы услышать наш разговор.

Я ощутил прилив слабости. Хорошо, что я сидел, потому что вдруг совсем лишился сил.

— Он не повесился, — сказал я.

— Нет. Они не стали утруждать его и сделали это сами.

— После бог знает каких пыток.

Она прикусила губу и ничего не ответила.

В отдалении, среди стеллажей, слышались людские голоса. Тихие шаги удалялись по лабиринту, пропитанному запахом бумаги.

Я вздрогнул.

— В каком-то смысле... это я убил Демброу. Он погиб из-за меня.

Она покачала головой.

— Нет.

— Да. Убив Келско и его помощника, дав гоблинам повод арестовать Демброу...

— Он был бродяга, Слим, — резко возразила она и взяла меня за руку. — Думаешь, многие из бродяг выбираются из этого города живыми? Эти твари кормятся нашей болью и страданием. Они с жадностью высматривают жертвы. А самые доступные жертвы — бродяги. Сезонные рабочие, всякие битники в поисках просветления или чего там еще, дети, которые отправляются в дорогу, чтобы найти себя. Выхвати какого-нибудь из них с трассы, избеи, замучай, убей его, зарой тело понадежнее — и ни одна душа не узнает, что с ним стало, — или не побеспокоится. С точки зрения гоблинов, это безопаснее, чем убивать местных, и абсолютно так же приятно, так что я сильно сомневаюсь, чтобы они хоть раз упустили случай потерзать и замучить бродягу. Если бы ты не убил Келско с помощником, этот Демброу скорее всего пропал бы без вести по пути через Йонтсдаун, а конец, который был бы ему уготован, наверняка был бы тот же самый. Единственная разница в том, что его использовали в качестве козла отпущения — подходящей кандидатуры, чтобы полиция смогла закрыть дело, которое они не сумели расследовать. Ты за это ответственности не несешь.

— А если не я, кто тогда? — несчастным голосом спросил я.

— Гоблины, — ответила она. — Демоны. И во имя всего святого, мы заставим их заплатить и за Демброу, как и за всех остальных.

Ее слова и уверенность помогли мне почувствовать себя несколько (хоть и не намного) лучше.

Сухость книг — о ней напомнил мне шуршащий звук, с которым перелистывал хрупкие страницы невидимый мне любопытный в дальнем углу — передалась и мне. Я думал об Уолтере Демброу, погибшем за мои грехи, и сердце у меня в груди словно ссохлось. Все тело горело, как в огне. Я попытался прочистить горло — раздался сухой, скрежещущий звук.

Мы продолжили чтение и узнали, что место Келско занял новый шеф полиции. Имя его поразительным образом было мне знакомо: Оркенвольд, Клаус Оркенвольд. Это был тот гoblin, что некогда почтил своим визитом тот самый дом, который мы сняли на Яблонево́й тропе и в котором прежде жила его невестка. Просто так, чтобы поразвлечься, он замучил ее и разрубил на куски, которые затем пожрало пламя топки, — а за ней и двоих ее детей. Я увидел эти кровавые преступления своим шестым чувством, когда Джим Гарвуд настоял на том, чтобы показать нам пропахший плесенью подвал. Позже, в машине, я поведал Райе об

этих страшных видениях. И сейчас мы уставились друг на друга с удивлением и пониманием, гадая, какой смысл может иметь это совпадение.

Как я уже говорил, я порой страдаю от приступов мрачного настроения, во время которых мне кажется, что мир — это просто место, где без всякого смысла, наобум, происходят разные события и столь же неоправданные, неадекватные реакции на них, место, где нет достойной цели для жизни, где все — пустота, пепел и бессмысленная жестокость. В таком настроении я чувствую себя интеллектуальным близнецом мрачно настроенного автора Книги Екклесиаста.

Но сейчас было совсем другое.

В тех случаях, когда я бываю в более духовном — не скажу, что в более хорошем — настроении, я замечаю странные, завораживающие примеры из жизни, которые не могу понять, ободряющие проблески тщательного упорядочения вселенной, в которой ничего не происходит случайно. Своим Сумеречным Взглядом я смутно различаю правящую силу, высший порядок или разум, которому мы на что-то нужны — возможно, даже очень нужны. Я чувствую замысел, хотя точная природа и значение его остаются для меня глубокой тайной.

И это был как раз такой случай.

Мы не просто вернулись в Йонтсдаун по своей воле. Мы были предназначены для того, чтобы вернуться и схватиться с Оркенвольдом — или с системой, которую он олицетворял.

В восторженном очерке, посвященном Оркенвольду, репортер «Реджистера» писал о мужестве, с которым этот полицейский перенес череду личных трагедий. Он женился на вдове с тремя детьми — Мэгги Уолш, урожденной Пенфилд — и после двух лет того, что все считали невероятно счастливой семейной жизнью, он потерял жену и усыновленных детей в пламени пожара, охватившего его дом однажды ночью, когда он был на дежурстве. Пожар был таким сильным, что от людей остались только кости.

Ни я, ни Райа даже не стали тратить силы, чтобы высказать вслух мнение, что пожар возник не в результате несчастного случая и что, если бы пламя не уничтожило тела, честный коронер обнаружил бы на них страшные ранения, не имеющие отношения к огню.

Через месяц после этой трагедии — еще один удар. Партнер Оркенвольда по автомобильному патрулю и его шурин Тим Пенфилд был застрелен грабителем на складе, а того, по счастливому стечению обстоятельств, тут же уложил на месте Клаус.

Ни я, ни Райа не высказали вслух очевидного: что шурин Оркенвольда не был гоблином и по какой-то причине начал подозревать Оркенвольда в убийстве Мэгги и троих ее детей, после чего Оркенвольд и подстроил его убийство.

«Реджистер» цитировал Оркенвольда, который в те дни заявил: «Право, не знаю, смогу ли я продолжать службу в полиции. Он был не просто моим родственником. Он был моим партнером, моим лучшим другом, лучшим из друзей, которые у меня были, и единственное, о чем я жалею, так это о том, что застрелили его, а не меня». Это была превосходная игра, учитывая, что Оркенвольд наверняка застрелил своего партнера, а вместе с ним и какого-нибудь невинного, на которого мастерски свалил вину. Его быстрое — как и можно было предположить — возвращение к своим обязанностям было преподнесено как еще один признак его мужества и чувства долга.

Райа, сгорбившаяся перед аппаратом для чтения микрофильмов, дрожала, обхватив себя руками.

Мне не было нужды спрашивать ее о причине озноба.

Я потерял друг о друга холодные ладони.

Зимний ветер рычал как лев и выл по-кошачьи за высокими узкими матовыми окнами библиотеки, но от его звука нам не могло стать холоднее, чем уже было.

Мне казалось, будто мы читаем не обычный газетный очерк, но углубляемся в запретные страницы «Книги Проклятых», в которой жуткие злодеяния племени демонов были скрупулезно записаны неким адским писцом.

В течение почти полутора лет Клаус Оркенвольд оказывал финансовую поддержку овдовевшей жене Тима, Доре Пенфилд, и двоим ее детям. Но на него обрушился еще один

удар судьбы, когда все трое бесследно исчезли.

Я знал, что случилось с ними. Я видел — и слышал, и чувствовал — их страшные муки в подвале деревянного дома на Яблоневой тропе, где заправляли призраки.

После того как он женился на сестре Тима Пенфилда, а затем замучил и убил ее и ее детей, после того, как он застрелил Тима Пенфилда и свалил вину на какого-то грабителя, Оркенвольду необходимо было стереть с лица земли последних оставшихся в живых членов семейства Пенфилдов.

Гоблины — охотники.

Мы — добыча.

Они без устали преследуют нас по миру, который в их понимании — не больше чем гигантский заповедник.

Дальше можно было и не читать. Но я все равно продолжал, как будто, читая ложь «Реджистера», я становился молчаливым свидетелем гибели Пенфилдов, принимал на себя священную обязанность совершить возмездие — как, каким образом, я не мог до конца понять или объяснить.

После исчезновения Доры и ее детей было начато следствие, которое тянулось два месяца, пока вину, наконец, не возложили (несправедливо) на Уинстона Ярбриджа, горного мастера, холостяка, одиноко жившего в доме в полумиле от жилища Доры. Ярбридж громогласно заявлял о своей невиновности, и его репутация спокойного человека, постоянно посещающего церковь, должна была помочь ему. Но в конце концов несчастный был погребен под тяжестью улик, собранных следствием — улики, целью которых было показать, как Ярбридж, будучи сексуальным маньяком, тайком проник в дом Пенфилдов, изнасиловал женщину и обоих детей, хладнокровно разрубил их на куски и сжег останки в раскаленной топке, куда насыпал уголь, пропитанный нефтью. В доме Уинстона Ярбриджа было найдено окровавленное нижнее белье, принадлежавшее детям и миссис Пенфилд, — оно было припрятано в контейнере пароварки в чулане. Как и можно было ожидать от маньяка-убийцы, выяснилось, что он сохранил по одному отрубленному пальцу своих жертв — каждый ужасный трофей находился в небольшой баночке со спиртом и помечен этикеткой с именем жертвы. У него было найдено также и оружие убийства, а кроме того, порнографические журналы, предназначенные для садистов. Он заявлял, что все эти чертовы вещи ему подбросили, — так, разумеется, и было. Когда на дверце топки в подвале дома Пенфилдов были обнаружены два отпечатка его пальцев, он заявил, что полиция лжет, указывая место, где эти отпечатки были найдены, — и, конечно, полиция лгала. Полицейские же заявили, что дело это ясное и что злодей Ярбридж — это была эпоха, когда смертные приговоры были широко распространены, — наверняка окончит жизнь на электрическом стуле, — и, разумеется, так и вышло.

Оркенвольд лично принимал участие в раскрытии дела этого мерзавца Ярбриджа. Согласно «Реджистеру», он впоследствии сделал головокружительную карьеру блюстителя порядка, произведя неслыханное количество арестов. Общее мнение гласило, что Оркенвольд всячески достоин дальнейшего продвижения по службе в полиции. Его пригодность к этой работе была только подтверждена той быстротой, с которой он привлек этого бродягу, Уолтера Демброу, к суду за убийство своего предшественника.

Хоть я и убил шефа Лайсла Келско, это мое деяние не дало никакой передышки несчастным людям в Йонтсдауне. Как оказалось, кошмарная политическая машина гоблинов работала без сучка без задоринки, тут же выдвинув из рядов гоблинов нового мастера пыток, чтобы заменить павшего шефа.

Райа на минуту оторвалась от микрофильма и уставилась в одно из высоких библиотечных окон. Лишь бледный свет, слабый, как лунные блики, пробивался сквозь покрытое изморозью стекло, мерцание аппарата для чтения микропленки и то сильнее освещало ее опечаленное лицо. Наконец она произнесла:

— А ведь, наверное, кто-то мог бы заподозрить Оркенвольда в том, что он приложил руку к бесконечной череде так называемых трагедий, происшедших вокруг него.

— Может быть, — согласился я. — И в обычном городе другой коп, или репортер из газеты, или кто-нибудь еще из властей решил бы повнимательней к нему присмотреться. Но здесь правит его род. Они — полиция. Они контролируют суд, городской совет, мэрию. Скорее всего они владеют также и газетой. Они туго затянули удила на любом учреждении, которое может быть использовано как средство для выяснения правды. Так что правда здесь навеки под запретом.

Мы вернулись к катушкам микрофильмов и к переплетенным экземплярам ежедневного «Реджистера» и продолжили исследования. Среди прочего мы установили, что брат Клауса Оркенвольда, Дженсен Оркенвольд, владеет третьей частью угольной компании «Молния». Другими партнерами — каждый владелец одной трети — были некто по имени Энсон Кордэй, являющийся также издателем и редактором единственной городской газеты, и мэр Альберт Спекторски, политик с цветущим лицом, которого я повстречал прошлым летом, когда приехал в город со Студнем Джорданом в качестве «толкача» ярмарки. Паутина власти гоблинов стала явной: и, как я и подозревал, центром этой паутины была, судя по всему, угольная компания «Молния».

* * *

Когда наконец с нашим исследованием было покончено, мы вышли из библиотеки и осмелились заглянуть в бюро записи актов гражданского состояния, расположенное в подвале здания суда, находящегося тут же. Это место кишело гоблинами, хотя клерки в регистрационном офисе, занимающие должности, не облеченные никакой подлинной властью, были обычными людьми. Углубившись в громадные книги записей землевладения, главным образом для того, чтобы удовлетворить свое любопытство, мы нашли там подтверждение своим подозрениям, что дом на Яблоневой тропе, где погибли Пенфилды и где теперь устроились мы, принадлежал Клаусу Оркенвольду, новому шефу полиции Йонтсдауна. Он унаследовал собственность Доры Пенфилд... после того, как убил ее и ее детей.

Нашим домохозяином, в чьем доме мы замыслили революцию против демонов, был один из них.

Вот он опять, проблеск этого таинственного знака — как будто существует такая вещь, как жребий, как будто наш неотвратимый жребий ведет нас к серьезной, возможно, даже смертельной схватке с Йонтсдауном и его гоблинской элитой.

* * *

Мы пообедали в городе, купили кое-какие продукты и вскоре после наступления темноты направились на Яблоневою тропу. Райа вела машину.

За обедом мы долго спорили — насколько разумнее было бы найти другое жилье, не принадлежавшее гоблинам. Но все же решили, что вызовем большее подозрение, если выедем из дома сразу после того, как заплатили за аренду, чем если останемся там. Жизнь в таком дурном месте, возможно, потребует от нас большей осмотрительности и осторожности, но мы надеялись, что будем в безопасности — настолько, насколько это возможно для нас в любом другом месте этого города.

Я до сих пор помнил о чувстве неловкости, возникшем у меня, когда мы заходили в дом в последний раз, но решил, что причина тому — расшатанные нервы и адреналиновое истощение. Хотя место это и тревожило меня, но никаких предчувствий, что мы можем попасть в беду, поселившись здесь, у меня не возникло.

Мы ехали по Западной Дунканноновой дороге и были в двух милях от поворота на Яблоневою тропу. Проезжая на зеленый свет светофора, мы заметили патрульный автомобиль йонтсдаунской полиции, остановившийся на красный свет справа от нас. Газопаровая лампа уличного фонаря бросала блики слабого пурпурного цвета. Они

проникали сквозь грязное лобовое стекло автомобиля, давая возможность разглядеть копа, сидящего за баранкой. Это был гoblin.

Ненавистное лицо демона было едва различимо под человеческой оболочкой.

И тем не менее своим особым зрением я увидел кое-что еще, и на мгновение у меня перехватило дух. Райа проехала уже с полквартала, когда я сумел выдать из себя:

— Тормози!

— Что?

— Быстро. Тормози у обочины. Выключи габаритные огни. Она выполнила все, как я сказал.

— Что-то не так?

Мое сердце как будто расправило крылья и забило ими, отчаянно падая вниз.

— Тот коп на перекрестке, — сказал я.

— Я его заметила, — ответила Райа. — Гoblin.

Я развернул зеркало заднего вида так, чтобы глядеть в него, и увидел, что светофор позади нас еще не сменил цвет. Полицейская машина по-прежнему стояла на углу.

Я сказал:

— Мы должны остановить его.

— Этого копа?

— Да.

— Остановить его... от чего?

— От убийства, — пояснил я. — Он собирается кого-то убить.

— Они все собираются кого-то убить, — напомнила Райа. — Это их занятие.

— Нет, я имел в виду... сегодня вечером. Он собирается убить кого-то сегодня вечером.

— Ты уверен?

— Скоро. Совсем скоро.

— Кого?

— Не знаю. Думаю, он и сам пока не знает. Но скоро... может, меньше чем через час он найдет возможность. И ухватится за нее.

Позади нас светофор мигнул желтым и красным, и в тот же момент переключился на зеленый в другом направлении, поэтому патрульный автомобиль завернул за угол, направляясь в нашу сторону.

— Следуй за ним, — велел я Райе. — Только, ради бога, не слишком быстро. Мы не должны дать ему понять, что он под наблюдением.

— Слим, у нас тут более важное задание, чем спасение одной жизни. Мы не можем рисковать всем только потому...

— Мы должны. Если мы позволим ему уехать, зная, что он собирается убить невинного человека этим вечером...

Патрульный миновал нас, направляясь на восток по Дунканнону.

Райа отказалась последовать за его машиной:

— Послушай, остановить одно убийство — это все равно что пытаться заделать огромную дыру в плотине куском жевательной резинки. Нам лучше затаиться и заняться расследованием, чтобы обнаружить, как мы сможем нанести удар по всей гoblinской сети здесь...

— Китти Дженовезе, — произнес я.

Райа уставилась на меня.

— Вспомни Китти Дженовезе, — сказал я.

Она моргнула. Поежилась. Вдохнула. Нажала на газ и нехотя последовала за копом.

23

Скотобойня

Он ехал по пригородам, среди ветхих домишек: полуразрушенные тротуары,

расшатанные ступени, сломанные перила на крылечках, обветшалые от непогоды и времени стены. Если бы эти строения были наделены даром речи, они бы стонали, горестно вздыхали, хрипели, кашляли и дружно жаловались на несправедливое время.

Мы спокойно ехали следом.

Еще днем, после подписания договора об аренде, мы приобрели на заправочной станции тормозные цепи. Стальные звенья позвякивали, ударяясь друг о друга, а на больших скоростях пронзительно пели. То и дело дорога трещала под нашей утяжеленной машиной.

Коп медленно миновал несколько закрытых лавок — магазин вязаной одежды, магазин обычной одежды, заброшенную станцию техобслуживания, — скользя лучами света мощных фар патрульной машины вдоль затемненных рядов строений в поисках возможных грабителей — кто бы усомнился, но выхватывая одни лишь блуждающие тени, которые кружились, метались и исчезали в дрожащем пятне света.

Мы держались примерно на квартал позади него, давая ему возможность сворачивать за угол и пропадать из виду на довольно долгое время, так, чтобы он не заметил, что за ним следует все время одна и та же машина.

Наконец его путь пересекся с «загоравшим» водителем, чья машина стояла у обочины возле сугроба, рядом с перекрестком Дунканноновской дороги и Яблоневой тропы. Сломавшийся автомобиль был «Понтиак» четырехлетней давности, покрытый дорожной грязью, въевшейся в краску. Короткие, тупые, грязные сосульки намерзли на заднем бампере. На нем были регистрационные номера штата Нью-Йорк, и эта деталь подтвердила мое ощущение, что здесь-то коп и найдет себе жертву. В конце концов, путешественник, проезжающий через Йонтсдаун, может стать безопасной и легкой добычей, потому что никто не сможет доказать, что он пропал именно в этом городе, а не в любом другом месте на своем пути.

Патрульный автомобиль свернул к обочине и остановился возле неподвижного «Понтиака».

— Езжай мимо него, — велел я Райе.

Привлекательная рыжеволосая женщина, лет около тридцати, в высоких ботинках, джинсах и коротком сером пальто из пледовой ткани, стояла перед «Понтиаком». На ледяном воздухе дыхание вылетало у нее изо рта морозными клубами пара. Капот был поднят, и она с забавным видом уставилась на двигатель. Она сняла одну перчатку, но явно не знала, какое применение найти обнаженной бледной руке. Она с сомнением потянулась к чему-то под капотом и смущенно отдернула руку.

С явной надеждой на помощь она поглядела на нас, когда мы показали на перекрестке.

На краткий миг я увидел безглазый череп там, где должно было быть ее лицо. В костяных глазницах, казалось, таится огромная, бездонная глубина.

Я моргнул.

Сумеречным Взглядом я увидел, что в ноздрях и во рту у нее кишат личинки мух.

Я снова моргнул.

Видение прошло, мы проехали мимо нее.

Этой ночью она умрет — по крайней мере, если мы не сделаем ничего, чтобы помочь ей.

На углу следующего квартала находился бар-ресторан. Это было последнее освещенное место перед тем, как Дунканноновская дорога поднималась в угольно-черные, покрытые лесом предгорья, окружавшие Йонтсдаун с трех сторон. Райа свернула на автостоянку, припарковала автомобиль рядом с пикапом, к которому был прицеплен туристский трейлер, и погасила фары. С этой позиции, глядя из-под нижних ошестинившихся иглами ветвей большой ели, отмечающей край территории ресторана, мы могли наблюдать за перекрестком Дунканнона и Яблоневой тропы в квартале от нас. Там, перед «Понтиаком», рядом с рыжеволосой, стоял гоблин-патрульный, являя своим видом образец утешителя дамы в беде.

— Мы оставили оружие дома, — сказала Райа.

— Мы не думали, что война уже началась. Но с сегодняшнего вечера ни один из нас никуда не выходит без оружия, — трясущимся голосом произнес я, все еще не отойдя от видения облепленного личинками черепа.

— Но в данный момент, — возразила она, — мы безоружны.

— У меня есть нож, — ответил я, коснувшись ботинка в том месте, где скрывалось лезвие.

— Не густо.

— Хватит.

— Может быть.

На перекрестке рыжеволосая садилась в патрульную машину, без сомнения, с легким сердцем от того, что нашла помощь в лице улыбчивого и любезного представителя закона.

Мимо проехало несколько машин, разбрасывая из-под колес комья снега, куски льда и кристаллы дорожной соли. Однако по большей части Дунканноновская дорога была почти пустынна в этом отдаленном глухом углу города и в этот час, поскольку движение на горные шахты и обратно вниз на сегодня уже закончилось. И сейчас, если не считать патрульной машины, вырulingающей с обочины и движущейся в нашу сторону, шоссе было безлюдно.

— Приготовься снова ехать за ним, — велел я Райе.

Она тронулась в путь, но фары не включила.

Мы сжались на сиденьях как можно сильнее, едва высунув головы над приборной доской. Мы наблюдали за копом, точно пара бдительных песчаных крабов во Флориде, чьи глаза-стебельки еле-еле торчат над поверхностью песка.

Когда патрульная машина проехала мимо нас, сопровождаемая печальным пением и ритмичным постукиванием своих тормозных цепей, мы заметили, что гоблин в униформе ведет автомобиль. Рыжеволосой было не видно. Она сидела на переднем сиденье рядом с водителем — это все, что мы установили. Но сейчас ее там не было.

— Где она? — спросила Райа.

— Как только она села в машину, мимо них проехали последние автомобили по Дунканноновской дороге. Их никто не видел, и я готов поклясться, что этот ублюдок воспользовался предоставленным ему шансом. Должно быть, он нацепил на нее наручники, скрутил ее на сиденье. Может, даже огрел ее дубинкой так, что она потеряла сознание.

— Может, она уже мертва, — предположила Райа.

— Нет, — ответил я. — Поехали. Следуй за ним. Он не стал бы убивать ее так просто, когда может увезти ее куда-нибудь в укромное место и прикончить медленно. Это то, что им нравится — если предоставляется возможность, — долгая, неторопливая смерть, а не внезапная и мгновенная.

К тому времени, когда Райа вырulingа с ресторанной автостоянки, патрульная машина почти исчезла из виду на Дунканноновской дороге. Вдалеке красные габаритные огни поднимались выше, выше, выше, и на какое-то мгновение показалось, что они подвешены в темном воздухе высоко над нами, затем они исчезли за гребнем холма. Райа нажала на педаль газа, цепи откликнулись отрывистым тяжелым звуком, и мы погнались за патрульной машиной на самой большой скорости. Дунканноновская дорога сузилась с трехполосной до двухполосной проселочной дороги.

Мы поднимались вверх, и полуосвещенные сосны и ели — призрачные, странным образом угрожающие, закутанные в свои сутаны и капюшоны из вечнозеленых игл — все теснее сдвигались по обеим сторонам дороги.

Хотя мы вскоре сократили разрыв между нами и полицейской машиной до менее чем четверти мили, мы не беспокоились, что гоблин-полицейский засечет нас. Здесь, в предгорьях, дорога вилась серпантинном, так что он редко находился в поле нашего зрения больше чем несколько секунд. Это значило, что мы для него были просто парой светящихся вдали фар, и вряд ли он почуял бы в нас опасность. На каждой миле пути с полдюжины проездов — по большей части грязная земля, некоторые посыпаны гравием, еще меньшее число — щебенкой — отходили от дороги и пролегали среди покрытых ледяной коркой

деревьев. Надо полагать, они вели к невидимым отсюда домам, поскольку у каждого поворота стоял, как на посту, почтовый ящик. Проехав четыре или пять миль, мы оказались на верхней точке крутого подъема и увидели внизу патрульную машину — она почти до нуля снизила скорость, сворачивая на один из таких проездов.

Не снижая скорости, чтобы не выдать себя, мы миновали поворот, где на сером почтовом ящике по трафарету была написана фамилия Хэвендал. Поглядев за ящик, я заметил в глубине туннеля из вечнозеленых деревьев стремительно уменьшающиеся в размерах красные габаритные огни. Они исчезали в прячущей их темноте — такой плотной и глубокой, что на минуту мои чувства дистанции, пространства (и равновесия) словно встряхнули и смешали: мне явственно показалось, что я в самом деле подвешен в воздухе, а патрульный автомобиль едет не по поверхности земли, а прямо подо мной движется вглубь, буравя проход к земному ядру.

Райа припарковала машину у дороги в двухстах ярдах от поворота в частные владения — там, где снегоуборочные машины транспортного департамента разгребли от обочины достаточно снега, чтобы обеспечить маневр.

Выйдя из машины, мы обнаружили, что с тех пор, как мы покинули супермаркет в городе, стало еще холоднее. Сырой ветер несясь с высоких вершин Аппалачей, но ощущение было такое, словно он прилетел из куда более северных краев — из унылой канадской тундры, с пустынь арктического льда. Он обладал острым, чистым, озоновым ароматом, рождающимся на полюсе. На нас были замшевые куртки с подкладкой из искусственного меха, перчатки и утепленная обувь. И все равно нам было холодно.

Райа открыла багажник, подняла панель, под которой находилась запасная шина, и достала инструмент, свой формой напоминающий кочергу — один его конец представлял собой ломик, другой — торцевой ключ. Она подержала его на руке, как бы взвешивая. Заметив мой взгляд, она пояснила:

— Ну что ж, у тебя есть нож, а у меня вот это.

Мы направились к проезду, на который свернула полицейская машина. Этот туннель, образованный нависающими над головой деревьями, был черным и пугающим, как коридоры в ярмарочном балагане. Надеюсь, что глаза скоро привыкнут к густому мраку, очень осторожно — места для засады здесь было предостаточно — я направился по узкой грязной тропе. Райа шла бок о бок со мной.

Комья смерзшейся земли и небольшие обломки льда хрустели у нас под ногами.

Ветер выл в кронах деревьев. Нижние ветви шуршали, терлись друг о друга и тихо потрескивали. Мертвый лес, казалось, имитирует жизнь.

Шум мотора черно-белого полицейского автомобиля не долетал до моего слуха. Очевидно, он остановился где-то впереди.

Пройдя примерно с четверть мили, я ускорил шаг, затем перешел на бег — не потому, что начал лучше видеть (хотя глаза уже привыкали к темноте), а потому, что внезапно у меня возникло ощущение, что у рыжеволосой осталось совсем немного времени. Райа не стала задавать вопросов, а просто ускорила шаг и побежала рядом.

Проезд был длиной примерно около полумили, и когда мы выбежали из обступивших нас деревьев на засыпанное снегом свободное пространство, где ночь была немного светлее, то оказались в пятидесяти ярдах от белого двухэтажного сборного домика. Свет мерцал почти во всех окнах первого этажа. Как бы там ни было, ночью этот домик производил впечатление очень уютного жилья. Лампа над передним крыльцом была включена, являя взору украшенные — почти в стиле рококо — перила с резными балясинами. Опрятные темные ставни тянулись по линии окон. Клубы дыма поднимались из кирпичной дымовой трубы, и ветер уносил их на запад.

Полицейская патрульная машина была припаркована перед домом.

Я не увидел никаких признаков копа и рыжеволосой.

Тяжело дыша, мы остановились там, где траурный задник темного леса еще создавал прикрытие, делая нас невидимыми для любого, кто посмотрит в окно.

В шестидесяти-семидесяти ярдах справа от дома находился большой амбар, с краев его двускатной крыши свешивались шапки сияющего снега. Он казался неуместным здесь, в предгорьях, где земля была слишком неровной и каменистой, чтобы ее можно было обрабатывать. Затем в тусклом свете я прочитал вывеску, намалеванную над двустворчатой дверью: «Яблочный пресс Келли». Позади дома, где земля поднималась вверх, рос фруктовый сад — все деревья выстроились ровным рядами, точно солдаты на плацпараде, точно похоронная процессия, с трудом различимая на покрытом снегом склоне холма.

Нагнувшись, я вытащил нож из ботинка.

— Лучше бы тебе тут подождать, — сказал я Райе.

— Чушь.

Я знал, что ее реакция будет именно такой, и меня растрогало и ее неизменное мужество, и стремление оставаться рядом со мной даже в минуту опасности.

Тихо, как мыши, и так же быстро мы прокрались по краю расчищенного проезда, согнувшись, чтобы использовать для маскировки сугробы старого, грязного снега. Через несколько секунд мы были возле дома. Выйдя на лужайку, нам пришлось двигаться медленнее. Снег был покрыт коркой наста, которая неожиданно громко закрипела под нашими ногами. Однако, опуская ноги твердо и тихо, мы добились того, что скрип стал приглушенным и вряд ли мог быть услышан в доме. Сейчас резкий ветер — завывающий, шепчущий и бормочущий вдоль карнизов — становился скорее союзником, чем противником.

Мы прокрались вдоль стены.

В первом окне, сквозь тюлевые занавески, заполняющие щель между тяжелыми занавесями, я увидел гостиную — камин из старого кирпича, часы на каминной полке, мебель в колониальном стиле, отполированный сосновый пол, лоскутные коврики, картинки, развешанные на бледных полосатых обоях.

Следующее окно тоже было в гостиной.

Я никого не увидел.

Никого не услышал. Только многоголосый ветер.

Третье окно — столовая. Пусто.

Шаг за шагом мы двигались по насту.

В глубине дома закричала женщина.

Раздался тяжелый удар, что-то треснуло.

Уголкем глаза я заметил, что Райа подняла свое оружие.

Четвертое, последнее на этой стороне, окно открывало вид в странно пустую комнату размером примерно двенадцать на двенадцать футов: только один предмет мебели, никаких украшений, никаких картинок, бежевые стены и бежевый потолок были покрыты полосами и пятнами ржаво-коричневого цвета. Серый, в пятнах линолеум на полу казался еще более выцветшим, чем стены. Странно, что эта комната могла находиться в том же доме, что и чистые, прибранные гостиная и столовая.

Это окно, обросшее изморозью по краям, было плотнее прочих закрыто шторами, так что у меня была только узкая щелка, через которую я мог исследовать помещение. Прижавшись лицом к стеклу, выжимая максимальную пользу из щелки между парчовыми занавесями, я все же мог видеть почти семьдесят процентов комнаты — включая рыжеволосую. «Спасенная» из своего сломавшегося автомобиля, раздетая донага, она сидела на жестком стуле с резной сосновой спинкой. Запястья были скованы наручниками за спинкой стула. Она находилась достаточно близко от меня, чтобы я мог разглядеть сеть голубых вен на бледной коже — и крупные мурашки. Ее глаза, глядящие на что-то, находящееся вне моего поля зрения, были расширены, в них застыло испуганное, дикое выражение.

Еще один глухой удар. Стена дома содрогнулась, словно с внутренней стороны в нее врезалось что-то тяжелое.

Дикий визг. На сей раз не ветер. Я мигом узнал его — визжащий крик разъяренного

гоблина.

Райа, как видно, тоже распознала его, потому что из ее уст вырвался тихий звук отвращения.

В комнате, лишенной мебели, я увидел демона, метнувшегося из дальнего угла. С ним произошла метаморфоза, он больше не скрывался в человеческом облике, но я знал, что это тот полицейский, которого мы преследовали. Стоя на всех четырех лапах, он двигался с обычной пугающей грацией, на которую его грубые конечности, плечи и бока — все в узлах деформированной костной ткани — казались неспособны. Злобная собачья голова была низко опущена. Острые, как иглы, зубы и клыки ящера были обнажены. Раздвоенный крапчатый язык непристойно скользил взад-вперед по пупырчатым черным губам. Свиные глазки, красные, горящие, полные ненависти, были неотрывно обращены на беспомощную женщину, которая, судя по ее виду, была на грани помешательства.

Внезапно гoblin отвернулся от нее и побежал через всю комнату, по-прежнему на всех четырех лапах, как бы намереваясь протаранить головой стену. К моему изумлению, он вместо этого вскарабкался по стене, легко пересек комнату под потолком, быстрый, как таракан, развернулся на смежную стену, пересек ее наполовину и снова очутился на полу, замерев наконец перед связанной женщиной и поднявшись на задние лапы.

Зимняя стужа проникла в глубь меня и унесла тепло из крови.

Я знал, что гoblin быстрее и проворнее многих людей — по крайней мере, людей, не наделенных моими сверхъестественными способностями, — но мне никогда не доводилось наблюдать подобного представления. Возможно, потому, что я редко видел гoblinов в уединении их жилищ, где они, может быть, постоянно ходят по стенке, — откуда мне знать. А в тех случаях, когда я убивал этот род, я обычно убивал быстро, не оставляя им возможности ускользнуть по стенам и потолкам, оказаться вне моей досягаемости.

Я думал, что знаю о них все, но сейчас я снова был поражен. Это обеспокоило и встревожило меня, потому что я не мог не задаться вопросом: какие еще скрытые возможности имеются у них? Еще одна подобная неожиданность, которая свалится мне на голову в самый неподходящий момент, может стоить мне жизни.

Я был серьезно и основательно напуган.

Но испугался я не только дьявольской способности гoblinов карабкаться на стены, точно ящерица: я боялся еще и за женщину, прикованную наручниками к спинке стула. Спустившись со стены и встав на ноги, гoblin открыл моему взгляду еще кое-что, чего я прежде не видел, — отвратительный фаллос, длинный, около фута, торчащий из чешуйчатого обвислого мешка, в котором он прятался в невозбужденном состоянии. Он был изогнутый, как сабля, толстый и порочно остроконечный.

Тварь намеревалась изнасиловать женщину прежде, чем разорвать ее в клочья когтями и зубами. Очевидно, гoblin решил овладеть ею в своем чудовищном облике, а не в обличье человека, поскольку в этом случае ее ужас будет сочнее, ее полнейшая безнадежность приобретет изысканную пикантность. Им не могло двигать желание оплодотворить ее — чужое семя не оплодотворило бы человеческое лоно.

К тому же жестокое убийство было неизбежным и очевидным. Почувствовав внезапную болезненную слабость, я вдруг понял, почему в этой комнате не было мебели, почему она так отличалась от остальных комнат в доме и что за ржаво-коричневые пятна слой за слоем покрывали пол и стены. Это была скотобойня, место для разделки туш. И других женщин приводили сюда, выставляли на осмеяние, на забаву, устрашали и унижали, а затем разрывали на куски просто ради удовольствия. Не только женщин. И мужчин. И детей.

Неожиданно мне явились отвратительные психические видения предстоящего кровопролития. Ясновидческие образы исходили от забрызганных кровью стен. Они, казалось, проецируют себя на стекло перед моими глазами, как будто окно было экраном в кинотеатре.

Невероятным усилием воли я прогнал эти излучения из своего сознания, со стекла, обратно в стены скотобойни. Я не мог поддаться им сейчас. Если видения поразят меня, как

удар, я ослабею и не смогу помочь женщине.

Отвернувшись от окна, я безмолвно скользнул к углу дома, уверенный, что Райа последовала за мной. По пути я снял перчатки и сунул их в карман куртки, чтобы орудовать ножом со своим обычным умением.

Позади дома ветер крепче хлестнул по нам — здесь он скатывался прямо с возвышающейся над домом горы, — лавина ветра, сырого и пронизывающего. За несколько секунд руки у меня замерзли, и я понял, что должен побыстрее проникнуть в тепло дома, иначе утрачу проворство, которое потребуется, чтобы точно метнуть нож.

Ступени заднего крыльца обледенели. Лед сковал швы и стыки. Они скрипели и трещали под нашими ногами.

С балюстрады свешивались сосульки.

Пол крыльца тоже закрипел под подошвами.

Задний вход находился с левой стороны дома. Я открыл алюминиево-стеклянную дверь. Пружинные петли чуть скрипнули.

За этой дверью была дверь, ведущая в дом. Она тоже была незаперта. Гоблины редко используют замки, потому что в них генетически заложена ограниченная способность к страху. Кроме того, они почти совсем не боятся нас. Охотник не дрожит перед кроликом.

Мы с Райей вошли в идеально прибранную кухню, словно сошедшую с картинки журнала «Домоводство». Теплый воздух благоухал ароматами шоколада, печеных яблок и корицы. Каким-то образом сам порядок на кухне, ее обычность делали ее еще более зловещей.

На кухонном столе, справа от входа, стоял на проволочной подставке домашний пирог, а рядом с ним — поднос, полный небольших булочек. Бесчисленное количество раз я видел, как гоблины едят в ресторане. Я знал, что им необходима пища, как и любому живому существу, но я никогда и представить себе не мог, чтобы они выполняли какие-либо человеческие домашние обязанности, вроде выпечки булочек и пирогов. В конце концов, они были психическими вампирами, питающимися нашей физической, умственной и эмоциональной болью, а с учетом отвратительно «сытной» диеты человеческой агонии, которую они себе регулярно позволяли, другая еда казалась излишней. Я и в мыслях не держал представить их сидящими за приятным ужином в своих уютных домах, расслабляясь после дня кровопролития, пыток и тайного терроризма. При мысли об этом мне стало нехорошо.

Из пустой комнаты, находившейся через стену от кухни, донеслась череда глухих звуков и ударов, раздался скребущийся звук.

Несчастливая женщина, очевидно, была уже не в состоянии кричать, потому что я услышал, как она молится — быстрым, дрожащим голосом.

Я расстегнул «молнию» на куртке, вынул руки из рукавов, и куртка мягко соскользнула на пол. Громоздкая верхняя одежда сковала бы движение руки, бросающей нож.

Сводчатый коридор с тремя запертыми дверями — кроме той, через которую мы пришли, — вывел меня из просторной кухни. Через коридор я увидел прихожую и лестницу дома. Из этих трех дверей одна вела, должно быть, на лестницу в подвал, одна в буфетную. Третья могла быть входом в комнату, в которой я видел демона и женщину в наручниках. Однако мне не хотелось открывать все двери, производя массу шума, пока я не буду точно уверен, что с первой попытки найду за дверью нужную комнату. Поэтому мы бесшумно прошли через кухню, через коридор, в прихожую, где первая дверь слева, наполовину открытая, вела на скотобойню.

Я боялся, что женщина заметит меня; если я загляну в дверь, чтобы оценить положение, ее реакция может подать сигнал тревоги гоблину. Поэтому я ворвался в комнату, не зная, где будет находиться моя цель. Дверь с треском врезалась в стену, когда я распахнул ее.

Гoblin, громоздящийся над женщиной, обернулся и поглядел на меня. У него вырвалось мерзкое удивленное шипение.

С поразительной быстротой его мощный фаллос опал и втянулся в чешуйчатый мешок,

а тот, в свою очередь, как бы поднялся, укрывшись в защитной впадине на теле.

Держа нож за острие лезвия, я отвел его за голову.

Все еще шипя, гоблин прыгнул в мою сторону.

В тот же миг моя рука метнулась вперед. Нож полетел.

На середине своего прыжка гоблин был поражен в горло. Лезвие вонзилось глубоко, хотя и не с такой точностью, на какую я рассчитывал. Блестящие, раздвоенные, свиноподобные ноздри чудовища задрожали, когда он фыркнул от изумления и ярости. Из рыла хлынула горячая кровь.

Он продолжал двигаться. Он врезался в меня. Сильно.

Мы оба зашатались и с грохотом ударились о стену. Спинай я прижимался к высохшей крови бог знает скольких невинных, и на миг (прежде чем я решительно заблокировал свое сознание) я ощутил боль и страх, исходившие от жертв в их предсмертных судорогах и присохшие к краске и штукатурке этой комнаты.

Наши лица были всего в нескольких дюймах друг от друга. Дыхание чудовища воняло кровью, мертвым мясом, разлагающейся плотью — как будто, питаясь ужасом женщины, он пожирал мясо, подобно хищнику.

Зубы, длинные зубы, с которых капала слюна, загнутые и скрежещущие, мерцали в дюйме от моих глаз — эмалированное предвестие боли и смерти.

Темный маслянистый язык демона, извиваясь, тянулся ко мне, как змея в поисках добычи.

Я почувствовал, как узловатые руки гоблина смыкаются вокруг меня — он словно хотел раздавить меня, прижав к груди. Или же в этом невероятном объятии он вонзит свои ужасные когти глубоко в мою плоть.

Отчаянно стучащее сердце, точно молоток, сбило засов, запирающий мои запасы адреналина, и меня внезапно подбросил его мощный прилив в кровь. Я почувствовал себя почти богом — ну, скажем так, напуганным богом.

Мои руки были прижаты к груди, поэтому я сжал кулаки и раздвинул локти в стороны, изо всей силы нанеся ими удар в могучие руки гоблина, разрывая объятие, в которое он пытался заключить меня. Я почувствовал, как его когти скользнули по моей рубашке, когда я разорвал захват, и в следующее мгновение услышал, как его твердые костяшки ударились о стену позади меня, когда одна его рука была подброшена вверх.

Он вскрикнул от ярости. Этот странный крик прозвучал еще более странно оттого, что звуковые волны, идущие от голосовых связок к губам, проходили через лезвие ножа, пронзившего его глотку, и потому приобретали металлический оттенок, прежде чем сорваться с губ. Вместе с воплем изо рта гоблина выплеснулась струйка крови, запачкавшая мне лицо. Несколько капель попало в рот.

Отвращение придало мне сил не меньше, чем страх и ярость, и я оттолкнулся от стены, опрокидывая тварь на спину. Мы споткнулись и упали, я приземлился на него сверху, мигом ухватившись за рукоятку ножа, торчащего из его горла. Свирепо повернув лезвие в ране, я рывком вытащил его и ударил снова, снова и снова — не в силах остановиться, хотя алое сияние в его глазах стремительно слабело, становясь грязно-красным. Его пятки слабо стучали по линолеуму пола. Руки бесполезно хлопали по полу, крепкие когти выстукивали бессмысленный код по доскам настила бойни. Наконец я провел острием лезвия справа налево через всю плотку, разрезал мускулы, вены и артерии. И выдохся — а он испустил дух.

Задышавшись, что-то невнятно бормоча, яростно отплевываясь, чтобы полностью избавиться от крови демона во рту, я поднялся на колени, возвышаясь над умирающим гоблином.

Лежа подо мной, он пульсировал и мерцал, подобно ртути, в последней конвульсивной трансформации. Он расходовал скудные запасы оставшейся у него жизненной энергии на то, чтобы вернуться в человеческий облик, как на то был запрограммирован генетиками его род в далекую эру их творения. Кости ломались, трескали, смещались, пузырились и снова затвердевали в бешеной метаморфозе. Сухожилия и хрящи рвались, но тут же вновь

связывались в единое целое в иных очертаниях подкожных тканей. Мягкие ткани с влажным чмокающим и хлюпающим звуком искали и обретали новую форму.

Женщина в наручниках, Райа и я были так заморожены перевоплощением оборотня, что не подозревали о присутствии второго гоблина до того момента, пока он не ворвался в комнату. Он застал нас врасплох точно так же, как мы застали врасплох первого.

Наверное, в этот миг психические способности Райи — меньшие, нежели мои, — сработали лучше моих, потому что, когда я вскинул голову и увидел надвигающегося гоблина, Райа уже замахнулась ломиком, который принесла с собой. Она так яростно взмахнула и так мощно ударила, что я заметил — ей самой трудно удержать ломик в руках, онемевших от удара. Мощное сотрясение чуть не выкрутило ломик у нее из рук. Нападавший гoblin с горящими глазами отшатнулся, взыв от боли. Он не устоял от удара, но, очевидно, не был ранен достаточно серьезно, чтобы потерять сознание.

Он хрипло завизжал и плюнул, как будто его слюна была для нас сильнодействующим ядом. Придя в себя от удара, в то время как Райа все еще пыталась крепко схватить ломик, он набросился на нее с устрашающей быстротой и проворством. Обхватил ее обеими громадными руками. Всеми десятью когтями. Когти захватили большей частью плотную зимнюю куртку. Слава богу, большей частью куртку.

Прежде чем он успел выпутать одну руку из ткани куртки, чтобы полоснуть ее по лицу, я вскочил. Ринулся. Два шага, прыжок. Я оказался на его чешуйчатой спине. Стиснул его между Райей и собой. Опустил нож. Сильно. Вколотил лезвие. Вглубь между костистыми деформированными плечами. По самую рукоятку. Глубоко в хрящи. Я не смог выдернуть его, обратно.

Внезапно чудовище передернулось с нечеловеческой силой. Точно лошадь на rodeo. Оно стряхнуло меня со спины. Я грохнулся об пол. Боль пронзила позвоночник. Голова ударилась о стену.

Предметы расплылись у меня перед глазами. Затем все опять прояснилось.

Но с минуту я был слишком ошеломлен и не находил силы подняться.

Я видел, что мой нож по-прежнему торчит из загривка гоблина.

Райа тоже была отброшена от гоблина, но теперь он снова набросился на нее. Однако она успела перестроиться за секунду. Придумав какой-то план, она шагнула на нападающего, вместо того чтобы уклоняться от него. Она снова воспользовалась своим ломиком — но на этот раз не как дубинкой, не тем концом, на котором был ключ, а острием. Взмахнув ломиком, точно копьем, она ударила им в гоблина, метнувшегося к ней. Толстый железный стержень вонзился в живот гоблину. На этот раз он издал не вой, а ужасный дребезжащий визг.

Чудовище ухватилось обеими руками с крупными четырехсуставчатыми пальцами за копье, пронзившее его туловище, и Райа отпустила ломик. Гоблин, шатаясь, сделал несколько шагов назад и столкнулся со стеной, пытаясь вытащить копье из кишок, и в этот момент я оправился достаточно, чтобы подняться на ноги. Я набросился на ненавистную тварь.

Обеими руками я ухватился за скользкий от крови ключ на свободном конце ломака. Сейчас, когда потоки крови лились из его тела, мой противник выглядел на весь свой древний возраст. Я вытащил из него ломик и отступил прежде, чем он успел полоснуть меня когтями. Подняв на меня убийственные, но уже тускнеющие глаза, он попытался достать мои руки острыми как бритва когтями. Я начал методично избивать чудовище, чтобы смирить его. Я обрушивал на него ломик до тех пор, пока он не упал на колени, и продолжал бить еще, пока он не рухнул лицом вниз на пол. Но даже тогда я не остановился и все бил, бил, пока не треснул его череп, пока плечи не превратились в пыль, пока локти его не разбились, пока бедра и колени не были переломаны, пока я сам не вспотел настолько, что пот смыл кровь с моего лица и рук, и пока я не вымотался так, что не мог поднять ломик, чтобы нанести еще один удар.

Мое тяжелое дыхание эхом отлетало от стен.

Райа пыталась парой салфеток вытереть кровь гоблина со своих рук.

Первое чудовище — теперь мертвое — вновь обрело свой обнаженный, избитый человеческий облик. Это произошло еще тогда, когда началась схватка со вторым гоблином. Теперь я убедился, что это действительно тот самый коп, которого мы видели.

Второй гoblin, после трансформации, оказался женщиной примерно того же возраста, что и полицейский.

Может быть, его жена. Или подруга.

А в самом деле, мыслят ли они такими категориями, как мужа и жены — или, по крайней мере, любовники? Как они воспринимают друг друга, сталкиваясь ночью в холодной, точно у ящериц, страсти? И всегда ли они ходят по свету парами — и лежит ли в основе их выбора предпочтение, как это в большинстве случаев бывает в нашем роде? Или же их связь служит лишь хорошим прикрытием, помогающим им сойти за обычных мужчин и женщин?

Райа срыгнула. Казалось, ее вот-вот вырвет, но она подавила позыв и отшвырнула прочь мокрые от крови салфетки.

Встав обеими ногами на спину второму мертвому чудовищу, я обеими руками ухватился за рукоятку своего ножа и вытащил его из хрящеватых плеч твари.

Лезвие я вытер о свои джинсы.

Обнаженная женщина на стуле отчаянно содрогалась. Ее глаза были полны ужаса, смущения и страха — но боялась она не мертвых гоблинов, а нас с Райей. Еще бы.

— Друзья, — хрипло произнес я. — Мы не такие... как они.

Она уставилась на меня, не в силах вымолвить ни слова.

— Позаботься о ней, — велел я Райе. Я повернулся к двери.

Райа спросила:

— Куда...

— Поглядеть, не осталось ли еще.

— Не осталось. Они бы прибежали сюда.

— Надо все-таки посмотреть.

Я вышел из комнаты, надеясь, что Райа поймет — я оставил их, чтобы Райа успокоила и одела рыжеволосую за время моего отсутствия. Я хотел, чтобы к женщине хотя бы частично возвратились способность соображать, силы, достоинство и самоуважение, прежде чем я вернусь и расскажу ей про гоблинов.

За окном столовой ветер то заговорщицки шептал, то жалобно оплакивал кого-то.

В гостиной глухо тикали каминные часы.

На втором этаже я обнаружил три спальни и ванную комнату. В каждой я слышал, как потрескивают, словно сведенные артритом, чердачные балки, и ветер врезается в конек крыши, ударяет в скаты и подглядывает под карнизы.

Гоблинов больше не было.

В промерзшей ванной комнате я стащил с себя мокрую от крови одежду и наскоро простирнул ее в раковине. Я не глядел в зеркало над раковиной: не осмеливался. Убийство гоблинов было оправданно. Я не сомневался, что в этом нет никакого греха, и избегал глядеть на свое отражение не потому, что боялся увидеть вину в своих глазах. Однако каждый раз, как я справлялся с демонами, мне казалось, что их становится все тяжелее убивать. От меня требовалось все больше жестокости, чем прежде, больше ярости. Поэтому после каждой подобной резни мне казалось, что во взгляде у меня прибавилось холодности, стального блеска, который смущал и пугал меня.

Коп был примерно моего телосложения, и в шкафу в хозяйской спальне я выбрал одну из его рубашек и пару джинсов. Они подошли прекрасно, как мои собственные.

Спустившись вниз, я нашел Райю и рыжеволосую. Они ожидали меня в гостиной. Обе сидели у окна в уютных креслах, чувствуя себя крайне неудобно. Отсюда им был виден проезд, и они могли подать сигнал тревоги при первых признаках приближающегося автомобиля.

Снаружи снежные призраки, гонимые ветром, поднимались с земли и спешили прочь,

во тьму — смутные фосфоресцирующие фигуры, которых как будто послали с загадочными поручениями.

Женщина была одета. Происшедшее не лишило ее рассудка, однако плечи ее поникли, а бледные руки нервно двигались на коленях.

Я взял невысокий стул с вышитой подушкой и сел рядом с Райей, взяв ее за руку. Она дрожала.

— Что ты ей рассказала? — спросил я Райю.

— Кое-что... о гоблинах... что они такое, откуда взялись. Но она не знает, кто мы такие и каким образом можем видеть их в то время, как она не видит. Я оставила это на твою долю.

Рыжеволосую звали Кэти Осборн. Ей был тридцать один год, она преподавала литературу в «Барнарде» в Нью-Йорке.

Она выросла в небольшом пенсильванском городке в восьмидесяти милях к западу от Йонтсдауна. Не так давно ее отца положили в больницу с легким инфарктом, и Кэти взяла небольшой отпуск, чтобы побыть с ним. Он уже поправлялся, и сейчас она возвращалась в Нью-Йорк. Учитывая кошмарное состояние некоторых участков горных дорог зимой, она ехала без приключений — пока не добралась до восточной окраины Йонтсдауна. Еще студентка, но уже преподаватель, любительница литературы, она была (как она сама сказала) впечатлительной натурой, обладала широким кругозором и питала слабость к хорошо закрученной фантастике. Она прочла некоторое количество литературы по фантастике и романов ужасов — «Дракулу», «Франкенштейна», немного Говарда Лавкрафта, книгу некоего Стерджена про плюшевого мишку, который пил кровь, — и не была, как сказала она, совсем уж неподготовленной к чему-то фантастическому или дьявольскому. И все же, несмотря на ее слабость к фантастике, несмотря на кошмарных тварей, которых она увидела здесь, ей приходилось прикладывать огромные усилия, чтобы принять рассказ Райи об этих генетически сконструированных солдатах, пришедших из эпохи, забытой историей. Она сказала:

— Я знаю, что я не сумасшедшая, и в то же время не устаю спрашивать себя, не сошла ли я с ума. Я знаю, что эти ужасные создания меняют свой облик из человеческого и обратно в человеческий, и все же не перестаю думать: а может, я все это выдумала, или мне почудилось, хотя точно знаю, что не почудилось, а вся эта история про предшествующую цивилизацию, погибшую в великой войне... это слишком много, просто чересчур, вот я уже и заговариваюсь — разве нет? — да, я знаю, что заговариваюсь, но у меня такое чувство, что я вот-вот свихнусь, понимаете?

Я не облегчил ее состояния. Я рассказал ей про Сумеречный Взгляд, про не столь мощные психические способности Райи и про тихую войну (до сих пор тихую), которую мы ведем.

Ее зеленые глаза затуманились, но вовсе не потому, что она ушла в себя или не выдержала напора информации. Напротив, она дошла до состояния, когда ее незатейливый, разумный мир претерпел такое выворачивание наизнанку и такую встряску, что ее сопротивление, ее нежелание верить в «невозможные» вещи оказалось практически преодолено. Она была так ошарашена, что стала восприимчивой. Затуманившиеся глаза свидетельствовали лишь о том, как отчаянно ее высокообразованная голова работает над тем, чтобы вставить эти новые кусочки мозаики в ее картину мира, претерпевшую сегодня такие глубокие изменения.

Когда я закончил, она моргнула, с любопытством покачала головой и сказала:

— Как же...

— Что? — спросил я.

— Как же я теперь смогу вернуться и снова преподавать литературу? Теперь, когда я знаю все эти вещи, как я смогу вести нормальную жизнь?

Я поглядел на Райю — может, она знает ответ на этот вопрос, и Райа сказала:

— Боюсь, что это будет невозможно.

Кэти нахмурилась и собралась ответить, но ее прервал какой-то странный звук.

Внезапный пронзительный плач — наполовину детское хныканье, наполовину поросячий визг, смешанный с зудением, какое издают насекомые, — разорвал покой гостиной. Это не был один из тех звуков, которые я связывал с гоблинами, но он, совершенно очевидно, не был ни человеческого происхождения, ни криком какого-либо животного, с которым мне доводилось сталкиваться.

Я знал, что этот крик не может исходить от пары гоблинов, которых мы только что убили. Они были, несомненно, мертвы — по крайней мере, в данный момент. Возможно, если оставить им головы на плечах, они и смогут найти обратную дорогу в мир живых, но до того пройдет не один день, неделя, даже не один месяц.

Райа в мгновение ока вскочила с кресла, нашаривая что-то, чего никак не могла нашарить, — думаю, она искала ломик.

— Что там за шум?

Я тоже вскочил на ноги, схватив нож.

Сверхъестественный воющий звук, похожий на слияние множества голосов, обладал алхимической способностью превращать кровь в ледяную воду. Если зло во плоти разгуливало по свету в облике сатаны или иного дьявола, тогда это точно был его голос, бессловесный, но злобный, голос всего, что дышит не добром. Он шел из другой комнаты, хотя я не сразу сообразил, идет ли он с этого этажа или сверху.

Кэти Осборн поднялась не так быстро, как мы, как будто не слишком желая столкнуться с еще одним ужасом. Она сказала:

— Я... я уже слышала именно этот звук, когда была прикована наручниками в той комнате, когда они только-только приступили к пыткам. Но потом так много всего случилось и так быстро, что... я забыла про него.

Райа поглядела на пол у себя под ногами.

Я тоже посмотрел вниз, потому что понял, что пронзительный шум — точно трещащий электронный вопль, хотя и куда более необычный — исходит из подвала.

24

Тюрьма и алтарь

Полицейский, который теперь лежал мертвый в своей собственной окровавленной скотобойне, носил с собой табельный служебный револьвер — «смит-вессон магнум» 357-го калибра. Я взял его себе на вооружение, прежде чем направился на кухню и открыл дверь, ведущую на лестницу в подвал.

Жуткое певучее хныканье эхом отзывалось из глубины этой норы, полной теней, и хоть грубо, но доносило какой-то смысл — настойчивость, гнев, голод. Этот звук был настолько силен и отвратителен, что его, казалось, можно воспринять на ощупь. Мне представилось, что я вижу этот крик, словно влажные спектральные руки, скользящие по моему лицу и телу, — холодное и липкое ощущение.

Эта подземная комната не была совсем темной. Мягкие, колышущиеся огоньки — возможно, пламя свечей — трепетали в невидимом мне углу.

Кэти Осборн и Райа настояли на том, чтобы сопровождать меня. Райа, само собой, не допустила бы, чтобы я в одиночку встретился с неведомой угрозой, а Кэти боялась оставаться одна в гостиной.

Сразу за дверью я обнаружил выключатель. Щелкнул им. Внизу зажегся янтарный свет, более яркий и устойчивый, чем пламя свечей.

Завывание прекратилось.

Вспомнив про психические испарения давнего человеческого страдания, все еще исходящие от стен подвала в снятом нами доме на Яблонево́й тропе, я напряг свое шестое чувство как только мог в поисках нечистых излучений подобного рода и здесь. Я и в самом деле уловил образы и неясные ощущения, хотя они были совсем не такими, как я ожидал, — и не были похожи ни на что, с чем я сталкивался прежде. Я не мог понять их смысл:

полуразличимые, странные, туманные формы, которые я был не в состоянии распознать, черно-белые, затененные серым. Они то метались в резком, поспешном ритме, то колыхались, двигаясь медленно, тошнотворно, по-змеиному, внезапно без явной причины вспыхивая пестротой зловещих ярких оттенков.

Я ощущал необычайно сильные эмоции, исходившие из тяжело больного сознания подобно нечистотам из поврежденной канализации. Это не были человеческие эмоции — они были извращеннее и темнее болезненных мечтаний и желаний самых худших из людей. Однако это не было полностью похоже и на ауру гоблинов. Это был психический эквивалент гноящейся, гангренозной плоти. Мне казалось, что меня засасывает в выгребную яму хаотичного, полного жажды убийства, внутреннего мира какого-то лунатика. Сумасшествие — и скрытая под ним жажда крови — было таким омерзительным, что мне пришлось спешно выбираться из него и постараться как можно сильнее заблокировать свое шестое чувство, чтобы защитить себя от нежелательных излучений.

Должно быть, я слегка пошатнулся, стоя наверху лестницы, потому что Райа положила руку мне на плечо и прошептала:

— С тобой все в порядке?

— Да.

Единственный пролет лестницы был крутым. Большая часть подвального помещения находилась слева, не достигаемая для взгляда. Я мог видеть только небольшой клочок голого пола из серого бетона.

Я осторожно пошел вниз.

Райа и Кэти последовали за мной. Подошвы наших ботинок глухо стучали по деревянным ступеням.

Тонкое, ядовитое зловоние усиливалось по мере того, как мы спускались. Моча, фекалии, застоявшийся пот.

Просторный подвал внизу лестницы был лишен всего, что в принципе можно ожидать найти в таком месте, — никаких инструментов, ни дерева для обычных плотницких нужд, ни банок с краской, лаком и политурой, никаких консервированных по-домашнему фруктов или овощей. Напротив, часть пространства была занята алтарем, а в другой находилась большая прочная клетка, сооруженная из железных решеток. Прутья решетки отстояли на пять дюймов друг от друга и тянулись от пола до потолка.

Отвратительные обитатели клетки сейчас пялились на нас, но, несомненно, именно они были источником той какофонии, что привела нас сюда, в этот богом забытый подвал. Их было трое. Каждый ростом чуть больше четырех футов. Молодые гоблины. Подростки. Они, бесспорно, принадлежали к этому демоническому племени — и все же они были другие. На них не было одежды, по телам шли полосы тени и янтарного света. Они пялились на нас из-за решеток, а в это время с их телами и лицами происходили медленные, непрерывные изменения. Сперва я просто ощутил, что они не такие, как все, не поняв, в чем кроется отличие, но затем быстро сообразил, что их дар перевоплощения вышел из-под контроля. Они, видимо, были заперты, как в ловушке, в сумрачном состоянии непрерывного изменения. Их тела были наполовину телами людей, наполовину — гоблинов, кости и плоть преобразались снова и снова, безостановочно. Это, судя по всему, было редким явлением. Они не могли удержаться ни в той, ни в другой форме. У одного человеческая ступня венчала ногу гоблина, а пальцы на руках были отчасти пальцами гоблина, отчасти — человеческого ребенка. Прямо у меня на глазах два пальца, принадлежащих человеку, начали меняться, становясь четырехсуставными пальцами гоблина с ужасными когтями, а несколько гоблинских пальцев приняли вид, более близкий к человеческому. Одна из тварей смотрела на нас тяжелым, злобным взглядом совершенно человеческих глаз на лице, черты которого целиком принадлежали монстру. Но, пока я с отвращением глядел на это мерзкое зрелище, лицо начало приобретать новые очертания, в которых человеческие черты и облик гоблина смешались в новом — еще более кошмарном — сочетании.

— Что они такое? — спросила Райа, содрогнувшись.

— Думаю, это... деформированное потомство, — ответил я, придвигаясь поближе к клетке — однако не настолько близко, чтобы дать какому-нибудь из них возможность дотянуться через прутья клетки и цапнуть меня.

Твари сохраняли молчание, напряженные, внимательные.

— Уроды. Генетические калеки, — продолжал я. — У всех гоблинов есть ген метаморфозы, позволяющий им принимать по желанию облик либо человека, либо гоблина. Но эти чертовы твари... они, должно быть, родились с несовершенными генами метаморфозы, весь этот помет — все уроды. Они не могут контролировать свой облик. Их ткани постоянно в состоянии изменения. Поэтому их родители заперли свое потомство здесь, в подвале, точно так же, как в прежние века люди обычно прятали своих детей-идиотов в подвалах или на чердаках.

Один из этих корявых выроdkов зашипел на меня из-за решетки, и двое других тут же оживленно присоединились к нему — низкий, свистящий, угрожающий звук.

— Господи боже, — выдохнула Кэти Осборн.

— И это не просто физическая деформация, — сказал я. — Они совершенно безумны. Безумны как по человеческим меркам, так и по меркам гоблинов. Безумны и очень, очень опасны.

— Ты это чувствуешь... психически? — спросила Райа.

Я кивнул.

Всего лишь заговорив об их сумасшествии, я оказался уязвим для психических излучений их больного рассудка, которые в первый раз уловил наверху, открыв дверь подвала. Я ощущал желания и потребности, переполнявшие их, и эти желания, хоть и были слишком странными, чтобы я сумел понять их, все же были отчетливо извращенными, кровожадными и омерзительными. Извращенная жажда, безумные страсти, отвратительный, пугающий голод... И снова, так сильно, как только мог, я захлопнул дверцу своего шестого чувства примерно так же, как захлопнул бы заслонку топки печи, и яростное пламя психических излучений медленно угасло, превратившись в слабый огонек.

Они перестали шипеть.

С хрустящим, потрескивающим звуком их человеческие глаза вспучились, налились горячим красным светом и превратились в яркие глаза гоблинов.

На нормальном человеческом лице начало вытягиваться свиное рыло, с хлюпаньем и хрустом, но остановилось на полпути в своем превращении, а затем втянулось обратно в глубь человеческого облика.

Один из них издал горлом густой, слизисто-мокрый, кашляющий звук. Я решил, что это своего рода смех — злобный, страшный, но все же смех.

Вот из человеческого рта выросли клыки.

А вот начала возникать собачья челюсть, тяжелая и жестокая.

А вот совершенно человеческий палец превратился в стилет с четырьмя суставами.

Непрерывная трансформация оборотней. Конечная цель никогда не достигалась — они не могли принять вид ни человека, ни гоблина, — и, таким образом, самый процесс превращения становился единственной целью и смыслом их существования. Генетическое безумие.

Один из троицы кошмарных близнецов просунул гротескно узловатую руку сквозь прутья решетки, протянув ее наружу так далеко, как только мог. Сжатые в кулак пальцы — одни человеческие, другие нет — разжались. Они начали гладить воздух, насыщенный испарениями. Это чем-то напоминало ласку, хотя больше было похоже на то, что тварь пыталась что-то выжать из воздуха. Пальцы, быстрые, как паучьи лапы, по очереди сгибались, распрямлялись и извивались: странная жестикуляция, лишенная смысла. Двое других отпрысков демонов начали носиться по своей просторной клетке — мчались влево, бросались вправо, карабкались по прутьям и камнем срывались обратно на грязный пол — точно безумные обезьяны, хотя в них не было ни капли веселья, присущего акробатическим выкрутасам обезьян. Из-за своей неспособности полностью обрести облик гоблинов они

были менее подвижны, чем те демоны, которых мы убили наверху.

— В дрожь бросает, как посмотрю на них, — сказала Райа. — Как ты думаешь, часто такое случается — пометы уродов вроде этих? Может ли это быть проблемой для гоблинов?

— Может быть. Не знаю.

— Я хочу сказать, возможно, их генетическая чистота ослабевает поколение за поколением. Возможно, в каждом новом поколении рождается все больше таких, как эти. В конце концов, их ведь изначально не программировали на воспроизведение. Если то, что мы знаем об их происхождении, — правда, значит способность к воспроизводству вырабатывалась очень долгое время. Так что, возможно, сейчас они утрачивают эту способность... утрачивают из-за мутации, как и приобрели из-за мутации. Это возможно? Или то, что мы видим, — исключение?

— Не знаю, — повторил я. — Может быть, ты права. Разумеется, это приятная мысль — о том, что они вымирают и что со временем, через пару сотен лет, их останется небольшая горстка.

— Пара сотен лет ни вам, ни мне ничем не помогут, разве не так? — несчастным голосом сказала Кэти Осборн.

— В том-то вся и проблема, — согласился я. — Может понадобится несколько сотен лет, чтобы они перестали существовать. А я не думаю, что они просто так смирились с тем, что им суждено вымереть. Времени у них достаточно, чтобы придумать что-нибудь и забрать в могилу вместе с собой и все человечество.

Внезапно самый смелый из уродов убрал свою руку обратно в клетку и вместе со своими братьями-выродками завыл — так же, как они выли, когда мы слышали их наверху. Пронзительное завывание эхом отражалось от бетонных стен — музыка из двух нот, сгодившаяся бы для кошмара, монотонная песня безумных желаний, которую, наверное, можно было бы услышать в Бедламе.

Этот вой в сочетании с вонью мочи и кала делал пребывание в подвале почти невыносимым. Однако я не собирался уходить отсюда, пока не исследую другой достойный внимания объект — алтарь.

Я никак не мог бы узнать наверняка, что это именно алтарь, но он был именно тем, чем казался. В углу подвала, как можно дальше и от лестницы, и от тюрьмы для выродков, стоял крепкий стол, покрытый голубым бархатом. Две масляные лампы необычной формы — стеклянные шары медного цвета, внутри которых в жидком топливе плавали фитили, — стояли по бокам предмета, который, очевидно, был почитаемой гоблинами иконой. Он стоял на возвышении на каменной отполированной плитке трех дюймов высотой и площадью примерно в один квадратный фут. Икона была керамическая — прямоугольник размером приблизительно восемь дюймов в высоту, шесть в ширину и толщиной дюйма четыре. Предмет очень напоминал кирпич необычных размеров. Он был покрыт блестящей глазурью, благодаря которой темное, ночное сияние прямоугольника приобретало глубину (и таинственность). В центре черного прямоугольника располагался белый керамический круг — дюйма четыре в диаметре. Этот круг делило на две части сильно стилизованное изображение черной молнии.

Это была эмблема угольной компании «Молния», которую мы видели накануне на грузовике. Но ее присутствие здесь на возвышении, словно для почитания, со всеми признаками и атрибутами священного символа, указывало на то, что это было нечто более значимое и важное, нежели просто эмблема какой-то компании.

Белое небо, черная молния.

Что это означало?

Белое небо, черная молния.

Визг мутантов в клетке был таким же громким, как и прежде, но мое внимание было целиком занято алтарем и центральной вещью на нем, так что на миг их пронзительные вопли совсем перестали меня беспокоить.

Я не мог себе представить, как такие создания, как гоблины — сотворенные человеком,

а не богом, ненавидящие своего творца и не имеющие к нему ни малейшего почтения, — могли создать религию. Если это и в самом деле был алтарь, тогда что они почитали, чему поклонялись тут? Каким странным богам приносили они дань? И как? И почему?

Райа протянула руку, чтобы коснуться иконы.

— Не трогай, — сказал я.

— А что?

— Не знаю. Просто... не трогай.

Белое небо, черная молния.

Как-то странно, но было что-то неожиданно жалостное и даже трогательное в том, что гоблинам были нужны боги, алтари и иконы, придававшие конкретный облик духовным чувствам. Само существование религии включает в себя понятия сомнения, покорности, понимания правильного и ложного, стремление к каким-то ценностям, достойный восхищения поиск смысла жизни и цели. Впервые я увидел нечто, что позволяло предполагать наличие чего-то общего между человечеством и гоблинами, общее чувство, общую потребность.

Но, черт возьми, мой жестокий опыт говорил мне, что эти демоны не знают ни сомнения, ни покорности. Их понимание правильного и ложного было слишком простым для того, чтобы подводить под него философскую базу: правильным было то, что шло на пользу им и во вред нам, ложным было все, что шло во вред им и на пользу нам. Их ценности были ценностями акулы. Смыслом и целью их жизни было наше уничтожение, а для этого им не требовалась ни сложная теологическая доктрина, ни божественное оправдание.

Белое небо, черная молния.

Глядя на этот символ, я мало-помалу проникался уверенностью, что их религия — если таковая существовала — была не предназначена для того, чтобы сделать их добрее или лучше, чем они были и какими я их обычно видел и воспринимал. Я чувствовал — было нечто чудовищно злое в их неведомой вере, нечто настолько невыразимо жестокое в боге, которому они поклонялись, что по сравнению с их религией сатанизм — со всеми его человеческими жертвоприношениями и потрошением детей — казался почти таким же достойным, как и святая римско-католическая церковь.

Я припомнил обширную, холодную, лишенную света пустоту, которую ощутил, когда в первый раз увидел грузовик угольной компании «Молния». Сейчас, глядя на икону на подвальном алтаре, я опять увидел то же самое. Бесконечная тьма. Неизмеримый холод. Безмерная тишина. Бескрайняя пустота. Ничто. Что это была за пустота? Что это значит?

Огоньки в масляных светильниках трепетали.

Мерзостные безумные создания визгливо выводили в своей тюрьме звуки бессмысленной песни ярости.

Вонь в воздухе на миг усилилась.

Керамическая икона — сперва объект любопытства, затем изумления, затем размышления, внезапно стала объектом неподдельного страха. Глядя на нее почти замороженным взглядом, я почувствовал, что в ней заключена разгадка тайны скопления гоблинов в Йонтсдауне. Но я понимал также, что жребий человечества — быть заложником философии, силы и замыслов, которые воплотились в этой иконе.

— Давайте уйдем отсюда, — сказала Кэти Осборн.

— Да, — согласилась Райа. — Пошли, Слим. Уйдем.

Белое небо.

Черная молния.

Райа и Кэти отправились в сарай возле дома поискать пару ведер и резиновый шланг — вещи, которые должны быть под рукой на яблочном прессе даже сейчас, когда сезон уже давно прошел. Если они найдут что искали, они наполнят ведра бензином, слив его из бензобака полицейской машины, и принесут их в дом.

Кэти Осборн вся тряслась и выглядела так, словно в любой момент могла свалиться от тяжелой болезни, но все же стиснула зубы (желваки на ее скулах напряглись, она удерживала

попытки к воте) и сделала все, о чем ее попросили. Она проявила куда больше мужества, способности приспосабливаться и выдержки, чем я мог ожидать от человека, который всю жизнь провел за пределами реальности, в отгороженном от мира убежище науки.

А для меня тем временем наступило очередное представление Великого Театра Ужасов.

Стараясь не слишком заглядываться на свои изувеченные жертвы или на странную, пугающую тень, которую я отбрасывал, скорчившись словно Квазимодо над их трупами, я выволок обоих мертвых гоблинов из комнаты-скотобойни, по одному — за один раз. Я проволоч их через всю кухню, все еще благоухавшую свежееиспеченным пирогом, и столкнул вниз по лестнице в подвал. Спустившись следом за ними, я сволок оба обнаженных трупа к середине подвала.

Омерзительные тройняшки в клетке снова замолчали. Шесть глаз, некоторые из них человеческие, а некоторые горящие демоническим алым светом, с интересом глядели на меня. Они не проявили признаков горя при виде убитых родителей. Очевидно, они не были способны на горе или на понимание того, что означают эти смерти для них. Они не проявляли и зла, даже еще не боялись, а просто выказывали любопытство пытливых обезьян.

Мне надо было быстро расправиться с ними.

Но не сейчас. Мне нужно было на это настроиться. Нужно было закрыть шестое чувство как можно плотнее, ожесточить себя в достаточной мере для малоприятного занятия — безжалостной расправы.

Я нагнулся над открытым верхом одной из шарообразных стеклянных ламп на алтаре и задул пламя плавающего в масле фитиля. Взяв лампу, я отнес ее к мертвым гоблинам и вылил горючее на трупы.

Очищенное масло придало блеск их бледной коже.

Волосы потемнели, когда масло намочило их.

Капли масла дрожали у них на ресницах.

Тошнотворную вонь мочи и фекалий перекрыл более резкий запах горючего.

Наблюдатели в клетке по-прежнему молчали, затаив дыхание.

Больше откладывать я не мог. За пояс у меня был заткнут «магнум» 357-го калибра. Я вытащил его.

Когда я повернулся к ним и подошел к клетке, их взгляды переместились с трупов на полу на пистолет. Они глядели на него с точно таким же любопытством, какое проявляли по отношению к неподвижным телам родителей, — возможно, чуть настороженно, но без страха.

Я выстрелил одному из них в голову.

Двое оставшихся уродов отскочили от решетки и забегали взад-вперед по клетке как безумные, вопя куда сильнее и громче, чем раньше, в поисках укрытия. Хотя они и были слабоумными детьми — даже хуже, чем слабоумными: идиотами, живущими в тусклом мире, где не существовало причин и следствий, — но они все же были достаточно сообразительны, чтобы испугаться смерти.

Мне потребовалось четыре выстрела, чтобы добить их, хотя это и было просто. Слишком просто. Обычно я получал удовольствие, убивая гоблинов, но эта бойня была мне не по душе. Эти твари были достойны жалости — без сомнения, смертельно опасные, но безмозглые, и не противники для меня. Кроме того, убийство противников, которые сидят за решеткой и не могут оказать сопротивления... ну, это было похоже на то, как поступил бы гoblin, и было делом, недостойным человека.

Вернулись Райа и Кэти Осборн, завернутые в куртки, шарфы и ботинки. У каждой в руках было по оцинкованному ведру, на две трети заполненному бензином. Они спускались по подвальной лестнице с большой осторожностью, стараясь не пролить ни капли содержимого ведер на себя.

Они поглядели на трех мертвых уродов в клетке — и быстро отвели взгляд.

Внезапно меня переполнило чувство, что мы слишком долго пробыли в доме и что каждая лишняя минута нашего пребывания здесь влечет опасность того, что нас обнаружат

другие гоблины.

— Пора с этим заканчивать, — прошептала Райа, и этим шепотом, в котором вовсе не было явной необходимости, ясно дала понять, что ее опасения тоже растут.

Я взял ведро у Кэти и выплеснул содержимое в подвал, щедро поливая трупы.

Райа и Кэти отступили к дверям, захватив с собой масляную лампу с алтаря, все еще горевшую, я же тем временем разлил по полу подвала и второе ведро бензина. Судорожно ловя ртом воздух, но вдыхая только бензиновые пары, я заторопился вверх по лестнице, на кухню, где ожидали меня обе женщины.

Райа протянула мне светильник.

— У меня руки в бензине, — сказал я и быстро прошел к кухонной раковине, чтобы вымыть руки.

Через минуту, счистив с себя все пятна, из-за которых я мог бы в один миг вспыхнуть и стать священной жертвой, но не в силах отделаться от ощущения, что мы сидим на бомбе, я взял у Райи лампу и вернулся на лестницу в подвал. Испарения поднимались снизу удушливыми волнами. Хотя я и боялся, что концентрация паров бензина была уже достаточно высокой, чтобы вмиг взорваться, соприкоснувшись с огнем, я все же без колебаний швырнул стеклянную лампу на нижнюю ступеньку лестницы.

Медно-желтый стеклянный шар ударился о бетон и разлетелся на куски. Горящий фитиль воспламенил разливающееся масло, загоревшееся переливчатым синим пламенем, а масло воспламенило бензин. Страшное пламя с ревом ожило. Волна жара ударила вверх по ступеням — такая яростная, что мне показалось, что загорелись волосы у меня на голове, пока я, спотыкаясь, отступал на кухню.

Райа и Кэти уже отошли к заднему крыльцу. Я быстро последовал за ними. Мы бросились бежать — вокруг дома, мимо припаркованной у переднего крыльца патрульной машины и вдоль проезда длиной в полмили.

Еще до того, как мы добежали до края леса, мы увидели пламя пожара, отражающегося на снегу вокруг нас. Когда мы обернулись поглядеть назад, языки огня уже выбрались из подвала сквозь пол на первый этаж. Окна мерцали, точно оранжевые глаза на лице фонаря, вырезанного из тыквы. Затем оконные стекла лопнули с треском, отчетливо слышным в холодном ночном воздухе.

Теперь ветер быстро разнесет пламя по всем балкам до самой крыши. Пламя будет таким сильным, что трупы в подвале превратятся в пепел и кости. Если нам хоть немного повезет, власти — все как на подбор гоблины — могут подумать, что пожар возник в результате несчастного случая. Они могут и отказаться от тщательного расследования, которое выявило бы пробитые пулями кости и другие доказательства нечистой игры. Даже если у них и возникнут подозрения и они отыщут то, что начнут искать, у нас все равно будет в запасе день-другой до того, как приступят к поиску убийц гоблинов.

Сверкающий снег рядом с домом казался точно залитым кровью. Чуть поодаль оранжево-желтые отсветы и огромные странные тени крутились, сгибались, метались, корчились и трепетали на известково-белом покрове зимы.

Первая битва новой войны. И мы ее выиграли.

Отвернувшись от дома, мы поспешили вдоль проезда, в туннель, образованный нависшими над дорогой ветвями вечнозеленых деревьев. Отсветы от пожара не доходили сюда, и, хотя тьма мстительно сомкнулась вокруг нас и видимость упала почти до нуля, мы не снизили скорости. Так как эта дорога один раз уже была пройдена нами в противоположном направлении к дому гоблинов, мы знали, что больших препятствий на пути нет. Хотя бежать приходилось вслепую, мы все же испытывали определенную уверенность в том, что не сломаем ноги в какой-нибудь канаве или не споткнемся о цепи, натянутые поперек дороги специально, чтобы не пропустить чужаков.

Мы быстро домчались до главной дороги, повернули на север и вскоре добрались до автомобиля. Райа села за руль. Кэти устроилась рядом с ней. Я сел на заднее сиденье, зажав между колен револьвер полицейского. Я почти ожидал, что появятся гоблины и остановят

нас, и был готов убраться без раздумий.

Даже после того, как мы проехали не одну милю, я все еще слышал (в памяти) жуткие трепещущие вопли трех выродков — детей гоблинов.

* * *

Мы отвезли Кэти на бензозаправочную станцию и проехали с нею и с ремонтником обратно к ее автомобилю. Он моментально определил, что сели батареи — ситуация, к которой он подготовился, положив в кузов своего «Доджа» подходящую новую батарею перед тем, как выехать со станции. Он установил новую батарею прямо там, у обочины — света, который давала лампа, работающая от аккумулятора его грузовика, было более чем достаточно.

Когда «Понтиак» Кэти уже был отремонтирован, когда ремонтник уже уехал, получив деньги за свою работу, она посмотрела на нас с Райей, затем опустила свой загнанный взгляд на замерзшую землю у себя под ногами. Резкий ветер гнал маленькие белые облачка выхлопных газов, сбивая их в кучки у бампера машины.

— И что теперь, черт побери? — поинтересовалась она дрожащим голосом.

— Ты направлялась в Нью-Йорк, — напомнила ей Райа.

Та невесело рассмеялась.

— А ведь запросто могла бы сейчас направляться на небеса.

Мимо проехали пикап и сверкающий новый «Кадиллак». Водители покосились на нас.

— Давайте сядем в машину, — сказала Райа, поеживаясь. — Там нам будет тепло. К тому же в машине мы не будем выглядеть так подозрительно.

Кэти села за руль и повернулась так, что мне с заднего сиденья был виден ее профиль. Райа села на переднее сиденье рядом с ней.

— Я не могу продолжать просто так жить, как будто ничего не случилось, — сказала Кэти.

— Но ты должна, — возразила Райа вежливо, но настойчиво. — В этом-то и есть суть жизни — продолжать жить, как будто ничего не произошло. Само собой, не можешь же ты взять на себя роль спасительницы мира — не пойдешь же ты по улицам с мегафоном, крича на всех перекрестках, что демоны выдают себя за обычных людей и разгуливают среди нас. Все сочтут, что ты просто свихнулась. Все, кроме гоблинов.

— А уж они в два счета разделаются с тобой, — добавил я.

Кэти кивнула.

— Я знаю... знаю. — С минуту она молчала, затем жалобно произнесла: — Но... как я могу вернуться обратно в Нью-Йорк, обратно в «Барнард», не зная, кто человек, кто гoblin? Как я теперь смогу хоть кому-нибудь довериться? Как я смогу осмелиться выйти за кого-нибудь замуж, не зная наверняка, кто он? Может, он захочет жениться на мне, только чтобы мучить меня, чтобы иметь собственную игрушку. Ты понимаешь, о чем я, Слим, — так же, как твой дядя женился на твоей тете и принес несчастье и горе всей вашей семье. Как я могу иметь друзей, настоящих друзей, с которыми смогу быть открытой, прямой и честной? Понимаете? Мне хуже, чем вам, потому что у меня нет вашей способности видеть гоблинов. Я не могу отличить их от нас, поэтому мне будет казаться, что каждый — гoblin. И я буду так считать, потому что это единственное безопасное решение. Вы можете видеть их, отличать их от нашего рода, поэтому вы не одиноки, а мне придется быть одинокой, всегда одной, совсем одной, навеки и окончательно одной, потому что, если я доверюсь кому-то, это может означать мой конец. Одна... Что же это будет за жизнь?

Все, что она говорила, было очевидным, хотя я до последнего момента не отдавал себе отчет, в какой она ужасной западне. И выхода из этой западни не было, по крайней мере, так казалось мне.

Райа посмотрела на меня с переднего сиденья.

Я пожал плечами — не от безразличия, а от безнадежности.

Кэти Осборн вздохнула и содрогнулась, раздираемая отчаянием и страхом — двумя чувствами, которые нелегко испытывать одновременно. Последнее предполагает надежду, в то время как первое отрицает ее.

Помолчав еще с минуту, Кэти сказала:

— Я бы могла и мегафон в руки взять и попытаться спасти мир, даже если меня и упрячут в психушку, потому что я в любом случае туда попаду. В смысле... день изо дня, гадая, кто из окружающих меня — один из них, живя в постоянной подозрительности, — однажды за все это придется заплатить.

Кстати, даже и ждать недолго. Я быстро сломаюсь, потому что я по натуре экстраверт, мне нужно общение с людьми. Поэтому я очень скоро стану буйным параноиком и созрею для психушки. И меня туда упекут. А вы не думаете, что в штате любого подобного заведения, где люди заперты, беспомощны и легко могут стать игрушкой в руках персонала, должно быть полно гоблинов?

— Да, — ответила Райа, припомнив жизнь в детдоме, — несомненно. Да.

— Я не могу вернуться. Я не могу жить так, как должна бы жить.

— Есть выход, — сказал я.

Кэти повернула голову и поглядела на меня, больше с недоверием, чем с надеждой.

— Есть одно место, — продолжал я.

— Ну конечно, — подхватила Райа.

— Братья Сомбра, — сказал я.

А Райа пояснила:

— Ярмарка.

— Стать балаганщиком? — изумленно спросила Кэти.

Ее голос выдал легкое отвращение, на которое я несколько не оскорбился и которое Райа, как я думал, тоже поняла. Мир нормальных всегда поддерживает иллюзию, что его общество — единственно верное. Поэтому он наклеивает на обитателей ярмарки — всех и каждого — ярлыки бродяг, общественных отбросов, неудачников, даже, возможно, воров. Мы, словно настоящие цыгане, пришедшие из Румынии, везде на плохом счету. И уж конечно, никто не станет получать две-три ученых степени в престижных университетах, приобретать глубокие познания в искусстве только для того, чтобы радостно забросить такое хлебное дело, как академическая карьера, ради жизни балаганщика.

Я не стал приукрашивать будущее, которое ждет Кэти Осборн, если она станет балаганщиком. Я выложил все как есть, чтобы она знала, на что идет, прежде чем принять решение:

— Тебе придется отказаться от преподавания, которое ты любишь, от научной жизни, от положения, которого ты добилась таким упорным трудом. Тебе придется войти в мир, почти такой же чужой для тебя, как древний Китай. Ты постоянно будешь замечать, что поступаешь, как нормальные, а разговариваешь, как простаки, поэтому остальные балаганщики будут с подозрением относиться к тебе, и тебе потребуется год или даже больше, чтобы полностью завоевать их доверие. Твои родные и друзья никогда тебя не поймут. Ты станешь белой вороной, объектом жалости, насмешек и бесконечных пересудов. Может статься, ты даже разобьешь родительские сердца.

— Точно, — подтвердила Райа, — зато ты сможешь присоединиться к братьям Сомбра и будешь знать, что среди твоих соседей и друзей нет гоблинов. Слишком многие из нас, балаганщиков, стали изгоями потому, что мы можем видеть гоблинов, и потому нам нужно убежище. Когда кто-то из них приходит к нам не как простак, который решил потратить свои денежки, мы расправляемся с ним быстро и без шума. Так что ты будешь в безопасности.

— Настолько в безопасности, насколько это возможно в этой жизни, — добавил я.

— И сможешь зарабатывать себе на жизнь. Для начала можешь поработать на нас со Слимом.

Я добавил:

— Со временем сможешь отложить достаточно денег, чтобы завести пару собственных

аттракционов.

— Точно, — сказала Райа. — Зарабатывать будешь побольше, чем преподаванием, — уж это точно. А со временем... ну, ты основательно позабудешь мир «правильных», из которого пришла. Он будет казаться тебе очень далеким и даже малореальным, почти что сном, дурным сном. — Она потянулась к Кэти и положила руку на ее руку, успокаивая ее, как женщина женщину. — Я тебе гарантирую, когда ты станешь настоящим балаганщиком, внешний мир будет казаться тебе ужасным и унылым. Ты будешь удивляться, как ты там вообще жила и как ты вообще могла думать, что такая жизнь предпочтительнее, чем жизнь в мире бродячей ярмарки.

Кэти кусала нижнюю губу. Она вымолвила:

— О боже...

Мы не могли вернуть ей ее прежнюю жизнь, поэтому мы дали ей единственную вещь, которую могли дать сейчас: время. Время, чтобы подумать. Время, чтобы приспособиться.

Несколько автомобилей проехало мимо нас. Немного. Время было позднее. Уже была глубокая — и холодная — ночь. Большинство людей находились у себя дома, возле камина или в постели.

— Боже, я просто не знаю, — промолвила Кэти дрожащим, усталым, нерешительным голосом.

Выхлопные дымы смерзались и кристалликами льда оседали на стеклах. Я поглядел в окно, и какое-то мгновение мог видеть только эти замерзающие клубы пара, подвижные и серебристые, в которых как будто непрерывно возникали призрачные лица, пропадали и возникали вновь, голодно глядя на меня.

И в этот миг Джибтаун, Джоэль и Лора Так и все мои остальные друзья-балаганщики казались страшно далекими, дальше, чем Флорида, дальше, чем темная сторона луны.

— Я совсем растеряна, все смешалось, и мне страшно, — сказала Кэти. — Я не знаю, что делать. Просто не знаю.

Учитывая тяжелое испытание, которое ей пришлось пережить в эту ночь, учитывая, что она не разбилась на мелкие кусочки, как это произошло бы с большинством людей, учитывая то, как быстро она оправилась от шока, когда мы с Райей разделались с гоблинами, терзавшими ее, я решил, что она — тот человек, который должен быть с нами, на нашей стороне, на ярмарке. Она не была мягкотелой профессоршей, она обладала недюжинной силой, необычайным мужеством, а нам всегда могли потребоваться люди, сильные умом и сердцем — особенно если однажды мы продолжим и расширим войну с гоблинами. Я почувствовал, что Райа думает точно так же, как и я, и что она молится, чтобы Кэти Осборн присоединилась к нам.

— Я просто... не знаю...

* * *

Две спальни из трех в доме, который мы сняли, были меблированы, и в одной из них Кэти провела ночь. Она и думать не могла ни о том, чтобы ехать в Нью-Йорк, ни о том, чтобы забросить свою карьеру и всю теперешнюю жизнь вот так сразу, несмотря на наши убедительные доводы.

— К утру я все решу, — пообещала она.

Ее спальня была самой дальней по коридору от нашей. Она настояла на том, чтобы двери в обеих комнатах остались открыты и мы смогли услышать друг друга ночью, если кто-то из нас позовет на помощь.

Я заверил ее, что гоблины не знают о том, что мы находимся среди них.

— У них нет причины приходить сюда этой ночью, — успокаивающе сказала Райа.

Мы не стали говорить ей, ни что этот дом принадлежит Клаусу Оркенвольду, ни что это новый шериф Йонтсдауна, ни что он гoblin, ни что он замучил и зверски убил троих человек в подвале этого дома.

И все же, несмотря на то, что мы пытались ее успокоить и многое скрыли от нее, Кэти оставалась настороженной и даже раздраженной. Она потребовала ночник, который мы соорудили для нее, набросив одну из ее темных блузок на абажур прикроватной лампы.

Когда мы оставили ее, я чувствовал себя беспокойно, просто скверно — как будто мы оставляли ребенка на растерзание твари, что живет под кроватью, или чудовища, обитающего в шкафу.

* * *

Наконец Райа заснула.

Я не мог. По крайней мере, долго не мог.

Черная молния.

Я не переставал думать об этом изображении черной молнии, пытаюсь понять, что бы оно могло значить.

И то и дело, подобно зловонию трупов, как будто зарытых под домом, смутная волна психических излучений проникала из расположенного под нами подвала, в котором Оркенвольд убил женщину и двоих детей.

И снова во мне возникла уверенность, что это я неосознанно привел нас в это место, что мой ясновидческий дар каким-то образом выбрал именно этот дом из множества сдающихся внаем домов, потому что я хотел — или был обречен — расправиться с Клаусом Оркенвольдом так же, как я расправился до него с Лайслом Келско.

В непрестанном вое ветра я мог расслышать какие-то звуки из пронзительных воплей гоблинов-уродов перед тем, как я застрелил их в тюрьме, а затем сжег дотла. Я почти готов был поверить, что они вытащили свои изрешеченные пулями трупы, свои обгоревшие кости из дымящихся развалин дома и выкликали меня, ползком, с трудом, торопливо пробираясь сквозь ночь, безошибочно двигаясь в мою сторону, подобно адским ищейкам, без усталости вынюхивающим свою добычу — проклятые и гниющие души.

Время от времени мне казалось, что в скрипе и потрескивании стен дома (что было просто естественной реакцией дерева на лютый холод и резкий ветер) я слышу треск пламени, разгорающегося под нами и пожирающего первый этаж — пламени, зажженного, возможно, тварями, которых я сжег в железной клетке. Каждый раз, когда топка с воздухоподдувом издавала свои тихие звуки, я вздрагивал от неожиданности и страха.

Рядом со мной Райа стонала во сне. Тот сон, несомненно.

Джибтаун, Джоэль и Лора Так и все мои остальные друзья-балаганщики казались так далеки в этот час — и я тянулся к ним. Я думал о них, рисовал себе облик каждого из них и долго вглядывался в него, прежде чем вызвать в памяти другой образ, и сама мысль о них несколько улучшила мое состояние.

Потом я сообразил, что тянусь к ним и черпаю мужество из их любви точно так же, как раньше тянулся и черпал мужество из любви матери и сестер. Возможно, это означало, что мой прежний мир, мир семьи Станфеуссов, ушел, ушел навсегда и не вернется ко мне. На подсознательном уровне я, должно быть, уже воспринял это как факт, но до настоящего момента я так ясно не осознавал этого. Ярмарка стала моей семьей, и она была хорошей семьей, самой лучшей. Но была глубокая горечь от понимания того, что скорее всего я никогда больше не вернусь домой, что мать и сестры, которых я любил в юности, были хотя и живы, но уже мертвы для меня.

25

Перед бурей

Утром в субботу облака были еще зловещее и тяжелее, чем в пятницу. Небо словно опустилось ниже к земле, слишком тяжелое, чтобы удерживаться на более высоком уровне.

Яростно фыркающий, задыхающийся и визжащий ветер предыдущей ночи совсем

выдохся, однако в наступившей за этим тишине и спокойствии не было ничего хорошего. Странное состояние, ожидание чего-то, жуткая напряженность казались частью засыпанного снегом ландшафта. Вечнозеленые ели и сосны, вырисовывающиеся на фоне шиферно-серого кеба, напоминали часовых, стоящих в мрачном ожидании наступления могучей армии. Другие деревья, лишенные листвы, казались предвестниками дурного — они словно вздымали черные костлявые руки, предупреждая о надвигающейся беде.

После завтрака Кэти Осборн уложила свой багаж обратно в машину, намереваясь отправиться в Нью-Йорк. Она собиралась пробыть в городе всего три дня: вполне достаточно для того, чтобы уладить дела с квартирой, отослать уведомление в «Барнард» о своей отставке (она собиралась сослаться на ухудшение здоровья, хотя этот довод и не выглядел слишком убедительным), упаковать свою библиотеку и попрощаться кое с кем из друзей. Сказать «прощайте» совсем нелегко, потому что она будет искренне скучать по этим людям, небезразличным ей, и потому, что они решат, что она помутилась рассудком и начнут — из лучших побуждений, но все равно приятного мало — пытаться переубедить ее. А еще потому, что она не может быть уверена, на самом ли деле они обычные мужчины и женщины, за которых себя выдают.

Мы с Райей стояли у ее машины — утренний воздух был тихим, но пронизывающе холодным, — желали ей удачи, стараясь не подать виду, как сильно мы беспокоимся за нее. Мы крепко обняли ее, и затем вдруг обнялись все трое, потому что теперь мы уже не были тремя чужими людьми, а были неразрывно связаны друг с другом невероятными и кровавыми событиями предыдущей ночи, скованы цепью страшной правды.

Для тех из нас, кто узнал об их существовании, гоблины представляют не только угрозу, но также и катализатор единения. По иронии судьбы, они порождают братские, родственные чувства между мужчинами и женщинами, чувства долга, ответственности и общей судьбы, которых без них мы были бы лишены. И если когда-нибудь нам все же удастся стереть их с лица земли, так только потому, что само их существование сплотило нас.

— До утра воскресенья, — сказал я Кэти, — я позвоню Джоэлю Таку в Джибтаун. Он будет ждать тебя, и они с Лорой найдут тебе место.

Мы уже описали ей Джоэля, так что она, возможно, и будет испугана, но не будет шокирована его уродством.

Райа сказала:

— Джоэль любитель книг, читает запоем, так что, может быть, у вас будет больше общего, чем ты предполагаешь. А Лора прелесть, просто прелесть.

Мы говорили, и слова наши звучали бесстрастно, твердо и чеканно в совершенно спокойном, ледяном утреннем воздухе. Каждое произнесенное нами слово вылетало изо рта в сопровождении белого облачка замерзающего воздуха. Оно было словно выбитым из глыбы сухого льда, и казалось, значение слов передавалось не только звуком, но и рисунком — очертаниями пара.

Страх Кэти был так же очевиден, как и ее застывающее дыхание. Не один лишь страх перед гоблинами, но и перед новой жизнью, в чьи объятия она вот-вот должна была попасть. И страх потери прежней, уютной жизни.

— До скорого, — дрожащим голосом сказала она.

— Во Флориде, — отозвалась Райа. — Под ярким солнцем.

В конце концов Кэти Осборн села в свой автомобиль и уехала. Мы глядели ей вслед, пока она не достигла конца проезда, повернула на Яблоневую тропу и исчезла за поворотом дороги.

Таким вот образом преподаватели литературы становятся балаганщиками, а вера в добрую вселенную уступает место мрачному осознанию реальности.

Его звали Хортон Блауэтт. По его собственной характеристике — старый чудаков. Это был крупный, костистый мужчина, чье угловатое сложение бросалось в глаза даже в тяжелой, утепленной куртке лесоруба, в которую он был одет, когда мы увидели его в первый раз. Он производил впечатление силача и был очень подвижен. Единственное, что выдавало его

возраст, — легкая покатость плеч, словно согнувшихся под тяжестью лет. На его широком лице больше следов оставила жизнь, проведенная на открытом воздухе, чем время: оно было во многих местах изборождено глубокими складками, а вокруг глаз расходились тонкие паутинки морщинок. Крупный, немного красный нос, крепкий подбородок и крупный рот, всегда готовый раздвинуться в улыбке. Темные глаза были внимательными, достаточно приветливыми и ясными, как у молодого. Он носил красную охотничью шапку с опущенными ушами, завязанными под подбородком, но щетинистые пучки серо-стальных седых волос выбились из своей темницы и в двух-трех местах свешивались на лоб.

Мы ехали по Яблоневой тропе, когда заметили его. Предыдущей ночью сильный ветер с гор нанес несколько дюймов рыхлого снега на проезд к его дому, и он орудовал лопатой, демонстрируя презрение к статистике инфарктов за последние годы. Его дом стоял ближе к дороге, чем наш, и проезд поэтому был короче, но дело, за которое он взялся, все равно было неподъемным.

Мы намеревались собрать информацию об угольной компании «Молния» не только из газет и других официальных источников, но и от местных жителей, которые могли бы сообщить нам более правдивые и более интересные подробности, чем контролируемая гоблинами пресса. Журналист может обрушивать анафему на слухи и сплетни, но в них порой содержится большая доля правды, чем в официальных версиях. Поэтому мы подъехали к его проезду, остановились, вылезли из машины и представились новыми соседями, которые снимают дом Оркенвольда.

Сначала он был вежлив, но не слишком открыт, внимателен и отчасти настороже, как обычно ведут себя сельские жители, сталкиваясь с новоприбывшими. Думая, как разбить лед между нами, я решил действовать интуитивно и сделал то, что делают в Орегоне, встретившись с соседом, занятым тяжелой работой: предложил помочь. Он вежливо отказался, но я был настойчив.

— Ерунда, — отрезал я. — Если у человека нет сил на то, чтобы предложить другому свою руку с лопатой, где он собирается брать силы, чтобы взлететь на небеса, когда придет Судный день?

Это прозвучало веско для Хортон Блуэтта, и он согласился, поскольку у него имелась вторая лопата. Я сходил за ней в сарай, и мы принялись упорно расчищать себе путь в снегу на проезде, а Райа тем временем болтала то со мной, то с мистером Блуэттом.

Мы поговорили о погоде, затем речь перекинулась на зимнюю одежду. Хортон Блуэтт считал, что старые добрые шерстяные куртки были во сто раз лучше и теплее нынешних шмоток эры космоса — стеганых, из теплонепропускающих тканей, которые появились в продаже в последние десять лет, — вот как у него. Если вы полагаете, что мы не могли провести больше десяти минут за обсуждением преимуществ шерсти, значит вы не понимаете ритма сельской жизни и не способны познать удовольствие, которое таит в себе столь приземленный разговор.

В первые несколько минут нашего знакомства я заметил, что Хортон Блуэтт часто и шумно фыркает, вытирая свой крупный нос тыльной стороной ладони, одетой в перчатку. Однако он ни разу не высморкался, и я решил, что он либо слегка простужен, либо резкий ветер так действует на него. Наконец это прошло, и только много позже я узнал, что его фырканье и сопение имело скрытую цель.

Вскоре мы расчистили проезд. Мы с Райей сказали, что не смеем больше докучать ему, но он настоял на том, чтобы мы зашли к нему в гости выпить горячего кофе и отведать свежеспеченного домашнего пирога с орехами.

Его одноэтажный домик был меньше по размерам, чем тот, что снимали мы, но был в более приличном состоянии, которое поддерживалось почти с навязчивой тщательностью. Куда бы ни упал взгляд, казалось, что туда лишь час назад положили новый слой лака или воска. Хортон надежно и уютно защитился от зимы, установив прочные оконные рамы и дверь на случай непогоды, а также заготовив изрядный запас дров для каменного очага в гостиной, дополнявшего угольную топку.

Мы узнали, что он овдовел почти тридцать лет назад и что отточил свое умение хозяйничать до остроты бритвы. Казалось, он особенно гордится своей стряпней. И его крепкий кофе, и превосходный пирог — хрустящие крупные половинки грецких орехов, которых было очень много и в масляном тесте, и в шоколадной глазури, — указывали на высокое мастерство приготовления основательной, домашней, деревенской еды.

Девять лет назад, по его рассказу, он уволился из депо. Он очень тяжело переживал смерть своей жены Этты, которая скончалась в 1934 году, однако пустота, оставшаяся в его жизни после ее смерти, стала, должно быть, еще большей после увольнения в 1955-м, потому что с тех пор он стал много времени проводить в этом доме, который они построили вместе еще до Первой мировой войны. Ему было семьдесят четыре года, но он вполне мог сойти за хорошо сохранившегося пятидесятичетырехлетнего мужчину. Единственно, что выдавало его возраст, были искореженные работой, жесткие, чуть страдающие артритом руки... и этот невыразимый дух одиночества, неизменно окружающий человека, вся жизнь которого была связана с работой, которой он больше не занимался.

Съев половину своего куска пирога, я сказал, как бы из праздного любопытства:

— Удивительно, что в этих холмах до сих пор так много угольных шахт.

Он ответил:

— Это точно, все роют вглубь и тащат уголь наверх. Я так полагаю, что еще чертовски много народу просто не может себе позволить использовать нефть.

— Не знаю... я прикидывал, что запасы угля в этой части штата уже значительно истощены. Кроме того, добыча угля в настоящее время чаще ведется открытым способом, особенно на западе. Они раскапывают его, вместо того чтобы рыть туннели. Так дешевле.

— А здесь все туннели роют, — ответил Хортон.

— Должно быть, отлично поставлено дело, — заметила Райа. — Каким-то образом им, видимо, удается избегать больших расходов. Я хочу сказать, мы обратили внимание, какие у них новые грузовики.

— Ну, эти «Петербилты»... Угольной компании, — добавил я. — Новенькие такие, аккуратные.

— Это точно, это единственная угольная компания, оставшаяся в этих краях, и я думаю, что дела у них идут неплохо, потому что поблизости нет конкурентов.

Разговоры об угольной компании, казалось, беспокоят его. Впрочем, возможно, мне просто показалось, что он неловко ощущает себя. Я мог приписать ему мое собственное беспокойство.

Я собирался развить эту тему и дальше, но тут Хортон позвал своего пса по кличке Ворчун из угла комнаты, чтобы дать ему кусок орехового пирога, и разговор перешел на преимущества беспородных псов перед породистыми. Ворчун был беспородным псом средних размеров, черного окраса с коричневыми пятнами по бокам и вокруг глаз, со сложной и невообразимо запутанной родословной. Кличку Ворчун он получил за необычно воспитанный и молчаливый собачий нрав и отвращение к лаю. Злобу или настороженность он выражал низким, угрожающим ворчанием, а радость — ворчанием значительно более мягким, сопровождаемым частым вилянием хвостом.

Ворчун подверг нас с Райей, когда мы вошли в дом, пристальному и тщательному исследованию и в конце концов счел нас заслуживающими доверия. Подобное поведение было вполне нормальным для собаки. Необычным было то, как Хортон Блуэтт исподтишка наблюдал за псом, пока тот обнюхивал нас. Казалось, он придает большое значение мнению Ворчуна, как будто нам нельзя было доверять до тех пор, пока мы не получим одобрения дворняги с клоунской мордой.

Ворчун разделался со своим куском пирога и, облизываясь, направился к Райе, чтобы она погладила его, затем перешел ко мне. Он будто понимал, что речь идет о нем и что в глазах каждого из нас он занимает куда более высокое положение, чем все эти породистые чистоплюи с их бумажками от престижных собачьих клубов.

Позднее мне представилась возможность вернуться к разговору об угольной компании

«Молния», и я обратил внимание на странное название и эмблему компании.

— Странные? — переспросил Хортон, нахмурившись. — По-моему, так вовсе не странные. Вы ж понимаете, и уголь, и молния — это виды энергии. А уголь черный — вроде как черная молния. Есть какой-то смысл, разве нет?

В таком ключе я не думал над этим, и смысл здесь был. Тем не менее я знал, что эта эмблема — белое небо, черная молния — таит более глубокий смысл, нежели этот, поскольку я видел ее в центре алтаря. Для демонов это был объект почитания и знак особой важности, мистический и могучий. Хотя я, разумеется, не мог ожидать, чтобы Хортон знал, что это нечто большее, чем эмблема корпорации.

И снова я ощутил, что разговор об угольной компании «Молния» беспокоит его. Он быстро перевел его в другое русло, чтобы избежать, как мне показалось, дальнейших расспросов на столь деликатную тему. На какое-то мгновение, когда он поднес чашку кофе к губам, руки его задрожали и напиток выплеснулся через край чашки. Возможно, это был лишь кратковременный приступ немоции или еще чего-то, вызванного его возрастом. Может быть, эта дрожь ничего не значила. Может быть.

Через полчаса, когда мы отъехали от дома Блуэтта, который стоял на крыльце вместе с Ворчуном, глядя на нас, Райа сказала:

— Славный человек.

— Да.

— Хороший человек.

— Да.

— Только...

— Да?

— У него есть секреты.

— Какие секреты? — спросил я.

— Не знаю. Но даже когда он производит впечатление обычного, прямолинейного, гостеприимного сельского старика, он что-то скрывает. И еще... ну, мне кажется, что он боится угольной компании «Молния».

* * *

Призраки.

В горах мы были подобны призракам и старались быть такими же бесшумными, как призраки. Наши костюмы привидений состояли из утепленных белых лыжных брюк, белых лыжных курток с капюшонами и белых перчаток. Мы продирались через глубокие, по колено, снежные сугробы среди голых холмов, словно совершали трудный переход из страны мертвых. Подобно призракам, шли мы вдоль узкого ущелья, по которому проходило течение замерзшего ручья, быстро и незаметно пробирались среди холодных теней леса. Страстно желая стать бестелесными, мы все же оставляли следы на снегу и время от времени задевали ветви вечнозеленых деревьев, отчего хрупкий, колющий звук эхом разносился по бесконечным коридорам леса.

Мы оставили машину у обочины окружной дороги и прошли пешком около трех миль, пока окольным путем не добрались до устрашающей ограды, тянувшейся по границе владений угольной компании «Молния». В этот день мы намеревались всего лишь провести разведку — поглядеть на главные административные корпуса, выяснить, какое количество транспорта въезжает и выезжает с территории шахт, и отыскать дырку в заборе, через которую смогли бы свободно пробраться на следующий день.

Однако, вплотную подойдя к забору, выстроенному на вершине широкого горного хребта, прозванного Старым кряжем, я засомневался, можно ли вообще проникнуть через него, не говоря уже о том, чтобы сделать это легко. Этот крепостной вал высотой в восемь футов был сооружен из секций мощной цепи длиной в десять футов каждая. Цепи были натянуты между железными столбами, прочно утопленными в бетоне. Наверху ограда была

увенчана витками самой отвратительной колючей проволоки, которую я когда-либо видел. Хотя лед и покрывал колючки в некоторых местах, все равно любой, кто попытался бы перелезть на другую сторону, попал бы в сотню ловушек сразу, а выдираясь из них, оставил бы там частицы своей плоти. Колючая проволока была намотана в три витка, так что никто не смог бы перелезть через цепи ограды. Произвести подкоп в это время года тоже было невозможно — почва промерзла и стала твердой, как камень. Я подозревал также, что и в более теплые месяцы подкоп уперся бы в какой-нибудь невидимый барьер, углубившийся в землю не на один фут.

— Это не просто граница частных владений, — прошептала Райа. — Это полностью оборудованная преградительная полоса, крепостной вал, черт его возьми.

— Ага. — Я говорил так же тихо, как и она. — Если он окружает все тысячи акров, принадлежащие компании, значит, эта ограда тянется как минимум на несколько миль. Такая конструкция... черт, она же стоит дикую кучу денег.

— Нет смысла возводить ее только для того, чтобы случайные прохожие не забрели на территорию шахт.

— Точно. У них тут находится что-то другое, что-то, что им надо охранять.

Мы подошли к ограде со стороны леса, но между лесом и оградой лежало пустое пространство. На снегу, покрывавшем этот голый ровный склон, мы видели множество следов ног, тянувшихся параллельно ограде.

Указав на эти следы, я понизил голос еще сильнее и сказал:

— Похоже, что у них даже постоянный патруль вдоль забора ходит. И охрана, ясное дело, вооружена. Нам придется быть очень осторожными, держать глаза и уши открытыми.

Мы снова набросили на себя мантии призраков и крадучись направились на юг, чтобы обследовать другие части леса.

Мы держали изгородь в поле зрения, но шли достаточно далеко от нее, чтобы не быть замеченными охранниками прежде, чем мы заметим их. Мы направлялись в южную часть Старого кряжа, надеясь оттуда заглянуть вниз, на правление угольной компании. Мы тщательно выяснили путь по подробной карте местности округа, которую купили в магазине спортивных принадлежностей, обслуживающем тех, кто выбирался на выходные на пешие прогулки или устраивал лагерь в лесу.

Чуть раньше, на окружном шоссе, проезжая мимо въезда на территорию «Молнии», почему-то единственного, мы не увидели и следа контор. Холмы, деревья и расстояние скрывали от глаз строения. С дороги нельзя было разглядеть ничего, кроме ворот и будки охранника, возле которой все подъезжающие грузовики должны были останавливаться и подвергаться осмотру, прежде чем им разрешалось въехать. Служба безопасности проявляла просто смехотворную бдительность в том, что касалось добычи угля, и мне стало интересно, как они объясняют такую отгороженность от остального мира.

Возле ворот мы увидели две машины, и в каждой сидели гоблины. Охранник тоже был гоблином.

Сейчас, когда мы пробирались вдоль вершины хребта, лес становился более серьезным препятствием, чем он был до сих пор. На этой высоте лиственные деревья — дубы, клены — уступили место вечнозеленым. Чем дальше мы продвигались, тем больше видели елей и различных пород сосен. Они стояли плотнее, чем раньше, лес на наших глазах будто возвращался в первобытное состояние. Переплетающиеся сучья росли так низко, что порой нам приходилось пригибаться и даже кое-где ползти под живыми, покрытыми иголками решетками, не достающими совсем немного до земли. Под ногами торчали, точно шипы, отмершие сломанные сучья, грозящие пронзить нас насквозь и требующие внимания. В большинстве мест кустарника было немного, потому что не хватало света для его роста. Но там, куда под колючий зеленый полог проникали солнечные лучи, нижний слой растительности состоял из ежевики и вереска, ошетилившегося колючками, острыми, как бритва, и толстыми, как лезвия стилетов.

Наконец, в том месте, где гребень опасно сужался у своего южного конца, мы снова

приблизились к изгороди. Согнувшись в три погибели возле цепей, мы смогли заглянуть вниз, в небольшую долину шириной примерно сотни четыре ярдов и — это мы узнали по карте — полторы мили длиной. Там, внизу, не было деревьев, что царили на вершинах. Вместо них к небу сотнями тянулись голые лиственные деревья, черные, с остроконечными ветками — точно тысячи огромных окаменевших пауков, лежащих на спине и растопыривших свои застывшие конечности. Со стороны окружного шоссе и главного входа двусторонняя трасса компании выходила из леса на обширную поляну, расчищенную для административных зданий, ремонтных гаражей и мастерских угольной компании «Молния». Дорога эта пересекала поляну и вновь исчезала среди деревьев, уводя к шахте, находящейся в миле отсюда, на северном конце долины.

Одно — и двухэтажные здания постройки девятнадцатого века были возведены из камня, потемневшего от времени, от угольной пыли, которую сдувало с проезжавших мимо грузовиков, и от выхлопных газов производства. Сейчас они производили впечатление построенных из угля. Окна были узкие, на некоторых — решетки. Свет флюоресцентных ламп с другой стороны грязного стекла не прибавлял теплоты этим злобным окнам. Шиферные крыши и преувеличенно тяжелые притолоки над окнами и дверными проемами — даже над крупными коробками гаражных ворот — придавали зданиям насупленный и сердитый вид.

Мы стояли бок о бок, Райа и я, наше дымящееся дыхание смешивалось в сверхъестественно спокойном воздухе. Мы глядели вниз на работников угольной компании со все возрастающим беспокойством. Мужчины и женщины входили и выходили из гаражей и мастерских, откуда несся непрерывный лязгающий, клацающий и грохочущий шум работавших механизмов. Все они двигались быстро, словно наполненные энергией и решимостью, как будто все до единого стремились принести хозяевам не меньше ста десяти процентов прибыли за свое жалованье. Не было ни одного бездельника или лодыря, никто не прохладился на свежем воздухе, наслаждаясь сигаретой, прежде чем вернуться на рабочее место. Даже те, кто был в костюмах и при галстуках, — очевидно, руководящие работники и прочие «белые воротнички», которые могли бы в принципе и не так спешить, а ходить с сознанием своего высокого положения, — даже они сновали между своими автомобилями и мрачными административными корпусами, не останавливаясь, явно горя служебным рвением.

Все они были гоблины. Даже на таком отдалении я не сомневался в их принадлежности к этому демоническому братству.

Райа тоже почувствовала их истинную сущность. Прошептала:

— Если Йонтсдаун — место их гнездования, тогда это — гнездо внутри гнезда.

— Улей, черт его возьми, — согласился я. — И все жужжат вокруг него, словно трудовые пчелы.

Время от времени грузовик, груженный углем, с ворчанием двигался с севера, пробираясь среди облетевших деревьев по дороге, делящей поляну на две части, в другой конец леса, по направлению к воротам. По другой стороне шли пустые машины — к шахте, на погрузку. Водители и их помощники все были гоблины.

— Что они здесь делают? — поинтересовалась Райа.

— Что-то важное.

— А что?

— Что-то, что не обещает ничего хорошего ни нам, ни всему нашему роду. И я думаю, что центр этого вовсе не в тех зданиях.

— А где тогда? В самой шахте?

— Точно.

Мрачный, еле пробивающийся сквозь тучи свет быстро слабел. Приближался ранний зимний вечер.

Ветер, которого не было целый день, вернулся, полный энергии, изрядно посвежевший за время своего отдыха. Он свистел среди цепей ограды и гудел в ветвях елей и сосен.

Я сказал:

— Нам надо будет прийти сюда завтра пораньше с утра и пройти как можно дальше на север вдоль ограды, чтобы взглянуть на самую шахту.

— И ты прекрасно знаешь, что будет потом, — мрачно сказала Райа.

— Да.

— Мы не сможем увидеть достаточно, так что нам придется отправиться внутрь.

— Возможно.

— Под землю.

— Думаю, да.

— В туннели.

— Ну...

— Как во сне.

Я ничего не ответил.

Она сказала:

— И как во сне, они обнаружат, что мы там, и отправятся в погоню за нами.

До того, как темнота смогла поймать нас в ловушку на гребне, мы покинули ограду и направились обратно — вниз, по направлению к окружающему шоссе, на котором оставили автомобиль. Темнота как будто била ключом из-под корней деревьев, капала соком с тяжелых ветвей сосен и елей, сочила из каждого спутанного куста. К тому времени, когда мы вышли на открытые места и склоны, мерцающее одеяло снега было светлее, чем небо. Мы разглядели свои собственные старые следы. Они казались ранами на этой алебастрово-белой коже.

Когда мы дошли до машины, начал падать снег. Пока что редкие снежинки. Они витками спускались на землю со стремительно темнеющих небес, точно хлопья пепла, слетающие с давно обгорелых балок потолка. Однако в страшной тяжести, повисшей в воздухе, и в лютом холоде скрывалось не поддающееся описанию, но несомненное предзнаменование грядущей сильной бури.

* * *

Все время, пока мы ехали домой на Яблоневою тропу, снег шел не переставая. Он падал крупными хлопьями, которые кружили неустойчивые потоки ветра, еще не набравшего полную силу. Снег покрывал дорогу матовой пеленой, и мне почти казалось, что черная щебенка — на самом деле толстый слой стекла, а покрывала снега — просто занавеси, и мы едем по огромному окну, рвем шинами колес занавеси и давим на стекло, хотя оно и толстое. Это было окно, которое, возможно, отделяло этот мир от иного. В любой момент окно могло треснуть, и мы провалились бы в геенну.

Мы поставили машину в гараж и вошли в дом через кухонную дверь. Всюду была темнота и тишина. Мы зажигали свет, проходя мимо комнат и направляясь вверх, чтобы переодеться. Потом мы намеревались поужинать.

Но в нашей спальне, в кресле, которое он отодвинул в самый затененный угол комнаты, сидел и поджидал нас Хортон Блуэтт.

Ворчун был с ним. Я заметил сверкающие глаза собаки за долю секунды до того, как щелкнул выключателем, слишком поздно, чтобы отдернуть руку.

У Райи перехватило дыхание.

У обоих из нас под утепленными лыжными куртками были пистолеты с глушителем, а у меня был нож, но всякая попытка применить это оружие привела бы к немедленной нашей смерти.

Хортон держал в руках дробовик, который я купил у Скользящего Эдди несколько дней назад. Он направил ствол на нас. Разброс дробы из этого ружья способен был уложить нас на месте одним залпом, самое большее — двумя.

Хортон отыскал и большую часть остальных вещей, которые мы тщательно спрятали.

Это свидетельствовало о том, что он обстоятельно обыскивал дом, пока мы были на Старом кряже. Перед ним по полу были разложены предметы, которые достал для меня Скользящий Эдди: автоматическая винтовка, коробки с патронами, восемьдесят килограммов завернутой в бумагу пластиковой взрывчатки, детонаторы, ампулы с пентоталом соды и шприцы.

Лицо Хортон выглядело старше, чем тогда, когда мы в первый раз встретили его днем. Он выглядел почти на свой истинный возраст. Он произнес:

— Кто вы такие, ребята, черт побери?

26

Всю жизнь в камуфляже

В свои семьдесят четыре года Хортон Блуэтт не сломался под тяжестью лет и не боялся близости смерти, поэтому он производил устрашающее впечатление, сидя там, в углу, рядом со своим верным псом. Он был крутым и прочным — человек, который безжалостно расправлялся со своими противниками, человек, который ел все, что ни швыряла ему жизнь, выплевывал то, что было не по вкусу, и переваривал остальное, употребляя его на то, чтобы стать сильнее. Его голос не дрожал, а рука уверенно лежала на предохранителе дробовика, и глаза не отрывались от нас. Я предпочел бы схватиться с любым мужчиной на полсотни лет моложе Хортон, чем с ним.

— Кто? — повторил он. — Кто вы, ребята? Вы не парочка студентов-геологов, которые работают над диссертацией. Этой сказкой потчуйте дурачков. Кто вы на самом деле и что вы здесь делаете? Сядьте оба на край кровати, сядьте лицом ко мне и положите руки на колени, между коленей. Вот так. Правильно. Не делайте резких движений, слышите меня? А теперь рассказывайте мне все, что у вас есть рассказать.

Несмотря на очевидно серьезное подозрение, побудившее его пойти на такой экстраординарный шаг, как насильственное проникновение в чужой дом, несмотря на все, что он обнаружил в тайниках, Хортон все еще хорошо к нам относился. Он был очень насторожен, ему были чрезвычайно интересны наши мотивы, но он не считал, что дружеское соседство было уже перечеркнуто тем, что он отыскал. Я чувствовал это все, и, учитывая обстоятельства, я был поражен сравнительно добрым настроением, которое ощутил в нем. Мои ощущения подтверждало и отношение к нам собаки. Ворчун был бдительный, но не открыто враждебный и не ворчал. Хортон, разумеется, застрелил бы нас, сделай мы хоть одно резкое движение. Но он не хотел этого.

Мы с Райей рассказали ему практически все о себе и о причинах, побудивших нас приехать в Йонтсдаун. Пока мы говорили о гоблинах, которые скрываются под масками людей, Хортон Блуэтт то и дело мигал и несколько раз пробормотал: «Господи». Почти также часто он повторял: «Ну ты только подумай». Он задал несколько проверочных вопросов, касающихся самых невероятных эпизодов нашего рассказа, но ни разу не подал виду, что сомневается в нашей правдивости или что считает нас сумасшедшими.

В свете нашего рассказа, способного разъярить кого угодно, его невозмутимость даже действовала на нервы. Деревенские жители вечно гордятся своим спокойным, сдержанным поведением, так отличающимся от поведения большинства горожан. Но это была деревенская невозмутимость, доведенная до крайности.

Через час, когда нам больше не в чем было сознаваться, Хортон вздохнул и положил дробовик на пол возле своего кресла.

Поняв намек хозяина, и Ворчун оставил свой наблюдательный пост.

Мы с Райей тоже расслабились. Она находилась в более напряженном состоянии, чем я, — возможно, потому, что не могла распознать ауру добрых намерений и доброй воли Хортон Блуэтта. Сдержанной и осторожной доброй воли, но все же доброй.

Хортон сказал:

— Я сразу определил, что вы особенные, в тот самый момент, когда вы подошли к моему проезду и предложили помочь разгрести снег.

— Как? — поинтересовалась Райа.

— Унюхал, — ответил он.

Я тут же понял, что он не выражается фигурально, что он на самом деле унюхал нашу непохожесть. Я припомнил, что при первой встрече он сопел и фыркал, словно страдая от простуды, но ни разу не высморкался.

— Я не могу видеть их так ясно и легко, как это выходит у вас, — сказал Хортон, — но с тех самых годков, когда я был ребенком, встречались мне люди, которые плохо пахли для меня. Не знаю, как это точно объяснить. Это вроде того, как пахнут очень, очень старые вещи, древние вещи: понимаете... как пыль, которая скапливалась сотни и сотни лет где-нибудь в укромной глубокой могиле... но не совсем как пыль. Как спертый воздух, но не совсем как спертый воздух. — Он нахмурился, пытаясь найти слова, чтобы мы поняли. — И в их запахе есть горечь, непохожая на горечь пота или на какой другой запах тела, какой вам доводилось нюхать. Может быть, что-то наподобие уксуса, но не то. Вроде как нашатырный спирт чуть попахивает... нет, нет, тоже не то. У некоторых из них слабый запах, так, пощекочет ноздри, подразнит — зато от других просто смердит. И говорит мне этот запах — он мне всегда говорит одно и то же, с тех пор, как я был сопляком, — что-то вроде: «Держись подальше от него, Хортон, он скверный, очень плохой, следи за ним, будь осторожен, остерегайся, остерегайся».

— Невероятно, — сказала Райа.

— Это правда, — ответил Хортон.

— Я верю этому, — ответила она.

Теперь я понял, почему он не считал нас сумасшедшими и почему с такой готовностью принял наш рассказ. Наши глаза говорили нам то же самое, что ему говорил его нос, поэтому в основе своей наш рассказ выглядел для него правдивым. Я сказал:

— Выходит так, что вы обладаете своего рода обонятельным вариантом психического дарования.

Ворчун гавкнул, словно выражая свое согласие, затем лег и положил голову на лапы.

— Уж не знаю, как ты это назовешь, — сказал Хортон. — Все, что я знаю, — это у меня было всю жизнь. С ранних лет я мог доверять своему нюху, когда он говорил мне, что тот или иной — мерзкая гадина. Потому что, как бы они приятно ни выглядели, как бы прилично себя ни вели, я видел, что большинство людей, окружающих их, — соседи, жены, мужья, дети, друзья — всегда выглядят так, словно жизнь с ними обходится круче, чем надо бы. Я хочу сказать... те, которые дурно пахли... они, черт возьми, каким-то образом приносили с собой несчастье, не себе несчастье, а несчастье для других. И слишком уж много их друзей и родных умирали слишком молодыми и слишком страшной смертью. Хотя, разумеется, никогда нельзя было ткнуть в них пальцем и заявить, что они ответственны за это.

Приняв как должное то, что она, очевидно, свободна, Райа расстегнула «молнию» на лыжной куртке и выскользнула из нее.

Она сказала:

— Но вы сказали нам, что унюхали что-то особенное в нас, значит, вы способны распознавать не только гоблинов.

Хортон покачал седой головой.

— В жизни не мог до того момента, как вас двоих повстречал. Я там мигом уловил какой-то особый аромат в вас, нечто такое, чего раньше никогда не унюхивал. Что-то почти такое же странное, как когда я сталкиваюсь с этими, которых вы зовете гоблинами... только другое. Трудно описать. Почти как такой резкий, чистый запах озона. Понимаете, о чем я толкую... озона, как после сильной грозы, после молний, такой свежий аромат, совсем не противный. Свежий. Свежий аромат, из-за которого возникает ощущение, что в воздухе до сих пор осталось невидимое глазу электричество, что оно потрескивает разрядами, и они идут прямо сквозь тело, заряжая тебя энергией и прогоняя из тебя всю усталость и грязь.

Расстегивая куртку, я поинтересовался:

— Вы и сейчас чувствуете этот запах, как и тогда, когда в первый раз нас увидели?

— Еще бы. — Он медленно потер свой красный нос большим и указательным пальцами руки. — Я, видишь ли, учуял его аккуратно в тот момент, как вы открыли дверь внизу и вошли в дом. — Он неожиданно осклабился, гордясь своим необыкновенным даром. — А тогда еще, разнюхивая вас, я сказал себе: «Хортон, эти ребятки непохожи на прочих людей, но это не плохая непохожесть». Нос, он знает.

На полу рядом с креслом Хортон Ворчун издал ворчащий звук, идущий из глубины горла, и его хвост мотнулся туда-сюда по коврику.

Я понял, что необычайная близость этого человека к своей собаке — и собаки к нему — должно быть, связана с тем, что у обоих самым мощным и надежным из пяти чувств был нюх. Странно. Едва лишь эта мысль пришла мне в голову, я увидел, как человек поднял руку с ручки кресла, чтобы протянуть ее к псу и потрепать его, и пес в тот же самый миг поднял свою тяжелую башку, чтобы его погладили, в то самое мгновение, как шевельнулась рука. Как будто собачье желание ласки и намерение человека приласкать собаку каким-то образом распространяли смутные ароматы, которые каждый из них распознавал и на которые отреагировал. Между ними существовала сложная форма телепатической связи, основанной не на передаче мыслей, а на распространении и быстром понимании сложных запахов.

— Ваш запах, — сказал Хортон нам с Райей, — не производил впечатление зла, как в случае с вонью этих... гоблинов. Но он меня не беспокоил, поскольку отличался от всего, что я когда-либо нюхал. А потом вы начали все разузнавать, выведывать у меня информацию, стараясь делать безразличный вид, задавать вопросы об угольной компании «Молния», и это меня не на шутку напугало.

— Почему? — спросила Райа.

— Потому что, — ответил ей Хортон, — с середины пятидесятых, когда компанию выкупили у прежних владельцев и переименовали, все новые работники «Молнии», с которыми я сталкивался — каждый последний работяга, — смердили до небес! За последние семь-восемь лет я решил, что это дурное место — и компания, и шахты эти, — и я гадал, что за чертовщина там творится.

— Вот и мы гадаем, — сказала Райа.

— И собираемся это выяснить, — добавил я.

— В общем, — закончил он, — я опасался, что вы можете представлять для меня опасность, что вы можете замышлять что-нибудь мерзкое по отношению ко мне, так что мой приход сюда и разнюхивание ваших дел были просто актом самозащиты.

* * *

Спустившись вниз, мы все вместе приготовили обед, пустив в ход нехитрые продукты, которые у нас имелись, — пожарили яичницу, порезали колбасу, приготовили жаркое и тосты.

Райа забеспокоилась, чем кормить Ворчуна, постоянно облизывающегося, пока кухня наполнялась восхитительными ароматами.

Но Хортон сказал:

— Ну, мы просто дадим ему четвертую тарелку, то же самое, что сами будем есть. Говорят, это вредно для здоровья собаки, если она ест то же, чем питаются люди. Но я всегда его так кормил, и, глядя на него, не скажешь, что ему эта еда пошла во вред. Поглядите на него — да он рысь догонит и обгонит. Дай ему яичницы, колбасы, жаркого — только тоста не надо. Тост для него слишком сухой. Он любит булочки с черникой, яблоком, особенно с голубикой, если в них много ягод и если они хорошо пропитались.

— Жаль, — сказала Райа, явно изумленная. — Булочек-то у нас и нет.

— Тогда он уплетет все остальное, а я, как домой вернемся, побалую его пирожком из овсянки или чем-нибудь еще.

Мы поставили Ворчуну тарелку на пол возле задней двери, а сами сели за столом на кухне.

Снег — по-прежнему кружащийся пышными хлопьями, увеличивающими сугробы лишь на доли дюйма в час, — кругами сыпался из темноты и скользил вдоль окон. Хотя снег был светлым, сильный ветер лепил из него подобия волков, поездов и пушечных залпов в ночи.

За ужином мы узнали много нового о Хортоне Блуэтте. Благодаря своему странному дару вынюхивать гоблинов — назовем это хоть «яснонюханьем» — он прожил относительно безопасную жизнь, избегая демонов, если это было возможно, и обращаясь с ними с величайшей осторожностью, если избежать общения с ними не удавалось. Его жена Этта умерла в 1934 году, не от лап гоблинов, а от рака. Ей было сорок лет, когда она умерла, а Хортону сорок четыре, но детей они не имели. Его вина, сказал он, он был бесплоден. Годы, что он прожил с женой, были так хороши, их связь была такой неразрывной, что он так и не нашел другую женщину, которая подошла бы ему и ради которой он захотел бы потушить свет памяти об Этте. Последние тридцать лет он прожил главным образом с тремя псами, последним из которых был Ворчун.

С любовью глядя на дворнягу, которая в углу до блеска вылизывала свою тарелку, Хортон сказал:

— С одной стороны, я надеюсь, что мои старые кости лягут в гроб прежде, чем он сдохнет, потому что мне будет страшно тяжело хоронить его. Очень тяжело было с первыми двумя — Чертом и Драчуном, но еще тяжелее будет с Ворчуном, потому что это лучший пес, какой когда-либо был. — Ворчун поднял морду от тарелки и помотал головой в сторону хозяина, словно понимая, что его только что похвалили. — С другой стороны, мне бы не хотелось помереть прежде него и оставить его на милость мира. Он заслуживает хорошей жизни.

Пока Хортон с нежностью глядел на своего пса, Райа поглядела на меня, а я на нее, и я понял, что она думает почти то же, что и я: Хортон Блуэтт был не просто хорошим человеком, но и необычайно стойким и уверенным в себе. Всю свою жизнь он знал, что мир полон людей, чья цель — причинять боль другим, понимал, что Зло с большой буквы бродит по свету в самых что ни на есть реальных и телесных формах, но он не стал параноиком и не превратился в угрюмого затворника. Жестокая прихоть природы забрала у него горячо любимую жену, но он не ожесточился. Последние тридцать лет он прожил один, если не считать его трех псов, но не стал чудачком, как это происходит с большинством людей, чья основная привязанность — их домашние питомцы.

Он был вдохновляющим примером силы, решимости и несокрушимой гранитной крепости человеческого рода. Несмотря на тысячи лет страданий от гоблинов, наш род все еще был в состоянии рождать на свет таких достойных восхищения личностей, как мистер Хортон Блуэтт. Такие, как он, — веский аргумент в пользу нашей ценности как рода.

— Ну, — спросил он, переключая свое внимание с Ворчуна на нас, — и какой же будет ваш следующий шаг?

— Завтра, — сказала Райа, — мы вернемся на холмы и пройдем вдоль ограды угольной компании «Молния» до тех пор, пока не отыщем места, откуда сможем увидеть вход в шахту и поглядеть, что там творится.

— Не хотелось бы вас разочаровывать, но такого удобного места не существует, — сказал Хортон, вытирая последнее пятнышко яичного желтка последним кусочком тоста. — По крайней мере, вдоль периметра. И думаю, что это не случайно. Полагаю, они специально сделали так, чтобы никто не мог увидеть вход в шахты, находясь за пределами их территории.

— Вы так говорите, словно ходили и смотрели, — заметил я.

— Именно так, — ответил он.

— А когда?

— Ну, я так думаю, это случилось где-то года через полтора после того, как новые хозяева — гоблины, как вы их называете — завладели компанией, изменили ее название, а затем принялись возводить эту чертову ограду. Я к тому времени уже начал примечать, что

многих хороших людей, которые проработали там всю жизнь, мало-помалу стали выбрасывать на свалку раньше времени, до срока отправлять на пенсию. Пенсии, правда, были хорошие, щедрые, чтобы не возмутились профсоюзы. А все, кого нанимали, до последнего работяги, были из той породы, что воняет. Это меня напугало, потому что, ясное дело, это было признаком того, что эти ребята могут распознать своих, что они знают, что они не такие, как мы, и что они собираются группами, чтобы замышлять свои черные дела. Ну и, ясное дело, раз я жил здесь, я захотел знать, что за черные дела замышляются в угольной компании «Молния». Поэтому я поднялся в горы посмотреть и прошел вдоль всей длины этой чертовой ограды. Так я и не смог ничего увидеть и не хотел рисковать и перелезать на другую сторону, чтобы разнюхать там. Как я вам уже сказал, я всегда был очень осторожен с ними, старался держаться от них подальше. Никогда и подумать не мог, что мог бы иметь с ними дело, так что было ясно как день — глупо перелезать через их ограду.

Райа выглядела изумленной. Отложив вилку, она спросила:

— И что же вы тогда сделали? Просто посадили любопытство на цепь?

— Ага.

— Так просто?

— Вовсе не просто, — ответил Хортон. — Но ведь мы все прекрасно знаем, что именно погубило кошку, не так ли?

— Повернуться спиной к такой загадке... для этого нужна была сила воли, — заметил я.

— Ничего подобного, — ответил он. — Страх — вот и все, что нужно было. Я перепугался. Просто и незатейливо струсил.

— Вы не похожи на человека, который легко или часто пугается, — сказал я.

— Только не надо меня идеализировать, сынок. Не тяну я на загадочного старого горца. Я тебе правду сказал — я всю жизнь с подозрением относился к ним и боялся их. Поэтому я втянул голову под панцирь и делал все возможное, чтобы они не обратили на меня внимания. Можно сказать, что я прожил всю жизнь в камуфляже, стараясь сделаться невидимкой, так что я не собираюсь в один прекрасный день натянуть ярко-красные штаны и начать размахивать руками, чтобы меня заметили. Я осторожный, потому-то я и дожил до того, что стал сварливым старым чудаком, сохранившим все зубы и все мозги.

Ворчун, вылизав дочиста свою тарелку, перекатился на бок и всем своим видом давал понять, что не прочь вздремнуть. Но неожиданно он вскочил и навалился на окно. Положив передние лапы на подоконник и прижав черный нос к оконному стеклу, он уставился наружу. Возможно, он просто взвешивал все «за» и «против» того, чтобы выйти в эту бурную ночь опорожнить мочевой пузырь. А может, что-то там за окном привлекло его внимание.

Хотя у меня не было ощущения надвигающейся опасности, я решил, что будет благоразумно быть настороже, прислушиваясь к посторонним звукам, и быть наготове, чтобы действовать быстро.

Райа отодвинула в сторону тарелку, взяла бутылку пива, отхлебнула и поинтересовалась:

— Хортон, а как вообще новые владельцы шахт объяснили необходимость ограды и прочих мер безопасности, которые они установили?

Он обхватил костистыми, изуродованными работой руками свою бутылку.

— Ну, до того, как прежние владельцы были вынуждены объявить о продаже компании, на этих землях за один год произошло три смерти. Компании принадлежат тысячи акров земли, и кое-где туннели проходят слишком близко от поверхности, что порождает определенные проблемы. Вроде воронок, которые появляются там, где верхний слой фунта медленно — а иногда и быстро — усаживается, а потом проваливается в пустоты, оставшиеся от шахт глубоко внизу. А еще кое-где есть старые шахтные стволы, совсем обветшалые, которые могут обвалиться прямо под ногами человека и просто проглотить его. Земля разверзается — ам! — как жаба муху глотает.

Ворчун наконец оторвался от окна и плюхнулся обратно в угол, свернувшись клубком.

Ветер пел за окнами, свистел под карнизами, плясал на крыше. Ничего угрожающего не

было слышно.

Но я оставался настороже, ловя незнакомые звуки.

Откинув свое большое, костистое тело на спинку кухонного стула, Хортон продолжал:

— Ну, как бы там ни было, один парень по имени Фрэнк Тайлер, охотясь как-то на оленей на землях угольной компании, оказался настолько невезучим, что провалился в старый заброшенный туннель. Сломал себе обе ноги, так потом говорили. Звал на помощь, все горло небось прокричал, но никто его не услышал. К тому времени, как поисковая группа нашла его, он уже был два или три дня как мертв. За несколько месяцев до того пара местных ребятишек, каждому лет по четырнадцать, отправилась туда поиграть в следопытов — чего ждать от детей? — и с ними вышла та же самая штука. Провалились сквозь потолок старого туннеля. Один сломал себе руку, другой лодыжку. Видно было, что они всячески старались выкарабкаться обратно на свет божий, но у них ничего не вышло. Спасатели нашли их уже мертвыми. Вот, а потом вдова охотника и родители парнишек подали в суд на компанию, и яснее ясного было, что они выиграют дело, причем получают кругленькую сумму. И владельцы компании решили уладить дело без суда, что они и сделали. Но, чтобы заплатить, им пришлось продать свои акции.

Райа продолжила:

— А продали они свои акции некоему товариществу, состоящему из трех человек — Дженсена Оркенвольда, Энсона Кордэи, владельца газеты, и мэра Спекторски.

— Ну, он тогда не был мэром, хотя и стал им впоследствии, это точно, — кивнул Хортон. — И все трое, которых вы назвали, воняли гоблинским духом.

— Которым от прежних владельцев и не пахло, — ввернул я.

— Точно так, — сказал Хортон. — Прежние владельцы — да, они были людьми и ничем больше — ни лучше, ни хуже, чем большинство прочих, и, уж конечно, не из этих вонючих. В общем, я так думаю — вот почему соорудили эту ограду. Новые владельцы заявили, что не хотят повторения подобных судебных разбирательств. И хоть многие считают, что они переборщили с этой оградой, большинство народа видит в ней добрый знак — чувство социальной ответственности.

Райа посмотрела на меня. Ее голубые глаза затуманились от гнева и от жалости.

— Охотник... мальчики... это не несчастные случаи.

— Да, не похоже, — согласился я.

— Убийства, — продолжала она. — Часть плана, направленного на то, чтобы сломать владельцев шахт и заставить их продать компанию, чтобы гоблины могли прибрать ее к рукам для... для того, что они там замышляют, что бы это ни было.

— Скорее всего, — кивнул я.

Хортон Блуэтт моргнул — на Райю, на меня, на Ворчуна, на бутылку пива у себя в руках, затем вздрогнул — словно моргание спровоцировало ответную реакцию дрожи в мышцах и костях.

— Никогда не думал, что мальчики, охотник... Ну, черт возьми, охотник этот был Фрэнк Тайлер, я его знал, и мне и в голову не приходило, что его могли убить. Даже потом, когда уже все было улажено без суда, когда я заметил, что люди, взявшие в свои руки компанию, — все из числа скверных типов. А сейчас, когда вы это заявляете, все кажется чертовски верно. Почему я сам этого раньше не замечал? Неужто на меня помрачение на старости лет находит?

— Нет, — успокоила его Райа. — Что-что, но не помрачение. Вы просто не замечали этого, потому что стали чрезвычайно осторожным человеком, но, кроме того, вы еще и порядочный человек. Поэтому, если бы вы заподозрили убийство, вы бы почувствовали себя обязанным что-нибудь сделать. На самом деле, вы, скорее всего, заподозрили правду, но глубоко подсознательно, и не позволили этой мысли проникнуть на уровень сознания, потому что в этом случае вы были бы обязаны как-то действовать. А действия не привели бы ни к чему хорошему — только гарантировали бы убийство вас самого.

Я продолжал:

— А может быть, вы ничего не заподозрили потому, что вы, Хортон, не можете видеть зло этих тварей, как видим мы. Для вас их чуждая натура очевидна, но не настолько, чтобы вы могли увидеть, насколько они организованы, насколько целеустремленны и безжалостны.

— И все же, — возразил он, — думаю, я обязан был заподозрить. Страшно меня нервирует, что этого не произошло.

Я извлек из холодильника свежее пиво, открыл бутылки и поставил их на стол. Хотя снежные хлопья мягко ложились на оконное стекло, а ветер все высвистывал на своей флейте леденящую музыку, холодное пиво было нам всем в радость.

Некоторое время все молчали.

Каждый вел беседу со своими мыслями.

Ворчун фыркнул и передернулся, бляшки на его ошейнике нестройно зазвякали. Затем он снова опустил голову.

Мне подумалось, что пес все это время дремал, но, и отдыхая, был настороже.

Наконец Хортон сказал:

— Вы твердо намерены поближе взглянуть на шахты.

— Да, — ответил я, и Райа сказала:

— Да.

— И отговорить вас от этого ну никак? — продолжал Хортон.

— Нет, — ответила Райа, и я сказал:

— Нет.

— Осторожности вас, молодых, не научить, — сказал он.

Мы согласились с тем, что заражены глупостью молодости.

— Ну что ж, — сказал Хортон. — Полагаю, я бы мог вам немного помочь. Полагаю, что я просто должен, потому что иначе они просто сцапают вас, когда вы будете болтаться возле ограды, и развлекутся с вами.

— Помочь? — переспросил я. — Как?

Он глубоко вздохнул. Ясные темные глаза сделались как будто еще яснее от его решимости.

— Не стоит вам утруждать себя тем, чтобы пытаться заглянуть в ствол шахты или на оборудование — выбросьте это из головы. Все равно, скорее всего, ничего ценного не увидите. Сдается мне, что важные вещи — что бы они там ни прятали — находятся глубоко внутри шахт, под землей.

— Мне тоже так кажется, — согласился я, — но...

Он поднял руку, давая мне понять, чтобы я замолчал, и сказал:

— Я могу показать вам путь, как прошмыгнуть к ним, через всю их охрану, в самую сердцевину действующих шахт «Молнии». Вы сможете своими глазами вблизи увидеть, чем они там занимаются. Правда, порекомендовать вам это — то же, что посоветовать положить руки на циркулярную пилу. Я считаю, что вы слишком храбры для самих себя, слишком захвачены романтикой того, что вам кажется благородным делом, слишком быстро решили, что нет вам жизни, если отступите, слишком ошалели, чтобы принять во внимание эти маленькие моторчики самосохранения, которые стучат внутри вас.

Мы с Райей заговорили одновременно.

И снова он прервал нас, подняв крупную жесткую руку.

— Не поймите меня неправильно. Я восхищаюсь вами. Вроде того, как вы восхищались бы идиотом, решившим преодолеть Ниагарский водопад в бочке. Вы прекрасно знаете, что водопаду он ничего не сделает, в то время как водопад вполне может с ним что-нибудь сотворить, но он идет на это, потому что видит в этом вызов. А это — одна из тех вещей, которые отличают нас от животных: наше стремление принимать вызов, держать пари, даже если ставки настолько велики, что мы просто не сможем тягаться, и даже если мы и побьем эти ставки, толку от того все равно не будет. Это вроде как поднимать к небу кулак и потрясать им, угрожая богу, если он не исправит тут же некоторые ошибки творения и не даст нам лучшей жизни. Глупо, может быть, может, даже бессмысленно, но смело и по-

своему на пользу.

Мы допили по второй бутылке пива каждый. Хортон отказался сказать нам, как он проведет нас в угольную компанию «Молния». Он сказал, что будет пустой тратой времени выкладывать все сейчас, поскольку утром ему все равно придется все нам показать. Он сказал только, чтобы мы были готовы пуститься в путь на рассвете, когда он зайдет за нами.

— Послушайте, — сказал я, — мы вовсе не хотим втягивать вас в это дело настолько сильно, чтобы вас засосало вместе с нами.

— Тебя послушать, так ты просто уверен, что вас засосет.

— Ну, если нас вправду засосет, я не хочу быть ответственным за то, что вы попадете в водоворот.

— Не волнуйся, Слим, — ответил он. — Сколько раз вам повторять? Я ношу осторожность, как пиджак.

Без двадцати десять вечера он покинул нас, отклонив несколько раз повторенное предложение подвезти его. Он пришел к нам в дом пешком, чтобы не возникла необходимость прятать машину. Теперь он пешком отправится домой. И он упорно повторял, что ждет не дождется этой «маленькой прогулки».

— Хороша прогулка, — возразил я. — Путь неблизкий, да еще ночью, да в такой холод...

— Ворчун сгорает от нетерпения, — ответил Хортон, — а мне бы не хотелось разочаровывать его.

И в самом деле, пес, как видно, чуть не рвался в холод ночи. Он вскочил и поспешил к двери в тот самый миг, как Хортон поднялся со стула. Он вилял хвостом и ворчал от удовольствия. Возможно, причиной его радостного ожидания был не свежий ночной воздух или прогулка. Возможно, после того, как он целый вечер делил с нами общество своего обожаемого хозяина, он радовался, предвкушая, что больше не будет делить его ни с кем.

Стоя у открытой двери и натягивая перчатки — мы с Райсей в это время тесно прижимались друг к другу на холодном ветру, дувшем из-за его спины, — Хортон пристально поглядел на лениво кружащиеся хлопья снега и сказал:

— Небо что твой котел, пытающийся взорваться. Чувствуете, какое давление в воздухе? А когда он взорвется, тут будет настоящий буран, уж это точно. Последний в этом году, последний снег в эту зиму — зато какой!

— Когда? — спросил я.

Он нерешительно помолчал, будто спрашивая свои старые кости, что они думают про погоду.

— Скоро, но не слишком скоро. Снег будет сыпать с перерывами всю ночь, и до утра снег даже на дюйм не поднимется. А потом... потом он придет, сильный буран, где-то до завтрашнего полудня.

Он поблагодарил нас за ужин и за пиво — так, словно у нас был обычный соседский ужин и проведенный вместе вечерок. И вместе с Ворчуном шагнул в предгрозовую тьму. Через несколько секунд он исчез из виду.

Я закрыл дверь, и Райа сказала:

— Старик — это что-то, а?

— Что-то, — согласился я.

Позже, в постели, когда свет уже был потушен, она сказала:

— Знаешь, он сбывается. Тот сон.

— Да.

— Завтра мы идем в шахты.

— Хочешь отменить? — спросил я. — Можем просто вернуться в Джибтаун, домой.

— Ты этого хочешь? — спросила она.

Я поколебался. Затем:

— Нет.

— Я тоже.

— Уверена?
— Уверена. Только... обними меня.
Я обнял ее.
Она обняла меня.
Жребий обнял нас обоих. Мертвой хваткой.

27

Двери в ад

Утром, перед рассветом, снежные хлопья все так же нерешительно падали на землю, а приближающийся буран словно застрял в опускающемся все ниже небе.

Рассвет тоже пришел с неохотой. Слабая нитка тусклого серого света возникла над неровными зубцами гор, стоящих крепостными валами вдалеке, на востоке. Еще несколько унылых нитей добавил полумрак рассвета — они были ненамного светлее темноты, которую пересекали. К тому времени, когда Хортон Блуэтт приехал на своем полноприводном «Додже»-пикапе, легкая ткань нового дня была все еще настолько тонка, что казалось, вот-вот порвется и улетит с ветром, оставив мир в вечной темноте.

Он не взял с собой Ворчуна. Без собаки мне стало грустно. Хортону тоже было грустно. Без Ворчуна старик выглядел каким-то... неполным.

Мы все трое удобно разместились в кабине грузовичка, Райа села между Хортоном и мной. Под ногами у нас было достаточно места для двух вещмешков, битком набитых снаряжением, включая и сорок из восьмидесяти килограммов пластиковой взрывчатки. Было место и для наших ружей.

Я не знал, сможем ли мы и в самом деле проникнуть в шахты, как нам обещал Хортон. Но даже если мы и попадем внутрь, мы скорее всего обнаружим там что-то, из-за чего потребуются тайком выбраться оттуда и потихоньку убраться, чтобы получить время поразмыслить над обнаруженным и спланировать свой следующий шаг. Вероятность того, что взрывчатка потребуются нам прямо сегодня, была невелика. Однако, основываясь на собственном прежнем опыте столкновений с гоблинами, я был готов к худшему.

Фары пикапа пробивали себе туннель в угольно-черной плоти не желающей отступить ночи. Мы проехали по одному окружному шоссе, затем по другому — наверх, в узкие горные долины, куда рассвет-обманщик не дотянулся еще ни одним тусклым мерцающим лучом.

Снежинки, крупные, как полдолларовые монеты, кружились в свете фар. Пока немногие снежинки. Эти скромные сокровища скользили по дорожному покрытию, словно монеты, катящиеся по столу.

— И мужчиной, и юношей, и ребенком, — сказал Хортон, сидящий за рулем, — всю свою жизнь я прожил здесь. Акушерка приняла меня в домике моих стариков прямо здесь, в этих холмах. Это было в 1890 году — для вас это, должно быть, такая старина, что вы меня спросите — водились ли еще в те дни динозавры. Ну, как бы там ни было, я вырос здесь, изучил эту землю, узнал холмы, поля, леса, горы и овраги так же хорошо, как собственное лицо в зеркале. В этих горах добывают уголь аж с 1830-х, и повсюду полно заброшенных шахт — в некоторые вход закрыли, в другие нет, и так везде. Штука в том, что некоторые шахты связаны друг с другом, так что там под землей существует нечто вроде лабиринта. В детстве я был заядлым спелеологом. Обожал пещеры, старые шахты. Страху не ведал. Может, потому я так бесстрашно и исследовал пещеры, что к тому времени уже узнал, разнюхал всех плохих людей — гоблинов — вокруг меня, понял, что должен быть осторожным в этом большом мире. Всю жизнь быть осторожным. Поэтому я в той или иной степени был вынужден компенсировать обычную для мальчишек тягу к приключениям одинокими блужданиями, в которых доверять нужно было только себе. Сейчас, ясное дело, это совершенная глупость — бродить по пещерам в одиночку. Слишком многое может пойти не так. Это командный спорт, если это вообще можно назвать спортом. Ну, талантами я никогда не блистал и даже в детстве не ведал пресловутого чувства локтя, в общем, я постоянно

уходил под землю, стал там завсегдатаем, этакой шахтной крысой. Вот ныне это все, может, и пригодится. Я могу показать вам путь в скалы через заброшенные шахты, которые были прорыты в 1840-е годы. Эти шахты ведут в те, что были сделаны в начале века, а те, в свою очередь, тянутся и выводят в один из самых узких периферийных туннелей шахт «Молнии». Риск адский, сами понимаете. Просто безумие. В жизни бы не посоветовал ничего подобного тем, кто находится в здравом уме, но вы, в конце концов, «сдвинутые». «Сдвинутые» на мести, на справедливости, на том, чтобы просто сделать что-нибудь.

Хортон повернул автомобиль со второго окружного шоссе на грязную грунтовую дорогу, расчищенную, но снова немного занесенную снегом. С нее мы свернули на еще менее расчищенную, но все же доступную для езды дорогу. Эта тропа вела вверх по отлогому склону поля, и ее не одолел бы даже полноприводной пикап, если бы ветер не помог нам, сдув весь снег с дороги и развесив его шапками на ветви деревьев.

Он остановил машину на вершине холма, как можно ближе к деревьям.

— Отсюда пойдем пешком.

Я взял тот рюкзак, что потяжелее, Райа — второй, тоже не особенно легкий. У каждого из нас было по заряженному револьверу и по пистолету с глушителем. Револьверы находились в кобурах под мышками, скрытые под лыжными куртками, а пистолеты — в глубоких открытых карманах белых утепленных лыжных брюк. У меня к тому же был дробовик, а Райа взяла автоматическую винтовку.

Но даже с таким мощным арсеналом я все равно чувствовал себя Давидом, который со своей трогательной маленькой пращой поспешает по направлению к громадной тени Голиафа.

Ночь наконец сжалилась, и рассвет нашел в себе мужество расправить плечи. Однако еще повсюду лежали тени — такие же густые, не спешащие уходить, а дневное небо задыхалось перед бурей и было ненамного светлее, чем ночью. И все-таки воскресенье окончательно утвердилось в своих правах.

Я неожиданно вспомнил, что до сих пор не позвонил Джоэлю Таку и не сказал, что к нему должна прибыть Кэти Осборн, бывшая преподавательница литературы из Нью-Йорка, в поисках убежища, дружбы и совета, и что приедет она, возможно, уже во вторник или в среду. Я принялся укорять себя, но вскоре перестал. У меня все еще оставалась куча времени, чтобы переговорить с Джоэлем до того, как Кэти позвонит ему в дверь, — если, конечно, с нами ничего не случится в шахтах.

Хортон Блуэтт привез с собой холщовый вещмешок. Он вытащил его из кузова и поволок за собой, пробираясь сквозь сугробы на краю леса. Внутри мешка что-то негромко стучало. Остановившись на краю леса, он сунул руку в мешок. Вынув оттуда моток красной ленты, он обрезал кусок острым перочинным ножом и обвязал его вокруг одного из стволов на уровне глаз.

— Чтобы вы смогли сами найти обратную дорогу, — пояснил он.

Он быстро увлек нас на извилистую оленью тропу, где не было кустов и только несколько ветвей деревьев могли помешать нашему продвижению. Через каждые тридцать-сорок ярдов он останавливался, чтобы обвязать еще один кусок красной ленты вокруг очередного ствола. Я обратил внимание на то, что, встав возле любой из его меток, можно было разглядеть предыдущую.

По оленьей тропе мы спустились вниз, к длинной заброшенной грязной тропинке, что тянулась среди нижней части леса, и прошли немного по ней. Минут через сорок после того, как мы пустились в путь, мы дошли до дна широкого ущелья, Хортон вывел нас на длинный, безлесный участок местности, для связи с которым, видимо, и была сооружена эта дорога. Земля в этом месте была вся покрыта рубцами. Одна из стен ущелья была как бы срезана, а вторая выглядела изжеванной. Крупная, горизонтально идущая шахта пронзала высокий кряж. Вход в шахту был лишь наполовину завален лавиной, сошедшей так давно, что пустоты между камнями уже заполнились грунтом. Относительно крупные деревья росли на камнях, пустив паутину своих корней между беспорядочным нагромождением скальных

обломков.

Когда мы прошли среди странным образом искривленных, узловатых стволов деревьев, мимо обломка упавшей скалы внутрь горизонтальной шахты, Хортон остановился и вытащил из вещмешка три мощных фонаря. Один он взял себе, два других дал нам с Райей. Лучом своего фонаря он скользнул по потолку, стенам и полу туннеля, в который мы вошли.

Потолок находился всего в футе над моей головой, и у меня появилась сумасшедшая уверенность в том, что неровные каменные стены, старательно вырубленные кирками, резцами, лопатами, взрывчаткой и океанами пота в другом столетии, медленно сдвигаются. По стенам тянулись тонкие прожилки угля и чего-то еще, что, возможно, было бледно-молочным кварцем. Массивные, покрытые смолой деревянные подпорки находились на равном расстоянии друг от друга вдоль обеих стен и на потолке, точно ребра на скелете кита. Хотя размеры их впечатляли, их состояние удручало — потрескавшиеся, осевшие, расколовшиеся, кое-где покрытые плесенью. Наверняка они были наполовину изъедены червем, а угловые скрепы нередко вообще отсутствовали.

У меня возникло ощущение, что, стоит мне прислониться не к той балке, и потолок в мгновение ока обвалится мне на голову.

— Вот эта была, наверное, одной из первых шахт в округе, — сказал Хортон. — Ее рыли почти всю вручную, а вагонетки с углем вывозили наружу на мулах. Металлические рельсы убрали — перенесли в другие шахты, когда эта была выработана, но вы кое-где будете спотыкаться о то, что осталось от некоторых скреп, наполовину утопленных в пол.

Глядя на заплесневевшие балки, Райа поинтересовалась:

— А это не опасно?

— А есть ли вообще что-нибудь неопасное? — вопросом на вопрос ответил Хортон. Глянув на гниющее дерево и на сырые, протекающие стены, он сказал: — На самом деле здесь самое плохое место, потому что вы будете продвигаться от старых шахт к более новым. Но если вы умные ребята, вы будете каждый шаг делать с оглядкой и не навалите никакого груза на любую из этих балок. Даже в новых шахтах — в тех, что существуют всего десяток-другой лет — ну... шахта — это просто пустота на самом деле, а вы же знаете, как говорят, что природа всегда стремится заполнить пустоту.

Он извлек из своего вещмешка пару крепких касок и дал их нам, предупредив, что каски надо носить все время, не снимая.

— А вы как же? — поинтересовался я, стягивая с головы капюшон лыжной куртки и надевая металлический шлем.

— Мне удалось стащить только две каски, — сказал он. — А поскольку я пройду с вами совсем чуть-чуть, то прекрасно обойдусь и без нее. Пошли.

Мы последовали за ним в глубь земли.

В первые несколько ярдов туннеля в сухие осенние дни нанесло кучи листьев, которые прибило к стенам.

Там они насквозь пропитались влагой, стекающей со стен, и под тяжестью собственного веса утрамбовались в плотные массы. Возле входа, куда еще проникало студеное дыхание зимы, гниющие листья и плесень на старых балках замерзли и не пахли. Однако дальше температура поднималась значительно выше точки замерзания; по мере того, как мы продвигались вперед, отвратительный запах усиливался и сгущался.

Хортон — мы следом за ним — свернул за угол, в пересекающийся с первым туннель, который был куда просторнее. Его размеры во многом были обусловлены более богатой угольной жилой, залегавшей здесь. Тут он остановился и вытащил из своего вещмешка аэрозольный баллончик с краской. Он сильно встряхнул баллончик. Металлические шарики, предназначенные для того, чтобы краска не ссыхалась, резко загремели, и их стук эхом отозвался от стен. Струей краски он нарисовал на скале белую стрелу в направлении, обратном нашему движению, хотя мы сделали всего один поворот после входа и вряд ли бы заблудились тут.

Он был осторожным человеком.

Его осторожность произвела на нас впечатление, и, подражая ей, мы с Райей прошли за ним следом сотню ярдов по этому туннелю (еще две белых стрелы), повернули в коридор, который был короче, но еще шире (четвертая стрела), и прошли дальше ярдов пятьдесят, после чего наконец остановились возле вертикального туннеля (пятая стрела), который вел вниз — в самые недра горы. Это отверстие представляло собой просто черный участок поверхности, едва отличающийся по цвету от черного пола туннеля. Оно было практически невидимо до того момента, пока Хортон не остановился на его краю, посветив фонариком вниз. Не сделай он этого, я бы наверняка оступился и свалился прямиком в нижний туннель, сломав при падении шею.

Хортон указал лучом фонаря в конец того туннеля, в котором мы стояли. Коридор заканчивался довольно просторным помещением, явно сделанным человеческими руками.

— Вот в этом месте пласт угля просто сошел на нет. Но я так полагаю, что у них были основания подозревать, что он повернул вниз и что изрядный кусок его можно извлечь на большей глубине. В общем, они прорыли эту вертикальную шахту примерно на сорок футов, а затем снова перешли на горизонтальную. А теперь еще немного пройдем, до того места, где я вас оставлю одних.

Предупредив нас, что железные скобы лестницы, вбитые в стену вертикального туннеля, старые и ненадежные, он погасил свой фонарик и нырнул во тьму. Райа закинула на плечо дробовик и шагнула туда же, куда и Хортон. Я полез замыкающим.

По пути вниз, под вихляние ступенек, шатающихся в своих гнездах под тяжестью моего веса, ко мне начали приходить ясновидческие образы из длинной заброшенной шахты. Два, возможно, три человека умерли здесь еще до середины прошлого века, и смерть их была мучительной. Однако я ощущал только обычные несчастные случаи на шахте, ничего дурного. В этом месте гоблины не мучили людей.

Спустившись на четыре яруса вниз от первого туннеля, я снова оказался в горизонтальном коридоре. Хортон и Райа уже ждали меня, стоя в жутковатом свете своих фонариков, направленных на пол.

В этих более глубоко лежащих отводах шахты массивные просмоленные балки опор были почти такими же старыми, как и на предыдущем уровне, но они находились в несколько лучшем состоянии. Не в хорошем. Не в обнадеживающем. Но по крайней мере стены здесь были не такие сырые, как в верхнем туннеле, а дерево не было скрыто под коркой плесени и сырости.

Внезапно я был поражен покоем, царящим в этом глубоком сводчатом туннеле. Тишина была такой тяжелой, что обретала вес. Я просто чувствовал ее холодное, неборимое давление на своем лице и на голой коже рук. Церковная тишина. Кладбищенская тишина. Могильная тишина.

Нарушив эту тишину, Хортон продемонстрировал содержимое своего полотняного мешка, развернув его горловиной к нам. Кроме красной ленты, которая нам больше не требовалась, там было два баллона белой аэрозольной краски, четвертый фонарик, завернутые в пластик упаковки запасных батарей, пара свечей и две коробки непромокаемых спичек.

— Если у вас возникнет желание выбраться из этой мрачной дыры, то, чтобы найти дорогу, используйте краску, как я вам показал. — Он нажал один из баллончиков и нарисовал стрелу на стене. Она указывала на вертикальную шахту над нашими головами.

Райа взяла баллончик, когда он протянул его ей.

— Это будет моя обязанность.

Хортон продолжал:

— Вы, наверное, думаете, что свечи тут на случай, если погаснут фонарики. Нет. У вас достаточно запасных батарей, чтобы хватило на все время. А для чего свечи? Если вы заблудитесь или — не дай бог — провалитесь в пустоты в грунте, а воронка закроет выход, — так вот, что вы тогда делаете? Вы зажигаете свечу и внимательно наблюдаете, куда отклоняется огонек и куда тянется дым. Если где-то есть тяга, огонь и дым непременно

отыщут ее, а если есть тяга, значит, должен быть выход наружу, возможно, достаточно широкий, чтобы вы смогли сквозь него протиснуться. Ясно?

— Ясно, — ответил я.

Он захватил также и еду для нас: две герметичных бутылки апельсинового сока, несколько бутербродов и с полдюжины конфет.

— У вас впереди будет целый день блужданий по туннелям, даже если вы просто проберетесь к шахтам «Молнии», посмотрите одним глазком и тут же назад, тем же путем, что пришли. Но, я так подозреваю, вы этим не ограничитесь. В общем, судя по всему, даже если все пойдет нормально, вы вряд ли выберетесь наружу раньше завтрашнего дня. Поесть вам будет необходимо.

— Вы просто золото, — искренне сказала Райа. — Вы собирали все это снаряжение вчера ночью... ручаться готова, что на сон осталось всего ничего.

— Когда тебе семьдесят четыре, — ответил он, — все равно спишь уже мало, потому что кажется, что это пустая трата времени, которого у тебя и так не много осталось. — Нежность, прозвучавшая в голосе Райи, смутила его. — Я, черт возьми, полезу сейчас наверх, обратно, и через час уже буду дома, а там, если захочу, так и вздремну.

Я сказал:

— Вы велели нам использовать свечи, если попадем в воронку или заблудимся. Но без вашего руководства мы тут заблудимся ровно через минуту.

— С этим не заблудитесь, — сказал он, вытаскивая из кармана куртки карту. — Я ее по памяти рисовал, но память у меня точно стальной капкан, так что не думаю, чтобы на ней было много ошибок.

Он нагнулся, мы последовали его примеру. Он развернул карту на полу между нами, взял фонарь и начал скользить лучом по своему творению. Карта походила на один из тех лабиринтов, что печатают на развлекательной страничке воскресных газет. Хуже того, она продолжалась и на обороте листа, и эта часть лабиринта была еще запутанней.

— По крайней мере с половину пути, — сказал Хортон, — можете разговаривать так же, как мы сейчас, не опасаясь, что будете услышаны в шахтах, где могут работать гоблины. Но вот тут красная точка... это место, с которого вам, думаю, имеет смысл идти тихо, говорить друг с другом шепотом и только если потребуется. По этим туннелям звуки разносятся на большие расстояния.

Глядя на повороты и изгибы лабиринта, я заметил:

— Одно очевидно — нам потребуются оба баллона с краской.

Райа спросила:

— Хортон, вы уверены во всех деталях того, что нарисовали здесь?

— Ага.

— Я хочу сказать, ну, вы, возможно, провели за исследованием этих шахт большую часть детских лет, но ведь это было давно. Сколько — шестьдесят лет?

Он прокашлялся, снова заметно смущенный.

— Э-э, ну, не так уж давно. — Он не отводил взгляд от карты. — Видишь ли, после того, как моя Этта умерла от рака, я места себе не находил, был какой-то потерянный и весь был полон этим страшным напряжением, напряжением одиночества и непонимания того, куда катится вся моя жизнь. Я не знал, как от этого избавиться, как укротить свой дух, а напряжение все возрастало и возрастало, и я сказал себе: «Хортон, ради бога, если ты немедленно не найдешь, чем занять время, ты скоро загремишь в комнату с резиновыми стенами». И вот тогда-то я и вспомнил, какой покой я обретал в детстве, шатаюсь по пещерам. И я снова взялся за это. Это было в тридцать четвертом, и я бродил по всем этим шахтам и куче естественных пещер каждые выходные почти полтора года. И не далее как девять лет назад, когда подошел мой законный пенсионный возраст, я оказался в такой же точно ситуации и опять отправился в пещеры. Безумное занятие для человека моего возраста, но я не оставлял его еще почти полтора года, пока наконец не решил, что больше не нуждаюсь в этом. В общем, это я к тому, что карта эта основывается на воспоминаниях не более чем

семилетней давности.

Райа положила свою руку на его.

Он наконец поглядел на нее.

Она улыбнулась. Он тоже улыбнулся, накрыл ее ладонь своей и легонько стиснул.

Даже для тех из нас, кто достаточно везуч, чтобы избегать гоблинов, жизнь не всегда бывает гладкой и легкой. Но неисчислимое множество уловов, к которым мы прибегаем, чтобы пройти труднопреодолимые участки пути, является свидетельством нашего огромного желания выжить и продолжать жить.

— Ну, — сказал Хортон, — если вы в скором времени не пуститесь в дорогу, то превратитесь в старых чудаков вроде меня еще до того, как выберетесь обратно.

Он был прав, но я не хотел, чтобы он уходил. Могло так случиться, что мы больше не увидимся с ним. Мы знали его меньше суток, сколько хорошего еще могла подарить нам эта дружба, сколько нераскрытых возможностей было в ней!

Жизнь, как я, вероятно, уже говорил раньше, это долгое путешествие на поезде, во время которого друзья и любимые неожиданно сходят, оставляя нас продолжать свой путь в постоянно растущем одиночестве. Вот и еще одна остановка на маршруте.

Хортон оставил нам вещмешок со всем содержимым, захватил с собой только фонарик. Он полез по вертикальному туннелю, по которому только что вел нас вниз, и ржавые ступеньки закрипели и зашатались. Добравшись до верха, он закричал, выбираясь на пол туннеля. Встав на ноги, он помедлил, глядя на нас. Он словно хотел сказать очень много, но в конце концов просто тихонько окликнул нас:

— Ступайте с богом.

Мы стояли на дне темной шахты, глядя вверх.

Свет фонарика Хортона ослабевал по мере того, как он удалялся.

Звук его шагов становился все тише и тише.

Он ушел.

Мы в молчании, задумчиво собрали фонарики, батареи, свечи, продукты и все остальное и аккуратно упаковали в холщовый мешок.

С рюкзаками за плечами, с оружием в руках, таща за собой холщовый мешок, буравя темноту лучами фонариков, мы тронулись в путь, направляясь в глубь земных недр.

Я не ощущал никакой близкой опасности, однако сердце у меня тяжело стучало, когда мы направились к первому из множества поворотов. Хотя я и был твердо намерен не отступать, у меня было такое чувство, словно мы вошли в двери ада.

28

Прогулка в преисподнюю

Вниз...

Где-то далеко наверху возвышался мрачный свод небес, дрозды носились в океане воздуха, где-то там ветер шелестел в деревьях, снег укутывал землю, падали новые и новые снежинки, но эта жизнь, состоящая из цвета и движения, существовала у нас над головой. Нас разделял многометровый слой сплошной скальной породы — такой, что та жизнь казалась не реальной, а выдуманной — царством фантазии. Единственное, что казалось реальным, был камень — многотонная тяжесть каменной горы — да грязь, да время от времени встречающиеся лужи стоячей воды, да разваливающиеся деревянные столбы с заржавевшими железными скобами, да уголь, да темнота.

По пути мы взметали угольную пыль, мелкую, как тальк. Вдоль стен валялись куски угля разной формы и размера — от мелких до больших. Уголь образовывал крошечные островки небольших архипелагов в лужах воды, покрытой шлаком. На поверхности стен очищенные края почти полностью разработанных угольных пластов блестели, точно черные бриллианты, когда на них падал морозно-белый свет фонаря.

Некоторые из подземных коридоров были шириной с хорошее шоссе, другие — уже,

чем коридоры в доме. Это было потому, что туннели, где действительно шла разработка угля, и туннели, проложенные для разведки пластов, соприкасались. Потолки то поднимались на два, а то и на три наших роста, то опускались так низко, что нам приходилось нагибаться, чтобы продвигаться вперед. В некоторых местах стены были вырублены так тщательно, что производили впечатление отлитых из бетона, а в других были покрыты глубокими зарубками с острыми вершинами. Несколько раз мы натыкались на полусформировавшиеся воронки — в тех местах, где стена, а иногда и часть потолка просели, суживая туннель наполовину, так что иногда нам приходилось ползком пробираться по свободному пространству.

Когда мы только вступили в шахты, меня охватило легкое чувство клаустрофобии, и чем дальше мы заходили в этот лабиринт, тем сильнее охватывал меня страх. Однако я успешно сопротивлялся ему, думая о мире птиц, взлетающих в вышину, и ветра, качающего деревья, о мире высоко над нами и постоянно напоминая себе, что со мной Райа, потому что у меня всегда появлялись силы от одного ее присутствия.

Странные вещи видели мы в молчаливом чреве земли еще до того, как приблизились к территории гоблинов — пункту нашего назначения. Трижды мы наталкивались на груды сломанного и заброшенного оборудования — беспорядочные, но странным образом искусно сложенные металлические инструменты и прочие изделия, предназначенные для специальных шахтерских работ, — все это было для нас таким же загадочным, как оборудование лаборатории алхимика. Их, точно сваркой, скрепило ржавчиной и коррозией. Эти предметы вздымались угловатыми конструкциями, хаотичными только на первый взгляд. Гора была как бы художником, творящим из того, что отбросили прочь захватчики, — она творила скульптуры из их мусора в насмешку над их эфемерной природой и словно желая воздвигнуть монумент своей стойкости. Одна из этих скульптур напоминала крупных размеров фигуру, едва похожую на человеческую, с обличем демона — создание, украшенное отростками, острыми зазубринами и шипами. Глупо, но у меня возникло беспокойное чувство, что оно сейчас зашевелится с лязгом и клацаньем металлических костей, откроет закрытый пока глаз, созданный из треснувшего стекла допотопной масляной лампы, какими пользовались шахтеры в прошлом столетии, и откроет железный рот, в котором покажутся гнилые зубы искореженных болтов. Мы видели плесень и грибок во всем богатстве их оттенков — желтый, желчно-зеленый, ядовито-красный, бурый, черный, — но большей частью грязные оттенки белого. Некоторые из них были совершенно высохшими и взрывались, если до них дотрагивались, распространяя облака пыли — возможно, спор. Другие были мокрыми. Самые противные виды отталкивающе поблескивали и казались чем-то, что хирург, изучающий иной мир, мог бы извлечь из тела чуждой нам формы жизни. Кое-где стены были покрыты кристаллизовавшимися наростами неизвестного вещества, выделяемого скалами. Один раз мы увидели свои собственные искаженные образы, движущиеся по миллионам этих темных, отполированных граней.

В глубокой бездне, на полпути в царство Аида, в могильной тиши, мы обнаружили отсвечивающий белый скелет, который, возможно, принадлежал крупной собаке. Череп лежал в луже черной воды глубиной с полдюйма, челюсти были раскрыты. Мы стояли над ним, и лужа под нашими ногами отражала свет фонариков так, что жуткий свет лился из пустых глазниц. Как могла собака добраться до таких глубин, что она искала, что подтолкнуло ее на столь странное преследование и каким образом она умерла — все это были загадки, которые уже никогда не разрешить. Но само присутствие этого скелета здесь было настолько неуместно, что мы не могли отделаться от мысли, что это — предзнаменование, хоть и не желали вдумываться в его значение.

В полдень, почти через шесть часов с того момента, как мы вошли в первый туннель вместе с Хортоном Блуэттом, мы остановились съесть на пару один из бутербродов, что он оставил нам, и отпить немного сока из бутылки. Мы не разговаривали во время нашего скудного обеда, потому что находились уже достаточно близко к действующим шахтам угольной компании «Молния» и наши голоса могли быть услышаны работающими там гоблинами, хотя мы не слышали их присутствия.

После обеда мы прошли еще довольно значительное расстояние, прежде чем в час двадцать дня повернули за угол и увидели впереди свет. Горчично-желтый свет. Какой-то пасмурный. Зловещий. Как свет, который мы видели в нашем общем кошмаре.

Мы крались вдоль узкого, сырого, осыпающегося, темного туннеля, который пересекался с освещенной шахтой. Хотя мы и двигались с предельной осторожностью, каждый шаг казался ударом грома, а каждый выдох словно вырывался из гигантских кузнечных мехов.

На пересечении туннелей я остановился, прижавшись спиной к стене.

Прислушался.

Подождал.

Если Минотавр и обитал в этом лабиринте, он, очевидно, носил ботинки на резиновой подошве, когда бродил по переходам, — тишина здесь была такой же глубокой, каким глубоким был туннель. Свет позволял предположить, что мы, возможно, здесь одни, как и последние семь часов.

Я наклонился вперед. Заглянул в освещенный туннель, сначала налево, затем направо. Гоблинов не было видно.

Мы сделали шаг из укрытия в пятно желтоватого света, который придавал нашим лицам желтушно-восковой оттенок.

В правую сторону туннель тянулся всего на двадцать футов, резко сужаясь и обрываясь черной каменной стеной. Ширина левой части туннеля двадцать с лишним футов, а длина с полторы сотни футов, по мере удаления он расширялся примерно до шестидесяти футов. В своем самом широком месте он пересекался с другой горизонтальной шахтой. С кабеля, прикрепленного по центру потолка, свисали электрические лампы, расположенные примерно в тридцати футах одна от другой. Конической формы абажуры над лампочками средней мощности направляли свет точно вниз четко очерченными конусами. Таким образом, между каждыми двумя озерами света было по десять-двадцать футов глубокой темноты.

Точно как во сне.

Существенным различием между реальностью и кошмаром было лишь то, что лампы не мерцали, а нас пока не преследовали.

На этом месте карта Хортон-Блуэтта заканчивалась. Мы были полностью предоставлены самим себе.

Я поглядел на Райю. Внезапно я пожалел, что взял ее с собой в это подземелье. Но пути назад не было.

Я жестом указал на дальний конец туннеля.

Она кивнула.

Мы вытащили пистолеты с глушителями из глубоких карманов своих теплых брюк. Спустили предохранители. Дослали патроны в патронники, и приглушенное клацанье хорошо смазанного металла шепотом отозвалось вдоль каменных стен, покрытых прожилками угля.

Бок о бок мы продвигались вперед бесшумно, насколько только возможно, в сторону широкого конца туннеля, проходя сквозь свет и тень, свет и тень.

На пересечении двух горизонтальных шахт я снова, прижавшись спиной к стене, скользнул вперед, бдительно осматривая туннель, соединяющийся с нашим, прежде чем двигаться дальше. Этот тоже был шириной шестьдесят футов, но длина его составляла двести футов, и две трети длины туннеля были справа от нас. Крепежные балки были старыми, но все же поновее тех, что мы видели до сих пор. Учитывая его длину, этот туннель был чем-то большим, нежели предыдущие. В нем был не один, а два ряда янтарных электрических ламп, параллельно висящих под металлическими колпаками. Из-за этого пятна света и тени на полу образовывали подобие шахматной доски.

Я решил, что этот коридор пуст и совсем было собрался шагнуть вперед, когда услышал скрежет, клацанье и снова скрежет. Я повнимательнее присмотрелся к шахматной доске.

Справа, в восьмидесяти футах от нас, из одного из участков темноты появился гoblin.

Он был без одежды в обоих смыслах — на нем не было ни одежды из ткани, ни человеческого облика. Он нес два инструмента, предназначения которых я не знал. То и дело он поднимал к глазам то один из этих инструментов, то второй, поглядывая вверх и вниз на потолок и пол, затем вдоль стен, точно производя замеры или изучая структуру стен.

Я повернулся и поглядел на Райю, которая стояла, прижавшись к стене вспомогательного туннеля позади меня. Я прижал палец к губам.

Ее синие глаза были широко открыты, и белки их были окрашены в тот же грязно-желтый цвет, что и ее кожа. Станный свет туннеля пятнами ложился на ее белый лыжный костюм и отражался от каски. Из-за этого она казалась золотым идолом, статуей необыкновенно прекрасной богини войны с глазами из священных драгоценных сапфиров.

Большим, указательным и средним пальцами я несколько раз повторил движение, как будто нажимаю на поршень шприца.

Она кивнула, очень медленно, чтобы не наделать шума, расстегнула «молнию» и сунула руку во внутренний карман куртки, куда спрятала упаковку шприцев и одну ампулу пентотала соды.

Я еще раз кинул украдкой взгляд из-за угла и обнаружил, что гoblin, занятый своей работой, повернулся ко мне спиной. Он стоял прямо, но чуть наклонившись вперед, и внимательно глядел сквозь линзы на пол у себя под ногами. Он то ли ритмично бормотал что-то, то ли мурлыкал какую-то крайне необычную мелодию. Но в любом случае он производил достаточно шума, чтобы скрыть мое бесшумное приближение.

Я выскользнул из вспомогательного туннеля, оставив Райю одну, и начал пробираться к своей жертве, стараясь быть и быстрым, и бесшумным. Если я привлеку внимание чудовища, оно, конечно же, вскрикнет, предупреждая остальных об опасности — моем здесь пребывании. А мне вовсе не улыбалась перспектива бегства по подземному лабиринту с кучей демонов за спиной, наступающих нам на пятки, когда мы не успели даже ничего начать, ничего не добились своим рискованным вторжением в сердце горы.

Из тени в свет и снова в тень — так я передвигался.

Гoblin продолжал бормотать себе под нос.

Восемьдесят футов.

Семьдесят.

Мое сердце стучало тяжело, с шумом, который для моих ушей звучал так же громко, как звуки бурильных машин и отбойных молотков, которыми некогда разрабатывались угольные пласты в этой шахте.

Шестьдесят.

Тень, свет, тень...

Хоть я и держал пистолет наготове, в мои намерения не входила стрельба. Я хотел наброситься на него, застав полностью врасплох, взять в прочный захват его горло и удерживать его в течение десяти-двадцати секунд, пока не подбежит Райа с пентоталом. Затем мы смогли бы допросить его, вводя по мере надобности дополнительную дозу, поскольку, хотя пентотал соды был в первую очередь успокоительным, к нему иногда прибегали и как к «сыворотке правды» — находясь под его воздействием, человек был не в состоянии лгать.

Пятьдесят футов.

Я не был уверен, что пентотал будет оказывать на гоблинов такое же воздействие, как и на людей. Однако шансы на успех были велики, поскольку (если не считать их способности к перевоплощению) в целом обмен веществ у гоблинов был практически таким же, как у людей.

Сорок футов.

Не думаю, что это создание услышало меня. Не думаю также, что оно унюхало меня или почуяло каким-либо иным способом. Но оно прервало свое занятное бормотание и опустило от лица непонятный инструмент, подняв свою омерзительную голову. Оно сразу же заметило меня, потому что в этот самый момент я пересекал один из светлых участков

шахматной доски.

При виде меня его сверкающие алые глаза вспыхнули ярче.

Хотя меня отделяло от чудовища не больше тридцати футов, я все же не смог бы перекрыть оставшееся расстояние одним большим прыжком, напав на него прежде, чем оно успеет подать сигнал тревоги. У меня не было выбора: я выпустил две пули из пистолета с глушителем. Пули вылетели из ствола с мягким звуком, похожим на шипение разъяренного кота. Гоблин отшатнулся назад, в квадрат темноты, и упал замертво. Одна пуля попала ему в горло, вторая — между глаз.

Пара выброшенных медных гильз со звоном покатились по полу. Этот звук напугал меня. Гильзы были свидетельством присутствия здесь, поэтому я побежал за ними, подхватил одну, затем вторую, прежде чем они откатились в тень.

Райа уже склонилась над убитым гоблином, когда я подошел к нему. Она щупала пульс, но не находила его. Оборотень уже почти закончил превращаться в человека. Когда исчезли последние черты демона, я увидел, что его маской был молодой парень лет под тридцать.

Смерть была мгновенной, и сердце перестало биться через секунду-другую после того, как пули вонзились в тело. Поэтому на полу было совсем немного крови. Я поспешно затер эти улики носовым платком.

Райа взялась за ноги гоблина, я ухватил его за руки, и мы отволокли его в дальний угол зала. Там между задней стеной и последней лампой было двадцать футов темноты. Мы спрятали труп, непонятные инструменты, которыми он пользовался, и окровавленные тряпки в самом глубоком углу этого черного тупика.

Обнаружат ли сородичи демона его исчезновение? И если да, то как скоро?

Поняв, что он исчез, что они предпримут? Начнут обыскивать шахты? Насколько тщательно? Как скоро?

Стоя на границе между квадратом тьмы и квадратом света, склонившись поближе друг к другу, мы с Райей переговаривались — настолько тихо, что слух был не так важен, как умение читать по губам.

— А теперь? — спросила она.

— Мы включили счетчик.

— Да, я слышу его.

— Если его хватятся...

— Возможно, не в ближайшую пару часов.

— Возможно, — согласился я.

— Может, и больше.

— Если они найдут его...

— На это уйдет еще больше времени.

— Значит, мы продолжаем путь.

— По крайней мере хоть немного вперед.

Тем же путем, что и зашли сюда, минуя место, где был убит гоблин, мы добрались до другого конца коридора. Он выходил в необъятную подземную залу, сводчатую комнату круглой формы диаметром не меньше двухсот футов, с куполообразным потолком, чья высота в центре составляла тридцать футов. Ряды флюоресцентных ламп были подвешены к потолку на металлических планках, заливая все внизу холодным зимним сиянием. На полу, на площади, большей, чем футбольное поле, гоблины собрали ужасающую гору оборудования: машины со стальными ковшами-челюстями размером с бульдозер, явно предназначенные для того, чтобы жевать скалы и выплевывать булыжники, буры большие и средних размеров, электрические конвейерные линии, которые, установленные в ряд одна за другой, могли бы уносить прочь то, что извергли, не переварив, машины, питающиеся камнем, дюжина подъемников, с полдюжины вагонеток. Во второй половине зала находились высоченные кучи материалов: штабеля бревен, аккуратные пирамиды коротких стальных балок, сотни ошестинившихся стальными прутьями связок арматуры, сотни — если не тысячи — мешков бетона, высокие кучи песка и гравия, катушки толстого электрического кабеля —

каждая размером с автомобиль, катушки поменьше с изолированным медным кабелем, по меньшей мере миля алюминиевых вентиляционных труб и многое, многое другое.

Оборудование и материалы были сложены в ряды, между которыми оставались широкие проходы. Мы медленно прошли ярдов двадцать по окружности комнаты, заглянув в три из этих улиц (иначе не назовешь), и решили, что место это, видимо, пусто. Мы не увидели ни одного гоблина, не услышали никакого движения, кроме шепота привидений — наших собственных осторожных шагов.

Идеальное, сверкающее состояние оборудования, а также запах свежего масла и смазки навели нас на мысль о том, что все машины были сперва промыты и приведены в порядок и лишь затем опушены в эту яму для очередной работы, которая еще не началась, но должна была начаться в ближайшем будущем. Очевидно, гoblin, которого я только что застрелил, был занят какими-то окончательными расчетами, которые требовалось сделать перед началом долгой работы.

Я положил руку Райе на плечо, притянул ее к себе так, чтобы касаться губами ее уха, и выдохнул:

— Подожди. Давай вернемся туда, откуда пришли.

Мы вернулись к устью широкого коридора, в котором я убил гоблина. Там я сбросил с плеч свой громоздкий рюкзак, развязал клапан и вытащил два килограмма пластиковой взрывчатки и пару детонаторов. Освободив взрывчатку от упаковки, я запихнул один кусок в нишу высоко в стене, всего в нескольких футах от того места, где эта шахта переходила в сводчатую комнату. Я поместил взрывчатку значительно выше уровня головы, в тени, где ее вряд ли заметят даже поисковые группы, отправившиеся на розыск пропавшего демона. Второй килограмм взрывчатки я поместил в другой такой же темной нише на противоположной стене таким образом, чтобы два взрыва обрушили достаточно стен и потолка для перекрытия прохода.

Детонаторы работали от батареек, каждый с часовым зарядом. Я воткнул по детонатору в каждый из брикетов взрывчатки, но не включил счетчик времени ни на одном из них. Я собирался сделать это, только если мы снова пойдем этим же путем, а по нашему горячему следу будут гнаться враги.

Мы вернулись в сводчатый зал и бесшумно пересекли его, внимательно присматриваясь к машинам и материалам, пытаюсь понять сущность готовящегося проекта, учитывая оборудование, которое натаскали сюда гоблины. Дойдя до дальнего конца гигантской комнаты и так ни в чем и не разобравшись, мы вышли к трем лифтам. Два из них представляли собой клетки, предназначенные для транспортировки небольших групп гоблинов по большой шахте, вырубленной в скале. Третий — большая стальная платформа, подвешенная на четырех канатах, каждый толщиной с мое запястье. Платформа была достаточно размера для подъема или спуска даже самого крупного оборудования, вроде виденных нами машин.

Минуту я стоял в раздумье. Затем, с помощью Райи, вытащил восемь брусков из ближайшего штабеля и уложил их на полу крест-накрест так, чтобы они образовали нечто вроде подставки для ног.

Затем я вынул два килограмма взрывчатки из рюкзака Райи и разделил их на три заряда. Взобравшись на эту импровизированную подставку, я прикрепил взрывчатку в углублениях груботесаной скальной породы прямо над дверьми каждого из лифтов. Тень там была неглубокой, и хотя сама пластиковая взрывчатка имитировала скальную поверхность достаточно хорошо, чтобы полностью сливаться с ней, детонаторы были все же заметны. Однако я прикинул, что этот уровень шахты сейчас почти не посещается, так что даже те гоблины, которые могут появиться здесь, вряд ли будут смотреть вверх и пристально изучать камень над дверями.

Эти детонаторы я тоже не стал заводить.

Деревянные брусья мы вернули на место в штабель, из которого их вытащили.

— А теперь? — спросила она. Хотя мы и видели, что, кроме нас, здесь никого нет, она

все же говорила шепотом, поскольку мы не знали, могут ли наши голоса быть слышны через шахты лифтов. — Наверх? Это ты задумал?

— Да, — ответил я.

— Они не могут услышать шум движения лифта?

— Могут. Но они скорее всего решат, что это он, тот, которого мы убили.

— А если мы нарвемся на них наверху, стоит нам выйти из лифта?

— Мы спрячем эти пистолеты и поднимемся наверх, вооруженные дробовиком и винтовкой, — ответил я. — Это даст нам огневую мощь, достаточную для того, чтобы смести любое их количество, которое может оказаться возле этого чертова лифта. Затем войдем обратно в лифт, опустимся сюда и уйдем тем же путем, что и пришли, заведя по дороге детонаторы. Но если мы не нарвемся ни на кого наверху, тогда проберемся подальше в шахту, чтобы выяснить то, что должны выяснить.

— А пока у тебя какое мнение?

— Не знаю, — обеспокоенно признался я. — Разве что... ну, ясно как день, что ни черта они не уголь тут добывают. Оборудование, которое мы нашли, свезли не для разработки шахт.

— Похоже, что они строят крепость, — сказала она.

— Похоже на то, — согласился я.

Мы достигли преисподней, самого глубокого уровня ада. Теперь от нас требовалось пройти через несколько кругов, расположенных выше нее. И мы очень хотели надеяться, что не встретим ни Люцифера, ни кого-либо из младших демонов.

29

Судный день

Мотор лифта громко загудел. С выводящим из равновесия скрипом и треском клеть, лишенная дверей, начала подъем. Хотя прикинуть расстояние было нелегко, я рассчитал, что мы поднялись примерно на семьдесят-восемьдесят футов, прежде чем остановились на следующем уровне этой... этого сооружения.

Я больше не видел смысла называть этот громадный подземный комплекс шахтой. Угольная компания «Молния», судя по всему, извлекала большое количество угля в других частях горы, но никак не здесь. Здесь они занимались чем-то совершенно иным, для чего их угольные разработки явно служили просто надежным камуфляжем.

Когда мы с Райей вышли из лифта, то оказались в конце пустынного туннеля длиной в две сотни футов, с ровными бетонными стенами. Флюоресцентные лампы были вделаны в закругляющийся потолок. Теплый сухой воздух струился из вентиляторных решеток в верхней части скругленных стен, а вытяжные отверстия площадью в квадратный ярд аккуратно забирали охлажденный воздух с прохода. Красные огнетушители большого размера были подвешены на стенах вдоль рядов дверей из вороненой стали, расположенных примерно в пятидесяти футах одна от другой по обе стороны коридора. Аппараты — судя по всему, телефоны внутренней связи — висели рядом с огнетушителями. Все помещение было пронизано духом несравненного мастерства — и зловещей, загадочной цели.

Я почувствовал легкую вибрацию каменного пола, как будто гигантские машины трудились над какой-то тяжелой работой в отдаленных залах.

Прямо напротив лифта на стене был тот самый — знакомый, но от того не менее загадочный — символ: черный керамический прямоугольник высотой четыре фута и шириной три, вделанный в бетон, в центре его — белый керамический круг двух футов в диаметре, через белый круг — изломанное копьё черной молнии.

Неожиданно через этот символ я увидел ту же странную, необъятную, холодную, пугающую пустоту, которую ощутил при первом же косом взгляде на грузовик компании «Молния» пару дней назад. Вечное, безмолвное. Ничто, глубину и мощь которого я не в состоянии должным образом передать. Эта пустота словно притягивала меня, как будто она

— магнит, а я — железная стружка. Мне казалось, что я могу упасть в этот ужасный вакуум, меня унесет некий водоворот. Мне пришлось силой заставить себя отвести глаза и отвернуться от черной керамической молнии.

Вместо того чтобы идти до конца туннеля и исследовать следующую горизонтальную шахту, которая вряд ли предложила бы нашему взору что-нибудь большее, чем эта, я направился к первой двустворчатой двери слева. Ни замка, ни ручки. Я нажал белую кнопку на дверной раме, и тяжелые половинки двери моментально плавно распахнулись со сдавленным шипением сжатого воздуха.

Мы быстро вошли внутрь, держа наготове дробовик и автоматическую винтовку, но помещение было темным и, судя по всему, пустым. Я пошарил по внутренней стене в поисках выключателя, нашел его, и мерцающие ряды флюоресцентных ламп ожили. Это было громадное складское помещение. Деревянные ящики громоздились в нем почти до потолка, расставленные аккуратными рядами. На каждом была этикетка производителя-поставщика, так что через несколько минут, быстро пробежавшись между рядами, мы установили, что эта комната полна запасных частей к чему угодно — от токарных станков до фрезерных, от грузоподъемников до радиоприемников.

Мы выключили свет, закрыли за собой двери и бесшумно пошли по туннелю от одной комнаты к другой.

В каждом помещении мы обнаруживали все новые и новые склады всевозможной продукции: тысячи ламп накаливания и флюоресцентных ламп в штабелях прочных картонных коробок; сотни ящиков, в которых лежали тысячи маленьких коробок, а в них, в свою очередь, покоились миллионы шурупов и гвоздей всех размеров; сотни молотков самых различных форм; гаечные ключи, торцевые ключи, отвертки, плоскогубцы, электродрели, пилы, другие инструменты. В одной комнате размером с собор, отделанной панелями из кедра, отпугивающего моль — от его аромата у нас захватило дух, — ряд за рядом лежали громадные рулоны ткани — шелк, хлопок, шерсть, парусина, — намотанные на специальные стойки, возвышающиеся футов на пятнадцать над нашими головами. В другой комнате хранились медицинские средства и оборудование — ряды мониторов для электрокардиограмм и электроэнцефалограмм, тоже надежно упакованные, чемоданчики со шприцами, повязками, антисептиками, антибиотиками и многое другое. Из этого туннеля мы перешли в другой, точно такой же, тоже пустой и содержащийся в полном порядке. В нем тоже были комнаты, полные припасов. Там были бочонки зерна — пшеница, рис, овес, рожь. Согласно этикеткам, содержимое бочонков было особым способом высушено, а затем запечатано в вакуумную упаковку в азотной среде, чтобы сохранить свежесть продукта по меньшей мере на тридцать лет. Сотни — нет, тысячи — одинаково запечатанных бочонков муки, сахара, яичного порошка, молочного порошка, витаминов и микроэлементов в таблетках и ящиков меньшего размера со специями — корицей, мускатным орехом, мятой и лавровым листом — были запасены здесь.

Это обширное сооружение выглядело как гробница фараона, самая грандиозная гробница в мире, полностью обеспеченная всем, что может потребоваться властителю и его слугам — для удобств загробной жизни. Где-то в молчаливых комнатах, до которых мы еще не добрались, должны находиться храмовые собаки и священные кошки, которых милосердно умертвили и любовно завернули в ткань, пропитанную ароматическими маслами, чтобы они отправились в царство смерти вместе со своим царственным хозяином, а где-то — горы золота и бриллиантов, а где-то — служанка или две, сохраняющиеся для сексуальных утех в грядущей жизни, а где-то, разумеется, и сам фараон, мумифицированный, покоящийся на катафалке из чистого золота.

Мы вошли в громадный арсенал, где хранилось огнестрельное оружие: опломбированные ящики с пистолетами, револьверами, винтовками, дробовиками, автоматами (все промаслено). Здесь было достаточно оружия, чтобы снабдить им несколько взводов. Боеприпасов я не увидел, но был просто уверен, что где-то в другом месте хранятся миллионы патронов. И я готов был поклясться, что были там комнаты, где хранились еще

более смертоносные орудия насилия и войны.

В последней комнате этого второго туннеля, как раз перед вторым на этом уровне пересечением туннелей, размещалась библиотека, состоящая самое меньшее из пятидесяти тысяч томов. В ней тоже никого не было. Проходя между стеллажами книг, я припомнил окружную библиотеку в Йонтсдауне. Два этих места были подобны островкам нормальности в бескрайнем море странного. И там, и тут была атмосфера мира и спокойствия — хотя и непрочного мира и хрупкого спокойствия, а в воздухе стоял неприятный запах бумаги и переплетной ткани.

Однако подбор книг в этой библиотеке отличался от того, что было в городе. Райа обратила внимание, что здесь не было художественной литературы — Диккенса, Достоевского, Стивенсона, По. Я, в свою очередь, не нашел исторического раздела — были изгнаны Гиббон, Геродот, Плутарх. Точно так же мы не смогли отыскать ни одной биографии кого-нибудь из знаменитых людей, никакой поэзии, юмористической литературы, ни одной книги о путешествиях, по теологии или по философии. Полка за полкой сгибались под тяжестью книг по алгебре, геометрии, тригонометрии, физике, геологии, биологии, физиологии, астрономии, генетике, химии, биохимии, электронике, сельскому хозяйству, животноводству, сохранению почв, инженерному делу, металлургии, принципам архитектуры...

С одной этой библиотекой, обладая живым умом и время от времени прибегая к помощи толкового инструктора, можно было научиться, как основать и вести процветающее фермерское хозяйство, отремонтировать автомобиль или самому своими руками построить новый (а также реактивный самолет или телевизор), спроектировать и возвести мост или гидроэлектростанцию, оборудовать и завод для выпуска транзисторов, сконструировать доменную печь, сталелитейный цех и фабрику для производства стальных брусов и балок из закаленной стали... Перед нами была библиотека, специально собранная с целью обучить всему необходимому для успешного поддержания всех физических сторон жизни современной цивилизации, но не содержащая ничего, что могло бы дать представление о важнейших духовных ценностях, на которых покоится эта цивилизация: здесь не было ничего о любви, вере, надежде, братстве, истине или о смысле жизни.

Обойдя полбиблиотеки, Райа прошептала:

— Основательное собрание. — Подразумевала она — «пугающее».

Я эхом откликнулся:

— Основательное, — но подразумевал «ужасающее».

Хотя мы быстро приближались к пониманию темной цели, которой служило все это подземное сооружение, ни один из нас не желал облекать это понимание в слова. Некоторые дикарские племена, хоть и имеют имя для дьявола, отказываются произносить это имя, уверенные, что, сказав его вслух, тем самым немедленно «вызовут» его. Вот так же и мы с Райей не хотели обсуждать, что гоблины замыслили в этой тщательно отделанной яме, опасаясь, что наши слова могут каким-то образом трансформировать их страшные намерения в неотвратимую реальность.

Из второго туннеля мы с предосторожностями проследовали в третий, содержимое комнат которого подтвердило наши худшие опасения. В трех огромных комнатах, под рядами специальных ламп, предназначенных, очевидно, для обеспечения фотосинтеза и быстрого роста, мы обнаружили огромные запасы семян овощей и фруктов. Там же стояли большие стальные баки с жидкими удобрениями. Ящики с аккуратными этикетками были полны всех химикалий и минералов, необходимых для выращивания растений без почвы. Ряды длинных неглубоких желобов, пока пустых, ждали, когда их наполнят водой, питательными веществами и рассадой, после чего они станут эквивалентом плодородных полей — только без земли. Учитывая их огромные запасы обработанного и запакованного в вакууме продовольствия, учитывая их подготовку к ведению химического «земледелия» и учитывая, что мы скорее всего видели лишь малую часть их сельскохозяйственных приготовлений, я смело заключил, что они были подготовлены к тому, чтобы кормить тысячи своих сородичей

на протяжении нескольких десятилетий, на случай, если грянет Армагеддон и им придется просидеть в этом подземном убежище долгое время.

Продвигаясь из комнаты в комнату, из туннеля в туннель, мы то и дело видели их священный символ: белое небо, черная молния. Мне приходилось отворачиваться, потому что всякий раз, как мы натыкались на него, на меня все сильнее обрушивались ясновидческие образы холодной, безмолвной вечной ночи, которую он символизировал. Мне до безумия хотелось прикрепить по куску пластиковой взрывчатки к этим знакам, к этим керамическим иконам, и взорвать их — и все, что они олицетворяют, — разнести на куски, стереть в пыль. Но я не стал тратить на это взрывчатку.

Время от времени нам также попадались на глаза трубы. Они выходили из отверстий в бетонных стенах, пересекали участки комнат или коридоров, а затем исчезали в отверстиях в другой стене. Иногда это был один трубопровод, иногда пучок из шести труб разного сечения, тянувшихся параллельно друг другу. Все были белого цвета, но на каждой для удобства ремонтных бригад был нанесен символ. Все эти символы легко поддавались расшифровке: вода, электросеть, сеть связи, пар, газ. Это были самые уязвимые места в сердце крепости. Четыре раза я поднимал Райю на руки, и она поспешно прилепляла заряд взрывчатки между трубами и вставляла в него детонатор. Как и с предыдущими зарядами, которые мы установили, мы не завели детонаторы, намереваясь сделать это только на обратном пути.

Мы свернули за угол четвертого на этом уровне туннеля. Мы прошли всего двадцать или тридцать футов, когда перед нами неожиданно растворились стальные двери, раздался свист сжатого воздуха, и в пяти-шести футах перед нами в коридор вышел гoblin. В тот самый миг, когда его свиные глазки расширились, когда его влажные мясистые ноздри затрепетали, когда он задохнулся от неожиданности, я шагнул вперед, взмахнул винтовкой и ударил его по голове стволом. Пока тварь падала, я перехватил винтовку и обрушил тяжелый приклад прямо на лоб демона. От этого удара лоб должен был треснуть, но не треснул. Я собирался ударить еще, чтобы разбить его голову в кровавую кашу, но Райа схватила меня за руку и остановила. Светящиеся глаза гоблина потускнели и закатились, и со знакомым тошнотворным хлюпаньем мягких тканей и потрескиванием костей он начал принимать человеческий облик, что позволяло предположить, что он либо мертв, либо без сознания.

Райа пробралась вперед и нажала кнопку на дверной раме. Стальные двери с шипением затворились за спиной нашего корчащегося противника.

Если в той комнате и были еще гoblin, они, очевидно, не видели, что случилось с этим, лежащим на полу передо мной, поскольку они не выбежали наружу защитить его или поднять тревогу.

— Быстро, — сказала Райа.

Я понял, что она имела в виду. Это, возможно, был тот шанс, на который мы надеялись, и другого у нас могло больше не быть.

Я перекинул винтовку на плечо, ухватил гоблина за ноги и отволол его назад в туннель, из которого мы только что вышли. Райа открыла дверь, и я затащил нашу жертву в одну из комнат, предназначенных для искусственного выращивания растений.

Я пощупал пульс.

— Живой, — прошептал я.

Тварь полностью скрылась внутри тела невысокого пузатого мужчины средних лет с грушевидным носом, близко посаженными глазами и тонкими усиками. Но я, разумеется, видел истинную сущность гоблина сквозь эту маскировку. Он был обнажен — очевидно, здесь, в Аиде, это было модно.

Веки его затрепетали. Он судорожно дернулся.

Райа извлекла шприц, полный пентотала соды, с иглой для подкожных инъекций, который приготовила заранее. Куском эластичной трубки, какую сестры в больницах используют для этих же целей, Райа перетянула руку пленника так, чтобы прямо над локтевым сгибом на руке вздулась вена.

В медно-желтом свете искусственных солнц, подвешенных над пустыми чанами, глаза нашего пленника открылись. Они по-прежнему были мутными и несфокусированными, но чудовище быстро приходило в себя.

— Поторопись, — сказал я.

Райа выбрызнула несколько капель лекарства на пол, чтобы удостовериться, что в игле не осталось воздуха. (Мы не смогли бы допросить это создание, если бы оно умерло от воздушной закупорки сосудов через несколько секунд после инъекции.) Райа ввела в вену лекарство.

Через несколько секунд после этого наш пленник застыл, все его суставы затвердели в неподвижности, мускулы напряглись. Глаза широко распахнулись. Губы раздвинулись, обнажив в гримасе зубы. Все это встревожило меня и подтвердило мои сомнения относительно действия пентотала на гоблинов.

Тем не менее я наклонился вперед, глядя прямо в глаза врага — они словно смотрели сквозь меня, — и попытался допросить его.

— Ты меня слышишь?

Шипение, которое, должно быть, обозначало «да».

— Как тебя зовут?

Гоблин, не моргая, поглядел на меня и неохотно издал булькающий звук сквозь сжатые зубы.

— Как тебя зовут? — повторил я.

На этот раз его язык зашевелился, рот чуть приоткрылся, и из него вырвался бессмысленный набор звуков.

— Как тебя зовут? — спросил я.

Снова бессмысленные звуки.

— Как тебя зовут?

И снова он издал лишь странный звук, но до меня дошло, что это тот же самый ответ, который он дал на предыдущий вопрос, — не бессмысленные звуки, а многосложное слово. Я почувствовал, что это и есть его имя, но не то имя, под которым он был известен в мире обычных людей, а то, под которым его знали в тайном мире его рода.

— Как твое человеческое имя? — спросил я.

— Том Таркенсон, — ответил он.

— Где ты живешь?

— На Восьмой авеню.

— В Йонтсдауне?

— Да.

Это средство не действовало на них как успокаивающее, не сдерживало их, как нас. Но пентотал погружал его в это неподвижное, гипнотическое состояние и, судя по всему, побуждал отвечать правдиво, причем куда более эффективно, чем людей. Гипнотическая пелена заволокла глаза гоблина. Человек бы на его месте уснул и отвечал бы на вопросы, задаваемые ему, вяло и бессвязно, если бы вообще отвечал.

— Где ты работаешь, Том Таркенсон?

— Угольная компания «Молния».

— Чем ты там занимаешься?

— Я горный инженер.

— Но на самом деле ты ведь не этим занимаешься?

— Нет.

— А чем ты тут занят на самом деле?

Неуверенное молчание. Затем:

— Планируем...

— Что планируете?

— Планируем... вашу смерть, — ответил он. На миг его глаза прояснились, сфокусировавшись на мне, но тут же он опять впал в транс.

Я поежился.

— Каково назначение этого места?

Он не отреагировал.

— Каково назначение этого места? — повторил я вопрос.

Он испустил еще одну длинную цепочку звуков, которые были лишены для меня какого-нибудь значения, а лишь указывали на значение.

Я никогда прежде не думал, что у гоблинов может быть их собственный язык, которым они пользуются, когда нет опасности того, что кто-нибудь из нашего рода может услышать их. Но это открытие не удивило меня. Почти наверняка это был язык людей, на котором разговаривали в том потерянном мире в прежнюю эру, прежде чем цивилизация пала жертвой апокалиптической войны. Немногие из людей, которые пережили тот давний Армагеддон, обратились в дикое состояние и позабыли свой язык, как и многое другое. Но гоблины, которых выжило большее число, помнили его и использовали как свой живой язык.

С учетом их инстинкта к искоренению нашего рода, была некая ирония в том, что они должны были сохранять что-то, что порождено человеком, — кроме себя самих.

— Каково назначение этого сооружения? — упорствовал я.

— ...убежище...

— Убежище от чего?

— ...тем...

— Убежище от темноты?

— ...от черной молнии...

Прежде чем я успел задать следующий — и очевидный — вопрос, гоблин неожиданно забарабанил пятками по каменному полу, передернулся, моргнул, зашипел. Он попытался дотянуться до меня одной рукой. Хотя его суставы больше не были скованы, они все же оставались непослушны ему. Рука упала обратно на пол, пальцы задрожали, точно сквозь них пропустили электрический ток. Действие пентотала соды быстро заканчивалось.

Пока я допрашивал пленника, Райа приготовила еще один шприц. Теперь она воткнула иглу в вену и ввела твари еще дозу. В человеческом теле пентотал сравнительно быстро входил в обмен веществ, и для поддержания нужного состояния требовалось медленное постоянное впрыскивание. Судя по всему, несмотря на некоторую разницу в реакции человека и гоблина, продолжительность действия наркотика была примерно одинакова в обоих случаях. Вторая доза подействовала на существо почти сразу. Глаза его снова затуманились, тело застыло.

— Ты сказал, что это убежище? — задал я вопрос.

— Да.

— Убежище от черной молнии?

— Да.

— Что такое эта черная молния?

Он испустил жутковатое завывание и содрогнулся.

Что-то в этом режущем ухо звуке производило впечатление удовольствия, как будто одна мысль о черной молнии вызывала дрожь наслаждения в теле нашего пленника.

Я тоже содрогнулся, только от страха.

— Что такое черная молния? — повторил я.

Глядя сквозь меня на видение невообразимого разрушения, гоблин заговорил. Голос его сочился злобой и прерывался от благоговения:

— Белое-белое небо — это небо, обесцвеченное десятью тысячами мощных взрывов, одной ослепительной вспышкой от одного края горизонта до другого. Черная молния — это черная энергия смерти, ядерной смерти, обрушившейся с небес, чтобы уничтожить человечество.

Я поглядел на Райю.

Она поглядела на меня.

То, что мы подозревали, — и то, о чем не осмеливались говорить вслух, — оказалось

правдой. Угольная компания «Молния» подготавливала редут, где гоблины смогут найти убежище и надежду пережить еще одну войну, уничтожающую мир, вроде той, что они развязали в ту забытую эру.

Нашего пленника я спросил:

— Когда начнется война?

— Может быть... через десять лет...

— Через десять лет с этого года?

— ...может быть...

— Может быть? Ты хочешь сказать, в семьдесят третьем?

— ...или через двадцать лет...

— Двадцать?

— ...или тридцать...

— Когда, черт тебя возьми? Когда?

Под человеческими глазами ярко вспыхнули светящиеся глаза гоблина, и в их проблеске была безумная ненависть и еще более безумный голод.

— Нет точной даты, — сказал он. — Время... нужно время... время, чтобы построить арсеналы... время, чтобы ракеты стали более изощренными... более точными... Разрушительная сила должна быть такой огромной, чтобы, когда вырвется, не осталось никакого человеческого отродья в живых. Ни одно семя не должно избежать сожжения в этот раз. Их нужно счистить... смыть с земли и очистить ее от них и от всего, что они построили... очистить от них и от их дерьма...

Он засмеялся горловым смехом, жидким кудахтаньем неподдельного черного удовольствия, и его радость от предвкушения Армагеддона была так велика, что на миг она пересилила обездвижившую его хватку лекарства. Он изогнулся почти сладострастно, дернулся, выгнул спину так, что пола касались только пятки и затылок, и быстро заговорил на своем древнем языке.

Меня охватила дрожь — такая неудержимая, что казалось, дрожит каждая клетка моего тела. Зубы у меня скрипнули.

Гоблин все сильнее втягивался в свое религиозное видение Судного дня, но эффект лекарства не позволял ему целиком поддаться страстям, бушевавшим в нем. Внезапно, точно плотина эмоций внутри него рухнула, гоблин испустил дрожащий вздох — «А-хх-х-х-х-х-х-х-х» и опорожнил мочевой пузырь. Зловонный поток мочи словно вымыл из организма не только пыл разрушения, но и ослабил действие пентотала.

У Райи уже был наготове третий шприц успокоительного. На полу рядом с ней лежали две использованные ампулы, две одноразовые иголки и пластиковая упаковка.

Я удерживал тварь на полу.

Она вонзила иглу в вену, уже дважды проколотую, и начала нажимать на поршень шприца.

— Не все сразу! — бросил я, стараясь удержать тошноту от едкой вони мочи.

— Почему?

— Мы же не хотим превысить дозу и убить его. У меня еще есть что спросить у него.

— Я буду вводить понемногу, — сказала она.

Она ввела нашему пленнику примерно четверть дозы — достаточно для того, чтобы он снова застыл. Она оставила иглу в вене, готовая вбрызнуть в гоблина еще наркотик, как только он начнет проявлять признаки выхода из гипнотического транса.

Я обратился к пленнику:

— Очень давно, в эпоху, о которой люди забыли, в эпоху, когда был создан ваш род, была другая война...

— Война, — тихо сказал он, почтительно, словно о самом святом событии. — Война... Война...

— В ту войну, — продолжал я, — ваш род строил глубокие убежища вроде этого?

— Нет. Мы умирали... умирали вместе с людьми, потому что были творением человека

и потому заслуживали смерти.

— Тогда зачем строить убежища сейчас?

— Потому что... нам не удалось... не удалось... нам не удалось... — Он моргнул и попытался подняться. — Не удалось...

Я кивнул Райе.

Она впрыснула чудовищу еще немного наркотика.

— Почему вам не удалось и что? — спросил я.

— ...не удалось стереть с лица земли расу людей... а потом... после войны... нас осталось слишком мало, чтобы уничтожить всех людей, оставшихся в живых. Но на этот раз... о, на этот раз, когда война закончится, когда пламя погаснет, когда с небес упадет весь остывший пепел, когда кислотный дождь и едкий снег перестанет идти, когда радиация станет слабой...

— Ну? — поторопил я его.

— Тогда, — продолжал он голосом, исполненным священного благоговения, словно пророчествующий религиозный фанатик, — из наших убежищ время от времени будут выходить партии охотников... и наверху они будут выслеживать каждого мужчину, каждую женщину, каждого ребенка, оставшихся в живых... и уничтожать всех людей... Наши охотники будут искать и убивать... убивать до тех пор, пока у них не кончатся запасы еды и питья или пока остаточная радиация не убьет их самих. На этот раз нам удастся. Нас выживет достаточное количество для того, чтобы выпускать команду ликвидаторов в течение ста лет, двухсот лет. А когда земля станет совершенно бесплодной и голой, когда от полюса до полюса будет полное молчание и не останется ни малейшей опасности возрождения человеческой жизни, тогда мы уничтожим последнее деяние рук человеческих — самих себя. И тогда все будет черным, очень черным, холодным и безмолвным, и Ничто в своей совершенной чистоте будет царить вовеки.

Я больше не мог делать вид, что меня вводит в недоумение безжалостная пустота, которую я воспринимал ясновидением, глядя на символ черной молнии. Я и в самом деле понимал все его ужасное значение. В этом знаке я видел жестокий конец жизни человечества, гибель мира, безнадежность, вымирание.

Я обратился к пленнику:

— Ты понимаешь, что ты говоришь? Ты мне говоришь, что окончательная ваша цель — это самоуничтожение всего вашего рода.

— Да. После вашего.

— Но это же бессмысленно.

— Это судьба.

Я возразил:

— Ненависть, доведенная до такого предела, лишена смысла. Это безумие, хаос.

— Ваше безумие, — ответил он мне, неожиданно ослабившись. — Вы вложили его в нас, разве не так? Ваш хаос: вы спланировали его.

Райа ввела еще наркотик.

Усмешка исчезла с его лица — как на лице человека, так и на морде гоблина, но он продолжал:

— Вы... ваш род... вы непревзойденные мастера ненависти, знатоки разрушения... императоры хаоса. Мы только такие, какими нас создали вы. У нас нет никакого потенциала, который бы не предвидел ваш род. И на самом деле... у нас нет никакого потенциала, который не одобрил бы ваш род.

Я заставил себя отстаивать ценность человеческой расы, точно и в самом деле находился во чреве ада и передо мной стоял демон, который держал в своих когтистых лапах будущее человечества и мог бы смириться, если я сумею его убедить:

— Не все из нас мастера ненависти, как ты назвал нас.

— Все, — упорствовал он.

— Некоторые из нас добры.

— Ни один.

— Большинство из нас добры.

— Ложь, — ответил демон с той непоколебимой уверенностью, которая (как гласит Библия) отличает сатану и слуг его и служит инструментом, с помощью которого сомнение укореняется в умах смертных.

Я сказал:

— Некоторые из нас любят.

— Любви не существует, — ответил демон.

— Ты ошибаешься. Существует.

— Это иллюзия.

— Некоторые из нас любят, — настаивал я.

— Ты лжешь.

— Заботятся друг о друге.

— Все это ложь.

— У нас есть мужество, мы способны к самопожертвованию во имя других. Мы любим мир и ненавидим войну. Мы лечим больных и скорбим по мертвым. Мы не чудовища, черт тебя возьми. Мы воспитываем детей и стремимся дать им лучшую жизнь.

— Ваш род омерзителен.

— Нет, мы...

— Ложь. — Он зашипел, и этот звук выдал нечеловеческую природу под человеческим обликом. — Ложь и самообман.

Райа сказала:

— Слим, пожалуйста, это бессмысленно. Ты не сможешь переубедить их. Их — не сможешь. То, что они думают о нас, это не просто их мнение. То, что они о нас думают, *закодировано у них в генах*. Ты не можешь это изменить. Никто не может это изменить.

Разумеется, она была права.

Я вздохнул. Кивнул головой.

— Мы любим, — упрямо сказал я, хотя и знал, что спорить бесполезно.

Райа медленно ввела еще пентотала, а я продолжил допрос. Я узнал, что в этой пещере, в которой гоблины надеются пережить Судный день, пять уровней. Каждый уровень лишь наполовину выдается над тем, что находится ниже его. Таким образом, уровни формируют как бы лестницу в центре горы. Как сказал демон, закончено оборудование шестидесяти четырех комнат. Эта цифра ошеломила меня, но не была такой уж невероятной. Они были весьма трудолюбивы — муравейник, не обремененный тягой к индивидуальности — прекрасной, но порой огорчительной чертой рода человеческого. Одно устремление, один метод, одна главенствующая над всем цель. Никогда не бывает несогласных. Никаких еретиков или отколовшихся групп. Никаких дебатов. Непреклонно, маршем двигались они к своей мечте о вечно безмолвной, бесплодной, погруженной во мрак Земле. Если верить нашему пленнику, они собирались добавить еще не меньше сотни залов к этому убежищу, прежде чем настанет день выпустить ракеты над землей. В течение нескольких месяцев перед началом войны их род ручейками будет стекаться сюда со всей Пенсильвании и из некоторых других восточных штатов.

— Есть и другие гнезда, подобные Йонтсдауну, — с удовольствием сказал демон, — где втайне строят такие же убежища, как это.

Испуганный его словами, я попытался надавить на него, чтобы выведать, где находятся эти норы, но наш пленник не знал об их местонахождении.

Их план заключался в том, чтобы закончить строительство убежищ в то же самое время, когда двигатели ядерного разрушения будут доведены до такого же качественного уровня, что и те, которые были созданы в потерянную эру и погибли в войне. Тогда настанет пора действовать гоблинам, и они нажмут на кнопки катаклизма.

Слушая это безумие, я обливался холодным липким потом. Я расстегнул «молнию» на куртке, чтобы впустить немного воздуха и остыть, и ощутил едкий запах страха и отчаяния,

исходящий из моего тела.

Припомнив деформированных детенышей гоблинов, запертых в клетке в подвале дома Хэвендалов, я спросил его, насколько часто их потомство рождается дефектным, и оказалось, что мои подозрения были правильными. Гоблины, созданные как бесплодные существа, приобрели способность к размножению в результате мутации, но процесс мутирования продолжался и в последние несколько десятилетий как будто ускорился. В результате этого все большее число гоблинов рождались такими же, как те злосчастные твари в клетке. Переменчивый случай забирал у них обратно дар жизнеспособного воспроизводства. Вообще же численность гоблинов сокращалась уже долгое время. Прирост здорового потомства был слишком мал, чтобы восполнять ряды старших — тех, чья невероятно долгая жизнь все же подходила к концу, и тех, кто погибал при несчастных случаях или принимал смерть от рук таких людей, как я. Поэтому, увидев приближение своего собственного — хоть и постепенного — вымирания, они твердо вознамерились подготовить и начать новую войну до конца столетия. После этого срока их уменьшающееся количество может затруднить патрулирование развалин мира после катастрофы и уничтожение тех немногих людей, которые выживут в руинах.

Райа приготовила еще одну ампулу пентотала, вопросительно подняв бровь.

Я помотал головой. Больше выяснять было нечего. Мы и так узнали слишком много.

Она убрала ампулу. Руки у нее тряслись.

Отчаяние саваном окутывало меня.

Бледное лицо Райи было зеркалом моих собственных чувств.

— Мы любим, — сказал я демону, который начал судорожно дергаться и шлепать по полу, слабо двигаясь. — Мы любим, будь ты проклят, мы любим.

Затем я вытащил нож и перерезал ему глотку.

Показалась кровь.

Я не почувствовал радости при виде крови. Мрачное удовлетворение, может быть, но не радость.

Поскольку гоблин уже был в человеческом облике, ему не нужно было трансформироваться. Человеческие глаза потускнели, покрываясь изморозью смерти, внутри изменчивой плоти глаза гоблина тоже потускнели, затем потемнели.

Когда я наконец поднялся, прозвучал сигнал тревоги.

Пронзительное несмолкающее завывание эхом ударялось о бетонные стены.

Как в том кошмаре.

— Слим!

— О черт, — сказал я, и сердце у меня забилося с перебоями.

Нашли ли они мертвого гоблина на нижнем уровне убежища, в его могиле из неверных теней? Или они хватились того, чью глотку я только что перерезал, и, не найдя его, что-то заподозрили?

Мы поспешили к дверям. Но, подойдя к ним, услышали, как с другой стороны, в коридоре, бегут гоблины, вопя что-то на своем древнем языке.

Теперь нам было известно, что в убежище шестьдесят четыре комнаты на пяти уровнях. Враги никоим образом не могли установить, как глубоко мы проникли и где мы находимся, поэтому вряд ли они будут обыскивать эту комнату в первую очередь. У нас было несколько минут, чтобы ускользнуть. Немного, но все же несколько драгоценных минут.

Взвыла сирена. Резкий звук обрушился на нас с Райей, точно мощная морская волна.

Мы обежали комнату, ища место, где бы спрятаться, не надеясь найти что-нибудь и не находя ничего, пока я не обнаружил одну из решеток, закрывающих вытяжные отверстия в вентиляции, в стене у самого пола. Она была больше квадратного ярда размером и крепилась не болтами, чего я опасался, а простым зажимом. Я потянул зажим, и решетка откинулась наружу на шарнирах. Стенки туннеля сечением в ярд с другой стороны были металлическими, и входящий воздух тек по трубе с тихим глухим шелестом и еще более тихим лязганьем металла.

Прижавшись губами к уху Райи, чтобы она услышала меня за воем сирены, я сказал:

— Снимай свой рюкзак и пихай его туда. То же самое с дробовиком. Пока сирена работает, можешь не волноваться, что ты шумишь. Но когда не будет этого прикрытия, придется сидеть очень и очень тихо.

— Там внутри темно. Мы можем воспользоваться фонариками?

— Да. Но когда увидишь свет впереди, идущий через другой люк, выключи фонарь. Мы не можем рисковать — наши фонарики не должны быть заметны через решетку в коридорах.

Она нырнула в трубу первой, извиваясь на животе и толкая перед собой ружье и рюкзак. Она заняла большую часть прохода, поэтому свет от ее фонарика еле-еле пробившаяся, и мало-помалу она исчезла в темноте.

Я закинул свой рюкзак в отверстие, протолкнул его подальше стволом винтовки и вполз сам. Мне с трудом удалось развернуться в этом узком пространстве, чтобы закрыть вентиляционную решетку, дернув достаточно сильно, чтобы зажим с щелчком захлопнулся.

Завывание сирены проходило сквозь каждую решетку вытяжки вентиляционной системы, резонируя от металлических труб воздухопровода еще более резко, чем от бетона комнаты, из которой мы только что выбрались.

Клаустрофобия, которую я почувствовал, войдя в шахты девятнадцатого века вместе с Хортоном Блауэтом, мстительно вернулась ко мне. Я был почти наполовину убежден, что застряну здесь и задохнусь. Грудь сжало между бешено колотящимся сердцем и холодным металлическим полем трубы. Я почувствовал, как в глубине горла рождается крик, но я задавил его. Мне хотелось вернуться назад, но я двинулся вперед. Ничего не оставалось делать, как двигаться вперед. Неминуемая смерть была позади нас. И даже если бы вероятность встречи со смертью впереди была ненамного меньше, я все равно должен был двигаться вперед, где у нас был шанс, может быть, всего один, но все-таки шанс — выжить.

Мы глядели на ад не с той позиции, с какой наслаждаются его зрелищем демоны, — с позиции крысы из стены.

30

Вдали от ярмарки

Назойливое завывание сирены напомнило мне о гонках на мотоциклах в аттракционе «стена смерти» на ярмарке братьев Сомбра. Там использовали такой же звук, чтобы подогреть страсти. Темный лабиринт вентиляционной системы казался балаганом. И в самом деле тайное сообщество гоблинов, в котором все было не так, как в мире «правильных», было своего рода более мрачным подобием замкнутого сообщества балаганщиков. Мы с Райей ползком пробирались по трубам, и я чувствовал себя так, как, должно быть, чувствовал бы себя молодой простак, если бы, набравшись смелости, прокрался на ярмарку после закрытия, намереваясь испытать свое мужество, проникнув в шоу уродов, когда все огни погашены и никто из своих не окажется поблизости и не услышит его вопли.

Райа добралась до вертикальной трубы, начинающейся в потолке нашего горизонтального туннеля, и посветила туда лучом фонарика. Я удивился, когда она полезла туда, таща за собой рюкзак за лямки. Но, последовав за ней, я обнаружил, что на одной из стен шахты были небольшие скобы лестницы — для удобства обслуживания системы. За них можно было ухватиться только пальцами, наступая носками ног, но благодаря им все же можно было подниматься без особых усилий. Даже для гоблинов, с их умением разгуливать по стенам и потолкам, было бы затруднительно карабкаться по гладкой металлической поверхности вертикальных труб без подобных опор.

Пока я лез, мне в голову пришла отличная мысль — уйти с того уровня сооружения, на котором мы оставили второго мертвого гоблина, потому что, когда труп обнаружат, поиск будет сосредоточен главным образом на той территории. Примерно в пятидесяти-шестидесяти футах над началом подъема мы выбрались из этой шахты на другой горизонтальный уровень, на следующем этаже, и Райа первой двинулась по множеству

соединяющихся туннелей.

Сирена наконец-то смолкла.

В ушах у меня продолжало звенеть еще долго после того, как тревожные сигналы прекратились.

У каждого воздухозаборника Райа останавливалась, чтобы поглядеть через решетку в комнату. Когда она начинала двигаться дальше, я занимал ее место и тоже прикинул к металлической решетке. Некоторые комнаты были пустыми, темными и тихими. Но большинство помещений обыскивали вооруженные гоблины, охотившиеся за нами. Порой мне не удавалось разглядеть почти ничего, кроме их ног или даже ступней, поскольку через решетки была видна только нижняя часть помещения. Тем не менее, судя по настойчивости их пронзительных голосов и по их осторожным, но торопливым передвижениям, я понимал, что они заняты розысками.

С того момента, как мы поднялись на лифте с незавершенного уровня на пятый и начали разнюхивать все вокруг, мы чувствовали вибрацию в полу и стенах туннелей и комнат, через которые проходили. Создавалось впечатление, словно где-то вдалеке массивный механизм перемалывает скалы в булыжники, и мы предположили, что это звук тяжелых горнодобывающих машин в тех отдаленных шахтах, где на самом деле добывают уголь. Когда смолкла сирена, а в ушах у меня перестало звенеть, я обнаружил, что грохот и тряска, слышные в других местах, были различимы также и внутри вентиляционной системы. И в самом деле, по мере того как мы продвигались все дальше, шум становился громче, перерастая из рокота в заунывный грохот. Вибрация тоже становилась все более ощутимой, проходя по стенам трубы, а через них по всему телу.

Ближе к концу вентиляционной системы этого уровня мы добрались до вентиляционного отверстия, через которое Райа разглядела нечто, что ее заинтересовало. Более гибкая, чем я, она смогла развернуться в этом узком пространстве без особого шума и стука, и таким образом мы оказались лицом к лицу возле решетки.

Мне не нужно было вглядываться, чтобы понять, что источник сильного непрерывного шума находится в комнате с другой стороны решетки, потому что и шум, и тряска достигли здесь своего пика. Когда я все же посмотрел сквозь узкие щели между прутьями решетки, то увидел чугунные основания, на которых находились, судя по всему, крупных размеров станки, хотя видел я слишком мало для того, чтобы определить точно, что же это такое.

Также мне представилась возможность вблизи рассмотреть когтистые ступни множества гоблинов. Слишком близко. Остальные были достаточно далеко, чтобы я смог разглядеть, что они вооружены и заняты розысками среди громадных механизмов.

Какого бы рода ни был источник шума и вибрации, он не был связан с добычей угля, как мы решили вначале, — в комнате не пахло углем и не было угольной пыли. Более того, не было звуков сверления или дробления. Характер шума был практически тем же самым вблизи, что и на отдалении, только значительно громче.

Я не знал, почему Райа остановилась здесь. Но она была очень толковой и сообразительной, и я достаточно хорошо знал ее, чтобы почувствовать, что она задержалась не из простого любопытства. У нее была какая-то идея, возможно, даже план. Я был готов подчиниться ее руководству, потому что ее план был заведомо лучше моего. Должен был быть лучше. У меня вообще не было плана.

За несколько минут поисковая партия заглянула во все явные места, где можно было спрятаться в комнате. Гоблины двинулись дальше. Их спорящие голоса смолкли.

Они не подумали заглянуть в вентиляционные трубы. Однако вскоре они исправят свою ошибку.

Строго говоря, гоблины уже могли быть внутри вентиляционной системы, ползя от шахты к шахте в поисках нас — совсем близко за спиной.

Та же самая мысль, очевидно, пришла в голову и Райе, потому что она явно решила, что настало время выбираться из вентиляции. Прижавшись плечом к решетке, она нажала на нее. Зажим ее щелкнул, и решетка открылась.

Это был рискованный шаг. Если хоть один член поисковой команды задержался и если в комнате были гоблины-рабочие, враг мог оказаться достаточно близко, чтобы увидеть, как мы вылезаем.

Нам повезло. Мы выбрались из вентиляции, вытащили свои рюкзаки, холщовый вещмешок и оружие и закрыли решетку, оставаясь незамеченными.

Мы не стали обсуждать решение Райи покинуть вентиляционную систему, поскольку нам пришлось бы повышать голоса, чтобы услышать друг друга за шумом работающих механизмов. Но несмотря на то, что мы не имели возможности посоветоваться, мы действовали слаженно, пробираясь к укрытию — громадному механизму.

Мы еще не добрались до цели, когда до меня дошло, где мы находимся. Это была электростанция комплекса, вырабатывающая для него электроэнергию. Шум частично происходил от рядов громадных турбин, приводящихся в движение водой, а возможно, и паром.

Комната, похожая на пещеру, выглядела впечатляюще — более пятисот футов в длину и не менее двухсот футов в ширину. Потолок ее находился на уровне примерно шестого-восьмого этажа. В центре помещения в ряд один за другим стояли на чугунных основаниях серо-стального цвета пять генераторов — каждый размером с двухэтажный дом. Вспомогательное оборудование, по большей части столь же гигантских размеров, тесно громоздилось вокруг оснований генераторов.

Стараясь постоянно держаться под прикрытием теней, мы прошли через весь зал, прячась то за одним механизмом, то за другим, от ящиков, полных запасных частей, до ряда электрокаров, тележек, которые, очевидно, использовали рабочие для перемещения по залу.

На высоте вдоль всех стен и прямо у нас над головой были установлены стальные подвесные леса для эксплуатационных служб и наблюдения.

Там же, над головой, с рельсов, утопленных в потолок, свешивался гигантских размеров красный кран. Он, вероятно, мог двигаться из одного угла комнаты в другой для обслуживания любого из пяти генераторов, которому мог потребоваться серьезный ремонт. В настоящий момент он бездействовал.

Перебегая от одного прикрытия к другому, мы с Райей не только осматривали все, что находилось внизу, но постоянно внимательно поглядывали на леса. В зале мы увидели гоблина-рабочего, затем еще двух. Оба раза они находились в паре сотен футов от нас, погруженные в свои занятия. Они управляли оборудованием и ни разу не заметили, как мы быстро, по-крысиному, перебегаем из тени в тень. К нашему счастью, в это время никто не работал на лесах под потолком — откуда было бы гораздо проще засечь нас; внизу, где находилось большое количество оборудования и материалов, заметить нас было гораздо сложнее.

Дойдя примерно до середины комнаты, мы наткнулись на канал тридцати футов в глубину и в ширину. Он тянулся рядом с генераторами через всю комнату. По краям канала шли перила ограждения. На дно канала был уложен трубопровод приблизительно двадцати четырех футов в диаметре, достаточно просторный, чтобы внутри него могли ездить грузовики. И впрямь, шум, доносящийся из трубы, словно указывал, что целые конвои «Петербилтов», «Маков» и других восемнадцатиколесных громадин прямо сейчас с ревом едут там, внутри.

На какой-то момент я опешил, но затем догадался, что электроэнергию для всего подземного комплекса вырабатывает подземная река, русло которой заключили в эту трубу и которая вертела лопасти гигантских турбин. То, что мы слышали, было миллионами галлонов воды, льющейся вниз потоком, уходящим, очевидно, в глубь горы. Глядя на ряд генераторов размером с дом, я почувствовал к ним новое почтение и внезапно задался вопросом, для чего гоблинам нужно так много энергии. Они вырабатывали достаточно электричества для того, чтобы его хватало на город, во сто раз больший, чем тот, который строили они.

Канал пересекали мосты. Один из них находился всего в десяти ярдах от нас. Однако я подумал, что мы слишком будем на виду и слишком уязвимы, пересекая мост. Райа, видимо,

согласилась с этой мыслью, потому что мы, не сговариваясь, одновременно повернули прочь от канала и осторожно направились к центру электростанции, высматривая гоблинов, а также все, что можно было бы использовать в качестве прикрытия.

И мы его нашли.

Единственно, как мы могли бы выбраться из этого так называемого убежища, было залезть на дно на достаточно долгий срок, чтобы противник подумал, что мы уже ускользнули. Тогда они перестанут искать нас здесь и обратят свое внимание на наземный мир.

Они начнут разыскивать нас там и примут все необходимые меры, чтобы никто больше не проник в сооружение тем же путем, что и мы.

Так вот, укрытие: бетонный пол очень плавно понижался вблизи отверстий для стока воды, размером в три фута. Гоблины, вероятно, мыли здесь пол, поливая его время от времени из шлангов. Грязная вода стекала через эти отверстия. Настил сливного люка, который мы обнаружили, представлял собой блестящую стальную решетку, утопленную в пол в укромном месте среди машин. Поблизости не было никакого источника света, чтобы пробиться сквозь мглу под решеткой, поэтому я включил свой фонарик и направил луч сквозь решетку. Перекрещенные тени прутьев решетки изгибались и прыгали всякий раз, как я менял направление луча, что затрудняло осмотр, но я разглядел, что вертикальное колено трубы уходит вниз примерно на шесть футов. Далее труба разветвлялась на два горизонтальных уходящих в противоположные стороны трубопровода. Диаметр каждого из них был чуть поменьше, чем у вертикальной трубы, от которой они отходили.

Подходяще.

У меня возникло ощущение, что у нас уже нет времени. Поисковая группа покинула эту комнату не так давно, но не было гарантии, что она не вернется сюда снова — особенно если мы неразумно оставили следы нашего пребывания в вентиляционной системе, которые отметили наш маршрут до этого места. Если поисковая команда не вернется, тогда кто-нибудь из работников электростанции наверняка рано или поздно наткнется на нас, как бы осторожны мы ни были.

Мы вдвоем вынули стальную решетку из отверстия и тихонько положили ее сбоку. Раздался всего лишь короткий скрежет металла, но, учитывая гул текущей в двух шагах отсюда реки и грохот работающих механизмов, вряд ли кто услышал его. Мы положили решетку так, чтобы она на треть нависала над отверстием. Это позволяло ухватить ее изнутри и передвинуть на место. Мы опустили в отверстие снаряжение.

Райа скользнула вниз и быстро распахнула наши рюкзаки — по одному в каждое горизонтальное ответвление в нижней части основной трубы. Так же она поступила и с оружием — дробовик в одну сторону, винтовку — в другую. Наконец она сама залезла в правую трубу и втащила за собой холщовый мешок.

Я спрыгнул вниз, в пустую теперь основную трубу. Дотянувшись до верха, я ухватился за край сливной решетки и попытался подтянуть ее на место без единого звука. Мне это не удалось. В последний момент решетка выскользнула у меня из рук и упала на свое место с тяжелым металлическим лязгом, наверняка слышным по всему залу у меня над головой. Я надеялся только на то, что каждый из гоблинов-рабочих решит, что этот звук произвел другой.

Проскользнув задом в левый отвод водосточной трубы, я обнаружил, что она идет не вполне горизонтально, а слегка под уклон, чтобы лучше стекала вода. Сейчас труба была сухой. Очевидно, в последнее время пол не поливали из шлангов.

Я глядел на Райю, от которой меня отделяли три фута диаметра вертикальной сливной трубы. Однако темнота здесь была такой плотной, что я не мог разглядеть ее. Достаточно было просто знать, что она там.

Прошло несколько минут. Ничего. Если лязганье решетки стока и было услышано, очевидно, большого интереса оно не вызвало.

Шум генераторов над головой и непрекращающийся грохот подземной реки где-то

позади Райи проникали сквозь пол, под которым проходили трубы, и тем самым этот шум проникал и в сами трубы, что делало беседу невозможной. Нам пришлось бы кричать, чтобы услышать друг друга. А на такой риск мы, ясное дело, пойти не могли.

Внезапно у меня возникло чувство, что надо дотянуться до Райи. В тот же миг, как я поддался этому порыву, я обнаружил, что и она тянется ко мне, пытаясь передать сандвич, завернутый в промасленную бумагу, и термос с соком. Она словно бы не была удивлена, когда моя ищущая рука нашла в темноте ее руку. Совершенно слепые, глухие и немые, мы тем не менее могли общаться благодаря невероятной близости, возникшей из нашей любви. Между нами была почти ясновидческая связь, и из нее мы черпали, сколько могли, спокойствие и надежду.

Я поглядел на светящийся циферблат своих наручных часов. Пять с минутами пополудни. Воскресенье.

Темнота и ожидание.

Я вспомнил Орегон. Но утрата семьи действовала слишком угнетающе.

Поэтому я стал думать о Райе. О том, как мы веселились в лучшие времена, о том, как я люблю ее, нуждаюсь в ней, хочу ее. Но вскоре мысли о Райе привели меня в возбуждение, а это было чертовски неудобно в моем нынешнем положении в таком тесном пространстве.

Тогда я обратился к воспоминаниям о ярмарке и о множестве моих друзей там. Заведение братьев Сомбра было моим убежищем, моей семьей, моим домом. Но, черт возьми, мы были вдали от ярмарки, и надежда вернуться туда была так мала, и это угнетало еще сильнее, чем мысли о том, что я потерял в Орегоне.

И я заснул.

Я мало спал последние несколько ночей, был измотан целым днем блужданий и открытий и не просыпался девять часов. В два часа утра я безжалостно вырвал себя из сна. Уже через секунду сонливости как не бывало.

Какое-то мгновение мне казалось, что разбудил меня страшный сон. Затем до меня дошло, что причиной этого были голоса, проникающие сюда сверху через решетку сливного люка: голоса гоблинов, оживленно переговаривающихся на своем древнем языке.

Я протянул руку из своей норы и нащупал в темноте руку Райи, тянущуюся ко мне. Мы крепко сжали руки друг друга, прислушиваясь.

Голоса у нас над головой удалялись.

Там, в зале электростанции, раздавались звуки, которых я не слышал раньше: более сильный топот, более громкий лязг металла.

Не одним ясновидческим чутьем я ощутил, что идет второй обыск электростанции. За прошедшие девять часов они осмотрели весь комплекс от одного конца до другого, не пропустив ни одного коридора. Они обнаружили мертвого гоблина, которого мы допрашивали. Они нашли пустые ампулы из-под пентотала и использованные иглы, лежащие рядом с трупом. Может быть, они даже нашли следы нашего бегства по вентиляционным трубам и узнали, что мы вышли из этих туннелей в помещение электростанции. Не найдя нас нигде больше, они по второму кругу прочесывали этот зал.

Прошло сорок минут. Голоса наверху не смолкали.

Несколько раз мы с Райей расцепляли руки, но через минуту-другую соединяли их снова.

К своему ужасу, я услышал звук шагов, приближающихся к отверстию водостока. Снова несколько гоблинов собрались вокруг этой стальной решетки.

Сквозь решетку ударил луч света от фонарика.

Мы с Райей мгновенно отдернули руки и, точно черепашки, прячущиеся в панцирь, бесшумно протиснулись назад в свои трубы.

Лучи света, рассеянного решеткой, полосами срывали покров с пола вертикальной трубы передо мной — со стыка, где она соединялась с горизонтальными трубами, в которых укрылись мы. Немного можно было увидеть таким образом, поскольку перекрещенные прутья решетки сбивали и смешивали тени.

Фонарик со щелчком погас.

Все это время дыхание было зажато в моей груди. Я тихонько выдохнул, втянул свежий воздух.

Голоса не умолкали.

Через секунду послышался скрежет, лязг, тяжелый стук, затем царапающий звук — они подняли решетку с отверстия и сдвинули ее вбок.

Фонарик мигнул опять. Он казался ярким, точно прожектор на сцене.

Прямо передо мной, всего в нескольких футах от начала горизонтальной трубы, в которой я лежал, луч фонарика освещал дно вертикальной основной трубы с почти сверхъестественной детальностью. Луч казался горячим. Если бы в трубе была сырость, я ничуть не удивился бы, увидев, как она шипит и испаряется в его свете. Каждая царапина, каждое обесцвеченное пятно на поверхности трубы стали ясно видны.

Я следил за шарящим лучом в ожидании, затаив дыхание, боясь, что он может наткнуться на что-нибудь, что могли обронить я или Райа, когда тянулись друг к другу в темноте. Может быть, крошку хлеба с сэндвича, который она передала мне. Единственная белая крошка, высвеченная на пятнистой поверхности трубы, может означать наш конец.

С другой стороны медленно движущегося луча, в горизонтальной трубе, противоположной той, где был я, я заметил лицо Райи, смутно освещаемое отблесками фонарика. Она тоже взглянула на меня. Но, как и я, она была не в состоянии больше чем на секунду отвести глаза от ищущего луча, опасаясь того, что может открыться в любой момент.

Внезапно светящееся копье прекратило свое движение.

Я напряг зрение, чтобы рассмотреть, что именно остановило внимание гоблина, задержав его руку с фонариком, но не увидел ничего, что могло бы заинтересовать его или возбудить подозрение.

Луч по-прежнему не двигался.

Гоблины наверху заговорили громче, быстрее.

Я пожалел, что не понимаю их языка.

И все же мне показалось, что я знаю, о чем они говорят: они собирались спуститься вниз, чтобы заглянуть в ответвления трубы. Что-то необычное привлекло их внимание, что-то не то, и они собирались спуститься, чтобы поглядеть повнимательней.

Страх прошел по моему телу — словно задрожала струна арфы, и каждая нота этого глассандо была холодней, чем предыдущая.

Я представил себе, как отчаянно, с усилиями отступаю в глубь трубы, слишком стесненный в движениях, чтобы сражаться, а один из гоблинов скользит головой вперед, преследуя меня. Быстрый, как все эти демоны, он вполне сможет вытянуть руки с ужасными когтями и располосовать мне лицо — или выцарапать глаза из глазниц, или разодрать горло — в тот самый миг, как я буду нажимать на спусковой крючок. Наверняка я убью его, но и сам умру в страшных мучениях, как только произведу выстрел, который прикончит моего врага.

Когда он увидит меня, неизбежность собственной гибели не остановит гоблина от того, чтобы полезть в трубу. Я видел, насколько их тайное общество похоже на муравейник. Я знал, что для блага сообщества один из них без колебаний пожертвует собой, как муравей без колебаний отдаст жизнь, защищая муравейник. А если мне удастся убить одного, или пятерых, или десятерых из них, они будут продолжать лезть, загоняя меня все дальше вглубь, пока мой дробовик не заклинит или пока я не промешкаю с перезарядкой, и тогда последний из них убьет меня.

Луч фонаря снова пришел в движение. Он медленно проскользил вокруг дна вертикальной трубы. Затем еще один раз по кругу.

Вновь застыл.

В освещенной шахте лениво кружились пылинки.

Ну же, давайте, вы, ублюдки, подумал я. Давайте, вперед, пора кончать со всем этим.

Щелчок, и фонарик погас.
Я напрягся.
Неужели они будут спускаться в темноту? Почему?
Внезапно они тяжело опустили решетку обратно на место.
Все же они не намерены были спускаться. Они уходили, удовлетворившись тем, что нас не было в трубе.

Я с трудом верил в это. Я ошеломленно лежал, не дыша от изумления так же, как чуть раньше не дышал от страха.

Я протиснулся вперед в темноте и дотянулся до Райи. Она тянулась ко мне. Мы схватили друг друга за руки в центре вертикальной трубы, теперь темной, где всего несколько минут назад так настойчиво шарил луч карманного фонаря. Ее рука была холодна, как лед, но, пока я держал ее, тепло постепенно возвращалось к ней.

Я опьянел от радости. Хранить молчание было нелегко — мне хотелось смеяться, кричать, петь. В первый раз с тех пор, как мы покинули Джибтаун, я почувствовал, что туман отчаяния чуть рассеялся, и ощутил, что вдали забрезжил свет надежды.

Они обыскали свое убежище дважды и не нашли нас. Теперь они, возможно, и вовсе не найдут нас, потому что решат, что мы ускользнули. Уверившись в этом, они обратят свое внимание на другое. Через несколько часов — это время утвердит их в мысли, что мы улизнули, — мы сможем вылезти из водостока и уйти, заводя попутно детонаторы на зарядах, которые установили ранее.

Мы собирались покинуть Йонтсдаун после того, как завершим практически все, что задумали. Мы узнали, для чего существует здесь это гнездо. И мы кое-что сделали с ним — может быть, недостаточно, но все-таки что-то.

Я знал, что мы выберемся обратно целыми, невредимыми и в безопасности.

Я знал. Я знал. Я просто знал.

Порой мое ясновидение подводит меня. Порой бывает так, что темнота нависает надо мной, опускается сверху, но я не вижу эту темноту, как бы пристально ни вглядывался.

31

Смерть тех, кого мы любим

Гоблины положили на место решетку сливной трубы и ушли в девять минут третьего утра в понедельник. Я прикинул, что нам с Райей нужно залечь на дно еще на четыре часа как минимум. Иными словами, мы выберемся на поверхность из чрева горы через двадцать четыре часа после того, как вошли в нее, ведомые Хортоном Блуэттом.

Я думал, пришла ли снежная буря, стал ли мир наверху белым и чистым.

Я думал, спят ли в этот момент Хортон Блуэтт и Ворчун в своем маленьком уютном доме на Яблонево́й тропе или бодрствуют, один из них или оба, и думают о нас с Райей.

Я находился в более приподнятом настроении, чем за все последние дни, и понял, что моя обычная бессонница покинула меня. Несмотря на то, что я уже наслаждался девятью часами крепкого сна, я то и дело снова задремывал и просыпался. Порой я засыпан совсем крепко, как будто годы бессонных ночей неожиданно настигли меня.

Я не видел снов. Я воспринимал это как доказательство того, что наша судьба изменилась к лучшему. Я был настроен оптимистически, что было нехарактерно для меня. Это было частью моей иллюзии.

Когда естественные позывы одолели меня, я отполз подальше, в глубь водосточной трубы, до ее изгиба, где и справил нужду. Вонь от мочи большей частью унесло прочь, поскольку по трубе шел слабый сквозняк, тянувшийся в ту же сторону, куда текла бы вода, стремясь к концу водостока. Но хотя слабая струйка неприятного запаха все же поднялась ко мне, я не обратил на нее внимания. Я был в таком хорошем настроении, что на меня произвела бы впечатление лишь катастрофа вселенского масштаба.

Наслаждаясь дремотой и в моменты затуманенного бодрствования дотягиваясь до Райи,

я окончательно не проснулся вплоть до половины восьмого утра понедельника — на полтора часа позже того срока, на который я запланировал покинуть наше убежище. После этого я еще полчаса пролежал, прислушиваясь к электростанции над головой, чтобы уловить звуки, свидетельствующие об еще одном поиске.

Ничего тревожного я не услышал.

В восемь часов я дотянулся до Райи, нашел ее руку, сжал ее, затем, извиваясь, вылез из горизонтального водостока на дно вертикальной трубы высотой в шесть футов. Там я уселся на корточки — ровно настолько, чтобы отыскать свой пистолет с глушителем и снять его с предохранителя.

Мне показалось, что Райа прошептала: «Осторожно, Слим», но гул подземной реки и грохот работающей электростанции были слишком громкими, чтобы с уверенностью понять, что она говорит. Может быть, я услышал проскользнувшую в ее мозгу мысль — «Осторожно, Слим». Мы уже через столько прошли вместе до этого, становясь ближе друг другу с каждой пережитой опасностью и приключением, что чтение мыслей — больше интуиция, нежели телепатия — ничуть бы меня не удивило.

Я встал, прижался лицом к нижней части стальной решетки и искоса поглядел сквозь стальные прутья. Я мог видеть лишь узко очерченный участок пространства. Если бы скорчившиеся гоблины кольцом окружали решетку, находясь всего в футах от нее, я бы не сумел рассмотреть их. Но я ощущал, что путь свободен. Доверившись своему чутью, я сунул пистолет в глубокий карман лыжной куртки и обеими руками поднял решетку, отодвигая ее в сторону с куда меньшим шумом, чем когда закрывал пятнадцать часов назад.

Вцепившись в края сточного отверстия, я подтянулся и выкатился на пол электростанции. Я находился в затененном месте между огромными машинами. Гоблинов было не видно.

Райа передала мне наше снаряжение. Я помог ей выбраться из трубы.

Мы крепко обнялись, затем быстро надели на спины рюкзаки и подхватили дробовик и винтовку. На голову мы опять надели каски. Поскольку нам, видимо, не могло больше пригодиться ничего из содержимого холщового мешка, кроме свечей, спичек и термоса с соком (это мы захватили), я опустил его обратно в трубу, прежде чем положить на место решетку.

У нас еще оставалось тридцать два килограмма пластиковой взрывчатки, и, судя по всему, мы вряд ли нашли бы лучшее место для ее применения, чем это, в самом сердце сооружения. Перебежками, от тени к тени, не оставив пока игру в крыс, мы пересекли почти половину гигантской комнаты, успешно уклоняясь от встречи с немногими рабочими электростанции. По пути мы быстро прикрепляли заряды пластиковой взрывчатки. Злобные и опасные крысы — вот какими мы были. Твари, способные прогрызть насквозь обшивку судна и смыться с посуды, идущей ко дну. Единственная разница была в том, что ни одна крыса никогда не будет способна испытать такое сильное удовольствие от своих разрушительных действий, какое испытывали мы. Мы обнаружили двери для техобслуживания в нижней части чугунных оснований двухэтажных генераторов и, проникнув туда, оставили и здесь маленькие гостинцы смерти. Несколько зарядов мы прикрепили на дно электрокаров, которыми пользовались рабочие электростанции, а еще несколько — на всякие механизмы, попадавшие на пути.

Мы заводили счетчик времени на каждом детонаторе, прежде чем воткнуть его во взрывчатку. Первый мы поставили на час, второй на пятьдесят восемь минут, третий — на пятьдесят шесть минут, поскольку у нас уходило время на то, чтобы найти место, куда припрятать очередной заряд. Мы пытались добиться того, чтобы первый взрыв прогремел одновременно — или хотя бы с небольшим разрывом по времени — с остальными.

За двадцать пять минут мы пристроили двадцать восемь килограммов зарядов и оставили детонаторы тикать в них. Затем с оставшимися четырьмя килограммами взрывчатки мы забрались в вытяжную вентиляционную трубу, из которой выскользнули наружу накануне вечером. Мы захлопнули за спиной решетку на шарнирах и с помощью

карманных фонариков последовали тем же путем, каким добрались до электростанции.

У нас оставалось всего тридцать пять минут, чтобы добраться до пятого этажа, отыскать те четыре заряда, что мы установили накануне, поставить в них детонаторы, спуститься на лифте на уровень, на который вошли в самом начале, установить детонаторы на зарядах, оставленных нами на этом незавершенном этаже, и бежать, следуя белым стрелам, которые нарисовали на стенах старых шахт, — бежать, пока не уйдем на безопасное расстояние от самых сильных обвалов, вызванных по цепной реакции взрывами в убежище гоблинов. Нам надо было двигаться бесшумно и осторожно — и быстро. Все должно было произойти вскоре, но я надеялся, что мы успеем.

Путь через вентиляционные трубы оказался более легким и быстрым, чем когда мы двигались в противоположном направлении. Теперь система была нам знакома, и мы знали, куда направляемся. Через шесть минут мы добрались до пятого этажа. Еще через четыре минуты мы достигли вентиляционной решетки в комнате, где хранилось множество оборудования для химического земледелия и где мы допрашивали — и убили — гоблина, звавшегося человеческим именем Том Таркенсон.

Комната была темна и пустынна.

Труп, оставленный нами, убрали.

Находясь позади луча фонарика, я почувствовал себя ужасно на виду, словно добровольно стал мишенью. Я все ждал, что среди пустых чанов вдруг поднимется гoblin и прикажет нам не двигаться. Но мои ожидания не сбылись.

Мы побежали к двери.

Через двадцать пять минут начнутся взрывы.

Очевидно, наше долгое выжидание в водостоке электростанции убедило демонов в том, что нас больше не было среди них, что мы каким-то образом сумели ускользнуть незамеченными, поскольку они, кажется, больше не искали нас. По крайней мере, под землей. (Они, должно быть, с ума сходят, пытаясь выяснить, кто мы, черт возьми, такие, зачем мы пришли и как широко собираемся разнести весть о том, что увидели и узнали.) Коридоры пятого этажа были так же пусты, как и в предыдущий день, когда мы впервые вошли сюда. В конце концов, этот уровень был всего-навсего складом, полностью загруженным и не требующим внимания obsługi.

Мы поспешно двинулись от одного длинного туннеля до другого, держа наготове дробовик и винтовку. Останавливались мы только затем, чтобы поставить детонаторы в заряды, которые еще прежде пристроили среди водопроводов и газопровода, а также других труб, пересекающих в некоторых местах туннель или тянущихся вдоль него. Каждый раз, как мы останавливались, нам приходилось класть оружие на пол, чтобы я мог поднять Райю на руках, а она воткнуть детонатор. В эти моменты я чувствовал себя страшно уязвимым, уверенный, что вот сейчас на нас и наткнутся охранники.

Никто на нас не наткнулся.

Хоть они и знали, что в их убежище проникли нежелательные визитеры, гоблины, очевидно, не подозревали диверсии. Иначе они бы тщательнейшим образом обыскали все в поисках взрывчатки, чтобы обнаружить установленные нами заряды, но этого не случилось. То, что они оплошали, не приняв эту меру предосторожности, указывало на то, что, невзирая на наше проникновение, они чувствовали себя защищенными от возможного нападения. Тысячи лет у них были все основания гордиться, чувствуя свое превосходство. Они смотрят на нас как на животных для игры, как на возвышенных глупцов, и даже еще хуже. Их уверенность в том, что мы — легкая добыча... ну что ж, это одно из наших преимуществ в войне против них.

Мы добрались до лифтов, когда до «часа ноль» оставалось девятнадцать минут. Всего лишь тысяча сто сорок секунд, каждую из которых мое сердце отсчитывало двумя ударами.

Хотя до этого момента все шло гладко, я испугался, что мы не сможем воспользоваться лифтом без того, чтобы не привлечь к себе нежелательное внимание. Это было бы слишком уж хорошо. Но поскольку старые шахты под нами еще не были оборудованы под убежище

для гоблинов, там не было вентиляционных труб. Таким образом, лифт был единственным вариантом.

Мы ступили в клетку, и я с трепетом направил лифт на нижний уровень. Пугающий скрип, лязг и грохот сопровождали нас по пути вниз сквозь шахту в толще скалы. Если в нижнем помещении есть гоблины, они наверняка будут настороже.

Удача была на нашей стороне. Никто из врагов не поджидал нас, когда мы прибыли в обширную сводчатую комнату, где было собрано оборудование и стройматериалы для следующего этапа строительства убежища.

Я опять опустил на пол винтовку и поднял на руки Райю. С ловкостью, которой позавидовал бы специалист-подрывник, она вставила детонаторы в каждый из трех зарядов, которые я спрятал в скальных выемках в стене над тремя лифтами.

Семнадцать минут. Тысяча двадцать секунд. Две тысячи сорок сердцебиений.

Мы пересекли сводчатую комнату, остановившись четыре раза, чтобы разместить оставшиеся четыре килограмма взрывчатки среди оборудования.

Четырнадцать минут. Восемьсот сорок секунд.

Мы добрались до туннеля, в котором два ряда ламп, висящих на потолке под коническими абажурами, создали на каменном полу шахматную доску из света и тени, того места, где я застрелил гоблина. В этом туннеле на каждой стене я оставил еще тогда два килограммовых заряда, у входа в зал. Со всевозрастающей уверенностью мы задержались, чтобы завести счетчики в этих последних зарядах.

Следующий туннель был последним, в котором горел свет. Мы добежали до его конца и повернули направо, в первую из угольных шахт на плане Хортон (если читать карту с конца, как мы и делали в этот раз).

Наши фонарики светили не так ярко, как прежде, лучи неровно подрагивали — от длительного использования они ослабли, однако не настолько, чтобы мы беспокоились из-за них. Кроме того, у нас в карманах были запасные батарейки — и свечи, если дело дойдет до них.

Я снял свой рюкзак и бросил его. Райа сделала то же самое. Отныне то небольшое, что оставалось там из снаряжения, было нам не нужно. Все, что было нужно, — это скорость.

Я перебросил через плечо ремень винтовки. Райа поступила так же с дробовиком. Пистолеты мы засунули в глубокие карманы брюк, служившие нам вместо кобуры. В руках у нас оставались только фонарики, карта Хортон и термос с апельсиновым соком — и со всем этим мы пытались уйти как можно дальше от владений угольной компании «Молния» — настолько, насколько сможем до того, как разверзнется ад.

Девять с половиной минут.

У меня было такое чувство, будто мы проникли в замок, населенный вампирами, пролезли в башни, где в гробах, наполненных землей, спят те, кто не ведает смерти, но успели вонзить кол в сердце лишь немногим из них, и теперь нам приходится убегать, спасая свою жизнь, так как приближается закат, пробуждающий первые проблески жизни в несметных кровожадных полчищах позади нас. И в самом деле, учитывая снедающую гоблинов жажду напитаться нашей болью, сравнение было куда ближе к истине, чем мне бы хотелось.

Из тщательно задуманного, сотворенного и поддерживаемого в образцовом порядке подземного мира гоблинов мы все глубже уходили в хаос, созданный человеком и природой, — в старые шахты, которые человек пробил, а природа с неизменной медлительной настойчивостью стремилась участок за участком заполнить вновь. Двигаясь по направлению белых стрел, которые сами нарисовали по пути сюда, мы бежали по туннелям, покрытым плесенью. Мы ползком пробирались по узким проходам, где стены в некоторых местах уже просели. Мы с трудом карабкались вверх по узкой вертикальной шахте, в которой под нашими ногами сломалась пара проржавевших железных скоб-ступенек.

На одной из стен рос отвратительный, боящийся света грибок. Он лопнул, когда мы зацепили его, и испустил зловоние тухлых яиц, обляпав слизью наши лыжные куртки.

Три минуты.

Свет фонариков начал гаснуть. Мы промчались по еще одному заросшему плесенью туннелю, повернули направо на отмеченном нами пересечении шахт, поднимая брызги, пробежались по луже, покрытой тонкой пленкой пены.

Две минуты. Около трехсот шестидесяти ударов сердца.

Путь занял несколько часов, так что большая часть дороги назад будет еще не пройдена к тому моменту, когда взорвется последний заряд. Однако каждый новый фут, отдаляющий нас от убежища гоблинов, увеличивал — я надеялся на это — наши шансы покинуть зону спровоцированных взрывами обвалов. У нас не было снаряжения, чтобы прокапывать себе путь на поверхность.

Быстро тускнеющие карманные фонарики, отчаянно дергающиеся у нас в руках, пока мы бежали, бросали на стены и потолок скачущие, блуждающие тени — стадо привидений, выводок духов, толпу обезумевших призраков, преследующих нас, — эта погоня то бежала по бокам от нас, то уносилась вперед, то снова оказывалась за нашими спинами, хватая нас за пятки.

Примерно полторы минуты.

Угрожающие фигуры, закутанные в черное, — некоторые из них были выше человеческого роста, — как будто выскакивали из пола перед нами, однако ни одна из них не дотягивалась, чтобы схватить нас. Сквозь некоторые из них мы стремительно проносились, как сквозь столбы дыма, другие таяли, когда мы бежали на них, а третьи сжимались и взлетали под потолок, словно превратившись в летучих мышей.

Одна минута.

Вечную могильную тишину земли наполнило множество ритмичных звуков: топот наших шагов, затрудненное дыхание Райи, мое отчаянное дыхание, которое было еще громче, чем ее. Эхо всех этих звуков носилось взад-вперед, ударяясь о каменные стены. Какофония синкоп.

Я думал, что у нас еще есть в запасе почти минута, но первый взрыв до срока прервал мой отсчет. Он раздался вдалеке, мощный толчок, который я больше почувствовал, чем услышал, но у меня не возникло сомнений относительно того, что это было.

Мы добрались до следующей вертикальной шахты. Райа заткнула свой фонарик за пояс так, чтобы луч был направлен вверх, и полезла в темную дыру. Я последовал за ней.

Еще один толчок, за которым немедленно последовал третий.

Одна из сильно проржавевших железных скоб в шахте сломалась у меня в руках. Я поскользнулся и упал на двенадцать-четырнадцать футов обратно в нижний туннель.

— Слим!

— Я в порядке, — отозвался я, хотя я приземлился прямо на копчик и боль пронзила позвоночник. Боль пришла и пропала как вспышка, осталась только неприятная пульсация.

Мне повезло, что у меня не подогнулась нога при падении. Я бы ее сломал.

Я снова полез вверх по шахте, карабкаясь с быстротой и уверенностью обезьяны. Это было нелегко, учитывая пульсирующую боль в позвоночнике. Но я не хотел, чтобы Райа волновалась обо мне, да и вообще о чем бы то ни было, кроме того, чтобы выбраться из этих туннелей.

Четвертый, пятый и шестой взрывы потрясли подземное сооружение, которое мы только что покинули. Шестой был куда громче и сильнее всех предыдущих. Стены шахты вокруг нас затряслись, пол два раза трянуло, так что мы едва устояли на ногах. Грязь, комья земли и целый дождь каменных обломков сыпались вокруг нас.

Мой фонарик мало-помалу совсем потух. Мне не хотелось останавливаться, чтобы заменить батарейку — по крайней мере, не сейчас. Я поменялся фонариком с Райей и пошел вперед, прокладывая путь ее гаснущим фонарем, в то время как серия взрывов — по меньшей мере шесть или восемь — сотрясала лабиринт.

Над головой у себя я заметил ветхую потолочную балку, которая громко треснула, — и стоило мне проскочить под ней, как она рухнула на пол позади меня. Крик испуга и ужаса

вырвался из моей груди. Я обернулся, приготовившись увидеть самое худшее, но Райа тоже успела проскочить, целая и невредимая. Мое ощущение, что удача не оставит нас, возросло еще больше. Теперь я знал, что мы выберемся отсюда без серьезных увечий. Хотя некогда я отчетливо осознал, что светлее всего бывает как раз перед темнотой, я на мгновение забыл эту истину — и еще не один раз впоследствии буду сожалеть о своей забывчивости.

Прямо на падающую балку обрушилась тонна скальной породы. Вот-вот должно было обрушиться еще больше. Поверхность камня шла складками, словно это была мокрая от дождя почва, так что мы снова пустились бежать — бок о бок, потому что туннель был узкий. Звуки обвала у нас за спиной становились все громче и громче, так что под конец я стал опасаться, не обрушится ли весь коридор.

Последние оставшиеся заряды пластиковой взрывчатки сдетонировали единым сокрушительным шквалом — мы едва услышали его звук, но почувствовали сильнее, чем прежние. Черт возьми, казалось, что содрогается вся гора — ее подножие сотрясала страшная сильнейшая дрожь, которую не могла бы вызвать одна лишь пластиковая взрывчатка. Разумеется, около половины горы было превращено в соты целым веком усердной добычи угля, и гора от этого ослабла. А может быть, наши заряды, сработав, повлекли за собой взрывы нефти и газа внутри убежища гоблинов. Как бы там ни было, все выглядело так, словно Армагеддон обрушился на нас задолго до назначенного часа, и мою уверенность в успехе расшатывала каждая ударная волна, проходящая через каменную толщу.

Мы начали кашлять — в воздухе было полно удушающей пыли. Часть ее сыпалась с потолка, но большая часть пыли обрушивалась на нас густыми, клубящимися облаками, которые потоки воздуха выносили из обвалов позади нас. Если мы как можно быстрее не выберемся из зоны, находящейся под воздействием обрушивающегося подземного города, если мы не попадем в устойчивые туннели с чистым воздухом, то задохнемся в пыли — а среди множества смертей, которые я рисовал себе, такой смерти не было.

Более того, тускнеющий луч фонаря все хуже пронзал облака пыли. Густой туман мельчайших частиц отражал и преломлял желтый свет. Несколько раз я терял направление и едва-едва не врезался головой в скалу.

Прогремели последние взрывы, но процесс разрушения шел вовсю. Гора искала новое положение, которое отпустит давно копившееся напряжение и давление и заполнит пустоты, созданные не природой. С обеих сторон и над нашей головой могучая скальная твердыня начала трескаться и лопаться самым поразительным образом — это был не монотонный грохот, как можно было бы ожидать, а лишенная гармонии симфония странных звуков, как будто протыкались воздушные шары, трескалась скорлупа грецких орехов, разбивались тяжелые глиняные горшки, раскалывались кости, трескали черепа. Скалы глухо гремели и рассыпались, точно кегли под ударами шара, трескали, как целлофан, слышались лязг, грохот и тяжкие удары, как будто сотня кузнецов-здоровяков била сотней кувалд по сотне железных наковален, — и то и дело раздавался чистый, нежный звон, за которым следовало почти мелодичное дребезжание, словно тонкий хрусталь ломается под ударами.

Каменная крошка, затем обломки, целые булыжники дождем посыпались нам на головы и плечи. Райа кричала. Я схватил ее за руку, закрыл ее своим телом и пошел сквозь каменный град.

Предательский потолок начал обрушиваться все более крупными кусками, некоторые из них были размером с бейсбольный мяч. Они со стуком падали на пол возле нас. Кусок скалы величиной с кулак стукнул меня в правое плечо, другой врезался в правую руку, и я чуть не выронил фонарик. Пара внушительных размеров осколков попала и по Райе. Было, конечно, больно, но мы продолжали двигаться — больше нам ничего не оставалось делать. Я благословлял Хортона Блуэтта за то, что он снабдил нас касками, хотя такая защита оказалась бы бесполезной, если бы вся гора обрушилась на нас. Гора взрывалась внутри, словно Кракатау наизнанку, но, по крайней мере, большая часть обрушивалась у нас за спиной.

Внезапно толчки ослабли. Я так долго ждал этого, что в первый момент решил, что мне почудилось. Но еще через десять шагов стало ясно, что самое худшее уже позади.

Мы достигли переднего края облака пыли и выбежали на сравнительно чистый воздух, отплеываясь и откашливаясь, чтобы прочистить легкие.

Глаза у меня слезились от пыли, и я замедлил шаг, чтобы проморгаться. Желтый луч фонаря непрерывно дрожал и мигал по мере того, как расходовались остатки энергии в батареях, но я разглядел впереди одну из наших белых стрел.

Райа снова бежала рядом со мной. Мы промчались по направлению знака, который оставили сами для себя, и завернули за угол в следующий туннель.

...И там один из демонов оторвался от стены, к которой прижимался до того, и повалил Райю на пол с пронзительным торжествующим визгом и смертоносным свистом рассекающих воздух когтей.

Я швырнул гаснущий фонарик, который хоть и замигал, но не погас, и бросился на того, кто напал на Райю. Падая на тварь, я инстинктивно выхватил нож, а не пистолет. Я глубоко вонзил лезвие ему в поясницу и оттащил гоблина, визжащего от злобы и боли, от Райи.

Он дотянулся до меня и вонзил когти одной руки в штанину моих лыжных брюк, раздирая плотную ткань на полосы. Горячая боль обожгла мою правую икру. Я понял, что он разодрал не только мои штаны, но и мою плоть.

Я обвил его шею рукой, надавил ему на подбородок, вытащил из его спины лезвие и перерезал горло — серия стремительных действий, выглядевшая как балетные па и занявшая от силы пару секунд.

Когда кровь хлынула из распоротой глотки моего врага и тварь начала возвращаться в свое человеческое обличье, я скорее почувствовал, чем услышал, как за моей спиной не то со стены, не то с потолка спрыгивает еще один гoblin. Я откатился от истекающего кровью демона в тот же миг, как вытащил из его тела нож, и второй нападающий грохнулся на своего умирающего собрата, а не на меня.

Пистолет выпал из кармана, в который я его засунул, и лежал вне пределов досягаемости, между мной и тем демоном, который только что появился.

Тварь качнулась, чтобы посмотреть на меня, вся — горящие глаза, зубы, когти и доисторическая ярость. Я увидел, как напряглись могучие ляжки гоблина, и едва успел метнуть нож, прежде чем он кинулся на меня. Лезвие перевернулось в воздухе всего дважды и вошло ему в горло. Тяжелые сгустки крови ползли по его свиноподобному рылу. Выплевывая кровь, гoblin упал на меня. Хотя от столкновения при падении лезвие пропороло ему глотку насквозь, гoblin все же изловчился и вонзил когти в мою утепленную куртку с обеих сторон прямо над ребрами, не слишком глубоко, однако более чем достаточно.

Я отшвырнул от себя умирающее чудовище, не в силах подавить крик боли, когда его когти вырвались из моего тела.

Фонарик уже почти погас, но в бледном, точно лунном свете я разглядел третьего гоблина, спешащего ко мне на четырех лапах, чтобы, насколько возможно, быть и менее уязвимой мишенью. Он был достаточно далеко, вероятно, почти в конце туннеля, и, несмотря на его скорость, это дало мне время броском кинуться к пистолету, схватить его и дважды выстрелить. Первый выстрел не достиг цели. Вторая пуля попала в ненавистную свиную харю, выбив один алый глаз. Он качнулся набок, врезался в стену и затрясся в предсмертных судорогах.

В тот самый миг, когда фонарик испустил последний дрожащий луч, мигнул и погас, мне показалось, что я увидел четвертого гоблина, карабкающегося, как таракан, по стене. Прежде чем я смог удостовериться в том, что это гoblin, мы погрузились в полную темноту.

Боль, словно кислота, жгла располосованную ногу, пронзенные бока горели огнем, так что изящества движений мне явно не хватало. Я не рискнул остаться там, где стоял, когда погас свет — ведь если в самом деле был четвертый гoblin, он будет скрытно продвигаться к тому месту, где видел меня в последний раз.

Я перебрался через один труп, затем перелез через второй и наконец нашел Райю.

Она лежала на полу лицом вниз. Очень тихо.

Насколько я помнил, она не двинулась, не издала ни звука с того момента, когда гoblin

обрушился со стены и столкнул ее на пол. Мне хотелось аккуратно повернуть ее на спину, пощупать пульс, назвать ее имя и услышать в ответ ее голос.

Но я не мог сделать этого, пока ничего не знал о четвертом гоблине.

Согнувшись над Райей, прикрывая ее собой, я посмотрел вдоль неосвещенного туннеля, вскинул голову и прислушался.

Гора успокаивалась, и казалось, что, по крайней мере на время, она перестала закрывать свои бреши. Если там, откуда мы пришли, еще и обваливались куски потолка и стен туннелей, эти обвалы были небольшими и шум от них не достигал наших ушей.

Было темнее, чем если зажмурить глаза. Темнота была мягкой, лишенной очертаний, сплошной.

Против воли я вступил в диалог сам с собой, и пессимист спорил с оптимистом:

— Она мертва?

— Даже и не думай об этом.

— Ты слышишь ее дыхание?

— Ради Христа, если она без сознания, ее дыхание может быть совсем неглубоким. Вполне возможно, что с ней все в порядке, просто она без сознания и дышит так слабо, что это невозможно расслышать. Ну, что скажешь? Что скажешь?

— Она мертва?

— Думай только о враге, черт тебя дери.

Если еще один гoblin вообще существовал, он мог появиться откуда угодно. С его умением ходить по стенам у него было большое преимущество. Он мог даже свалиться на меня с потолка, прямо мне на плечи и голову.

— Она мертва?

— Заткнись!

— Ведь если она мертва, какая тебе разница, убьешь ты четвертого гоблина или нет? Какая разница, выберешься ты вообще отсюда или нет?

— Мы с ней оба выберемся отсюда.

— Если тебе придется возвращаться домой одному, какой смысл тогда возвращаться домой? Если здесь ее могила, это вполне может стать и твоей могилой.

— Тихо. Слушай, слушай...

Тишина.

Темнота была такой полной, такой густой и такой тяжелой, как будто обрела материальность. Мне казалось, что я могу протянуть руку, и ухватить пригоршню темноты, и выжимать темноту из воздуха до тех пор, пока свет не забрезжит хоть откуда-нибудь.

Слушая и пытаясь расслышать мягкий стук и скрежет когтей демона по камню, я думал, что же делали гоблины, когда мы наткнулись на них. Возможно, они шли по нашим белым стрелам, чтобы разузнать, каким образом мы проникли в их убежище. До сих пор я не осознавал, что наши указатели были для них так же полезны, как и для нас. Да, конечно же, они не единожды обшарили каждый дюйм своего убежища, и, сделав вывод, что мы ускользнули, вероятно, решили выяснить, как мы ускользнули. Может быть, эта группа поиска прошла по всему нашему маршруту до самого выхода из горы и возвращалась, когда мы столкнулись с ними. Или, может, они пустились в дорогу по нашему маршруту незадолго до того, как мы бросились бежать по нему позади них. Хотя они и застали нас врасплох, у них, очевидно, было всего несколько секунд, чтобы понять, что мы приближаемся. Будь у них больше времени, чтобы подготовиться к встрече, они бы убили нас обоих — или захватили в плен.

— Она мертва?

— Нет.

— Она так тихо лежит.

— Она без сознания.

— Так неподвижно.

— Заткнись.

Вот. Скрежет, стук.

Я вытянул шею, повернул голову.

Больше ничего.

Воображение?

Я попытался вспомнить, сколько патронов в обойме пистолета. Полная обойма — десять патронов. Два я израсходовал на гоблина, которого убил в воскресенье в туннеле с шахматным освещением. Еще два — на того, которого застрелил здесь. Остается шесть. Хватит с головой. Может, мне и не удастся прикончить оставшегося противника — если он вообще есть — шестью выстрелами, но совершенно очевидно, что я успею выстрелить прежде, чем эта проклятая тварь одолеет меня.

Тихий скользкий звук.

Напрягать зрение было бесполезно. Но я все же напряг.

Чернота, глубокая, как у бога в ботинке.

Тишина.

Но... вот. Еще один стук.

И странный запах. Кислый запах дыхания гоблина.

Тик.

Где?

Цок.

Над головой.

Я упал на спину, прямо на Райю, выпустил три пули в потолок, услышал, как одна из них рикошетом отскочила от камня, услышал нечеловеческий вопль, но не успел выпустить три оставшихся пули, потому что тяжело раненный гoblin рухнул на пол рядом со мной. Почуввав меня, он взвыл, лягнул, обвинил своей необычно сложенной, но чудовищно сильной рукой мою голову, притянул меня к себе и запустил зубы мне в плечо. Он, очевидно, полагал, что впивается мне в шею, чтобы мгновенно убить, но темнота и боль помешали ему. Когда он вырвал из моего тела зубы вместе с куском плоти, у меня оставалось как раз достаточно сил и присутствия духа для того, чтобы ткнуть стволом ему в челюсть, под горло, и выпустить три пули, оставшиеся в магазине, вышибая ему мозги через затылок.

Темный туннель завертелся.

Я вот-вот мог потерять сознание.

Это было совсем не дело. Мог быть и пятый гoblin. Если я отключусь, я могу никогда не очнуться.

И мне надо было позаботиться о Райе. Она была ранена. Она нуждалась во мне.

Я потряс головой.

Укусил себя за язык.

Несколько раз глубоко вздохнул, очищая легкие, проясняя мозги. Крепко-крепко зажмурился, чтобы туннель перестал вертеться.

Произнес вслух:

— Я не отключусь.

И отключился.

* * *

Так как у меня не было возможности этак между делом поглядеть на часы и засечь точное время, когда я потерял сознание, то приходилось полагаться на чутье, и я решил, что отключился не на очень долго. Минуту, самое большее две.

Когда я очнулся, с минуту я лежал и прислушивался, пытаюсь уловить шум-сухих-листьев-гонимых-ветром — легкую поступь гоблина. Потом до меня дошло, что, будь в туннеле еще демон, даже минута-другая обморока стали бы для меня последними.

Я пополз по каменному полу среди мертвых оборотней, слепо шаря во тьме обеими руками в поисках одного из фонарей, но наткнулся только на остывающую кровь.

«Повредить источник энергии в аду — грязная работенка», — с легким безумием подумал я.

Я чуть не рассмеялся при этой мысли. Но смех прозвучал странным пронзительным звуком, чересчур странным. Поэтому я задушил его в себе.

Затем я вспомнил про свечи и спички в одном из внутренних карманов моей крутки. Я вытащил их дрожащими руками.

Язычок пламени затрещал и лизнул темноту, отгоняя ее, хотя и недостаточно для того, чтобы я смог осмотреть Райю так внимательно, как было необходимо. Но, по крайней мере, при помощи свечи я отыскал оба фонарика, вынул из них севшие батарейки и вставил новые.

Задув свечу и спрятав ее в карман, я подошел к Райе и опустился на колени рядом с ней. Фонарики я положил на пол, направив их яркие лучи таким образом, чтобы они скрещивались над ней.

— Райа?

Она не ответила.

— Пожалуйста, Райа.

Тишина. Она лежала совершенно неподвижно.

Слово «бледная» было как нарочно создано для того, чтобы описать ее вид.

Я увидел начавший темнеть синяк, покрывающий правую сторону ее лба. Он тянулся дальше — до виска и вниз за скулой. В уголке ее рта была кровь.

Всхлипывая, я приподнял ей веко, но я не знал, на что, черт возьми, нужно обращать внимание, поэтому попытался уловить ее дыхание, приложив руку к ее ноздрям. Но моя рука так сильно тряслась, что я не мог определить, дышит ли она. Наконец я сделал то, что меньше всего хотел делать: взял ее руку, поднял и обхватил пальцами запястье, чтобы нащупать пульс, который я не мог обнаружить, не мог обнаружить, боже милостивый, не мог. Тут до меня дошло, что я могу увидеть ее пульс — он слабо бился у нее на висках, едва различимыми толчками, но все же бился. Когда я осторожно повернул ей голову набок, то увидел пульс и на шее. Жива. Может быть, еле-еле. Может быть, ненадолго. Но жива.

С новой надеждой я осмотрел ее в поисках ран. Ее лыжная куртка была распорота, и когти гоблина проникли ей в левое бедро, откуда вытекла кровь, к счастью, немного. Я боялся искать причину кровотечения у нее изо рта, потому что это могло быть внутреннее кровотечение и ее рот мог быть полон крови. Но крови во рту не было. Рассечена губа, вот и все. В общем, не считая синяков на лбу и на лице, она казалась не задетой.

— Райа?

Ничего.

Мне нужно было вытащить ее из шахты на поверхность прежде, чем начнется следующая серия обвалов, или прежде, чем придет еще одна поисковая партия гоблинов... или прежде, чем она умрет без медицинской помощи.

Я выключил один фонарик и сунул его в глубокий удобный карман брюк, где перед этим держал пистолет. В любом случае оружие мне больше не понадобится, потому что, если я снова столкнусь с гоблинами, меня, ясное дело, одолеют прежде, чем я успею уничтожить их всех, независимо от того, каким количеством оружия я буду располагать.

Поскольку она не могла идти, я понес ее. На правой икре у меня было три отметины от когтей гоблина. Пять ран на боках — три на левом, две на правом — сочились кровью. Я был избит, ободран, тело болело и горело в сотне мест, но каким-то образом я все же нес Райю.

Мы не всегда черпаем силу и мужество из несчастий; иногда они разрушают нас. Не всегда в моменты кризиса у нас бывает приток адреналина и сверхчеловеческих возможностей, но все же это случается достаточно часто, чтобы войти в легенды.

В этих подземных коридорах это произошло со мной. Это не был внезапный всплеск адреналина, который придает мужу сил поднять разбитый автомобиль с придавленной женой с такой легкостью, словно поднимает какой-нибудь чемоданчик, не буря адреналина, которая дает матери силы сорвать с петель запертую дверь и пройти через горящую комнату, спасая свое дитя, не ощущая при этом жара. Нет, думаю, это было непрерывное капанье адреналина,

длившееся на удивление долго и поступающее аккуратно в том количестве, которое требовалось мне, чтобы продолжать путь.

Теперь, когда человеческое сердце полностью изучено и поняты основные мотивы поведения, мы знаем, что не собственная неизбежная смерть пугает нас больше всего, заставляет холодеть от страха. В самом деле, нет. Подумайте об этом. Что пугает нас больше всего, что заставляет нас трепетать от ужаса — это смерть тех, кого мы любим. С неизбежностью своей смерти, хоть и печальной, можно смириться, потому что, когда придет смерть, уже не будет боли и страдания. Но когда мы теряем тех, кого любим, страдание живет в нас, пока мы сами не сойдем в могилу. Матери, отцы, жены, мужья, сыновья, дочери, друзья — многих забирает смерть на протяжении всей нашей жизни, и боль утраты и одиночества, которую оставляет в нас уход дорогого человека, — более тяжкая мука, чем краткая вспышка боли и страха перед неведомым, сопутствующая нашей собственной кончине.

Страх потерять Райю вел меня по этим туннелям с большей решимостью, чем забота лишь о собственном выживании. Хотя мой мозг и сердце разрывались от эмоций, тело мое было бесстрастной машиной, без усталости движущейся вперед — то хорошо смазанной и отлаженно гудящей, то продвигающейся с грохотом, дребезгом и стуком, но постоянно движущейся, без жалоб, без чувств. Я нес ее на руках, как нес бы ребенка, и она казалась мне легче куклы. Когда дошел до вертикальной шахты, я не стал терять время на размышления, как поднять ее на следующий уровень лабиринта. Я просто снял куртки с себя и с нее. Затем, с силой, которую могла бы и не проявить настоящая машина, разорвал плотные куртки по крепко прошитым швам, и рвал их даже там, где швов не было, до тех пор, пока от них не остались только полосы толстой прочной материи. Связав эти полосы вместе, я соорудил веревку-перевязь и пропустил ее у Райи под мышками и между ног, оставив буксирующий конец длиной в четырнадцать футов, заканчивающийся петлей. Взявшись наверх, я потащил ее за собой. Я поднимался в наклонном положении, упираясь ногами в скобы лестницы на одной стене, а спиной прижимаясь к противоположной. Петлей буксирующего конца я как бы обвязал себе грудь, руки опустил вниз, держась за концы перевязи, чтобы не весь вес Райи приходился на мою грудную клетку. Я был очень осторожен, чтобы она не стукнулась головой о стены или о заржавевшие железные скобы, и плавно поднимал ее, легонько, легонько. Это были чудеса силы, устойчивости и координации, которые позже казались мне феноменальными, но в тот момент достигались автоматически, безо всяких мыслей о трудностях.

Мы потратили семь часов на путь внутрь, но это было, когда мы оба были в форме. Возвращение наверняка займет день или даже больше, возможно, пару дней.

У нас не было еды, но тут все будет нормально. Мы сможем продержаться без еды день-другой.

(У меня даже мысли не возникло, как я буду поддерживать свои силы без пищи. Моя бездумность исходила не из уверенности, что тело, подкачиваемое адреналином, не подведет меня. Нет, я просто был не в состоянии думать о таких вещах, потому что мной руководили чувства — страх, любовь. О практических вещах заботилось мое тело-машина, запрограммированное, поставленное на автоматический ход и не нуждающееся в размышлениях для выполнения своих обязанностей.)

Однако позже я все же подумал о воде, потому что без воды тело не сможет функционировать так же просто, как и без еды. Вода — это горячее человеческого механизма, и без нее вскоре начинаются поломки. Термос с апельсиновым соком выпал у Райи из рук, когда гoblin прыгнул на нее со стены шахты, и позднее я потряс его, чтобы выяснить, не разбился ли он. Звон разбитого стекла колбы избавил меня от необходимости открывать крышку и заглядывать внутрь. Теперь все питье, которое у нас было, — это вода из мелких лужиц в некоторых туннелях. Она была в основном покрыта пенкой шлаков и наверняка пахла углем, плесенью и чем-нибудь еще похуже, но я уже не ощущал ее вкуса так же, как не чувствовал боли. Время от времени я опускал Райю и оставлял ее достаточно

надолго, чтобы наклониться над каким-нибудь углублением с застойной водой, снять грязь с поверхности и зачерпнуть воду пригоршнями обеих рук. Порой я придерживал Райю, открывал ей рот и поил водой с ладони. Она не шевелилась, но когда вода текла по ее горлу, я приободрялся, видя, как сокращаются и расслабляются мускулы при непроизвольном глотании.

Чудо — это событие, измеряемое мгновениями: мелькнувшие в земном материальном мире видения бога, на миг выступившая кровь на стигматах статуи Христа, пара слезинок, выкатившихся из невидящих глаз иконы девы Марии, крутящийся вихрь в небесах. Мое чудо силы длилось многие часы, но не могло продолжаться вечно. Я помню, как упал на колени, поднялся, двинулся вперед, снова упал, чуть не уронив Райю, решил, что мне надо отдохнуть — ради нее, а не ради себя, просто малость отдохнуть, чтобы восстановить силы, — и заснул.

* * *

Когда я проснулся, я горел в лихорадке.

А Райа была так же неподвижна и молчалива, как и прежде.

Дыхание было то еле уловимым, то более отчетливым. Сердце по-прежнему билось, но мне казалось, что ее пульс стал слабее, чем раньше.

Я не выключил фонарик, когда уснул. Теперь он горел тускло, умирая.

Проклиная собственную тупость, я вытащил запасной фонарик из кармана брюк, зажег его и спрятал гаснущий фонарь в карман.

Судя по моим наручным часам, было семь часов, и я решил, что сейчас семь вечера понедельника. Но все же, кто его знает, может, сейчас утро вторника. Мне трудно было определить, как долго я пробыл с Райей через шахты или сколько я проспал.

Я нашел для нас воду.

Я снова подхватил ее. После этого перерыва я желал, чтобы чудо продолжалось, и оно продолжалось. Однако сила, вливавшаяся в меня, была настолько слабее той, которую я испытывал вначале, что я решил, что бог куда-то отлучился, возложив заботу обо мне на кого-нибудь из младших ангелов, а тот не мог тягаться силенками с творцом. Моя способность блокировать боль и усталость ослабла. Я тяжело продвигался вперед с достойной восхищения безразличностью робота и прошел так немалый путь, но время от времени появлялась боль, такая сильная, что иногда я тихо стонал и пару раз даже вскрикнул. Все чаще боль в измученных мышцах и костях становилась явной, и мне приходилось блокировать это ощущение. Райа больше не казалась мне легкой, как кукла, и порой я готов был поклясться, что она весит тысячу фунтов.

Я миновал собачий скелет. Я постоянно оглядывался на него с неловким чувством — мой воспаленный лихорадкой мозг переполняли образы, навеянные этой кучей собачьих костей, преследующие меня.

То приходя в чувство, то снова впадая в беспамятство, точно мотылек, порхающий между пламенем и темнотой, я постоянно находился в состоянии, которое до чертиков пугало меня. Не один раз, выйдя из внутренней тьмы, я обнаруживал, что стою на коленях над Райей и неудержимо всхлипываю. Каждый раз мне казалось, что она мертва, но каждый раз я нащупывал пульс — пусть нитевидный, но все же пульс. Порой я приходил в себя и понимал, что, бредя с Райей на руках, я пропустил белую стрелу и прошел пару сотен футов, если не больше, не по тому коридору. Следовательно, приходилось возвращаться и искать правильный путь в лабиринте. Порой я просыпался, бормоча и захлебываясь, лицом в луже, из которой пил.

Я был в жару. Горел. Это была сухая, иссушающая жара, и я чувствовал себя таким же, каким был Скользкий Эдди в Джибтауне, — как древний пергамент, как пески Египта, скрипящие и безводные.

Какое-то время я то и дело поглядывал на часы, но мало-помалу перестал обращать на них внимание. Это не приносило мне ни пользы, ни успокоения. Я не мог сказать, к какому

времени суток относятся показания часов, не знал, утро сейчас или вечер, ночь или полдень. Я не знал даже, какой сейчас день, хотя и решил, что, должно быть, вечер понедельника либо утро вторника.

Спотыкаясь, прошел я мимо покрытой ржавчиной кучи давно заброшенного горняцкого оборудования, которое волею случая образовало грубую, неведомую фигуру с рогатой головой, утыканной шипами грудью и острым позвоночником. Я был почти уверен, что ее заржавевшая голова повернулась, когда я миновал ее, что железный рот приоткрылся, а одна рука пошевелилась. Много позже, в других туннелях, мне показалось, что я слышу, как она идет за мной, продвигаясь с огромным терпением, клацаньем и скрежетом, не в состоянии тягаться с моим темпом, но уверенная, что догонит меня благодаря одной лишь настойчивости — и скорее всего так и случилось бы, потому что моя скорость неуклонно снижалась.

Я не всегда отдавал себе отчет, когда бодрствую, а когда грежу. Порой, неся, поднимая или осторожно волоча Райю по узким проходам, я думал, что нахожусь в кошмарном сне и что все будет нормально в тот самый миг, как я проснусь. Но, разумеется, я уже бодрствовал и жил в этом кошмаре.

Из света сознания во мрак бесчувствия — мотаясь, как мотылек, между двумя этими состояниями, я неуклонно слабел, в голове мутилось, жар усиливался. Я просыпался, и оказывалось, что я сижу у стены туннеля, держа Райю на руках и обливаясь потом. Волосы прилипли к голове, глаза разъедали соленые ручейки, стекавшие по лбу и вискам. Пот сочился со лба, с носа, с ушей, с подбородка. Казалось, я искупался прямо в одежде. Мне было жарче, чем когда я лежал на пляже во Флориде, но жара шла только изнутри. Внутри меня находилась топка, пышущее жаром солнце, запертое в грудной клетке.

Когда я пришел в чувство в следующий раз, я все так же был в жару, в невыносимом жару, и в то же время неудержимо трясся, мерз и горел одновременно. Пот был почти закипающим, когда вырывался наружу, но, попав на кожу, мгновенно заledenевал.

Я старался не думать о своем состоянии, пытался сфокусироваться на Райе и вновь обрести чудесную силу и выносливость, которые утратил. Осматривая ее, я больше не мог отыскать пульс ни в висках, ни на шее, ни на запястьях. Ее кожа казалась холоднее, чем была раньше. Когда я торопливо поднял ей веко, мне показалось, что с глазом произошло какое-то изменение, там была ужасная пустота.

— О нет, — вырвалось у меня, и я снова начал щупать пульс. — Нет, Райа, нет, пожалуйста, нет, — но все так же не мог обнаружить сердцебиения. — Черт побери, нет!

Я прижал ее к себе, обнял как можно крепче, как будто мог помешать Смерти вырвать ее из моих объятий. Я укачивал ее, как ребенка, напевал ей, говорил ей, что с ней все будет в порядке, все будет хорошо, что мы снова будем валяться рядом на пляже, что мы снова будем заниматься любовью и смеяться, что мы будем вместе очень и очень долго.

Я вспомнил о необычной способности моей матери смешивать различные травы в целебные отвары и припарки. Те же самые травы не обладали медицинскими свойствами, когда их смешивали другие. Исцеляющая сила была в самой маме, а не в истолченных листьях, коре, плодах, корнях и цветах, с которыми она работала. Все мы в семействе Станфеуссов обладали каким-либо особым даром, странные хромосомы вплетались там и тут в наши генетические цепочки. Если моя мать могла исцелять, почему, черт возьми, не могу сделать это и я? Почему на мне лежало проклятие Сумеречного Взгляда, если бог мог так же запросто благословить меня исцеляющими руками? Почему я обречен лишь на то, чтобы видеть гоблинов и надвигающуюся опасность, образы смерти и катастроф? Если моя мать могла лечить, почему не могу я? И поскольку я, совершенно очевидно, был самым одаренным в семье Станфеуссов, почему я не могу исцелять больных даже лучше, чем могла мама?

Крепко держа Райю в объятиях, баюкая ее, как баюкают ребенка, я пожелал, чтобы она была жива. Я требовал, чтобы Смерть ушла прочь. Я спорил с этим черным призраком, пытался развеселить его, умаслить, затем прибегаю ко всей силе убеждения и логики, затем

начал молить, но мольбы скоро вылились в резкий спор. В конце концов я угрожал Смерти, как будто существовало что-то, чего могла испугаться Смерть. Безумец. Я был безумцем. Потерявшим рассудок от лихорадки, но также и от горя. Через свои руки я пытался передать ей свои жизненные силы, перелить в нее жизнь из себя, как наливал бы воду из кувшина в стакан. В своем сознании я создал образ ее, живой и смеющейся, сжал зубы, стиснул челюсти, затаил дыхание и пожелал, чтобы этот мысленный образ стал реальностью, и так напрягся над этой странной задачей, что снова упал в обморок.

После этого лихорадка, горе и усталость сговорились унести меня подальше в царство бреда. Приходя в себя, я то обнаруживал, что пытаюсь исцелить ее, то тихонько напеваю ей — чаще всего старые мелодии Мадди Холли, строчки в которых странным образом перевернул бред. Порой я бормотал строчки из старых фильмов с Уильямом Пауэллом и Мирной Лой, которые мы оба так любили и временами говорили друг другу в моменты нежности и любви. Я то гневался на бога, то благословлял его, резко обвинял его в садизме вселенского масштаба, а через мгновение всхлипывал и напоминал ему о его репутации милосердного. Я рассыпался в восхвалениях и в неистовстве, причитал и ворковал, молился и сыпал проклятиями, потел и трясся, но в основном плакал. Помню, как я думал, что мои слезы исцелят ее и вернут к жизни. Безумие.

Учитывая обильный поток слез и пота, казалось всего лишь делом времени, когда я полностью сохну, превращусь в пыль и меня унесет прочь. Но в тот момент такой конец был страшно желанным для меня. Просто обратиться в пыль и улететь, рассеяться, как будто я никогда не существовал.

Я больше не мог подняться и сделать хоть один шаг вперед, но путешествовал в сновидениях, являвшихся мне. В Орегоне я сидел на кухне дома Станфеуссов и уплетал кусок домашнего яблочного пирога, который испекла мама, и она улыбалась мне, а сестры говорили, как это здорово, что я снова с ними, и как я буду счастлив снова увидеть отца, когда — уже совсем скоро — я присоединюсь к нему в загробном мире и покое. На ярмарочной аллее, под голубым небом, я подходил к силомеру, чтобы представиться мисс Райе Рэйнз и попроситься на работу, но владелицей силомера была какая-то другая женщина, которую я прежде никогда не видел, и она сказала, что никогда не слышала о Райе Рэйнз, что никакой Райи Рэйнз не существует, что я, должно быть, что-то напутал, и в страхе и панике я бегал по всей ярмарке, от аттракциона к аттракциону, в поисках Райи, но никто никогда не слышал о ней, никто, никто. А в Джобтауне я сидел на кухне, пил пиво с Джоэлем Таким и Лорой, и вокруг толпились другие балаганщики, и среди них Студень Джордан, больше не мертвый, и когда я вскочил, протянул руки и с неподдельной радостью обнял его, толстяк сказал мне, что не надо удивляться, что смерть вовсе не конец, чтобы я посмотрел туда, в сторону мойки, и когда я посмотрел, то увидел отца и моего брата Керри — они пили яблочный сидр, и усмехались мне, и говорили: «Привет, Карл, отлично выглядишь, малыш», а Джоэль так сказал:

— Господи Иисусе, парень, как ты вообще ухитрился столько пройти? Взгляни-ка на эту рану на плече.

— Выглядит, как будто укус, — заметил Хортон Блуэтт, нагибаясь поближе с фонариком.

— Бока в крови, — огорченно сказал Джоэль Так.

А Хортон сказал:

— И вот брючина вся намокла в крови.

Каким-то образом мои грезы переместились в шахту, где я сидел, держа в объятиях Райю. Все остальные обитатели сна улетучились, кроме Джоэля и Хортона.

И Люка Бендинго. Он возник между Джоэлем и Хортоном.

— Д-д-держись, С-С-Слим. Мы т-т-тебя отнесем домой. Ты п-п-просто хватайся за н-н-нас.

Они попытались взять Райю у меня из рук, и это было непереносимо, хоть это и был всего-навсего сон, поэтому я начал отбиваться. Но сил у меня оставалось немного, и я не мог

долго противостоять им. Они забрали ее у меня. Оставшись без этой сладостной ноши, я лишился цели и тяжело опустился вниз, мокрый, как тряпка, и всхлипывающий.

— Все в порядке, Слим, — сказал Хортон Блуэтт. — Мы позаботимся. Ты просто лежи и дай нам сделать то, что мы должны сделать.

— Пошел на хер, — ответил я.

Джоэль Так засмеялся и заметил:

— Вот это дух, парень. Это дух того, кто выжил.

Остальное я помню плохо. Обрывками. Помню, как меня несли через темные туннели, где лучи фонариков метались взад-вперед, время от времени превращаясь в моей горячке в лучи прожекторов, кромсающих на куски ночное небо. Последняя вертикальная шахта. Два последних туннеля. Кто-то приподнимает мне веко... Джоэль Так, заботливо глядящий на меня... его кошмарное лицо, самое приятное из всего, что я когда-либо видел.

Потом я очутился снаружи, на воздухе, где тяжелые серые тучи, которые, казалось, многие века нависали над графством Йонтсдаун, опять закрыли небо, густые и темные. На земле лежал свежий снег, много снега, толщиной в два фута, а то и побольше. Я вернулся мыслями к снежной буре, собиравшейся в воскресенье утром, когда Хортон повел нас в шахты, и только с этого момента начал осознавать, что я не сплю. Буря пришла и прошла, и горы покрывало одеяло свежего снега.

Сани. Они захватили с собой две длинных волокуши, с широкими, точно лыжи, полозьями и сиденьем сзади. И одеяла. Великое множество одеял. Они привязали меня ремнем к одним саням, завернув в пару теплых шерстяных накидок. На вторые сани они положили тело Райи.

Джоэль сел на корточки рядом со мной.

— Не думаю, чтобы ты уже полностью находился среди нас, Карл Слим, но, надеюсь, кое-что из того, что я говорю, просочится в твою голову. Мы пришли сюда поверху, кружным путем, потому что гоблины зорко следят за всеми горными дорогами и тропами с того самого момента, как вы разнесли к чертям угольную компанию «Молния». Нас ждет долгий и трудный путь, и мы должны проделать его так тихо, как только возможно. Ты меня слышишь?

— Я видел собачьи кости в глубинах Ада, — сказал я ему, сам удивившись своим словам, — и я думаю, что Люцифер, должно быть, хочет выращивать помидоры химическим способом, потому что тогда он сможет поджаривать души и готовить бутерброды.

— Горячка, — сказал Хортон Блуэтт.

Джоэль положил мне на лицо руку, как будто этим прикосновением он мог на минуту сконцентрировать мое сознание, распавшееся на куски.

— Слушай меня внимательно и запоминай, мой юный друг. Если ты начнешь выть, как ты был там, под землей, если ты начнешь бормотать или всхлипывать, нам придется сунуть тебе кляп в рот, чего мне очень не хочется делать, потому что тебе трудно дышать порой. Но мы не можем рисковать и привлекать к себе внимание. Ты меня слышишь?

— Мы снова поиграем в крыс, — отозвался я, — как на электростанции, быстро и бесшумно прокрадемся по водостоку.

Это, вероятно, прозвучало для него еще большей бессмыслицей, но мне казалось, лучше выразить, что понял сказанное им, я не могу.

Обрывки. Я помню, как Джоэль волок меня на санях. Люк Бендинго тащил тело Райи. То и дело на короткие промежутки времени Люка и Джоэля подменял неукротимый Хортон Блуэтт, здоровый, как бык, невзирая на его годы. Оленьи тропы в лесу. Нависающие над головой вечнозеленые деревья, образующие полог — зеленые иглы, часть из которых была покрыта льдом. Замерзший ручей, использующийся в качестве дороги. Чистое поле. Держаться поближе к сумраку на краю леса. Привал. Горячий бульон, который лился в меня из термоса. Темнеющее небо. Ветер. Ночь.

С наступлением ночи я понял, что буду жить. Я возвращался домой. Но дом не будет домом для Райи. И что толку в жизни, если я должен жить без нее?

32 Второй эпилог

Сны.

Сны о смерти и одиночестве.

Сны об утрате и скорби.

Большую часть времени я спал. А когда мой сон прерывали, виновен в этом был, как правило, доктор Пеннингтон, тот самый излечившийся алкоголик, который был горячо любимым доктором ярмарки братьев Сомбра и который уже выходил меня однажды, когда я скрывался в трейлере Глории Нимз после убийства Лайсла Келско и его подручного. Док прилежно прикладывал к моей голове пакеты со льдом, делал уколы, внимательно проверял у меня пульс, побуждал меня пить как можно больше воды и — позже — как можно больше сока.

Я находился в странном месте: маленькая комната с грубыми дощатыми стенами, с двух сторон не доходящими до деревянного потолка. Грязный пол. Верхняя половина деревянной двери отсутствовала, как будто это была двустворчатая — голландская — дверь, которую плотники не установили полностью. Старая железная кровать. Единственная лампа, стоящая на ящике с яблоками. Стул, на котором сидел доктор Пеннингтон и на который садились остальные, когда приходили проводить меня. В углу стоял переносной электрический обогреватель, его спираль светилась красным.

— Ужасный сухой жар, — сказал доктор Пеннингтон. — Очень скверно. Но это самое лучшее, что мы можем сейчас сделать. Мы не хотим, чтобы ты находился в доме Хортон. Ни один из нас не может там ошиваться. Соседи могут заметить множество гостей, начнутся разговоры. Здесь мы должны залечь на дно. Тут даже окна закрашены, чтобы не проникал свет. После того, что произошло на угольной компании «Молния», гоблины из кожи вон лезут, высматривая всех пришлых, всех чужаков. Было бы не дело привлекать к себе внимание. Боюсь, что придется тебе и дальше маяться от жара, хотя в твоем положении это вряд ли пойдет на пользу.

Постепенно горячка прошла.

Даже когда мой мозг прояснился настолько, что я смог связно говорить, я был слишком слаб, чтобы выговаривать слова, а когда слабость прошла, я некоторое время был еще слишком подавлен, чтобы говорить. Позднее любопытство все же одолело меня, и я хриплым шепотом спросил:

— Где я?

Док Пеннингтон ответил:

— За домом Хортон, в дальнем конце его участка. Стойла. Его покойная жена... она любила лошадей. У них одно время были лошади, до того, как она умерла. Это загон с тремя стойлами и одной большой комнатой с кормушками, и ты находишься в одном из стойл.

— Я видел тебя, — сказал я, — и подумал, неужто я во Флориде? Ты приехал со всеми?

— Джоэль решил, что, возможно, понадобится врач, умеющий держать язык за зубами, иными словами, балаганщик, иными словами, я.

— А сколько вас приехало?

— Только мы с Джоэлем и Люком.

Я попытался сказать ему, как я благодарен им за все их усилия и за весь риск, на который они пошли, попытался сказать, что я, тем не менее, хотел бы, чтобы меня оставили, дав умереть и присоединиться к Райе там, куда ушла она. Но мое сознание снова затуманилось, и я погрузился в сон.

Может быть, чтобы увидеть сны.

Готов об этом спорить.

Когда я проснулся, ветер завывал за стенами загона.

На стуле возле моей кровати сидел и глядел на меня Джоэль Так. Весь такой большой, с этим лицом и третьим глазом, с той челюстью, как черпак экскаватора, он, казалось, был привидением, духом, стихией, из-за которой и выл ветер.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Плохо, — хрипло прошептал я.

— Голова ясная?

— Слишком ясная.

— Ну, тогда я тебе поведаю малость того, что произошло. В шахтах угольной компании «Молния» произошла крупная катастрофа. Погибло не меньше пятисот гоблинов. Может, и больше. Может быть, это самая большая катастрофа на шахтах в истории. Прибыла толпа горных инспекторов и чинов безопасности как из штата, так и из федерального правительства, до сих пор идут спасательные работы, но дело дрянь. — Он осклабился. — Разумеется, и инспектора, и чины, и спасатели — все гоблины, тут они соблюли осторожность. Они сохраняют в тайне то, над чем на самом деле там трудились. Надеюсь, когда к тебе вернутся силы и голос, ты мне скажешь, что же это было, чем они занимались.

Я кивнул.

— Славно, — сказал он. — На это уйдет длинный вечер с кучей пива в Джибтауне.

Джоэль поведал мне еще много чего. В понедельник утром, немедленно после того, как прогремели взрывы на шахте, Хортон Блуэтт отправился в наш дом на Яблоневой тропе и забрал все наши с Райей вещи, включая и ту взрывчатку, которую мы не смогли захватить в шахты. Он решил, что что-то могло пойти не так и мы могли задержаться с выходом из шахт. И скоро, в поисках диверсантов, навредивших угольной компании «Молния», гоблины-полицейские начнут внимательно приглядываться ко всем приезжим, недавно поселившимся в городе, включая и нынешних жильцов дома Клауса Оркенвольда. Хортон решил, что будет лучше, если дом на Яблоневой тропе будет чист как слеза и все следы нашего там пребывания исчезнут из него прежде, чем власти решат заглянуть туда. Не найдя молодых студентов-геологов, снявших его дом, Оркенвольд попытается связаться с ними через университет, при котором они предположительно состоят. Он обнаружит, что история, которую они преподнесли агенту по недвижимости, — липа, и решит: именно они и были диверсантами, и, что более важно, они покинули графство Йонтсдаун в неизвестном направлении.

— Тогда, — продолжал Джоэль, — все уляжется или по крайней мере уйдет в сторону, и тогда для нас будет менее опасно выскользнуть отсюда и направиться обратно в Джибтаун.

— Как ты, — у меня сорвался голос, я закашлялся. — Как ты смог..

— Ты пытаешься спросить, как я узнал, что тебе нужна моя помощь?

Я кивнул.

— Это учительница, Кэти Осборн, позвонила мне из Нью-Йорка, — объяснил он. — Это было в понедельник, рано утром. Она собирается прибыть в Джибтаун во вторник вечером, сообщила она, хотя я о ней в жизни ничего не слышал. Она сказала, что ты должен был позвонить мне в воскресенье и все объяснить, но ты не позвонил, и я решил, что случилась беда.

Мы с Райей отправились в шахты с Хортоном в такую рань в воскресенье, что я позабыл позвонить Джоэлю.

— Я сказал Кэти, чтобы она приезжала, что Лора о ней позаботится по приезде, а затем сказал доку и Люку, что вам с Райей, наверное, нужна помощь балаганщика. У нас явно не было времени, чтобы ехать сюда на машине, поэтому мы отправились к самому Артуру Сомбра. Видишь ли, в чем дело, у него есть разрешение на полеты и собственный самолет. Он привез нас в Альтуну. Там мы наняли машину и покатали в Йонтсдаун, Люк с доком впереди, а я сзади из-за своего лица, которое, если ты еще этого не заметил, просто обречено на то, чтобы привлекать внимание. Мистер Сомбра хотел поехать с нами, но он сам —

слишком заметная личность, и мы решили, что без него действовать скрытно будет легче. Он в Мартинсберге, около Алтуны, ждет нас с самолетом, когда мы будем готовы.

Кэти Осборн (объяснил Джоэль) сказала ему, где мы с Райей снимаем дом, и, прибыв в Йонтсдаун в понедельник вечером, они трое отправились напрямик на Яблоневою тропу и нашли пустой дом, в котором потрудились Хортон Блуэтт. Узнав о взрывах, прогремевших на угольной компании «Молния» в то утро, и зная от Кэти, что, по нашему с Райей мнению, там находится центр гнезда гоблинов, Джоэль понял, что катастрофа — наших рук дело. Но он не знал, что всех новоприбывших, всех чужаков отслеживают, наблюдают, постоянно допрашивают. Им с Люком и доком чертовски повезло, что им удалось проехать через весь город до Яблоневой тропы, не привлекая к себе внимания полицейского управления, контролируемого гоблинами.

— Так что, — продолжал Джоэль, — мы в святой простоте решили, что единственный способ выйти на вас с Райей — это останавливаться у других домов на Яблоневой тропе и говорить с вашими соседями. Мы прикинули, что вы могли вступать с ними в контакт, собирая информацию. И, конечно же, мы встретились с Хортоном Блуэттом. Я оставался в машине, пока док с Люком беседовали в доме с Хортоном. Затем через некоторое время док вышел на улицу и сказал, что, по их мнению, Хортон что-то знает, но будет говорить, только когда поймет, что мы действительно ваши друзья и что единственный способ убедить его в том, что мы друзья, — это доказать ему, что мы балаганщики. И, разумеется, для этого нет ничего лучшего, чем моя бесформенная голова и физиономия — кем же я еще могу быть, как не балаганщиком? Этот Хортон — это что-то, а? Знаешь, что он сказал после того, как долго и внимательно смотрел на меня? Что угодно он мог сказать, и ты знаешь, что он сказал?

Я вяло покачал головой.

Джоэль, ухмыляясь, продолжил:

— Смотрит на меня Хортон, а потом только и говорит: «Ну, думаю, нелегко тебе отыскать подходящую шляпу». И предлагает кофе.

Джоэль рассмеялся от удовольствия, но я не мог даже выдавить улыбку. Ничто больше не покажется мне веселым.

Заметив мое состояние, Джоэль спросил:

— Я тебя утомляю?

— Нет.

— Я могу уйти, дать тебе отдохнуть и вернуться позже.

— Останься, — сказал я, неожиданно почувствовав, что не вынесу одиночества.

Крышу загона сотряс мощный порыв ветра.

Щелкнул, включаясь, обогреватель. Темная спираль загорелась оранжевым светом, затем красным. Зашумел вентилятор.

— Останься, — повторил я.

Джоэль положил свою руку на мою.

— Добро. Но ты просто лежи спокойно и слушай. Значит, так... после того, как Хортон нас принял, он нам все рассказал о том, как показал вам дорогу внутрь горы. Мы собрались отправиться туда за вами в тот же вечер, но в воскресенье была сильная снежная буря, и в понедельник вечером собиралась еще одна, и Хортон упирал на то, что мы сами себе подпишем смертный приговор, если пойдем в горы в такую погоду. «Подождите, пока прояснится, — сказал он. — Должно быть, именно поэтому Слим с Райей до сих пор не вернулись. Они, наверное, вышли наружу и просто пережидают непогоду, чтобы двинуться домой». Это звучало достаточно разумно. Той ночью мы оборудовали для себя старый загон, затемнили окна, загнали туда наш автомобиль — да он и сейчас тут, правда, прямо за этой вот дверью, — и стали ждать.

(К тому времени, конечно, я уже в течение многих часов тащил и вытягивал Райю из лабиринта и скорее всего уже дошел до конца тех первоначальных чудес стойкости, вызванных адреналином.)

Вторая сильная буря разразилась в понедельник ночью, добавив еще четырнадцать

дюймов снежного покрова к тому футу, который намело в воскресенье. Утром во вторник снежный фронт отошел к востоку. И у Хортон, и у Джоэля были полноприводные автомобили, и они решили отправиться в горы на поиск. Но сперва Хортон отправился на разведку и вернулся с плохим известием о том, что все горные дороги в пределах нескольких миль от угольной компании «Молния» кишат «вонючим племенем» на джипах и пикапах.

— Мы не знали, что делать, — сказал Джоэль, — и пару часов пережевывали ситуацию. Затем, около часа дня во вторник, мы рассудили, что единственный путь, которым можно проникнуть туда, — по горам, пешком. Хортон предложил взять сани, на случай, если вы ранены, — так и случилось. Несколько часов ушло на то, чтобы все собрать, поэтому мы пустились в путь только в полночь со вторника на среду. Пришлось сделать огромный крюк, в несколько миль, чтобы держаться вдали от любой дороги или дома. До этого старого полуразрушенного входа в шахты мы добрались аж в полночь в среду. Там, как человек осторожный, Хортон предложил спрятаться и наблюдать за шахтой до рассвета, чтобы удостовериться, что вокруг нет гоблинов.

Не веря своим ушам, я помотал головой:

— Подожди. Ты... хочешь сказать... что было утро четверга... когда вы нашли меня?

— Точно так.

Я был поражен. Я рассчитывал, что был самое позднее вторник, когда они пришли, словно выйдя из горячечного сна. Значит, я тащил Райю из туннеля в туннель, тревожно щупая ее пульс, целых три дня, прежде чем меня спасли. А сколько же времени она пролежала мертвой в моих руках? По меньшей мере сутки.

Осознав, как долго я был в горячке, я неожиданно почувствовал себя еще слабее и полным отчаяния.

— Какой сегодня... день? — Мой голос звучал тише шепота, едва ли слышнее, чем выдох.

— Мы доставили вас сюда как раз перед рассветом в пятницу. Сейчас воскресенье, вечер. Ты был без сознания почти все три дня, что мы здесь находимся, но ты поправляешься. Ты ослаб, измучен, но ты выкарабкаешься. Бог мой, Карл Слим, я был не прав, когда отговаривал вас ехать. Ты немного бормотал во сне, так что я немножко знаю, что вы там нашли в горе. Это было что-то, чего нельзя было допустить, верно? Что-то, что могло означать смерть для всех нас? Вы славно поработали. Можешь гордиться. Чертовски славно.

Я думал, что уже исчерпал лимит слез, отпущенный на одну жизнь, но неожиданно снова заплакал.

— Как ты можешь... так говорить? Ты был... прав... так прав. Мы не должны были идти.

Он казался ошарашенным, смущенным.

— Я был... дураком, — горько сказал я. — Взвалить весь мир... себе на плечи. Не имеет значения, скольких гоблинов я убил... не важно, насколько сильно я повредил их убежище... ничто из этого не стоило того, чтобы потерять Райю.

— Потерять Райю?

— Пусть бы гоблины владели миром... лишь бы я только смог сделать так, чтобы Райа снова была жива.

Самое удивленное выражение снизошло на это искореженное лицо.

— Но, мальчик мой, она и так жива, — сказал Джоэль. — Каким-то образом, с твоими-то ранами, ты пронес ее девять десятых пути обратно из этих шахт, сам в бреду, и, очевидно, заставил ее выпить достаточно воды, и поддерживал в ней жизнь до того момента, как мы нашли вас обоих. Она была без сознания до вчерашнего вечера. Она очень плоха, и ей потребуется не меньше месяца, чтобы оправиться, но она не мертва и умирать не собирается. Она в другом конце загона, в постели, в двух стойлах от этого!

* * *

Я поклялся, что смогу пройти столько. Загон. Это была ерунда. Я пешком вышел из ада.

Я попытался подняться с кровати и отбросил прочь руки Джоэля, когда тот хотел удержать меня. Но когда я попытался встать, то повалился на бок и в конце концов позволил Джоэлю понести меня, как я нес Райю.

Док Пеннингтон находился при ней. Синяки у нее на лбу, виске и щеке почернели и выглядели еще ужаснее, чем тогда, когда я видел ее последний раз. Правый глаз потемнел и был налит кровью. Оба глаза словно втянулись в глубь черепа. В тех местах, где ее кожа не обесцветилась, она была молочно-белой, восковой. Мелкие капли пота покрывали лоб. Но она была жива, она узнала меня и улыбнулась.

Она улыбнулась.

Всхлипывая, я потянулся к ней и взял ее за руку.

Я был настолько слаб, что Джоэлю приходилось держать меня за плечи, чтобы я не свалился со стула.

Кожа Райи была теплой, мягкой, восхитительной. Она чуть-чуть, еле заметно, сжала мою руку.

Мы оба вернулись из ада, но Райа вернулась из куда более отдаленного места.

Этой ночью, лежа в постели у себя в стойле, я проснулся от шума ветра по крыше загона и подумал, была ли она мертва. Ведь я же был так в этом уверен. Ни пульса. Ни дыхания. Там, внизу, в шахтах, я думал о способности моей матери исцелять травами и гневался на бога, потому что мой дар, Сумеречный Взгляд, был бесполезен для Райи. Я требовал, чтобы бог ответил мне, почему я не могу исцелять так же хорошо и даже лучше, чем это делала мать. В панике при мысли о Райе я прижимал ее к груди, я пожелал, чтобы жизнь вошла в нее, перелил часть своей жизненной энергии в нее, как перелил бы воду в стакан из кувшина. Свихнувшийся, обезумевший от горя, я собрал воедино все свои психические способности и попытался сотворить волшебство, величайшее из чудес, чудо, до сих пор бывшее под силу лишь богу: зажечь искру жизни. Сработало ли это? Услышал ли меня бог — и ответил ли? Вероятно, мне никогда не узнать это наверняка. Но сердцем я верил, что это я вернул ее обратно. Потому что я призвал на помощь не одно только волшебство. Нет, нет. Была еще и любовь. Огромное море любви. И, может быть, волшебство и любовь вместе смогли сделать то, что одно волшебство сделать бессильно.

* * *

Во вторник вечером, через девять с лишним дней после того, как мы отправились в шахты, настало время отъезда домой.

Тело все еще отказывалось повиноваться и болело в тех местах, куда вонзились когти и клыки, и я был в два раза слабее обычного. Но я мог ходить, опираясь на палку, и голос улучшился настолько, что я мог часами разговаривать с Райей.

У нее случались кратковременные приступы головокружения. В остальном ее выздоровление шло уже быстрее, чем мое. Она ходила лучше, чем я, и ее энергия почти восстановилась.

— Пляж, — сказала она. — Я хочу лежать на теплом пляже, чтобы солнце выжарило из меня всю эту зиму. Хочу глядеть на куликов, как они возятся в прибое в поисках пищи.

Хортон Блуэтт и Ворчун зашли в загон, чтобы попрощаться с нами. Ему было предложено отправиться вместе с нами в Джибтаун и присоединиться к ярмарке, как уже сделала Кэти Осборн, но он отказался. Как он сам сказал, он — старый чудак, привыкший к такой жизни, хотя порой и чувствующий одиночество, но притерпевшийся к нему. Он все беспокоился о том, что будет с Ворчуном, если он, Хортон, умрет прежде дворняги, и собирался заново составить завещание, оставив пса нам с Райей вместе со всеми деньгами, которые можно будет выручить от продажи его жилища.

— Деньги вам понадобятся, — сказал Хортон, — потому что этот бегемот с мохнатой мордой сожрет ваш дом и вас в придачу.

Ворчун заворчал, подтверждая эти слова.

— Ворчуна мы возьмем, — сказала Райа, — но деньги, Хортон, нам не нужны.

— Если вы их не возьмете, — сказал он, — они попадут в лапы правительству, а правительство повсюду наверняка состоит из одних гоблинов.

— Они возьмут деньги, — вмешался Джоэль. — Но весь этот разговор — о пустом, знаете ли. Вы еще переживете пару таких Ворчунов, а может, и всех нас.

Хортон пожелал нам удачи в нашей тайной войне с гоблинами, но я поклялся, что с меня хватит воевать.

— Я свое сделал, — сказал я. — Больше не могу. Все равно мне это не по силам. Возможно, это никому не по силам. Все, чего я хочу, — мира в моей собственной жизни, убежища ярмарки и Райю.

Хортон пожал мне руку, поцеловал Райю.

Сказать «прощай» было нелегко. Это всегда нелегко.

* * *

По пути из города я увидел грузовик угольной компании «Молния» с этой ненавистой эмблемой.

Белое небо.

Черная молния.

Когда я посмотрел на эмблему, ясновидческим чутьем я почувствовал ту же пустоту, что и прежде: безмолвную, темную, холодную пустоту мира после ядерной войны.

Однако на этот раз пустота не была совершенно безмолвной, абсолютно темной. Она мерцала дальними огоньками, далеко не такая холодная и не полностью пустая. Очевидно, разрушениями, которые мы сотворили в убежище гоблинов, мы как-то изменили будущее и отложили Судный день. Мы не отменили его полностью. Угроза оставалась. Но она была дальше, чем прежде.

Надежда не глупа. Надежда — сон человека, который вот-вот проснется.

Через десять кварталов мы миновали здание начальной школы, где я предвидел смерть множества детей в пожаре, устроенном гоблинами. Я нагнулся вперед на заднем сиденье взятой напрокат машины и просунул голову над передним сиденьем, чтобы получше рассмотреть здание. Никакой опустошительной энергии смерти не исходило от здания. Я не видел надвигающегося пожара. Единственными огнями, которые я различал, были отсветы первого пожара, уже происшедшего. Изменив будущее угольной компании «Молния», мы каким-то образом изменили и будущее всего Йонтсдауна. Дети будут гибнуть по-другому, по иным планам гоблинов, но они не сгорят заживо в классных комнатах.

* * *

В Альтуне мы вернули прокатный автомобиль и продали машину Райи торговцу поддержанными автомобилями. С ближайшего аэродрома в Мартинсберге Артуро Сомбра доставил нас в среду вечером домой, во Флориду.

Весь мир казался таким же свежим и ясным, как небо.

По пути домой мы мало говорили о гоблинах. Казалось, сейчас не время для разговоров на такую угнетающую тему. Вместо этого мы говорили о приближающемся сезоне. Первое весеннее представление ярмарки должно было состояться в Орландо всего через три недели.

Мистер Сомбра сказал нам, что разорвал контракт с графством Йонтсдаун и что другое шоу займет там наше место этим летом и во все последующие годы.

— Умница, — сказал Джоэль Так, и все рассмеялись.

В четверг, когда кулики на пляже возились в пенных бурунах прибой, добывая себе обед, Райа спросила:

— Ты действительно имел это в виду?

— Что?

— То, что ты сказал Хортону, что прекращаешь борьбу.
— Да. Я не хочу рисковать — я боюсь снова потерять тебя.
С этого дня мы будем держать головы низко. Наш мир — это только мы, ты и я, и наши друзья здесь, в Джибтауне. Это будет хороший мир. Маленький, но хороший.
Небо было высокое и голубое.
Солнце жарило.
Ветер с залива приносил освежающую прохладу.
Через некоторое время она сказала:
— А как насчет Китти Дженовезе, там, в Нью-Йорке, где никто не пришел ей на помощь?
Я, не колеблясь, холодно отрезал:
— Китти Дженовезе мертва.
Мне не понравилось, как прозвучали эти слова, и не понравились прозвучавшие в них смирение и отказ, но я не стал отрекаться от них.
В морской дали танкер направлялся на север.
Над нами шелестели пальмы.
Мимо пробежали, смеясь, двое парнишек в плавках.
Позже, хоть Райа и не возвращалась к этой теме, я повторил:
— Китти Дженовезе мертва.

* * *

Той же ночью я лежал без сна рядом с Райей в нашей постели, думая о некоторых вещах, в которых не улавливал смысла.

Во-первых: гоблины-уродцы в клетке в подвале дома Хэвендалов.

Почему гоблины оставили своих детей-уродов в живых? Учитывая их поведение, сходное с поведением муравьев, и склонность к непомерно жестоким решениям, было бы естественно для них убить неудавшееся потомство при рождении. В самом деле, они были запрограммированы на то, чтобы не иметь других эмоций, кроме ненависти и некоторого страха, достаточного, чтобы поддерживать инстинкт самосохранения. И, черт возьми, их создатель — человек — не давал им способности любви, сострадания или чувства родительской ответственности. Их усилия для сохранения жизни своему мутированному потомству, даже в убогих тюремных условиях, были необъяснимы.

Во-вторых: почему электростанция в том подземном сооружении была такая большая и вырабатывала в сотню раз больше энергии, чем им когда-либо могло понадобиться?

Когда мы допрашивали гоблина с помощью пентотала, возможно, он не сказал нам всей правды о назначении убежища и не раскрыл истинных далеко идущих планов демонов. Разумеется, они запасали все, что могло понадобиться, чтобы выжить в ядерной войне. Но, может быть, они не намеревались просто бродить по руинам мира после катастрофы, уничтожая выживших людей, а затем убить себя самих. Возможно, они осмелились думать о том, чтобы искоренить нас и после этого завладеть Землей, выжив с нее своих создателей. А может, их намерения были слишком темными, чтобы я смог понять их, настолько же чуждыми нам по своей цели и средствам, насколько их мыслительные процессы чужды нашим.

Всю ночь я боролся с простынями.

* * *

Два дня спустя, опять нежась на пляже, мы услышали обычную серию плохих новостей в промежутке между рок-н-роллами. Новое коммунистическое правительство Занзибара заявляло, что оно вовсе не подвергало пыткам и не казнило больше тысячи политзаключенных. На самом деле их освободили, но каким-то образом вся тысяча, как один,

судя по всему, пропала по пути домой. Вьетнамский кризис все ухудшался, кое-где слышались голоса, что для стабилизации обстановки нужно послать туда американские войска. Где-то в Айове некто застрелил свою жену, троих детей и двоих соседей, полиция разыскивала его по всему Среднему Западу. В Нью-Йорке снова шла гангстерская война. В Филадельфии (а может, в Балтиморе) двенадцать человек погибли при пожаре многоквартирного дома.

Наконец новости кончились, и радио подарило нам «Битлз», «Сьюпримз», «Бич Бойз», Мэри Уэллз, Роя Орбисона, «Дикси Капе», Дж. Фрэнка Уилсона, Инее Фоке, Элвиса, Яна и Дина, «Ронеттс», «Ширела», Джерри Ли Льюиса, Хэнка Бэлларда — все то, что надо, все настоящее и волшебное. Но я как-то не мог включиться в музыку, как включался всегда. В моем сознании, погребенный под музыкой, звучал голос диктора, читающего литанию убийств, увечий, катастроф и войны — что-то наподобие той версии «Безмолвных ночей», которую несколькими годами позже запишут Саймон и Гарфункель.

Небо было, как и всегда, голубым. Солнце никогда не грело сильнее, с залива никогда не долетало более приятной прохлады. И все же я не мог выдавить ни капли веселья из всех радостей этого дня.

Голос этого чертового диктора все так же эхом отзывался у меня в голове. Я не мог отыскать ручку, чтобы отключить его.

Тем вечером мы поели в величайшем из маленьких итальянских ресторанчиков. Райа сказала, что еда была восхитительная. Мы выпили слишком много хорошего вина.

Позже, в постели, мы занялись любовью. Мы достигли вершины наслаждения. День прошел великолепно.

Утром небо снова было голубым, солнце жарким, бриз освежающим — и снова это все было каким-то плоским, лишенным радости.

Во время пикника на пляже я сказал:

— Она может быть мертва, но она не должна быть забыта.

Разыгрывая невинность, Райа взглянула на меня, оторвавшись от картофельных чипсов, и поинтересовалась:

— Кто?

— Сама знаешь кто.

— Китти Дженовезе, — сказала она.

— Черт, — сказал я. — Я в самом деле хочу просто опустить рога, закутать нас в безопасность ярмарки и прожить жизнь вместе.

— Но мы не можем?

Я покачал головой и вздохнул.

— Знаешь, занятное мы племя. По большей части далеко не восторг. И наполовину не то, какими надеялся видеть нас бог, когда сунул руки в глину и начал лепить нас. Но у нас есть два великих дара. Любовь, конечно же. Любовь. То есть сострадание и сочувствие. Но, черт побери, второй наш дар — такое же проклятие, как и благословение. Назовем его совестью.

Райа улыбнулась, нагнулась над корзинкой с едой и поцеловала меня.

— Я люблю тебя, Слим.

— И я люблю тебя.

Солнце было превосходное.

Это был год, когда несравненный Луи Армстронг записал «Хелло, Долли». Песней номер один года была «Я хочу держать тебя за руку» «Битлз», и Барбра Стрейзанд дебютировала в «Смешной девчонке» на Бродвее. Томас Бергер опубликовал «Маленького большого человека», а Одри Хепберн и Рекс Харрисон блистали в «Моей прекрасной леди» на голубом экране. Мартин Лютер Кинг-младший и движение за гражданские права были большой новостью. В одном из баров в Сан-Франциско впервые был показан стриптиз. Это был год, когда арестовали Бостонского Душителя, год, когда «Келлогг» предложил булочки «поп-тарт» для вашего тостера, год, когда «Форд мотор компани» продала первый

«Мустанг». Это был год, когда «Сент-Луис кардиналз» выиграли в чемпионате по бейсболу у «Янкиз», и это был год, когда полковник Сандерс продал свою ресторанную сеть, но это не был год, когда закончилась наша тайная война с гоблинами.